

ТОМ
IV

В. А. ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ



В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

**СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ**



В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**



В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

**СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ**



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Москва 2011

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилиякова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, А. В. Петров, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 4. Стихотворные повести и сказки / Сост. и ред. А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 640 с.

ISBN 978-5-9551-0510-9

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Четвертый том включает стихотворные повести и сказки, составляющие особый раздел в творческом наследии поэта. Кроме опубликованных текстов в настоящий том вошли обнаруженные в архивах черновые наброски незавершенных текстов Жуковского, а также конспекты и планы повестей, над которыми работал поэт.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На фронтиспise:
В. А. Жуковский. Акварель Г. фон Рейтерна (1832)

ISBN 978-5-9551-0510-9

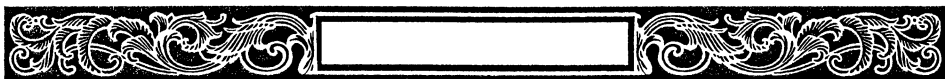


9 785955 105109 >

© А. С. Янушкевич. Редакция тома 4, 2009
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2009



**СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ**



АББАДОНА

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален Серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна. Он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдила,
Светлое дело свершившего в день возмущенья пред Богом:
К трону Владыки один Абдил, не прельщен, возвратился.
Другом влекомый, уж был далеко от врагов Аббадона;
¹⁰ Вдруг Сатана их настиг, в колеснице, гремя и блистая;
Звучно торжественным кликом зовущих грянуло небо;
С шумом помчались рати мечтой божества упоенных —
Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга оторван,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдила;
Тьмой божества отуманенный, взоров молящих не видит;
Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны он примчался.
Мрачен, в себя погружен, пробежал он в мыслях всю повесть
Прежней, невинныя младости; мыслил об утре создания.
Вкупе и вдруг сотворил их Создатель. В восторге рожденья
²⁰ Все вопрошали друг друга: «Скажи, Серафим, брат небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь, и зрел ли
Прежде меня? О! поведай, что мыслишь? Нам вместе бессмертье».
Вдруг из дали светозарной на них благодатью слетела
Божия слава; узрели все небо, шумящее сонмом
Новосозданных для жизни; к Вечному облако света
Их вознесло, и, завидев Творца, возгласили: «Создатель!» —
Мысли о прошлом теснились в душе Аббадоны, и слезы,
Горькие слезы бежали потоком по впадым ланитам.
С трепетом внял он хулы Сатаны, и воздвигся, нахмурен;
³⁰ Тяжко вздохнул он трикраты — так в битве кровавой друг друга
Братья сразившие тяжело в томленьи кончины вздыхают, —
Мрачным взором окинув совет Сатаны, он воскликнул:

«Будь на меня вся неистовых злоба — вещать вам дерзаю!
Так, я дерзаю вещать вам, чтоб Вечного суд не сразил нас
Равною казнию! Горе тебе, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убийца! Вовеки
Требуй Он, наш Судия, от тебя развращенных тобою,
Некогда чистых наследников славы! Да вечнос: *горе!*
Грозно гремит на тебя в сем совете духов погубленных!
Горе тебе, Сатана! Я в безумстве твоём не участник!
Нет, не участник в твоих замысленных восстать на Мессию!
Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком говоришь ты?
Он Всемогущий, а ты пресмыкаешься в прахе, бессильный
Гордый невольник... Пошлет ли смертному Бог искупленье,
Тлена ль оковы расторгнуть помыслит — тебе ль с Ним бороться!
Ты ль растерзаешь бессмертное тело Мессии? Забыл ли,
Кто Он? Не ты ль опален всемогущими громами гнева?
Иль на челе твоём мало ужасных следов отверженья?
Иль Вседержитель добычею будет безумства бессильных?
30 Мы, заманившие в смерть человека... о горе мне, горе!
Я ваш сообщник!.. Дерзнем ли восстать на Подателя жизни?
Сына Его, Громовержца, хотим умертвить — о безумство!
Сами хотим в слепоте истребить ко спасенью дорогу!
Некогда духи блаженные, сами навеки надежду
Прежнего счастья, мук утоления мчимся разрушить!
Знай же, сколь верно, что мы ощущаем с сугубым страданьем
Муку паденья, когда ты в сей бездне изгнанья и ночи
Гордо о славе твердишь нам; столь верно и то, что сраженный
Ты со стыдом на челе от Мессии в свой ад возвратишься».
60 Бешен, кипя нетерпеньем, внимал Сатана Аббадонс;
Хочет с престола в него он ударить огромной скалою —
Гнев обессилил подъятую грозно с камнем десницу!
Топнул, яряся, ногой и трикраты от бешенства вздрогнул;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнул он в глаза Аббадоны
Пламенным взором, и взор был от бешенства ярок и мрачен:
Но презирать был не властен. Ему предстоял Аббадона,
Тихий, бесстрашный, с унылым лицом. Вдруг воспрянул свирепый
Адрамелех, Божества, Сатаны и людей ненавистник.
«В вихрях и бурях тебе я хочу отвечать, малодушный;
70 Гряну грозою ответ, — сказал он. — Ты ли ругаться
Смешь с богами? Ты ли, презреннейший в сонме бесплотных,

В прахе своем Сатану и меня оскорблять замыляешь?
Нет тебе казни; казнь твоя: мыслей бессильных ничтожность.
Раб, удались; удались, малодушный; прочь от могущих;
Прочь от жилища царей; исчезай, неприметный, в пучине;
Там да создаст тебе царство мучения твой Вседержитель;
Там проклинай бесконечность, или, ничтожности алчный,
В низком бессилии рабски пред небом глухим пресмыкайся.
Ты же, отважный, среди самого неба нарекшийся Богом,
20 Грозно в кипении гнева на брань полетевший с Могущим,
Ты, обреченный в грядущем несметных миров повелитель,
О Сатана, полетим; да узрят нас в могущество духи;
Да поразит их, как буря, помыслов наших отважность!
Все лабиринфы коварства пред нами: пути их мы знаем;
В мраке их смерть; не найдет Он из бедственной тьмы их исхода.
Если ж, наставленный небом, разрушит Он хитрые ковы, —
Пламенны бури пошлем, и Его не минует погибель.
Горе, земля, мы грядем, ополченные смертью и адом;
Горе безумным, кто нас отразить на земле возмечтает!»
90 Адрамелх замолчал, и смутилось, как буря, собранье;
Страшно от топота ног их вся бездна дрожала; как будто
С громом утес за утесом валился; с кликом и воем,
Гордые славой грядущих побед, все воздвиглися; дикий
Шум голосов поднялся и отгрянул с востока на запад;
Все заревели: «Погибни, Мессия!» От века созданье
Столь ненавистного дела не зрело. С Адрамелхом
С трона пошел Сатана, и ступени, как медные горы,
Тяжко под ними звенели; с криком, зовущим к победе,
Кинулись смутной толпой во врата растворенные ада.
100 Издали, медленно, следом за ними летел Аббадона;
Видеть хотел он конец необузданно-страшного дела.
Вдруг нерешимой стопою он к Ангелам, стражам Эдема,
Робко подходит... Кто же тебе предстоит, Аббадона?
Он, Абдиил, непреклонный, некогда друг твой... а ныне?..
Взоры потупив, вздохнул Аббадона. То удалиться,
То подойти он желает; то в сиротстве, безнадежный,
Он в беспредельное броситься хочет. Долго стоял он,
Трепетен, грустен; вдруг, ободрясь, приступил к Абдиилу;
Сильно билось в нем сердце; тихие слезы катились,
110 Ангелам токмо знакомые слезы, по бледным ланитам;

Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепет,
Смертным и в самом боренье с концом не испытанный, мучил
В робком его приближенье... Но, ах! Абдиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрели на славу
Вечного Бога; его ж Абдил не заметил. Как прелесть
Первого утра, как младость первой весны мироздания,
Так Серафим блистал, но блистал он не для Аббадоны.
Он отлетел, и один, посреди опустевшего неба,
Так невнимаемым гласом взывал издали к Абдилу:
120 «О Абдил, мой брат, иль навеки меня ты отринул?
Так, навеки я розно с возлюбленным... страшная вечность!
Плачь обо мне, все творение; плачьте вы, первенцы света;
Он не возлюбит уже никогда Аббадоны, о, плачьте!
Вечно не быть мне любимым; увяньте вы, тайные сени,
Где мы бесседой о Боге, о дружбе нежно сливались;
Вы, потоки небес, близ которых, сладко объемясь,
Мы воспевали чистою песнию Божию славу,
Ах! замолчите, иссякните: нет для меня Абдила;
Нет, и навеки не будет. Ад мой, жилище мученья,
130 Вечная ночь, унывайте вместе со мною: навеки
Нет Абдила; вечно мне милого брата не будет».
Так тосковал Аббадона, стоя перед восходом в созданье.
Строем катилися звезды. Блеск и крылатые громы
Встречу ему Орионов летящих его устрошили;
Целые веки не зрел он, тоской одинокой томимый,
Светлых миров; погружен в созерцанье, печально сказал он:
«Сладостный вход в небеса, для чего загражден Аббадоне?
О! для чего не могу я опять залететь на отчизну,
К светлым мирам Вседержителя, вечно покинуть
140 Область изгнания? Вы, солнцы, прекрасные чада создания,
В оный торжественный час, как, блистая, из мощной десницы
Вы полетели по юному небу, — я был вас прекрасней.
Ныне стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанник,
Грустный, среди красоты мироздания. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: там потерял я блаженство;
Там, отказавшись от Бога, стал грешник. О мир непорочный,
Милый товарищ мой в светлой долине спокойствия, где ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при виде небесных славы
Мне Судия от блаженства оставил — печальный остаток!

150 Ах! для чего я к нему не дерзну возгласить: “Мой Создатель”?
Радостно б нежное имя Отца уступил непорочным;
Пусть неизгнанные в чистом восторге: “Отец”, восклицают.
О Судия непреклонный, преступник молить не дерзает,
Чтоб хоть единым ты взором его посетил в сей пучине.
Мрачные, полные ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирепствуй!.. Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?.. Проклинаю сей день ненавистный,
Зревший Создателя в шествии светлом с пределов востока,
Слышавший слово Создателя: “Буди!” Слышавший голос
160 Новых бессмертных, вещавших: “И брат наш возлюбленный создан”.
Вечность, почто родила ты сей день? Почто он был ясен,
Мрачностью не был той ночи подобен, которую Вечный,
В гнев своем несказанном, Себя облакает? Почто он
Не был, проклятый Создателем, весь обнажен от созданий?..
Что говорю?.. О хулишь, кого пред очами создання
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звезды,
Гряньтесь ко мне на главу и укройте меня от престола
Вечныя правды и мщенья; о Ты, Судия непреклонный,
Или надежды вечность Твоя для меня не скрывает?
170 О Судия, ты Создатель, Отец... что сказал я, безумец!
Мне ль призывать Иегову. Его нарицать именами,
Страшными грешнику? Их лишь дарует один Примиритель;
Ах! улетим; уж воздвиглись Его всемогущие громы
Страшно ударить в меня... улетим... но куда?.. где отрада?»
Быстро ударился он в глубину беспредельных бездны...
Громко кричал он: «Сожги, уничтожь меня, огонь-разрушитель!»
Крик в беспредельном исчез... и огонь не притек разрушитель.
Смутный, он снова помчался к мирам, и приник, утомленный,
К новому пышно-блестящему солнцу. Оттоле на бездны
180 Скорбно смотрел он. Там звезды кипели, как светлое море;
Вдруг налетела на солнце заблудшая в бездне планета;
Час ей настал разрушенья... она уж дымилась и рдела...
К ней полетел Аббадона, разрушиться вкупе надеясь...
Дымом она разлетелась, но ах!.. не погиб Аббадона!

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛ

Сказка

Дедушка резал табак на прилавке; к нему подлетела
С видом умильным Луиза. «Дедушка, сядь к нам, голубчик;
Сядь, расскажи нам, как помнишь, когда сестра Маргарета
Чуть не заснула». Вот Маргарета, Луиза и Лотта
С донцами, с пряжей проворно подсели к огню и примолкли;
Фриц, наколовши лучины, придвинул к подсвечнику лавку,
Сел и сказал: «Мне смотреть за огнем»; а Энни, на печке
Нежась, поглядывал вниз и думал: «Здесь мне слышнесс».
Вот, табаку накропивши, дедушка вычистил трубку,
10 Туго набил, подошел к огоньку, осторожно приставил
Трубку к горящей лучине, раза два пыхнул — струею
Легкий дымок побежал; он, пальцем огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрыл и сказал: «Послушайте, дети,
Будет вам сказка; но с уговором — дослушать порядком;
Слова не молвить, пока не dokonчу; а ты на печурке
Полно валяться, ленивец; опять, как в норе, закопался;
Слезь, говорят. Ну, дети, вот сказка про *красный карбункул*.
Знайте: есть страшное место; на нем не пашут, не сеют;
Более ста лет, как оно густою крапивой заглохло;
Там дрозды не поют, не водятся летние птички;
Там стерегут огромные жабы проклятое тело.
Всем был Вальтер хорош, и умен, и проворен; но рано
Стал он трактиры любить; не псалтырь, не молитвенник — карты
Брал он по праздникам в руки, когда христиане молились.
Часто ругался он именем Бога так страшно, что ведьма,
Сидя в трубе, творила молитву, и звезды дрожали.
Вот однажды косматый стрелок в зеленом кафтане
Молча смотрел на игру их, и слушал, с какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывал бешеный Вальтер.
30 «Ты не уйдешь от меня!» — проворчал, покосившись, Зеленый.
«Верно рекрутский наборщик?» — шепнула хозяйка, подслушав.
Нет, то был не рекрутский наборщик, узнаете сами,
Только что женится Вальтер и все промытарит на картах.
Где же, скажите, у Минны был ум? Из любви согласилась
Мина за Вальтера выйти; да! из любви... но к нему ли?..
Нет, друзья, не к нему: к отцу, к матери — им в угожденье.

Слушайте ж: за день до свадьбы Мина с печалью заснула;
Вот ей страшный, пророческий сон к полуночи приснился;
Видит, будто куда-то одна идет по дороге;
40 Черный монах на дороге стоит и читает молитву.
«Честный отец, подари мне святой образок; я невеста.
Вьнь мне: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться». —
Долго, долго качал головою чернец; из мошеники
Горсть образочков достал он. «Сама выбирай», — говорит ей.
Вот она вынула... что ж ей, подумайте, вынулось? Карта.
«Туз бубновый, не так ли? Плохо: ведь *красный карбункул*
Значит он... доля недобрая». — «Правда», — Мина сказала.
«Мой совет, — говорит ей чернец, — попытаться в другой раз.
Что? Семерка крестовая?» — «Правда», — сказала, вздохнувши,
50 Мина. «Господь защити и помилуй тебя! Вьнь, дружок,
В третий раз; может быть, лучше удастся. Что там? Червонный
Туз?.. Кровавое сердце». — «Ах, правда!» — Мина сказала,
Карту из рук уронивши. «Послушай, отвдай еще раз.
Что? Не туз ли виновный?» — «Смотри, я не знаю». — «Он, точно!
Ах! невеста, черный заступ, заступ могильный;
Горе, горе! молися, дружок: он тебя закопает». —
Вот что, друзья, накануне свадьбы приснилось Минне.
Что ж, помогло предвещанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: «Как Богу угодно!»
60 Семь крестов да кровавое сердце; а после... что ж после?
Воля Господня! пусть черный мой заступ меня закопает». —
Дети, сначала было ей сносно: хоть Вальтер и часто
Пил и играл, и святыней ругался, и бедную мучил;
Но случалось, что, тронутый горем ее и слезами,
Он утихал — и вот что однажды сказал он ей: «Слушай;
Я от игры откажусь и карты проклятые брошу;
Душу возьми Сатана, как скоро хоть пальцем их трону.
Но отстать от вина — и во сне не проси; не отстану.
Плачь и крушися, как хочешь; хоть с горя умри; не поможешь».
70 Ах! друзья, не сдержал одного, да сдержал он другое.
Вот пришел он в трактир; а Зеленый уж там, и тасует
Карты, сидя за столом сам-третьей, и Вальтера кличет:
«Вальтер, со мной пополам; садись, сыграем игорку». —
«Я не играю», — Вальтер сказал и пива напенил
Полную кружку. «Вздор! — возразил, сдавая, Зеленый. —

Мы играем не в деньги, а даром; садись, не упрямясь».
«Что же? (думает сам в себе Вальтер) если не в деньги,
То и игра не в игру...» — и садится рядом с Зеленым.
Вот белокуренький мальчик к окну подошел и стучится.
80 «*Вальтер* (кличет он), *Вальтер, послушай, выдь на словечко*».
Вальтер ни с места. «После приди, — говорит он. — Что козырь?»
Взятку берет он за взяткой. «Ты счастлив, — заметил Зеленый. —
Дай, сыграем на крейцер; безделка!» Задумался Вальтер.
«В деньги иль даром... игра все игра. Согласен», — сказал он.
«*Вальтер* (кличет мальчик опять и пуще стучится),
Выдь на минуту; словечко, не боле». — «Отстань же, не выду;
Козырь!.. туз бубновый!.. семерка крестовая!.. козырь!»
Крейцер да крейцер, а там, поглядишь, вынимай и дублоны.
Кончив игру, Зеленый сказал: «Со мною нет денег.
90 Хочешь ли? Вот тебе перстень; возьми: он стоит дороже;
Камень редкий, карбункул; в нем же есть тайная сила».
В третий раз кличут в окошко: «*Выдь, Вальтер, пока еще время*». —
«Пусть кричит, — Зеленый сказал, — покричит и отстанет.
Что ж, возьмешь ли мой перстень? Бери, в убытке не будешь.
Знай: как скоро нет денег, ты перстень на палец да смело
Руку в карман — и вынется звонкий, серебряный талер.
Но берегись... раз на день не болс; и в будни, не в праздник;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтер? Я сам не советую в праздник.
Если ж нужда случится во мне; ты крикни лишь: *Бука!*
100 (*Букой* слыву я в народе) — откликнусь тотчас. До свиданья».
Что-то делает Мина?.. Одна, запершиися в каморке,
Мина сидит над разодранной Библией в тяжелой печали.
Муж пришел, и война поднялась. «Ненасытная плакса,
Долго ль молитвы тебе бормотать? Когда ты уймешься?
Вот, горемыка, смотри, что я выиграл: перстень, карбункул .
Мина, взглянув, обомлела: карбункул! Творец милосердый.
Доля недобрая!.. сердце в ней сжалась, и замертво пала...
Бедная Мина, зачем ты, зачем ты в себя приходила?
Сколько б кручины жестокой тебя миновало на свете.
110 Вот чем далс, тем хуже; день ли в деревне торговый,
Ярманка ль в праздник у церкви — Вальтер наш там. Кто заглянет
В полночь в трактир, иль в полдень, иль в три часа пополудни —
Вальтер сидит за столом и тасует крапленые карты.
Брошены дети; что было, то сплыло; поле за полем

Проданы все с молотка, и жена пропадает от горя.
Дома же только и дела, что крик, да упреки, да слезы;
Нынче драка, а завтра к Пастору, а там для ответа
В суд, а там и в тюрьму на хлебе с водой попоститься.
120 Плох он пойдет, а воротится хуже. Бука не дремлет;
Бука в уши свистит и желчи в кровь подливает.
Так проходят семь лет. Ну, послушайте ж: Вальтера Бука
Вывел опять из тюрьмы. «Не зайти ль по дороге, — сказал он, —
Выпить чарку в трактире? С чем ты покажешься дома?
Как тебя примут? Ты голоден, холоден, худ и оборван.
Что на свиданье жена припасла, то тебя не согреет.
Правду молвить, ты мученик; лопнуть готов я с досады,
Видя, какую ты от жены пьешь горькую чашу.
Много ль подобных тебе? Что сутки, то талер, и даром.
Права пословица: счастлив игрою, несчастлив женою.
130 Будь ты один — и ни забот, ни хлопот; женился — каков ты?
Нет лица на тебе; как усопший; кожа да кости.
Выпей же чарку, дружок: авось на душе просветлеет».
Мина тем временем, руки к сердцу прижавши, в потемках
Дома сидит одинешенька, смотрит сквозь слезы на небо. —
«Так, семь лет, семь крестов!.. (и слезы ручьем полилися)
Все, как должно, сбилось; пошли же конец, мой Создатель!», —
Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшем.
Вдруг растворилась дверь, и Вальтер вбежал, как безумный.
«Плачешь, змея? (загремел он) плачь! Теперь не напрасно!
140 Ужин, проворнее!» — «Где взять? Все пусто; в доме ни корки». —
«Ужин, тебе ль говорят? Хоть тресни, иль нож тебе в сердце!» —
«Что ж, чем скорее, тем лучше: в могилу снесут, да и только;
Мне же там быть не одной: детей давно ты зарезал». —
«Сгинь же!» — он гаркнул... и Мина в крови ударилась об пол.
«Ах! мое кровавое сердце! (она простонала)
Где ты, заступ? Твоя черед: закопай меня в землю».
Ужас, как холод, облил убийцу... бежит неоглядкой;
Ночь; под ним шевелится земля; в орешнике шорох.
«Бука, где ты?» — он крикнул... Громко откликнулось в поле.
150 Бука стоит за орешником.., выступил... «Что ты?» — спросил он.
«Бука... я Мину зарезал... скажи, присоветуй, что делать?..» —
«Только? — тот возразил. — Чего ж испугался, безмозглый?
Мину зарезал — великое диво! туда и дорога!

Но... послушай, здесь оставаться теперь не годится;
Будет плохо; Рейн близко — ступай, пересдем;
Лодка у берега есть». — Садятся, плывут, персплыли,
На берег вышли и по полю бегом. В сторонке, в трактире
Светится свечка. Зеленый сказал: «Зайдем на минутку;
Тут есть добрые люди; помогут тебе разгуляться».
160 Входят. В трактире сидят запоздалые, пьют и играют.
Вальтер с Зеленым подвинулись к ним, и война закипела.
«Бей!» — кричат. «Подходи!» — «Я лопнул!» — «Козырь!» — «Зарезал!»
Вот они козыряют, а маятник ходит да ходит.
Стрелка взошла на двенадцать... Ах! Белокуренький мальчик,
Стукни в окошко!.. Не стукнет: дело кончается, Вальтер.
Как же ты плохо играешь!.. *зарезал...* глубоко, глубоко
В сердце к нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только, что взятку возьмут, повторит да на Вальтера взглянет.
Вот пробило двенадцать. К Вальтеру масть, как на выбор,
Все негодная сыплет; мелком он проигрыш пишет.
Вот... и первого четверть. С перстнем на пальце он руку
Всунул в карман: «Разменяйте мне талер». Плохая монета,
Вальтер, плохая монета: в кармане битые стекла...
Руку отдернув, в страхе глаза он уставил на Буку;
Бука сидит да вино попивает, и нет ему дела.
«Вальтер (допивши, сказал он), пора! хозяин уж дремлет.
Нынче праздник, двадцать пятое августа; много
Будет в трактире гостей; пойдем, зачем нам тесниться?
Полно перстнем вертеть; не трудись, ничего не добудешь».
170 *Праздник!* .. Ах! Вальтер, как бы ты рад был ослышаться! как бы
Рад был ногами к столу прирасти, чтоб не сдвинуться с места!
Поздно, поздно; ничто не поможет... Бледен, как мертвый,
Встал он, ни слова не молвил, и в поле темное с Букой —
Бука вперед, а он позади — побрел, как ягненок.
Вслед за своим мясником бредет к кровавой колоде.
Бука ставит его на выстрел ружейный от места.
«Видишь, Вальтер? — сказал он. — Звезды на небе смеркли.
Видишь? Тяжелыми тучами небо кругом обложилось;
Воздух душен; ветка не тронется; листик не дрогнет.
190 Вальтер, что же ты так замолчал?.. Уж не молишься ль, Вальтер?
Или считаешь свой проигрыш? Все проиграл невозвратно.
Как быть! а выбор остался плохой, я сам признаюся.

Вот тебе нож... я украл у убийцы, когда обдирал он
Мертвое тело... зарежь себя сам, так за труд не заплатишь». —
Так рассказывал дедушка внукам. Чуть смея дыханье
В страхе отвести, говорит ему бабушка: «Скоро ль ты кончишь?
Девки боятся; на что их страшать небывальщиной? Полно!» —
«Я докончил, — старик отвечал. — Там лежит он, и с перетнем
В дикой крапиве, где нет дроздов и не водятся пташки». —
Тут Луиза примолвила: «Бабушка, кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добратся?
Я добралась: Бука есть *искушение злое*.
Разве не вводит оно нас в грех и в напасти, когда мы
Бога не помним, советов не любим, не делаем дела?
Мальчик в окошечке... кто он? Верный учитель наш, *совесть*.
О! я дедушку знаю, я знаю и все его мысли».

ПЕРИ И АНГЕЛ

Повесть

Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи,
И неба райского лучи
Лились в полуотверзты двери;
° На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.
«Там духи света обитают;
Для них цветы благоухают
В неувядаемых садах.
Хоть много на земных лугах
И на лугах светил небесных,
Есть много и цветов прелестных:
Но я чужда их красоты —
Они не райские цветы.

Обитель роскоши и мира,
Свежа долина Кашемира;
Там светлы озера струи,
Там сладостно журчат ручьи —
Но что их блеск перед блистаньем,
Что сладкий глас их пред журчаньем
Эдемских, жизни полных вод?
Направь стремительный полёт
К бесчисленным звездам созданья,
30 Среди их пышного блистанья
Неизмеримость пролети,
Все их блаженства изочти,
И каждое пусть вечность длится...
И вся их вечность не сравнится
С одной минутой небес». —
И быстрые потоки слез
Бежали по ланитам Пери.
Но Ангел, страж Эдемской двери,
Ее прискорбную узрел;
40 Он к ней с утехой подлетел;
Он вслушался в ее стенанья,
И ангельского состраданья
Слезой блеснули очеса...
Так чистой каплею роса
В сиянье райского востока,
Так капля райского потока
Блестит на цвете голубом,
Который дышит лишь в одном
Саду небес (гласит преданье).
50 И он сказал ей: «Упованье!
Узнай, что небом решено:
Той Пери будет прощено,
Которая ко входу рая
Из дальнего земного края
С достойным даром прилетит.
Лети — найди — судьба простит;
Впускать утешно примиренных». —
Быстрей комет воспламененных,
Быстрее звездных тех мечей,
60 Которые во тьме ночей

В деснице Ангелов блистают,
Когда с небес они свергают
Духов, противных небесам,
По светло-голубым полям
Эфирным Пери устремилась;
И скоро Пери очутилась
С лучом денницы молодой
Над пробужденною землей.
70 «Но где искать святого дара?
Я знаю тайны Шильминара:
Столпы там гордые стоят;
Под ними скрытые, горят
В сосудах гениев рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близ Аравийской стороны
Во глубине погребены
Там острова благоуханий.
Знаком мне край очарований:
80 Воды исполненный живой,
Сосуд Ямшидов золотой
Таится там, храним духами.
Но с сими ль в рай войти дарами?
Сии дары не для небес.
Что камней блеск в виду чудес,
Престолу Аллы предстоящих?
Что капля вод животворящих
Пред вечной бездной бытия?»
Так думая, она в края
Святого Инда низстала.
90 Там воздух сладок; цвет коралла,
Жемчуг и злато янтарей
Там украшают дно морей;
Там горы зноем пламенеют,
И в недре их алмазы рдеют;
И реки в брачном блеске там,
С любовью к пышным берегам
Теснясь, приносят дани злата.
И долы, полны аромата,
И древ сандалных фимиама,
100 И купы роз могли бы там

Для Пери быть прекрасным раем..
Но что же? Кровью обагрим
Поток увидела она.
В лугах прекрасная весна,
А люди — братья, братии жертвы —
Обезображены и мертвы
Лежа на бархате лугов,
Дыханье чистое цветов
Дыханьем смерти заражали.
110 О, чьи стопы тебя попрали,
Благословенный солнцем край?
Твоих садов тенистый рай,
Твоих богов святые лики,
Твои народы и владыки
Какой рукой истреблены?
Властитель Газны, вихрь войны,
Протек по Индии бедою;
Свой путь усыпал за собою
Он прахом отнятых корон;
120 На псов своих навесил он
Любимиц царских ожерелья;
Обитель чистую веселья,
Зенаны дев он осквернил;
Жрецов во храмах умертвил
И золотые их пагоды
В священные обрушил воды.
И видит Пери с вышины:
На поле страха и войны
130 Боец в крови, но с бодрым оком,
Над светлым родины потоком
Стоит один, и за спиной
Колчан с последнею стрелой;
Кругом товарищи сраженны..
Лицом бесстрашного плененный,
«Живи!» — Тиран ему сказал.
Но воин, молча, указал
На обагрены кровью воды
И истребителю свободы
140 Послал ответ своей стрелой.
По твердой броне боевой

Стрела скользнула; жив губитель;
На трупы братьев пал их мститель;
И вдаль помчался шумный бой.
Все тихо; воин молодой
Уж умирал; и кровь скудела...
И Пери к юноше слетела
В сиянье утренних лучей,
Чтоб вежды гаснущих очей
Ему смежить рукою любви
150 И, в смертный миг, священной крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упование.
«Богам угодное даянье
(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы;
Чистейшие Эдемски воды
С ней не сравнятся чистотой.
160 Так, если есть в стране земной
Достойное небес воззренья:
То что ж достойней приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившего бытие
За дело чести и свободу?»
И к райскому стремится входу
Она с добычею земной.
«О Пери! дар прекрасен твой
(Сказал ей страж крыматый рая,
170 Приветно очи к ней склоняя),
Угоден храбрый для небес,
Который родине принес
На жертву жизнь... но видишь, Пери,
Кристалльные спокойны двери,
Не растворяется Эдем...
Иной желают дани в нем».
Надежда первая напрасна.
И Пери, горестно-безгласна,
Опять с эфирной вышины
180 Стремится — и к горам Луны

На лоно Африки слетает.
Пред ней, рождаясь, блистает
В незнаемых истоках Нил,
Средь тех лесов, где он сокрыл
От нас младенческие воды,
И где бесплотных хороводы,
Слетаясь утренней порой
Над люлькой бога водяной,
Тревожат сон его священный,
190 И великан новорожденный
Приветствует улыбкой их.
Средь пальм Египта вековых,
По гротам, хладной тьмы жилищам,
По сумрачным царей кладбищам
Летает Пери... то она,
Унылой думою полна,
Розетты знойною долиной,
Вслед за честою голубиной,
К приюту их любви летит,
200 Их стоны внесмет и грустит;
То, вея тихо, замечает,
Как яркий свет луны мелькает
На пеликановых крылах,
Когда на голубых водах
Мерида он плывет и плещет,
И вокруг него лазурь трепещет.
Пред ней волшебная страна.
Небес далеких глубина
Сияла яркими звездами;
210 Дремали пальмы над водами,
Вершины томно преклоня,
Как девы, от веселий дня
Устав, в подушки пуховые
Склоняют головы младые;
Ночной упившись росой,
Лилси с девственной красой
В роскошном сне благоухали
И ночью листья освежали,
220 Чтоб встретить милый день пышной;
Чертоги падшие царей,

В величии усдиненья,
Великолепного виденья
Остатками казались там:
По их обрушенным стенам,
Ночной их страж, сова порхала
И ночь безмолвну окликала,
И времensem, когда луна
Являлась вдруг, обнажена
230 От перелетного тумана,
Печально-тихая султана,
Как идол на столпе седом,
Сияла пурпурным крылом.
И что ж?.. Среди мирных сих явлений
Губительный пустыни гений
Приют нежданный свой избрал;
В Эдем сей он чуму примчал
С песков степей воспламененных;
Под жаром крылий зараженных
Вмиг умирает человек,
240 Как былие, когда протек
Над ним Самуна вихорь знойной.
О, сколь для многих день, спокойно
Угаснувший среди их надежд,
Угас навек — и мертвых везд
Уж не обрадует денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сияньем дремлющим луна
Сребрит тела непогребенны;
250 Заразы ядом уstraшенный,
От них летит и ворон прочь;
Гисна лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пиши
В опустошенные жилищи;
И горе страннику, пред кем
Незапно вспыхнувшим огнем
Блеснут вблизи из мрака ночи
Ее огромны-злые очи!..
И Пери жалости полна;
260 И грустно думает она:

«О смертный, бедное творенье,
 За древнее грехопаденье
 Ценой ужасной платишь ты;
 Есть в жизни райские цветы —
 Но змей повсюду под цветами».
 И тихими она слезами
 Заплакала — и все пред ней
 Вдруг стало чище и светлей:
 Так сильно слез очарованье,
 270 Когда прольет их в состраданье
 О человеке добрый дух...
 Но близко вод, и взор и слух
 Манивших свежими струями,
 Под ароматными древами,
 С которых ветвями слегка
 Играли крылья ветерка,
 Как младость с старостью играет,
 Узрела Пери: умирает,
 280 К земле припавши головой,
 Безмолвно мученик молодой;
 На лоне бесприветной ночи,
 Покинут, неоплакан, очи
 Смыкает он; и с ним уж нет
 Толпы друзей, дотоме вслед
 Счастливица милого оставшей;
 В груди, от смертных мук уставшей,
 Тяжелой язвы жар горит;
 Вотще прохладный ключ блестит
 Вблизи для жаждущего ока:
 290 Никто и капли из потока
 Ему не бросит на язык;
 Ничей давно знакомый лик
 В его последнее мгновенье —
 Земли прощальное виденье —
 Прискорбной престелью своей
 Не усладит его очей;
 И не промолвит глас родного
 Ему того *прости* святого,
 Которое сквозь смертный сон,
 300 Как удаляющийся звон

Небесной арфы, нас пленяет,
И с нами вместе умирает.
О бедный юноша!.. Но он
В последний час свой ободрен
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здесь жизнь была
И с ним одной душой жила,
От яда ночи сей ужасной
310 Защищена под безопасной,
Под царской кровлею отца:
Там зной от милого лица
Рука невольниц отвсвает;
Там легкий холод разливает
Игриво брызжущий фонтан,
И от курильниц, как туман,
Восходит амвры пар душистый,
Чтоб воздух зараженный в чистый
Благоуханьем превратить.
320 Но, ах! конец свой усладить
Он тщетной силится надеждой!
Под легкую ночной одеждой,
С горячей младостью ланит,
Уж дева прелести спешит,
Как чистый ангел исцеленья,
К нему, в приют его мученья.
И час его уж наступал,
Но близость друга угадал
330 Страдальца взор полузакрытый;
Он чувствует: ему ланиты
Лобзают огненны уста,
Рука горячая слита
С его хладящей рукою,
И освежительной струею
Язык засохший напоен...
Но что ж?.. Несчастный!.. то сквозь сон
Одoleвающей кончины
(Чтоб страшныя своей судьбины
С возлюбленной не разделить)
340 Ее от груди отдалить

Он томной силится рукою;
То увлекаемый душою,
Невольно к ней он грудь прижмет;
То вдруг уста он оторвет
От жадных уст, едва украдкой
На поцелуй стыдливо-сладкой
Дотоле смевших отвечать.
И говорит она: «Принять
Дай в сердце мне твое дыханье;
350 Мне уступи свое страданье,
Мне жребий свой отдай вполне.
Ах! очи обрати ко мне,
Пока их смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью поделись со мной;
И в смертный час свою мне руку
Подай на смерть, не на разлуку...»
360 Но обессиленна, томна,
Вотще в глазах его она
Тяжелым оком ищет взгляда:
Она уж гаснет, как лампада
Под душным сводом гробовым.
Уж быстрым трепетом своим
Скончала смерть его страданье —
И дева, другу дав лобзанье
С последним всей любви огнем,
Сама за ним в лобзанье том
Желанной смертью умирает.
370 И Пери тихо принимает
Прощальный вздох ее души.
«Покойтесь, верные, в тиши;
Здесь посреди благоуханья
Пусть Эдемские мечтанья
Лелеют ваш прекрасный сон;
Да будет услаждаем он
Игрою музыки небесной
Иль пеньем птицы той чудесной,
Которая в последний час,
380 Торжественный подымая глас,

Сама пост свое сожженье
И умирает в сладкопенье...»
И Пери, к ним склоняя взгляд,
Дыханьем райским аромат
Окрест их ложа разливает
И быстро, быстро потрясает
Звездами яркого венца:
Исчезла бледность их лица;
Их существо преобразилось;
390 Два чистых праведника, мнилось,
Тут ясным почивали сном,
Уж озаренные лучом
Святой денницы воскресенья;
И ангелом, для пробужденья
Их душ слетевшим с вышины,
Среди окрестной тишины
Сияла Пери над четою.
Но уж восток зажжен зарюю,
И Пери, к небу свой полет
400 Направив, в дар ему несет
Сей вздох любви, себя забывшей
И до конца не изменившей.
Надежду все рождало в ней:
С улыбкой Ангел у дверей
Приемлет дар ее прекрасной;
Звенят в Эдеме сладкогласно
Дерев кристальные звонки;
В лицо ей дышат ветерки
Амврозией от трона Алы;
410 Ей видны звездные фиалы,
В которых, жизнь забыв свою,
Бессмертья первую струю
В Эдеме души пьют святые...
Но все напрасно! роковые
Пред ней врата не отперлись.
Опять уныло: «Удались!
(Сказал ей страж крылатый рая)
Сей верной девы смерть святая
Записана на небесах;
И будут Ангелы в слезах

Ее читать... но видишь, Пери,
Кристалльные спокойны двери,
И светлый рай не отворен;
Не унывай, доступен он;
Лети на зсмяю с упованием». Сияла вечера сияньем
Отчизна розы Суристан,
И солнце, неба великан,
Сходя на запад, как корона,
430 Главу венчало Ливанона,
В великолепии снегов
Сморящего из облаков,
Тогда, как рдеющее лето
В долине, зноем разогретой,
У ног его роскошно спит.
О, сколь разнообразный вид
Красы, движенья и блистанья
Являл сей край очарованья,
С эфирной зримый высоты!
440 Леса, кудрявые кусты;
Потоков воды голубые;
Над ними дыни золотые,
В закатных рдеющи лучах
На изумрудных берегах;
Старинны храмы и гробницы;
Веселые веретеницы,
На яркой стен их белизне
В багряном вечера огне
Сияющие чешуями;
450 Густыми голуби стадами
Слетающие с вышины
На озаренны крутизны;
Их веянье, их трепетанье,
Их переливное сиянье,
Как бы сотканное для них
Из радуг пламенно-живых
Безоблачного Персистана;
Святые воды Иордана;
Слиянный шум волны, листов
460 С далеким пенем пастухов

И пчелы дикой Палестины,
Жужжащие среди долины,
Блестя звездами на цветах, —
Вид усладительный... но, ах!
Для бедной Пери нет улады.
Рассеянны склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падший солнцев храм она,
Вечерним солнцем озаренный;
470 Его столпы уединенны
В величии стояли там,
По окружающим полям
Огромной простираясь тенью:
Как будто время разрушенью
Коснуться запретило к ним,
Чтоб поколениям земным
Оставить о себе преданье.
И Пери в тайном упованье
480 К святым развалинам летит:
«Быть может, талисман сокрыт,
Из злата вылитый духами,
Под сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая нам отверзать
И бездны оксана темны,
И все сокровища подземны,
И сверженным с небес духам
Опять к желанным небесам
Являть желанную дорогу».
490 И с трепетом она к порогу
Жилища солнцева идет.
Еще багряный вечер льет
Свое сиянье с небосклона
И ярко пальмы Ливанова
В роскошных светятся лучах...
Но что же вдруг в ее очах?
Долиной Баалбека ясной,
Как роза, свежий и прекрасный,
Бежит младенец; озарен
500 Огнем заката, гнался он

За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться к ней;
Среди ясминов и лилей
Она кружится непослушно
И блещет, как цветок воздушной
Иль как порхающий рубин.
Устав, младенец под ямин
Прилег и в листьях угнезвился.
510 Тогда вблизи остановился
На жарко-дышащем коне
Ездок, с лицом, как на огне,
От зноя дневного горевшим:
Над мелким ручейком, шумевшим
Близ имарета, он с коня
Спрыгнул, и, на воды склоня
Лицо, студеных струй напился.
520 Тут взор его оборотился,
Из-под густых бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое в цветах сидело,
И улыбалось и глядело
Без робости на пришлеца,
Хотя толь страшного лица
Дотоме солнце не палило.
Свирепо-сумрачное было
Подобно туче громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совесть
530 На нем изобразила повесть
Страстей жестоких и злодейств:
Разбой, насильство, плач семейств,
Грабеж, святыни оскверненье,
Предательство, богохуленье —
Все написала жизнь на нем,
Как обвинительным пером
Неумолимый Ангел мщенья
Записывает преступленья
540 Земные в книге роковой,
Чтоб после Милость их слезой

С погибельной страницы смысла.
Краса ли вечера смирила
В нем душу — но злодей стоял
Задумчив, и пред ним играл
Малютка тихо меж цветами;
И с яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встречались полные душой
Младенца голубые очи:
550 Так дымный факел, в мраке ночи
Разврата освещавший дом,
Порой встречается с лучом
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и в этот час
Вечерний минаретов глас,
К мольбе скликающий, раздался...
Младенец набожно поднялся
С цветов, колена преклонил,
560 На юг лицо оборотил
И с тихостью пред небесами
Самой невинности устами
Промолвил имя Божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно-сжаты руки...
Казалось, о конце разлуки
С Эдемом радостным своим
Молился чистый Херувим,
Земли на время поселенец.
570 О вид прелестный! Сей младенец,
Сии святыя небеса...
И гордый Эвлис очеса
(Таким растроганный явленьем)
Склонил бы, вспомнив с умиленьем
О светлой рая красоте
И о погибшей чистоте.
А он?.. Отверженный, несчастной!
Перед невинностью прекрасной,
Как осужденный, он стоял...
580 Увы! он памятью летал

Над темной прошлого пучиной:
Там не встречался ни единой
Веселый берег, где б пристать
И где б отрадную сорвать
Надежде ветку примиренья;
Одни лишь грозные виденья
Носилась в темной бездне той...
И грудь смягчилась тоской;
И он подумал: «Время было,
590 И я, как ты, младенец милой,
Был чист, на небеса смотрел,
Как ты, молиться им умел
И к мирной алтаря святыне
Спокойно подходил... а ныне?..»
И голову потупил он;
И все, что с давних тех времен
В душе ожесточенной спало,
Чем сердце юнос живало
Во дни минувшей чистоты,
600 Надежды, радости, мечты —
Все вдруг пред ним возобновилось
И в душу, свежее, втеснилось;
И он заплакал... он во прах
Пред Богом пал в своих слезах.
О слезы покаянья! вами
Душа дружится с небесами;
И в тайный угрызенья час
Виновный знает только в вас
Невинности святое счастье.
610 И Пери в жалости, в участие,
Забыв себя и жребий свой,
С покорною о нем мольбой
Глаза на небо — светом ровным
Над непорочным и виновным
Сияющее — возвела;
Ее душа полна была
Неизъяснимым ожиданьем...
На холодном прахе с покаяньем
Пред богом плачущий злодей

620 Лежал недвижим перед ней,
К земле прикинув головою;
И сострадательной рукою,
К несчастному преклонена,
Как нежная сестра, она
Поддерживала с умилением
Главу, нагбенную смиреньем;
И быстро из его очей
В мирительную руку ей
Струя горячих слез бежала;
630 И на небе она искала
Ответа милости слезам...
И все прекрасно было там!
И были вечера светилы,
Как яркие паникадилы
В небесном храме зажжены;
И мнилось ей: из глубины
Того незримого чертога,
Где чистым покаяньем Бога
Умеет сердце обретать,
640 К земле сходила Благодать;
И там, казалось, ликовали:
Как будто Ангелы летали
С веселой вестью по звездам;
Как будто праздновали там
Святую радость примиренья —
И вдруг, незапного стремленья
Могуществом увлечена,
Уже на высоте она;
Уже пред ней почти пропала
650 Земля; и Пери... угадала!
С потоком благодарных слез,
В последний раз с полунебес
На мир земной она воззрела...
«Прости, земля!»... и улетела.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

Повесть

Замок Шильон — в котором с 1530 по 1537 заключен был знаменитый Бонивар, Женевский гражданин, мученик веры и патриотизма — находится между Клараном и Вильневом, у самых восточных берегов озера (Лемана). Из окон его видны, с одной стороны, устье Роны, долина, ведущая к Сен-Морицу и Мартиньи, снежные Валлизские горы и высокие утесы Мельери; а с другой — Монтре, Шателар, Кларан, Вева, множество деревень и замков; пред ним расстилается необъятная равнина вод, ограниченная в отдалении низкими, голубыми берегами, на которых, как светлые точки, сияют Лозанна, Морж и Ролль; а позади его падает с холма шумный поток. Он со всех сторон окружен озером, которого глубина в этом месте простирается до восьмисот французских футов. Можно подумать, что он выходит из воды, ибо совсем не видно утеса, служащего ему основанием: где кончится поверхность озера, там начинаются крепкие стены замка. Темница, в которой страдал несчастный Бонивар, до половины выдолблена в гранитном утесе: своды ее, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу: на одной из колонн висит еще то кольцо, к которому была прикреплена цепь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, заметна впадина, вытоптанная ногами несчастного узника, который столько времени принужден был ходить на цепи своей все по одному месту. Неподалеку от устья Роны, вливающейся в Женевское озеро, недалеко от Вильнева, находится небольшой островок, единственный на всем пространстве Лемана: он неприметен, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить из окон замка.*

I.

Взгляните на меня: я сед;
 Но не от хилости и лет;
 Не страх внезапный в ночь одну
 До срока дал мне седину.
 Я сгорблен, лоб наморщен мой;
 Но не труды, не хлад, не зной —
 Тюрьма разрушила меня.

Лишенный сладостного дня,
Дыша без воздуха, в цепях,
10 Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.
Удел несчастного отца:
За веру смерть и стыд цепей,
Уделом стал и сыновей.
Нас было шесть — пяти уж нет.
Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
20 Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовью.
Три заживо схоронены
На дне тюремной глубины —
И двух сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себе на горе уцелел,
Чтоб их оплакивать удел.

II.

На лоне вод стоит Шильон;
Там в подземелье семь колонн
30 Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет,
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло-одинок,
Как над болотом огонек,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
40 И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,

Отвыкнувшим с толь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
50 И рядом с мертвым я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цепями теми были мы
К колоннам тем пригвождены,
Хоть вместе, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
В глаза друг друга различить
Нам бледный мрак тюрьмы мешал.
Он нам лицо чужое дал —
И брат стал брату незнаком.
60 Была услада нам в одном:
Друг другу голос подавать,
Друг другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной песню войны —
Но скоро то же и одно
Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал;
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремных стены;
70 Он не был звуком старины,
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым.
Мечта ль?.. но голос их и мой
Всегда звучал мне, как чужой.

IV.

Из нас тронх я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.

80 Наш младший брат, любовь отца..
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне всё, и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот дневный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жил.
90 Как утро, был он чист и жив:
Умом — младенчески игрив,
Беспечно — весел сам с собой..
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V.

Другой был столь же чист душой;
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет,
100 И в первый ряд на смерть готов..
Но без терпенья для оков.
И он от звука их завял.
Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас.
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков —
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI.

110 Шильон Леманом окружён,
И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена

Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него бьющая волна
И шум над нашей головой
120 Струй, отшибаемых стеной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось — вихорь бушевал,
И содрогалась скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас;
Свободой был бы смертный час.

VII.

Средний брат наш — я сказал —
130 Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда —
С тех пор, как цепи созданы —
140 Слезами смачивать должны
Невольники в своих цепях.
Не от нужды скорбел и чах
Мой брат: равно завял бы он,
Когда б и негой окружен
Без воли был... Зачем молчать?
Он умер... я ж ему подать
Руки не мог в последний час,
Не мог закрыть потухших глаз;
Вотще я цепи грыз и рвал —

150 Со мною рядом умирал
И умер брат мой, одинокий;
Я близко был и был далек.
Я слышать мог, как он дышал,
Как он дышать переставал,
Как вздрагивал в цепях своих
И как ужасно вдруг затих
Во глубине тюремной мглы...
Они, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погребли
160 В холодном лоне той земли,
На косой он невольник был.
Вотще я их в слезах молил,
Чтоб брату там могилу дать,
Где мог бы дневный луч сиять;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хоть в гробе он.
«В темнице (мнил я) мертвых сон
Не тих»... Но был ответ слезам
170 Холодный смех; и брат мой там,
В сырой земле тюрьмы, зарыт,
И в головах его висит
Пук им оставленных цепей:
Убийца достойный мавзолеей.

VIII.

Но он — наш милый, лучший цвет,
Наш ангел с колыбельных лет,
Сокровище семьи родной,
Он — образ матери душой
И чистой прелестью лица,
180 Мечта любимая отца,
Он — для кого я жизнь щадил:
Чтоб он бодрей в неволе был,
Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческой тишиной,
С терпением ясным жребий свой;

Не я ему — он для меня
Подпорой был... вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
190 Грустил, молчал и молча вял.
О Боже! Боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул
С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,
200 С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла:
Но *там* был страх — *здесь* скорбь была,
Болезнь глубокая души.
Смирненным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих,
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... увь! он гас,
210 Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах;
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
О упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытьи.
220 Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал
Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, как бешеный... стена

Откликнулась... и умер гул!
Я цепь отчаянно рванул
И вырвал... к брату... брата нет!
230 Он на столбе — как вешний цвет,
Убитый хладом — предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлося в ней;
Я дико по тюрьме бродил —
240 Но в ней покой ужасный был;
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаём,
Что милому уже не быть,
И миг сей мог я пережить!
Не знаю — вера ль то была,
250 Иль хладность к жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потом сбылось со мной,
Не помню... свет казался тьмой,
Тьма светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
260 Все в мутную слилось тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тьма без темноты;

То было бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
270 Без Промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

X.

Вдруг луч незапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
280 Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я;
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде бледною струёй
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
290 Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был;
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песне той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел;
300 Как я, казалось, он скорбел

О брате и покинут был;
И он с любовью навестил
Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа неволью ожила.
Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилец?
310 Или, недавно из цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порой,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
320 Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучён,
Остался вдвоем одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI.

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;
Дотоле их душа была
330 Бесчувственной желез моих;
И что разжалобило их,
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,

Не смея братних лишь могил
Дотронуться моею ногой,
340 Чтобы последняя земной
Святыни там не оскорбить.

ХII.

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне
И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
350 Все, что знавал, все, что любил,
Невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако, при ясном дне
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
360 Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

ХIII.

Я их увидел — и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
370 И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;

И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль берегов...
И я заметил островок:
320 Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем;
И горный воздух всял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивалися нежной
Кругом родных берегов оне.
И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
390 Гостил у берега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;
И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым — то к окну
Спускался он, то в вышину
Взлетал — за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
400 Мне сжала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был —
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб, казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землёй;
Но как ни тяжело ныла грудь —
410 Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.

XIV.

День приходил — день уходил —
Шли годы — я их не считал;
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я — давно
420 Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там всё друг,
Всё однодomeц было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
430 За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

ПЕРЧАТКА

Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
10 Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
20 И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прынул;
Но видит льва, робест и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косясь взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
30 Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка... все глядят за ней...
40 Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Дслорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
50 И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплеканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
60 Он бросил и сказал: «Не требую награды».

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНИЕ

БЫЛЬ

Лет за семьдесят, в Швеции, в городе горном Фаллуне,
Утром одним молодой рудокоп на свиданье с своею
Скромной, милой невестою так ей сказал: «Через месяц
(Месяц не долог) мы будем муж и жена; и над нами
Благословение Божие будет». — «И в нашей убогой
Хижине радость и мир поселятся», — сказала невеста.
Но когда возгласил во второй раз священник в приходской
Церкви: «*Кто законное браку препятствие знает,
10 Пусть объявит об нем*», тогда с запрещеньем явилась
Смерть. Накануне брачного дня, идя в рудокопню
В черном платье своем (рудокоп никогда не снимает
Черного платья), жених постучался в окошко невесты,
С радостным чувством сказал он ей: *доброе утро!* — но *добрый
Вечер!* он уж ей не сказал, и назад не пришел он
К ней ни в тот день, ни на другой, ни на третий, ни после...
Рано поутру оделась она в венчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришел он,
Платье венчальное снявши, она заплакала горько,

Плакала долго об нем и его никогда не забыла.
20 Вот в Португалии весь Лиссабон уничтожен был страшным
Землетрясением; Война Семилетняя кончилась; умер
Франц Император; был Иезуитский орден разрушен;
Польша исчезла, скончалась Мария-Терезия; умер
Фридрих Великий; Америка стала свободна; в могилу
Лег император Иосиф Второй; революции пламя
Вспыхнуло; добрый король Людовик, возведенный на плаху,
Умер святым; на русском престоле не стало Великой
Екатерины; и много тронов упало; и новый
30 Сильный воздвигся, и все перевысил, и рухнул;
И на далекой скале океана изгнанником умер
Наполсон. А поля, как всегда, покрывались жатвой,
4 Пашни сочной травой, холмы золотым виноградом;
Пахарь сеял и жал, и мельник молот, и глубоко
В недра земли проникал с фонарем рудокоп, открывая
Жилы металлов. И вот случилось, что близко Фаллуна,
Новый ход проложив, рудокопы в давнишнем обвале
Вырыли труп неизвестного юноши: был он не тронут
Тленьем, был свеж и румян; казалось, что умер
С час, не боле, шль только прилег отдохнуть и забылся
40 Сном. Когда же на свет он из темной земной утробы
Вынесен был, — отец, и мать, и друзья, и родные
Мертвы уж были давно; не нашлось никого, кто б о спящем
Юноше знал, кто б помнил, когда с ним случилось несчастье.
Мертвый товарищ умершего племени, чуждый живому,
Он сиротою лежал на земле, посреди равнодушных
Зрителей, всем незнакомый, дотеле, пока не явилась
Тут невеста того рудокопа, который однажды
Утром, за день до свадьбы своей, пошел па работу
В рудник и боле назад не пришел. Подпираясь клякою,
50 Трепетным шагом туда прибрела седая старушка;
Смотрит на тело и вмиг узнает жениха. И с живою
Радостью боле, чем с грустью, она предстоявшим сказала:
«Это мой бывший жених, о котором так долго, так долго
Плакала я и с которым Господь еще перед смертью
Дал мне увидеться. За день до свадьбы пошел он работать
В землю, но там и остался». У всех разогрелось сердце
Нежным чувством при виде бывшей невесты, увядшей,

Дряхлой, над бывшим ее женихом, сохранившим всю прелесть
Младости свежей. Но он не проснулся на голос знакомый;
60 Он не открыл ни очей для узанья, ни уст для привета.
В день же, когда на кладбище его понесли, с умиленьем
Друга давнишняя младости в землю она проводила;
Тихо смотрела, как гроб засыпали; когда же исчез он,
Свежей могиле она поклонилась, пошла и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдаст и в другой раз!»

ДВЕ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА

День был ясен и тепел; к закату сходящее солнце
Ярко сияло на чистом лазоревом небе. Спокойно
Дедушка, солнцем согретый, сидел у ворот на скамейке;
Глядя на ласточек, быстро круживших в воздушном пространстве,
Вслед за ними пускал он дымок из маленькой трубки;
Легкими кольцами дым подымался и, с воздухом слившись,
В нем пропадал. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидели кругом; самопрялки жужжали, и тонкой
Струйкой нити вилися; Фриц работал, а Энни,
10 Вечный ленивец, играл на траве с курчавою шавкой.
Все молчали: как будто ангел тихий провеял.
«Дедушка, — Лотта сказала, — что ты примолк? Расскажи нам
Сказку; вечер ясный такой; нам весело будет
Слушать». — «Сказку? — старик проворчал, высыпая из трубки
Пепел, — все бы вам сказки; не лучше ль послушать вам были?
Быль расскажу вам, и быль не одну, а две». Опроставши
Трубку и снова набив ее табаком, из мошонки
Дедушка вынул огниво и, трут в кремень положивши,
Крепко ударил сталью в кремень, посыпались искры,
20 Трут загорелся, и трубка опять задымилась. Собравшись
С мыслями, дедушка так рассказывать с важностью начал:
«Дети, смотрите, как все перед нами прекрасно, как солнце,
Медленно с неба спускаясь, все осыпает лучами;
Рейн золотом льется; жатва как тихое море;
Холмы зеленые в свете вечернем горят; по дорогам
Шум и движенье; подняв паруса, нагруженные барки
Быстро бегут по водам; а наша приходская церковь...

Окна се как огни меж темными липами блещут;
Вкруг мелькают кресты на кладбище, и в воздухе теплом
30 Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькают;
Весь он полон говором, пеньем, жужжаньем... прекрасен
Мир Господень! сердцу так радостно, сладко и вольно!
Скажешь: где бы в этом прекрасном мире Господнем
Быть несчастью? Ан нет! и не только несчастье — злодейство
Место находит в нем. Видите ль там, на высоком пригорке,
Замок в обломках? Теперь по стенам расцветает зеленый
Плющ, и солнце его золотит, и звонкую песню беспечно,
Сидя в траве, на рожке там играет пастух. А на Рейне
40 Видите ль вы небольшой островок? Молодая из кленов
Роща на нем расцвела; под тенью ее разостлавши
Сети, рыбак готовит свой ужин, и дым голубую
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, так прекрасный
Рай. Ну слушайте ж: очень недавно там, на пригорке,
Близко развалин замка, стояла гостиница, чистый,
Светлый, просторный дом, под вывеской *Черного вепря*.
В этой гостинице каждый прохожий в то время мог видеть
Бедную Эми. Подлинно бедная! дико потупив
Голову, в землю глаза неподвижно уставив, по целым
50 Дням сидела она перед дверью трактира на камне.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала;
Жалоб никто от нее не слышал, но, Боже мой! всякий,
Раз поглядевши ей, бедной, в лицо, узнавал, что на свете
Все для нее миновалось: мертвою бледностью щеки
Были покрыты, глаза из глубоких впадин сверкали
Острым огнем; одежда была в беспорядке; как змеи,
Черные кудри по голым плечам раскиданы были.
Вечно молчала она и была тиха, как младенец;
Но порою, если случалось, что ветер просвищит,
Вдруг содрогалась, на что-то глаза упирала и, пальцем
60 Быстро туда указав, смеялась смехом безумным.
Бедная Эми! такую ль видали ее? Беззаботно
Жизнью, бывало, она веселилась, как вольная пташка.
Помню и я, и старые гости *Черного вепря*,
Как нас радушной улыбкой и ласковым словом встречала
Эми, как весело шло угощенье. И все ей друзьями
Были в нашей округе. Кто веселость и живость

Всею с собою приносил? Кого, как любимого гостя,
 С криками вся молодежь встречала на праздниках? Эми.
 Кто всегда так опрятно и чинно одет был? Кого наш священник
 70 Девушкам всем в образец поставлял? Кто, шумя как ребенок
 Резвый на игрищах, был так набожно тих за молитвой?
 Словом, кто бедным был друг, за больными ходил, с огорченным
 Плакал, с детьми играл, как дитя? Все Эми, все Эми.
 Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
 Все напротив. Она полюбила Бранда. Признаться,
 Этот Бранд был молод, умен и красив; но худые
 Слухи носилась об нем: он с людьми недобрыми знался;
 В церковь он не ходил; а в шинках, за картами, кто был
 80 Первый? Бранд. Колдовством ли каким он понравился Эми,
 Сам ли Господь ей хотел послать на земле испытанье,
 С тем, чтоб душа ее, здесь в страданиях очистившись, прямо
 В рай перешла — не знаю, но Эми была уж невестой
 Бранда, и все жалели об ней. Ну послушайте ж: вечер
 Был осенний и бурный; в гостинице Черного вепря
 Два сидели гостя; яркое пламя трещало в камине.
 «Что за погода! — сказал один. — Не раздолье ль в такую
 Бурю сидеть у огня и слушать, как ветер холодный
 Рвется в оконницы?» — «Правда, — другой отвечал, — ни за что бы
 90 Я теперь отсюда не вышел; ужас, не буря.
 Месяц на небе есть, а ночь так темна, что хоть оба
 Выколи глаза; плохо тому, кто в дороге!» — «Желал бы
 Знать я, найдется ль такой удалец, чтоб теперь в тот старинный
 Замок сходить? Он близко, шагов с три сотни, не боле;
 Но, признаться, днем я не трус, а ночью в такое
 Время пойти туда, где, быть может, в потемках
 Гость из могилы встретит тебя, — извините; с живыми
 Сладить можно, а с мертвым и смелость не в пользу; храбрися
 Сколько угодно душе, а что ты сделаешь, если
 100 Вдруг пред тобою длинный, бледный, сухой, с костяными
 Пальцами станет, и два ужасные глаза упрутся
 Дико в тебя, и ты ни с места, как камень? А в этом
 Замке, все знают, нечисто; и в тихую ночь там не тихо;
 Что же в бурю, когда и мертвец повернется в могиле?» —
 «Страшно, правда; а я об заклад побьюся, что наша
 Эми не струсит и в замок одна-одинешенька сходит». —

«Бейся, пробьешь». — «Изволь, по рукам! ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть к свадьбе? Сходи же
В замок и ветку нам с клена, который между обломков
Там растет, принеси; я знаю, что ты не боишься
110 Мертвых и бредням не веришь. Согласна ли, Эми?» — «Согласна, —
Эми сказала с усмешкой. — Бояться тут нечего, разве
Бури; а против ночных привидений защитой молитва».
С этим словом Эми пошла. Развалины были
Близко; но ветер выл и ревел; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, как черные горы, задвинув
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входит без всякого страха в средину развалин;
Клен недалеко; вдруг ветер утих на минуту; и Эми
Слышит, что кто-то идет живой, а не мертвый; ей стало
120 Страшно... слушает... ветер снова поднялся и снова
Стих, и снова послышалось ей, что идут; в испуге
К груде развалин прижалась Эми. В это мгновение
Ветром раздвинуло тучи, и месяц очистился. Что же
Эми увидела? Два человека — две черные тени —
Крадутся между обломков и тащат мертвое тело.
Ветер ударил сильнее; с головы одного сорвалась
Шляпа и к Эминым прямо ногам прикатилась; а месяц
В ту минуту пропал, и все опять потемнело.
«Стой! (послышался голос) шляпу ветром умчалю». —
130 «После отыщешь, прежде окончим работу: зароем
Клад свой», — другой отвечал, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглав пустилась к гостинице Эми. Бледнее
Смерти в двери вбежала она и долго промолвить
Слова не в силах была; отдохнув, наконец рассказала
То, что ей в замке привиделось. «Вот обличитель убийцам!» —
Шляпу поднявши, громко промолвила Эми; но тут же
В шляпу всмотрелась... «Ах!» и упала на пол без чувства:
Брандово имя стояло на шляпе. Мне нечего боле
Вам рассказывать. В этот миг помутился рассудок
140 Бедной Эми; Господь милосердый недолго страдать ей
Дал на земле: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видели столб с колесом на пригорке близ замка; проходим
Он приводил на память и Бранда, и бедную Эми.
Все исчезло теперь, и гостиницы нет; лишь могилка

Бедной Эми цветет, как цвела, и над нею спокойно».
Дедушка кончил и молча стал выколачивать трубку.
Внучки также молчали и с грустью смотрели на церковь:
Солнце играло на ней, и темные липы бросали
Тень на кладбище, где Эми давно покоилась в гробе. —
150 «Вот вам другая быль, — сказал, опять раскуривши
Трубку, старик. — Каспар был беден. К буйной, развратной
Жизни привык он, и сердце в нем сделалось камнем. Но жадным
Оком смотрел на чужое богатство Каспар. На злодейство
Трудно ль решиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Так и случилось. Каспар на ночную добычу
Вышел. Вы видите остров на Рейне? Вдоль берега вьется
Против этого острова, мимо утеса, дорожка.
Там, у самой дорожки, под темным утесом, в ночное
Позднее время Каспар засел и ждал: не пройдет ли
160 Кто-нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освещенный
Полной луной островок отражался в воде, и густые
Клены, глядяся в нес, стояли тихо, как черные тени;
Все покоилось... волны изредка в берег плескали,
В листьях журчало, и пел соловей. Но, злодейским
Замыслом полный, Каспар не слышал ничего; он иное
Жадным подслушивал ухом. И вот напоследок он слышит:
Кто-то идет по дороге; то был одинокий прохожий.
Выскочил, словно как зверь из берлоги, Каспар; и недолго
Длилась борьба между ими: бедный путник с тяжелым
170 Стоном упал на землю, зарезанный. Мертвое тело
В воду стащил Каспар и вымы кровавые руки;
Брызнули волны, раздавшись под трупом, и снова слились
В гладкую зыбь; все стало по-прежнему тихо, и сладко
Петь продолжал соловей. Каспар беззаботно с добычей
В путь свой пошел; свидетелей не было; совесть молчала.
Скоро истратил разбойник добытое кровью, и скоро
Голым стал он по-прежнему. Годы прошли; об убийстве,
Кроме Бога, никто не проведал; но слушайте дале.
Раз Каспар сидел за столом в гостинице. Входит
180 Старый знакомец его, арендарь Веньямин; он садится
Подле Каспара; он крепко, крепко задумчив; и вправду
Было о чем призадуматься: денно и ночью работал,
Честно жил Веньямин, а все понапрасну; тяжелый

Крест достался ему: семью имел он большую;
Всех одень, напой, накорми... а чем? И вдобавок
Новое горе постигло его: жена от тяжелой
Скорби слегла в постель, и деньги пошли за лекарство;
Бог помог ей; но с той поры все хуже да хуже; и часто
Нечего есть; жена молчит, но тает, как свечка;
190 Дети криком кричат; наконец, остальное помещик
В доме силою взял, в уплату за долг, и из дома
Выгнать грозился. Эта беда с Веньямином случилась
Утром, а вечером он Каспара в гостинице встретил.
Рядом с ним он сидел у стола; опершись на колено
Локтем, рукою закрывши глаза, молчал он как мертвый.
«Что с тобой, Веньямин? — спросил Каспар. — Ты как будто
В воду опущен. Послушай, сосед, не распить ли нам вместе
Кружку вина? Веселее на сердце будет; отведай».
Кружку взял Веньямин и выпил. «Тяжко приходится
200 Жить, — сказал он. — Жена умирает, и хилые кости
Не на чем ей успокоить: злодеи последнюю взяли
Нынче постелю. А дети — Господи Боже мой! лучше б
Им и мне в могилу. Помещик наш нынешней ночью
В замок свой пышный поедет и там на мягких подушках,
Вкусно поужинав, сладко заснет... а я, воротясь
В дом мой, где голые стены, что найду там? Бездушный!
Я ли Христом да Богом его не молил? У него ли
Мало добра?.. Пускай же Всевышний Господь на судилище страшном
Так же с ним немилостив будет, как он был со мною!»
210 Слушал Каспар и в душе веселился, как злой искуситель;
В кружку соседу вина подливал он и скоро зажег в нем
Кровь, и потом из гостиницы вышел с ним вместе. Уж было
Поздно. «Сосед, — Веньямину он тихо шепнул, — господин твой
Нынешней ночью один в свой замок поедет; дорога
Близко, она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко».
Речью такой был сражен Веньямин; но тяжкая бедность,
Горе семьи, досада, хмель, темнота, обольщенье
Слов коварных... довольно, чтоб слабое сердце опутать.
Так ли, не так ли, но вот пошел Веньямин за Каспаром;
220 Против знакомого острова если они под утесом,
Близко дороги, и ждут; ни один ни слова; не смеют
Вслух дышать и слушают молча. Их окружала

Тихая, темная ночь; звезд не сверкало на небе,
Лист едва шевелился, без ропота волны лилися,
Все покоилось сладко, и пел соловей. Душа Венямина
Вдруг согрелась: в ней совесть проснулась, и он содрогнулся.
«Нечего ждать, — он сказал, — уж поздно; уйдем, не придет он». —
«Будь терпелив, — злодей возразил, — пождем, и дождемся.
Доле зато дожидаться его возвращения придется
230 В замке жене; да будет напрасно ее нетерпенье».
Сердце от этих слов повернулось в груди Венямина;
Вспомнил свою он жену и сказал: «Теперь прояенилась
Совесть моя; не поздно еще, не хочу оставаться!» —
«Что ты? — воскликнул Каспар. — Послушался совести; бредит.
Ночь темна, река глубока, здесь место глухое;
Кто нас увидит?» Мороз подрал Венямина по коже.
«Кто нас увидит? А разве нет свидетеля в небе?» —
«Сказки! здесь мы одни. В ночной темноте не приметит
Нас ни земной, ни небесный свидетель». Тут неоглядкой
240 Прочь от него побежал Венямин. И в это мгновенье
Темное небо ярким, страшным лучом раздвоилось;
Все кругом могильная мгла покрывала; на том лишь
Месте, где спрятаться думал Каспар, было как в ясный
Полдень светло. И вот пред глазами его повторилось
Все, что он некогда тут совершил во мраке глубокой
Ночи один: он услышал шум от упавшего в воду
Трупа; он черный труп на волнах освещенных увидел;
Волны разинулись, труп нырнул в них, и все потемнело...
Дети, долго с тех пор под этим утесом, как дикий
250 Зверь, гнезился Каспар сумасшедший. Не ведал он кровли;
Был безобразен: лицо как кора, глаза как два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцах как черные когти,
Вместо одежды гнилое тряпье; худой, изможденный,
Чахлый, все ребра наружу, он в страхе все жался к утесу,
Все как будто хотел в нем спрятаться и все озирался
Смутно кругом; но порою вдруг выбегал и, на небо
Дико уставив глаза, шептал: «*Он видит, Он видит*».
Дедушка, бывь досказав, посмотрел, усмехаясь, на внучек.
«Что же вы так присмирели? — спросил он. — Видно, рассказ мой
260 Был не на шутку печален? Постоите ж, я кое-что вспомнил,
Что рассмешит вас и вместе научит. Слушайте. Часто

Мы на свою негодуем судьбу; а если рассудишь,
Как все на свете неверно, то сердцем смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднее
Опыт такой достается, иному легче. И вот как
Раз до премудрости этой, не утествуя много, а просто
Случаем странным, одною забавной ошибкой добрался
Бедный немецкий ремесленник. Был по какому-то делу
Он в Амстердаме, голландском городе; город богатый,
370 Пышный, зданья огромные, тьма кораблей; загляделся
Бедный мой немец, глаза разбежались; вдруг он увидел
Дом, какого не снилось ему и во сне: до десятка
Труб, три жилья, зеркальные окна, ворота
С добрый сарай — удивлень! С смиренным поклоном спросил он
Первого встречного: «Чей это дом, в котором так много
В окнах тюльпанов, нарциссов и роз?» Но, видно, прохожий
Или был занят, или столько же знал по-немецки,
Сколько тот по-голландски, то есть не знал ни полслова;
Как бы то ни было, *Каннитферштан!* отвечал он. А это
380 *Каннитферштан* есть голландское! слово, иль, лучше, четыре
Слова, и значит оно: *не могу вас понять*. Простодушный
Немец, напротив, вздумал, что так назывался владелец
Дома, о коем он спрашивал. «Видно, богат не на шутку
Этот *Каннитферштан*», — сказал про себя он, любуясь
Домом. Потом отправился далее. Приходит на пристань —
Новое диво: там кораблей числа нет; их мачты
Словно как лес. Закружилась его голова, и сначала
Он не видал ничего, так много он разом увидел.
Но наконец на огромный корабль обратил он вниманье.
390 Этот корабль недавно пришел из Ост-Индии; много
Вкруг суетилось людей: его выгружали. Как горы,
Были навалены тюки товаров: множество бочек
С сахаром, кофе, перцем, пшеном сарацинским. Разинув
Рот, с удивленьем глядел на товары наш немец; и сведать
Крепко ему захотелось, чьи были они. У матроса,
Несшего тюк огромный, спросил он: «Как назывался
Тот господин, которому море столько сокровищ
Разом прислало?» Нахмурясь, матрос проворчал мимоходом:
Каннитферштан. «Опять! смотри пожалуй! Какой же
400 Этот *Каннитферштан* молодец! Мудрено ли постронть

Дом с богатством таким и расставить в горшках золоченых
Столько тюльпанов, нарциссов и роз по окошкам?» Пошел он
Медленным шагом назад и задумался; горе
Взяло его, когда он размыслил, сколько богатых
В свете и как он беден. Но только что начал с собою
Он рассуждать, какое было бы счастье, когда б он
Сам был *Каннитферштан*, как вдруг перед ним — погребень.
Видит: четыре лошади в черных длинных пополах
Гроб на дрогах везут и тихо ступают, как будто
310 Зная, что мертвого с гробом в могилу навеки отвезят;
Вслед за гробом родные, друзья и знакомые, молча,
В трауре идут; вдали одиноко звонит погребальный
Колокол. Грустно стало ему, как всякой смиренной
Доброй душе, при виде мертвого тела; и, снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводил он глазами
Ход погребальный; потом подошел к одному из последних
Шедших за гробом, который в эту минуту был занят
Важным делом: рассчитывал, сколько прибыли чистой
Будет ему от продажи корицы и перцу; тихонько
320 Дернув его за кафтан, он спросил: «Конечно, покойник
Был вам добрый приятель, что так вы задумались? Кто он?»
Каннитферштан! был короткий ответ. Покатились слезы
Градом из глаз у честного немца; сделалось тяжело
Сердцу его, а потом и легко; и, вздохнувши, сказал он:
«Бедный, бедный Каннитферштан! от такого богатства
Что осталось тебе? Не то же ль, что рано иль поздно
Мне от моей останется бедности? Саван и тесный
Гроб». И в мыслях таких побрел он за телом, как будто
Сам был роднёю покойнику; в церковь вошел за другими;
330 Там голландскую проповедь, в коей не понял ни слова,
Выслушал с чувством глубоким; потом, когда опустили
Каннитферштана в землю, заплакал; потом с облегченным
Сердцем пошел своею дорогой. И с тех пор, как скоро
Грусть посещала его и ему становилось досадно
Видеть счастье богатых людей, он всегда утешался,
Вспомнив о *Каннитферштане*, его несметном богатстве,
Пышном доме, большом корабле и тесной могиле.

СРАЖЕНИЕ С ЗМЕЕМ

Повесть

Что за тревога в Родосе? Все улицы полны народом;
Мчатся толпами, вопят, шумят. На коне величавом
Едет по улице рыцарь красивый; за рыцарем тащат
Мертвого змея с кровавой разинутой пастью; все смотрят
С радостным чувством на рыцаря, с страхом невольным на змея.
«Вот! — говорят, — посмотрите, тот враг, от которого столько
Времени не было здесь ни стадам, ни людям проходу.
Много рыцарей храбрых пыталось с чудовищем выйти
В бой... все погибли. Но Бог нас помиловал: вот наш спаситель;
10 Слава ему!» — И вслед за младым победителем идут
Все в монастырь Иоанна Крестителя, где Иоаннитов
Был знаменитый Капитул собран в то время. Смирненно
Рыцарь подходит к престолу Магистера; шумной толпою
Ломится следом за ним в палату народ. Преклонивши
Голову, юноша так говорить начинает: «Владыка!
Рыцарский долг я исполнил: змей, разоритель Родоса,
Мною убит; безопасны дороги для путников; смело
Могут стада выгонять на луга пастухи; на молитву
20 Может без страха теперь пилигрим к чудотворному лику
Девы Пречистой ходить». — Но с суровым ответствовал взглядом
Строгий Магистер: «Сын мой, подвиг отважный с успехом
Ты совершил: отважность рыцарю честь. Но ответствуй:
В чем обязанность главная рыцарей, верных Христовых
Слуг, христианства защитников, в знак смирения носящих
Крест Иисуса Христа на плечах?» То зрители внемля,
Все оробели. Но рыцарь, краснея, ответствовал: «Первый
Рыцарский долг есть покорность». — «И рыцарский долг сей
Ныне, сын мой, ты нарушил: ты мной запрещенный
30 Подвиг дерзнул совершить». — «Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потом осуди. Не с слепою
Дерзостью я на опасное дело решился; но верно
Волю закона исполнить хотел: одной осторожной
Хитростью мнил одержать я победу. Пять благородных
Рыцарей нашего Ордена, честь христианства, погибли
В битве с чудовищем. Ты запретил нам сей подвиг;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали

Бедствия гибнущих братий; стремленьем спасти их томимый,
Днем я покоя не знал, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мне призрак сраженья
40 С змеем; и все как будто бы чудилось мне, что небесный
Голос меня возбуждал и твердил мне: *gerzai!* и дерзнул я.
Вот что я мыслил: ты рыцарь; одних ли врагов христианства
Должен твой меч поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитником слабых, спасать от гоненья гонимых,
Грозных чудовищ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужеством мудрость должны управлять. И в таком убежденье
Долго себя я готовил к опасному бою, и часто
К месту, где змей обитал, я тайком подходил, чтоб заране
С сильным врагом ознакомиться; долго обдумывал средства,
30 Как мне врага победить; наконец вдохновение свыше
Душу мою просветило: найдено средство! сказал я
В радости сердца. Тогда у тебя позволения, Владыка,
Я испросил посетить отеческий дом мой; угодно
Было тебе меня отпустить. Переплыв безопасно
Море и на берег вышел, в отеческом доме немедля
Все к предпринятому подвигу стал я готовить. Искусством
Сделан был змей, подобный тому, которого образ
Врезался в память мою; на коротких лапах громадой
Тяжкое чрево лежало; хребет, чешуею покрытый,
60 Круто вздымался; на длинной, гривистой шею торчала,
Пастью зияя, зубами грозя, голова; из отверзтых
Челюстей острым копьём выставлялся язык, и змеиный
Хвост сгибался в огромные кольца, как будто готовый,
Вдруг обхватив ездока и коня, задушить их обоих.
Все учредивши, двух собак, могучих и к бою
С диким быком приученных, я выбрал, и мнимого змея
Ими травил, чтоб привыкли они по одному клику
Зубы вонзать в непокрытое броней чешуйчатой чрево.
70 Сам же, сидя на коне благородной арабской породы,
Я устремлялся на змея и руку мою беспрестанно
В верном метанье копья упражнял. Сначала от страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконец победило мое постоянство их робость.
Так совершилось три месяца. Я возвращаюсь. Вот третий
День, как пристал я к Родосу. О новых бедствиях вести

Душу мою возмутили. Горя нетерпением кончить
Дело начатое, слуг собираю моих и, ученых
Взявши собак, на верном коне, никому не сказавшись,
Еду отыскивать змея. Ты знаешь, Владыка, часовню,
80 Где богомолствовать сходится здешний народ: на утесе
В диком месте она возвышается; образ Пречистой
Матери божией, видимый там, знаменит чудесами;
Трудно всходить на утес, и доселе сей путь был опасен.
Там, у подошвы утеса, в норе, недоступной сиянью
Дня, гнездилися чудовищный змей, сторожа проходящих;
Горе тому, кто дорогу терял! из темной пещеры
Враг исторгался, добычу ловил и се в свой глубокий
Лог увлекал на пожранье. В ту часовню Пречистой
Девы пошел я, там пал на колена, усердной мольбою
90 В помощь призвал богоматерь, в грехах принес покаянье,
Тайн святых причастился: потом, сошедши с утеса,
Латы надел, взял меч и копье и, раздав приказанья
Спутникам (им же велел дожидаться меня близ часовни),
Сел на коня, поручил Вездесущему Господу Богу
Душу мою и посхал. Едва я увидел па ровном
Месте себя, как собаки мои, почуявши змея,
Подняли ноздри, а конь захрапел и пятиться начал:
Блещущим свившись клубом, вблизи он грелся на солнце,
Дружно и смело помчался в бой с ним собаки; но с восьм
100 Кинулись обе назад, когда, развернувшись быстро,
Вдруг он разинул огромную пасть, и их ядовитым
Обдал дыханьем, и с страшным шипеньем поднялся на лапы.
Крик мой собак ободрил: они вцепились в змея.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь в чешуйный,
Крепкий хребет, оно, как тонкая трость, отлетело;
Новый удар я спешу нанести; но испуганный конь мой
Бешено стал на дыбы; раскаленные очи, зиянье
Пасти зубастой, и свист, и дыханье палящее змея
В ужас его привели, и он опрокинулся. Видя
110 Близкую гибель, проворно спрыгнул я с седла и в сраженье
Пеший вступил с обнаженным мечом; но меч мой напрасно
Колет и рубит: как сталь чешуя. Вдруг змей, разъярившись,
Сильным ударом хвоста меня повалил и поднялся
Дыбом, как столб, надо мной, и уже растворил он огромный

Зев, чтоб зубами стиснуть меня; но в это мгновенье
В чрево его, чешуей не покрытое, вгрызлись собаки;
Взвыл он от боли и бешено начал кидаться... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на нем; я поспешно
120 На ноги стал и бросился к ним, и меч мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула черным потоком
Кровь; согнувшись в дугу, он грянулся оземь и, тяжким
Телом меня заваливши, издох надо мною. Не помню,
Долго ль бесчувствен под ним я лежал; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змей в крови неподвижен».
Рыцарь, докончивши повесть свою, замолчал. Раздались
Громкие клики; дрогнули своды палаты от гула
Рукоплеканий, и самые рыцари Ордена вместе
С шумной толпой возгласили: «Хвала!» Но Магистер,
130 Строго нахмутив чело, повелел, чтоб все замолчали, —
Все замолчали. Тогда он сказал победителю: «Змея,
Долго Родос ужасавшего, ты поразил, благородный
Рыцарь; но, Богом являясь народу, врагом ты явился
Нашему Ордену: в сердце твоём поселился отныне
Змей, ужасней тобою сраженного, змей, отравитель
Воли, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья,
Недруг порядка, древний губитель земли. Быть отважным
Может и враг ненавистный Христа, мамелюк; но покорность
Есть одних христиан достойна. Где Сам Искупитель,
Бог Всемогущий, смиренно стерпел поношение и муку,
140 Там в старину основали отцы наш Орден священный;
Там, облачая крестом, на себя они возложили
Долг, труднейший из всех: *свою обуздывать волю.*
Суестной славой ты был обольщен — удались; ты отныне
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринул,
Тот и Господним крестом себя украшать недостоин».
Так Магистер сказал, и в толпе предстоявших поднялся
Громкий ропот, и рыцари Ордена сами Владыку
Стали молить о прощенье; но юноша молча, потупив
Очи, снял спанчу, у Магистра строгую руку
150 Поцеловал и пошел. Его проводивши глазами,
Гневный смягчился судья и, назад осужденного кротким
Голосом кликнув, сказал: «Обними меня, мой достойный
Сын: ты победу теперь одержал, труднейшую первой.
Снова сей крест возложи: он твой, он награда смиренью».

СУД БОЖИЙ

Повесть

Был непорочен душой Фридолин; он в страхе Господнем
Верно служил своей госпоже, графине Савернской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна
Своим, тиха в обращении была; но и тяжкую должность
С кротким терпением он исполнял бы, покорствуя Богу.
С самого раннего утра до поздней ночи, всечасно
Был он на службе ее, ни минуты покоя не зная;
Если ж случалось сказать ей ему: «Фридолин, успокойся!» —
Слезы в его появлялись глазах: за нее и мученье
10 Было бы сладостно сердцу его, и не службой считал он
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вечно хвалила и прочим слугам в пример подражания
Ставила; с ним же самим она обходилась, как с сыном
Мать, а не так, как с слугой госпожа. И было приятно
Ей любоваться прекрасным, невинным лицом Фридолина.
То примечая, сокольничий Роберт досадовал; зависть
Грызла его свирепую душу. Однажды, с охоты
С графом вдвоем возвращаясь в замок, Роберт, лукавым
20 Бесом прельщенный, вот что сказал господину, стараясь
В сердце его заронить подозрение: «Счастьем завидным
Бог наградил вас, граф-государь; он дал вам в супруге
Вашей сокровище; нет ей подобной на свете; как ангел
Божий прекрасна, добра, целомудренна; спите спокойно:
Мыслью никто не посмеет приблизиться к ней». Заблистали
Грозно у графа глаза. «Что смесшь ты бредить? — сказал он, —
Женская верность слово пустое; на ней опираться
То же, что строить на зыбкой воде; берегись как хочешь:
Все оболститель отыщет дорогу к женскому сердцу.
Вера моя на другом, твердейшем стоит основанье:
30 Кто помыслить дерзнет о жене Савернского графа!» —
«Правда, — коварно ответствовал Роберт, — подобная дерзость
Только безумному в голову может зайти. Лишь презренья
Стоит жалкий глупец, который, воспитанный в рабстве,
Смеет глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
В сердце развратном желанья таить». — «Что слышу! — воскликнул
Граф, побледневши от гнева, — о ком говоришь ты? И жив он?» —

«Все об нем говорят, государь; а я из почтения
К вам, полагая, что все вам известно, молчал: что самим вам
В тайне угодно держать, то должно и для нас быть священной
40 Тайной». — «Злодей, говори! — в исступленье ужасном воскликнул
Граф, — ты погиб, когда не скажешь мне правды! Кто этот
Дерзкий?» — «Паж Фридолин; он молод, лицом миловиден
(Так шипел предательски Роберт, а графа бросало
В холод и в жар от речей ядовитых). Возможно ль, чтоб сами
Вы не видали того, что каждому видно? За нею
Всюду глазами он следует; ей одной, забывая
Все, за столом он служит; за стулом ее, как волшебной
Скованный силой, стоит он и рдеет любовью преступной.
Он и стихи написал и в них перед ней признается
50 В нежной любви». — «Признается!» — «И даже молить о взаимном
Чувстве дерзает. Конечно, графиня, по кротости сердца,
Скрыла от вас, государь, безумство такое, и сам я
Лучше бы сделал, когда б промолчал: чего вам страшиться?»
Граф не отвечив: ярость душила его. Приближались
В это время они к огромной литейной палате:
Там непрестанно огонь, как будто в адекой пучине,
В горнах пылал, и железо, как лава кипя, клочкотало;
День и ночь работники там суетились вокруг горнов,
Пламя питая; взвивались вихрями искры; свистали
60 Страшно мехи; колесо под водою средь брызжащей пены
Тяжко вертелось; и молот огромный, гремя неумолчно,
Сам, как живой, подымался и падал. Граф, подзвавши
Двух из работников, так им сказал: «Исполните в точность
Волю мою; того, кто первый придет к вам и спросит:
Сделано ль то, что граф приказал? — без всякой пощады
Бросьте в огонь, чтоб его и следов не осталось». — С свирепым
Смехом рабы обещались покорствовать графскому слову.
Души их были суровой железа; рвенье удвоив,
Начали снова работать они и, убийством заране
70 Жадную мысль веселя, дожидались обещанной жертвы.
К графу тем временем хитрый наушник позвал Фридолина.
Граф, увидя его, говорит: «Ты должен, не медля нимало,
В лес пойти и спросить от меня у литейщиков: все ли
Сделано то, что я приказал?» — «Исполнено будет», —
Скромно отвечает паж; и готов уж идти, но, подумав:

Может быть, даст ему и она порученье какое,
 Он приходит к графине и ей говорит: «Господином
 Послан я в лес; но вы моя госпожа; не угодно ль
 Будет и вам чего приказать?» Ему с благосклонным
 80 Взором графиня ответствует: «Друг мой, к обедне хотелось
 Ныне сходить мне, по болен мой сын; сходи, помолися
 Ты за меня; а если и сам согрешил, то покайся.
 Весело в путь свой пошел Фридолин; и еще из деревни
 Он не вышел, как слышит благовест: колокол звонким
 Голосом звал христиан на молитву. *«От встречи Господеи
 Ты уклоняться не должен»*, — сказал он и в церковь с смиренным,
 Набожным сердцем вступил; но в церкви пусто и тихо;
 Жатва была, и все поселяне работали в поле.
 Там стоял священник один: никто не явился
 90 Быть на время обедни прислужником в храме. *«Господу Богу
 Прежде свой долг отдай, потом господину»*. С такую
 Мыслью усердно он начал служить: священнику ризы,
Столу и сингулум подал; потом приготовил Святые
 Чаши; потом, молитвенник взявши, стал умиленно
 Долг исправлять министранта: и там и тут на колени,
 Руки сжав, становился; звонил в колокольчик, как скоро
 Провозглашаемо было великое *«Sanctus»*; когда же
 Тайну священник свершил, предстоя алтарю, и возвысил
 Руку, чтоб верным явить Спасителя-Бога в бескровной
 100 Жертве, он звоном торжественным то возвестил и смиренно
 Пал на колени пред Господом, в грудь себя поражая,
 Тихо молитву творя и крестом себя знаменуя.
 Так до конца литургии он все, что уставлено чином,
 В храме свершал. Напоследок, окончивши службу святую,
 Громко священник воскликнул: *«Vobiscum Dominus»*, верных
 Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он,
 Все в порядок приведши, и чаши, и ризы, и утварь,
 Церковь оставил, и к лесу пошел, и вдобавок дорогой
«Pater noster» двенадцать раз прочитал. Подошедши
 110 К лесу, он видит огромный дымящийся горн; перед горном,
 Черны от дыма, стоят два работника. К ним обратясь,
«Сделано ль то, что граф приказал», — он спросил. И, оскалив
 Зубы смехом ужасным, они указали на пламень
 Горна. «Он там! — прошептал сиповатый их голос. — Как должно,

Прибран, и граф нас похвалит». С таким их ответом обратно
В замок пошел Фридолин. Увидя его издалека,
Граф не поверил глазам. «Несчастный! Откуда идешь ты?» —
«Из лесу прямо». — «Возможно ль? ты, верно, промешкал в дороге». —
«В церковь зашел я. Простите мне, граф-государь; повеленье
120 Ваше приняв, у моей госпожи, по обычному долгу,
Также спросил я, не будет ли мне и ее приказанья?
Выслушать в церкви обедню она приказала. Исполнив
Волю ее, помолился я там и за здравие ваше»,
Граф трепетал и бледнел. «Но скажи мне, — спросил он, —
Что отвечали тебе?» — «Непонятен ответ был. Со смехом
Было на горн мне указано. Там он! — сказали. — Как должно,
Прибран, и граф нас похвалит!» — «А Роберт? — спросил, ледenea
В ужасе, граф. — Ты с ним не встречался? Он послан был мною
В лес». — «Государь, ни в лесу, ни в поле, нигде я не встретил
130 Роберта». — «Ну! — вскричал уничтоженный граф, опустивши
В землю глаза. — Сам Бог решил правосудный!» И, с кроткой
Ласкою за руку взяв Фридолина, с ним вместе пошел он
Прямо к супруге и ей (хотя сокровенного смысла
Речи его она не постигла) сказал, представляя
Милого юношу, робко пред ними склонившего очи:
«Он, как дитя, непорочен; нет ангела на небе чище;
Враг коварен, но с ним Господь и Всевышние силы».

СКАЗКА О ЦАРЕ БЕРЕНДЕЕ, О СЫНЕ ЕГО ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, О ХИТРОСТЯХ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ-ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ

Жил-был царь Берендей до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
140 Выпить студеной воды. Но поле было безводно...

Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он решился
Сам объехать все поле: авось, попадетсЯ на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
ПлаваеТ. Царь Берендей поспешно за ковшик — не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
20 Только что дразнит царя и никак не дается.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватъ его разом справа и слева —
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка нырнул он
Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывал. «Постой же! (подумал
Царь Берендей) я напьюсь без тебя», и, недолго сбираясь,
Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
30 Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... ах нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою —
Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» — кричит он.
Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина;
Два огромные глаза горят, как два изумруда;
Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко
40 Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пушу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».
Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен».
«Ладно! — опять сиповатый послышался голос. — Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа».
С этим словом исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.

50 Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольных
Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам —
Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей
Рядом первый министр; на руках он своих парчевую
Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный как светлый
Месяц, в пеленках копышется. Царь догадался и ахнул.
«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал;
60 Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался им долго,
Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе
Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал. О тайне
Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко
Царь был печален — он все дожидался; вот придут за сыном;
Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич
Рос не по дням — по часам; и сделался чудо-красавец.
Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
70 Вовсе забыл... но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна;
Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда
Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, — сказал он. —
Долго тебя дожидались мы; пора бы нас вспомнить». —
«Кто ты?» — царевич спросил. «Об этом после; теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
80 Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, — говорит он, — со мною случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел как мертвец. «Бесда, мой сердечный

Друг, Иван-царевич! — воскликнул он, горько заплакав. —
90 Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну о данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися, родитель, —
Так отвечал Иван-царевич, — беда невелика.
Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
100 Крест на шею надела ему; отпели молебн;
Нежно потом обнялися, поплакали... с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж сдет
День он, другой и третий; в исходе четвертого — солнце
Только успело зайти — подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник — и все как будто бы дремлет;
Воздух не вест; тростинка не тронется; шороха в струйках
110 Светлых но слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уточек подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травой
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял; потом угнезвился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют...
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись, подплыли
К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
120 К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая уточка, па берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет...
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человечьим

Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
130 Спорить не стал, положил па травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и, краснея,
Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит: « Благодарствуй,
Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кошья бессмертного, Марья-царевна;
140 Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кошья. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кошья-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопают он — не пугайся;
Станет ругаться — не слушай; ползи да и только; что после
Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство спустились.
150 Видят дворец Кошья бессмертного; высечен был он
Весь из карбункула камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кошья сидит па престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.
Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кошья же затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марья-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу;
160 Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, — сказал он, —
Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство; но знай, за твое ослушанье
Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно

Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
 С ним пошли в покой, отведенный ему, открыли
 Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался
 Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
 Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
 Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул:
 «Ну, Иван-царевич, — сказал он, — теперь мы посмотрим,
 Что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам построить
 Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
 Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный
 Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь
 Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
 Если же нет, то прошу не пенять... головы не удержишь!» —
 «Ах ты, Кощей окаянный, — Иван-царевич подумал, —
 Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной
 Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер;
 Вот блестящая пчелка к его подметела окошку,
 Бьется об стекла — и слышит он голос: «Впусти!» Отворил он
 Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
 Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич; о чем ты
 Так призадумался?» — «Несхотя будешь задумчив, — сказал он. —
 Батюшка твой до моей головы добирается». — «Что же
 Сделать решился ты?» — «Что? Ничего. Пускай его снимет
 Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь». —
 «Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
 Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
 Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
 Спать; а завтра поранее встань; уж дворец твой построен
 Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай в стену».
 Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из каморки
 Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен.
 Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
 Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, —
 Так он сказал Ивану-царевичу, — вижу, ты ловок
 На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив.
 Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
 Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь
 Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки
 Младшую дочь мою, Марию-царевну, узнать; не узнаешь —

С плеч голова. Поди». — «Уж выдумал, чучела, мудрость, —
Думал Иван-царевич, сидя под окном. — Не узнать мне
Марью-царевну... какая ж тут трудность?» —

«А трудность такая, —

210 Молвила Марья-царевна, пчелкой встевши, — что если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью
Может нас различать». — «Ну что же мне делать?» — «А вот что;
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла.
Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кошей. Царевны уж тут, и все в одинаком
220 Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, —
Молвил Кошей, — изволь-ка пройтись три раза мимо
Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам
Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
В первый раз — мошки нет; проходит в другой раз — все мошки
Нет; проходит в третий и видит — крадется мошка,
Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
Так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим сердцем:
«Вот она, Марья-царевна!» — сказал он Кошю, подавши
230 Руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю,
Что-то нечисто, — Кошей проворчал, на царевича с сердцем
Выпучив оба зеленые глаза. — Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
Верно, с грехом пополам. погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
Здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
Сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да только
240 Знай наперед: не сошьешь — долой голова; до свиданья».
Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
Милый Иван-царевич?» — спросила она. «Поневоле
Будешь задумчив, — он ей отвечал. — Отец твой затсял

Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;
Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже
Родом его. Кошей он бессмертный! видали мы много
Этих бессмертных». — «Иван-царевич, да что же ты будешь
Делать?» — «Что мне тут делать? Шить сапогов я не стану.
250 Снимет он голову — черт с ним, с собакой! какая мне нужда!» —
«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
Или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого
Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу; из каморки
Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное царство:
260 То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почуял могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю
Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою.
Царь Кошей в назначенный час посылает придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят;
270 Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, отвечают: буду.
Этот ответ придворные слуги относят к Кошею;
Ждать-подождать — царевич нейдет, посылает в другой раз
Тех же послов рассерженный Кошей, и та же всё песня:
Буду; а нет никого. Взбесился Кошей. «Насмехаться,
Что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать и в минуту
За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились слуги...
Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слюнки
Так и хохочут. Кошей сдва от злости не лопнул.
280 «Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
Он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится топот», —
Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись

Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». — «Так медлить
Нечего», — Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
290 Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись, стали
В пень Кошсевы слуги: след до мостика виден;
Дале ж и след пропадает и делится на три дорога.
Нечего делать — назад! Воротились разумники. Страшно
Царь Кошей разозлился, о их неудаче услышав.
«Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был непременно
Здесь он!..» Опять помчалась погоня... «Мне слышится топот», —
Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.
Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
300 «Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок числа нет;
По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;
Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.
Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошеево царство.
Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;
Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не дается.
Глядь! очутились они у входа в Кошеево царство,
310 В самом том месте, откуда пустились в погоню; и скрылось
Всё: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
Снова явились к Кошеею они. Как цепная собака,
Начал метаться Кошей. «Вот я ж его, плута! Коня мне!
Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»
Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает;
«Скачут, и близко». «Беда нам! Ведь это Кошей, мой родитель
Сам; но у первой церкви граница его государства;
Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне
320 Крест твой с мощами». Послушавшись Марьи-царевны, снимает
С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,

Он в монаха, а конь в колокольню — и в ту же минуту
С свитою к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли просзжих,
Старец честной?» — он спросил у монаха. «Сейчас проезжали
Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
В церковь они — святым помолились да мне приказали
Свечку поставить за здравье твое и тебе поклониться,
Если ко мне ты заедешь». — «Чтоб шею сломить им, проклятым!» —
330 Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный помчался
С свитой назад, а примчавшись домой, пересек беспощадно
Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
Воле погони. Вот они едут шагком; уж склонялось
Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
В этот город заехать. «Иван-царевич, — сказала
Марья-царевна, — не езд; недаром вщее сердце
Ноет во мне: беда приключится». — «Чего ты боншься,
340 Марья-царевна? Засдем туда на минуту; посмотрим
Город, потом и назад». — «Заехать нетрудно, да трудно
Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь
Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь осторожен: царь, и царица, и дочь их царевна
Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец
Будет; младенца того не целуй: поцелуешь — забудешь
Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете,
С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третий
350 День не придешь... но прости, поезжай». И в город поехал*
С нею простясь, Иван-царевич один. У дороги
Белым камнем осталася Марья-царевна. Проходит
День, проходит другой, напоследок проходит и третий -
Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!
Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли
Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна;
Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-кудряшка,
Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо
В руки Ивану-царевичу; он же его красотою
360 Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки
Начал его целовать; и в эту минуту затмилась

Память его, и он позабыл о Марье-царевне.
Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне
Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня
Марья-царевна в лазоревый цвет полсвой превратилась.
«Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет
Кто-нибудь в землю меня», — сказала она, и росинки
Слез на листках голубых заблистали. Дорогой в то время
Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел;
370 Нежной его красотой пленясь, осторожно он вырыл
С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце
Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком
Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты
Всё не по-старому стало в избушке; чудское что-то
Начало деяться в ней: проснется старик — а в избушке
Всё уж как надобно прибрано; нет нигде ни пылинки.
В полдень придет он домой — а обед уж состряпан, и чистой
Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.
Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок
380 Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки
Начал совета просить, что делать. «А вот что ты сделай, —
Так отвечала ему ворожейка, — встань ты до первой
Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба
Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться,
То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».
Целую ночь напролет старик пролежал па постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой встрепенулся,
С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке;
390 Все между тем по местам становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.
«Что ты сделал? — сказала она. — Зачем возвратил ты
Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный,
Бросил меня, и я им забыта». — «Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости
Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;
Слезы потом отерла, потом, в сарафан нарядившись,
400 В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую кухню;

Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким, как флейта,
Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай, позволь мне
Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым взглядом:
410 «В добрый час, девица-красавица; все что угодно
Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой.
Вот пирог испечен; а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем; гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку
Срезал с него Иван-царевич — повое чудо!
Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:
420 «Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне ты забудешь
Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»
Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;
Он вскочил как безумный и кинулся в дверь, а за дверью
Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же
Конь вороной с нетерпенья, оседланный, взнузданный, пляшет.
Нечего медлить; поехал Иван-царевич с своею
Марьей-царевной; едут да едут, и вот приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья
430 Видом не видано, слухом не слыхано. Долго не стали
Думать, честным пирком да за свадебку; съехались гости,
Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пил; по усам текло, да в рот не попало. И все тут.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

Сказка

(Отрывок)

Слушайте; я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек.
Сказка ложь, а песня быль, говорят нам; но в этой

Сказке моей найдется и правда. Милости ж просим
Тех, кто охотник в досужный часок пошутить, посмеяться,
Сказки послушать; а тех, кто любит смотреть исподлобья,
Всякую шутку считая за грех, мы просим покорно
К нам не ходить, и дома сидеть, да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакун двадцатый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
10 Вышел из мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворных. Вприпрыжку они взобрались на пригорок,
Сочной травой покрытый, и там, на кочке усевшись,
Царь приказал из толпы его окружавших почетных
Стражей вызвать бойцов, чтоб его, царя, забавляли
Боем кулачным. Вышли бойцы; началось; уж много
Было лягушечьих морд царю в угожденье разбито;
Царь хохотал; от смеха придворная квакала свита
Вслед за Его Величеством; солнце взошло уж на полдень.
Вдруг из кустов молодец в прекрасной беленькой шубке,
20 С тоненьким хвостиком, острым, как стрелка, на тоненьких ножках
Выскочил; следом за ним четыре таких же, но в шубах
Дымного цвета. Рысцой они подбежали к болоту.
Белая шубка, носик в болото уткнув и поднявши
Правую ножку, начал воду тянуть, и, казалось,
Был для него тот напиток приятнее меда; головку
Часто он вверх подымал, и вода с усастого рыльца
Мелким бисером падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказал он: «Какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись от зноя! Теперь понимаю
30 То, что чувствовал Дарий, когда он, в бегстве из мутной
Лужи напившись, сказал: я не знаю вкуснее напитка!»
Эти слова одна из лягушек подслушала; тотчас
Скачет она с донесеньем к царю: из леса-де вышли
Пять каких-то зверков, с усами турецкими, уши
Длинные, хвостики острые, лапки как руки; в осоку
Все они побежали и царскую воду в болоте
Пьют. А кто и откуда они, неизвестно. С десятком
Стражей Квакун посылает хорунжего Пышку проведать,
Кто незваные гости; когда неприятели — взять их,
40 Если дадутся; когда же соседи, пришедшие с миром, -
Дружески их пригласить к царю на беседу. Сошедши

Пышка с холма и увидя гостей, в минуту узнал их:
«Это мыши, неважное дело! Но мне не случилось
Белых меж ними видать, и это мне чудно. Смотрите ж, —
Спутникам тут он сказал, — никого не обидеть. Я с ними
Сам на словах объяснюся. Увидим, что скажет мне белый».
Белый меж тем с удивленьем великим смотрел, приподнявши
Уши, на скачущих прямо к нему с пригорка лягушек;
Слуги его хотели бежать, но он удержал их,
50 Выступил бодро вперед и ждал скакунов; и как скоро
Пышка с своими к болоту приблизился: «Здравствуй, почтенный
Воин, — сказал он ему, — прошу не взыскать, что без спросу
Вашей воды напился я; мы все от охоты устали;
В это же время здесь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вам за прекрасный напиток; и сами готовы
Равным добром за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродетель возвышенных душ». Удивленный такою
Умною речью, отвечивал Пышка: «Милости просим
К нам, благородные гости; наш царь, о прибытии вашем
60 Сведая, весьма любопытен узнать: откуда вы родом,
Кто вы и как вас зовут. Я послан сюда пригласить вас
С ним на беседу. Рады мы очень, что вам показалась
Наша по вкусу вода, а платы не требуем: воду
Создал Господь для всех на потребу, как воздух и солнце».
Белая шубка учтиво отвечивал: «Царская воля
Будет исполнена; рад я к Его Величеству с вами
Вместе пойти, но только сухим путем, не водою;
Плавать я не умею; я царский сын и наследник
Царства мышиного». В это мгновенье, спустившись с пригорка,
70 Царь Квакун со свитой своей приближался. Царевич
Белая шубка, увидя царя с такою толпою,
Несколько струсил, ибо не ведал, доброе ль, злое ль
Было у них на уме. Квакун отличался зеленым
Платьем, глаза навывкат сверкали, как звезды, и пузом
Громко он, прядая, шлепал. Царевич Белая шубка,
Вспомнивши, кто он, робость свою победил. Величаво
Он поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказал: «Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты из дальнего, верно,
80 Края, ибо до сих пор тебя нам видать не случилось».

Белая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
 Травке уселся с ним рядом; а царь продолжал: «Расскажи нам,
 Кто ты? кто твой отец? кто мать? и откуда пришел к нам?
 Здесь мы тебя угостим дружелюбно, когда, не таяся,
 Правду всю скажешь: я царь и много имею богатства;
 Будет нам сладко почтить дорогого гостя дарами». —
 «Нет никакой мне причины, — ответил Белая шубка, —
 Царь-государь, утаивать истину. Сам я породы
 Царской, весьма на земле знаменитой; отец мой из дома
 90 Древних воинственных Бубликов, царь Долгохвост Иринарий
 Третий; владеет пятью чердаками, наследием славных
 Предков, но область свою он сам расширил войнами:
 Три подполья, один амбар и две трети ветчинни
 Он покори, победивши соседних царей; а в супруги
 Взавши царевну Прасковью-Пискуню белую шкурку,
 Целый овин получил он за нею в приданое. В свете
 Нет подобного царства. Я сын царя Долгохвоста,
 Петр Долгохвост, по прозванию *Хват*. Был я воспитан
 В нашем столичном подполье премудрым Онуфрием-крысой.
 100 Мастер я рыться в муке, таскать орехи; вскребаюсь
 В сыр, и множество книг уж изгрыз, любя просвещение.
 Хватом же прозван я вот за какое смелое дело:
 Раз случилось, что множество нас, молодых мышеняток,
 Бегало по полю взапуски; я, как шальной, раззадорясь,
 Впрыгнул с разбегу на льва, отдохавшего в поле, и в пышной
 Гриве запутался; лев проснулся и лапой огромной
 Стиснул меня; я подумал, что буду раздавлен, как мошка.
 С духом собравшись, я высунул нос из-под лапы;
 110 “Лев-государь, — ему я сказал, — мне и в мысль не входило
 Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровён час,
 Сам я тебе пригожусь”. Лев улыбнулся (конечно,
 Он уж покушать успел) и сказал мне: “Ты, вижу, забавник.
 Льву услужить ты задумал. Добро, мы посмотрим, какую
 Милость окажешь ты нам? Ступай”. Тогда он раздвинул
 Лапу; а я давай Бог ноги; но вот что случилось:
 Дня не прошло, как все мы испуганы были в подпольях
 наших львиным рыканьем: смутилась, как будто от бури,
 Вся сторона; я не струсил; выбежал в поле, и что же
 В поле увидел? Царь Лев, запутавшись в крепких тенетах,

120 Мечется, бьется, как бешеный; кровью глаза налилися,
Лапами рвет он веревки, зубами грызет их; и было
Все то напрасно; лишь боле себя он запутывал. “Видишь,
Лев-государь, — сказал я ему, — что и я пригодился.
Будь спокоен; в минуту тебя мы избавим”. И тотчас
Созвал я дюжину ловких мышат; принялись мы работать
Зубом; узлы перегрызли тенет, и Лев распутлялся.
Важно кивнув головою косматой и нас допустивши
К царской лапе своей, он гриву расправил, ударил
130 Сильным хвостом по бедрам и в три прыжка очутился
В ближнем лесу, где вмиг и пропал. По этому делу
Прозван я *Хватом*, и славу спою поддержать я стараюсь;
Страшного нет для меня ничего; я знаю, что смелым
Бог владеет. Но должно, однако, признаться, что всюду
Здесь мы встречаем опасность; так Бог уж землю устроил.
Всё здесь воюет: с травой Овца, с Овцою голодный
Волк, Собака с Волком, с Собакой Медведь, а с Медведем
Лев; Человек же и Льва, и Медведя, и всех побеждает.
Так и у нас, отважных Мышей, есть много опасных,
Сильных гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всех их
140 Злее козни людские. И тяжело подчас нам приходит.
Я, однако, спокоен; я помню, что мне мой наставник
Мудрый, крыса Онуфрий, твердил: беды нас смиренью
Учат. С верой такую ничто не беда. Я доволен
Тем, что имею: счастью рад, а в несчастьи не хмурюсь». —
Царь Квакун со вниманием слушал Петра Долгохвоста.
«Гость дорогой, — сказал он ему, — признаюсь откровенно:
Столь разумные речи меня в изумленье приводят:
Мудрость такая в такие цветущие лета! Мне сладко
Слушать тебя: и приятность, и польза! Теперь опиши мне
150 То, что случилось когда с мышинным вашим народом,
Что от врагов вы терпели, и с кем, когда восвали». —
«Должен я прежде о том рассказать, какие нам козни
Строит наш хитрый, двуногий злодей, Человек. Он ужасно
Жаден; он хочет всю землю заgrabить один и с Мышами
В вечной вражде. Не исчислить всех выдумок хитрых, какими
Наше он племя избыть замышляет. Вот, например, он
Домик затеял построить: два входа, широкий и узкий;
Узкий заделан решеткой, широкий с подъемною дверью.

Домик он этот поставил у самого входа в подполье.
160 Нам же сдуру на мысли взбрело, что, поладить
С нами желая, для нас учредил он гостиницу. Жирный
Кус ветчины там висел и манил нас; вот целый десяток
Смелых охотников вызвались в домик забраться, без платы
В нем отобедать и верные вести принести нам.
Входят они, но только что начали дружно висячий
Кус ветчины тормошить, как подъемная дверь с превеликим
Стуком упала и всех их захлопнула. Тут поразило
Страшное зрелище нас: увидели мы, как злодеи
170 наших героев таскали за хвост и в воду бросали.
Все они пали жертвой любви к ветчине и к отчизне.
Было нечто и хуже. Двуногий злодей наготовил
Множество вкусных для нас пирожков и расклат их,
Словно как добрый, по всем закоулкам; народ наш
Очень доверчив и ветрен; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Об этом
Вспомнить — мороз подирает по коже! Открылся в подполье
Мор: отравой злодей угостил нас. Как будто шальные
С пиру пришли удалцы: глаза навывкат, разинув.
180 Рты, умирая от жажды, взад и вперед по подполью
Бегали с писком они, родных, друзей и знакомых
Боле не зная в лицо; наконец, утомясь, обессилев,
Все попадали мертвые лапками вверх; запустела
Целая область от этой беды; от ужасного смрада
Трупов ушли мы в другое подполье, и край наш родимый
Надолго был обезмышен. Но главное бедствие наше
Ныне в том, что губитель двуногий крепко сдружился,
Нам ко вреду, с сибирским котом, Федотом Мурлыкой.
Кошачий род давно враждует с мышинным. Но этот
Хитрый котище Федот Мурлыка для нас наказанье
190 Божие. Вот как я с ним познакомился. Глупым мышонком
Был я еще и не знал ничего. И мне захотелось
Высунуть нос из подполья. Но мать-царица Прасковья
С крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, в щелку
Выглянул: вижу камнем выстанный двор; освещало
Солнце его, и окна огромного дома светились;
Птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.

Выйти не смея, смотрю я из щелки и вижу, на дальнем
Крае двора зверок усастый, сизая шкурка,
200 Розовый нос, зеленые глазки, пушистые уши,
Тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка,
Так и виляет. Потом он свою бархатной лапкой
Начал усастое рыльце себе умыть. Облился
Радостью сердце мое, и я уж собирался покинуть
Щелку, чтоб с милым зверком познакомиться. Вдруг зашумело
Что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер. Какой-то
Страшный урод ко мне подходил; широко шагая,
Черные ноги свои подымал он, и когти кривые
С острыми шпорами были на них; на уродливой шее
210 Длинные косы висели змеями; нос крючковатый;
Под носом трясся какой-то мохнатый мешок, и как будто
Красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какие-то длинные крючья,
Разного цвета, торчали снопом. Не успел я от страха
В память прийти, как с обоих боков поднялись у урода;
Словно как парусы, начали хлопать, и он, раздвоивши
Острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной
Треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню.
Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною,
220 Так и ахнул. “Тебя помиловал Бог, — он сказал мне, —
Свечку ты должен поставить уроду, который так кстати
Криком своим тебя испугал; ведь это наш добрый
Сторож петух; он горлан и с своими большой забияка;
Нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он,
Знаем мы все, что проснулись наши враги; а приятель,
Так обольстивший тебя своей лицемерною харей,
Был не иной кто, как наш злодей записной, объедало
Кот Мурлыка: хорош бы ты был, когда бы с знакомством
К этому плуту подъехал: тебя б он порядком погладил
230 Бархатной лапкой своею; будь же вперед осторожен”.
Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке;
Каждый день от него у нас недочет. Расскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся в подполье
Слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами
Видели это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шум, беготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска —

Словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый
С радости так напился, что подрался с царицей и в драке
Хвост у нее откусил, за что был и высечен больно.

240 Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком,
Вздумали мы kota погребать, и надгробное слово
Тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный
Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое прозвание
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда он
В меру вилял хвостом, и хвост, как маятник, стучал.
Всё изготовив, отправились мы на поминки к Мурлыке;
Вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду
Кот Мурлыка в ветчинне висит на бревне, и повешен
За ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка,

250 Вытянут весь; и спина, и хвост, и передние лапы
Словно как мерзлые; оба глаза глядят не моргая.
Все запищали мы хором: “Повешен Мурлыка, повешен
Кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем
Нынче и мы”. И шесть смельчаков тотчас взобрались
Вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцепившись в бревно; а веревки
Не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись
Наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол
Хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались

260 В страхе и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит,
Ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец, да и только.
Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу
Начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу
Даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит
Сзади его языком; а кто еще посмелее,
Тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет.
Кот ни с места, как пень. “Берегитесь, — тогда нам сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу

270 Как-то она от него уплела), — берегитесь: Мурлыка
Старый мошенник; ведь он висел без веревки, а это
Знак недобрый; и шкурка цела у него”. То услыша,
Громко мы все засмеялись. “Смейтесь, чтоб после не плакать, —
Мышь Степапида сказала опять, — а я не товарищ
Вам”. И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася

С ними в подполье она. А мы принялись, как шальные,
Прыгать, скакать и kota тормозить. Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш
Клим, по прозвищу Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо
270 Взлезши, начал оттуда читать нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохотать. И вот что прочел он:
“Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский,
Рост богатырский, сизая шкурка, усы как у турка;
Был он бешен, на краже помешан, за то и повешен,
Радуйся, наше подполье!” Но только успел проповедник
Это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся.
Мы бежать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать из нас осталось на месте, а раненых втрое
290 Более было. Тот воротился с ободраным пузом,
Тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному
Хвост был оторван; у многих так странно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, как тряпки; царицу Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за задние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою».

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

Сказка

Жил-был добрый царь Матвей;
Жил с царицею своей
Он в согласье много лет;
А детей все нет, как нет.
Раз царица на лугу,
На зеленом берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдруг, глядит, ползет к ней рак;
10 Он сказал царице так:
«Мне тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты в эту ночь:

У тебя родится дочь». —
 «Благодарствуй, добрый рак;
 Не ждала тебя никак...»
 Но уж рак уполз в ручей,
 Не слыхав ее речей.
 Он, конечно, был пророк;
 20 Что сказал, сбылося в срок:
 Дочь царица родила.
 Дочь прекрасна так была,
 Что ни в сказке рассказать,
 Ни пером не описать.
 Вот царем Матвеем пир
 Знатный дан на целый мир;
 И на пир веселый тот
 Царь одиннадцать зовет
 Чародеек молодых;
 30 Было ж всех двенадцать их;
 Но двенадцатой одной,
 Хромоногой, старой, злой,
 Царь на праздник не позвал.
 Отчего ж так оплошал
 Наш разумный царь Матвей?
 Было то обидно ей.
 Так, но есть причина тут:
 У царя двенадцать блюд
 Драгоценных, золотых
 40 Было в царских кладовых;
 Приготовили обед;
 А двенадцатого нет
 (Кем украдено оно,
 Знать об этом не дано).
 «Что ж тут делать? — царь сказал. —
 Так и быть!» И не послал
 Он на пир старухи звать.
 Собралися пировать
 Гости, званные царем;
 50 Пили, ели, а потом,
 Хлебосольного царя
 За прием благодаря,

Стали дочь его дарить:
«Будешь в золоте ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всем на радость ты
Благонравна и тиха;
Дам красавца жениха
Я тебе, мое дитя;
60 Жизнь твоя пройдет шутя
Меж знакомых и родных...»
Словом, десять молодых
Чародеек, одарив
Так дитя наперерыв,
Удалились; в свой черед
И последняя идет;
Но еще она сказать
Не успела слова — глядь!
А незваная стоит
70 Над царевной и ворчит:
«На пиру я не была,
Но подарок принесла:
На шестнадцатом году
Повстречаешь ты беду;
В этом возрасте свосм
Руку ты веретенном
Оцарапаешь, мой свет,
И умрешь во цвете лет!»
Проворчавши так, тотчас
80 Ведьма скрылася из глаз;
Но оставшаяся там
Речь домолвила: «Не дам
Без пути ругаться ей
Над царевною моею;
Будет то не смерть, а сон;
Триста лет продлится он;
Срок назначенный пройдет,
И царевна оживет;
Будет долго в свете жить;
90 Будут внуки веселить
Вместе с нею мать, отца

До земного их конца».
Скрылась гостя. Царь грустит;
Он не ест, не пьет, не спит:
Как от смерти дочь спасти?
И, беду чтоб отвести,
Он дает такой указ:
«Запрещается от нас
100 В нашем царстве сеять лен,
Прясть, сучить, чтоб веретен
Духу не было в домах;
Чтоб скорей, как можно, прях
Всех из царства выслать вон».
Царь, издав такой закон,
Начал пить, и есть, и спать,
Начал жить да поживать,
Как дотоме, без забот.
Дни проходят; дочь растет;
Расцвела, как майский цвет;
110 Вот уж ей пятнадцать лет...
Что-то, что-то будет с ней!
Раз с царицею своей
Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душевной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, — сказала наконец, —
120 Осмотрю я наш дворец».
По дворцу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любитесь она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит — там
Старушоночка сидит;
130 Гребень под носом торчит;

Старушоночка прядет
И за пряжею поет:
«Веретенце, не ленись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостя жданная у нас».
Гостя жданная вошла;
Пряха, молча, подала
140 В руки ей веретено;
Та взяла, и миг оно
Укололо руку ей...
Все исчезло из очей;
На нее находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Все утихнуло кругом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце ее отец
Попатнулся и зевнул,
150 И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьем в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
160 Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;
Повар спит перед огнем;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;
И окрестность со дворцом

170 Вся объята мертвым сном;
 И покрыл окрестность бор;
 Из терновника забор
 Дикий бор тот окружил;
 Он навск загородил
 К дому царскому пути:
 Долго, долго не найти
 Никому туда следа —
 И приблизиться беда!
180 Птица там не пролетит,
 Близко зверь не пробежит,
 Даже облака небес
 На дремучий, темный лес
 Не навсет ветерок.
 Вот уж полный век протек;
 Словно не жил царь Матвей —
 Так из памяти людей
 Он изгладился давно;
 Знали только то одно,
190 Что средь бора дом стоит,
 Что царевна в доме спит,
 Что проспать ей триста лет,
 Что теперь к ней следу нет.
 Много было смельчаков
 (По сказанью стариков),
 В лес брались они сходить,
 Чтоб царевну разбудить;
 Даже бились об заклад,
 И ходили — но назад
 Не пришел никто. С тех пор
200 В неприступный, страшный бор
 Ни старик, ни молодой
 За царевной ни ногой.
 Время ж все текло, текло;
 Вот и триста лет прошло.
 Что ж случилось? В один
 День весенний царский сын,
 Забавляясь ловлей, там
 По долинам, по полям

С свитой ловчих разъезжал.
210 Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, темен, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор
Мне, старинушка честной!»
Покачавши головой,
220 Все старик тут рассказал,
Что от дедов он слышал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нем давным-давно стоит,
Как царица в доме спит,
Как ее чудесен сон,
Как три века длится он,
Как во сне царица ждет,
Что спаситель к ней придет;
230 Как опасны в лес пути,
Как пыталась дойти
До царицы молодежь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
240 Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновение там.
Что ж явилось очам
Сына царского? Забор,
Ограждавший темный бор,
Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;

Перед витязем он сам
 Расступился, как живой;
 250 В лес въезжает витязь мой:
 Всё свежо, красно пред ним;
 По цветочкам молодым
 Пляшут, блещут мотыльки;
 Светлой змейкой ручейки
 Вьются, пенятся, журчат;
 Птицы прыгают, шумят
 В густоте ветвей живых;
 Лес душист, прохладен, тих,
 И ничто не страшно в нем.
 260 Едет гладким он путем
 Час, другой; вот наконец
 Перед ним стоит дворец,
 Зданье — чудо старины;
 Ворота отворены;
 В ворота въезжает он;
 На дворе встречает он
 Тьму людей, и каждый спит:
 Тот, как вкопанный, сидит;
 Тот, не двигаясь, идет;
 270 Тот стоит, раскрывши рот,
 Сном пресекая разговор,
 И в устах молчит с тех пор
 Недоконченная речь;
 Тот, вздремав, когда-то лечь
 Собрался, но не успел:
 Сон *волшебный* овладел
 Прежде сна *простого* им;
 И, три века недвижим,
 Не стоит он, не лежит
 280 И, упасть готовый, спит.
 Изумлен и поражен
 Царский сын. Проходит он
 Между сонными к дворцу;
 Приближается к крыльцу;
 По широким ступеням
 Хочет вверх идти; но там

На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожен.
290 «Как же быть? — подумал он.
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.
Весь дворец обходит он;
Пышно все, но всюду сон,
Гробовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
300 Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошел. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.
Как дитя, лежит она,
Распылалась от сна;
Молод цвет ее ланит;
Меж ресницами блестит
Пламя сонное очей;
310 Ночи темные темней,
Заплетенные косой
Кудри черной полосой
Обвились кругом чела;
Грудь, как свежий снег, бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен легкий сарафан;
Губки алые горят;
Руки белые лежат
На трепещущих грудях;
320 Сжаты в легких сапожках
Ножки — чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распален,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.

Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
330 На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И се поцеловал.
Вмиг проснулася она;
И за нею вмиг от сна
Поднялося все кругом:
340 Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Все как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружен.
Царь на лестницу идет;
Нагулявшись, ведет
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
350 Мухи стаями летят;
Приворотный лает пес;
На конюшне свой овес
Доедает добрый конь;
Повар дует на огонь,
И, треща, огонь горит,
И струю дым бежит;
Всё бывалое — один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
360 Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;

По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.

СУД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Повесть
(Отрывок)

I.

Уж день прохладно вечерел,
И свод лазоревый асёл;
На нем сверкали облака;
Дыханьем свежим ветерка
Был воздух сладко растворён;
Играя, вея, морщил он
Пурпурно-блещущий залив;
И, белый парус распустив,
Заливом тем ладья плыла;
¹⁰ Из Витби инокинь несла,
По легким прыгая зыбям,
Она к Кутбертовым брегам.
Летит веселая ладья;
Покрыта палуба ся
Большим узорчатым ковром;
Резной, высокий стул на нём
С подушкой бархатной стоит;
И мать-игуменья сидит
²⁰ На стуле в помыслах святых;
С ней пять монахинь молодых.

II.

Впервой покинув душный плен
Печальных монастырских стен,
Как птички в вольной вышине,
По гладкой палубе оне
Играют, резвятся, шалят...

Все веселит их, как ребят:
Той шаткий парус страшен был,
Когда им ветер шевелил,
И он, надувшись, гремел;
30 Крестилась та, когда белел,
Катясь к ладье, кипучий вал,
Ее ловил и подымал
На свой изгибистый хребет;
Ту веселил зеленый цвет
Морской чудесной глубины;
Когда ж из пенистой волны,
Как черная незапно тень,
Пред ней выскакивал тюлень,
Бросалась с криком прочь она
40 И долго, трепетна, бледна,
Читала шепотом псалом;
У той был резвым вестерком
Покров развеян головной,
Густою, шелковой струёй
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко меж власов,
И девственный поймать покров
Ее заботилась рука,
50 А взор стерег исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Заветной прелестью грудей.

III.

Игуменя порою той
Вкушала с важностью покой,
В подушках нежась пуховых,
И на монахинь молодых
Смотрела с ласковым лицом.
Она вступила в Божий дом
Во цвете первых детских лет,
60 Не оглянулася на свет
И, жизнь навски затворя
В безмолвни монастыря,

По слуху знала издали
О треволнениях земли,
О том, что радость, что любовь
Смушают ум, волнуют кровь,
И с непроснувшейся душой
Достигла старости святой,
Сердечных смут не испытал;
70 Тяжелый инокинь устав
Смиренно, строго сохранять,
Души спасения искать
Блаженной Гильды по следам,
Служить ее честным мощам,
И день и ночь в молитве быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампад, горящих у икон:
В таких заботах проведен
80 Был век ее. Богатый вклад
На обновление оград
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана
Была на славу от нее:
Сияло пышное шитье
Там на покрове гробовом,
И, обложенный жемчугом,
Был вылит гроб из серебра;
И много делала добра
90 Она убогим и больным,
И возвращался пилигрим
От стен ее монастыря,
Хваля Небесного Царя.
Имела важный вид она,
Была худа, была бледна;
Был величав высокий рост;
Лицо являло строгий пост,
И покаянье тмило взор.
Хотя в ней с самых давних пор
100 Была лишь к иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
В монастыре она блюла,

Но для смиренных сестр была
 Она лишь ласковая мать:
 Свободно было им дышать
 В своей келейной тишине,
 И мать-игуменью оне
 Любили детски всей душой.
 Куда ж той позднею порой
 Через залив плыла она?
 110 Была в Линдфарн приглашена
 Она с игуменьей другой;
 И там их ждал аббат святой
 Кутбертова монастыря,
 Чтобы, собором сотворя
 Кровавый суд, проклятье дать
 Отступнице, дерзнувшей снять
 С себя монашества обет
 И, сатане продав за свет
 120 Все блага кельи и креста,
 Забыть Спасителя Христа.

IV.

Ладья вдоль берега летит,
 И берег весь назад бежит;
 Мелькают мимо их очей
 В сиянье западных лучей:
 Там замо́к на скале крутой
 И бездна пены под скалой
 От расшибаемых валов;
 Там башня, сторож берегов,
 Густым одетая плющом;
 130 Там холм, увенчанный селом;
 Там золото цветущих нив;
 Там зеленеющий залив
 В тени зеленых берегов;
 Там Божий храм, среди дерёв
 Блестящий яркой белизной.
 И остров, наконец, святой
 С Кутбертовым монастырем,
 Облитый вечера огнем,

Громадою багряных скал
140 Из вод вдали пред ними встал,
И, приближаясь, тихо рос,
И вдруг над их главой вознёс
Свой брег крутой со всех сторон.
И остров, и не остров он;
Два раза в день морской отлив,
Песок подводный обнажив,
Противный брег сливает с ним:
Тогда поклонник пилигрим
На богомолье по пескам
150 Пешком идет в Кутбертов храм;
Два раза в день морской прилив,
Его от тверди отделив,
Стирает силою воды
С песка поклонников следы.
Нес ветер к берегу ладью;
На самом берега краю
Стоял Кутбертов древний дом,
И волны пенились кругом.

V.

Стоит то здание давно;
160 Саксонов памятник, оно
Меж скал крутых крутой скалою
Восходит грозно над водой;
Все стены страшной толщины
Из грубых камней сложены;
Зубцы, как горы, на стенах;
На низких тягостных столбах
Лежит огромный храма свод;
Кругом идет широкий ход,
Являя бесконечный ряд
170 Сплетенных ветвями аркад;
И крепки башни на углах
Стоят, как стражи на часах.
Вотще их крепость превозмочь
Пыталась вражеская мочь
Жестоких нехристей датчан;

Вотще волнами океан
Всечасно их разит, дробит;
Святое здание стоит
Недвижимо с давнишних пор;
120 Морских разбойников напор,
Набеги хлада, бурь, валов
И силу грозную годов
Перетерпев, как в старину,
Оно морскую глубину
Своей громадою гнетёт;
Лишь кое-где растреснул свод,
Да в нише лик разбит святой,
Да мох растёт везде седой,
Да стен углы оточены
190 Упорным трением волны.

VI.

В ладье монахини плывут;
Приближась к берегу, поют
Святую Гильды песнь оне;
Их голос в поздней тишине,
Как бы сходящий с вышины,
Слиясь с гармонисей волны,
По небу звонко пробсжал;
И с брега хор им отвечал,
И вышел из святых ворот
300 С хоругвями, крестами ход
Навстречу инокинь честных;
И возвестил явленье их
Колоколов согласный звон,
И был он звучно повторён
Отзывом ближних, дальних скал
И весь народ на брег созвал.
С ладьи игуменья сошла,
Благословенье всем дала
И, подпираясь костылем,
310 Пошла в святой Кутбертов дом
Вослед хоругвей и крестов.

VII.

Им стол в трапезнице готов;
Садятся ужинать; потом
Обширный монастырский дом
Толпой осматривать идут;
Смеются, резвятся, поют;
Заходят в кельи, в древний храм,
Творят поклоны образам
И молятся мощам святым...
220 Но вечер холодом сырым
И резкий с моря ветерок
Собраться нудят всех в кружок
К огню, хозяек и гостей;
Жужжат, лепечут; как ручей,
Веселый льется разговор;
И наконец меж ними спор
О том заходит, чей Святой
Своею жизнью земной
230 И боле славы заслужил
И боле небу угодил?

VIII.

«Святая Гильда (говорят
Монахини из Витби) вряд
Отдаст ли первенство кому!
Известна ж боле потому
Ее обитель с давних дней,
Что три барона знатных ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюс, Герберт
240 И Перси; суд сей был простерт
На их потомство до конца
Всего их рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
С тех пор должны к нам приходить
Три старших в роде каждый год
В день Вознесенья, и народ
Тут видит, как игумен их

Становит рядом у честных
 Мощей угодницы святой,
 250 Как над склоненной их главой
 Прочтет псалом, как наконец
 С словами: *все простил чернец!*
 Им разрешение дает;
 Тогда *аминь!* гласит народ.
 К нам повесть древняя дошла
 О том, как некогда жила
 У нас саксонская княжна,
 Как наша вся была полна
 Округа ядовитых змей,
 260 Как Гильда, вняв мольбам своей
 Любимицы святой княжны,
 Явилась, как превращены
 Все змеи в камень, как с тех пор
 Находят в недрах наших гор
 Окаменелых много змей.
 Еще же древность нам об ней
 Сказание передала:
 Как раз во гневе прокляла
 Она пролетных журавлей,
 270 И как с тех пор до наших дней,
 Едва на Витби налетит
 Журавль, застонет, закричит,
 Перевернется, упадет
 И чудной смертью отдает
 Угоднице блаженной честь».

IX.

«А наш Кутберт? Не перечесть
 Его чудес. Теперь покой
 Нашел уж гроб его святой;
 Но прежде... что он претерпел!
 280 От датских хищников сгорел
 Линдфарн, приют с давнишних дней
 Честных угодника мощей;
 Монахи гроб его спасли
 И с гробом странствовать пошли

Из земли в землю, по полям,
Лесам, болотам и горам;
Семь лет в молитве и трудах,
С тяжелым гробом на плечах
Они скитались; в Мельрос
290 Их напоследок Бог принёс;
Мельрос Кутберт живой любил,
Но мертвый в нем не рассудил
Он для себя избрать приют,
И чудо совершилось тут:
Хоть тяжкий гроб из камня был,
Но от Мельроса вдруг поплыл
По Твиду он, как легкий чёлн.
На юг теченьем быстрых волн
Его помчалю; миновав
300 Тильмут и Риппон, в Вардилав,
Препон не встретя, наконец
Привел свой гроб святой пловец;
И выбрал он в жилище там
Святой, готический Дургам;
Но где святого погребли,
Ту тайну знают на земли
Лишь только трос; и когда
Которому из них череда
Расстаться с жизнью придет,
310 Он на духу передаст
Ее другому; тот молчит
Дотоль, пока не разрешит
Его молчанья смертный час.
И мало ль чудесами нас
Святой угодник изумлял?
На нашу Англию напал
Король шотландский, злой тиран;
Пришла с ним рать галвегиан,
Неистовых, как море их;
320 Он рыцарей привел своих,
Разбойников, залитых в сталь;
Он весь подвигнул Тевьотдадь;
Но рать его костями легла:

Для нас Кутбертова была
Хоругвь спасением от бед.
Им ободрен был и Альфред
На поражение датчан;
Пред ним впервой и сам Норман
Завоеватель страх узнал
330 И из Нортумбрии бежал».

X.

Монахини из Витби тут
Сестрам линдфарнским задают
С усмешкою вопрос такой:
«А правда ли, что ваш святой
По свету бродит кузнецом?
Что он огромным молотком
По тяжелой наковальне бьет
И им жемчужины куест?
340 Что на работу ходит он,
Туманной рясой облачен?
Что на приморской он скале,
Чернее мглы, стоит во мгле?
И что, покуда молот бьет,
Он ветер на море зовет?
И что в то время рыбаки
Уводят в пристань челноки,
Боясь, чтоб бурю ночной
Не утопил их ваш святой?»
Сестер линдфарнских оскорбил
350 Такой вопрос; ответ их был:
«Пустого много бредит свет;
Об этом здесь и слуху нет;
Кутберт, блаженный наш отец,
Честной угодник, не кузнец».

XI.

Так весело перед огнём
Шел о житейском, о святом
Между монахинь разговор.

И близко был иной собор,
И суд иной происходил.
360 Под зданьем монастырским был
Тайник — страшной темницы нет;
Король Кольвульф, покинув свет,
Жил произвольным мертвецом
В глубоком подземелье том.
Сперва в монастыре оно
Смиренья кельей названо;
Потом в ужасной келье той,
Куда ни разу луч дневной,
Ни воздух Божий не входил,
370 Прелат Сексгельм определил
Кладбищу осужденных быть;
Но наконец там хоронить
Не мертвых стали, а живых:
О бедственной судьбине их
Молчал невсedomый тайник;
И суд, и казнь, и жертвы крик —
Все жадно поглощалось им;
А если случаем каким
Невнятный стон из глубины
380 И доходил до вышины,
Никто из внесмлющих не знал,
Кто, где и отчего стонал;
Шептали только меж собой,
Что там, глубоко под землёй,
Во гробе мучится мертвец,
Свершивший дней своих конец
Без покаяния во зле
И непрощенный на земле.

ХII.

Хотя в монастыре о том
390 Заклепе казни роковым
И сохранилася молва,
Но где он был? Один иль два
Монаха знали то да сам
Отец аббат; и к тем местам

Ему лишь с ними доступ был;
 С повязкой на глазах входил
 За жертвой сам палач туда,
 В час совершения суда.
 Там зрелся тесный, тяжкий свод;
 400 Глубоко, ниже внешних вод,
 Был выдолблен в утесе он;
 Весь гробовыми замощён
 Плитами пол неровный был;
 И ряд покинутых могил
 С полуистертою резьбой,
 Полузатоптанных землёй,
 Являлся там; от мокроты
 Скопляясь, капли с высоты
 На камни падали; их звук
 410 Однообразно-тих, как стук
 Ночного маятника, был;
 И бледно, трепетно светил,
 Пуская дым, борясь со мглой,
 Огонь в лампаде гробовой,
 Висевшей тяжко на цепях;
 И тускло на сырых стенах,
 Покрытых плесенью, как корой,
 Свет, поглощенный темнотой,
 Туманным отблеском лежал.
 420 Он в подземелье озарял
 Явленье страшное тогда.

ХІІІ.

Три совершителя суда
 Сидели рядом за столом;
 Пред ними разложен на нём
 Устав бенедиктинцев был;
 И, чуть во мгле сияя, лил
 Мерцанье бледное ночник
 На их со мглой слиянный лик.
 430 Товарищ двум другим судьям,
 Игуменья из Витби там
 Являлась, и была сперва

Ее открыта голова;
Но скоро скорбь втеснилась ей
Во грудь, и слезы из очей
Невольно жалость извлекла,
И покрывалом облекла
Тогда лицо свое она.
С ней рядом, как мертвец бледна,
С суровой строгостью в чертах,
440 Обретшая в посте, в мольбах
Бесстрастье хладное одно
(В душе святошеством давно
Прямую святость уморя), —
Тильмутского монастыря
Приорша гордая была;
И ряса, черная как мгла,
Лежала на ее плечах;
И жизни не было в очах,
Черневших мутно, без лучей,
450 Из-под седых ее бровей.
Аббат Кутбертовой святой
Обители, монах седой,
Иссохнувший полумертвец
И уж с давнишних пор слепец,
Меж ними, сгорбившись, сидел;
Потухший взор его глядел
Вперед, ничем не привлечен,
И, грозной думой омрачен,
Ужасен бледный был старик,
460 Как каменный надгробный лик,
Во храме зримый в час ночной,
Немого праха страж немой.
Пред ними жертва их стоит:
На голове ее лежит
Лицо скрывающий покров;
Видна на белой рясе кровь;
И на столе положены
Свидетели ее вины:
Лампада, четки и кинжал.
470 По знаку данному, сорвал

Монах с лица ее покров;
И кудри черных волосов
Упали тучей по плечам.
Приорши строгия очам
Был узницы противен вид;
С насмешкой злобною глядит
В лицо преступницы она,
И казнь ее уж решена.

XIV.

Но кто же узница была?
420 Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой
Окутавшись как пеленой,
Тильмутская обитель вся
Вдруг замолчала; погася
Лампады в кельях, сестры в них
Все затворилась; пуст и тих
Стал монастырь; лишь главный вход
Святых обители ворот
Не заперт и свободен был.
490 На колокольне час пробил.
Лампаду и кинжал берет
И в платье мертвеца идет
Матильда смело в ворота;
Пред нею ночь и пустота;
Обитель сном глубоким спит;
Над церковью луна стоит
И сыплет на дорогу свет;
И виден на дороге след
500 В густой пыли копыт и ног;
И слышен ей далекий скок...
Она с волненьем в даль глядит;
Но там ночной туман лежит;
Все тише, тише слышен скок;
Лишь по дороге ветерок
Полночный ходит да луна
Сияет с неба. Вот она
Минуты две подождала;

Потом с молитвою пошла
 Вперед — не встретится ли с ним?
 510 И долго шла путем пустым;
 Но все желанной встречи нет.
 Вот наконец и дневный свет,
 И на небе зажглась заря...
 И вдруг от стен монастыря
 Послышался набатный звон;
 Всю огласил окрестность он.
 Что ей начать? Куда уйти?
 Среди открытого пути,
 Окаменев, она стоит;
 520 И страшно колокол гудит;
 И вот за ней погоня вслед;
 И ей нигде приюта нет;
 И вот настигнута она,
 И в монастырь увлечена,
 И скрыта заживо под спуд;
 И ждет ее кровавый суд.

XV.

Перед судилищем она
 Стоит, почти умерщвлена
 Терзаньем близкого конца;
 530 И бледность мертвая лица
 Была видней, была страшней
 От черноты ее кудрей,
 Двойною пышною волной
 Обливших лик ее молодой.
 Оцепенев, стоит она;
 Глава на грудь наклонена;
 И если б мутный луч в глазах
 И содрогание в грудях
 Не изменяли ей порой,
 540 За лик бездушный восковой
 Могла б быть принята она:
 Так бездыханна, так бледна,
 С таким безжизненным лицом,
 Таким безгласным мертвецом

Она ждала судьбы своей
 От неспрошающих судей.
 И казни страх ей весь открыт:
 В стене, как темный гроб, прорыт
 Глубокий, низкий, тесный вход;
 550 Тому, кто раз в тот гроб войдет,
 Назад не выйти никогда;
 Коренья, в черепке вода,
 Краюшка хлеба с ночником
 Уже готовы в гробе том;
 И с дымным факелом в руках,
 На заступ опершись, монах,
 Палач подземный, перед ним,
 Безгласен, мрачен, недвижим,
 С покровом на лице стоит;
 560 И грудой на полу лежит
 Гробокопательный снаряд:
 Кирпич, кирка, известка, млат.
 Слепой игумен с места встал,
 И руку тощую поднял,
 И узицу благословил...
 И в землю факел свой вонзил,
 И к жертве подошел монах;
 И уж она в его руках
 Трепещет, борется, кричит,
 570 И, сладив с ней, уже тащит,
 Бесчувственный на крик и плач,
 Ее живую в гроб палач...

XVI.

Сто ступеней наверх вели;
 Из тайника судьбы пошли,
 И вид их был свирепо дик;
 И глухо жалкий, томный крик
 Из глубины их провожал;
 И страх шаги их ускорял;
 И глуше становился стон;
 580 И наконец... умолкнул он.
 И скоро вольный воздух им

Своим дыханием живым
Стесненны груди оживил.
Уж час ночного бденья был,
И в храме пели. И во храм
Они пошли; но им и там
Сквозь набожный поющих лик
Все слышался подземный крик.
Когда ж во храме хор отпел,
590 Ударить в колокол велел
Аббат душе на упокой...
Протяжный глас в тиши ночной
Раздался — из глубокой мглы
Ему Нортумбрии скалы
Откликнулись; услыша звон,
В Брамбурге селянин сквозь сон
С подушки голову поднял,
Молиться об умершем стал,
Недомолился и заснул;
600 Им пробужденный, помянул
Усопшего святой чернец,
Варквортской пустыни жилец;
В Шевьотскую залегши сень,
Вскочил испуганный олень,
По ветру ноздри распустил,
И чутко ухом шевелил,
И поглядел по сторонам,
И снова лег... и снова там
Все, что смутил минутный звон,
610 В глубокий погрузилось сон.

УНДИНА

Старинная повесть

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный Гений;
Природа вся мне песнию была.
Оно прошло, то время золотое;

С природы снят магический венец;
Свет uznанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец.
Но о Мечте, как о весенней птичке,
10 Певавшей мне, с усладой помню я;
И Прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя.
Здесь есть *Одна* — жива как вдохновенье,
Как ясная надежда молода —
На душу мне ся одно явленье
Поэзию наводит завсегда...
Перед пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвен я стоял.
«Кто обречен святому новоселью
20 Тобой в жильцы?» — Судьбу я вопрошал,
И с первою блеснувшей мне денницей
Уж милый гость в той колыбели был;
Он в ней лежал под царской багрянницей,
Прекрасен, тих, как Божий ангел мил.
Года прошли — и мой расцвел младенец,
Прекрасен, тих, как Божий ангел мил;
И мнится мне, что неба уроженец
Утехой в нем на землю прислан был.
Его-то я порою здесь встречаю,
30 Как чистую Поэзию мою;
Им иногда я душу воскрешаю;
При нем подчас, забывшись, и пою.

Глава I.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРИЕХАЛ В ХИЖИНУ РЫБАКА

Лет за пятьсот и поболее случилось, что в ясный, весенний
Вечер сидел перед дверью избушки своей престарелый,
Честный рыбак и починивал сеть. Сторона та, в которой
Жил он, была прекрасное место. Луг, где стояла
Хижина, длинной косою входил в широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берег душистый
В светло-лазурные, чудно-прозрачные воды с любовью

Нежной теснился, что море, влажной трепещущей грудью
Нежно прижавшись к нему и его обнимая, плеснялось
Свежестью шелковой зелени, блеском цветов и прохладой
Темных сеней древесных. Правда, в краю том немного
Было людей: рыбак с женою, и только; дремучий
Лес отделял полуостров от твердой земли. И ужасен
Был тот лес своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были об нем в народе; там было нечисто:
Злые духи гнездились в нем и пугали прохожих
50 Так, что не смели и близко к нему подходить. Но смиренный,
Старый рыбак не боялся враждебных духов; на продажу
Рыбу носил он в город, лежавший за лесом; полон
Набожных мыслей, входил он в его глубину, и ни разу
Там ничего он не встретил, хранимый небесною силой.
Сидя беспечно в тот вечер за неводом, вдруг он услышал
Шум в лесу, как будто бы топот коня и железной
Брони звук; он слушает: шум приближается; робость
Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи
Снилось ему о таинственном лесе, представилось разом
Мыслям его; особенно ж один, великанского роста,
60 Белый, всегда головою странно кивающий. В темный
Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом
Деле сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак.
Вспомнив однако, что все никакой еще не случилось
С ним беды ни в лесу, ни в избушке, в которой так долго
Жил он с женою вдвоем, что нечистый над ними не властен,
Он ободрился, прочел молитву, и сделалось скоро
Даже ему и смешно, когда он увидел, какую
Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий образ
70 Был не что иное, как быстрый ручей, из середины
Леса бегущий и с пеной впадающий в озеро; шум же,
Слышанный им, был от рыцаря: шагом на белом,
Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо
К хижине их приближался. Мантией алого цвета
Был покрыт его фиолетовый, золотом шитый,
Стройный колет; на бархатном черном берете вились
Белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной
Меч с золотой рукоятью искусной работы; а белый
Рыцарев конь был статен, силен и жив; он, копытом

20 Легким едва к луговой мураве прикасаясь, воздушной
Поступью шел и, сгибая красивую шею, как лебедь,
Грыз узду, облитую пеной. Старик, пораженный
Видом статного рыцаря, невод покинул и, снявши
Шляпу, смотрел на него с приветной улыбкой. Приблизь,
Рыцарь сказал: «Могу ль я с конем найти здесь на эту
Ночь убежище?» — «Милости просим, гость благородный;
Лучшим стойлом будет коню твоему наш зеленый
Луг, под кровлей ветвистых дерев; а вкусную пищу
Сам он найдет у себя под ногами; тебе ж мы охотно
Угол очистим в нашем убогом жилище и ужин
90 Скучный с тобою разделим». Рыцарь, кивнув головою,
Спрыгнул с коня, его разнуздан и по свежему лугу
Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно,
Добрый старик, принимаешь меня, но когда б и не столько
Был ты сговорчив, то все бы со мной не разделался нынче:
Море, вижу я, здесь перед нами, и дале дороги
Нет никакой; а вечером поздно в этот проклятый
Лес возвращаться, избави Боже!» — «Не станем об этом
Слишком много теперь говорить», — сказал, озираясь,
Старый рыбак и в хижину ввел усталого гостя.
100 Там, перед ярким огнем, горевшим в камине и в чистой
Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле широким
С спинкой резною сидела жена рыбака пожилая.
Гостя увидев, старушка встала, ему поклонилась
Чинно и села опять, ему отдать не подумав
Место свое. Рыбак, засмеявшись, сказал: «Благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стул для себя сберегла: у нас такой уж обычай;
Лучшее место всегда старикам уступается». — «Что ты,
Дедушка! — с кроткой усмешкой сказала хозяйка. — Ведь гость наш,
110 Верно, такой же Христов человек, как и мы, и придет ли,
Сам ты скажи, молодому на ум, чтоб ему уступали
Старые люди лучшее место? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, — она продолжала, — да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна». Рыцарь взял осторожно скамейку, придвинул к камину,
Сел, и сердцу его так стало уютно, как будто б
Был он у милых родных, возвратясь из чужих в отчизну.

Стали они разговаривать. Рыцарь разведать о страшном
 Лесе хотел, но рыбак ночью порою боялся
 120 Речь о нем заводить; зато о своей одинокой
 Жизни и промысле трудном своем рассказывал много.
 С жадностью слушали муж и жена, когда говорил им
 Рыцарь о том, как в разных землях он бывал, как отцовский
 Замок его у истоков Дуная стоит, как прекрасна
 Та сторона; он прибавил: «Меня называют Гульбрандом,
 Имя же замка Рингштеттен». Так говоря, не однажды
 Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за окошком,
 Точно как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи.
 Всякий раз с досадой нахмуривал брови, услышав плесканье,
 130 Старый рыбак; но когда же как ливнем вдруг обдало стекла,
 Так, что окно зазвенело и в горницу брызги влетели,
 С сердцем вскочил он и крикнул в окошко с угрозой: «Ундина!
 Полно проказничать; стыдно; в хижине гости». При этом
 Слове стало там тихо, лишь изредка слышен был легкий
 Шепот, как будто бы кто потихоньку смеялся. «Почтенный
 Гость, не взыщи, — сказал рыбак, возвратившись на место. —
 Может быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого
 Умысла нет у нее. То наша дочка Ундина,
 140 Только не дочка родная, а найденыш; сущий младенец,
 Все проказит, а будет ей лет уж осьмнадцать; но сердце
 Самое доброе в ней». Покачав головою, старушка
 Молвила: «Так говорить ты волсн; когда ты усталый
 С ловли приходишь домой, то тебе на досуге забавны
 Эти проказы; но, с утра до вечера дома глаз на глаз
 С нею пробыв, от нее не добиться путного слова —
 Дело иное; тут и святой потеряет терпенье».—
 «Полно, старуха, — рыбак отвечал, — ты бьешься с Ундиной,
 Я с причудливым морем: разве не часто мой невод
 Портит оно и плотины мои размывает, а все мне
 150 Любо с ним: то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
 Все Ундиночку любишь. Не так ли?» — «Что правда, то правда;
 Вовсе ее разлюбить уж нельзя», — кивнув головою,
 Кротко сказала старушка. Вдруг растворилась настезь
 Дверь; и в нее, белокурая, легкая станом, с веселым
 Смехом впорхнула Ундина, как что-то воздушное. «Где же
 Гости, отец? Зачем ты меня обманул?» Но, увидя

Рыцаря, вдруг замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнув звездами под сумраком черных ресниц, устремились
Быстро на гостя, а он, изумленный чудным явленьем,
160 Был, как вкопанный, жадно смотрел на нее и боялся
Взор отвести: он думал, что видит сон, взглядеться
В образ прекрасный спешил, пока он не скрылся. Ундина
Долго смотрела, пурпурные губки раскрыв, как младенец;
Вдруг, встрепенувшись резвою птичкой, она подбежала
К рыцарю, стала пред ним на колена и, цепью блестящей,
К коей привешен был меч, играя, сказала: «Прекрасный,
Милый гость, какую судьбой очутился ты в нашей
Хижине? Долго ты по свету должен был странствовать, прежде
Нежели к нам дорогу найти? Скажи, через лес наш
170 Как ты проехал?» Но он отвечать не успел; на Ундину
Крикнула с сердцем старушка: «Оставь в покое, Ундина,
Гостя; встань и возьми за работу». Ундина, ни слова
Ей не сказавши в ответ, схватила скамейку и, севши
Подле Гульбранда с своим рукодельем, тихонько шепнула:
«Вот где я буду работать». Старик притворясь, что не видит
Новой проказы ее, хотел продолжать; но Ундина
Речь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда приехал ты к нам? Дождусь ли ответа?» —
«Из лесу прямо приехал я, прелесть моя». — «Расскажи же,
180 Как ты в лесу очутился и что в нем чудного видел?»
Трепет почувствовал рыцарь, вспомнив о лесе; невольно
Он обратил глаза на окошко, в которое кто-то
Белый, ему показалось, глядел; но было в окошке
Пусто, за стеклами ночь густая чернела. Собравшись
С духом, рассказ он готов был начать, но старик торопливо
Молвил ему: «Недоброе время теперь нам об лесе
Речь заводить; расскажешь нам завтра». Услышавши это,
С места вскочила Ундина, и глазки ее засверкали.
«Нынче, не завтра он должен рассказывать! нынче, теперь же!» —
190 Вскрикнула с сердцем она и, бровки угрюмо нахмурив,
Топнула маленькой ножкою об пол; и в эту минуту
Так забавно мила и прелестна была, что в Гульбранде
Вспыхнуло сердце, и он еще боле пленился смешною,
Детской ее запальчивостью, нежели резвостью прежней.
Но рыбак, рассердясь не на шутку, причудницу начал

Крепко журить за ее упрямство и дерзкую вольность
С гостем. Старушка пристала к нему. Тут Ундина сказала:
«Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сделать, о чем я прошу, так прощайте ж; одни оставайтесь
200 В вашей скучной, дымной лачужке». С сими словами
Прыгнула в двери она и в минуту во мраке пропала.

Глава II.

О ТОМ, КАК УНДИНА В ПЕРВЫЙ РАЗ ЯВИЛАСЬ В ХИЖИНЕ РЫБАКА

Рыцарь вскочил, за ним и рыбак, и бросились оба
В дверь, чтоб ее удержать, но напрасно: Ундина так быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, в какую
Сторону вздумалось ей побежать. Испуганным взором
Рыцарь спросил рыбака: «Что делать?» — «Уж это не в первый
Раз, — рыбак проворчал, — такими побегамися часто
Нас забавляет она; теперь опять мне придется
Целую ночь напролет без сна проворочаться с боку
210 На бок на жесткой постеле моей: ведь мало ль, что может
Встретиться ночью!» — «Зачем же медлить? Пойдем поскорее
Сами за нею». — «Труд бесполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворе: куда мы пойдем? И кто угадает,
Где она спряталась?» — «Будем, по крайней мере, — прибавил
Рыцарь, — хоть кликать ее». И кричать он начал: «Ундина!
Где ты, Ундина?» Старик покачал головою: «Как хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется нам, а уж верно
Где-нибудь близко сидит; еще ты не знаешь, какая
Это упрямыца». Так говоря, старик с беспокойством
220 В темную ночь глядел и не мог утерпеть, чтоб туда же
Вслед за Гульбрандом не крикнуть: «Ундиночка! милая! где ты?»
Правду, однако, он предсказал: никакой там Ундины
Не было. Долго кричав понапрасну, они наконец возвратились
Оба в хижину; там уж было темно, и старушка,
Менее мужа о том, что с Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и в камине огонь, догоревши, потухнул;
Только немногие уголья тлели, и синсе пламя,
Изредка вспыхнув, трепещущий свет разливало и гасло.

Снова разведши огонь, рыбак наполнил большую
230 Кружку вином и поставил ее перед гостем. «Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснем; так не лучше ли будет, когда мы,
Вместо того чтоб в бессоннице жесткой рогожей
Грешное тело тереть, посидим у огня и за доброй
Кружкой вина о том и другом побеседуем? Как ты
Думаешь, добрый мой гость?» Гульбранд согласился охотно.
Сесть принудив его на почетном оставленном стуле,
Честный старик поместился с ним рядом, и вот дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждом малейшем
Шорохе — стукнет ли что в окошко, и даже нередко
240 Просто без всякого стука и шороха — вдруг умолкали
Оба и, палец поднявши, глаза неподвижно уставив
В двери, слушали; каждый шептал: «идет!» — и не тут-то
Было; не шел никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговор. «Расскажи мне, — сказал напоследок
Рыцарь, — как вам случилось найти Ундину?» — «А вот как
Это случилось, — рыбак отвечал. — Тому уж двенадцать
Будет лет, как я с товаром моим через этот
Лес был должен отправиться в город; жену я оставил
Дома, как то бывало всегда, а в то время и нужно
250 Было ей дома остаться. Зачем, ты спросишь? Господь нам
В поздние наши лета даровал прекрасную дочку;
Как же было покинуть ее? Товар мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мне ничего, как и прежде, в лесу недоброго встретить;
Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот
Страшный лес мне идти удавалось: а с Ним и опасный
Путь не опасен». При этом слове старик с умиленным
Видом шапочку снял с головы и, руки сложивши,
В набожных мыслях минуты на две умолкнул; потом он
260 Шапочку снова надел и так продолжал: «Я с всемым
Сердцем домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся в слезах навстречу ко мне жена прибежала.
“Царь небесный! что случилось? — я воскликнул. — Где наша
Дочка?” — “Она у того, чье имя ты в эту минуту,
Бедный мой муж, призываешь”, — жена отвечала. И молча,
Горько заплакав, пошел я за нею в хижину; тела
Милой малютки моей я глазами искал там, но тела

Не было. Вот как это случилось: с нашим младенцем
Подле воды на траве жена спокойно сидела;
270 С ним в беззаботном веселье играла она; вдруг малютка
Сильно к воде протянулась, как будто чудесное что-то
В светлых приметя струях; и видит жена, что наш милый
Ангел смеется, ручонками что-то хватая; но в этот
Миг как будто какой невидимой силой швырнуло
В волны дитя, и в их глубине бедняжка пропала.
Долго я тела искал, но напрасно, нигде и приметы
Не было. Вот мы, на старости две сироты, в безотрадном
Горе сидели в тот вечер вдвоем у огня и молчали:
280 Если б и можно было от слез говорить, то не стало б
Духу; и так, мы оба молчали, глаза устремивши
В тусклый огонь; как вдруг в дверях послышался легкий
Шорох; они растворились — и что же видим мы? Чудной
Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе,
Нам улыбаясь, как ангел, стоит на пороге. Сначала
Мы в изумленье не знали, живой ли то был человек
Или обманчивый призрак какой; но скоро заметил
Я, что вода с золотых кудрей и с платья малютки
Капала; я подумал, что, верно, младенец недавно
290 Был в воде и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Так сказал я жене: “Никто не подумал спасти нам
Милое наше дитя; по крайней мере, мы сами
Сделаем то для других, чего не могли нам другие
Сделать, и что на земле блаженством было бы нашим”.
Мы раздели малютку, ее положили в постель и напиться
Дали горячего ей; а она все молчала и только,
Светло-небесными глазками глядя на нас, улыбалась.
Скоро заснула она и свежа, как цветочек весенний,
Утром проснулась; когда ж мы расспрашивать стали, откуда
300 Родом она и как попала к нам в хижину, толку
Не было в странных ответах ее никакого; и вот уж
Ровно двенадцать лет, как с нами живет, а добиться
Путного мы не могли от нее ничего; по рассказам
Вздорным ее подумать легко, что она к нам упала
Прямо с луны: о каких-то замках прозрачных, жемчужных
Гротах, коралловых рощах и разных других небылицах
Все твердит и теперь, как твердила тогда; удался

Выведать только одно, что, катаясь по морю в лодке,
 С матерью, в воду упала она и что волны на здешний
 Берег ее принесли, где она и очнулась... В сомненье
 310 Тяжком остались мы: хотя и было не трудно
 Нам решиться наместо родной потерянной дочки
 Взять чужую, нам данную Богом самим; но не знали
 Мы, крещена ли она иль нет? Сказать же об этом
 Нам ничего не умела бедняжка, хотя и понятно
 Было ей, что она жила по воле Господней
 В здешнем свете, хотя и была смиренно готова
 Все то исполнить, что с волей Господней согласно. И вот что
 Мы в таком затрудненье придумали вместе с женою:
 Если она еще не была крещена, то не должно
 320 Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
 Долг святой совершить не будет греха. Но какое
 Дать ей имя? И в ум нам пришло, что ее Доротеей
 Было б всего приличней назвать: мы слыхали, что значит
 Это имя *дар Божий*, она же была милосердым
 Господом Богом дарована горести нашей в отраду.
 Но об имени этом она и знать не хотела. “Ундиной
 Звали меня отец мой и мать; хочу и остаться
 Вечно Ундиной!” Но было ли то христианское имя,
 Мы не знали. И вот я пошел за священником в город;
 330 Он согласился прийти к нам; сначала имя Ундины
 Было противно ему, как и нам; но наша малютка,
 В платье странном своем, была так чудесно красива,
 Так ласкалась к нему и в то же время так мило,
 Так забавно спорила с ним, что сам он не в силах
 Был противиться ей, — и ее окрестили Ундиной.
 Сладостно было смотреть на нее в продолженье святого
 Таинства: дикая резвость исчезла, и тихим, смиренным
 Агнцем стояла она, как будто бы чувствуя, что с ней
 В это время творилось. Правду молвить, немало
 340 С нею хлопот нам, и если бы все рассказать мне...» Но рыцарь
 Тут перервал рыбака; он шепнул: «Послушай! послушай!
 Что там?» Не раз уж во время рассказа был он встревожен
 Шумом воды; но в эту минуту был явственно слышен
 Рев потока, который бежал с возрастающей силой
 Мимо хижины. Оба вскочили и бросились в двери;

В месячном свете открылося им, что ручей, выходящий
Из леса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
С треском дерева, в море бежал; и было все небо,
Так же как море, взволновано; тучи горами катились
350 Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность под блеском и тьмой трепетала; при свисте
Вихря было внятно, как море свирепое голос
Свой воздымало и как, скрипя от вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались ветвями дерева. «Ундина!..
Царь мой небесный!.. Ундина!» — старик закричал; но ответа
Не было. Оба тогда побегали, забывши о буре,
Каждый свою дорогою, к лесу, и громко при шуме
Ветра в ночной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!»

Глава III.

О ТОМ, КАК БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА

Странное что-то чувствовал рыцарь, скитаясь во мраке
360 Ночи, под шумом бури, один, в бесполезном исканье:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призрак,
В темном лесу его обманувший, была; и при свисте
Вихря, при громе воды, при треске деревьев, при чудном
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращенье
Начал он думать, что море, луг, источник, рыбацья
Хижина, старый рыбак и все, что с ним ни случилось,
Было обман; но жалобный крик старика, зовущий Ундину,
Все ему издали слышался. Вот наконец очутился
Он на самом краю лесного ручья, который в разливе
370 Бурном своем бежал широкою, мутной рекою,
Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стояла
Хижина, сделался островом. «Боже! — рыцарь подумал, —
Что, когда Ундина отважилась в лес, и назад ей
Нет оттуда дороги, и там у злых привидений
Плачет она одна в темноте?» От ужаса вскрикнув,
Он поспешно поднял с земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сук, чтоб, держась за него, перебраться
В лес через воду. Хотя и сам он дрожал, вспоминая
Все, что там видел прошедшим днем; хотя и казалось

360 В эту минуту ему, что стоял там, ровён с деревьями,
Белый, слишком знакомый ему великан и, оскалив
Зубы, кивал ему головою, — но самый сей ужас
Только что с большею силою влек его в лес: там Ундина
В страхе, одна, без защиты была. И вот уж ступил он
Смелой ногою в кипучую воду, как вдруг недалеко
Сладостный голос сказал: «Не ходи, не ходи, берегися
Злого потока; старик сердит и обманчив». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
390 Он же стоял в воде, озирался и слушал; но месяц
Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и он, через силу держася,
Был как в чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искав в темноте, наконец он воскликнул: «Ундина!
Ты ли? Где ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Сам в поток за тобой; откликнись; мне лучше погибнуть,
Нежели быть без тебя». И глубже в воду пошел он.
Тот же голос и так же близко сказал: «Оглянися!» —
В эту минуту вышел месяц из тучи, и рыцарь
400 В блеске его увидел Ундину. Был маленький остров
Подле берега быстрым разливом ручья образован;
Там, под навесом деревьев густых, в траве угнездившись,
Призраком светлым сидела Ундина. Было нетрудно
В этом месте поток перейти, и Гульбранд очутился
Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж, приподнявшись,
Руки вокруг шеи его обвила и его поневоле
Рядом с собой посадила. «Теперь ты расскажешь мне, милый,
Повесть свою, — шепнула она, — мы одни; старики нас
Здесь не услышат и скучным своим ворчаньем не могут
410 Нам помешать; а эта густая древесная кровля
Стойт их хижины дымной». — «Здесь рай, Ундина!» — воскликнул
Рыцарь, прижавши ко груди ее с поцелуем горячим.
В эту минуту рыбак, проискавши напрасно Ундину,
К месту тому подошел и увидел их с берега. «Рыцарь! —
Он закричал, — непохвальное дело ты делаешь; нами
Был ты доверчиво принят; а ты теперь, обнимаясь
С нашей дочкой, шепчешься с нею тайком и оставил
В страхе меня, старика, одного по-пустому за нею
Бегать в потемках». — «Я сам, — отвечивал рыцарь, — лишь только

В эту минуту встретился с нею». — «Тем лучше; скорее ж
420 Оба ко мне перейдите сюда на твердую землю». Но Ундина о том не хотела и слышать; и лучше В страшный лес она соглашалась с милым, прекрасным Гостем пойти, чем в несносную хижину, где не хотели Делать того, о чем просила она, и откуда Рано или поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись Крепко к нему, она гармонически, тихо запела: «В душевной долине волна печально трепещет и бьется; Влившись в море, она из моря назад не польется». Горько заплакал рыбак, услышав ту песню; ее же
430 Слезы его как будто не трогали: к рыцарю с детской Лаской она прижималась. Но рыцарь сказал ей: «Ундина, Разве не видишь, как плачет отец? Не упрячься ж; нам должно, Должно к нему возвратиться». В немом изумленье Ундина Быстро свои голубые глаза на него устремила, Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь, милый, Я согласна». И с видом покорным, глаза опустивши, Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно Рыцарь поток перешел. Старик со слезами на шею Кинулся к ней и в радости был как дитя; прибежала
440 Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку Нежно они целовали; упреков не было; в добром Сердце Ундины все также утихло, и их обнимала С лаской сердечной она, просила прощенья, смеялась, Плакала, милые все имена им давала. А утро Тою порой занялось, и буря умолкла, и птицы Начали петь на свежих, дождем ожемчуженных ветках; Стало светло, и опять приступать принялася Ундина К рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой. И так согласилась Завтрак принести под деревья. Ундина проворно уселась
450 Подле Гульбрандовых ног на траве; другого же места Выбрать никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал.

Глава IV.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РЫЦАРЕМ В ЛЕСУ

«Вот уж боле недели, как я в тот вольный имперский Город, который лежит за вашим лесом, приехал;

Там был турнир, и рыцари копыя ломали усердно.
Я не щадил ни себя, ни коня. Подошедши к ограде
Поля, дабы отдохнуть от веселой работы, я шлем свой
Снял и отдал его щитоносцу; и в эту минуту
Вижу на ближнем алтане девицу, в богатом уборе,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда —
460 Мне сказали — питомица знатного герцога, в ближнем
Замке живущего. Мне показалось, что с ласковым видом
Смотрит она на меня, и во мне загорелась двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но с этой минуты
Дело пошло уж иначе. А вечером с нею одною
Я танцевал; и так продолжалось во все остальные
Дни турнира». В эту минуту почувствовал рыцарь
Сильную боль в опущенной левой руке; оглянувшись,
Видит он, что Ундина, жемчужными зубками стиснув
Палец ему, сердито нахмурила бровки, и в глазах,
Ярко светившихся, бегали слезки; потом, на Гульбранда
С грустным упреком взглянув, она ему погрозила
Пальцем; потом вздохнула, потом наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолк на минуту; потом он рассказ свой
Так продолжал: «Бертальда прекрасна, нельзя не признаться;
Но чересчур уж горда и причудлива; мне во второй раз
Нравилась мене она, чем в первый, а в третий раз мене,
Чем во второй. Однако мне показалось, что боле
Всех других я замечен был ею, и это мне льстило.
Вот мне вздумалось в шутку ее попросить, чтоб перчатку
480 Мне свою подарила она. “Подарю, — отвечала
С гордой усмешкой Бертальда, — если осмелишься, рыцарь,
Съездить один в заколдованный лес наш, и верные вести
Мне принесешь о том, что в нем происходит”. Перчатка
Мне дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызов такой от себя отклонить, и я согласился». —
«Разве тебя не любила она?» — спросила Ундина.
«Я ей нравился, — рыцарь ответствовал, — так мне казалось». —
«О! так она сумасшедшая, — вскрикнула громко Ундина,
С радостным смехом захлопав в ладони. — Кто ж не безумный
490 С милым себя разлучит и его добровольно в волшебный
Лес на опасное дело пошлет? От меня б не дождался
Этот лес такой неслыханной почести». — «Рано

Утром вчера, — продолжал Гудбранд, улыбнувшись Ундине, —
Я отправился в путь. Спокойно сияли деревья
В блеске зари, полосами лежавшем на зелени дерна;
Было свежо; благовонные листья так сладко шептались,
Все так манило под сумрак прозрачный, что я поневоле
Злился на глупых людей, которым страшилища в райском
Месте таком могли померещиться. Въехал я в чащу;
500 Мало-помалу все стало пустынно и тихо; густея,
Лес предо мной и за мною сдвигался, как будто хватая
Тысячью рук волшебных меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержал: посмотреть, высоко ли
Было солнце, хотел я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то копышется в ветвах дубовых.
Я подумал, что то был медведь; обнажаю поспешно
Меч. Но вдруг человеческим голосом, диким, визгливым,
Мне закричали: «Кстати пожаловал; милости просим;
Мы уж и веток сухих наломали, чтоб было на чем нам
510 Вашу милость изжарить». Потом, с отвратительно-диким
Смехом оскаливши зубы, чудовище так зашумело
Ветвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успел разглядеть, какой там гнезился
Дьявол». При имени этом рыбак и старушка с молитвой
Перекрестились; Ундина ж тихонько шепнула: «Всего здесь
Лучше, по-моему, то, что ты не изжарен, мой милый
Рыцарь, и то, что ты с нами. Рассказывай далее». — «Конь мой
Мчался как бешеный, — рыцарь сказал, — им владеть не имел я
Силы; вдруг перед нами стремнина, и скачет со мной он
520 Прямо в нее; но в самое ж это мгновение кто-то
Длинный, огромный, седой, перерезавши нашу дорогу,
Вдруг перед диким конем повалился, и конь, отшатнувшись,
Стал, и снова я им овладел. Озираюся — что же?
Мой спаситель был не седой великан, а блестящий
Пенный ручей, бежавший с холма». — «Благодарствую, милый,
Добрый ручей», — закричала, захлопав в ладоши, Ундина.
Тяжко вздохнув и нахмурясь, рыбак покачал головою;
Рыцарь рассказывал далее: «Собрав повода, укрепился
Я на седле. Вдруг вижу, какой-то стоит человек
530 Рядом с конем, отвратительный, грязный горбун, земляного
Цвета лицо, и нос огромный такой, что, казалось,

Был он длиною со все остальное тело уroda.
Он хохотал, оскаливал зубы, шаркал ногами,
Гнулся в дугу. Я его оттолкнул и, коня повернувши,
Был готов пуститься в обратный путь (уж склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карлик,
Прянув как кошка, дорогу коню заслонил. “Берегися, —
Я закричал, — раздавлю”. Но урод, исковеркавшись снова,
Начал визжать: “Сперва заплати за работу; ты в пропасть
540 Вместе с конем бы слетел, когда бы не я подвернулся”. —
“Лжешь ты, кривляка, — сказал я, — не ты, а этот источник
Нас сохранил от паденья. Но вот тебе деньги; оставь нас,
Дай дорогу”. И, бросив одну золотую монету
В шапку уроду, поехал я шибче; но снова явился
Рядом со мной он; я шпорю коня; конь скачет, но сбоку
Скачет и карлик, кривляясь, коверкаясь, с хохотом, с визгом,
Высунув красный с локоть длиною язык. Чтоб скорее
С ним развязаться, бросаю опять золотую монету
В шапку ему; но, с хохотом диким оскаливши зубы,
550 Начал кричать он: “Поддельное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!” И в эту минуту
Мне показалось, что вдруг просветлела земная утроба;
Дерн изумрудом прозрачным сделался; взор мой свободно
Мог сквозь него проникать в глубину; и тогда мне открылась
Область подземная гномов: они гомозились, роились,
Комкались в клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали в кучи рубин, и сапфир, и смарагд и пускали
Вихри песка золотого друг другу в глаза. Мой сорпутник
Быстро метался то вниз, то вверх; и ему подавали
560 Слитки огромные золота; мне показав их со смехом,
Каждый он в бездну бросал, и, из пропасти в пропасть со звоном
Падая, все в глубине исчезали. Тогда он монету,
Данную мною, швырнул с пронзительным хохотом в бездну;
Хохотом, шиканьем, свистом ему отвечали из бездны.
Вдруг взгомозились все и, толпяся, толкаясь, полезли
Кверху, когтистые, пылью металлов покрытые пальцы
Все на меня растопоршив; вся пропасть, казалось, кипела;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
Ужас меня одолел; дав шпоры коню, без оглядки
570 Я поскакал... и не знаю, долго ль скакал; но очнувшись,

Вижу, что нет никого; привиденья исчезли; прохладно
Было в лесу, и вечер уже наступил. Сквозь деревья
Бледно мелькала тропинка, ведущая из лесу в город.
Взъехать спешу я на эту тропинку; но что-то седое,
Зыбкое, дым не дым, туман не туман, поминутно
Вид свой меняя, стало меж ветвей и мне заслонило
Путь; я пытаюсь объехать его, но куда ни поеду,
Там и оно; рассердившись, скачу напролом; но навстречу
Прыщит мне пена, и ливнем холодным я обдан, и рвется
520 Конь мой назад; ослеплен, промочен до костей, я бросаюсь
Вправо и влево, но все не могу попасть на тропинку.
Белый никак на нее не пускает меня. Попытаюсь
Ехать обратно — за мной по пятам он, но смирен и волю
Путь продолжать мне даст; но лишь только опять на тропинку
Въеду — он тут, и опять заслоняет ее, и холодной
Пеной меня обдаст. Наконец поневоле я выбрал
Ту дорогу, к которой меня он теснил так упорно;
Он унялся, но все от меня не отстал и за мною
Бледно-туманным столбом подвигался; когда же случилось
590 Мне оглянуться, то чудилось мне, что этот огромный
Столб с головой, что в меня упирались тускло и зорко
С чудным каким-то миганьем глаза и кивала
Всякий раз голова, как будто меня понукая
Ехать вперед. Но порою мне просто казалось, что этот
Странный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я,
Выехав из лесу, здесь очутился и встретился с вами,
Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой спутник.
Рыцарь кончил рассказ свой. «Мы рады тебе, благородный
Гость наш, — сказал рыбак, — но пора и о том нам подумать,
600 Как бы тебе возвратиться в город». Ундина, услышав
Эти слова, начала про себя тихомолком смеяться
С видом довольным. То рыцарь заметив, сказал ей: «Ундина,
Разве ты рада разлуке со мною? Чему ты смеешься?» —
«Я уж знаю чему, — отвечала Ундина. — Отведай
Этот сердитый поток переплыть — верхом иль на лодке,
Как угодно — ан нет, не удастся! а морем... давно я
Знаю, что этого сделать нельзя; и отец недалеко
В море уходит с лодкой своею. Итак, оставайся
С нами, рад ли, не рад ли. Вот чему я смеюсь».

610 Рыцарь с улыбкою встал, чтоб видеть, так ли то было,
Что говорила Ундина; встал и рыбак; а за ними
Вслед и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей в лесу; поток разлился, и стал полуостров
Островом. Рыцарь не мог о возврате и думать, и должен
Был поневоле он ждать, пока в берега не вольтется
Снова поток. Возвращаясь в хижину рядом с Ундиной,
Он ей шепнул: «Что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что с вами
Я остаюсь?» — «Полно, полно, — она проворчала,
Бровки нахмутив, — не вздумай тебя укусить я за палец,
620 Ты бы не то рассказал нам об этой несносной Бертальде».

Глава V.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖИЛ У РЫБАКА В ХИЖИНЕ

Может быть, добрый читатель, тебе случилось в жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Место, где было тебе хорошо, где живущая в каждом
Сердце любовь к домашнему быту, к семейному миру
С новою силой в тебе пробуждалась; и снова ты видел
Край родимый; и все обаяния младости, блага
Первой, чистой любви на могилах минувшего снова
В прежней красе расцветали, и ты говорил, отдыхая:
Здесь живет сладко, здесь сердцу будет уютно.
630 Вспомнив такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнимал безыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что должен был чувствовать рыцарь,
Вдруг поселившись в этом пределе, далеко от света.
Часто он с радостью тайной смотрел, как поток, свирепя,
День ото дня расширялся и остров все далек и далек
В море входил, разлучаясь с твердой землею; казалось,
Мир кончался за ним. На сердце рыцаря стало
Тихо, светло и легко. Рыбак был мудрец простодушный;
Зная людей, изведав тревоги житейские, бывши
640 Ратником сам в молодых годах, на досуге он много
Мог рассказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словом, он был живая летопись; время без скуки
Шло в разговорах меж старцем отжившим и юношей, полным

Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо из жизни
Взятая здравым рассудком и верою в Бога, вливалась
В душу Гульбранда и в ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старик промышлял по-прежнему рыбною ловлей;
Был не без дела и рыцарь: в хижине, к счастью, нашелся
Старый доспех рыбака, самострел; его починивши,
650 С ним ежедневно рыцарь ходил на охоту; а вечер
Вместе все перед ярким огнем проводили, и полный
Кубок тогда частенько постукивал в кубок: в запасе
Было вино, и нередко с ним длилась беседа до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
В этом жилище, куда суеты не входили, каким-то
Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы, причудливость никсы,
Свежесть цветка, порхливость сальфиды, изменчивость струйки...
Словом, Ундина была несравненным, мучительно-милым,
660 Чудным созданием; и прелесть ее проницала, томила
Душу Гульбранда, как прелесть весны, как волшебство
Звуков, когда мы так полны болезненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нрав и смешные причуды Ундины
Были подчас и докучливой мукой; зато и журили
Крепко ее старики; и тогда шалунья так мило
Дулась на них, так забавно ворчала; потом так сердечно
С ними, раскаясь, мирилась; потом проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сетью, которою мало-помалу опуталось сердце
670 Рыцаря. С нею он стал неразлучен; с каждою мыслью,
С каждым чувством слилась Ундина. Но, им обладая,
Той же силе она и сама покорялась; хотя в ней
Все осталось по-прежнему, резвость, причуды, упрямство,
Вздорные выдумки, детские шалости, взбалмошный хохот,
Но Ундина любила — любила беспечно, как любит
Птичка, летая средь чистого неба. Старик и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вместе, невольно привыкли
Их почитать женихом и невестой. И рыцарю также
680 Часто на мысль приходило, что в мир для него невозвратно
Вход загражден, что с людьми никогда уж ему не встречаться.
Если ж случалось, что рыцарев конь, на свободе бродивший
По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как будто

Спрашивал: скоро ли в битву? пль если ему попадался
Брошенный щит на глаза иль праздно на стенке висевший
Меч, ненароком сорвавшись с гвоздя, из ножен выдвигался
В звонком паденье — дума о славе и подвигах бранных
Душу его шевелила. Но в этой тревоге себя он
Тем утешал, что возврат для него невозможен; к тому же,
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
690 Доли; и, словом, он верил, что все то не случай, а Божий
Промысел было. И так один за другим неприметно
Дни уходили, ясные, тихие. Но и в спокойном
Этом быту напоследок случилось расстройство: привыкли
Каждый вечер рыбак и рыцарь, отужинав, с полным
Кубком час-другой проводить в разговоре радушном;
Вдруг неостало вина: запас рыбака небогатый
Вышел; взять же нового было негде. Наморщив
Лбы, сидели Гульбранд и рыбак за столом; а Ундина,
Глядя на них, умирала со смеху. Скучен и долог
700 Был тот вечер, и рано все разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина из хижины. «Вы мне
Оба несносны, — сказала она, — не хочу я на ваши
Длинные лица смотреть и слушать вашу зевоту».
С этим словом захлопнула двери и скрылась. А вечер
Был ненастен, ветер шумел, и море сердилось.
В страхе рыбак и рыцарь вскочили, вспомнив, как первый
Раз они перепуганы были Ундиной. Но только
В двери за нею они собрались побежать, как Ундина
Им навстречу явилась сама. «За мною! за мною
710 Все! — закричала она, — гостинец прислало нам море;
Бочка, и, верно, с вином, лежит на песке». За Ундиной
Все пошли, и, подлинно, бочка нашлася; поспешно
Рыцарь, старик и с ними Ундина ее покатали
К хижине: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, как на море волны свои подымали седые
Головы, дождь вызывая из туч; и тучи бежали
Шибко и шумно, как будто грозясь напасть на идущих;
Вот уж начали сыпаться первые капли. Ундина
Вдруг повернула головку и, пальчик поднявши, сердито
720 Им погрозила туче и сй закричала: «Смотри ты,
Туча, не смей замочить нас; еще нам далёко до дома».

С сердцем рыбак ей сказал: «Уймися, Ундина, грех!» И, умолкнув,
 Стала она про себя потихоньку смеяться. Однако
 Засухо все добрались до места; но только успели
 Бочку под кровлю поставить, и вскрыть, и отведать, какое
 Было вино в ней, как дождь проливной зашумел, зашатались
 С скрипом деревья, и море дико завывло. Но бурю
 В хижине скоро забыли; за полными кружками снова
 Ум разогрелся, и ожили шутки; и этой беседе
 730 Прелесть двойную давал огонек, всегда столь приятный
 В теплом приюте, при шуме ветра и моря, во время
 Ночи ненастной. Но вдруг старик, как будто что вспомнив,
 Стал задумчив; потом, помолчавши минуту, сказал он:
 «Царь небесный, помилуй нас, грешных! мы здесь на досуге
 Шутим и этим прекрасным вином веселимся; а бедный
 Превжний хозяин его, быть может, погиб и, волнами
 Брошенный бог весть куда, лишен погребенья». При этом
 Слове Ундина с лукавой усмешкой подвинула кружку
 К рыцарю. «Шей, не бойся», — она прошептала. Но рыцарь
 740 За руку взял старика и воскликнул: «Я честью клянуся,
 Если б могли мы его отыскать и спасти, то ночная
 Буря помехою мне не была бы; с опасностью жизни
 Я бы на помощь к нему побежал; зато обещаюсь,
 Если когда возвращуся в край обитаемый, вдвое,
 Втрое ему иль детям его заплатить за прекрасный
 Этот напиток, который без воли его нам достался».

Добрый старик кивнул головою в знак одобренья;
 В нем успокоилась совесть, и с бóльшим вкусом он дóпил
 Кружку. Но тут Ундина сказала Гульбранду: «Ты денег
 750 Сколько угодно можешь за это вино рассорить; но бросаться
 В воду и жизни своей не жалеть... вот это уж глупо
 Сказано было; что же будет со мною, когда ты,
 Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше с Ундиной
 Здесь останешься?» — «Правда, Ундиночка», — рыцарь с улыбкой
 Ей отвечал. «Признайся ж, что глупо сказал ты; ведь каждый
 Сам себе ближе; и что до других нам?..» Старушка, услышав
 Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбак, не стерпевши,
 Начал кричать на Ундину: «У турков, у нехристей, что ли,
 Выросла ты, прости мне, Господи? Что за горячку
 760 Снова ты нам говоришь, греховодница?» Вдруг замолчавши,

Робко Ундина прижалась к Гульбранду; потом прошептала:
«Что же такое сказала я им? Уж и ты не сердит ли,
Милый мой рыцарь?» Но рыцарь, пожавши ей руку, расправил
Кудри, упавшие кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвечивал: брань рыбака его оскорбила.
Так сидели все четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалось это молчанье.

Глава VI.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ

Вдруг, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрыгнули все, как будто недоброе что-то почуя:
77° Страшный лес был близко, а к хижине доступ разливом
Был огражден человеку живому; кому же в такую
Позднюю пору зайти к ним? Они с беспокойством смотрели
Друг на друга. Снова послышался стук; и поспешно
Рыцарь схватился за меч. «Не поможет твой меч, — сотворивши
Крест, рыбаки прошептали, — когда здесь случается с нами
То, о чем и подумать боюсь я». Но в эту минуту
Прыгнула с места Ундина и в дверь закричала сердито:
«Кто там? Если то ваши проказы, духи земные,
78° Будет беда вам; мой дядя Струй вас порядком проучит».
Пуше прежнего все оробели, слова те услышав.
Друг на друга взглянули старик и старушка; а рыцарь
Встал и хотел уж Ундину спросить, но тут из-за двери
Голос сказал: «Я не дух — человек, христианин; впустите
Ради Господа Бога меня». При этом поспешно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночник, во внутренность темной
Ночи стала светить: престарелый священник стоял там.
Он, при виде Ундины, назад отступил, приведенный
В робость ее поразительной прелестью; в бедной лачужке
Встречу такой красоты он волшебством или делом бесовским
79° Счел и воскликнул: «С нами Господь и Пречистая Дева!» —
«Я не бес, — засмеявшись, сказала Ундина, — не бойся;
Милости просим, отец; войди, здесь добрые люди».
Патер вошел и ласково всем поклонился; приятен
Был он лицом; веселая кротость сияла во взорах.

Но по складкам длинного платья его, с распушённых
Белых волос и седой бороды катился градом
Капли: его промочило дождем. В боковую каморку
Тотчас его отвели, чтоб раздеть; а старушка с Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огне. С благодарным
200 Чувством услуги старик принимал; он, надев рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышел, и снова
Все за столом перед светлым камином уселись; старушка
Гостю сама уступила почетный стул, а Ундина
В ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнул ей шутивное слово; но с важным
Видом она отвечала: «Он Божий служитель; не должно
Этим шутить». Поужинав, добрым вином подкрепивши
Силы свои, священник рассказывать начал, каким он
Образом свой монастырь, лежащий близ моря, вчерашним
210 Утром покинул. «Я был к епископу нашему в город
Послан, — сказал он. — Хотя и есть по изгибу залива
Путь, но морем ближе: и я с гребцами надежными лодку
Нанял; с Богом мы съездили; нынче ж поутру в обратный
Поплыли путь; но сделался ветер противный; а к ночи
Буря — и буря, какой мне ни разу видать не случилось;
Ветром вырвало весла из рук у гребцов; беспомощно
Были мы преданы морю, которого волны как щепку
Наш челнок подымали с хребта на хребет; и несло нас
Прямо сюда; сквозь туман и сквозь пену чернел в отдаленье
220 Этот берег: уж были мы близко; но бедную лодку
Нашу так и кружило; вдруг поднялась и на нас повалилась
С страшным шумом большая волна; и сам я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпал из лодки,
Только я вдруг очутился в воде. Господь не дозволил
Мне погибнуть... я был принесен невредимо на этот
Остров». — «Да, остров, — сказал со вздохом рыбак, — но давно ли
Был он твердой землею? Как же не скажешь, что море
С нашим потоком бурлит заодно?» — «И сам я подумал
Что-то подобное, — патер сказал. — Когда я тащился
230 Берегом вашим впотьмах, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошел; но эта тропинка исчезла
Вдруг перед лесом; ее перерезал поток. Тут сверкнул мне
В вашей хижине свет, и тотчас сюда повернул я.

Слава Господу Богу! меня он спас, да и к добрым
Людам еще мне путь указал; но зато уж отныне,
Кроме вас, никого на земле не встречать мне; отныне
В этом углу весь мир для меня заключен». — «Почему же?» —
Рыцарь спросил. «Да кто ж, — отвечивал патер, — узнает,
240 Скоро ли кончится эта война беспорядочных стихий?
Я же стар, и силы мои, конечно, иссякнут
Прежде, чем этот разлившийся бурный поток; да случиться
Может и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже он делаться будет, и вы напоследок
Так далеко от земли отодвинетесь в море, что в людях
Даже и память об вас совсем пропадет; и тем легче
Может это случиться, что вас от земли заслоняет
Лес дремучий; поток же, я видел, так дик и порывист,
Так широк, что и крепкому судну не будет возможно
250 Силы его одолеть». — «Сохрани нас Господь и помилуй», —
Крест сотворивши, сказала старушка. «Чего же хозяйка
Так испугалась? — рыбак возразил. — Не то же ли будет
С нами, что было? Чудное дело желанья людские!
Разве не всё одни мы здесь жили? Ни разу во столько
Лет не ходила ты дале опушки нашего леса.
Кроме меня, старика, и Ундины, кого ты видала?
Ныне же стало у нас и людно: Господь Бог послал нам
Добрых гостей на житье. Пускай совсем разлучится
Остров наш с твердой землею, и люди о нас позабудут.
Нам же прибыль». — «Что правда, то правда, — сказала старушка, —
260 Только, признаться, мне как-то страшно подумать, что вечно
Нам уж с людьми не сойтись, что земле навсегда мы чужие». —
То услыша, Ундина прижалась к рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки,
Полные острых лучей, на него, нараспев прошептала:
«Ты останешься с нами, ты останешься с нами».
Рыцарь молчал; он был очарован каким-то виденьем;
Был глубоко в себя погружен и, Ундиной, желанным,
Найденным счастьем жизни полный в душе, не расслушал
Слов Ундины, проказницы резвой, сидевшей с ним рядом;
270 Миг настал роковой: священник своими словами
Все сомненья решил; все дале и дале за темный
Лес убегал обитаемый свет; а остров цветущий,

Где так сладко жилось, все свежей, зеленой, все приятней
 Сердцу его становился — невеста, как чистая роза,
 Там расцвела; и к ним как будто бы свыше был послан
 Божий священник: то явно было не случай. К тому же,
 Рыцарь заметил, как строго старик поглядел на Ундину
 В ту минуту, когда, позабыв о слугителе церкви,
 Так беззаботно она к нему приласкалась. Ундину
 280 Сильной рукой обхвативши, рыцарь встал и воскликнул:
 «Честный отец, мы жених и невеста; во имя Господне
 Благослови нас, если дадут позволение эти
 Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились.
 Правда, им часто входило на мысль, что такая развязка
 Рано или поздно случиться должна; но об этом молчали
 Даже друг с другом они; и в это мгновение было
 Совсем неожиданным для них предложение рыцаря. Долго
 Слова ему отвечать они не умели. Ундина ж
 290 Вдруг присмирела, задумалась, глазки потупила в землю.
 Тою порою священник, спросясь с стариком и старушкой,
 Начал готовить венчальный обряд; старушка, очистив
 Наскоро горницу ту, где жила с рыбаком, отыскала
 Две восковые свечки, которые были во время
 Оно на свадьбе ее зажжены; а рыцарь из звеньев
 Цепи своей золотой отделил два кольца, чтоб с невестой
 Было чем обручиться. Все устроив, священник
 Брачные свечи зажег и сказал жениху и невесте:
 «Дайте руку друг другу». Ундина, как будто проснувшись,
 300 Робко взглянула на рыцаря, вся покраснела и, руку
 Давши ему, стыдливо и трепетно стала с ним рядом.
 Кончив венчальный обряд, новобрачных отец их духовный
 Перекрестил; старики ж молодую жену и Гульбранда
 Обняли с чувством родительским, громко рыдая. Но в этот
 Миг священник сказал: «Вы странные люди! не сами ль
 Вы говорили, что этот остров безлюден, что, кроме
 Вас четверых, не живет никого здесь? А я в продолжение
 Службы все видел, что кто-то в это окошко, в широком
 Белом платье, седой и длинный, глядел; за дверями,
 310 Верно, стоит и теперь он и ждет, чтоб впустили». — «Спаси нас
 Дева Пречистая, Божия Матерь», — сказала старушка; —
 Молча рыбак покачал головою; а рыцарь к окошку

Бросился: не было там никого; но что-то в потемках,
Видел он, белой струею мелькнуло и скрылось. «Отец мой,
Ты ошибся», — сказал он священнику. Все беззаботно
С этим словом кругом огонька по-прежнему сели.

Глава VII.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕР

Смирно стояла Ундина во все продолжение обряда;
Но лишь только он кончился, вдруг, как будто волшебной
Силой какой, что ни было в ней причуд и беспутных
Выдумок, все забродило и вспенилось; вдруг принялася
920 Всех тормошить, старика, старушку и рыцаря, не был
Даже и сам священник оставлен в покое. Суровым
Словом хотела хозяйка шалунью унять, как бывало; но рыцарь
С значащим взглядом назвал ее *своею женою*;
Та замолчала. И сам он, однако, таким поведением
Не был доволен; но тут ни его увещанья, ни ласки,
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замечала досаду
Рыцаря: нежно тогда к нему прижимаясь, ручонкой
Милой своею трепала его по щеке и шептала
930 На ухо слово любви с небесной улыбкой; но снова
С первую взбалмошной мыслию то ж начиналось, и पुше,
Нежели прежде. Священник сказал напоследок: «Ундина,
Резвость такая забавна, но в эту минуту приличней
Было бы вам, новобрачной, подумать о том, как с душою
Данного Богом супруга свою сочетать христиански
Душу». — «Душу? — смеясь, закричала Ундина. — Такое
Слово приятно звучит; но много ли в этом приятном
Звуче смысла? А если кому души не досталось,
Что тому делать? Еще сама я не знаю, была ли,
940 Есть ли душа у меня?» Оскорбленный глубоко, священник,
Строго взглянув на нее, замолчал; испугавшись, Ундина
С детским смиреньем к нему подошла и шепнула: «Послушай,
Добрый отец, не сердися, мне это так грустно, так грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобным,
Робким созданием, так строг; напротив того, с снисхождением

Выслушай то, что хочу исповедать искренним сердцем». Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердце Ундины; Что-то хотела сказать, но вдруг побледнела и горько, Горько заплакала. Все на нее с любопытством смотрели; 950 Что творилось с нею, не ведал никто. Напоследок Слезы обтерла она и священнику, в сильном волнении Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ль, ужасно Душу живую иметь? И не лучше ль, скажи мне, не лучше ль Вечно пребыть без души?..» Она замолчала, оставив Острый, расстроенный взор на священника. Все поднялись С мест, как будто дичаясь ее; не дождавшись ответа, С тяжким вздохом она продолжала: «Великос бремя, Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданье Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было 960 Так легко, так свободно». Она опять зарыдала, Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши головку, Плакала горько, а светлые кудри, скатясь на прекрасный Лоб и на жаркие щеки, повисли густым покрывалом. С строгим лицом подошел к ней священник. «Ундины, — сказал он, — Именем Господа Бога тебе говорю: исповедуй Душу свою перед нами, и если таится в ней злое, Бог милосерд, Он помилует». Тихим, покорным младенцем Стала она перед ним на колена, и, руки сложивши, Набожно к небу глаза подняла, и крестилась, и, имя 970 Божие славя, твердила, что не было зла никакого В сердце ее. Священник сказал, обратясь к Гульбранду: «Рыцарь, вам поверяю я ту, с которою ныне Сам сочетал вас: душою она беспорочна, но много Чудного в ней. Примите мой добрый совет: осторожность, Твердость, любовь; остальное на власть милосердного Бога С верой оставьте». Сказав, новобрачных священник Перекрестил и вышел; за ним рыбак и старушка, Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундины Все еще на коленах стояла в молчанье; когда же 980 Все удалились, она потихоньку лицом обернулась К рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, как будто В чувство входя, головку свою подняла и уныло Очи лазурные, полные слез, на него устремила. «Милый, ты, верно, также покинешь меня, — прошептала

Робко она, — но чем же я, бедная, чем виновата?»
Руки ее так призывно, так жарко к нему поднялись,
Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали,
Голос ее так глубоко из сердца раздался, что рыцарь
Все позабыл и в порыве любви протянул к ней объятья;
990 Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки Ундины,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.

Глава VIII.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Свежий утренний луч разбудил новобрачных; блаженством
Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой
Думе молчал про себя; всю ночь он видел какой-то
Странный, мучительный сон: все снилось ему, что хотели
Бесы его обольстить под видом красавиц, что в змеев
Адских красавицы все перед ним обращались. Проснувшись
В страхе, он начал смотреть недоверчиво: тут ли Ундина?
Нет ли в ней какой перемены?.. Но было все тихо,
1000 Буря кончилась; полный месяц светил, и Ундина
Сном глубоким спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она, и сквозь сон, как журчанье,
Шепот невинный бродил по жарко раскрывшимся губкам.
Видом таким успокоенный, рыцарь заснул, но в другой раз
Тот же сон! наконец засияла заря, и проснулись оба.
Сон рассказавши, рыцарь просил, чтоб Ундина простила
Страх безрассудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
С грустью она ему подала, и ни слова; но сладкий,
1010 Полный глубокой любовью взгляд, какого дотеле
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал, безответно
Выразил все. С довольным сердцем он встал и к домашним
Вышел; все трое сидели молча, на лицах их видно
Было, что тяжко тревожило их ожиданье развязки;
Видно было, что внутренне Бога священник молил: да поможет
Им защититься от козней врага. Но как скоро явился
С ясным лицом новобрачный, то вмиг и у них просияли
Души и лица; рыбак и старушка заплакали; к небу
Взор благодарный поднял священник. Потом и Ундина
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу, но стали

1020 Все неподвижны: так знакома и так незнакома
Им в красоте довершенной она показалась. Священник
Первый к ней подошел; но лишь только он руку, чтоб дать ей
Благословение, поднял, она ему поклонилась
В землю и стала прощенья просить в словах безрассудных,
Сказанных ею вчера; потом промолвила: «Добрый
Друг, помолись о спасенье моей души многогрешной».
Вставши, она обняла стариков, и то, что сказала
Им, было так полно души, так было их слуху
1030 Ново и так далеко от всего, что прежде пленяло
В ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслух и се называли небесным
Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем
Их целовала; такой и осталась она с той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, в то же
Время девственно-чистым, божественно-милым созданием.
Рыцарь, старик и старушка, давно уж привыкнув к причудам
Детским ее, всё ждали, что снова она, как и прежде,
Станет проказить, но в этот раз они обманулись:
1040 Ангелом тихим осталась Ундина. Священник, любуясь
Ею, воскликнул: «Радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вам даровал чрез меня, недостойного, редкое счастье;
Будет добро вам и в здешней и в будущей жизни, когда вы
Чистым его сохраните. Господь помощи вам обоим».
Около вечера с нежностью робкой Ундина, взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздух. Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый
Дерн сквозь чащу дерев, за которыми тихо горело
Море вдали. Во взорах жены молодой трепетало
1050 Пламя любви, как роса на лазурных листьях; но, казалось,
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохом невнятным. В молчанье она вела за собою
Рыцаря дале; когда же с ней говорил он, ответа
Не было, взор один отвечал; но в этом сердечном
Взоре целое небо любви и смиренья лежало.
Так подошли напоследок они к лесному потоку...
Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался;
Мелким ручьем стремился поток. «Он исчезнет
К утру совсем, — сказала Ундина, скрывая рыданье, —

Завтра кончится все, и тебе уж препятствия боле,
1060 Милый, не будет отсель удалиться, как скоро захочешь». —
«Вместе с тобою, Ундиночка», — рыцарь отвечивал. «Это
В воле твоей, — шепнула она, усмехаясь сквозь слезы. —
Друг, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навек. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на руках на этот зеленый
Остров; там приятней. Хотя и самой мне сквозь волны
Было б нетрудно туда проскользнуть, но, друг, мне так сладко
Быть на руках у тебя. И если нам должно расстаться,
То хоть в последние счастьем земным подышу я
1070 Здесь у тебя на груди». И, растроган, встревожен,
Рыцарь Ундиночку на руки взял и понес через воду.
Было то место знакомо, то был островок, на котором
Встретился рыцарь с Ундиною в бурю. Ее опустил он
Тихо на шелковый дерн и хотел поместиться с ней рядом.
«Нет, не рядом со мной, а против меня ты садися,
Милый, — сказала она, — хочу я прежде, чем словом
Будешь отвечать мне, твой ответ в непритворных
Взорах твоих заране угадывать. Слушай. Ты должен
Знать, уж на деле узнал ты, что есть на свете созданья,
1080 Вам подобные видом, но с вами различного свойства.
Редко их видите вы. В огне живут саламандры,
Чудные, резвые, легкие; в недрах земли, неприступных
Свету, водятся хитрые гномы; в воздухе веют
Сильфы; лоно морей, озер и ручьев населяют
Духи веселые вод. Прекрасно и вольно живется
Там, под эвонко-кристальными сводами; небо и солнце
Светят сквозь них; и небесные звезды туда проникают;
Там на высоких деревьях коралловых пурпуром ярким,
Темным сапфиром блистают плоды; там гуляешь по мягким,
1090 Свежим песочным коврам, узорами раковин пестрых
Хитро украшенным; многое, бывшее чудом минувших
Лет, облеченное тайным серебряных вод покрывалом,
Видится там в величавых развалинах: влага с любовью
Их объемлет, в мох и цветы водяные их радит,
Пышным венцом тростника их седые главы обвивает.
Жители стран водяных обольстительно-милы, прекрасней
Самых людей. Случалось не раз, что рыбаки, подглядевши

Деву морскую — когда, из воды подымаясь тайно,
Пела она и качалась на зыбкой волне, — повергался
1100 В хладную влагу за нею. Ундинами чудные эти
Девы слынут у людей. И, друг, ты теперь пред собою
В самом деле видишь ундины». Гульбранд содрогнулся;
Холод по членам его пробежал; неподвижен, как камень,
Молча и дико смотрел он в лицо рассказчицы милой,
Сил не имея очей отвести. Покачав головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потом продолжала:
«Видом наружным мы то же, что люди, быть может и лучше,
Нежели люди; но с нами не то, что с людьми; покидая
1110 Жизнь, мы вдруг пропадем как призрак, и телом и духом
Гибнем вполне, и самый наш след исчезает; из праха
В лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Там, где жили, в воздухе, искре, волне и пылинке.
Нам души не дано; пока продолжается наше
Здесь бытие, нам стихии покорны; когда ж умираем,
В их переходим мы власть, и они нас вмиг истребляют;
Веселы мы, и нас ничто не тревожит, как птичек
В роще, рыбок в воде, мотыльков на лугу благовонном.
Всё, однако, стремитесь возвыситься: так и отец мой,
1120 Сильный царь в голубой глубине Средиземного моря,
Мне, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелал, хотя он и ведал, что с нею и горе
(Всех, одаренных душою, удел) меня не минует.
Но душа не иначе дана быть нам может, как только
Тесным союзом любви с человеком. И, милый, отныне
Я с душою навеки; тебе одному благодарна
Я за нее, и тебе ж благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вечное горе. Что будет
С бедной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманом
1130 Сердце твое сохранить она не хотела. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты решился,
Сделай это теперь же: один перейди на противный
Берег; я брошусь в этот поток — он мой дядя; издавна
В нашем лесу он свободную, чудную жизнь, как пустынный,
Розно с родней и друзьями проводит. Он силен и многим
Старым рекам и могучим потокам союзник. Принес он
Некогда к жителям хижины здешней меня беззаботным,

Ясным, веселым младенцем; и он же ныне отсюда
В дом отца моего меня отнесет измененным, живую
Душу приившим созданием, любящей, скорбящей женою». 1140
Дале она говорить не могла; пораженный, плененный,
Рыцарь ее обхватил, и на руки поднял, и вынес
На берег; там перед небом самим повторил он обет свой:
С ней неразлучно жить на земле и делить все земное.
В сладком согласии, за руки взявшись, медлительным шагом
В хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнув
Благо святое души, перестала жалеть о прозрачном
Море и влажных жилищах отцовского чудного царства.

Глава IX.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ

Рыцарь, проснувшись с зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подле него Ундины нет, и снова он начал 1150
Думать, что все, происшедшее с ним в последнее время,
Было мечта. Но в эту минуту Ундина явилась;
Севши к нему на постель, сказала она: «Я ходила
В лес проведать, исполнил ли дядя свое обещанье?
Все исполнено; воды свои он собрал и снова
Лесом бежит одиноко, невидим и задумчиво шепчет;
Всех водяных и воздушных друзей распустил он, и стало
Тихо в лесу, и все в порядке по-прежнему; можем,
Милый, отправиться в путь, как скоро захочешь». С каким-то
Странным чувством, похожим на робость, слушал Ундину 1160
Рыцарь: ее родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкий покой возвратила ему; и, любясь с ней вместе
Зеленью берега, так благовонно, свежо и прозрачно
Светлою влагой объятого, рыцарь сказал: «Для чего же
Так нам спешить отсюда, Ундина? Уж верно не встретим
Мы нигде толь мирного счастья, каким насладились
В этом краю; пробудем же здесь; никто нас не гонит». —
«Что ты, мой друг, прикажешь, то и будет, — сказала с покорным
Видом Ундина, — но слушай: моим старикам разлучаться со мною

1170 Тяжко и так, а они еще не знают Ундины,
Новой, нежной, любящей, смиренной Ундины; и все им
Мнится еще, что смирение мое не надежней покоя
Вод; и меня легко позабудут они, как весенний
Цвет, как быстрюю птичку, как светлое облако; дай же,
Милый, в тот миг, как навек на земле нам должно расстаться,
Скрыть мне от них тобой сотворенную, верную душу.
Если же долее здесь мы побудем, то буду ль уметь я
Так притвориться, чтоб им моя не открылася тайна?»
1180 Рыцарь был убежден, и вмиг собралися в дорогу;
Снова коня оседлали; священник вызвался с ними
В город идти через лес и с рыцарем вместе Ундине
Сесть помог на седло. Обнялися; рассталися; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбак и старушка
Были голосом, глядя за нею вслед и как будто
Вдруг догадавшись, какое сокровище в эту минуту
В ней потеряли. В грустном молчанье вперед подвигались
Путники. Гущи лесной уж достигли они, и прекрасно
Было видеть в зеленой тени, на разубранном пышно
1190 Гордом коне, молодую робкую всадницу, справа
Старого патера в белой одежде, а слева, в богатом
Пестром уборе, прекрасного рыцаря. Бережно чащей
Леса они пробиралися. Рыцарь одну лишь Ундину
Видел; Ундина ж влажные очи свои в уползенье
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихий, немой разговор начался между ними из нежных
Взглядов и вздохов. Но вдруг он был прерван каким-то
Шепотом странным: шел рядом с священником кто-то четвертый,
К ним недавно приставший. Он-то шептал. Как священник,
1200 Был он в белом платье, лицо закрывалось каким-то
Станным, широким покровом, которого складки, как волны,
Падали с плеч и стан обвивали; и он беспрестанно
Их поправлял, закидывал на руку полы, вертелся,
Прыгал; но это ему ни идти, ни болтать не мешало.
Вот что шептал он в ту минуту, когда молодые
Вслушались в речи его: «Уж давно, давно, преподобный,
В этом лесу я живу, как у вас говорится, монахом;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мне любо
Жить на воле в глуши и в этом белом, волнистом

Платье под тенью густою разгуливать. Часто и солнце
1210 Чудно сверкает по складкам моим; а когда я кустами
Крадусь, бывает такой веселый шорох, что сердце
Прыгает...» — «Вы человек замечательный, — молвил священник, —
Я бы желал покорооче узнать вас». — «А ты кто, когда уж
Дело у нас пошло на расспросы?» — сказал незнакомец.
«Патер Лаврентий, священник Марпинской пустыни». — «Дельно;
Я же, просто сказать, свободный лесной обыватель;
Имя мне Струй; ремесла не имею; волен как птица;
Нет у меня господина; гуляю, и все тут. Однако
Нужно мне кое-что молвить вот этой красавице». С этим
1220 Словом он прынул к Ундине, вдруг вырос, и подле
Уха ее очутилась его голова. Но Ундина
В страхе его оттолкнула, воскликнув: «Поди поскорее
Прочь; я более с вами не знаюсь». — «О! о! да какая ж
Замужем стала она спесивая! с нами, роднею,
Знаться не хочет! Да кто же, скажи мне, пожалуй, не я ли,
Дядя твой, Струй, малютку тебя на спине из подводной
Области на берег здешний принес? Позабыла?» — «Оставь нас,
Именем Бога тебя умоляю, — сказала Ундина. —
Ты мне страшен; ты сделаешь то, что и муж мой дичиться
1230 Станет меня, как скоро увидит с такою роднею». —
«Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли
Вам через лес удастся пройти безопасно. А этот
Патер уж знает меня; говорит он, что будто
Был я в лодке, когда он в воду упал; и, конечно,
Был я в лодке; я в эту лодку прынул волною,
Вырвал его из нее и на берег вынес, чтоб свадьбу
Можно было сыграть вам». Ундина и рыцарь при этом
Слове взглянули на патера: шел он, как будто в глубокий
Сон погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
1240 «Вот и лесу конец, — сказала дяде Ундина, —
Помощь твоя теперь не нужна, оставь нас; простимся
С миром; исчезни». Струй рассердился; он сделал такую
Страшную харю и так глазами сверкнул, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватил меч и хотел им
В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада
С свистом хлестнул, и в воде как будто шипящий
Хохот раздался; рыцаря обдало пеной холодной.

Патер, вдруг очнувшись, сказал: «Я предвидел, что это
С нами случится, лесной водопад был так близко; и все мне
1250 Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто
С нами шепчет». И, подлинно, рыцарю на ухо внятно
Вот что шептал водопад: «Ты смелый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силен, могуч; я быстр и гремуч; не сердиты
Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, как живую люблю я волну...» — и волшебный
Шепот, как ропот волны, разлетевшейся в брызги, умолкнул.
Кончился лес, и вышли в поле они: там имперский
Город лежал перед ними в лучах заходящего солнца.

Глава X.

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ В ИМПЕРСКОМ ГОРОДЕ

В этом имперском городе все почитали погибшим
1260 Нашего рыцаря, все сожалели о нем, а Бертальда
Боле других; она себя признавала причиной
Смерти его, и совесть терзала ей сердце, и милый
Рыцарев образ глубоко в него впечатлен был печалью.
Вдруг он явился живой и женатый, а с ним и свидетель
Брака его, отец Лаврентий; весь город неожиданным
Чудом таким приведен был в волнение; прелесть Ундины
Всех поразила, и слух прошел, что в лесу из-под власти
Злого волшебника рыцарь избавил ее, что породы
1270 Знатной она. Но на все вопросы людей любопытных
Рыцарь отвечивал глухо; патер же был на рассказы
Скуп, да и скоро в свой монастырь возвратился он; словом,
Мало-помалу толки утихли; одной лишь Бертальде
Было грустно: скорбя о погибшем, она поневоле
Сердцем привыкла к нему и его *своим* называла.
Скоро, однако, она одолела себя; от природы
Было в ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
В нем не могло сохраняться, и здесь легкомыслие было
Верным лекарством. Ундину ласкала она, а Ундине,
Простосердечной, доброй Ундине, боле и боле
1280 Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: «Мы, верно, с тобою, Бертальда,
Как-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то

Есть между нами; нельзя же, чтоб кто без причины, без сильной,
Тайной причины, мог так кому полюбиться, как ты мне
Вдруг полюбилася с первого взгляда». И в сердце Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Как бы то ни было, скоро друг с другом
Стали они неразлучны, как сестры родные. Но рыцарь
Был готов уж в замок Рингштеттен, к истокам Дуная
1290 Ехать, и день разлуки, может быть, вечной разлуки,
Был недалек; Ундина грустила; и вот ей на мысли
Вдруг пришло, что Бертальду с собою в замок Рингштеттен
Могут они увезти, что на то герцогиня и герцог,
Верно, по просьбе ее согласятся. Однажды об этом
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроем рассуждали. Был теплый
Летний вечер, и темною площадью города вместе
Шли они; синее небо глубоко сияло звездами;
В окнах домов сверкали огни; перед ними ходили
Черные тени гуляющих; шум разговоров, слиянье
1300 Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли
Чудным каким-то говором воздух, и он напоен был
Весь благовонием лип, вокруг городского фонтана
Густо насаженных. Здесь, от шумной толпы в отдаленье,
Близ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущих вод, их слушая шум и любуясь на влажный
Сноп фонтана, белевший сквозь сумрак, как веющий, легкий
Призрак; и их веселило, что так они в многолюдстве
Были одни, и все, что при свете казалось столь трудным,
Сладилось само собой без труда в тишине миротворной
1310 Ночи; и было для них решено, что Бертальда поедет
В замок Рингштеттен. Но в ту минуту, когда назначали
День отъезда они, подошел к ним, как будто из мрака
Вдруг родившийся, длинный седой человек, поклонился
Чинно, потом кивнул головою Ундине и что-то
На ухо ей прошептал. Ундина, нахмуривши бровки,
В сторону с ним отошла, и тогда начался между ними
Шепот на странном каком-то, чужом языке; а Гульбранду
В мысли пришло, что он с незнакомцем где-то встречался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
1320 Был как в чадy и все с беспокойством смотрел на Ундину.
Вдруг Ундина, захлопавши с радостным криком в ладоши,
Кинулась прочь, и блаженством глазки сверкали; с досадой

Сморщивши лоб и седой покачав головой, незнакомец
Влез в водоем, где вмиг и пропал. Тут решилось сомненье
Рыцаря. «Что, Ундина, с тобою смотритель фонтанов
Здесь говорил?» — спросила Бертальда. С таинственным видом
Ей головкой кивнула Ундина. «В твои именины,
Послезавтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый друг; я тебя и твоих приглашаю на этот
1330 Праздник к себе». Другого ответа не было. Скоро
После того они проводили Бертальду и с нею простились.
«Струй?» — спросил с содроганьем невольным рыцарь Ундину,
С ней оставшись один в темноте перед герцогским домом.
«Он, — отвечала Ундина, — премножество всякого вздора
Мне насказал; но между прочим открыл и такую
Нехотя тайну, что я себя не помню от счастья.
Если велишь мне все рассказать сию же минуту,
Я исполню приказ твой; но, милый, Ундине большая
Радость была бы, когда б ей теперь промолчать ты позволил».
1340 Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
В чем отказать Ундине, столь мило просящей? И сладко
Было ей в ту ночь засыпать; она, забываясь
Сном, потихоньку сама про себя с улыбкой шептала:
«Ах, Бертальда! как будет рада! какое нам счастье!»

Глава XI.

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЕНИНАХ БЕРТАЛЬДЫ

Гости уж были давно за столом, и Бертальда, царица
Праздника, в золоте, перлах, цветах, подаренных друзьями
Ей в именины, сидела на первом месте, Ундина
С правой руки, а рыцарь с левой. Обед уж кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; в ней теснилось
1350 Множество зрителей всякого звания; таков был старинный
Предков обычай: каждый праздник тогда почитался
Общим добром, и народ всегда пировал с господами.
Кубки с вином и закуски носили меж зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбранд и Бертальда
Глаз не сводили с Ундины; они с живым нетерпением
Ждали, чтоб тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было заметно, что с сердца ее и с уст, озаренных

Яеной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (как ребенок, любимый кусок свой к концу берегуший)
1360 Все молчала она, чтоб продлить для себя наслажденье.
Рыцарь смотрел на нее с неописанным чувством; Ундина,
В детской своей простоте, с своим добродушием, прелесть
Ангела Божия в эту минуту имела. Вдруг гости
Стали ее убеждать, чтоб спела им песню. Сверкнули
Ярко ее прекрасные глазки; поспешно схватила
Цитру и вот какую песню тихо запела:
«Солнце сияет; море спокойно; к берегу с любовью
Воды теснятся. Что на душистой зелени брега
1370 Светится, блещет? Цвет ли чудесный, посланный небом
Свежему дугу? Нет, светлоокий, ясный младенец
Там на зеленом дерне играет. Кто ты, откуда,
Милый младенец? Как очутился здесь, на чужбине?
Ах! из отчизны был он украден морем коварным.
Бедный, чего ж ты между цветами с жадностью ищешь?
Цвет благовонный жив, но без сердца; он не услышит
Детского крика; он не заменит матери нежной.
Лучшего в жизни рано лишен ты, бедный младенец.
Мимо проехал с свитою герцог; в пышный свой замок
1380 Взял он сиротку; там герцогиня благостным сердцем
Бедной сиротке мать заменила. Стала сиротка
Девкою милой, радостью сердца, прелестью взоров;
Милую деву Промысел Божий щедро осыпал
Всем... но отдаст ли лучшее в жизни, мать и отца, ей?»
С грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Песня ее растрогала всех, а герцог с женою
Плакали. Герцог сказал: «Так точно случилось в то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый
Бог наградил нас тобою; но права певица, не можем
Лучшего блага земного тебе возвратить мы, родную
1390 Мать и родного отца». Ундина снова запела:
«Мать тоскует, бродит, кличет... нет ей ответа;
Ищет, ищет, что ж находит? дом опустелый.
О, как мрачен, как ужасен дом опустелый,
Где дотоле днем и ночью мать в упоенье
Целовала, миловала дочку родную!
Будет снова заниматься ярко денница;

Придут снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны
Не утешат боле сердца матери бедной;
1400 Все ей чуждо; в целом свете нет ей отрады;
Невозвратно все пропало с дочкой родною». —
«О Ундина! ради Бога открой мне! ты знаешь,
Где отец мой и мать; ты этот, этот подарок
Мне приготовила. Где они? Здесь? Отвечай мне, Ундина». —
Взор Бертальды, сверкая, летал по собранью; меж знатных,
С ними сидевших гостей выбирала она. Но Ундина
Вдруг залилася слезами, к толпе обратилась, рукою
Знак подала и воскликнула: «Где вы? явитесь,
1410 Найденной дочери вашей отец и мать!» Расступилась
С шумом толпа; из середины ее рыбак и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.
«Вот она, ваша родная дочь!» — закричала Ундина,
Им указав на Бертальду; и с громким рыданьем на шею
Бросились к ней старики; но Бертальда с пронзительным криком
Их от себя оттолкнула; страх, изумленье, досада
Вдруг на лице ее отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкий удар для ее надменной души, ожидавшей
Нового блеска с открытием знатных родителей! Кто же?
1420 Кто же эти родители? Нищие!.. В эту минуту
В мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
С тем, чтоб унижить ее перед светом и рыцарем. «Злая
Ложь! обманщица! подкуп!» — вот что твердила Бертальда,
Гневно смотря на старушку, на мужа ее и Ундину.
«Господи Боже! — тихонько старушка шептала. — Какое ж
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чует мое, что она мне родная». Рыбак же, сложивши
Руки, молился, чтоб Бог не карал их, послав им такую
Дочь; а Ундина, как ангел, вдруг утративший небо,
1430 Бледная, в страхе незапном, не ведая, что с ней
Делалось, вся трепетала. «Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя?» — она повторяла, стараясь
Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была вне себя; она в исступленье кричала
Криком; рыбак и старушка плакали горько, а гости,
Странным явленьем таким изумленные, начали шумно

Спорить, кто за Унди́ну, кто за Берта́льду; в ужасный
Все пришло беспорядок, и вот напоследок Унди́на,
С чувством своей правоты, с благородством невинности мирной,
Знак подала рукою, и все замолчали. Смиренно,
1440 Тихо, но твердо сказала она: «Вы странные люди!
Что я вам сделала? Чем раздражила я вас? И за что вы
Так расстроили милый мой праздник? Ах, Боже! донныне
Я о ваших обычаях, вашем безумном, жестоком
Образе мыслей не знала, и их никогда не узнать мне.
Вижу, что все безрассудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здесь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нет у меня доказательств; но я не обманщица, слышит
Бог правосудный меня; а все, что здесь о Берта́льде
1450 Я говорила, было открыто мне тем, кто в морские
Волны младенцем ее заманил, потом на зеленый
Берег отнес, где ее и нашел знаменитый наш герцог». —
«Слышите ль? — громко вскричала Берта́льда. — Она чародейка,
Водится с злыми духами; сама при всех признается
В этом она». — «О нет, — Унди́на воскликнула с чистым
Небом невинности в мирных очах, — никогда чародейкой
Я не была; мне неведомо адское зло». — «Так бесстыдно
Лжет и клеветает она. Ничем нельзя доказать ей
Здесь, что рыбак отец мне, а нищая — мать. О! поклянемся
1460 Этот дом и этот город, где я претерпела
Столько стыда». — «Нет, Берта́льда, — отвечивал герцог, — отсюда
Я дотоме не выйду, пока не решится сомненье
Наше вполне». То слыша, старушка приблизилась робко
К герцогу, низко ему поклонилась и вот что сказала:
«Вы, государь, своим высоким герцогским словом
Вдруг на разум меня навели. Скажу вам, что если
Ваша питомица подлинно дочь нам, то должно, чтоб были
Три родимых пятна, как трилиственник видом, под правой
Мышкой ее и точно такие же три на подошве
1470 Правой ноги. Позвольте, чтоб с нею я вышла». От этих
Слов побледнела Берта́льда, а герцог велел герцогине
Выйти вместе с нею и взять с собою старушку.
Скоро назад возвратились они; герцогиня сказала:
«Правда правдой; все то, что здесь объявила хозяйка

Наша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно отец и мать питомицы нашей Бертальды». С этим словом герцог с женой и с Бертальдой и вместе С ними, по воле герцога, старый рыбак и старушка
1470 Вышли; гости, кто веря, кто нет, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакав, упала в объятия мужа.

Глава XII.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ И УНДИНА УЕХАЛИ ИЗ ИМПЕРСКОГО ГОРОДА

Рыцарь с глубоким чувством любви смотрел на Ундину.
«Мною ль, — он думал, — дана ей душа или нет, но прекрасней
Этой души не бывало на свете: она как небесный
Ангел». И слезы Ундины с нежнейшим участием друга
Он отирал, целуя ей очи, уста и ланиты.
Город имперский, который ей стал ненавистен, покинуть
Он решился немедля и все велел приготовить
К скорому в замок Рингштеттен отъезду. Вот на другой день
1490 Рано поутру была подана к крыльцу их повозка;
Рыцарев конь и кони его провожатых за нею
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; уж рыцарь
Вышел с своей молодою женой и готов был ей руку
Дать, чтоб в повозку ее посадить; но в эту минуту
К ним подошла молодая девушка с неводом, в платье
Рыбной торговки. «Нам товар твой не нужен, мы едем», —
Рыцарь сказал ей. Она заплакала взрыд, и Бертальду
В эту минуту узнали Гульбранд и Ундина; поспешно
Вместе с нею они возвратились в дом, и Бертальда
1500 Им рассказала, как герцог вчерашним ее поведением
Был раздражен, как ее от себя отослал, подаривши
Ей большое приданое, как старик и старушка,
Также богато им одаренные, город того же
Вечера вместо покинули. «С ними хотела пойти я, —
Так продолжала Бертальда в слезах, — но старик, о котором
Все говорят, что он мой отец...» — «Он отец твой, Бертальда,
Точно отец, — сказала Ундина, — ты помнишь, как ночью
К нам подошел седой человек, твой смотритель фонтанов:

Он-то мне все и сказал; меня убеждал он, чтоб в замок
Наш Рингштеттен тебя не брала я с собой, и невольно
1510 Тайна с его языка сорвалась...» — «Ну, отец мой, когда уж
Должен он быть мне отцом, — продолжала Бертальда, — сказал мне
Вот что: “Ты с нами не будешь до тех пор, пока не исправишь
Гордого сердца; осмелся одна чрез этот дремучий
Лес к нам пройти, тогда я поверю, что нашей роднею
Быть желаешь; но скинь богатый убор; рыбаковой
Дочерью к нам явися...” И я на все уж решилась;
Что он велел, то и будет; меня, несчастную, целый
Свет оставил; бедная дочь рыбака, я в убогой
Хижине жизнь безотрадную скрою и скоро умру там
1520 С горя. Правда, лес волшебный меня устрашает,
Бродят там, слышно, духи, а я так пуглива; но что же
Делать? К вам же пришла я затем, чтоб загладить вчерашний
Свой проступок признаньем вины. О! забудьте, простите!
Я и так уж несчастна безмерно; вспомните, что я
Утром вчерашним была, что была еще при начале
Вашего пира и что я теперь...» Опустивши в ладони
Голову, плакала горько она, и меж пальцев бежали
Слезы. Вся также в слезах, к ней на шею упала Ундина,
Долго безгласна была, напоследок сказала: «Ты с нами
1530 В замок Рингштеттен поедешь; что положили мы прежде,
То и сделаем; только ты будь со мной, как привыкла
Быть; говори мне по-прежнему “ты”. Вот видишь ли? В детстве
Нас обменяли одну на другую; тогда уж мы были
Связаны тесно судьбою; слетем же узел наш сами
Так, чтоб уже никогда никакой человеческой силе
Не было можно его разорвать. Теперь ты поедешь
С нами прямо в Рингштеттен; что ж после, как сестры родные,
Мы меж собою разделим, о том успеем, приехав
1540 В замок, условиться». То услышав, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подав ей, вот что сказал он:
«Верьте себя беззаботно сердцу Ундины. А к вашим
Добрым родителям мы, по прибытии в замок, отправим
Тотчас гонца, чтоб знали они, что сделалось с вами».
Под руку взявши Бертальду, ее посадил он в повозку,

Рядом с нею Ундины и бодро поехал за ними
 Рысью и скоком. Повозка летела: скоро имперский
 Город пропал далеко назад, с ним вместе пропало
 Там и все грустное прошлое; весело шла по прекрасной,
 1550 Людной стране их дорога, и мало ли, долго ли длился
 Путь их, но вот напоследок в один прекраснейший летний
 Вечер они приехали в замок Рингштеттен. Был должен
 Рыцарь заняться хозяйством своим; молодая ж хозяйка
 Вместе с гостьей пошли осматривать замок. Построен
 Был на крутой он горе посреди равнин благодатной
 Швабии: вид из него был роскошный; и по валу вместе,
 За руки взявшись, гуляли Ундина с Бертальдою; вдруг им
 Встретился долгий, седой человек; Бертальде знакомы
 Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
 1560 Знак ему подала, чтоб он удалился, и скорым
 Шагом, тряся головой, он пошел и пропал за кустами,
 В мысли пришло ей, что то ночной городской их знакомец
 Был, смотритель фонтанов. «Не бойся, Бертальда, — сказала
 Ей Ундина, — уж в этот раз твой несносный фонтанщик
 Зла никакого не сделает нам». Тогда рассказала
 Все о себе Ундина: кто родом она, как Бертальду
 Струй похитил, как к рыбакам попала Ундина
 Вместо родной их дочери, словом, все. И сначала
 В ужас Бертальда пришла от такого рассказа; на сонный
 1570 Бред походил он; но скоро она убедилась, что было
 Все то правда, и только дивилась тому, что в волшебной
 Сказке, когда-то в детстве рассказанной ей, очутилась
 Вдруг наяву, живая, сама; все ей в Ундине
 Стало чуждо; как будто бы дух бестелесный меж ними
 Вдруг протеснился; ей сделалось страшно. Когда ж, возвратясь,
 Рыцарь с нежностью обнял Ундины, то было понять ей
 Трудно, как мог он ласкаться к такому созданию, в котором
 (После того, что Бертальде сама рассказала Ундина)
 Виделся ей не живой человек, а какой-то холодный
 1580 Призрак, что-то нездешнее, что-то чужое душе человека.

Глава XIII.

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ В ЗАМКЕ РИНГШТЕТЕНЕ

Здесь мы с тобой остановимся, добрый читатель; прости мне,
Если тебе о том, что после случилось, не много
Буду рассказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мне описать, как мало-помалу рыцарь наш сердцем
Стал от Ундины далек и близок к Бертальде, как стало
Сердце Бертальды ему отвечать и час от часу жарче
Тайной любовью к нему разгораться, как стали Ундины
Он и она дичиться и в ней существо, им чужое,
Видеть, как Ундина плакала, как пробуждали
1590 Слезы ее заснувшую совесть Гульбранда, а прежней
В нем любви уже пробудить не могли, как порою
Жалость его к Ундине влекла, а ужас неволью
Прочь отталкивал, сердце ж стремил к Бертальде, созданию
С ним однородному... знаю, что это все я умел бы,
Добрый читатель, порядком тебе рассказать; но позволь мне
Лучше о том позабыть, что так больно душе; испытали
Все мы неверность здешнего счастья; ты сам, вероятно,
Был им обманут, таков уж земной человеческий жребий.
Счастлив еще, когда при разделе житейского был ты
1600 Сам назначен терпеть, а не мучить; на свете сем доля
Жертвы блаженной, чем доля губителя. Если сей лучший
Жребий был твой, читатель, то, может быть, слушаю нашу
Повесть, ты вспомнишь и сам о своем миновавшем, и тихо
Милая грусть тебе через душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживет, и ты слезу сожаленья
Бросишь опять на цветы, которыми так любовался
Прежде на грядках своих, давно уж растоптанных. Полно ж,
Полно об этом, читатель. Послушай, и с доброй Ундиной
То же сбилось, что и с нами со всеми: Ундина страдала.
1610 Но и Гульбранд и Бертальда не были веселы. Всякой
Раз, когда Ундина хоть мало была несогласна
В чем с Бертальдой, последней казалось, что ревность владсла
Сердцем обиженной бедной жены; и мало-помалу
Вид госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
С ней приняла; Ундина с грустным незлобием молча
Все сносила; а рыцарь всегда стоял за Бертальду.

Боле ж всего с недавнего времени вот что согласье
Жителей замка стало тревожить: Гульбранд и Бертальда
Начали вдруг на всех переходах, во всех закоулках
1620 Замка встречать привиденья, о коих дотоле и слуху
Не было; белый, седой человек, в котором проказник
Дядя Струй Гульбрандом, смотритель фонтанов Бертальдой
Узнаны были, стал им повсюду обоим, Бертальде ж
Чаще, являться с угрозой, так что Бертальда от страха
Стала больна и даже решила бы замок покинуть,
Если б имела где угол какой для приюта; но честный
Наш рыбак на письмо Гульбранда, которым тогда же
Рыцарь его известил, что Бертальда сдет в Рингштеттен,
Вот что ответствовал: «Я по воле Господа Бога
1630 Стал одинокий, бедный вдовец; скончалась старушка
Женка моя; хоть теперь мне дома и пусто, но лучше
Быть хочу я один, чем с Бертальдой; пускай остается
С вами, но только, чтоб не было худа какого Ундине
Милой моей от того; тогда се прокляну я».
Так-то, сколько неволей, столько и волей, осталась
В замке Бертальда. Вот однажды случилось, что рыцарь
Выехал. Скликав дворовых людей, Ундина велела
Камень один огромный поднять и его на колодезь,
Бывший на самой середине двора, наложить. «Нам далёко
1640 Будет ходить за водою», — заметили слуги. Но с грустным,
Ласковым видом, с унылой улыбкой сказала Ундина:
«Дети, сама бы за вас я с охотою стала в кувшинах
Воду носить; но этот колодезь, поверьте мне, должно,
Должно закрыть нам, иль с нами случится большое несчастье».
Всем служителям было приятно угодное сделать
Доброй своей госпоже; без дальних расспросов огромный
Камень был поднят; и он, показалось, как будто бы доброй
Волей давшись им в руки, с земли поднялся и как будто
Сам рванулся колодезь задвинуть. Но в эту минуту
1650 К ним прибежала из замка Бертальда. «Не троньте колодца, —
Громко она закричала, — его вода умываньем
Лучшим мне служит; его запереть никак не позволю».
Но Ундина с своим обычным смиреньем на этот
Раз осталась в воле своей непреклонна. «Я в здешнем
Замке хозяйка, — сказала она, улыбаясь прискорбно, —

Мне за всем наблюдать; и здесь мне приказывать может
 Только рыцарь, мой муж и мой господин». — «Посмотрите, —
 С сердцем вскричала Бертальда, — подумать можно, что этой
 1660 Бедной, невинной воде самой не хочется с Божьим
 Светом расстаться: как жалко она трепещет и бьется!»
 В самом деле, чудно кипя и шипя, из-под камня
 Ключ пробивался, как будто спеша убежать и как будто
 Что из него исторгнуться силой хотело. Тем с большей
 Строгостью свой приказ повторила Ундина; охотно
 Был он исполнен: Ундину любили, а гордость Бертальды
 Всех от нее удаляла, и каждому было приятно
 Той угодить, а этой сделать досаду; и камень
 Кренко-накрепко устье колодца задвинул. Ундина
 1670 Тихо к нему подошла, над ним задумалась, что-то
 Пальчиком нежным своим на нем написала, в молчанье
 Грустном потом посмотрела вокруг себя и, вздохнувши,
 Медленным шагом в замок пошла. На камне ж остались
 Видны какие-то странные знаки, которых дотоле
 Не было там. Вечеру, когда Гульбранд возвратился
 В замок Рингштеттен, Бертальда ему в слезах рассказала
 То, что случилось с колодцем. Сурово взглянул на Ундину
 Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
 В землю глаза опустив; но однако, собравшись с духом,
 Вот что шепнула в ответ: «Всегда справедлив господин мой;
 1680 Он и раба не осудит, не выслушав; тем наипаче
 Мне, законной жене, он позволит в свое оправданье
 Слово сказать». — «Говори», — сердито отвечивал рыцарь.
 «Я бы желала, чтоб был ты один», — сказала Ундина.
 «Нет, при ней!» — Гульбранд возразил, указав на Бертальду.
 «Я исполню волю твою, — она продолжала, —
 Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.»
 Голос ее был так убедителен, очи так нежны,
 Все в ней являло такую покорность, что в сердце Гульбранда
 Солнечный луч минувших дней пробежал; он Ундину
 1690 Дружески за руку взял и в ближнюю горницу с нею
 Вышел; и вот что ому сказала она: «Уж коварный
 Дядя мой Струй довольно известен тебе; не один раз встречался
 Он с тобою здесь в замке; Бертальде же так он
 Страшен, что может она умереть. Он бездушен, он просто

Отблеск стихийный наружного мира; что в жизни духовной
Здесь происходит, то вовсе чуждо ему; здесь глядит он
Только на внешность одну. Замечая, как ты недоволен
Мной иногда бываешь, как я, неразумный младенец,
Плачу, как в то же время Бертальду, случайно, быть может,
1700 Что-нибудь заставляет смеяться, в своем безрассудстве
Видит он то, чему здесь и признака нет, колобродит,
Злится и в наши дела, незванный, мешается; пользы
Нет от того никакой, что ему я грожу и гоняю
С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит; в бездушной,
Бедной жизни своей никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье, и радость
Так пленительно сходны, так близко родня, что разрознить
Их никакая сила не может: с улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рожают улыбку». И очи,
1710 Полные слез, с улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрела Гульбранду в лицо; и все трепетанье
Прежней любви он почувствовал в сердце; Ундина глубоко
То поняла, к нему прижалась нежней и в блаженстве
Радостных слез продолжала: «Когда словами не можно
Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим
Вход ему в замок; единственный путь, которым сюда он
Может свободно всегда проникать, есть этот колодезь;
Он с другими духами здешних источников в ссоре;
Царство ж его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
1720 Вот для чего я на камне, которым колодезь задвинут,
Знаки свои написала: они беспокойного дядю
Струя власти лишили, и он ни тебя, ни Бертальду
Боле не будет тревожить; он камня не сдвинет. Но людям
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, поверь мне, она не знает, чего так упрямо
Требует; Струй на нес особенно злится. А если
Сбудется то, что он предсказал мне (хотя и без всякой
Мысли худой от тебя), то и сам ты, мой милый, не будешь
Вне опасности». Рыцарь, глубоко проникнутый в сердце
1730 Великодушным поступком своей небесной Ундины,
Обнял ее с горячностью прежней любви. «Мы не тронем
Камня; отныне ж и все, что ты когда ни прикажешь,
Будет в замке от всех, как теперь, исполняемо свято,

Друг мой Ундиночка». Так сй рыцарь сказал, и Ундина,
 Руку целуя ему в благодарность за милое, столько
 Времени им позабытое слово любви, прошептала
 Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так безмерно
 Милостив, ласков и добр, что еще об одном попрошу я.
 Видишь ли? Ты для меня как светлое лето; в сильнейшем
 1740 Блеске своем оно иногда себя покрывает
 Огненно-грозным венцом громовых облаков и владыкой,
 Истинным Богом земли нам является; точно таков ты
 Кажешься мне, когда, на меня прогневан бывая,
 Грозно сверкаешь, гремишь и очами, и словом; и в этом,
 Милый, твоя красота, хотя и случится порою
 Мне, безрассудной, плакать; но слушай, друг мой: воздержен
 Будь на водах от гневного слова со мною; единым
 Словом таким меня передашь ты в волю подводных
 Сродников; мстя за обиду их рода, они невозвратно
 1750 В море меня увлекут, и там в продолжение целой
 Жизни я буду под влажно-серебряным сводом в неволе
 Плакать, и мне уж к тебе не прийти; а если приду я...
 Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.
 Нет, мой сладостный друг, избавь меня от такого
 Бедствия». Рыцарь торжественно дал обещанье исполнить
 Просьбу ее, и они с веселым лицом возвратились
 В горницу, где их Бертальда ждала. Она уж успела
 Слуг к колодезю послать, чтоб они, по первому знаку
 Рыцаря, камень свалили с него. «Не трогайте камня, —
 1760 Холодно рыцарь сказал, — и помните все, что Ундина
 В замке моем одна госпожа, что ее приказанья
 Святы». При этом слове Бертальда, в лице изменившись,
 Скрылась. Вот уж и ужина час наступил, а Бертальды
 Не было. Рыцарь послал за нею, но вместо Бертальды
 В спальне ее опустевшей нашли записку на имя
 Рыцаря; вот что стояло в записке: «Вы приняли, рыцарь,
 В дом свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низком
 Роде своем я безумно забыла; за то в наказанье
 Доброю волей иду к отцу рыбаку, чтоб, в убогой
 1770 Хижине скрывшись, о счастье земном не мечтать; наслаждайтесь
 Долго им вместе с вашей прекрасной супругой». Ундина
 Сильно была опечалена; рыцаря вслед за Бертальдой

Стала она посылать — ее убежденья, однако,
Были не нужны; он сам на то был готов. Но в какую
Сторону ехать за ней? Никто об этом не ведал.
Рыцарь сидел на коне и хотел уж свой путь наудачу
Выбрать, как вдруг явился пастух и сказал, что Бертальда
Встретилась с ним у входа Черной Долины; стрелою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что в окошко
1780 Вслед за ним кричала Ундина: «Не езд! не езд,
Милый! постой! Гульбранд, берегися Черной Долины!
Стой! назад! иль, Бога ради, позволь мне с собою
Ехать!..» Но рыцарь уж был далско. Ундина поспешно
Села сама на коня и одна за ним поскакала.

Глава XIV.

О ТОМ, КАК ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА

Эта долина, в то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была от замка, а как называют
Нынче ее, неизвестно; тогда ж поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко среди диких утесов,
Елями густо-заросших, лежала она, что кипучий,
1790 Быстрый поток, на скалистом дне ущелья шумевший,
Черен меж слей бежал, и что небо нигде голубое
В мутные воды его не светило. В сумерки стало
Вдвое темней и ужасней меж слей и диких утесов.
Рыцарь с трудом пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засветло встретиться с нею
Он торопился; по всем сторонам с напряженным вниманьем
Взор обращал он, и сердце в нем билось сильнее; он со страхом
Думал: что будет с нею, если заблудится в этом
Диком месте, ночью и в грозу, которая черной,
1800 Тяжкой тучей шла на долину? Вдруг показалось
Белое что-то ему в потемках, на склоне утеса;
Он подумал, что было то платье Бертальды, и шпорить
Начал коня; но конь захрапел, уперся и, уши
Чутко подняв, не шел ни назад, ни вперед; чтоб напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнул с седла, к опрокинутой ветром
Ели коня привязал и пеший вперед пробираться

Начал кустами; он спотыкался; упорные ветви
Били его по лицу и как будто нарочно сплетались
Сетью, чтоб даме не мог он идти; он ломал их, а небо
1610 Тою порою все боле и боле мрачилось, и глухо
Гром гремел по горам, и все кругом становилось
Станным таким, что он уж и робость чувствовать начал,
Глядя на белый образ, к которому ближе и ближе
Все подходил и который лежал на земле неподвижно.
С духом собравшись, к нему наконец подступил он; сначала
Сучьями тихо потряс, мечом позвенел — никакого
Нет ответа. «Бертальда! Бертальда!» — он начал сначала
Тихо, потом все громче и громче кликать — ответа
1620 Все ему нет. Наконец закричал он так громко, что эхо
Вместе с ним закричало повсюду: «Бертальда!» — напрасно;
То же молчанье. Тогда он к ней наклонился; но было
Так уж темно, что, не могли под носом видеть, пригнулся
К самой земле он лицом, и в эту минуту сверкнула
Яркая молния; все осветилось, и что же в блеске увидел
Рыцарь? Под самым лицом его отразилась из черной
Тьмы безобразно-свирепая харя, и голос осиплый
Взвыл: «Поцелуйся со мной, пастушок дорогой!» Приведенный
В ужас, кинулся рыцарь назад; но свирепая харя
1630 С визгом и хохотом кинулась вслед. «За чем ты? Куда ты?
Духи на воле! назад! убирайся! иль будешь ты нашим!» —
Вот что выла она, и длинные руки хватали
Рыцаря. «Струй проклятый! — Гульбранд закричал, ободрившись. —
Это твои проказы! постой, я тебя поцелую!»
Сильно он треснул по харе мечом; она разлетелась
В брызги, и рыцарь пеной, шипящей как хохот, был облит
Весь с головы до ног; тогда объяснилось, с кем он
Дело имел. «Меня удержать он, я вижу, намерен, —
Рыцарь громко сказал, — он думает, я испугаюсь
Шуток бесовских его и Бертальду бедную брошу
1640 Злому духу во власть. Демон бездушный не знает,
Как всемогущ человек своей непреклонною волей!»
Сам он почувствовал истину слов сих; новая бодрость
В нем родилась, и как будто бы счастье с этой минуты
Стало с ним заодно: к своему коню возвратиться
Он еще не успел, как уж явственно сделался слышен

Жалобный голос Бертальды, зовущей на помощь сквозь шумный
Ветер и говор грозы, подходившей час от часу ближе.
Он полетел на крик и увидел Бертальду. Из страшной
Черной Долины сияя выйти, она по крутому
1250 Боку ее тащилась кверху; тут заступил ей
Рыцарь дорогу; и как ни твердо, в своей оскорбленной
Гордоети, прежде решила она на побег, но встретить Гульбранда
Было ей радостно; ужас, испытанный ею в дороге,
Сердце ее умирал, а светлая жизнь в безмятежном
Замке так ласково руки к ней простирала, что рыцарь
Тотчас ее за собою идти убедил. Но Бертальда
Силы почти не имела; Гульбранд с большим затрудненьем
Мог ее до коня своего довести; и помочь ей
1260 Сесть на седло он хотел, чтоб, коня отвязав, за собою
Весть его в поводах; но конь, испуганный Струем,
Был как зверь: он злился, храпел, на дыбы подымался,
Задом и передом бил; Бертальде даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пешком: осторожно
Рыцарь спутницу под руку вел, а коня за собою
Силой тащил за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги и как ни боролась с собой, но усталость давила
Члены ее как свинец; а буря, удар за ударом
Грома, сверканье молнии, шум деревьев во мраке,
Злая игра привидений... словом, Бертальда, слинянем
1270 Ужасов сих изнуренная, пала на землю; и в то же
Время рыцарев конь, как будто взбесившийся, начал
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь чтоб в Бертальду
Он не ударил, хотел от нее отойти; но Бертальда
С воплем его начала умолять, чтоб остался. На волю ж
Злого коня пустить он не смел: он боялся, что этот
Дикий зверь, набежав на лежащую, тяжким копытом
Грянет в нее: короче, на что решиться, что делать,
Рыцарь не знал. И вдруг он обрадовал был недалеким
1280 Стуком колес: каменистой дорогой, он слышал, тащилась
Фура. Гульбранд закричал, чтоб им помогли; грубоватый
Голос мужской откликнулся; скоро в потемках мелькнули
Две огромные белые лошади, с ними погонщик,
Роста огромного, в белом плаще; и фура покрыта
Белой холстиной была, как все повозки с товаром.

«Стойте, клячи!» — крикнул погонщик, и лошади стали.
Он подошел к Гульбранду, который с конем одичалым
Все еще бился. «Я вижу, в чем дело, — сказал он, — с моими
Белыми то же случилось, когда я в первый раз с возом
Этой долиной тащился; здесь гнездится какой-то
1890 Бес водяной: он великий проказник, проезжим покоя
Нет от него; но мне удалось сведать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадке
На ухо». — «Делай, что хочешь, но только скорее», — воскликнул
Рыцарь, кипя нетерпением. Погонщик, как слабую ветку,
Вытянул шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
В ухо ему шепнул, и как вкопанный стал он, лишь только
Жарко пыхтел, и пар от него подымался. Не время
Было Гульбранду расспрашивать, как совершилось чудо;
Он убедил погонщика взять в повозку Бертальду,
1900 Сам же хотел провожать ее на коне; но усталый
Конь едва шевелил ногами. «Садитесь-ка, рыцарь,
В фуру и вы, — погонщик сказал, — дорога отсюда
Под гору будет; коня же привяжем сзади повозки».
Рыцарь сел с Бертальдою в фуру, коня привязали
Сзади, бичом захлопал погонщик, дернули дружно
Лошади, фура поехала. Было темно; утихая,
Глухо вдали гремела гроза; в усладительно-мирном
Чувстве своей безопасности, в сладком покое, в волшебном
Мраке ночи, свободе речей благосклонном, меж ними
1910 Скоро сердечный, живой разговор начался: в выраженьях
Ласковых рыцарь Бертальде пенял за побег. Торопливо,
Трепетным голосом, вся в волнении, Бертальда проступок
Свой извиняла, и речи ее таинственно-ясны
Были, как свет лампы, когда он во мраке от милой
Милому знак подает, что его ожидают. Рыцарь
Был в упоенье. Но вдруг пробудил их погонщиков голос.
«Клячи, тяните живее! — кричал он, — дружно! беда нам!»
Рыцарь поспешно из фуры выглянул — что ж он увидел?
Лошади, по брюхо в мутной воде, не шагали, а плыли;
1920 Не было видно колес: они, как на мельнице, с шумом,
С пеной и с брызгами резали волны; погонщик на козлы
Влез и правил стоймя, и был уж в воде по колено.
«Что за дорога такая? — спросил у погонщика рыцарь. —

Прямо идет в середину потока». — «Напротив! — погонщик
С смехом сказал, — поток идет в середину дороги;
Видите сами; это сущий потоп; мы пропали».
Подлинно, вся глубина долины кипела волнами;
Выше и выше они подымались. «Это злодей наш
Струй! утопить нас он хочет, — рыцарь воскликнул, — товарищ,
1930 Нет ли и против него у тебя какого словечка?» —
«Есть словечко, — погонщик сказал, — да надобно прежде
Сведать вам, кто я и как прозываюсь!» — «Не время загадки
Нам загадывать, — рыцарь сказал, — вода прибывает;
Имя твое здесь не нужно». — «А так-то не нужно, — погонщик
С диким хохотом гаркнул, — что, просим не гневаться, сам я
Струй!» И ужасную харю свою он утавил в повозку...
Но повозка уж боле была не повозка, уж были
Лошади боле не лошади; все разлетелось, расшиблось
В пену, в шипучую воду, и сам погонщик поднялся
1940 Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчал за собой в глубину, и ужасно
Начал снова расти и расти, и горой водяною
Вырос, и был уж готов на Бертальду и рыцаря, силой
Волн увлеченных, упасть, чтоб громадой своей задавить их...
Вдруг сквозь шум гармонически-сладостный голос раздался;
Вышел из облака месяц, и в свете его над долиной явился
Образ Ундины; она погрозила волнам — и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убежала;
В блеске месяца мирно поток заструился; и белым
1950 Голубем свеяла тихо Ундина в долину; и, руку
Рыцарю вместе с Бертальдой подав, на муравчатый берег
Их за собой увела; там они отдохнули; Ундинин
Конь был отдан Бертальде; за нею пешком потихоньку
Рыцарь с женою пошли; и так возвратились все в замок.

Глава XV.

О ТОМ, КАК ОНИ ЕЗДИЛИ В ВЕНУ

С этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
В замке Рингштеттене. Рыцарь все чувствовал боле и боле
Прелесть небесную доброго сердца Ундины, забывшей

Все для спасенья соперницы. В доброй Ундине
1960 Всякая память о прошлом исчезла: она беззаботным
Сердцем любила и, зная, что шла прямою дорогой,
Ясную в нем питала доверенность; все в настоящем
Было ей радостно; в будущем все улыбалось. Бертальда,
Снова ей с прежней любовью всю душу отдав, благодарной,
Кроткой и нежной являлась; короче, замок Рингштеттен
Стал обителью светлого счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;
Вот и весна с благовонно-зеленой своей муравою,
С светло-лазоревым небом своим улыбнулась веселым
Жителям замка; стало на сердце их радостно, стало и смутно.
1970 Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе вешнем
Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались,
Стало и их позывать в далекую даль. Раз случилось
Рыцарю вместе с женой и Бертальдой в прекрасное утро
Около светлых истоков Дуная гулять; им об этой
Славной реке он рассказывал много: как протекала
Пышным, широким потоком она по землям благодатным,
Как на ее берегах прекрасная Вена сияла,
Как по ней величаво ходили суда, как бежали
1980 Мимо плывущих назад берега, услаждая их очи
Зрелищем пажитей, нив, городов и рыцарских замков.
«О! — сказала Бертальда, — как было бы весело съездить
В Вену водой...» — но, опомнясь, она покраснела и взоры
Робко потупила. Милым ее смущеньем Ундина
Тронувшись, руку ей подала, и в ней загорелось
Сильно желанье утешить подругу свою. «Да за чем же
Дело стало? — сказала она. — Ничто не мешает
Съездить нам в Вену». Бертальда запрыгала с радости. Вместе
Стали они учреждать поездку свою и заране
1990 Тем, что представится им на пути, восхищались. И рыцарь
С ними был заодно; Ундине, однако, шеннул он:
«Вспомни о Струе; ведь он могуч на Дунае». — «Не бойся, —
С смехом сказала Ундина, — пускай он попробует сделать
Что-нибудь с нами; я тут! при мне уж никак колобродить
Он не посмеет». Ответом таким уничтожены были
Все затрудненья, и с бодрым духом, с веселой надеждой
Стали готовиться в путь. Но скажите мне, добрые люди,

Все ли сбывается так на земле, как надежда сулит нам?
Хитрая Власть, стерегущая нас для гибели нашей,
Сладкие песни, чудные сказки подмеченной жертве
2000 На ухо часто поет, чтоб ее убаюкать. Напротив,
Часто спасительный Божий посланник громко и страшно
В двери наши стучится. Как бы то ни было, наши
Путники весело плыли в первые дни по Дунаю:
День ото дня река становилась шире и виды
Пышных ее берегов живописней. Но вдруг — и на самом
Чудно-прелестном месте — открыл свои нападения
Бешеный Струй; то были сначала простые помехи
(Волны бурлили без ветра; ветер отвсяду, меняясь,
Дул и судно качал); но Ундина одною угрозой,
2010 Словом сердитым одним на воздух и в воды смиряла
Силу врага; то было, однако, ненадолго: снова
Он гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словом сказать, веселость дороги расстроилась вовсе.
В то же время гребцы, дивясь тому, что в глазах их
Делалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все с подозреньем посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, диким и робким
Взором следили господ; а Гульбранд, задумавшись грустно,
Сам про себя говорил: «Таково-то бывает, как скоро
2020 Здесь неровные сходятся; худо, если вступает
В грешный союз земной человек с женой водяною».
Вот что, однако, себе в утешенье твердил он: «Ведь прежде
Сам я не ведал, кто она; правда, тяжело порою
Мне приходит от этой бесовской родни; но мое здесь
Горе, вина ж не моя». Хотя иногда и вливал он
Несколько бодрости в душу свою таким рассужденье,
Но зато, с другой стороны, все боле и боле
Против бедной Ундины был раздражаем. То слишком,
Слишком она понимала, и в смертную робость угрюмый
2030 Рыцарев вид ее приводил. Утомленная страхом,
Горем и тщетной борьбой с несобуданным Струем, присла
Под вечер к мачте она, и движение тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась в глубокий
Сон. Но едва на мгновение одно успели закрыться
Светлые глазки ее, как вдруг перед каждым из бывших

В лодке, в той стороне, куда он смотрел, появилась,
 Вынырнув с шумом из вод, голова с растворенным зубастым
 Ртом и кривляясь, выпучив страшно глаза. Закричали
 Разом все; отразился на каждом лице одинакий
 2040 Ужас, и каждый в свою указывал сторону с криком:
 «Здесь! сюда посмотри!» И из каждой волны создалась
 Вдруг голова с ужасным лицом, и поверхность Дуная
 Вся как будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
 Шелкала множеством зуб, хохотала, гремела, шинела,
 Шикала. Крик разбудил Ундины, и вмиг при воззренье
 Гневном ее пропали страшилища все. Но рыцарь ужасно
 Был раздражен; с умоляющим взглядом Ундина сказала:
 «Ради Бога, здесь, на водах, меня не брани ты».
 Он умолкнул, сел и задумался. «Друг мой, — шепнула
 2050 Снова Ундина, — не лучше ль нам дале не ездить. Не лучше ль
 В замок Рингштетген обратно отправиться? В замке
 Будем спокойны». — «Итак, — проворчал, нахмурившись, рыцарь, —
 В собственном доме своем осужден я жить как невольник!
 Только до тех пор и можно дышать мне, пока на колодце
 Будет камень! Чтоб этой проклятой родне...» Но Ундина
 Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши
 На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив о данном
 Им обещанье Ундине. В эту минуту Бертальда,
 В мыслях о том, что делалось с ними, сидела на крае
 2060 Лодки и в воды глядела; сама того не приметив,
 С шеи своей она сняла ожерелье, подарок
 Рыцаря; им водила она по поверхности ровных
 Вод, любуясь, как будто сквозь сон, сверканьем жемчужных
 Зерен в прозрачной, вечерним лучом румянской влаге.
 Вдруг расступилась вода, и кто-то, огромную руку
 Высунув, ею схватил ожерелье и быстро пропал с ним.
 Вскрикнула громко Бертальда, и хохот пронзительный грянул
 Отзывом крика ее по водам. Тут более рыцарь
 Гнева не мог удержать; он вскочил в исступление и в реку
 2070 Начал кричать, вызывая на битву с собой всех подводных
 Демонов, никс и сирен; а Бертальда своим безутешным
 Плачем о милой утрате и пуше его раздражала.
 Тою порою Ундина, к реке наклонясь, окунула
 Руку в прозрачные волны и что-то над ними шептала;

Но поминутно она прерывала свой шепот, Гюльбранду
Голосом нежным твердя: «Возлюбленный, милый, подумай,
Где мы; брани их как хочешь; со мной же ни слова; ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь». И рыцарь,
Как ни был раздражен, но ее пощадил. Вдруг Ундина
2080 Вынула влажную руку из вод, и в ней ожерелье
Было из чудных кораллов; своим очарованным блеском
Всех ослепило оно. Его подавая Бертальде,
«Вот что, — сказала она, — для тебя из реки мне прислали,
Друг мой, в замену потери твоей. Возьми же, и полно
Плакать». Но рыцарь в бешенство кинулся к ней, ожерелье
Вырвал, швырнул в Дунай и воскликнул: «Ты с ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вместе с своими подарками, вместе с своею роднёю!
Сгинь, чародейка, от нас и оставь нас в покое!» С рукою,
2090 Все еще поднятой вверх, как держала она ожерелье,
Бледная, страхом убитая, взор неподвижный, но полный
Слез устремив на Гюльбранда, Ундина его слова роковые
Слушала; вдруг начала, как милый ребенок, который
Был без вины жестоко наказан, с тяжким рыданьем
Плакать и вот что сказала потом истощенным от горя
Голосом: «Ах, мой сладостный друг! ах, прости невозвратно!
Их не бойся; останься лишь верен, чтоб было мне можно
Зло от тебя отворотить. Но меня уведят; отсюда
Прочь мне должно на всю молодую жизнь... о мой милый,
2100 Что ты сделал! ах, что ты сделал! о горе! о горе!»
Тут из лодки быстро она в реку ускользнула:
В воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилась,
В лодке никто не приметил; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Следа не оставив, в Дунае
Вся распустилась она; но долго мелкие струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и вслух доходили
Внятно как будто слова: «О горе! будь верен! о горе!»
С жалобным криком рыцарь упал, и обморок сильный
Душу ему на минуту отвел от тяжелья муки.

Глава XVI.

О ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ СЛУЧИЛОСЬ С РЫЦАРЕМ

2110 Как нам, читатель, сказать: к сожаленью иль к счастью, что наше
Горе земное ненадолго? Здесь разумею я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое с милым, потерянным благом сливает
Нас воедино, которым утрата для нас не утрата,
Смерть вдвоем бытие, а жизнь порыв непрерывный
К той черте, за которую милое наше из мира
Прежде нас перешло. Есть, правда, много избранных
Душ на свете, в которых святая печаль, как свеча пред иконой,
2120 Ярко горит, пока догорит; но она и для них уж
Все не та под конец, какую была при начале,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протеснилось;
Вот, наконец, и всю изменчивость здешнего в самой
Нашей печали мы видим... итак, скажу: к сожаленью,
Наше горе земное ненадолго. Это и рыцарь
Также изведал — к худу ль, к добру ль свосму, мы увидим.
Он сначала только и мог, что плакать, так горько
Плакать, как плакала бедная, кроткая, ангел доброты, Унди́на,
2130 Стоя в лодке, когда он отнял у ней ожерелье,
Коим она все поправить так мило хотела; потом он
Так же и руку вверх подымал, как Унди́на, и снова
Плакал, и весь изойти слезами хотел. И Бертальда
Вместе с ним плакала искренно, горько. Друг подле друга
В замке Рингштеттене тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. К тому же, в это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во сне посещала Унди́на:
Грустно к постеле его подходила она, и смотрела
2140 Пристально в очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потом назад уходила, так что, проснувшись,
Сам он наверно не знал, его ли, ее ли слезами
Были так влажны щеки его. Но вот напоследок
Эти сны об Унди́не стали час от часу реже;
Стало на сердце рыцаря тише; в нем скорбь призаснула.
Но быть может, что он для себя ничего и придумать

В жизни не мог бы иного, как только чтоб память Ундины
Верно хранить и об ней горевать, когда б не явился
В замке наш честный старый рыбак и не стал от Гюльбранда
Требовать дочери. Свсдав по слуху о том, что с Ундиной
2150 Сделалось, доле терпеть он уже не хотел, чтоб Бертальда
В замке одном жила с неженатым. «Рада ль, не рада ль
Будет мне дочь, о том я теперь и знать не желаю, —
Он говорил, — но где о честном имени дело,
Там разбирать уж нельзя». С приходом его пробудилось
В рыцаре прежнее чувство, им позабытое вовсе
В горе по милой Ундине; притом же его ужаснула
Мысль: одному в опустевшем замке остаться. Но много
Против брака с Бертальдой отец говорил в возражении:
2160 «Точно ль Ундины на свете не было? Впрочем — на дне ли
Влажном Дуная тело ее неотпетым лежало,
Море ль его без приюта носило своими волнами —
Все Бертальда отчасти ее безвременной, жалкой
Смерти причиной была, и великий грех заступить ей
Место бедной жены, от нее пострадавшей». Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоял на своем; напоследок,
С ним согласившись, рыбак остался в замке. И тотчас
Был отправлен гонец за отцом Лаврентием с зовом
В замок Рингштеттен: Гюльбранду хотелось, чтоб тот же, кем первый
Брак с Ундиной его в счастливые дни совершен был,
2170 Ныне и с новой женою его сочетал. Но священник,
С страхом каким-то посланника выслушав, тотчас
В путь отправился; день и ночь, несмотря на усталость —
Было ль ненастье иль ясное время, — он шел. «Помоги мне,
Господи, зло отвратить», — он молился. И вот напоследок
Вечером поздним одним он вступил на двор, осененный
Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь с невестой,
Веселы, рядом с ними рыбак, задумчив, под тенью
Лип сидели. Увидя отца Лаврентия, рыцарь
С радостным криком вскочил, и все его окружили.
2180 Но священник был молчалив, прискорбен; хотел он
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, как будто
Весть худую предчувствуя, медлил вступить в особый
С ним разговор. Священник сказал напоследок: «Таится
Здесь мне не нужно; до всех вас касается то, что скажу я;

Слушайте ж, рыцарь. Точно ль уверены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мне не верится это. Хоть много.
Было разной молвы и об ней самой и о роде
Чудном ее, — что правда, что нет, я не знаю, — но знаю
То, что она была добронравной, верной, смиренной,
2190 Благочестивой женою; а вам я скажу, что с недавних
Пор она по ночам начала мне являться: приходит,
Плачет, ломает руки, вздыхает и все говорит мне:
«Честный отец, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тело ему! о, спаси ты душу ему!..» И сначала
Сам я понять не умел, чего хотело виденье:
Вдруг посольство отсюда — и здесь я; но я не для брака
Здесь, для развода. Гульбранд, откажись от Бертальды; Бертальда,
Рыцарь не может быть мужем тебе, им владеет другая.
Верьте мне, верьте, или ваш брак вам не будет не в радость».
2200 Рыцарь с досадою выслушал старца Лаврентия; долго
Спорили жарко они; напоследок патер с сердитым
Видом из замка ушел, не желая и ночи единой
В нем провести. Гульбранд, уверив себя, что священник
Был сумасброд и мечтатель, послал в монастырь, по соседству
С замком лежавший, за патером; тот без труда согласился
Брак совершить, и день для обряда был тут же назначен.

Глава XVII.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ВИДЕЛ СОН

Было время меж утра и ночи, когда на постеле
Рыцарь, сонный не сонный, лежал. Уже забываться
Начал он; вдруг перед ним невидимкой ужасное что-то
2210 Стало; и он очнулся, как будто услышав какой-то
Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель бесплотный;
Силиться стал он, чтоб вовсе проснуться, но вот он услышал
Снова: как будто над ним и под ним лебединые крылья
Веяли, волны журчали и пели; и он, утомленный,
В сладкой дремоте опять упал головой на подушку.
Вот наконец и подлинно сон овладел им; и начал
Видеть во сне он; что будто им слышанный шум лебединых
Крыльев крыльями стал, что будто его подхватили

Эти крылья и с ним над землей и водой полетели
2220 С сладостным веяньем, с звонким стенанием. «Стон лебединый!
Стон лебединый! (себе непрестанно твердил поневоле
Сонный рыцарь) ведь он предвещает нам смерть». И казаться
Стало ему, что под ним Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пел: расступись, озарись, Средиземное море.
Вниз посмотрел он: лазурные воды стали прозрачным,
Чистым кристаллом, и мог он насквозь до самого дна их
Видеть; и там он увидел Ундины; под светлым, кристалльным
Сводом сидела она и плакала горько; и было уж много,
Много в ее лице перемены; не та уж Ундина
2230 Это была, с которою в прежнее время так счастлив
Был он в замке Рингштеттен: очи, столь ясные прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болезнен был образ.
Все то рыцарь заметил; но ею самой он, казалось,
Не был замечен. И вот подошел к ней, рыцарь увидел,
Струй, как будто с упреком за то, что так безутешно
Плакала; тут Ундина с таким повелительным видом
Встала, что Струй перед нею как будто смутился. «Хотя я
Здесь под водами живу, — сказала она, — но с собою
Я принесла и душу живую; о чем же так горько
2240 Плачу, того тебе никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет
Верную душу». Струй, покачив головою с сомнением,
Начал о чем-то думать, потом сказал: «Ты, как хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты под властью
Наших стихийных законов, и все ты обязана строгий
Суд наш над ним совершить в ту минуту, когда он
Верность нарушит тебе и женится снова». — «Но в этот
Миг он еще вдовец, — отвечала Ундина, — и грустным
Сердцем любит меня». — «Вдовец, я не спорю, — со смехом
2250 Струй отвечал, — но он и жених, а скоро и мужем
Будет; тогда уж ты, не прогневайся, с нашим посольством,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство сама ты
Знаешь какое — смерть». — «Но знаю и то, что не можно
В замок Рингштеттен войти мне, — сказала с улыбкой Ундина, —
Камень лежит на колодце». — «А если он выйдет из замка? —
Струй возразил. — А если велит он камень с колодца
Сдвинуть? Ведь он об этих безделках забыл». — «Для того-то, —

С ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, — и летает
Духом теперь он поверх Средиземного моря и слышит
2260 Сонный все то, что мы с тобой говорим; я нарочно
Это устроила так, чтоб он остерегся». Приметя
Рыцаря, Струй взбесился, топнул ногой, кувыркнулся
В волны и быстро уплыл, раздувшись от ярости китом.
Лебеди снова со звоном, со стоном начали веять,
Начали реять; и снова рыцарю видеться стало,
Будто летит он, летит над горами, летит над водами,
Будто на замок Рингштеттен слетел и будто проснулся.
Так и было: проснулся Гульбранд у себя на постеле.
2270 В эту минуту вошел кастелян объявить, что близ замка
Встречен был патер Лаврентий, что он в лесу недалеко
Сделал себе из сучьев шалаш и в нем поселился. —
«Мне на вопрос, зачем он живет здесь, когда отказался
Рыцарев брак освятить, отвечал он: “Разве одни лишь
Браки должны освящать мы? Другие нередко обряды
Нам совершать случается. Если не мог пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
Может легко перейти в гореванье. Итак, кто имеет
Очи, да видит; кто уши имеет, да слышит”. В раздумье
2280 Долго рыцарь сидел, вспоминая свой сон и значение
Слов отца Лаврентия силясь понять; но, пришедши
К милой невесте, он все позабыл, разгулялся и снова
Сделался весел, и все осталось по-прежнему в замке.

Глава XVIII.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛ СВАДЬБУ

Если рассказывать мне, читатель, подробно, каков был
В замке Рингштеттене свадебный пир, то будет с тобою
То же, как если бы вдруг ты увидел множество всяких
Редких сокровищ, покрытых траурным флером, и в этом
Злую насмешку нашел над ничтожностью счастья земного.
Правда, в этот свадебный день ничего не случилось
Страшного в замке, — духам водяным, уж это мы знаем,
2290 Было проникнуть в него нельзя, — но со всем тем наш рыцарь,
Гости, рыбак и даже служители были все как-то

Смутны; казалось всем, что на празднике с ними кого-то
 Главного нет и что этим главным никто уж не мог быть,
 Кроме смиренной, ласковой, всеми любимой Ундины.
 Всякий раз, когда отворялися двери, невольно
 Все на них обращали глаза и ждали; когда же
 Вместо желанной являлся иль с блюдом дворецкий, иль ключник
 С кубком вина благородного, каждый печально в тарелку
 2300 Взор опускал и сидел безгласен, как будто бы в грустной
 Думе о прошлом. Всех веселее была молодая;
 Но и ей самой как будто совестно было
 В брачном зеленом венце, в жемчугах и в богатом венчальном
 Платье на первом месте сидеть, тогда как Ундина
 «Трупом, еще не отпетым, на дне Дуная лежала
 Или носима была без приюта морскими волнами».
 Эти отцовы слова и прежде мutilи ей сердце;
 Тут же они отзывались в ушах ее беспрестанно.
 Рано гости оставили замок, и каждый с каким-то
 Тяжким предчувствием. Рыцарь пошел к себе, молодая
 2310 Также к себе — раздеваться. Кругом новобрачной
 Были прислужницы. Вот, чтоб немного свои порассеять
 Черные мысли, Бертальда велела подать дорогие
 Перстни, жемчужные нитки и платья, рыцарем к свадьбе
 Ей подаренные; стала примеривать то и другое.
 Льстя ей, прислужницы вслух восхищались ее красотой;
 С видом довольным слушая их, Бертальда смотрелась
 В зеркало; вдруг сказала: «Ах! Боже! какая досада!
 Вот опять у меня на шее веснушки; а можно б
 Тотчас согнать их; стоило б только водой из колодца
 2320 Нашего раз обтереться; ах! если б мне нынче ж хоть кружку
 Этой воды достали!» — «О чем же тут думать?» — оказала,
 Бросившись в двери, одна из прислужниц. Неужто успеет
 Эта проказница камень поднять! — с довольной усмешкой
 Вслед за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
 Сделался шум на дворе: с рычагами к колодцу бежали
 Люди. Бертальда села подле окна и при ярком
 Блеске полной луны, освещавшем двор замка, ей было
 Видно все, что делалось там. Работники дружно
 Двинули камень, хотя иному из них и прискорбно
 2330 Было подумать, что им теперь надлежало разрушить

То, что было приказано сделать прежнею, доброй
Их госпожою; но труд был не так-то велик, как сначала
Думали; им изнутри колодца как будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: «Можно подумать, что бьет там
Сильный ключ». И в самом деле, с отверстия камень
Сам собой подымался; без всякой помощи, свободно
Сдвинулся он и, со стуком глухим откатясь, повалился.
2340 Вдруг из колодца что-то, как будто белый прозрачный
Столб водяной, поднялся торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющим ключом показалось оно, но, поднявшись
Выше, каким-то бледным, в белый покров облеченным
Женским образом стало. И плача, и жалобно руки
Вверх подымая, оно медленно, шагом воздушным
Прямо к замку двигалось. В ужасе все отбежали
Прочь от колодца. Бертальда же, стоя в окне, цепенела,
Холодом страха облитая. Вот, когда поравнялся
С самым окошком идущий образ, сквозь покрывало
Он поглядел на Бертальду пронзительным оком, с тяжелым
2350 Вздохом; и бледным лицом Ундины тогда показался
Образ Бертальде: мимо ее она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, как будто на суд. «Позовите
Рыцаря!» — громко вскричала Бертальда. Но все в неподвижном
Страхе стояли на месте. Сама Бертальда, как будто
Собственным криком своим приведенная в ужас, умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась к двери
Замка, знакомую лестницу, ряд знакомых покоев
Тихо, молча, плача, прошла... о, такую ль, бывало,
Здесь видали ее? В то время еще не раздетый
2360 Рыцарь в уборной своей стоял перед зеркалом. Тусклый
Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько
Стукнул в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина.
«Все это призрак! — сказал он. — Пора мне в постелю». — «В постеле
Будешь ты скоро, но только в холодной», — шепнул за дверями
Плачущий голос. И в зеркало рыцарь увидел, как двери
Тихо, тихо за ним растворились, как белая гостья
В них вошла, как чинно замок заперла за собою.
«Камень с колодца сняли, — она промолвила тихо, —
Здесь я; и' должен теперь умереть ты». Холод, по сердцу

2370 Рыцаря вдруг пробежавший, почувствовать дал, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, он воскликнул:
«О, не дай мне в последний мой час обезуметь от страха!
Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и строгий
Суд соверши надо мной, мне лица твоего не являя». —
«Ах! — она отвечала, — разве еще раз увидеть,
Друг, не хочешь меня? Я прекрасна, как прежде, как в оный
День, когда твоею невестою стала». — «О, если б
Это правда была! — Гюльбранд воскликнул, — о, если б
Мне хоть один поцелуй от тебя! и пускай бы
2380 В нем умереть!» — «Охотно, возлюбленный мой», — покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первых, блаженных
Дней предстала. И он, трепеща от любви и от близкой
Смерти, склонился к ней в руки. С небесным она поцелуем
В руки его приняла, но из них уже не пустила
Боле его; а крепче, все крепче к нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела; и быстро, быстро лияся,
Слезы ее проникали рыцарю в очи и с сладкой
2390 Болью к нему заливались в грудь, пока напоследок
В нем не пропало дыханье, и он не упал из прекрасных
Рук Ундины бездушным трупом к себе на подушку.
«Я до смерти его уплакала», — встреченным ею
Людам за дверью сказала Ундина и тихим, воздушным
Шагом по двору, мимо Бертальды, мимо стоявших
В страхе работников, прямо прошла к колодцу, безгласной,
Грустной тенью спустилась в его глубину и пропала.

Глава XIX.

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ БЫЛ ПОГРЕБЕН

Патер Лаврентий, услышав о том, как внезапно и чудно
Кончил жизнь владетель замка Рингштеттена, тотчас
2400 В замке явился; и он, входя на двор, осененный
Липами, встретился там с монахом, недавно венчавшим
Рыцаря: в ужасе тот удалиться спешил. «Так и должно! —
Патер Лаврентий сказал. — Теперь моя наступила

Очередь; мне помощник не нужен». Хотел он невесте,
Вдруг овдовевшей, отрадное слово сказать в подкрепление;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь,
Думал: «Оно иначе и быть не могло — то Господний
Суд»; и, конечно, Гульбрандова смерть никому не могла быть
2410 Так тяжела, как именно той, которую с смертной
Вестью прислали к нему, отверженной, бедной Ундине.
Стали готовить обряд похоронный, как было прилично
Сану покойника: тело его положить надлежало
Подле церкви приходской, там, где были гробницы
Предков его, одаривших множеством вкладов богатых
Эту церковь. И щит, и шлем уж лежали на кровле
Гроба, чтоб с ним опуститься в могилу, ибо наш рыцарь
Был последний в роде своем, который с ним вместе
Кончился весь. И ход печальный уже начинался;
2420 Песнь погребальная к светло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; с длинным крестом, во всем облаченье
Патер Лаврентий шел впереди; за ним шла Бертальда,
В горьких слезах, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдруг посреди Бертальдиных женщин, одетых в глубокий
Траур и шедших в свите ее, заметили белый
Образ, в длинном, густом покрывале, тихо идущий,
Грустно потупивши голову. Страхом проникнут был каждый,
Шедший подле такого товарища; все сторонились,
Пятились, так что порядок хода расстроился. Силой
2430 Два смельчака хотели незваного из ряду вывести;
Но, от них ускользнувши, как легкая тень, он на прежнем
Месте явился опять и последовал тихо за гробом.
Вот напоследок он, мало-помалу, меняясь местом
С теми, кто в страхе спешил от него удалиться, подле
Самой вдовы очутился; но ею сначала примечен
Не был и сзади пошел смиренно-печальный. Достигнул
Ход до кладбища, и все обступили могилу. Тут в первый
Раз Бертальда незваного гостя увидела, в страхе
Стала она рукою махать, чтоб он удалился;
2440 Но покровенный, кротко упорствуя, тряс головою,
Руки к ней простирали и как будто молил о пощаде.
Вспомнила тут неволью Бертальда Ундину, как руку

К ней она подняла на Дунае, когда ей хотела
Так добродушно подать ожерелье, и как под водами
Скрылась потом навсегда. Но в это мгновение подал
Знак отец Лаврентий, чтоб все умолкли. И стали
Гроб опускать в могилу, и мало-помалу засыпан
Был он землею. Когда же совсем был набросан могильный
Холм и читать последнюю начал молитву священник,
2450 Стала вдова на колени, стали и все на колени,
В том числе и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова все встали... уж белый образ пропал; а на месте,
Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился прозрачный
Ключ; серебристо вяясь, он вперед пробирался, куда
Всей не обвил могилы; тогда ручейком побежал он
Дале и бросился в светлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя про него тех мест поселяне
Чудную повесть любили прохожим рассказывать; долго,
2460 Долго жило поверье у них, что ручей тот Ундина,
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундина.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Корсиканская повесть

В кустах, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккио, со всех
Сторон звучали голоса и часто
Гремели выстрелы; то был отряд
Рассыльных егерей; они ловили
Бандита старого Саншьеро; но,
Проворно меж кустов ныряя, в руки
Им не давался он, хотя навывлет
Прострелен пулей был. И вот, на верх
10 Горы взбежав, он хижины достигнул,
В которой жил с своей семьей Маттео
Фальконе; но, к несчастью, в это время
Один лишь мальчик, сын его, был дома;
Он у ворот стоял и на долину
Смотрел, прислушиваясь к шуму. Вдруг,

Из ближних выбежав кустов, Санньеро
Бросается к нему и говорит:
«Спаси меня, я ранен, сгеря
За мною гонятся, они уж близко!» —
20 «Да я один; отца нет дома; с ним
Ушла и мать». — «Что нужды! спрячь меня
Скорей». — «Да что отец на это скажет?» —
«Отец тебя похвалит; от меня ж
На память вот тебе монета». Мальчик,
Монету взявши, ввел на двор Санньеро;
Он спрятался там в сено; Фортунато ж
(Так звали мальчика) проворно сеном
Его закрыл, и кровь втоптал в песок,
И вид спокойный принял. В этот миг
30 Вбежал на двор с своими Гамба (главный
Рассыльщик; он был родственник Маттео).
«Не попался ли тебе Санньеро? —
У мальчика спросил он. — Верно, здесь
Его ты видел». — «Нет, я спал». — «Ты лжешь;
Когда стреляют, спать нельзя». — «Да мой
Отец стреляет громче вас, а я
И тут не просыпаюсь». — «Отвечай же,
Куда ушел Санньеро? Ты его
Здесь видел; правду говори, не то
40 Тебе достанется». — «Попробуй тронуть
Меня хоть пальцем; мой отец Маттео
Фальконе, знаешь?» — «Твой отец тебя
За то, что лжешь ты, высечет». — «Ан нет,
Не высечет». — «Да где же твой отец?» —
«Он в лес пошел за дичью; видишь сам,
Что я один». К товарищам тогда
В недоуменье обратившись, Гамба
Сказал: «Кровавый след привел нас прямо
Сюда; он, верно, здесь; но этот дом
50 Обыскивать не стану я; с Маттео
Фальконе ссориться опасно». — Гамба
Стоял нахмурившись и тыкал в сено
Своим штыком, не думая, чтоб там
Санньеро спрятан бы; а Фортунато,

Как будто без намеренья цепочкой
 Часов его играя, неприметно
 Его отвести от места рокового
 Старался. Гамба, вынув из кармана
 Часы, сказал: «Я уж давно тебе
 60 Подарок, Фортунато, приготовил.
 Ведь у тебя до сих пор нет часов?» —
 «Отец сказал, что мне их даст, как скоро
 Двенадцать лет мне будет». — «А тебе
 Теперь лишь только десять. Эта песня
 Долга. Вот посмотри сюда, какие
 Прекрасные часы». — И он на солнце
 Вертел их, и они сверкали ярко.
 Глазами жадными за ними бегая
 Встревоженный их блеском Фортунато...
 70 Футляр с эмалью, стрелки золотые
 И голубой узорный циферблат...
 «Ну что же, где Санпьеро?» — «А часы
 Ты дашь мне?» — «Дам». — И Гамба поднял выше
 Часы; как чаша роковых весов,
 Над головой ребенка, раза два
 Шатнувшись, они остановились.
 Он искушения не вынес; в нем
 Вся внутренность зажглась; как в лихорадке
 Он задрожал и, правую тихонько
 80 Поднявши руку, вдруг, как зверь когтями,
 Схватил часы, а левою рукою,
 Закинув за спину ее, в молчанье
 На сено Гамбе указал. Без слов
 Был кончен торг кровавый. Фортунато,
 Добычу взяв, о проданной им жертве
 Забыл. Санпьеро из-под сена тут же
 Был вытащен; с презреньем поглядел он
 На мальчика и, в руки егерям
 Отдавшись, сказал: «Друг Гамба, ты
 90 Уж в этом мне, конечно, не откажешь;
 Найди носилки; я идти не в силах;
 Весь кровью изошел я; признаюсь,
 Стрелять ты мастер, и в меня так ловко

Попал, что уж теперь со мной конец;
Но видеть мог ты также, что и я
Не промах». И о нем, как о родном
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялись.
Ему хотел монету Фортунато
100 Отдать назад; но молча оттолкнул
Он мальчика, который, уронив
Монету, отошел, краснея, в угол.
Маттео, в это время возвращаясь
С женою из леса, гостей незваных
Увидел в хижине; поспешно он
Свое ружье на выстрел приготовил
И подал знак жене, чтоб и она
С другим ружьем была готова. Смело
И осторожно он подходит. Гамба,
110 Его вдали узнавши, закричал:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
В его лицо всмотревшись, он дуло
Ружья нацеленного опустил.
«Маттео, — Гамба продолжал, к нему
Навстречу вышед, — мы лихого
Поймали зверя; но добыча эта
Нам дорого досталась: двое из наших
Легли». — «Кого?» — «Санпьеро, твоего
120 Приятеля; ведь он и у тебя
Украд двух коз». — «То правда; но большая
Семья у бедняка, а голод, знаешь,
Не свой брат». — «Вот стрелок! От нас бы, верно,
Он ускользнул, когда б не Фортунато,
Мальчишка твой, помог нам». — «Фортунато!» —
Маттео вскрикнул. — «Фортунато!» — мать
Со страхом повторила. — «Да! Санпьеро
Здесь в сено спрятался, а Фортунато
Его и выдал нам; за это все вы
Получите спасибо от начальства». —
130 Холодным потом обдало Маттео;
Он в хижину вошел. Там егеря
Вкруг старика, который чуть дышал,

От раны изнемогши, суетились;
И, чтоб ему лежать покойней было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча он смотрел
На их работу; но, как скоро шум
Услышал и, глаза подняв, увидел
140 В дверях стоящего Маттео, громко
Захохотал, и страшен был тот хохот.
Он плюнул на стену и, задыхаясь,
Глухим, осиплым голосом сказал:
«Будь проклят этот дом; Иуды здесь
Предатели живут!» — Как полотно
Маттео побледнел и кулаком
Себя ударил в лоб; он был как мертвый;
Стоял безгласно. Вот уж старика
Уклали на носилки, понесли
150 Из хижины; вслед за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышел;
И вот уж все пропали за кустами...
Маттео ничего не замечал;
Он, губы стиснув, яростно и страшно
Смотрел на сына. Фортунато, робко
Подкравшись, хотел отцову руку
Поцеловать; Маттео взвизгнул: «Прочь!»
У мальчика подрезались ноги;
Не в силах был он убежать и, бледный,
К стене прижавшись, плакал и дрожал.
160 «Моя ль в нем кровь?» — сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричал Маттео.
«Ведь я жена твоя», — она сказала,
Вся покраснев. — «И он предатель!» — Тут
Рыдающая мать, взглянув на сына,
Увидела часы. «Кто дал тебе их?» —
Она спросила. — «Дядя Гамба». — Вырвав
С свирепым бешенством из рук у сына
Часы, ударил оземь их Маттео,
И вдребезги они разбились. Долго
170 Потом, как будто в забытии, стучал
Ружьем он в пол; потом, очнувшись, сыну

Сказал: «За мной!» — И он пошел; за ним
Пошел и сын. Неся ружье под мышкой,
Он прямо путь направил к лесу. Мать,
Схватив его за полу платья: «Он
Твой сын! твой сын!» — кричала. Вырвав полу
Из рук ее, он прошептал: «А я
Его отец, пусти». — Поцеловавши
180 С отчаяньем невыразимым сына
И руки судорожно сжав, в дверях
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Их проводить; когда ж они из глаз
Вдали исчезли, плача и рыдая,
Перед Мадонною она упала.
Маттео, в лес вошедши, на поляне,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю он ружьем
Копнул: земля рыхла. «Стань на колени, —
190 Ребенку он сказал, — читай молитву». —
Став на колени, мальчик руки поднял
К отцу и завизжал: «Отец, прости
Меня; не убивай меня, отец!» —
«Читай молитву». Мальчик, задыхаясь,
Пролепетал со страхом «*Отче наш*»
И «*Богородицу*». «Ты кончил?» — «Нет,
Еще одну я знаю литанею;
Ее мне выучить отец Франческо
Велел». — «Она длинна, но с Богом». Дулом
Ружья подперши лоб, он руки сжал
200 И про себя за сыном повторил
Его молитву. Кончив литанею,
Сын замолчал. «Готов ты?» — «Ах, отец,
Не убивай меня!» — «Готов ты?» — «Ах!
Прости меня, отец». — «Тебя простит
Всевышний Бог». И выстрел загремел.
От мертвого отворотив глаза,
Пошел назад Маттео. На ногах он
Был тверд; но жизни не было в его
Лице; с подпорой старости своей
210 И сердце он свое убил. Он шел

За заступом, чтобы могилу вырыть
И тело схоронить. Ему навстречу,
Услышав выстрел, кинулась жена:
«Мое дитя! наш сын! что сделал ты,
Маттео?» — «Долг свой. Там он, на поляне,
Лежит. По нем поминки будут: он,
Как христианин, умер с покаяньем;
Господь его младенческую душу
Помилует и успокоит. Ты же,
²²⁰ Когда сберешься с силой, объяви
Паоло, зятю нашему, мою
Решительную волю, чтоб он нынче ж
К нам на житье с женой переселился».

КАПИТАН БОПП

Повесть

На корабле купеческом Медузе,
Который плыл из Лондона в Бостон,
Был капитаном Бопп, моряк искусный,
Но человек недобрый; он своих
Людей так притеснял, был так бесстыдно
Развратен, так ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипаж
Смертельно ненавидел; наконец
Готов был вспыхнуть бунт и капитану б
¹⁰ Не сдобровать... но Бог решил иначе.
Вдруг занемог опасно капитан;
Над кораблем команду принял штурман;
Больной же, всеми брошенный, лежал
В каюте: экипаж решил, чтоб он
Без помощи издох, как зараженный
Чумой, и это с злобным смехом было
Ему объявлено. Уж дни четыре,
Снедаемый болезнью, лежал
Один он, и никто не смел к нему
²⁰ Войти, чтобы хоть каплею воды

Его язык иссохший освежить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрым словом
Его больную душу ободрить;
Он был один, и страшно смерть глядела
Ему в глаза. Вдруг слышит он однажды,
Что в дверь его вошли, и что ему
Сказал умильный голос: «Каковы
Вы, капитан?» — То мальчик Роберт был,
30 Ребенок лет двенадцати; ему
Стал жалок капитан; но на вопрос
Больной сурово отвечал: «Тебе
Какое дело? Убирайся прочь!»
Однако на другой день мальчик снова
Вошел в каюту и спросил: «Не нужно ль
Чего вам, капитан?» — «Ты это, Роберт?» —
Чуть слышным голосом спросил больной. —
«Я, капитан». — «Ах! Роберт, я страдал
40 Всю ночь». — «Позвольте мне, чтоб я умыл
Вам руки и лицо; вас это может
Немного освежить». — Больной кивнул
В знак своего согласия головою.
А Роберт, оказав ему услугу
Любви, спросил: «Могу ли, капитан,
Теперь обрить вас?» — Это также было
Ему позволено. Потом больного Роберт
Тихонько приподнял, его подушки
Поправил; наконец, смелее ставши,
Сказал: «Теперь я напою вас чаем».
50 И капитан спокойно соглашался
На все; он глубоко вздыхал и с грустной
Улыбкою на мальчика смотрел.
Уверен будучи, что от своих
Людей он никакого милосердия
Надеяться не должен, в злобе сердца
Решился он ни с кем не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто раз,
Он думал, чем от них принять услугу.
Но милая заботливость ребенка

60 Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась, и в глазах его, дотоле
Свирепо мрачных, выступили слезы.
Но дни его уж были сочтены;
Он видимо слабел и наконец
Уверился, что жизнь его была
На тонком волоске; и ужас душу
Его схватил, когда предстали разом
Ей смерть и вечность; с страшным криком совесть
70 Проснулась в нем; но ей не поддалась бы
Его железная душа; он молча б
Покинул свет, озлобленный, ни с кем
Не примиренный, если б милый голос
Ребенка, посланного Богом, вдруг
Его не пробудил. И вот однажды,
Когда, опять к нему вошедши, Роберт
Спросил: «Не лучше ли вам, капитан?»,
Он простонал отчаянно: «Ах! Роберт,
Мне тяжело; с моим погибшим телом
80 Становится ежеминутно хуже.
А с бедною моею душою!.. Что
Мне делать? Я великий нечестивец!
Меня ждет ад; я ничего иного
Не заслужил; я грешник, я навеки
Погибший человек». — «Нет, капитан,
Вас Бог помилует; молитесь». — «Поздно
Молиться; для меня уж боле нет
Надежды на спасенье. Что мне делать?
Ах! Роберт, что со мною будет?» — Так
90 Свое дотоль бесчувственное сердце
Он исповедовал перед ребенком;
И Роберт делал все, чтоб возбудить
В нем бодрость — но напрасно. Раз, когда
По-прежнему вошел в каюту мальчик,
Больной, едва дыша, ему сказал:
«Послушай, Роберт, мне пришло на ум,
Что, может быть, на корабле найдется
Евангелье; попробуй, поищи».

И подлинно Евангелie нашлося.
100 Когда его больному подал Роберт,
В его глазах сверкнула радость. «Роберт, —
Сказал он, — это поможет мне, верно
Поможет. Друг, читай; теперь узнаю,
Чего мне ждать и в чем мое спасенье.
Сядь, Роберт, здесь; читай; я буду слушать».
«Да что же мне читать вам, капитан?» —
«Не знаю, Роберт; я ни разу в руки
Не брал Евангелie; читай, что хочешь,
Без выбора, как попадется». — Роберт
110 Раскрыл Евангелie и стал читать,
И два часа читал он. Капитан,
К нему с постели голову склонив,
Его с великой жадностью слушал;
Как утопающий за доску, он
За каждое хватался слово; но
При каждом слове молниєю страшной
Душа в нем озарялась; он вполне
Все недостойнство свое постигнул,
И правосудие Творца предстало,
120 Ему с погибелью неизбежной;
Хотя и слышал он святое имя
Спасителя, но верить он не смел
Спасению. Оставшись один,
Во всю ту ночь он размышлял о том,
Что было читано; но в этих мыслях
Его душа отрады не нашла.
На следующий день, когда опять
Вошел в каюту Роберт, он ему
Сказал: «Мой друг, я чувствую, что мне
130 Земли уж не видать; со мною дело
Идет к концу послешно; скоро буду
Я брошен через борт; но не того
Теперь боюсь я... что с моею душою,
С моею бедною душою будет!
Ах! Роберт, я погиб, погиб навски!
Не можешь ли помочь мне? Помолися,
Друг, за меня. Ведь ты молитвы знаешь?» —

«Нет, капитан; я никакой другой
Молитвы, кроме *Отче наш*, не знаю;
140 Я с матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читал». — «Ах! Роберт,
Молися за меня; стань на колена;
Проси, чтоб Бог явил мне милосердь;
За это он тебя благословит.
Молися, друг, молися о твоём
Отверженном, безбожном капитане». —
Но Роберт медлил; а больной его
Просил и убеждал, ежеминутно
Со стоном восклицая: «Царь небесный,
150 Помилуй грешника, меня». И оба
Рыдали. — «Ради Бога на колена
Стань, Роберт, и молися за меня». —
И увлеченный жалостию мальчик
Стал на колена и, сложивши руки,
В слезах воскликнул: «Господи, помилуй
Ты моего больного капитана.
Он хочет, чтоб Тебе я за него
Молился — я молиться не умею.
Умилосердись Ты над ним; он бедный
160 Бойся, что ему погибнуть должно —
Ты, Господи, не дай ему погибнуть.
Он говорит, что быть ему в аду —
Ты, Господи, возьми его на небо;
Он думает, что дьявол овладеет
Его душой — Ты, Господи, вели,
Чтоб Ангел Твой вступился за него.
Мне жалок он; его, больного, все
Покинули; но я, пока он жив,
Ему служить не перестану; только
170 Спасти его я не умею; сжался
Над ним Ты, Господи, и научи
Меня молиться за него». — Больной
Молчал; невинность чистая, с какою
Ребенок за него молился, всю
Его проникла душу; он лежал
Недвижим, стиснув руки, погружив

В подушки голову, и слез потоки
 Из глаз его бежали. Роберт, кончив
 Свою молитву, вышел; он был также
 180 Встревожен; долго он, едва дыханье
 Переводя, на палубе стоял
 И, перегнувшись через борт, смотрел
 На волны. Ввечеру он, возвратившись
 К больному, до ночи ему читал
 Евангелье, и капитан его
 С невыразимым слушал умиленьем.
 Когда же Роберт на другое утро
 Опять явился, он был поражен,
 Взглянув на капитана, переменной,
 190 В нем происшедшей: страх, который так
 Усиливал естественную дикость
 Его лица, носившего глубокой
 Страстей и бурь душевных отпечаток,
 Исчез; на нем сквозь покрывало скорби,
 Сквозь бледность смертную сияло что-то
 Смирненное, веселое, святое,
 Как будто луч той светлой благодати,
 Которая от Бога к нам на вопль
 Молящего раскаянья нисходит.
 200 «Ах! Роберт, — тихим голосом больной
 Сказал, — какую ночь провел я! Что
 Со мною было! Я того, мой друг,
 Словами выразить не в силах. Слушай:
 Когда вчера меня оставил ты,
 Я впал в какой-то полусон; душа
 Была полна евангельской святыней,
 Которая проникнула в нее,
 Когда твое я слушал чтение; вдруг
 Перед собою, здесь, в ногах постели,
 210 Увидел я — кого же? Самого
 Спасителя Христа; он пригвожден
 Был ко кресту; и показалось мне,
 Что будто встал я и приполз к Его
 Ногам и закричал, как тот слепой,
 О коем ты читал мне: сын Давидов,

Иисус Христос, помилуй. И тогда
Мне показалось, будто на меня —
Да! на меня, мой друг, на твоего
Злодея капитана Он взглянул...
220 О как взглянул! какими описать
Словами этот взгляд! Я задрожал;
Вся к сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; в страхе,
Но и с надеждой, я к Нему поднять
Осмелился глаза... и что же? Он...
Да, Роберт!... Он отверженному мне
С небесной милостию улыбнулся!
О! что со мною сделалось тогда!
На это слов язык мой не имеет.
230 Я на Него глядел... глядел... и ждал...
Чего я ждал? Не знаю; но о том
Мое трепещущее сердце знало.
А Он с креста, который весь был кровью,
Бежавшею из ран Его, облит,
Смотрел так благостно, с такой прискорбной
И нежной жалостию на меня...
И вдруг Его уста пошевелились,
И я Его услышал голос... чистый,
Пронзающий всю душу, сладкий голос;
240 И Он сказал мне: "Ободришь и веруй!"
От радости разорвалося сердце
В моей груди, и я перед крестом
Упал с рыданием и криком... но
Видение исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись...
Но сон ли это было? Нет, не сон.
Теперь я знаю: *Тот* меня спасет,
Кто ко кресту за всех и за меня
Был пригвожден; я верую тому,
250 Что он сказал на Вечери Святой,
Переломивши хлеб и вливши в чашу
Вино во оставление грехов.
Теперь уж мне не страшно умереть;
Мой Искупитель жив; мои грехи

Мне будут прощены. Выздоровленья
Не жду я болес и не желаю;
Я чувствую, что с жизнью расстаться
Мне должно скоро; и ее покинуть
Теперь я рад... » — При этом слове Роберт,
260 Дотолс плакавший в молчанье, вдруг
С рыданием воскликнул: «Капитан,
Не умирайте; нет, вы не умрете».
На то больной с усмешкой отвечал:
«Не плачь, мой добрый Роберт; Бог явил
Свое мне милосердь; и теперь
Я счастлив; но тебя мне жаль, как сына
Родного жаль; ты должен здесь остаться
На корабле меж этих нечестивых
Людей, один, неопытный ребенок...
270 С тобою будет то же, что со мной!
Ах! Роберт, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведет она. Твоя любовь
Ко мне была, друг милый, велика;
Тебе я всем обязан; ты мне Богом
Был послан в страшный час... ты указал мне,
И сам того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышний!
Другим же всем на корабле скажи
280 Ты от меня, что я прошу у них
Прощенья, что я сам их всех прощаю,
Что я за них молюсь». Весь этот день
Больной провел спокойно; он с глубоким
Вниманием Евангелие слушал.
Когда ж настала ночь, и Роберт с ним
Простился, он его с благословеньем,
Любовию и грустью проводил
Глазами до дверей каюты. Рано
На следующий день приходит Роберт
290 В каюту; двери отворив, он видит,
Что капитана нет на прежнем месте:
Поднявшись с подушки, он приполз
К тому углу, где крест ему во сне

Явился; там, к стене оборотясь
Лицом, в дугу согнувшись, головой
Припав к постеле, крепко стиснув руки,
Лежал он на косяках. То увидя,
Встревоженный, в дверях каюты Роберт
Остановился. Он глядит и ждет,
300 Не смея тронуться; минуты две
Прошло... и вот он наконец шепнул
Тихонько: «Капитан!» — ответа нет.
Он, два шага ступив, шепнул опять
Погромче: «Капитан!» Но тихо все;
И все ответа нет. Он подошел
К постеле. «Капитан!» — сказал он вслух.
По-прежнему все тихо. Он рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, как лед. В испуге закричал
310 Он громко: «Капитан!» и за плечо
Его схватил. Тут положение тела
Переменилось; медленно он навзничь
Упал; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки бледны, вид
Спокоен, руки сжаты на молитву.

ДВЕ ПОВЕСТИ

Подарок на новый год издателю «Москвитянина»

Дошли ко мне на берег Майна слухи,
Что ты, Киреевский, теперь стал и москвич
И Москвитянин. В добрый час, принятая
Давным-давно пора тебе за дело.
Меня ж взяла охота подарить
Тебя и твой журнал на Новый год
Своим добром, чтоб старости своей
По-старому хотя на миг один
Дать с молодостью вашей разгуляться.
10 Но чувствую, что на пиру ее,
Где все кипит, поет, кружится, блещет,

Неловко старику; на ваш уж лад
Мне не поется; лета изменили
Мою поэзию; она теперь,
Как я, состарилась и присмирела;
Не увлекается хмельным восторгом;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое без грусти обращает
Глаза и, думая о том, что нас
20 В грядущем ждет, молчит. Но все, однако,
На Новый год мне *должно* подарить
Тебя и твой журнал. Друг, даровому
Коню, ты знаешь сам, не смотрят в зубы.
Итак, прошу принять мой лепт вдовицы.

Недавно мне случилось найти
Предание о древнем Александре
В талмуде. Я хочу преданье это
Здесь рассказать так точно, как оно
30 Рассказано в еврейской древней книге.
Через песчаную пустыню шел
С своею ратью Александр; в страну,
Лежавшую за рубежом пустыни,
Он нес войну. И вдруг пришел к реке
Широкой он. Измученный путем
По знойному песку, на тучном берегу
Реки он рать остановил; и скоро вся
Она заснула в глубине долины,
Прохладю потока освеженной.
Но Александр заснуть не мог; и в зной
40 И посреди спокойствия долины,
Где не было следа тревог житейских,
Нетерпеливой он кипел душою;
Ее и миг покоя раздражал;
Погибель войск, разрушенные троны,
Победа, власть, вселенной рабство, слава
Носились пред ней, как привиденья.
Он подошел к потоку, наклонился,
Рукою зачерпнул воды студеной
И напился; и чудно освесила

50 Божественно-целительная влага
 Его все члены; в грудь его проникла
 Удвоенная жизнь. И понял он,
 Что из страны, благословенной небом,
 Такой поток был должен вытекать,
 Что близ его истоков надлежало
 Цвести земному счастью; что, верно,
 Там в благоденствии, в богатстве, в мире
 Свободные народы ликовали.
 «Туда! туда! с мечом, с огнем войны!
 60 Моей они должны поддаться власти
 И от меня удел счастливый свой
 Принять, как дар моей щедроты царской».
 И он велел греметь трубе военной;
 И раздалась труба, и пробудилась,
 Минутный сон вкусивши, рать; и быстро
 Ее поток, кипящий истребленьем,
 Вдоль мирных берегов реки прекрасной
 К ее истокам светлым побежал.
 И много дней, не достигая цели,
 70 Вел Александр свои полки. Куда же
 Он наконец привел их? Ко вратам
 Эдема. Но пред ним не отворился
 Эдем; был страж у врат с таким ужасно
 Пылающим мечом, что задрожала
 И Александрова душа, его
 Увидя. «Стой, — сказал привратник чудный, —
 Кто б ни был ты, сюда дороги нет».
 «Я царь земли, — воскликнул Александр,
 Прогневанный неожиданным запрещеньем, —
 80 Царем земных царей я здесь поставлен.
 Я Александр!» — «Ты сам свой приговор,
 Назвавшись, произнес; одни страстей
 Мятежных обуздатели, одни
 Душой смиренные вратами жизни
 Вступают в рай; тебе ж подобным, мира
 Грабителям, ненасытимо жадным,
 Рай затворен». На это Александр:
 «Итак, назад мне должно обратиться.

Тогда, как я уже стоял ногой
90 На этих ступенях, туда проникнув,
Где от созданья мира ни один
Из смертных не бывал. По крайней мере,
Дай знаменье мне, чтобы могла
Проведать вся земля, что Александр
У врат эдема был». На это страж:
«Вот знаменье; да просветит оно
Твой темный ум высоким разуменьем;
Возьми». Он взял; и в путь пошел обратный;
А на пути, созвавши мудрецов,
100 Перед собою знаменье велел
Им изъяснить. «Мне! — повторял он в гнев, —
Мне! Александру! дар такой презренный!
Кусок истлевшей кости!» — «Сын Филиппов, —
На то сказал один из мудрецов, -
Не презирай истлевшей этой кости;
Умей спросить, и даст тебе ответ.
Тут принести велел мудрец весы;
Одну из чаш он золотом наполнил;
В другую чашу кость он положил,
110 И... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александр; он вдвое
Велел насыпать золота; он сам
Свой скипетр золотой, свою корону
И с ними тяжкий меч свой бросил в чашу —
Ни на волос она не опустилась.
Затрепетал на троне царь могучий;
И он спросил: «Какою тайной силой
Нарушен здесь закон природы? Чем
Ей власть ее возможно возвратить?» —
120 «Щепоткою земли», — сказал мудрец.
И бросил он на кость земли щепотку:
И чаша с костью быстро поднялася,
И быстро чаша с золотом упала.
Мудрец сказал: «Великий государь,
Был некогда подобный твоему
Разрушен череп; в нем же эта кость
Была частицей впадины, в которой

Глаз, твоему подобный, заключался.
Глаз человеческий в объеме мал;
130 Но с ненасытной жадностью объемлет
Он все, что нас здесь в области виденной
Так увлекательно пленяет; целый
Он мир готов сожрать голодным взором.
Все золото земное всыпьте в чашу,
Все скипетры и все короны бросьте
На золото... все будет мало; но
Покрой его шепоткою земли —
И пропадет его ненасытимость;
140 Сквозь легкий праха груз уж не пробьется
Он жадным взором. Ты ж, великий царь,
В сем знаменье уразумей прямое
Значение и времени и жизни.
Ненасытиности перед тобою
Лежит символ в истлевшей этой кости».
Но царь внимал с поникшей головой,
С челом нахмуренным. Вдруг он вскочил;
Сверкнул на всех могучим оком льва;
И возгласил так громко, что скалы
150 Окрестные ужасный дали голос:
«Греми, труба! Вперед, мои дружины!
Жизнь коротка; уходит время; стыд
Тому, кто жизнь и время праздно тратит».
И вихрями взвился песок пустыни;
И рать великая, как змей с отверзтым
Голодным зевом, шумно побежала
К пределам Индии. Завоеватель
Потоками лил кровь, и побеждал,
И с каждой победой разгорался
Сильнейшей жаждою победы новой,
160 И наконец они ему шепоткой
Земли глаза покрыли — он утих.

Но кажется, почтенный Москвитянин,
Что мой тебе подарок в Новый год
Некстати мрачен: гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,

Тщета величий... в Новый год дарить
Таким добром неловко; виноват;
И вот тебе рассказ повеселес.

Жил на востоке царь; а у царя
170 Жил во дворце мудрец: он назывался
Керим, и царь его любил и с ним
Беседовал охотно. Раз случилось,
Что задал царь такой вопрос Кериму:
«С чем можем мы сравнить земную жизнь
И свет?» Но на вопрос мудрец не вдруг
Ответствовал; он попросил отсрочки
Сначала на день, после на два, после
На целую неделю; наконец
180 Пришел к царю и так ему сказал:
«Вопрос твой, государь, неразрешим.
Мой слабый ум его обнять не может;
Позволь людей мудрейших мне спросить».
И в путь Керим отправился искать
Ответа на вопрос царя. Сначала
Он посетил один богатый город,
Где, говорили, находился славный
Философ; но философ тот имел
Великолепный дом, был друг сердечный
Царя, жил сам как царь и упивался
190 Из полной чаши сладостию жизни.
Керим ему вопрос свой предложил.
Он отвечал: «Свет уподобить можно
Великолепной пировой палате,
Где всякий час открытый стол — садись
Кто хочет и пируй. Над головою
Гостей горят и ходят звезды неба;
Их слух пленяют звонким хором птицы;
Для них цветы благоуханно дышат,
А на столах пред ними без числа
200 Стоят с едою блюда золотые,
И янтарем кипящим в чашах блещет
Вино; и все кругом ласкает чувства.
И гости весело сидят друг с другом,

Беседуют, смеются, шутят, спорят;
 И новые подходят беспрестанно;
 И каждому есть место; кто ж довольно
 Насытился, встает, и с теми, кто
 Сидели с ним, простясь, уходит спать
 Домой, хозяину сказав спасибо
 210 За угощенье. Вот и свет и жизнь».

Керим философу не отвечал
 Ни слова; он печально с ним простился
 И далее поехал; про себя же
 Так рассуждал: «Твоя картина, друг
 Философ, неверна; не все мы здесь
 С гостями пьем, едим и веселимся;
 Немало есть голодных, одиноких
 И плачущих». Кериму тут сказали,
 220 Что недалеко жил в густом лесу

Отшельник набожный, смиренномудрый.
 Ему убежищем была пещера:
 Он спал на голом камне; ел одни
 Коренья, пил лишь воду; дни и ночи
 Все проводил в молитве. И не медля
 К нему отправился Керим. Отшельник
 Ему сказал: «Послушай; через степь
 Однажды вел верблюда путник; вдруг
 Верблюд озлился, начал страшно фыркать,
 Храпеть, бросаться; путник испугался
 230 И побежал; верблюд за ним. Куда

Укрыться? Степь пуста. Но вот увидел
 У самой он дороги водоем
 Ужасной глубины, но без воды;
 Из недра темного его торчали
 Ветвями длинными кусты малины,
 Разросшейся меж трещинами стен,
 Покрытых мохом старины. В него
 Гонимый бешеным верблюдом путник
 В испуге прынул; он за гибкий сук
 240 Малины ухватился и повис

Над темной бездной. Голову подняв,
 Увидел он разинутую пасть

Верблюда над собой: его схватить
 Рвался ужасный зверь. Он опустил
 Глаза ко дну пустого водоема:
 Там змей ворочался и на него
 Зиял голодным зевом, ожидая,
 Что он, с куста сорвавшись, упадет.
 Так он висел на гибкой, тонкой ветке
 250 Меж двух погибелей. И что же еще
 Ему представилось? В том самом месте,
 Где куст малины (за который он
 Держался) корнем в землю сквозь пролом
 Стены состарившейся водоема
 Входил, две мыши, белая одна,
 Другая черная, сидели рядом
 На корне и его поочередно
 С большою жадностью грызли, землю
 Со всех сторон скребли и обнажали
 360 Все ветви корня, а когда земля
 Шумела, падая на дно, оттуда
 Выглядывал проворно змей, как будто
 Спеша проведать, скоро ль мыши корень
 Перегрызут и скоро ль с ношей куст
 К нему на дно обрушится. Но что ж?
 Вися над этим страшным дном, без всякой
 Надежды на спасенье, вдруг увидел
 На ближней ветке путник много ягод
 Малины, зрелых, крупных: сильно
 370 Желание полакомиться ими
 Зажглося в нем; он все тут позабыл;
 И грозного верблюда над собою,
 И под собой на дне далеком змея,
 И двух мышей коварную работу;
 Оставил он вверху храпеть верблюда,
 Внизу зиять голодной пастью змея,
 И в стороне грызть корень и копать
 В земле мышей, — а сам, рукой добравшись
 До ягод, начал их спокойно рвать
 380 И есть; и страх его пропал. Ты спросишь:
 Кто этот жалкий путник? *Человек.*

Пустыня ж с водоемом *Свет*, а путь
Через пустыню — наша *Жизнь* зсмная;
Гонящийся за путником верблюдо
Есть враг души, тревог создатель, *Грех*:
Нам гибелью грозит он; мы ж беспечно
На ветке трепетной висим над бездной,
Где в темноте могильной скрыта *Смерть* —
Тот змей, который, пасть разинув, ждет,
290 Чтоб ветка тонкая переломилась.
А мыши? Их названье *День* и *Ночь*;
Без отдыха, сменяясь, они
Работают, чтоб сук твой, ветку жизни,
Которая меж смертию и светом
Тебя неверно держит, перегрызть;
Прилежно черная грызет всю ночь,
Прилежно белая грызет весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой,
300 *Усладой чувств, желаний утоленьем*,
Забыл и грех — верблюда в вышине,
И смерть — внизу зияющего змея,
И быструю работу дня и ночи —
Мышей, грызущих тонкий корень жизни;
Ты все забыл — тебя манит одно
Неверное минуты наслажденье.
Вот свет, и жизнь, и смертный человек.
Доволен ли ты повестью моею?»
Керим отшельнику не отвечал
Ни слова; он печально с ним простился
310 И далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Святой отшельник, твой
Рассказ замысловат, но моего
Вопроса он еще не разрешил;
Не так печальна наша жизнь, как степь,
Ведущая к одной лишь бездне смерти;
И не одним минутным наслажденьем
Пленяется беспечно человек».
И сжал он куда глаза глядят.
Вот повстречался с ним какой-то странный,
320 Убогим рубищем покрытый путник.

Он шел босой; через плечо висела
 Котомка; в ней же было много хлеба,
 Плодов и всякого добра; он сам,
 Казалось, был веселого ума,
 Глаза его сверкали остротою,
 И на лице приятно выражалось
 Простосердечие. Керим подумал:
 «Задам ему на всякий случай мой
 Вопрос! Быть может, дело скажет этот
 330 Чудак». И он у нищего спросил:
 «С чем можно нам сравнить земную жизнь
 И свет?» — «На это у меня в запасе
 Есть повесть, — нищий отвечал. — Послушай:
 Один *Немой* сказал *Слепому*: если
 Увидишь ты *Арфиста*, попроси
 Его ко мне, чтоб сына моего,
 В унылость впадшего, своей игрою
 Развеселил. На то сказал *Слепой*:
 340 Такого мне *Арфиста* уж случалось
 Видать здесь; я *Безногого* за ним
 Отправлю; он его в одну минуту
 Найдет. *Безногий* побежал и скоро
 Нашел *Арфиста*; был *Арфист* без рук,
 Но он упрямитесь не стал и так
 Прекрасно начал на бесструнной арфе
 Играть, что меланхолик без ума
 Расхохотался; то *Слепой* увидя
 Всплеснул руками; вслух *Немой* хвалить
 Стал музыканта, а *Безногий* начал
 350 Плясать и так распрыгался, что много
 Сбежалось людей, и из толпы
 Вдруг выскочил *Дурак*: он изъявил
Арфисту, прыгуну и всем другим
 Свое благоволение. Мимо их
 Прошла тихонько *Мудрость* и, увидя,
 Что делалось, шепнула про себя:
 Таков смешной, безумный, жалкий свет,
 И такова на свете наша жизнь,
 Доволен ли ты повестью моею?»

360 Керим прохожему не отвечал
Ни слова; он печально с ним простился
И далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Затейлив твой рассказ;
Но моего вопроса не решил он.
Хотя мы в жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встречаем, но
И высшая значительность и правда
Святая в ней заключены благим
Создателем». Подумав так, решился
370 Керим отправиться в обратный путь,
Чтоб донести царю, что никакого
Не удалось ему найти ответа
На заданный вопрос. Дорогой он
Молился Богу, чтоб своею правдой
Бог просветил его рассудок темный
И жизни таинство ему открыл.
И пред царя явился он с веселым
Лицом и все, что сведал от других,
Ему пересказал; а царь спросил:
380 «Что ж напоследок сам теперь, Керим,
Ты думаешь?» — «Сперва благоволи, —
Сказал Керим, — услышать, что со мной
Самим случилось на пути. Известно
Тебе, что я лишь только по твоей
Высокой воле в этот трудный путь
Отправился, что, милостию царской
Хранимый, я везде проводников
Имел, и пищу находил дневную,
И никаких не испытал тревог.
390 Что ж на дороге доброго, худого
Мне повстречалось, о том нет нужды
Упомянуть — оно ничто в сравнение
С той бездной благ, какими ты так щедро,
Мой царь, меня осыпал. И мое
Одно желанье было: *угодить*
Тебе, с усердием стараясь правду
Найти между людьми, чтоб, возвратившись,
Тебе отчет принести в своих трудах.

Теперь ты сам реши по царской правде:
400 Достоин ли я милости твоей?»
Царь, не сказав ни слова, подал руку
В знак милости Кериму. Умиленно
Керим ее поцеловал; потом
Примолвил: «Так я думал про себя
Во время странствия. Но, подходя
К твоим палатам царским и печаясь,
Что без малейшия перед тобой
Заслуги ныне я к тебе, мой царь,
410' Был должен возвратиться, вдруг у самой
Обитали твоей как скорлупа
С моих упала глаз, и я постигнул,
Что наша жизнь есть *странствие по свету*
Такое ж, как мое, *во исполнение*
Верховной воли высшего царя».
Мудрец умолк; а царь ему сказал:
«Друг верный, будь моим отцом отныне».

И для тебя, мой добрый Москвитянин,
Как и для всех, в обеих повестях
Полезное найдется наставленье.
420 Хотя урок, так безуспешно данный
Эдемской костью Александру, боле
Земным царям приличен; но и ты,
Как журналист, воспользоваться им
Удобно можешь: будь в своем журнале
Друг твердый, а не злой наездник правды;
С журналами другими не воюй;
Ни с «Библиотекой для чтения», ни
С «Записками», ни с «Северной пчелою»,
430 Ни с «Русским вестником»; живи и жить
Давай другим; и обладать один
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повести я толковать
Тебе не стану; мне давно известно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смирненно ведаешь: *куда, зачем*
И *кто* тебе по ней идти велит.

ВЫБОР КРЕСТА

Повесть

Усталый шел крутой горою путник;
 С усилием передвигая ноги,
 По гладким он скалам горы тащился
 И наконец достиг ее вершины.
 С вершины той широкая открылась
 Равнина, вся облитая лучами
 На край небес склонившегося солнца:
 Свершив свой путь, великое светило
 Последними лучами озаряло,
¹⁰ Прощаясь с ним, полужаснувший мир,
 И был покой повсюду несказанный.
 Утешенный видением таким,
 Стал странник на колени, прочитал
 Вечернюю молитву и потом
 На благовонном лоне муравы
 Простерся, и сошел ему на вежды
 Миротворящий сон, и сновиденьем
 Был дух его из бренныя телесной
 Темницы извлечен. Пред ним явилось
²⁰ Господним ликом пламенное солнце,
 Господнею одеждой твердь небес,
 Подножием Господних ног земля;
 И к Господу воскликнул он: «Отец!
 Не отвратись во гневе от меня,
 Когда вся слабость грешныя души
 Я исповедую перед Тобою.
 Я знаю: каждый, кто здесь от жены
 Рожден, свой крест нести покорно должен;
 Но тяжестью не все кресты равны;
³⁰ Мой слишком мне тяжел, не по моим
 Он силам; облегчи его, иль он
 Меня раздавит и моя душа
 Погибнет». Так в бессмыслии он Бога
 Всевышнего молил. И вдруг великий
 Повеял ветер; и его умчало
 На высоту неодолимой силой;

И он себя во храмине увидел,
Где множество бесчисленное было
Крестов; и он потом услышал голос:
40 «Перед тобою все кресты земные
Здесь собраны; какой ты сам из них
Захочешь взять, тот и возьми». И начал
Кресты он разбирать, и тяжесть их
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобней.
Но выбрать было нелегко: один
Был слишком для него велик; другой
Тяжел; а тот, хотя и не велик
И не тяжел, но неудобен, резал
50 Краями острыми ему он плечи;
Иной был слит из золота, зато
И не в подъем, как золото. И словом,
Ни одного креста не мог он выбрать,
Хотя и все пересмотрел. И снова
Уж начинать хотел он пересмотр;
Как вдруг увидел он простой, им прежде
Оставленный без замечанья крест;
Был нелегок он, правда, был из твердой
Сработан пальмы; но зато, как будто
60 По мерке для него был сделан, так
Ему пришлось по плечу он ловко.
И он воскликнул: «Господи! позволь мне
Взять этот крест». И взял. Но что же? Он
Был самый тот, который он уж нес.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО

Сказка

Однажды жил, не знаю где, богатый
И добрый человек. Он был женат,
И всей душой любил свою жену;
Но не было у них детей; и это
Их сокрушало, и они молились,

Чтобы Господь благословил их брак;
И к Господу молитва их достигла.
Был сад кругом их дома; на поляне
Там дерево тюльпанное росло.
10 Под этим деревом однажды (это
Случилось в зимний день) жена сидела
И с яблока румяного ножом
Снимала кожу; вдруг ей острый нож
Легонько палец оцарапал; кровь
Пурпурной каплею на белый снег
Упала; тяжело вздохнув, она
Подумала: «О! если б Бог нам дал
Дитя, румяное, как эта кровь,
И белос, как этот чистый снег!»
20 И только что она сказала это, в сердце
Ее как будто что зашевелилось,
Как будто из него утешный голос
Шепнул ей: «Сбудется». Пошла в раздумье
Домой. Проходит месяц — снег растаял;
Другой проходит — все в лугах и рощах
Зазеленело; третий месяц миновался —
Цветы покрыли землю, как ковер;
Прошел четвертый — все в лесу деревья
Срослись в один зеленый свод, и птицы
30 В густых ветвях запели голосисто,
И с ними весь широкий лес запел.
Когда же пятый месяц был в исходе —
Под дерево тюльпанное она
Пришла; оно так сладко, так свежо
Благоухало, что ее душа
Глубокою, неведомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился месяц — стали наливаться
Плоды и созреть; она же стала
40 Задумчивей и тише; наступает
Седьмой — и часто, часто под своим
Тюльпанным деревом она одна
Сидит, и плачет, и ее томит
Предчувствие тяжелое; настал

Осьмой — она в конце его больная
Слегла в постелю и сказала мужу
В слезах: «Когда умру, похорони
Меня под деревом тюльпанным»; месяц
Девятый кончился — и родился
50 У ней сынок, как кровь румяный, белый,
Как снег; она ж обрадовалась так,
Что умерла. И муж похоронил
Ее в саду, под деревом тюльпанным.
И горько плакал он об ней; и целый
Проплакал год; и начала печаль
В нем утихать; и наконец утихла
Совсем; и он женился на другой
Жене, и скоро с нею прижил дочь.
Но не была ничем жена вторая
60 На первую похожа; в дом его
Не принесла она с собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрела, в ней смеялася душа;
Когда ж глаза на сироту, на сына
Другой жены, невольно обращала,
В ней сердце злилось: он как будто ей
И жить мешал; а хитрый искуситель
Против него нашептывал всечасно
Ей злые замыслы. В слезах и в горе
70 Сиротка рос, и ни одной минуты
Веселой в доме не было ему.
Однажды мать была в своей каморке,
И перед ней стоял сундук открытый
С тяжелой, кованной железом кровлей
И с острым нутряным замком; сундук
Был полон яблок. Тут сказала ей
Марлиночка (так называли дочь):
«Дай яблочко, родная, мне». — «Возьми», —
Ей отвечала мать. «И братцу дай», —
80 Прибавила Марлиночка. — Сначала
Нахмурилася мать; но враг лукавый
Вдруг что-то ей шепнул; она сказала:
«Марлиночка, поди теперь отсюда;

Обоим вам по яблочку я дам,
Когда твой брат воротится домой».
(А из окна уж видела она,
Что мальчик шел, и чудилось ей,
Что будто на нее с ним вместе злос
Шло искушеньс.) Кованый сундук
90 Закрыв, она глаза на двери дико
Уставила; когда ж их отворил
Малютка и вошел, ее лицо
Белее стало полотна; поспешно
Она ему дрожащим и глухим
Сказала голосом: «Вынь для себя
И для Марлиночки из сундука
Два яблока». При этом слове ей
Почудилось, что кто-то подле громко
Захохотал; а мальчик, на нее
100 Взглянув, спросил: «Зачем ты на меня
Так страшно смотришь?» — «Выбирай скорее!» —
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ее глаза
Сверкнули острым блеском. Мальчик робко
За яблоком нагнулся головой
В сундук; тут ей лукавый враг шепнул:
«Скорей!» И кровлю она тяжелой
Захлопнула сундук, и голова
Малютки, как ножом, была железным
110 Отрезана замком и, отскочивши,
Упала в яблоки. Холодной дрожью
Злодейку обдало. «Что делать мне?» —
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундук. И вот она
Из шкапа шелковый платок достала,
И, голову отрезанную к шее
Приставив, тем платком их обвила
Так плотно, что приметить ничего
Не можно было, и потом она
120 Перед дверями мертвого на стул
(Дав в руки яблоко ему и к стенке
Его спиной придвинув) посадила;

И наконец, как будто не была
Ни в чем, пошла на кухню стряпать. Вдруг
Марлиночка в испуге прибежала
И шепчет: «Посмотри туда; там братец
Сидит в дверях на стуле; он так бел;
И держит яблоко в руке; но сам
Не ест; когда ж его я попросила,
130 Чтoб дал мне яблоко, не отвечал
Ни слова, не взглянул; мне стало страшно».
На то сказала мать: «Поди к нему
И попроси в другой раз; если ж он
Опять ни слова отвечать не будет
И на тебя не взглянет, подери
Его покрепче за ухо: он спит».
Марлиночка пошла, и видит: братец
Сидит в дверях на стуле, бел как снег;
Не шевелится, не глядит и держит,
140 Как прежде, яблоко в руках, но сам
Его не ест. Марлиночка подходит
И говорит: «Дай яблочко мне, братец».
Ответа нет. Тут за ухо она
Тихонько братца дернула; и вдруг
От плеч его отпала голова
И покатилась. С криком прибежала
Марлиночка на кухню: «Ах! родная,
Беда, беда! Я братца моего
Убила! Голову оторвала
150 Я братцу!» — И бедняжка заливалась
Слезами и кричала криком. Ей
Сказала мать: «Марлиночка, уж горю
Не пособить; нам надобно скорей
Его прибрать, пока не воротился
Домой отец; возьми и отнеси
Его куда в сад и спрячь там; завтра
Его сама в овраг я брошу; волки
Его съедят, и косточек никто
Не съест; перестань же плакать; делай,
160 Чтo я велю». Марлиночка пошла;
Она, широкой белой простынею

Обвивши тело, отнесла его,
 Рыдая, в сад, и там его тихонько
 Под деревом тюльпанным положила
 На свежий дерн, который покрывал
 Могилку матери его... И что же?
 Могилка вдруг раскрылася, и тело
 Взяла, и снова дерн зазеленел
 На ней, и расцвели на ней цветы,
 170 И из цветов вдруг выпорхнула птичка,
 И весело запела, и взвилась
 Под облака, и в облаках пропала.
 Марлиночка сперва оторопела;
 Потом (как будто кто в ее душе
 Печаль заговорил) ей стало вдруг
 Легко — пошла домой и никому
 О бывшем с нею не сказала. Скоро
 Пришел домой отец. Не видя сына,
 Спросил он с беспокойством: «Где он?» Мать,
 180 Вся помертвев, поспешно отвечала:
 «Ранехонько ушел он со двора
 И все еще не возвращался». Было
 Уж за полдень; была пора обедать,
 И накрывать на стол хозяйка стала.
 Марлиночка ж сидела в уголку,
 Не шевелясь и молча; день был светлый;
 Ни облачка на небе не бродило,
 И тихо блеск полуденного солнца
 Лежал на зелени дерев, и было
 190 Повсюду все спокойно. Той порою
 Спорхнувшая с могилы братца птичка
 Летала да летала; вот она
 На кустик села под окошком дома,
 Где золотых дел мастер жил. Она,
 Расправив крылышки, запела громко.
*«Зла мачеха зарезала меня;
 Отец родной не ведает о том;
 Сестрица же Марлиночка меня
 Близ матушки родной моей в саду
 200 Под деревом тюльпанным погребла».*

Услышав это, золотых дел мастер
В окошко выглянул; он так пленился
Прекрасной птичкою, что закричал:
«Пропой еще раз, милая пичужка!» —
«Я даром дважды петь не стану, — птичка
Сказала, — подари цепочку мне,
И запою». — Услышав это, мастер
Богатую ей бросил из окна
Цепочку. Правой лапкою схвативши
210 Цепочку ту, свою запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и, допевши,
Спорхнула с кустика с своей добычей,
И полетела далее, и скоро
На кровлю домика, где жил башмачник,
Спустилася и там опять запела:
*«Зла мачеха зарезала меня;
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлиночка меня
Близ матушки родной моей в саду*
220 *Под деревом тюльпанным погребла».*
Башмачник в это время у окна
Шил башмаки; услышав песню, он
Работу бросил, выбежал на двор
И видит, что сидит на кровле птичка
Чудесной красоты. «Ах! птичка, птичка, —
Сказал башмачник, — как же ты прекрасно
Посешь. Нельзя ль еще раз ту же песню
Пропеть?» — «Я даром дважды не пою, —
Сказала птичка, — дай мне пару детских
230 Сафьянных башмаков». Башмачник тотчас
Ей вынес башмаки. И, левой лапкой
Их взяв, свою опять запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и, допевши,
Спорхнула с кровли с новою добычей,
И полетела далее, и скоро
На мельницу, которая стояла
Над быстрой речкою во глубине
Прохладных долины, прилетела.
Был стук и шум от мельничных колес,

²⁴⁰ И с громом в ней молот огромный жернов;
 И в воротах ее рубили двадцать
 Работников дрова. На ветку липы,
 Которая у мельничных ворот
 Росла, спустилась птичка и запела:
«Зла мачеха зарезала меня»;
 Один работник, то услышав, поднял
 Глаза и перестал рубить дрова.
«Отец родной не ведает о том»;
 Оставили еще работу двое.
²⁵⁰ *«Сестрица же Марлиночка меня»;*
 Тут пятеро еще, глаза на липу
 Оборотив, работать перестали.
«Близ матушки родной моей в саду»;
 Еще тут восемь вслушались в песню;
 Остолбеневши, топоры они
 На землю бросили и на певичку
 Уставили глаза; когда ж она
 Умолкнула, последнее пропев:
«Под деревом тюльпанным погрелла»,
²⁶⁰ Все двадцать разом кинулися к липе
 И закричали: «Птичка, птичка, спой нам
 Еще раз песенку твою». На это
 Сказала птичка: «Дважды петь не стану
 Я даром; если же вы этот жернов
 Дадите мне, я запою». — «Дадим,
 Дадим!» — в один все голос закричали.
 С трудом великим общей силой жернов
 Подняв с земли, они его надели
 На шею птичке; и она, как будто
²⁷⁰ В жемчужном ожерелье, отряхнувшись,
 И крылышки расправивши, запела
 Звучней, чем прежде, и, допев, спорхнула
 С зеленой ветви, и умчалась быстро,
 На шею жернов, в правой лапке цепь,
 И в левой башмаки. И так она
 На дерево тюльпанное в саду
 Спустилась. Той порой отец сидел
 Перед окном; по-прежнему в углу

Марлиночка; а мать на стол сбирала.
220 «Как мне легко! — сказал отец. — Как светел
И тепел майский день!» — «А мне, — сказала
Жена, — так тяжело, так душно!
Как будто бы собирается гроза».
Марлиночка ж, прижавшись в уголок,
Не шевелилася, сидела молча
И плакала. А птичка той порой,
На дереве тюльпанном отдохнувши,
Полетом тихим к дому полетела.
«Как на душе моей легко! — опять
290 Сказал отец. — Как будто бы кого
Родного мне увидеть». — «Мне ж, — сказала
Жена, — так страшно! все во мне дрожит;
И кровь по жилам льется как огонь».
Марлиночка ж ни слова; в уголку
Сидит, не шевелясь, и тихо плачет.
Вдруг птичка, к дому подлетев, запела:
«Зла мачеха зарезала меня»;
Услышав это, мать в оцепененье
Зажмурила глаза, заткнула уши,
300 Чтoб не видать и не слышать; но в уши
Гудело ей, как будто шум грозы,
В зажмуренных глазах ее сверкало,
Как молния, и пот смертельный тело
Ее, как змей холодный, обвивал.
«Отцу родной не ведает о том».
«Жена, — сказал отец, — смотри, какая
Там птичка! Как поет! А день так тих,
Так ясен и такой повсюду запах,
Что скажешь: вся земля в цветы оделась.
310 Пойду и посмотрю на эту птичку». —
«Останься, не ходи, — сказала в страхе
Жена. — Мне чудится, что весь наш дом
В огне». Но он пошел. А птичка пела:
*«Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».*
И в этот миг цепочка золотая
Упала перед ним. «Смотрите, — он

Сказал, — какой подарок дорогой
Мне птичка бросила». Тут не могла
320 Жена от страха устоять на месте
И начала как в исступленье бегать
По горнице. Опять запела птичка:
«Зла мачеха зарезала меня»,
А мачеха бледнела и шептала:
«О! если б на меня упали горы,
Лишь только б этой песни не слышать!» —
«Отец родной не ведает о том»;
Тут повалилася она на землю,
Как мертвая, как труп окостенелый.
330 *«Сестрица же Марлиночка меня...»*
Марлиночка, вскочив при этом с места,
Сказала: «Побегу, не даст ли птичка
Чего и мне». И, выбежав, глазами
Она искала птички. Вдруг упали
Ей в руки башмаки; она в ладоши
От радости хлопала. «Мне было
До этих пор так грустно, а теперь
Так стало весело, так живо!» —
340 «Нет, — простонала мать, — я не могу
Здесь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть». И она вскочила;
На голове ее стояли дыбом,
Как пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругом ее валилось. В двери
Она в безумье кинулась... Но только
Ступила за порог, тяжелый жернов
Бух!.. и ее как будто не бывало;
На месте же, где казнь над ней свершилась,
350 Столбом огонь поднялся из земли.
Когда же исчез огонь, живой явился
Там братец; и Марлиночка к нему
На шею кинулась. Отец же долго
Искал жены глазами; но ее
Он не нашел. Потом все трое сели,
Усердно Богу помолясь, за стол;
Но за столом никто не ел, и все

Молчали; и у всех на сердце было
Спокойно, как бывает всякой раз,
Когда оно почувствует живей
360 Присутствие невидимого Бога.

КОТ В САПОГАХ

Сказка

Жил мельник. Жил он, жил и умер,
Оставивши своим трем сыновьям
В наследство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взял старший сын,
Осла взял средний; а меньшому дали
Кота. И был он крепко недоволен
Своим участком. «Братья, — рассуждал он,
Сложившись, будут без нужды; а я,
Изжаривши кота и съев, и сделаю
10 Из шкурки муфту, чем потом начну
Хлеб добывать насущный?» Так он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А Кот, тогда лежавший на печурке,
Разумное подслушав рассужденье,
Сказал ему: «Хозяин, не печалься;
Дай мне мешок да сапоги, чтоб мог я
Ходить за дичью по болоту — сам
Тогда увидишь, что не так-то беден
Участок твой». Хотя и не совсем
20 Был убежден Котом своим хозяин,
Но уж не раз случалось замечать
Ему, как этот Кот искусно вел
Войну против мышей и крыс, какие
Выдумывал он хитрости и как
То, мертвым притворясь, висел на лапах
Вниз головой, то пудрился мукой,
То прятался в трубу, то под кадушкой
Лежал, свернувшись в ком; а потому
И слов Кота не пропустил он мимо

30 Ушей. И подлинно, когда он дал
Коту мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею Кот
Мешок надел и вышел на охоту
В такое место, где, он ведал, много
Водилось кроликов. В мешок насыпав
Трухи, его на землю положил он;
А сам вблизи, как мертвый, растянулся
И терпеливо ждал, чтобы какой невпный,
Нсопытный в науке жизни кролик
40 Пожаловал к мешку покусать сладкой
Трухи; и он недолго ждал; как раз
Перед мешком его явился глупый,
Вертявый, долгоухий кролик; он
Мешок понюхал, поморгал ноздрями,
Потом и влез в мешок; а Кот проворно
Мешок стянул снурком и без дальнейших
Приветствий гостя угостил по-свойски.
Победою довольный, во дворец
Пошел он к королю и приказал,
50 Чтобы о нем немедля доложили.
Велел ввести Кота в свой кабинет
Король. Вошел, он поклонился в пояс;
Потом сказал, потупив морду в землю:
«Я кролика, великий государь,
От моего принес вам господина,
Маркиза Карабаса (так он вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он Вашему Величеству свое
Глубокое почтение изъявить
60 И просит вас принять его гостинца». —
«Скажи маркизу, — отвечал король, —
Что я его благодарю и что
Я очень им доволен». Королю
Откланявшись, Кот пошел домой;
Когда ж он шел через дворец, то все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, потому что он
Был в кабинете принят королем

И с ним наедине (и уж, конечно,
 70 О государственных делах) так долго
 Беседовал; а Кот был так учтив,
 Так обходителен, что все дивились
 И думали, что жизнь свою провел
 Он в лучшем обществе. Спустя немного
 Отправился опять на ловлю Кот,
 В густую рожь засел с своим мешком
 И там поймал двух жирных перепелок.
 И их немедленно он к королю,
 Как прежде кролика, отнес в гостиницу
 80 От своего маркиза Карабаса.
 Охотник был король до перепелок;
 Опять позвать велел он в кабинет
 Кота и, перепелок сам принявши,
 Благодарить маркиза Карабаса
 Велел особенно. И так наш Кот
 Недели три-четыре к королю
 От имени маркиза Карабаса
 Носил и кроликов, и перепелок.
 Вот он однажды сведал, что король
 90 Сбирается прогуливаться в поле
 С своєю дочерью (а дочь была
 Красавица, какой другой на свете
 Никто не видывал) и что они
 Поедут берегом реки. И он,
 К хозяину поспешно прибежав,
 Ему сказал: «Когда теперь меня
 Послушасшься ты, то будешь разом
 И счастлив, и богат; вся хитрость в том,
 Чтоб ты сейчас пошел купаться в реку;
 100 Что будет после, знаю я; а ты
 Сиди себе в воде, да полоскайся,
 Да ни о чем не хлопочи». Такой
 Совет принять маркизу Карабасу
 Нетрудно было; день был жаркий; он
 С охотою отправился к реке,
 Влез в воду и сидел в воде по горло.
 А в это время был король уж близко.

Вдруг начал Кот кричать: «Разбой! разбой!
Сюда, народ!» — «Что сделалось?» — подъехав,
110 Спросил король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили в реку;
Он тонет». Тут, по слову короля,
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде маркиза.
А королю Кот на ухо шепнул:
«Я должен Вашему Величеству донести,
Что бедный мой маркиз совсем раздет;
Разбойники все платье унесли».
(А платье сам, мошенник, спрятал в куст.)
120 Король велел, чтобы один из бывших
С ним государственных министров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за кустом;
Маркиза же в его мундир одели,
И Кот его представил королю;
И королем был ласково он принят.
А так как он красавец был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
130 Понравился; богатый же мундир
(Хотя на нем и не совсем в обтяжку
Сидел он, потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал — короче,
Маркиз понравился; и сесть с собой
В коляску пригласил его король;
А сметливый наш Кот во все лопатки
Вперед бежать пустился. Вот увидел
Он на лугу широком косарей,
140 Сбивавших сено. Кот им закричал:
«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король, проехав,
Спросил: «Кому такой прекрасный луг

Принадлежит?» — «Маркизу Карабасу», —
Все закричали разом косари
(В такой их страх привел проворный Кот).
150 «Богатые луга у вас, маркиз», —
Король заметил. А маркиз, смиренный
Принявши вид, ответил: «Луга
Изрядные». Тем временем поспешно
Вперед ушедший Кот увидел в поле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, — сказал он, — едет близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабасу,
160 То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король просил.
«Кому принадлежит здесь поле?» — он
Спросил жнецов. — «Маркизу Карабасу», —
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему отвечал смиренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперед
И встречных всех учил, как королю
170 Им отвечать. Король был поражен
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный замок
Кот прибежал. В том замке людоед
Волшебник жил, и Кот о нем уж знал
Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок смело
Вошел, он попросил у людоеда
Аудисенции; и людоед,
Приняв его, спросил: «Какую нужду
180 Вы, Кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людоед,
Давно слух носится, что будто вы
Уместе во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость

Дана вам?» — «Это правда; сами, Кот,
Увидите». И мигом он явился
Ужасным львом с густой, косматой гривой
И острыми зубами. Кот при этом
190 Так струсил, что (хоть был и в сапогах)
В один прыжок под кровлей очутился.
А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил Кота
К нему сойти. Спустившись с кровли, Кот
Сказал: «Хотелось бы, однако, знать мне,
Вы можете ль и в маленького зверя,
Вот, например, в мышонка, превратиться?»
«Могу, — сказал с усмешкой людоед, —
Что ж тут мудреного?» — И он явился
200 Вдруг маленьким мышонком. Кот того
И ждал; он разом: цап! и съел мышонка.
Король тем временем подъехал к замку,
Остановился и хотел узнать,
Чей был он. Кот же, рассчитавшись
С его владельцем, ждал уж у ворот,
И в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в замок
К маркизу Карабасу?» — «Как, маркиз, —
210 Спросил король, — и этот замок вам же
Принадлежит? Признаться, удивляюсь;
И будет мне приятно побывать в нем».
И приказал король своей коляске
К крыльцу подъехать; вышел из коляски;
Принцессе ж руку предложил маркиз;
И все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в пространной галерее
Был стол накрыт и полдник приготовлен
(На этот полдник людоед позвал
220 Приятелей, но те, узнав, что в замке
Король был, не вошли, и все домой
Отправились). И, сев за стол роскошный,
Король велел маркизу сесть меж ним
И дочерью; и стали пировать.

Когда же в голове у короля
Вино позашумело, он маркизу
Сказал: «Хотите ли, маркиз, чтоб дочь
Мою за вас я выдал?» Честь такую
С неимоверной радостью принял
230 Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли. Кот
Остался при дворе и был в чины
Произведен, и в бархатных являлся
В дни табельные сапогах. Он бросил
Ловить мышей, а если и ловил,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплин, который нажил
Под старость при дворе, воспоминаньем
О светлых днях минувшего рассеять.

СКАЗКА О ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ

Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро;
И было у него три сына: Клим-
Царевич, Петр-царевич и Иван-
Царевич. Да еще был у него
Прекрасный сад, и чудная росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
10 В тех яблоках царевых оказался
Великий недочет; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален,
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трех сыновей,
Он им сказал: «Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим-
Царевич, Петр-царевич и Иван-
Царевич, должно вам теперь большую
20 Услугу оказать мне; в царский сад мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок

Пропало; для меня ж пронажа эта
Тошнее смерти. Слушайте, друзья;
Тому из вас, кому поймать удастся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни половину царства;
Когда ж умру, и все ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав то,
30 Что им сказал отец, уговорились
Поочередно в сад ходить, и ночь
Не спать, и вора сторожить. И первый
Пошел, как скоро ночь настала, Клим-
Царевич в сад, и там залег в густую
Траву под яблоней, и с полчаса
В ней пролежал, да и заснул так крепко,
Что полдень был, когда, глаза продрав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратясь, царю Демьяну он
40 Сказал, что вор в ту ночь не приходил.
Другая ночь настала; Петр-царевич
Сел сторожить под яблонею вора;
Он целый час крепился, в темноту
Во все глаза глядел, но в темноте
Все было пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся он.
Пришел к царю, ему донсе он так же,
50 Как Клим-царевич, что и в эту ночь
Красть царских яблок вор не приходил.
На третью ночь отправился Иван-
Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился,
Сидел не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло
Как будто молнией; и что же видит
Иван-царевич? От востока быстро
60 Летит жар-птица, огненной звездой
Блестя и в день преобразая ночь.

Прижавшись к яблоне, Иван-царевич
Сидит, не движется, не дышит, ждет,
Что будет? Сев на яблоню, жар-птица
За дело принялась и нарвала
С десяток яблок. Тут Иван-царевич,
Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив
На землю яблоки, она рванулась
70 Всей силою и вырвала из рук
Царевича свой хвост и улетела;
Однако у него в руках одно
Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Казался огненным. К царю Демьяну
Пришед, Иван-царевич доложил
Ему, что вор нашелся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же,
Что правду он сказал, Иван-царевич
80 Почтительно царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали
Красть яблок золотых, и царь Демьян
Развеселился, пополнил и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нем
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблок, чудную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей,
90 «Друзья мои, — сказал он, — Клим-царевич
И Петр-царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем
И с помощью Господней поезжайте
На подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте
Жар-птицу; кто из вас ее достанет,
Тому при жизни я отдам полцарства,
А после смерти все ему оставляю
100 В наследство». Поклонясь царю, несмеля

Царевичи отправились в дорогу.
Немного времени спустя пришел
К царю Иван-царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович, позволь мне ехать
За братьями; и мне пора людей
Увидеть, и себя им показать,
И честь себе нажить от них и славу.
Да и тебе, царю, я угодить
¹¹⁰ Желал бы, для тебя достав жар-птицу.
Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь мой с Богом».
На это царь сказал: «Иван-царевич,
Еще ты молод, погоди; твоя
Пора придет; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго
На свете жить; а если я один
Умру, то на кого покину свой
Народ и царство?» Но Иван-царевич
¹²⁰ Был так упрям, что напоследок царь
И нехотя его благословил.
И в путь отправился Иван-царевич;
И ехал, ехал, и приехал к месту,
Где разделялася дорога на три.
Он на распутье том увидел столб,
А на столбе такую надпись: «*Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его
¹³⁰ Умрет, а влево кто поедет, сам
Умрет, да конь его жив будет*». Вправо,
Подумавши, поворотить решился
Иван-царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк
И кинулся свирепо на коня;
И не успел Иван-царевич взяться
За меч, как был уж конь засажен,
И Серый Волк пропал. Иван-царевич,
Повесив голову, пошел тихонько

¹⁴⁰ Пешком; но шел недолго; перед ним
По-прежнему явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой сердечный,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
Что на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верою и правдой
¹⁵⁰ Служить отныне буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты едешь и зачем?»
И Серому Иван-царевич Волку
Все рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать жар-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иван-царевич, и поедем с Богом».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком; и с ним он в полночь
У каменной стены остановился.
¹⁶⁰ «Приехали, Иван-царевич! — Волк
Сказал, — но слушай, в клетке золотой
За этою оградю висит
Жар-птица; ты се из клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай: попадешь в беду». — Иван-
Царевич перелез через ограду;
За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке золотой, и сад
Был освещен, как будто солнцем. Вынув
¹⁷⁰ Из клетки золотой жар-птицу, он
Подумал: «В чем же мне се везти?»
И, позабыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но отвсяду
Проведены к ней были струны; громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись,
И в сад сбсжались, и в саду Ивана-
Царевича схватили, и к царю
Представили, а царь (он назывался

Далматом) так сказал: «Откуда ты?
180 И кто ты?» — «Я Иван-царевич; мой
Отец, Демьян Данилович, владеет
Великим, сильным государством; ваша
Жар-птица по ночам летать в наш сад
Повадилась, чтоб золотые красть
Там яблоки: за ней меня послал
Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович». На это царь
Далмат сказал: «Царевич ты иль нет,
Того не знаю я; но, если правду
190 Сказал ты, то не царским ремеслом
Ты промышляешь; мог бы прямо мне
Сказать: отдай мне, царь Далмат, жар-птицу,
И я тебе ее руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушай, я тебе мою жар-птицу
Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива;
200 Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься царство
И у могучего царя Афрона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его достань.
Когда ж ко мне с конем не возвратишься,
То по всему расславлю свету я,
Что ты не царский сын, а вор; и будет
Тогда тебе великий срам и стыд».
210 Повесив голову, Иван-царевич
Пошел туда, где был им Серый Волк
Оставлен. Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня, Иван-царевич,
Ты не послушался; но пособить
Уж нечем; будь вперед умней; поедем
За тридевять земель к царю Афрону».
И Серый Волк быстрее всякой птицы

Помчался с седоком; и к ночи в царство
Царя Афрона прибыли они,
220 И у дверей конюшни царской там
Остановились. — «Ну, Иван-царевич,
Послушай, — Серый Волк сказал, — войди
В конюшню; конюха спят крепко; ты
Легко из стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь в беду». —
В конюшню царскую Иван-царевич
Вошел и вывел он коня из стойла;
Но на беду, взглянувши на уздечку,
230 Прельстился ею так, что позабыл
Совсем о том, что Серый Волк сказал,
И снял с гвоздя уздечку. Но и к ней
Проведены отсюда были струны;
Все зазвенело; конюха вскочили;
И был с конем Иван-царевич пойман,
И привели его к царю Афрону.
И царь Афрон спросил сурово: «Кто ты?»
Ему Иван-царевич то ж в ответ
Сказал, что и царю Далмату. Царь
240 Афрон отвечив: «Хороший ты
Царевич! Так ли должно поступать
Царевичам? И царское ли дело
Шататься по ночам и воровать
Коней? С тебя я буйную бы мог
Снять голову; но молодость твою
Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поезжай за тридевять земель
Ты в тридесятое отсюда царство
250 Да привези оттуда мне царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Ее не привезешь, то я везде расславлю,
Что ты ночной бродяга, плут и вор». —
Опять, повесив голову, пошел
Туда Иван-царевич, где его

Ждал Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты, Иван-царевич! Если б я
Тебя так не любил, здесь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
260 Садися на меня, поедем с Богом
За тридевять земель к царю Касиму;
Теперь мое, а не твое уж дело».
И Серый Волк опять скакать с Иваном-
Царевичем пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве;
И Серый Волк, ссадив с себя Ивана-
Царевича, сказал: «Недалеко
270 Отсюда царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под этим
Зеленым дубом». Серый Волк пошел,
И перелез через ограду сада,
И закопался в куст, и там лежал
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — с ней красные девицы,
И мамушки, и нянюшки — пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна,
280 От прочих отделяясь, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за спину ее свою
Закинул и давай Бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор, министры, камергеры
И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих — все напрасно:
290 Уж Серый Волк с царевной и с Иваном-
Царевичем был далеко, и след
Давно простыл; царевна же лежала
Без всякого движенья у Ивана-
Царевича в руках (так Серый Волк
Ее, сердечную, перецугал).

Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их на Ивана-
300 Царевича и покраснела вся,
Как роза алая; и с ней Иван-
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили
Так сильно, что ни в сказке рассказать,
Ни описать пером того не можно.
И впал в глубокую печаль Иван-
Царевич: крепко, крепко не хотелось
С царевною Еленою ему
Расстаться и ее отдать царю
310 Афрону; да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив
Их горе, так сказал: «Иван-царевич,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба — службинка; прямая служба
Ждет впереди». И вот они уж в царстве
Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царевич, здесь должны с умньем
Мы поступить: я превращусь в царевну;
320 А ты со мной явись к царю Афрону.
Меня ему отдай и, получив
Коня Золотогрива, поезжай вперед
С Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте; ждать же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь оземь,
Стал Серый Волк царевною Еленой
Касимовной. Иван-царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону
И получив коня Золотогрива,
330 На том коне стрелой пустился в лес,
Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовилась свадьба:
И в тот же день с невестой царь к венцу

Пошел; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афрон
С шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за нос укусила
340 Царя, и не жену перед собой
Красавицу, а волка царь Афрон
Увидел; Серый Волк недолго стал
Тут церемониться: он сбил хвостом
Царя Афрона с ног и прынул в двери.
Все принялись кричать: «Держи, держи!
Лови, лови!» Куда ты! Уж Ивана-
Царевича с царвеною Еленой
Давно догнал проворный Серый Волк;
И уж, сошед с коня Золотогрива,
350 Иван-царевич пересел на Волка,
И уж вперед они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство
Далматово они. И Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива
Я превращусь, и ты, Иван-царевич,
Меня отдав царю и взяв жар-птицу,
По-прежнему с царвеною Еленой
Ступай вперед; я скоро догоню вас».
Так все и сделалось, как Волк устроил.
360 Немедленно всел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нем
Он с свитою придворной на охоту;
И впереди у всех он поскакал
За зайцем; все придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Далмат!»
Но вдруг из-под него на всем скаку
Юркнул шершавый Волк, и царь Далмат,
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз,
370 Ногами вверх, и, по плеча ушедши
В распаханную землю, упирался
В нсе руками, и, напрасно сплясь
Освободиться, в воздухе болтал

Ногами; вся к нему тут свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потом все принялися громко
Кричать: «Лови, лови! Трави, трави!»
Но было некого травить; на Волке
Уже по-прежнему сидел Иван-
320 Царевич; на коне ж Золотогриве
Царевна, и под ней Золотогрив
Гордился и плясал; не торопясь,
Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль
Их длилася дорога — наконец
Они доехали до места, где Иван-
Царевич Серым Волком в первый раз
Был встречен; и еще лежали там
Его коня белеющие кости;
390 И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану-
Царевичу: «Теперь, Иван-царевич,
Пришла пора друг друга нам покинуть;
Я верю и правдою донине
Тебе служил, и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье
Хочу тебе совет полезный дать:
Будь осторожен, люди злы; и братьям
Родным не верь. Молю усердно Бога,
400 Чтоб ты домой доехал без беды
И чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван-
Царевич». С этим словом Волк исчез.
Погоревав о нем, Иван-царевич,
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дал
Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе царства,
410 Где властвовал премудрый царь Демьян
Данилович, увидели богатый
Шатер, разбитый на лугу зеленом;

И из шатра к ним вышли... кто же? Клим
И Петр царевичи. Иван-царевич
Был встречю такую несказанно
Обрадован; а братьям в сердце зависть
Змеей вползла, когда они жар-птицу
С царвеною Еленой у Ивана-
Царевича увидели в руках:
420 Была им мысль несносна показаться
Без ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с жар-птицей,
С прекрасною невестой и с конем
Золотогривом, и еще получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрет, и все возьмет в наследство.
И вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласили
Они в шатер свой отдохнуть Ивана-
430 Царевича с царвеною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба
Вошли в шатер. Иван-царевич, долгой
Дорогой утомленный, лег и скоро
Заснул глубоким сном; того и ждали
Злодеи братья: мигом острый меч
Они ему вонзили в грудь, и в поле
Его оставили, и, взяв царвну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправилися в путь.
440 А между тем, недвижим, бездыханен,
Облитый кровью, на поле широком
Лежал Иван-царевич. Так прошел
Весь день; уже склоняться начинало
На запад солнце; поле было пусто;
И уж над мертвым с черным вороненком
Носился, каркая и распутивши
Широко крылья, хищный ворон. — Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый
Волк: он, беду великую почуяв,
450 На помощь подоспел; еще б минута,
И было б поздно. Угадав, какой

Был умысел у ворона, он дал
Ему на мертвое спуститься тело;
И только тот спустился, разом цап
Его за хвост; закаркал старый ворон.
«Пусти меня на волю, Серый Волк», —
Кричал он. — «Не пушу, — тот отвечал, —
Пока не принесет твой вороненок
Живой и мертвой мне воды!» И ворон
460 Велел лететь скорее вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво
Стал разговаривать, и старый ворон
Довольно мог ему порассказать
О том, что он видал в свой долгий век
Меж птиц и меж людей. И слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк,
И мудрости его необычайной
470 Дивился, но, однако, все за хвост
Его держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мертвой
В двух пузырьках проворный вороненок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошел
480 К лежавшему недвижимо Ивану-
Царевичу: сперва его он мертвой
Водою вспрыснул — и в минуту рана
Его закрылася, окостенелость
Пропала в мертвых членах, заиграл
Румянец на щеках; его он вспрыснул
Живой водой — и он открыл глаза,
Пошевелился, потянулся, встал
И молвил: «Как же долго проспал я?»
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван-
490 Царевич, — Серый Волк сказал, — когда б

Не я; теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе
Заботься сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев братьев нет уж боле
На свете; им могучий чародей
Кошей бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навел
500 На ваше царство сон; и твой родитель,
И подданные все его теперь
Непробудимо спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конем Золотогривом
Похитил вор Кошей; все трое
Заклочены в его волшебном замке.
Но ты, Иван-царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кошей над нею власти никакой
Иметь не может: сильный талисман
510 Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя; ее избавит только смерть
Кошсева; а как найти ту смерть, и я
Того не ведаю; об этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, темном лесе,
В седом, глухом бору живет в избушке
На курьих ножках; в этот лес еще
Никто следа не пролагал; в него
520 Ни дикий зверь не заходил, ни птица
Не залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою заметает. От нее
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,
Как смерть Кошееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдешь
Коня, который привезет тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе

530 Яге. Ступай отсюда на восток;
Придешь на луг зеленый; посреди
Его растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь
С кольцом; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями заперт
Конь богатырский; сам из подземелья
К тебе он выбежит; того коня
Возьми и с Богом поезжай; с дороги
540 Он не собьется. Ну, теперь прости,
Иван-царевич; если Бог велит
С тобой нам свидеться, то это будет
Не иначе, как у тебя на свадьбе».
И Серый Волк помчался к лесу; вслед
За ним смотрел Иван-царевич с грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернулся,
В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван-царевич,
Оборотившись на восток лицом,
550 Пошел вперед. Идет он день, идет
Другой; на третий он приходит к лугу
Зеленому; на том лугу три дуба
Растут; меж тех дубов находит он
Чугунную с кольцом железным дверь;
Он подымает дверь; под тою дверью
Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ним внизу
Другая дверь, чугунная ж, и крепко
Она замком всячим заперта.
560 И вдруг, он слышит, конь заржал; и ржанье
Так было сильно, что, с петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула с ужасным стуком;
И видит он, что вместе с ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунных.
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван-царевич свистнул;
Почувяв седока, на молодецкий

Свист богатырский конь из стойла прынул
570 И прибежал, легок, могуч, красив,
Глаза как звезды, пламенные ноздри,
Как туча грива, словом, конь не конь,
А чудо. Чтоб узнать, каков он силой,
Иван-царевич по спине его
Повел рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошатнулся,
Но устоял, копыта втиснув в землю;
И человеческим голосом Ивану-
Царевичу сказал он: «Добрый витязь,
580 Иван-царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен; готов тебе
Я верю и правдою служить;
Садися на меня и с Богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван-царевич в двух словах коню
Все объяснил и, севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий конь,
590 От радости заржавши, на дыбы;
Бьет по крутым бедрам его седок;
И конь бежит, под ним земля дрожит;
Несется выше он дерев стоячих,
Несется ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
И застилает узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает,
Летя стрелой и легкими ногами
Былиночки к земле не пригибая,
600 Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день целый, наконец
Конь утомился, пот с него бежал
Ручьями, весь был окружен, как дымом,
Горячим паром он. Иван-царевич,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом;
Уж было под вечер; широким полем
Иван-царевич ехал и прекрасным

Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
610 Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Иван-царевич
Подъехавши, спросил: «За что у вас,
Ребята, дело стало?» — «Вот за что, —
Сказал один. — Три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка — нас же двое;
Как поровну нам разделиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
620 Разумный человек; подай совет нам,
Как поступить?» — «А вот как, — им Иван-
Царевич отвечал. — Пушу стрелу,
А вы за ней бегите; с места ж, где
Она на землю упадет, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто первый
Здесь будет, тот возьмет себе на выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» — «Согласны», — закричали
Рогатые; и стали рядом. Лук
630 Тугой свой натянув, пустил стрелу
Иван-царевич: Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иван-царевич, взяв под мышку
И скатерть, и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку,
Стал невидим и сам, и конь и дал
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку
640 Иль помириться. Богатырский конь
Поспел еще до захождения солнца
В дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных
Дубов и сосен, тускло освещенных
Зарей вечернею; и все в нем тихо:

Деревья все, как сонные, стоят,
Не колыхнется лист, не шевельнется
Былинка; нет живого ничего
650 В безмолвной глубине лесной, ни птицы
Между ветвей, ни в травке червяка;
Лишь слышится в молчанье повсеместном
Гремучий топот конский. Наконец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне
Стань передом». И перед ним избушка
Перевернулась; он в нее вошел;
660 В дверях остановясь, перекрестился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидел,
Что на полу ее лежала Баба
Яга, уперши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: «Фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
До этих пор не слыхано слыхом,
670 Не видано видом, а нынче русский
Дух уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иван-царевич?
Неволею иль волею? Доныне
Здесь ни дубравный зверь не проходил,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проезжал;
Тебя как Бог сюда занес, Иван-
Царевич?» — «Ах, безмозгая ты ведьма! —
Сказал Иван-царевич Бабе
Яге. — Сначала накорми, напой
680 Меня ты, молодца; да постели
Постелю мне, да выспаться мне дай,
Потом расспрашивай». И тотчас Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана-
Царевича как следует обмыла
И выпарила в бане, накормила

И напоила, да и тотчас спать
В постелю уложила, так примолвив:
«Спи, добрый витязь; утро мудренес,
Чем вечер; здесь теперь спокойно
690 Ты отдохнешь; нужду ж свою расскажешь
Мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван-царевич, Богу помолясь,
В постелю лег и скоро сном глубоким
Заснул и проспал до полудня. Вставши,
Умывшись, одевшись, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
Заехал к ней в дремучий лес; и Баба
Яга ему ответствовала так;
700 «Ах! добрый молодец, Иван-царевич,
Затеял ты нешуточное дело;
Но не кручинься, все уладим с Богом;
Я научу, как смерть тебе Кощея
Бессмертного достать; изволь меня
Послушать: на́ море на Окиане,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим старым дубом
Зарыт сундук, окованный железом;
В том сундуке лежит пушистый заяц;
В том зайце утка ссрая сидит;
710 А в утке той яйцо; в яйце же смерть
Кошеева. Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощю, а когда
В его приедешь замок, то увидишь,
Что змей двенадцатиголовый вход
В тот замок стережет; ты с этим змеем
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть; она его уймет.
А ты, надевши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою к Кощею
720 Бессмертному; в минуту он издохнет,
Как скоро ты при нем яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назад
Поедешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь их игрою только твой родитель

Демьян Данилович и все его
 Заснувшее с ним вместе государство
 Пробуждены быть могут. Ну, теперь
 Прости, Иван-царевич; Бог с тобою;
 Твой добрый конь найдет дорогу сам;
 730 Когда ж свершишь опасный подвиг свой,
 То и меня, старуху, помани
 Не лихом, а добром». Иван-царевич,
 Простившись с Бабою Ягою, сел
 На доброго коня, перекрестился,
 По-молодецки свистнул, конь помчался,
 И скоро лес дремучий за Иваном-
 Царевичем пропал вдали, и скоро
 Мелькнуло впереди чертою синей
 На крае неба море Окиан,
 740 Вот прискакал и к морю Окиану
 Иван-царевич. Осмотрясь, он видит,
 Что у моря лежит рыбачий невод
 И что в том неводе морская щука
 Трепещется. И вдруг ему та щука
 По-человечьи говорит: «Иван-
 Царевич, вынь из невода меня
 И в море брось; тебе я пригожуся».
 Иван-царевич тотчас просьбу щуки
 Исполнил, и она, хлестнув хвостом
 750 В знак благодарности, исчезла в море.
 А на море глядит Иван-царевич
 В недоумении; на самом крас,
 Где небо с ним как будто бы слилось,
 Он видит, длинной полосой остров
 Буян чернеет; он и недалек;
 Но кто туда перевезет? Вдруг конь
 Заговорил: «О чем, Иван-царевич,
 Задумался? О том ли, как добраться
 Нам до Буяна острова? Да что
 760 За трудность? Я тебе корабль; сиди
 На мне, да крепче за меня держись,
 Да не робей, и духом доплывем».
 И в гриву конскую Иван-царевич

Рукою впутался, крутые бедра
Коня ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, раскакавшись, прынул
С крутого берега в морскую бездну;
На миг и он и всадник в глубине
770 Пропали; вдруг раздвинулася с шумом
Морская зыбь, и вынырнул могучий
Конь из нея с отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью
Бить по водам и волны пробивать,
И вокруг него кипела, волновалась,
И пенилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,
Под крепкие коньята загребая
Кругом ревшую волну, как легкий
На парусах корабль с попутным ветром,
780 Вперед стремился конь, и длинный след
Шипящею бежал за ним змеєю;
И скоро он до острова Буяна
Доплыл и на берег его отлогий
Из моря выбежал, покрытый пеной.
Не стал Иван-царевич медлить; он,
Коня пустив по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошел поспешным шагом к дубу,
Который рос у берега морского
790 На высоте муравчатого холма.
И, к дубу подошед, Иван-царевич
Его шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул — дуб скрыпнул; он
Еще шатнул его и посильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван-царевич
Всей силою рванул его — и с треском
Он повалился, из земли коренья
800 Со всех сторон, как змеи, поднялися,
И там, где ими дуб впивался в землю,
Глубокая открылась яма. В ней

Иван-царевич кованный сундук
Увидел; тотчас тот сундук из ямы
Он вытащил, висячий сбил замок,
Взял за уши лежавшего там зайца
И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из него
Вдруг выпорхнула утка; быстро
810 Она взвилась и полетела к морю;
В нее пустил стрелу Иван-царевич,
И метко так, что пронизал ее
Насквозь; закрикав, кувырнулась утка;
И из нее вдруг выпало яйцо
И прямо в море; и пошло, как ключ,
Ко дну. Иван-царевич ахнул; вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на воде, потом юркнула,
Хлестнув хвостом, на дно, потом опять
820 Всплыла и, к берегу с яйцом во рту
Тихохонько приближась, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван-царевич,
Что я тебе в час нужный пригодилась».
С сим словом щука уплыла. Иван-
Царевич взял яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твердый берег
Его обратно перенес. И дал
830 Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кощеев замок был; ее подошва
Обведена была стеной железной;
И у ворот железной той стены
Двенадцатиголовый змей лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днем
И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
840 Не смел; змей подымался, и от зуб
Его уж не было спасенья — он

Был невредим и только сам себя
Мог умертвить: чужая ж сила сладить
С ним никакая не могла. Но конь
Был осторожен; он подвез Ивана-
Царевича к горе со стороны,
Противной воротам, в которых змей
Лежал и караулил; потихоньку
Иван-царевич в шапке-невидимке
850 Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут
Иван-царевич, подтолкнув дубинку,
Висевшую спокойно на седле,
Шепнул ей: «Начинай!» Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла,
860 На змея кинулась, и ну его
По головам и спящим и не спящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;
Лишь только он одну разинет пасть,
Чтобы ее схватить — ан нет, прощу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб ее
870 Поймать, — она по всем его зубам,
Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взвыв
И все носы наморщив, он зажмет
Все рты и лапами схватить дубинку
Попробует — она тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам;
Змей в иступлении, как одурелый,
Кидался, вым, кувыркамся, от злости
Дышал огнем, грыз землю — все напрасно!
880 Не торопясь, отчетливо, спокойно,

Без промахов, над ним свою дубинка
 Работу продолжает, и его,
 Как на току усердный цеп, молотит;
 Змей наконец озлился так, что начал
 Грызть самого себя и, когти в грудь
 Себе вдруг запустив, рванул так сильно,
 Что разорвался надвое и, с визгом
 На землю грянувшись, издох. Дубинка
 Работу и над мертвым продолжать
 290 Свою, как над живым, хотела; но
 Иван-царевич ей сказал: «Довольно!»
 И вмиг она, как будто не бывала
 Ни в чем, повисла на седле. Иван-
 Царевич, у ворот коня оставив
 И разостлавши скатерть-самобранку
 У ног его, чтоб мог усталый конь
 Насестся и напиться вдоволь, сам
 Пошел, покрытый шапкой-невидимкой,
 С дубинкою на всякий случай и с яйцом
 900 В Кошсеев замок. Трудновато было
 Карабкаться ему на верх горы;
 Вот наконец добрался и до замка
 Кошсева Иван-царевич. Вдруг
 Он слышит, что в саду недалеско
 Играют гусли-самогуды; в сад
 Вошедши, в самом деле он увидел,
 Что гусли на дубу висели и играли
 И что под дубом тем сама Елена
 Прекрасная сидела, погрузившись
 910 В раздумье. Шапку-невидимку снявши,
 Он тотчас ей явился и рукою
 Знак подал, чтоб она молчала. Ей
 Потом он на ухо шепнул: «Я смерть
 Кошсееву принес; ты подожди
 Меня на этом месте; я с ним скоро
 Управлюся и возвращусь; и мы
 Немедленно уедем». Тут Иван-
 Царевич, снова шапку-невидимку
 Надев, хотел идти искать Кошсея

920 Бессмертного в его волшебном замке,
Но он и сам пожаловал. Приблизясь,
Он стал перед царевною Еленой
Прекрасною и начал попрекать ей
Ее печаль и говорить: «Иван-
Царевич твой к тебе уж не придет;
Его уж нам не воскресить. Но чем же
Я не жених тебе, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно ж
Упрямитесь, упрямяство не поможет;
930 Из рук моих оно тебя не вырвет;
Уж я...» Дубинке тут шепнул Иван-
Царевич: «Начинай!» И принялась
Она трепать Кощей спину. С криком,
Как бешеный, коверкаться и прыгать
Он начал, а Иван-царевич, шапки
Не сняв, стал приговаривать: «Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему,
Собаке: не воруй чужих невест;
Не докучай своею волчьей харей
940 И глупым сватовством своим прекрасным
Царевнам; злого сна не наводи
На царства! Крепче бей его, дубинка!» —
«Да где ты! Покажись! — кричал Кощей. —
Кто ты таков?» — «А вот кто!» — отвечал
Иван-царевич, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж мгновенье
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей бессмертный
Перекувырнулся и околел.
950 Иван-царевич из саду с царевной
Еленю Прекрасною вышел, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились
И, севши на коней, в обратный путь
Поехали, гора, ужасно затрещав,
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго черный

Над ним клубился дым, распространяясь
960 По всей окрестности с великим смядом.
Тем временем Иван-царевич, дав
Коням на волю их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрасной
Невестой ехал. Скатерть-самобранка
Усердно им дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный завтрак,
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень
Под деревом густовершинным, ночью
970 Под шелковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Светила им жар-птица, а дубинка
Стояла на часах перед шатром;
Кони же, подружась, гуляли вместе,
Катались по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
980 Друг другу на спину, спокойно спали.
Так ехали они путем-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана-
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство все, от самых
Его границ до царского дворца,
Объято было сном непробудимым;
И где они ни проезжали, все
Там спало; на поле перед сохой
990 Стояли спящие волю; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой
Дороги спал ездок с конем, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижным клубом
Стояла; в воздухе был мертвый сон;
На деревьях листья дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы;

В селеньях, в городах все было тихо,
 Как будто в гробе: люди по домам,
¹⁰⁰⁰ На улицах, гуляя, сидя, стоя,
 И с ними всё: собаки, кошки, куры,
 В конюшнях лошади, в закутах овцы,
 И мухи на стенах, и дым в трубах —
 Все спало. Так в отцовскую столицу
 Иван-царевич напоследок прибыл
 С царевною Еленою Прекрасной.
 И, на широкий взъехав царский двор,
 Они на нем лежащие два трупа
 Увидели: то были Клим и Петр
¹⁰¹⁰ Царевичи, убитые Кощеем.
 Иван-царевич, мимо караула,
 Стоявшего в параде сонным строем,
 Прошед, по лестнице повел невесту
 В покои царские. Был во дворце,
 По случаю прибытия двух старших
 Царевых сыновей, богатый пир
 В тот самый час, когда убил обоих
 Царевичей и сон на весь народ
 Навел Кощей: весь пир в одно мгновенье
¹⁰²⁰ Тогда заснул, кто как сидел, кто как
 Ходил, кто как плясал; и в этом сне
 Еще их всех нашел Иван-царевич;
 Демьян Данилович спал стоя; подле
 Царя храпел министр его двора
 С открытым ртом, с неконченным во рту
 Докладом; и придворные чины,
 Все вытянувшись, сонные стояли
 Перед царем, уставив на него
 Свои глаза, потухшие от сна,
¹⁰³⁰ С подобострастием на сонных лицах,
 С заснувшею улыбкой на губах.
 Иван-царевич, подошед с царевной
 Еленою Прекрасною к царю,
 Сказал: «Играйте, гусли-самогуды»;
 И заиграли гусли-самогуды..
 Вдруг все очнулось, все заговорило,

Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир.
А царь Демьян Данилович, увидя,
1040 Что перед ним с царевною Еленой
Прекрасною стоит Иван-царевич,
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки в боки, и пошел плясать
С царевною Еленою Прекрасной.
Потом он приказал стрелять из пушек,
1050 Звонить в колокола и бирючам
Столице возвестить, что возвратился
Иван-царевич, что ему полцарства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак его
С царевною Еленою свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь свой народ зовет
1060 На свадьбу к сыну, всех военных, статских,
Министров, генералов, всех дворян
Богатых, всех дворян мелкопоместных,
Купцов, мещан, простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повел Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленья
Им принесли все знатные чины
Обоих полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как море;
1070 Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
*«Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном —
Царевичем и с дочерью царевной
Еленою Прекрасною!»* все зданья

Столицы дрогнули и от взлетевших
На воздух шапок Божий день затмился.
Вот на обед все званные царем
Сошлись гости — вся его столица;
1080 В домах остались одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
Свое проворство скатерть-самобранка
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись;
На всех столах сервиз был золотой,
И не стекло, хрусталь; а под столами
Шелковые ковры повсюду были
1090 Разостланы; и всем гостям служили
Гейдуки в золотых ливреях. Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха, как жидкий
Янтарь, сверкавшая в больших кастрюлях;
Огромножирные, длиною в сажень
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах; кулебяка с сладкой
Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаною, блины с икрой свежей
1100 И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мед
Душистый и вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера,
И ренское, и всякие наливки —
Короче молвить, скатерть-самобранка
Так отличилась, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
1110 Вся гвардия была за царский стол
Пригласена, вся даже городская
Полиция — дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила

По улицам, чтоб наблюдать везде
 Порядок: кто ей пьяный попадался,
 Того она толкала в спину прямо
 На съезжую; кого ж в пустом где доме
 За кражею она ловила, тот
 1120 Был так отшлепан, что от воровства
 Навеки отрекался и вступал
 В путь добродетели — дубинка, словом,
 Неимоверные во время пира
 Царю, гостям и городу всему
 Услуги оказала. Между тем
 Все во дворце кипело, гости ели
 И пили так, что с их румяных лиц
 Катился пот; тут гусли-самогуды
 Явили все усердие свое:
 1130 При них не нужен был оркестр, и гости
 Уж музыки слышались такой,
 Какая никогда им и во сне
 Не грезилась. Но вот, когда, наполнив
 Вином задравный кубок, царь Демьян
 Данилович хотел провозгласить
 Сам многометье новобрачным, громко
 На площади раздался трубный звук;
 Все изумились, все оторопели;
 Царь с молодыми сам идет к окну,
 1140 И что же их является очам?
 Карета в восемь лошадей (трубач
 С трубою впереди) к крыльцу дворца
 Сквозь улицу толпы народной скачет;
 И та карета золотая; козлы
 С подушкою и бархатным покрыты
 Наметом; назади шесть гейдуков;
 Шесть скороходов по бокам; ливреи
 На них из серого сукна, по швам
 Басоны; на каретных дверцах герб:
 1150 *В червленом поле волчий хвост под графскою
 Короной.* В карету заглянув,
 Иван-царевич закричал: «Да это
 Мой благодетель Серый Волк!» Его

Встречать бегом он побежал. И точно,
 Сидел в карете Серый Волк; Иван-
 Царевич, подскочив к карете, дверцы
 Сам отворил, подножку сам откинул
 И гостя высадил; потом он, с ним
 Поцеловавшись, взял его за лапу,
 1160 Ввел во дворец и сам его царю
 Представил. Серый Волк, отдав поклон
 Царю, осанисто на задних лапах
 Всех обошел гостей, мужчин и дам,
 И всем, как следует, по комплименту
 Приятному сказал; он был одет
 Отлично: красная на голове
 Ермолка с кисточкой, под морду лентой
 Подвязанная; шелковый платок
 На шее; куртка с золотым шитьем;
 1170 Перчатки лайковые с бахромою;
 Перепоясанные тонкой шалью
 Из алого атласа шаровары;
 Сафьянные на задних лапах туфли,
 И на хвосте серебряная сетка
 С жемчужной кистью — так бы Серый Волк
 Одет. И всех своим он обхождением
 Очаровал; не только что простые
 Дворяне маленьких чинов и средних,
 Но и чины придворные, статс-дамы
 1180 И фрейлины все были от него
 Как без ума. И, гостя за столом
 С собою рядом посадив, Демьян
 Данилович с ним кубком в кубок стукнул
 И возгласил здоровье новобрачным,
 И пушечный заздравный грянул залп.
 Пир царский и народный продолжался
 До темной ночи; а когда настала
 Ночная тьма, жар-птицу на балконе
 В ее богатой клетке золотой
 1190 Поставили, и весь дворец, и площадь,
 И улицы, кипевшие народом,
 Яснее дня жар-птица осветила.

И до утра столица пировала,
Был ночевать оставлен Серый Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном-
Царевичем, сего Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житье, и уверял,
¹²⁰⁰ Что всякую получит почесть он,
Что по дворце дадут ему квартиру,
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану-
Царевичу дал лапу, и Иван-
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк. —
¹²¹⁰ Вот наконец, по долгом, мирном, славном
Владычестве, премудрый царь Демьян
Данилович скончался, на престол
Взошел Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и Господь благословил
Их многими детьми; а Серый Волк
Душою в душу жил с царем Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними,
¹²²⁰ Меньшим рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовав премудро,
И царь Иван Демьянович скончался;
За ним последовал и Серый Волк
В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всем,
Что на своем вку в лесу и свете
¹²³⁰ Заметил он, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.

ПОВЕСТЬ ОБ ИОСИФЕ ПРЕКРАСНОМ

I.

Иаков жил в земле, где Исаак
Его отец жил прежде; в Хананейской
Земле богатой; сыновья его
Пасли в горах обильные стада.
Меж ними самый младший был Иосиф.
Он родился Иакову под старость,
И боле всех любил его отец.
Он пеструю одежду дал ему
И веселился, видя красоту
10 Его лица. А братьям было то
Завидно; в сердце их кипела
Вражда к Иосифу; и никогда
Они приветственного слова брату
Не говорили. Раз приснился сон
Ему — и братьям рассказал Иосиф
Тот сон. Послушайте, он говорил,
Привиделось мне, что будто все
Мы в поле; будто все мы вяжем
20 Снопцы; вдруг сноп мой поднялся, а ваши
Перед моим, как будто поклоняясь
Ему, легли. На это братья все
Сказали: видно, хочешь ты над нами
Господствовать и нашим быть царем.
И более с тех пор его они
Возненавидели. Потом ему
Опять приснился сон. Его отцу
И братьям рассказал Иосиф: мне
Привиделось, что солнце и луна
30 С одиннадцатью светлыми звездами
Мне поклонились. Но отец ему
Велел умолкнуть, говоря: что может
Твой сон знаменовать? Иль мыслишь ты,
Что и отец, и мать, и братья в землю
Тебе поклонятся? И братья пуще
Против него за этот чудный сон

Озлобились; отец же про себя
 Его слова на памяти сберег.
 И скоро братья на поля Сихема
 Отцовские стада перевели.
 40 Тогда, призвав Иосифа, Иаков
 Ему сказал: твои все братья ныне
 В Сихеме ⟨на⟩ лугах стада моих
 Овец пасут; поди, мой сын Иосиф,
 Туда, проведай, здравствуют ли братья
 И овцы; и об них мне принеси
 Известие. Покинувши долину
 Хевронскую, пошел в Сихем Иосиф.
 Он не нашел там братьев; но ему,
 Искавшему их, человек
 50 Прохожий встретился и у него
 Спросил: кого ты ищешь? Он ему
 Сказал в ответ: ищу своих я братьев.
 И тот ему ответил: я слышал
 Их говорящих здесь: мы в Дофанм
 Пойдем отсюда. — И за ними вслед
 Пошел Иосиф в Дофанм, и их
 Нашел он в Дофанме. Издали
 Увидевши идущего его,
 Они сказали: вот идет сновидец.
 60 И замысл погубить его их сердце
 Проник. Друг другу так они сказали:
 Когда придет он, мы убьем его
 И бросим тело в этот водоем
 И скажем, что его съел дикий зверь.
 Тогда увидим, сбудется ли сон,
 Которым хвастал он! Услышав их
 Слова, Рувим, чтобы из рук их брата
 Спасти, им так сказал: не убивайте
 Его на вашу душу; рук своих
 70 Не обагряйте кровью; а живого
 Его спустите в этот водоем
 И там оставьте. Так он говорил,
 А в тайне был намерен отвести
 Его к отцу. Когда ж к ним подошел

Их брат Иосиф, пеструю с него
 Одежду снявши, в водоем они
 Его спустили; был тот водоем
 Глубок, но без воды. Потом все вместе
 Обедать начали. Но в это время,
 20 Подняв глаза, увидели они
 Толпу людей. Измаильтяне шли
 Из Галаада; на своих верблюдах
 Коренья пряные, бальзам и мирру
 Они везли в Египетскую землю.
 Увидев их, сказал Иуда братьям:
 Какая польза будет нам, когда
 Его мы умертвим; он наша кровь,
 Он брат наш; лучше продадим его
 30 Купцам измаильтянским. Братьям этот
 Совет понравился. Когда ж купцы
 Приблизились, они, из водоема
 Иосифа несмеленно извлекиши,
 Его за двадцать золотых монет
 Купцам тем продали; и имп он
 Был уведен в Египетскую землю.
 Когда ж Рувим, который не случился
 При этом торге, ввечеру пришел
 К пустому водоему, чтоб оттуда
 40 Взять брата, в водоеме брата он
 Уж не нашел; свою от скорби ризу
 С себя сорвав, он начал горько плакать
 И говорил: я брата не нашел!
 Куда теперь пойду я! — Те же, взяв
 Иосифову ризу и козленка
 Зарезав, кровью облили ее
 И повелели отнести ту ризу
 К Иакову и так ему сказать:
 Вот что нашли в лесу мы! посмотри,
 Не риза ли, которую ты дал
 50 Иосифу? — Иаков посмотрел
 И во мгновенье в лоскуте кровавом
 Он пеструю Иосифову ризу
 Узнал. И он воскликнул: это платье

Иосифа; зверь лютый съел его!
 Иосифа похитил лютый зверь!
 И пеплом голову свою Иаков
 Осыпал, и сорвал с себя одежды,
 И вretiщем облекся; и о милом
 Иосифе дни многие он плакал.
 120 И сыновья, и дочери отца
 Сошлись утешать; но утешенья
 Не принимал он и твердил: хочу
 Я в землю! к милому хочу я сыну!
 И об Иосифе без утешенья
 Иаков плакал. А Иосиф был
 В Египте далеко. В Египте был он
 Пентефрию, свнуху Фараона,
 Измаильянскими купцами продан.

II.

Но был с Иосифом Господь. И в доме
 130 Пентефрия он жил благополучно,
 Понеже знал Пентефрий, что Господь
 Иосифу успех во всяком деле
 Ниспосылал, и в милости великой
 У господина был Иосиф: вверил
 Ему весь дом свой, все свои поля
 И все свое имущество Пентефрий.
 И водворил свою щедроту ради
 Иосифа в Пентефриевом доме
 Господь. Но восхотел он напоследок
 140 Иосифа подвергнуть испытанью
 И допустить благоволил, чтоб в сердце
 Пентефриевом злою клеветой
 Против Иосифа великий гнев
 Был возбужден. И гневом ослепленный
 Иосифа Пентефрий повелел
 В темницу заключить, где содержались
 Царевы узники. Но и в беде
 Великой был Иосиф сердцем весел
 Пред Господом. И был во мгле темничной
 150 Господь с Иосифом. Перед темничным

Старейшиною дал ему свою
Он милость; и возлюбил его
Старейшина темницы; скоро
Ему надзор за узниками всеми
Он вверил; и его главой поставил
Над стражами другими, — и над всею
Темницей царскою — и было все
В руках Иосифа: понеже был
С Иосифом Господь его отцов.

III.

¹⁶⁰ Случилось тогда, что Фараона
Прогневали и царский виночерпий,
И царский хлебодар. Их царь велел
Окованных в темницу заключить.
Темница же та самая была,
В которой столько времени томился
Иосиф. И старейшина темничный
Ему в надзор обоих вверил знатных
Царевых узников. В одну им ночь
Тревожные привиделися сны.
¹⁷⁰ Когда пришел поутру к ним Иосиф,
Увидел он, что были оба мрачны.
И он спросил их: отчего такое
Уныние на ваших бледных лицах?
Они сказали: видели мы сны,
Их знаменье тревожит нас. Иосиф
Ответствовал: нам сны от Бога. Что ж вам
Приснилось? — Я видел, так сказал
Великий виночерпий, будто я
Стою перед лозою виноградной,
¹⁸⁰ Что та лоза три отрасли пустила,
Что зрелые на ней висели грозды,
Что в правой я руке цареву чашу
Держал, а левою рукой давил
В нее царю душистый сок из гроздьев.
И виночерпию сказал Иосиф:
Три на лозе отростка значат три дня;
По истеченьи трех дней вспомнит царь

Тебя, и ты по-прежнему возвышен
В свой знатный будешь сан; и будешь в пире,
190 По-прежнему как царский виночерпий,
Напиток подносить царю. Когда же
То сбудется с тобою, помяни
При счастье меня и сотвори
Со мною милость: извлеки из мрака
Меня темничного, где заключен
Я, никакого зла не сотворивши.
То слыша, в свой черед и хлебодар
Иосифу сказал: а мне приснилось,
Что будто я на голове нес три
200 Корзины с царским хлебом, что отвсюду
Слетелись птицы, что они обсели
Корзины и что весь расклеван ими
Был царский хлеб. На то сказал Иосиф:
Пройдет три дня, и Фараон велит
Твою взять голову, и ты на древе
Повешен будешь, и слетятся птицы
И расклюют твой труп. Три дня прошли,
И праздновал свое рождение царь
И пригласил в свои палаты всех
210 Вельмож на пир великий; вспомнил он
О виночерпии и повелел
Ему опять вступить в высокий сан свой,
И стал опять в цареву руку чаши
С вином он подавать. А хлебодар,
Как предсказал ему Иосиф, был
На третий день казнен. Но виночерпий
Об узнике Иосифе забыл,
И надолго в темнице он остался.

IV.

220 Два года протекли. Вдруг царь встревожен
Был чудным сном. Приснилось ему,
Что при реке стоял он, и что семь
Коров больших, красивых, тучных, вышли
Из той реки и стали на прибрежном
Лугу пастись, и злаками питались.

Что из реки другие семь коров
 Ужасных видом, злых и тощих, вышли
 И бросились на первых, и сожрали
 Их всех, и от того их чрево стало
 Пустей, чем было прежде. И в испуге
 230 Проснулся царь; но скоро он опять
 Заснул, и сон другой ему приснился.
 Он видел семь колосьев, на одном
 Растущих стебле, и колосья были
 Полны прекрасных, крупных зерен; вдруг
 Другие семь сухих, пустых колосьев,
 Меж первыми, на том же стебле вышли,
 И жирные колосья были разом
 Бесплодными поглощены. В испуге
 Опять проснулся царь; и он уж боле
 240 Заснуть не мог. Его душа смутилась.
 Когда ж настало утро, он всел
 Созвать гадателей и мудрецов,
 Дабы они ему истолковали
 Значенье сна. Но ни один не мог
 Его истолковать. Тут виночерпий
 О юноше, с которым был он заперт
 В темнице, вспомнил и сказал царю:
 Я тяжко согрешил, великий царь,
 Я за добро, оказанное мне,
 250 Неблагодарностью воздал жестоко.
 Мы были, я и хлебодар, твои
 Рабы, заключены по воле царской
 Твоей в темницу; там мы были сном,
 Как ныне ты, утрашены. В темнице ж
 Был с нами юноша, еврей, невольник
 Пентефрия, вельможи твоего.
 Он наши сны истолковал, и все
 Нам сказанное им сбылось: я
 Тобою был помилован; а царский
 260 Твой хлебодар тобой был предан казни. —
 И повелел представить Фараон
 К себе Иосифа. Был изведен
 Из мрачной он темницы; был омыт,

Благоухающим натерт елеем,
 Очищен, в ризу новую одет,
 И так его представили царю.
 И царь сказал: я видел сон, но мне
 Его никто истолковать не может.
 Ты, говорят, пророчественным духом
 370 Исполнен. — Я, отвечивал Иосиф,
 Ничто; один лишь Бог Всевышний может
 Царю открыть в грядущем зло и благо.
 И царь ему сказал: приснилось мне,
 Что близ реки стоял я, и что вдруг
 Из той реки семь добрых, тучных вышло
 Коров и что за ними следом вышли
 Другие семь коров, но злых и тощих,
 И что последние сожрали первых
 И от того страшней лишь отощали.
 380 Потом я семь колосьев, на одном
 Цветущих стебле, тучных и зернистых
 Во сне увидел, и меж ними вдруг
 На том же стебле семь других колосьев
 Бесплодных выросли, и во мгновенье
 Бесплодные пожрали плодоносных.
 Вот что приснилось мне. Я спросил
 Гадателей и мудрецов; но сна
 Из них никто не мог мне объяснить.
 Тогда сказал Иосиф Фараону:
 390 В обоих снах одно знаменованье;
 Господь им хочет отворить
 Перед тобой времен грядущих тайну.
 И ныне знай, великий царь: семь тучных
 Коров и семь колосьев полных значат
 Семь лет обилия; а тощих семь
 Коров и семь пустых колосьев семь
 Голодных означают лет. Сперва
 Семь лет во всей Египетской земле
 Великое плодороденье будет;
 300 Потом семь лет бесплодия настанет,
 И голод всю Египетскую землю
 Обымет, и во дни великих бедствий

О временах благих забудут люди;
И надлежит тому свершиться скоро,
Понеже ты двукратно видел сон.
Но послан он от Бога во спасенье
Тебе и всей Египетской земле.
Моими Он теперь тебе устами
Смирненными, царь мудрый, говорит:
310 Немедленно тобою должен быть
Муж многоопытный и мудрый избран;
Над всей землей Египетской его
Поставь и купно с ним назначь повсюду
Местона начальников. Пускай от всех
Земных плодов, в течение семи
Обильных лет, часть пятую они
Собирают и хранят по городам;
Пускай пшеницею и всяким житом
Зapasные наполнятся амбары,
320 Дабы во дни обилия на дни
Бесплодия в Египетской земле
Соблюдено богатство пищи было,
Чтоб голодом народ твой не погиб. —
Так говорил перед царем Иосиф.
Царю и всем вельможам царским был
Его совет благой угоден. Царь
Помыслил: где и скоро ли найдется
Муж опытный и боговдохновенный,
И, обратясь к Иосифу, сказал он:
330 Могу ли я кого избрать премудрей
И опытней тебя? ты откровенно
Приял от Бога. Будь же ты отныне
В моем дому; велениям уст твоих
Да покорятся все; одним престолом
Тебя я выше буду. Поставляю
Тебя над всей Египетской землей.
И сняв свой царский перстень, Фараон
Украсил им Иосифову руку,
Облек его пурпурною одеждой,
340 Златую цепь надел ему на шею,
И повелел, чтоб в царской колеснице

По городу всему его возили
И чтоб пред ним шел царский провозвестник
Народу власть его провозглашать.
И властвовать в Египетской земле
Иосиф начал; юноша цветущий,
Из узника, забытого в темнице,
В единый миг он сделался могучим
Правителем Египетской земли,
350 Понеже был с Иосифом Господь.

V.

Семь первых лет роскошнейшую жатву
В Египетской земле давали нивы.
Был собран там запас неисчислимый
Пшеницы, ржи и всех земных плодов.
По городам, в селениях, на поле,
Амбары полные сокровищ нивных
Бесчисленны стояли. И когда
Прошли семь лет обильных; и за ними
360 Семь лет бесплодных наступили — голод
По всей земле потоками разлился.
И возопил египетский народ
К царю в своей беде. Но царь народу
Ответствовал: к Иосифу идите,
Он даст вам пищу. И открыл Иосиф
Все житницы. И не один народ
Египетский от голода нашел в них
Спасение: из ближних и далеких
Земель во множестве стекаться стали
В Египет люди, и ценою малой
370 Из царского великого запаса
Иосиф хлеб им продавал. И все
Премудрого Египетской земли
Правителя народы прославляли.

ЕГИПЕТСКАЯ ТМА

(Опыт подражания Библейской поэзии)

Велик, неизглагоманно велик
Твой суд, Господь!
Он в помешательство ввергает нечестивых.
Святой народ возмнили притеснить
Они, безумцы, связанные тмою,
Опутанные долгой ночью.
Как беглецы под кровлею, они
Таились, мня укрыться
От вечной мудрости; под мрачной пеленою
¹⁰ Забвения они укрыться мнили
С своими темными грехами...
И были вдруг великим трепетаньем
Проникнуты; отсюда
Их несказанные виденья обступили;
В вертепах их все стало страшно;
Им слышались неведомые шумы;
И дряхлые призраки с грустным ликом
Смотрели им в глаза;
И был огонь бессилен
²⁰ Давать им свет; и звезды не могли
Рассеять мглу густой их ночи;
И лишь один невыразимый,
Самогорящий, страха полный огонь
Пред ними вдруг воспламенялся;
И, вверженные в трепет
Страшилищем, которое и было
И не было, они за ним
Страшнейшее живое мнили видеть.
И были их волхвы не властны
³⁰ Подать им помощь; кто ж из них пытался
Болящую их душу исцелить,
Был сам объят болезнью страха,
И трепетал, и слышались ему
Зверинный бег, змеинный свист,
И в воздух он, которым тягостно дышал,
Боялся очи устремить...

В своем свидетельстве сама
Свое приемлет осужденье злоба;
И страх двойной рождает совесть,
40 Томимая виною сокровенной.
Тревожно все тому, кто веру потерял
В спасенье, чье неутешимо сердце;
Ему гроза грядущия беды
Ужаснее самой беды наставшей.
И тем, которые в ту ночь
(Из адовых испешшую вертепов)
Смятенным сном объаты были,
Мечталися бегущие за ними
Страшилища; и силились напрасно
50 Они уйти:
На них лежал тяжелый ужас;
И тот, на ком лежал тот ужас,
Как брошенный в темницу узник,
Был скован без желез;
И кто б он ни был, пахарь, иль пастух,
Иль делатель трудов пустынных,
От неизбежного не мог он убсжать:
Все были вдруг
Опутаны одною цепью тьмы.
60 Свистал ли вестер, мимо пролетая,
Был слышен ли в густых
Древесных сениях говор птиц,
Шумели ль быстро-льющисся воды,
Иль гром от падающих камней был,
Или играющих животных
Течение, невидимое оку,
До слуха достигало,
Иль рык зверей пустынных раздавался,
Или из дебрей горных
70 Отзывный голос говорил —
Все в трепет их ввергало несказанный.
Небесный свет по всей земле сиял,
И каждый мог повсюду невозбранно
Свой труд дневной обычно совершать:
На них лишь темная лежала ночь,

Преобразитель той великой ночи,
Которой нет конца;
Но сами для себя они
Тяжеле тмы, на них лежавшей, были.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ЖИД

Он нес свой крест тяжелый на Голгофу;
Он, Всемогущий, Вседержитель, был
Как человек измучен; пот и кровь
По бледному Его лицу бежали;
Под бременем своим Он часто падал,
Вставал с усилием, переводил
Дыхание, потом, шагов немного
Переступив, под ношею Его давившей,
10 Как плотоядный зверь свою добычу,
Им схваченную, давит, падал снова.
И наконец, с померкшими от мук
Очами, Он хотел остановиться
У Агасверовых дверей, дабы,
К ним прислонившись, перевести на миг
Дыханье. Агасвер стоял тогда
В дверях. Его он оттолкнул от них
Безжалостно. С глубоким состраданьем
К несчастному, столь чуждому любви,
20 И сетуя о том, что должен был
Над ним изречь как Бог свой приговор,
Он поднял скорбный взгляд на Агасвера
И тихо произнес: «Ты будешь жить,
Пока Я не приду». И удалился.
И наконец Он пал под ношею совсем
Без силы. Крест тогда был возложен
На плечи Симона из Киринеи, —
И скоро Он исчез вдали, и вся толпа
Исчезла вслед за Ним. Все замолчало
30 На улице ужасно опустелой.
Народ вокруг Голгофы за стенами
Ерусалимскими столпился. Город

Стал тих, как гроб. Один, оцепенелый,
В дверях своих недвижим Агасвер
Стоял. И долго он стоял, не зная,
Что с ним случилось, чьи были те
Слова, которых каждый звук свинцовой
Буквой в мозг его был вдавлен, и там
Сидел неисторжим, не слышен уху,
Но страшно слышен в глубине души.

- 40 Вот наконец, вокруг себя обведши,
Как полусонный, очи, он со страхом
Заметил, что на Мории, над храмом,
Чернели тучи, с запада, с востока,
И с севера, и с юга, в одну густую
Слиявшиеся тьму. Туда упер он
Испуганное око. Вдруг крест-накрест
Там молнией разрезалась тьма;
Гром грянул, чудный отзыв в глубине
Святыница отвечал ему,
50 Как будто там разорвалась завеса.
Ерусалим затрепетал — и весь
Внезапно потемнел, лишенный солнца;
И в этой тьме земля дрожала под ногами;
Из глубины ее был голос; было
Течение в воздухе бесплотных слышно;
Во мраке образы восставших
Из гроба, вдруг явясь, смотрели
Живым в глаза. Толпами от Голгофы
Бежал народ, был слышен шум
60 Бегущих; но ужасно каждый про себя
Молчал. Тут Агасвер, в смертельном страхе,
Очнувшись, неоглядкой побежал
Вслед за толпою от своих дверей,
Не зная сам куда, и в ней исчез.
Тем временем утих Ерусалим.
Во мгле громадой безобразной зданья
Чернели. Жители все затворились
В своих домах, и все тяжелым сном
Заснуло. И вот над этой темной бездной

70 От туч, их затмевавших, небеса,
Уж полные звездами ночи, стали чисты:
В их глубине была невыразима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалось там,
Как от звезды к звезде перелетали
Их стражи — ангелы, с невыразимой
Гармонией блаженной, чудной вести. Прямо
Над Элеонскою горой звезда
80 Денницы подымалась. Агасвер,
Всю ночь по улицам Ерусалима
Бродив, терзаемый тоской и страхом,
Вдруг очутился за стенами града,
Перед Голгофой. На горе пустой,
На чистом небе, ярко три креста
Чернели. У подошвы темной
Горы был вход в пещеру, и великим камнем
Он был задвинут; и не вдали, как две
Недвижимые тени, в сокрушеньс
90 Две женщины сидели, устремив
Глаза — одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя их, и камень,
И на горе кресты, затрепетал
Всем телом Агасвер; почудилось ему,
Что грозный камень на него идет,
Чтоб задавить: и, как безумный,
Он побежал ко граду от Голгофы...

Есть остров; он скалою одинокой
Подъемлетя из бездны океана;
Вокруг него все пусто: беспредельность
100 Вод и беспредельность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, он кажется тогда
В сиянье дня усиненно-мрачным
Пустынником в лазури беспредельной;
В ночи ж, спокойным морем отраженный
Между звездами, в двух кругом него
Пучинах блещущими, он чернеет,

Как сумрачный отверженец созданья.
Когда ж на небе тучи, в море буря
110 И на него со всех сторон из бездны
Бросаются, как змси, вихри волн,
А с неба молнии в его бока
Вонзаются, их ребр не сокрушая,
Он кажется, в сем бое недвижимый,
Всемирного хаоса господином.

На западном полнебе знойно солнце
Горело, воздух густо был наполнен
Парами. В них как бы растаяв, солнце
Сливалось с ними, и весь запад неба,
120 И все под ним недвижимое море
Пурпурным янтарем сияли; было
Великое спокойствие в пространстве.
В глубокой думе, руки на груди
Крест-накрест сжав, он, вождь побед недавно
И страх царей, теперь царей колодник,
Сидел один над бездной на скале,
И на море — которое пред ним
Так было тихо и, весь пламень неба
В себя впивая всей широкой грудью,
130 Им полное, дыханьем несказанным
Вздыхалося — смотрел. Пред ним широко
Пустыня пламенная расстилалась.
С ожесточеньем безнадежной скорби,
Глубоко врезавшейся в сердце,
С негодованьем силы, вдруг лишенной
Свободы, он смотрел на этот хаос
Сияния, на это с небесами
Слиявшееся море. Там лежал
И самому ему уже незримый мир,
140 Им быстро созданный и столь же быстро
Погибший; а широкий океан,
Пред ним сиявший, где ничто следов
Величия его не сохранило,
Терзал его обиженную душу
Бесчувственным величием своим,

С каким его в своей темнице влажной
Он запирал. И он с презреньем взоры
От бездны отвратил, и оком мысли
Перелетел в страну минувшей славы.
150 Там образы великис пред ним,
Сражений тени, призраки триумфов,
Как из-за облак огненные Альпов
Вершины, подымались; а в дали далской
Звучал потомства неумолкный голос;
И мнилось ему, что на пороге
Иного мира встретить ждут его
Величества всех стран и всех времен.
Но в этот миг, когда воспоминаяем
В минувшем гордой мыслью он летал, — орел
160 Ширококрылый, от бездны моря быстро
Взлетев на высоту, промчался мимо
Его скалы и в высоте пропал.
Его полетом увлеченный, он
Вскочил, как будто броситься за ним
Желая в беспредельность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орел исчез в глубоком небе. Тяжким
Свинцом его полет непритеснимый
170 На сердце пал ему; весь ужас
Его судьбы, как голова смертельная Горгоны,
Ему предстал; все привиденья славы
Минувшей вдруг исчезли; и один
Постыдный, может быть — и долгий, путь
От тьмы тюремной до могильной, где
Ничтожество... И он затрепетал;
И всю ему проникло душу отвращенье
К себе и к жизни; быстрым шагом к краю
Скалы он подошел и жадным оком
180 Смотрел на море, и оно его
К себе как будто звало, и к нему
В своих ползущих на скалу волнах
Бесчисленные руки простирало;
И уж его нога почти черту

Между скалой и пустотой воздушной
 Переступила... В этот миг его
 Глазам, как будто из земли рожденный,
 На западе скалы, огромной тенью
 Отрезавшись от пламенного неба,
 190 Явился некто, и необычайный,
 Глубоко движущий всю душу голос
 Сказал : «Куда, Наполеон!»... При этом зове,
 Как околдованный, он на краю скалы
 Оцепенел: поднятая нога
 Сама собой на землю опустилась.
 И с робостью, неведомой дотоле,
 На подходящего он устремил
 Глаза, и чувствовал с каким-то странным
 Оттолкновеньем всей души, что этот
 200 Пришелец для него и для всего
 Создания чужой; но он невольно
 Пред ним благоговел, его черты
 С непостижимым сердца изумленьем
 Рассматривал... К нему шел человек,
 В котором все не человечесь было:
 Он был живой, но жизни чужд казался;
 Ни старости, ни молодости в чудных
 Его чертах не выражалось; все в них было
 Давнишнее, когда-то вдруг — подобно
 210 Созданиям допотопным — в камень
 Неумирающий и неживущий
 Преобращенное; в его глазах
 День внешний не сиял, но в них глубоко
 Горел какой-то темный свет,
 Как зарево далекого сиянья;
 Вкруг головы седые волоса
 И борода, широкими струями
 Грудь покрывавшая, из серебра
 Казались вылитыми; лоб
 220 И щеки бледные, как белый мрамор,
 Морщинами крест-накрест были
 Изрезаны; одежда в складках тяжких,
 Как будто выбитых из меди, с плеч

До пят недвижно падала; и ноги
Его шли по земле, как бы в нес
Не упираясь. — Пришлец, приблизясь,
На узника скалы вперил свои
Пронзительные очи и сказал:
«Куда ты шел и где б ты был, когда б
330 Мой голос вовремя тебя не назвал?
Не говорить с тобой сюда пришел я:
Не может быть беседы между нами,
И мыслями меняться нам нельзя;
Я здесь не гость, не друг, не собеседник;
Я здесь один минутный призрак, голос
Без отзыва... Врачом твоей души
Хочу я быть — и перед нею всю
Мою судьбу явлю без покрывала;
В молчанье слушай. Участи моей
340 Страшнее не было, и нет, и быть
Не может на земле. Богообидчик,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И, в смерти жизни, вечно по земле
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый, памятью о прошлом
Терзаемый, и в области живых живой
Мертвец, им страшный и противный,
Не именующий здесь никого
Своим, и, что когда любил на свете,
350 Все переживший, все похоронивший,
Все пережить и все похоронить
Определенный; нет мне на земле
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настает, ночь настает, они
Без смены для меня; жизнь не проходит,
Смерть не приходит; измененья нет
Ни в чем; передо мной немая вечность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратий бытия,
360 Живущих радостно иль скорбно, жизнь
Любящих иль из жизни уводимых
Упокойтеальной рукою смерти,

На этой братской трапезе созданий
Мне места нет; хожу кругом трапезы
Голодный, жаждущий, — меня они
Не замечают; стражду, как никто
И сонный не страдал, — мое ж страданье
Для них не быль, а вымысел давнишний,
Давно рассказанная детям сказка.
270 Таков мой жребий. Ты, быть может,
С презреньем спросишь у меня: зачем же
Сюда пришел я, чтоб такой
Безумной басней над тобой ругаться?
Таков мой жребий, говорю, для всех
Вас, близоруких жителей земли;
Но для тебя моею судьбины тайну
Я всю вполне открою... Слушай.

Я — Агасвер; не сказка Агасвер,
Которую кормилица твоя
280 Тебя в ребячестве пугала, — нет! о, нет!
Я Агасвер живой, с костями, с кровью,
Текущей в жилах, с чувствующим сердцем
И с помнящей минувшее душою;
Я Агасвер — вот исповедь моя.
О нет! язык мой повторить не может
Живым, для слуха внятным словом
Того, что некогда свершилось, что
В проклятие жизнь бедную мою
Преобратило, — имя Агасвер
290 Тебе сказало все... Нет! в языке
Моем такого слова не найду я,
Чтоб то изобразить, что был я сам,
Что мыслилось, что виделось, что ныло
В моей душе и что в ночах бессонных,
Что в тяжком сне, что в привиденьях,
Пугавших въявь, мне чудилось в те дни,
Которые прошли подобно душным,
Грозою полным дням, когда дыханье
В груди спирается и в страхе ждешь
300 Удара громового... в дни несказанной

Тоски и трепета, со дня Голгофы
Прошедшие!.. Ерусалим был тих,
Но было то предтишье подходящей
Беды; народ скорбел, и бледность лиц,
Потупленность голов, походки шаткость,
И подозрительность суровых взглядов —
Все было знаменьем чего-то, страшно
Постигнувшего всех, чего-то, страшно
Постигнуть всех грозящего. Кругом
310 Ерусалимских стен какой-то мрачный,
Неведомый во граде никому,
Бродил, и криком жалобным, на всех
Концах всечасно в граде слышным: «Горе!
От запада и от востока горе!
От севера и от полудня горе!
Ерусалиму горе!» — повторял.
А я из всех людей Ерусалима
Был самый трепетный. В беде всеобщей
Мечталось мне, страшнейшая — моя,
320 Чудовище с лицом закрытым, мне
Еще неведомым, но оттого
Стократ ужаснейшим. Что Он сказал мне?
Я слов Его не постигал значенья:
Но звуки их ни день, ни ночь меня
Не покидали; — яростью кипела
Вся внутренность моя против Него,
Который ядом слова одного
Так жизнь мою убил; я приговора
Его могуществу не верил; я
330 Упорствовал обманщика в Нем видеть;
Но чувствовал, что я приговорен...
К чему?.. Неведенья ужасный призрак,
Страшилище без образа, везде,
Куда мои глаза ни обращал я,
Стоял передо мной — и мучил страхом
Неизглагольным меня. Против
Обиженного мной и приговор мне
Одним, еще непонятым мной, словом
Изрекшего, и против всех Его

340 Избранников я был неукротимой
 Исполнен злобой. А они одни
 Между людьми Ерусалима были
 Спокойны, светлы, никакой тревогой
 Не одержимы; кто встречался в граде
 Смирный видом, светлым взором
 Благословляющий, благопристойный
 В движениях, в опрятном одеянье,
 Без роскоши, уж тот, конечно, был
 350 Слугой Иисуса Назорея. В их
 Собраниях вседневно совершалось
 О Нем воспоминанье; часто, посреди
 Ерусалимской смутной жизни, было
 Их пенье слышимо; они без страха
 В домах, на улицах, на площадях
 Благую весть о Нем провозглашали.
 Весь город злобствовал на них, незлобных;
 И эта злоба скоро разразилась
 Гонением, тюремным заточеньем
 И наконец убийством. Я, как дикий
 360 Зверь, ликовал, когда был перед храмом
 Стефан, побитый камнем, замучен;
 Когда потом прияли муку два
 Иакова, один мечом, другой
 С вершины храма сброшенный; когда
 Пронесся слух, что Петр был распят в Риме,
 А Павел обезглавлен: мнилось мне,
 Что в них, свидетелях Его, и память
 О Нем погибнет. Тщетная надежда!
 Во мне тоска от страха неизвестной
 370 Мне казни только раздражалась. Я,
 При Ироде-царе рожденный, видел
 Все время Августа; потом три зверя,
 Кровавой властью обесславив Рим,
 Погибли; властвовал четвертый — Нерон.
 Столетие уж на плечах моих лежало;
 Вокруг меня четыре поколенья
 Цвели в одном семействе: сыновья,
 И внучата, и внуков внуки в доме

Моем садились за мою трапезу...
 380 Но я со дня того в живом их круге
 Все более и боле чужд, и сир,
 И нелюдим, и грустен становился;
 Я чувствовал, что я ни хил, ни бодр,
 Ни стар, ни молод, но что жизнь моя
 Железно-мертвую приобрела
 Несокрушимость. Самому себе,
 Среди моих живых детей, и внуков,
 И правнуков, казался я надгробным
 Камнем, меж их могил стоящим камнем;
 390 И лица их имели страшный цвет
 Объятых тленьем трупов. Все уж дети
 И все уж внуки были взяты смертью;
 И правнуков с невыразимым горем
 И бешенством я начал хоронить...
 Тем временем час от часу душнее
 В Ерусалиме становилось. Зная,
 Что будет, все Иисуса Назорея
 Избранники покинули убивший
 Учителя их город и ушли
 400 За Иордан. И все, и все сбывалось,
 Что предсказал Он: Палестина вся
 Горела бунтом; легионы Рима
 Терзали области ее; и скоро
 Приблизился к Ерусалиму час
 Его судьбы; то время наступило,
 Когда, как Он пророчил, “благо будет
 Сошедшим в гроб, и горе матерям
 С младенцами грудными, горе старцам
 И юношам, живущим в граде, горé
 410 Из града не ушедшим в горы девам”.
 Воспасианов сын — извне — пути
 Из града все загородил, вогнав
 Туда насильно мор и голод;
 Внутри господствовали буйство, бунт,
 Усобица, безвластье, безначалье,
 Владычество разбойников, извне
 Прикликанных своими на своих.

Вдруг три осады: храма от пришельных
 Грабителей, грабителей от града, града
 420 От легионов Тита... Всюду бой;
 Первосвященников убийство в храме;
 На улицах нестройный крик от страха,
 От голода, от муки передсмертной,
 От яростной борьбы за кус согнившей
 Еды, рев мятежа, разврата песни,
 Бесстыдных оргий хохот, стон голодных
 Младенцев, матерей тяжелый вой...
 И в высоте над этой бездной днем —
 Безоблачно пылающее небо,
 430 Зловонную заразу вызывая
 Из трупов, в граде и вне града
 Разбросанных; в ночи ж, как Божий меч,
 Звезда беды, своим хвостом всю твердь
 Разрезавшая пополам, Ерусалиму
 Пророча гибель... И погибнуть весь
 Израиль обречен был; отовсюду
 Сведенный светлым праздником пасхальным
 В Ерусалим, народ был разом предан
 На истребление мстительному Риму.
 440 И все истреблены: ...убийством, голодом,
 В когтях зверей, прибитые к крестам,
 В цепях, в изгнание, в рабстве на чужбине.
 Погиб Господний град, и от создания
 Мир не видал погибели подобной.
 О, страшно он боролся с смертным часом!
 Когда в него, все стены проломив,
 Ворвался враг и бросился на храм, —
 Народ, в его толпу, из-за ограды
 Исторгшись, врзался и, с ней сцепившись,
 450 Вслед за собой ее вовлек в средину
 Ограды: бой ужасный, грудь на грудь,
 Тут начался; и, наконец, спасаясь,
 Вкруг скинии, во внутренней ограде
 Стопились мы, отчаянный, последний
 Израиля остаток... Тут увидел
 Я несказанное: под святотатной

Рукою скиния открылась, стало
Нам видимо невиданное оку
Дотоль — ковчег Завета... в этот миг
460 Храм запылал, и в скинию пожар
Ворвался... Мы, весь гибнущий Израиль,
И с нами нас губящий враг в единый
Слилися крик, одни завыв от горя,
А те заликовав от торжества
Победы... Вся гора слилася в пламя,
И посреди его, как длинный, гору
Обвивший змей, чернело войско Рима.
И в этот миг... все для меня исчезло!
Раздавленный обрушившимся храмом,
470 Я пал, — почувствовав, как череп мой
И кости все мои вдруг сокрушились.
Беспмятство мной овладело... долго ль
Продлилося оно? — не знаю. Я
Пришел в себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сон, в котором все
В одно смешалось страданье: боль
От раздробленья всех костей, и бремя
Меня давивших камней, и дыханья
Запертого тоска, и жар болезни,
480 И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушенного тела
Восстанавливающей при страшной муке
И голода и жажды — это все
Я совокупно вытерпел в каком-то
Смятенном, судорожном сне, — без мысли,
Без памяти и без забвенья, с чувством
Неконченного бытия, которым,
Как тяжелой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
490 Всем трепетом отчаянным, какой
Насквозь пронзает заживо зарытых
В могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я из-под обломков,
Меня погребших, вышел снова жив
И невредим; разбив меня насмерть,

Меня, ожившего, они извергли,
Как скверну, из своей громады.

Очнувшись, в первый миг я не постигнул,
Где я. Передо мною подымались
500 Вершины горные; меж них лежали
Долины, и все они покрыты были
Обломками — как будто бы то место
Град каменный, обрушившись с неба,
Внезапно завалил; и там нигде
Не зрелось живого человека:
То был Ерусалим! Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блеск,
На высоте Голгофы угасая,
Оттуда мне блеснул в глаза — и я,
510 Ее увидя, весь затрепетал:
Из этой повсеместной тишины,
Из этой бездны разрушенья, снова
Послышалось мне: “Ты будешь жить,
Пока Я не приду”. Тут в первый раз
Постигнул я вполне свою судьбину.
Я буду жить! я буду жить, пока
Он не придет!.. Как жить?.. Кто Он? Когда
Придет?.. И все грядущее мое
Мне выразилось вдруг в остове этом
520 Погибшего Ерусалима: там
На камне камня не осталось; там
Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито; там
Ничто уж для меня не оживет
И не родится, — жизнь моя вся будет,
Как этот мертвый труп Ерусалима,
И жизнь без смерти. Я в бешенстве завыл
И бешеное произнес на все
Проклятие, — без отзыва мой голос
530 Раздался глухо над громадой камней,
И все утихло... В этот миг звезда
Вечерняя над высотой Голгофы
Взошла на небо... и невольно —

Сколь мой ни бешенствовал дух — в ее
Сиянье тайную отрады каплю
Я с смертоносным питием хулы
И проклинанья выпил... но то была
Лишь тень промчавшегося быстро мига,
Что с онога я испытал мгновенья!
35° О, как я плакал, как вопил, как дико
Роптал, как злобствовал, как проклинал,
Как ненавидел жизнь, как страстно
Невнемлющую смерть любил... С двойным
Отчаяньем и бешенством слова
Страдальца Иова я повторял:
“Да будет проклят день, когда сказали:
Родился человек, и проклята
Да будет ночь, когда мой первый крик
Послышался; да звезды ей не светят,
55° Да не взойдет ей день, ей — незапершей
Меня родившую утробу!” А когда я
Вспоминал слова его печали
О том, сколь малодневен человек:
“Как облако уходит он, как цвет
Долинный вянет он, и место, где
Он прежде цвел, не узнает его”.
О! этой жалобе я с горьким плачем
Завидовал... Передо мною все
Рождалось и в час свой умирало;
56° День умирал в заре вечерней, ночь
В сиянье дня; сколь мне завидно было,
Когда на небе облако свободно
Летело, таяло и исчезало;
Когда свистящий ветер вдруг смолкал,
Когда с деревьев падал лист; все, в чем
Я видел знамение смерти, было
Мне горькой сладостью: одна лишь смерть —
Смерть, упование не быть, исчезнуть —
Всему, что жило вокруг меня, давала
57° Томительную прелесть; жизнь же
Во всем творении я ненавидел
И клял, как жизнь проклятую мою...

И с этой злобой на творенье, с диким
Восстаньем всей души против Творца
И с несказанной ненавистью против
Распятого — отчаянно пошел я,
Неумирающий, всему живому
Враг, от того погибельного места,
Где мне моей судьбы открылась тайна.

580 Томимый всеми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая, —
И голодом, и жаждою, и зноем,
И хладом, — грозною нуждой вскомый,
Между людьми как нищий бесприютный,
Я побирался... Милостыню мне
Давали без вниманья и участия,
Как лепт, который мимоходом
Бросают в кружку для убогих, вовсе
Незнаемых. И с злобой я хватал,
590 Что было мне бросаемо с презреньем.
Так я сыпучими песками жизни
Тащился с ношею моею, зная,
Что никуда ес не донесу;
И вместе с смертию был у меня
И сон — успокоитель жизни — отнят.
Что днем в моей душе кипело: ярость
На жизнь, богопроклятия, вражда
С людьми, раздор с собою, и вины —
Непризнаваемой, но беспрестанно
600 Грызущей сердце — боль, то в темноте
Ночной, вокруг изголовья моего,
Толпою привидений стоя, сон
От головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мне была отрадней тихой,
Украшенной звездами ночи: там,
С мутящим землю бешенством стихий
Я бешенством души моей сливался;
Здесь каждая звезда из мрака бездна,
610 Там одинокая меж одиноких,

Подобно ей потерянных в пространстве,
Как бы ругаясь надо мною, мне
Мой жребий повторяла, на меня
С небес вперя пламенное око.
Так, в исступлении страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Из места в место; все во мне скопилось
В одну мучительную жажду смерти.
“Дай смерть мне! дай мне смерть!” — то было криком
620 Моим, и плачем, и молением
Пред каждым бедствием земным, которым
На горькую мне зависть гибли люди.
Кидался в бездну я с стремнины горной:
На дне ее, о камни сокрушенный,
Я оживал по долгой муке. Море в лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзал мучительно насквозь,
Но не сжигал моей проклятой жизни.
Когда к вершинам гор скоплялись тучи
630 И там кипели молнии, туда
Взбирался я, в надежде там погибнуть:
Но молнии кругом меня вились,
Дробя деревья и утесы; я же
Был пощажён. В моей душе блеснула
Надежда бедная, что — может быть —
В беде всеобщей смерть меня с другими
Скорей, чем одинокого, ошибкой
Возьмет: и с чумными, в больнице душевной
Я ложе их делил, их трупы брал
640 На плечи и, зубами скрежеща
От зависти, в могилу относил;
Напрасно! мной чума пренебрегала...
Я с караваном многолюдным степью
Песчаной Аравийской шел;
Вдруг раскаленное затмилось небо
И солнце в нем исчезло: вихрь
Песчаный побежал от горизонта
На нас; храпя в песок уткнули морды
Верблюды, люди пали ниц; я грудь.

650 Подставил пламенному вихрю:
Он задушил меня, но не убил.
Очнувшись, я себя увидел посреди
Разбросанных остовов, на пиру
Орлов, сдирающих с костей обрывки
Истлевших трупов. В тот ужасный день,
Когда исчез под лавой Геркуланум
И пепел завалил Помпею, я
Природы судорогой страшной был
Обрадован: при стоне и трясеньи
660 Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей из треснувшего чрева,
При вое, крике, давке, шуме в бегство
Толпящихся сквозь пепел все затмивший,
В котором, ничего не озаряя,
Сверкал невидимый пожар горы,
Отчаянно пробился я к потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмиг прожженный, в уголь
670 Был обращен, и в море, на брег
Гонимое землетрясения силой,
Был вынесен, а морем снова брошен
На брег, на произвол землетрясенью.
То был последний опыт мой — насильством
Взять смерть. Я стал подобен гробу,
В котором запертой мертвец, оживши
И с криком долго бившись понапрасну,
Чтоб вырваться из душного заклепа,
Вдруг умолкает — и последней ждет
680 Минуты задыхаясь: так в моем
Несокрушимом теле задыхалась
Отчаянно моя душа. “Всему
Конiec: живи, не жди, не веруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньем
Уста и замолчи на вечность!” — так
Сказал я самому себе...
Но слушай.
Тогда был век Траяна; в Рим

Из областей прибывший император
690 В Веспасиановом амфитеатре
Кровавые готовил граду игры:
Бой гладиаторов — и христиан
Предание зверям на растерзанье.
Пронесся слух, что будет знаменитый
Антиохийской церкви пастырь, старец
Игнатий, льву ливийскому на пищу
В присутствии Траяна предан. Трепет
Неизглаголаный при этом слухе
700 Меня проник. С народом побежал я
В амфитеатр. И что моим очам
Представилось, когда я с самых верхних
Ступеней обозрел глазами бездну
Людей, там собранных. Сквозь яркий пурпур
Растянутой над зданьем легкой ткани,
Которую блеск солнца багрянил,
И зданье, и народ, и на высоком
Седалище отсюда зримый кесарь
Казались огненными. В это
Мгновение последний гладиатор,
710 Народом не прощенный, был зарезан
Своим противником. С окровавленной
Арены мертвый труп его тащили,
И стала вдруг она пуста. Народ
Умолк и ждал, как будто в страхе, знака
Не подавая нетерпенья. Вдруг
В глубокой этой тишине раздался
Из подземелья львиный рев, и сквозь
Отверстый вход амфитеатра старец
Игнатий, с ним двенадцать христиан,
720 Зверям на растерзанье произвольно
С своим епископом себя предавших,
На страшную арену вышли. Старец,
Оборотаясь к другим, благословил их,
Ему с молением упавших в ноги;
Потом они, прижав ко груди руки,
“Тебя, — запели тихо, — Бога, хвалим,
Тебя едиными устами в смертный

Час исповедуем...” О! это пенье —
В Ерусалиме слышанное мною
730 На праздничных собраниях христиан
С кипеньем злобы — здесь мою всю душу
Проникнуло внезапным вдохновеньем.
Что предо мной открылось в этот миг,
Что вдруг во мне предчувствием чего-то
Невыразимого затрепетало,
И как, в амфитеатр ворвавшись, я
Вдруг посреди дотолы ненавистных
Мне христиан там очутился — я
Не знаю. Пенье продолжалось; но
740 Уж на противной стороне арены
Железная решетка, загремев, упала,
И уж в ее отверстии стоял
С цепей спущенный лев, и озирался...
И вдруг, завидя вдалеке добычу,
Он зарыкал... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбом... Тут вперед
Я кинулся, чтоб старца заслонить
От зверя... Он уже к нам мчался
Прыжками быстрыми через арену;
750 Но старец, кротко в сторону меня,
Рукою отодвинув, мне сказал:
“Должно пишно Господнее в зубах
Звериных измолотья, чтоб Господним
Быть чистым хлебом; ты же, друг, отселе
Поди в свой путь, смиришь, живи и жди”.
Тут был он львом обхвачен... но успел
Еще меня перекрестить и взор
Невыразимый от меня на небо
В слезах возвесть, как бы меня ему
760 Передавая... О, животворящий,
На вечность всю присутственный в душе,
Небесного блаженства полный взгляд!
Могуществом великого мгновенья
Сраженный, я без памяти упал
К ногам терзаемого диким зверем
Святителя; когда ж очнулся, вокруг

Меня в крови разбросанные члены
Погибших я увидел; и усталый
Терзанием лежал, разинув пасть
77° И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный лев, вперив в меня свои
Пылающие очи. Но когда
Я на ноги поднялся, он вскочил,
И заревел, и в страхе от меня
Стал пятиться, и быстро вдруг
Через арсену побежал, и скрылся
В своем заклес. Весь амфитсатр
От восклицаний задрожал, а я
От места крови, плача, удалился
78° И из ворот амфитеатра беспреградно вышел.
Что после в оный чудный день случилось,
Не помню я; но в благодатном взгляде,
Которым мученик меня усвоил
В последний час свой небесам, опять
Блеснула светлая звезда, мгновенно
Мне некогда блеснувшая с Голгофы,
В то время безотрадно, а теперь
Как луч спасения. Как будто что-то
Мне говорило, что моя судьба
79° Переломилась надвое; стремленье
К чему-то не испытанному мною
Глубоко мне втеснилось в грудь, и знаком
Такого измененья было то,
Что проклинание моим устам
Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего в унылость
Безмолвно-плачущую обратилась,
Что наконец страдания мои
Внезапная отрада посетила,
200° Еще неоткровенная — как свежий,
Предутренный благоуханный воздух —
Вливалась в меня и умирала
Мою борьбу с собой. О! этот взгляд...
Он мне напомнил тот прискорбно-кроткий,
С каким был в оный день мой приговор

Произнесен... Но я уже не злобой
 Наполнен был при том воспоминаньи,
 А скорбию раскаянья глубокой
 И чувствовал стременье пасть на землю,
 210 Зарыть лицо во прах и горько плакать.
 То были первые минуты тайной,
 Будущей душу благодати, первый,
 Еще неясно слышимый, безответный,
 Но усладительный призыв к смирению
 И к покаянию. В языке нет слова,
 Чтоб имя дать подобному мгновенью,
 Когда с очей души вдруг слепота
 Начнет спадать, и Божий светлый мир
 220 Внутри и вне ее, как из могилы,
 Начнет с ней вместе воскресать. Такое
 Движение в моей окаменелой
 Душе внезапно началось... было
 Оно подобно зыби после бури,
 Когда нет ветра, небеса светлеют,
 А волны долго в диком беспорядке
 Бросаются, кипят и стонут. В этой
 Борьбе души меж тьмой и светом, я
 Неодолимо влеченье в край
 230 Отечества почувствовал, к горам
 Ерусалима. И к брегам желанным
 Немедля поплыл я; корабль мой
 Прибила буря к острову Патмосу. Промысл
 Господний втайне от меня ту бурю
 Послал. Там жил изгнанник, старец
 Столетний, Иоанн, благовеститель
 Христа и ученик Его любимый.
 О нем не ведал я... Но Провиденье
 Меня безведомо к нему путем
 240 Великой бури привело, и цепью бури
 Корабль наш был прикован к берегам
 Скалистым острова, пока со мной
 Вполне моя судьба не совершилась.
 Скитаясь одиноко, я внезапно
 Во глубине долины, сокровенной

От странника густою тенью пальм
И кипарисов, встретил там святого
Апостола...»
При этом слове пал
На землю Агасвер и долго
850 Лежал недвижим, головой во прахе;
Когда ж он встал, его слезами были
Облиты щеки; а в чертах его
Тысячелетнего лица, с глубокой
Печалию, с невыразимо-грустной
Любовию была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Он
Был в этот миг прекрасен той красою,
Какой не знает мир. Он продолжал:
«Ни помышлять, ни говорить об этой встрече
260 Я не могу иначе, как простершись в прах,
В тоске раскаянья, в тоске любви,
Проникнутой огнем благодаренья.
Он из кремня души моей упорной
Животворящим словом выбил искру
Всепримиряющего покаянья;
И именем Того, кто нам один
Дает надежду, веру и любовь,
Мой страшного отчаянья удел
Преобразил в удел святого мира.
870 И наконец, когда я, сокрушенный,
Как тот разбойник на кресте, к ногам
Обиженного мной, с смиренным сердцем
Упав, воскликнул: “Помяни меня,
Когда во царствии Своем приидешь!”
Он оросил меня водой крещенья.
И на другое утро — о, незаходимый,
О, вечный день для памяти моей!
За утренней звездою солнце тихо
Над морем подымалось на востоке,
280 Когда он, перед хлебом и пред чашей
Вина со мной простершись, сам вина и хлеба
Вкусил и мне их дал вкусить, сказав:
“Со страхом Божиим и с верой, сын мой,

К сим тайнам приступи и причастись
Спасению души в святом Христа
За нас пронзенном теле и Христовой
За нас пролитой крови”. И потом
Он долго поучал меня и мне откры
Значение моей, на испытанье
890 Великое приговоренной жизни;
И наконец перед моими, мраком
Покрытыми очами приподнял
Покров с грядущего, покров с того,
Что было, есть и будет.

Начинало
Скрываться солнце в тихом лоне моря,
Когда, меня перекрестив, со мною
Святой евангелист простился. Встер,
Попутный плаванию в Палестину,
900 Стал дуть: мы поплыли под звездным небом
Полупрозрачной ночи. Тут впервые
Прображение моей судьбы
Я глубоко почувствовал; впервые,
Уже сто лет меня не посещавший,
Сошел ко мне на вежды сон, и с ним
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этот сон
Был не один страдания целитель —
Был ангел, прямо низлетевший с неба:
910 Все, что пророчески евангелист
Великий чудно говорил мне,
То в образах великих этот сон
Явил очам моей души, и в ней
Те образы, в течение столетий
Непомраченные, час от часу
Живей из облакающей их тайны
Моей душе сияют, перед ней
Неизглаголанно преобразуя
Судьбы грядущие. Корабль наш, востром
920 Попутным тихо по водам несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь,

Летел; а я непробудимым сном,
Под веяньем полуденной прохлады,
Спал, и во сне стоял передо мной
Евангелист и вдохновенно он
Слова те огненные повторял,
Которыми, беседуя со мною,
Перед моим непосвященным оком
Разоблачил грядущего судьбу;
930 И каждое пророка слово, в слух мой
Входя, в великий превращалось образ
Перед моим телесным оком. Все,
Что ухо слышало, то зрели очи;
И в слове говорящего со мной
Во сне пророка все передо мной,
И надо мной, на суше, на водах,
И в вышине небес, и в глубине
Земли видений чудных было полно.
Я видел трон, на четырех стоящий
940 Животных шестокрылых, и на троне
Сидящего с семью запечатленной
Печатами великой книгой.
Я видел, как печати с книги Агнец
Сорвал, как из печатей тех четыре
Коня исторглися, как страшный всадник — смерть —
На бледном поскакал коне, и как
Пред Агнцем все — и небо, и земля,
И все, что в глубине земли, и все,
Что в глубине морей, и небеса,
950 И все тьмы ангелов на небесах —
В единое слилось славохваленье.
Я зрел, как ангел светлый совершил
Двенадцати колен запечатленья
Печатию живого Бога; зрел
Семь ангелов с великими, гнев Божий,
Беды и казнь гласящими трубами,
И слышал голос: “Время миновалось!”
Я видел, как дракон, губитель древний,
Вслед за женой, двенадцатью звездами
960 Венчанной, гнался; как жена в пустыню

Спаслася, а ее младенец был
 На небо унесен; как началась
 Война на небесах, и как архангел
 Низверг дракона в бездну и его
 Всю силу истребил; и как потом
 Из моря седмиглавый зверь поднялся;
 Как обольщенные им люди Бога
 Отринули; как в небесах явился
 970 Сын Человеческий с серпом; как жатва
 Великая свершилась; как на белом
 Коне потом, блестящий светлым, белым
 Оружием, — себя ж именовал
 Он “Слово Божие” — явился Всадник;
 Как вслед за Ним шло воинство на белых
 Конях, в виссон одеянное чистый,
 И как из уст Его на казнь людей
 Меч острый исходил;
 Как от того меча и зверь, и рать
 Его погибли; как дракон, цепями
 980 Окованный, в пылающую бездну
 На тысячу был лет низвергнут; как
 Потом на высоте великий блмый
 Явился трон; как от лица на троне
 Сидящего и небо и земля
 Бежали, и нигде не обрелось
 Им места; как на суд предстало все
 Создание; как мертвых возвратили
 Земное чрево и морская бездна;
 Как разогнулася перед престолом
 990 Господним книга жизни; как последний
 Суд по делам для всех был изречен,
 И как в огонь неугасимый были
 Низвержены на вечность смерть и ад...
 И новые тогда я небеса,
 И землю новую узрел, и град
 Святой, от Бога нисходящий, новый
 Ерусалим, как чистая невеста
 Сияющий, увидел. И раздался,
 Услышал я, великий свыше голос:

¹⁰⁰⁰ “Здесь скиния Господня, здесь Господь
Жить с человеками отныне будет;
Здесь храма нет Ему, здесь Сам Он храм Свой;
Здесь всякую слезу отрет Он.
Ни смерти более, ни слез, ни скорби
И никаких страданий и недугов
Не будет здесь, понже миновалось
Все прежнее и совершилось дело
Господнес. Не нужны здесь ни солнце,
Ни светлость дня, ни ночи темнота,
¹⁰¹⁰ Ни звезды неба: здесь сияет слава
Господняя, и Агнец служит здесь
Светильником, и Божие лицо
Спасенные очами видеть будут”.
И слышал я, как все небес пространство
Глас наполнял отсюда говорящий:
“Я Бог живой, я Альфа и Омега,
Начало и конец. Подходит время”.

Такие образы в ту ночь, когда
Я спящий плыл к брегам Святой Земли,
¹⁰²⁰ Мой первый сон блаженный озарили.
Недаром я о том здесь говорю,
Что из Писаний ты без веры знаешь:
Хочу, чтоб ты постиг вполне мой жребий.
Когда пророк святое откровенье
Мне передал своим глаголом дивным,
Во глубине души моей оно
Осталось врезанным; и с той поры
Во тьме моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно
¹⁰³⁰ Звездой грядущего горит; я в нем
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не увиден из жизни
Рукой меня отвергшей смерти... Солнце
Всходило в пламени лучей, когда
Меня покинул сон мой; перед нами
На лоне голубого моря темной
Тянулся полосой брег Святой

Земли; одни лишь горы — снеговой
Хермон, Кармил прибрежный, кедроносный
1040 Ливан и Элеон из низших гор —
Свои зажженные лучами солнца
Вершины воздвигали. О, с каким
Невыразимым чувством я ступил
На брег земли обетованной, где
Уж не было Израиля! Прошло
Третью века с той поры, как я ее
Покинул. О, что был я в страшный миг
Разлуки с ней! и что потом со мной
Сбылось и каким я возвратился
1050 В страну моих отцов! Я был подобен
Колоднику, который на свободе
В ту заглянул тюрьму, где много лет
Лежал в цепях; где все, кого на свете
Знал и любил, с ним вместе заперты,
В его глазах погибли; где каждый день
Его терзали пыткой палачи
И с ними самый яростный из всех
Палач — обремененное ужасной
Виной, бунтующее против жизни
1060 И Бога — собственное сердце. Я
Не помню, что во мне сильнее было —
Свободы ль сладостное чувство или
Ужасная о прошлой пытке память.
Безлюдною страшною окруженный,
Где царствовал опустошения ужас,
Достигнул я Ерусалима. Он
Громадой черных от пожара камней,
Как мертвый труп, иссеченный в куски,
Моим очам явился, вдвое страшный
1070 Своєю мрачностью в сиянье тихом
Безоблачного неба. И случилось
То в самый праздник Пасхи; но его
Не праздновал никто: в Ерусалиме
Не смел народ на праздник свой великий
Сходиться. К бывшему пробравшись
Святынищу, узнал я с содроганьем

То место, где паденьем храма я,
Раздавленный, был смертью отвергнут.
Вдруг, посреди безмолвия развалин,
1020 В мой слух чуть слышно шепчущее пенье
Проникло: меж обломков я увидел
Простертых на землю немногих старцев,
И женщин, и детей — остаток бедный
Израиля. Они, рыдая, пели:
“Господний храм, мы плачем о тебе!
Ерусалим, мы о тебе рыдаем!
Мы о тебе скорбим, Богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачем о тебе!”
1090 При этом пенье я упал
На землю и в молчанье плакал горько,
О прежней славе Божьего народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мне он был уже чужой; он чужд
И всей земле был; не могло
Его ничто земное ни унижить,
Ни возвеличить: он, народ избранный,
Народ отверженный от Бога был.
На нем лежит печать благословенья, он
1100 Запечатлен проклятия печатью.
В упорной слепоте еще он ждет
Того, что уж свершилось и вновь
Не совершится; он в своем безумстве
Не верует тому, что существует
Им столь желанное и им самим
Отвергнутое благо, и его
Надежда ложь, его без смысла вера!
От плачущих я тихо удалился
И с трепетом меж камней пробираясь,
1110 Не узнавал следов Ерусалима.
Но вдруг невольно я оцепенел:
Перед собой увидел я остаток
Стены со ступенями пред уцелевшей
И настесь отворенной дверью; в ней
Сидел шакал; он, злобными глазами

Сверкнувши на меня, как демон, скрылся
В развалинах. То был мой прежний дом,
И я стоял пред дверью роковой —
Свидетелем погибели моей;
1120 И мне в глаза то место — где тогда
Измученный остановился Он,
Чтоб отдохнуть у двери, от которой
Безжалостной рукою оттолкнул
Я подошедшего ко мне с любовью
Спасителя, пятном суровым страшно
Блеснуло. Я упал, лицом прикикнув
К земле, к которой некогда нога
Святая прикоснулась; и слезами
Я обливал ее; и в этот миг
1130 Почудилось мне, что Он, каким
Его тогда я видел, мимо в прахе
Лежавшей головы моей прошел
Благословляющий... Я поднялся.
И в этот миг мне показалось, будто
Передо мной по улице тянулся
Тот страшный ход, в котором нес свой крест
Он, бешеным ругаемый народом, —
Вслед за крестом я побежал; но скоро
Передо мной видение исчезло,
1140 И я себя увидел у подошвы
Голгофы. Отделясь от черной груди
Развалин, зеленью благоуханной
Весны одетая, в сиянье солнца,
Сходящего на запад, мне она
Торжественно предстала, как зажженный
Пред Богом жертвенник. И долго-долго
Я на нее смотрел в оцепененье...
О, как она в величии спокойном,
Уединенная, там возвышалась;
1150 Как было все кругом нее безмолвно;
Как миротворно солнце нисходило
С небес, на всю окрестность наводя
Вечерний тихий блеск; как был ужасен
Разрушенный Ерусалим, в виду

Благоухающей Голгофы! Долго
Я не дерзал мою оскверненной
Ногой к ее святыне прикоснуться.
Когда ж взошел на высоту ее,
О, как мое затрепетало сердце!
1160 Моим глазам трех рытвин след явился,
Полузаглаженный, на месте, где
Три были некогда водружены
Креста. И перед ним простершись в прах,
Я горькими слезами долго плакал;
Но в этот миг раскаянья — терзанье
И благодарностью, невыразимой
Словами человеческими, было.
Казалось мне, что крест еще стоял
Над головой моей; что я, его
1170 Обняв, к нему всей грудью прижимался,
Как блудный сын, колснопреклоненный
К ногам отца, готового простить.
Дни праздника провел я одиноко
На высоте Голгофы, в покаянье,
Один, отвсюду разрушеньем страшным
Земных величий и всего, что было
Моим житейским благом, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшись и перешед Кедрон,
1180 Достигнул я по скату Элеонской
Горы до Гефсиманских густотенных
Олив. Там, сокрушенный, долго я
Во прахе горько плакал, помышляя
О тех словах, которые Он здесь —
Он, сильный Бог, как человек, последних
С страданием лишенный сил — в смертельной
Тоске здесь произнес, на поученье
И на подпору всем земным страдальцам.
Его божественной я не дерзнул
1190 Молитвы повторить; моим устам
Дать выразить ее святыню я
Достоин не был. Но какое слово
Изобразит очарованье ночи,

Под сенью Гефсиманских маслин мною
В молчании всемирном проведенной!
Когда взошел на верх я Элеонской
Горы, с которой, все свершив земное,
Сын Человеческий на небеса
Вознесся, — предо мной явилось солнце
1200 В неизреченном блеске на востоке;
Зажглась горы вершина; тонкий пар
Еще над сенью маслин Гефсиманских
Лежал; но вдалеке уже горела
В сиянье утреннем Голгофа. Черным
Остовом посреди их, весь еще
Покрытый тению от Элеонской
Горы, лежал Ерусалим, как будто
Сиянья воскресительного ждущий.
В последний раз с святой горы взглянул я
1210 На град Израилев, на сокрушенный
Ерусалим: еще в его обломках
Я видел труп с знакомыми чертами,
Но скоро он и в признаках своих
Был должен умереть; была готова
Рука, чтоб разбросать его обломки;
Был плуг готов, чтоб запахать то место,
Где некогда стоял Ерусалим.
На гробе прежнего другой был должен
Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
1220 Одной Голгофою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному, как я,
На горькое скитанье по земле
Приговоренному до нисхожденья
От неба нового Ерусалима.

Благословив на вечную разлуку
Господний град, я от него пошел, —
И с той поры я странствую. Но слушай.
Мой жребий все остался тот же, страшный,
Каким он в первое мгновенье пал
1230 На голову преступную мою.
Как прежде, я не умираю и вечно

Скитаться здесь приговорен; всем людям
Чужой, вселяющий в сердца их ужас,
Иль отвращение, или презренье;
Нужды житейские терпящий: голод, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньем
Питаться принужденный, принимая
С стыдом и скорбью, что первый встречный
С пренебреженьем мне обидным бросит.
1260 Мне самому нет смерти, для людей же
Я мертвый; мне ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ниоткуда мне опасность
Не угрожает на земле: разбойник
Меня зарезать не посмest; зверь,
И голодом ярымь, повстречавшись
Со мною, в страхе убежит; не схватит
Меня земля разинутой своєю
В землетрясенье пастью; не задупит
1270 Меня гора своим обвалом; море
В своих волнах не даст мне захлебнуться.
Все, все мои безумные попытки
Жизнь уничтожить были безуспешны:
Самоубийство недоступно мне;
Не смерть, а неубийственную с смертью
Борьбу напрасно мучимому телу
Могу я дать бесплодными своими
Порывами на самоистребленье;
А душу из темницы тела я
1280 Не властен вырвать: вновь оно,
В куски изорванное, воскресает.
Так я скитаюся. И нет, ты скажешь,
Страшней моей судьбы. Но ведай: если
Моя судьба не изменилась, сам я
Уже не тот, каким был в то мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирепо сам я проклинал Того,
Кто приговор против меня изрек.
1290 Я проклинал; я бешено бороться

С неодолимой Силою дерзал.
 О, я теперь иной!.. Тот, за меня
 Поднятый к небу, мученика взгляд
 И благодать, словами Богослова
 В меня влияющая, переродили
 Озлобленность моей ожесточенной
 Души в смирение, и на Голгофе
 Постигнул я все благо казни, Им
 Произнесенной надо мной, как мнилось
 1280 Безумцу мне, в непримиримом гневе.
 О, Он в тот миг, когда я Им ругался,
 Меня казнил как Бог: меня спасал
 Погибелью моей, и мне изрек
 В Своём проклятии благословенье.
 Каким путем Его рука меня,
 Бежавшего в то время от Голгофы,
 Где крест еще Его дымился кровью,
 Обратно привела к се подошве!
 Какое дал мне воспитанье Он
 1290 В училище страданий несказанных,
 И как цена, которою купил я
 Сокровище, Им избранное мне,
 Пред купленным неопределимым благом
 Ничтожна! Так перерожденный, новый,
 Пошел я от Голгофы, произвольно,
 С благодарением, взяв на плеча
 Весь груз моей судьбы и сокрушенно
 Моей вины всю глубину измерив.
 О, благодать смирения! о, сладость
 1300 Целительной раскаянья печали
 У ног Спасителя! Какою новой
 Наполнился я жизнью; какой
 Во мне и вокруг меня иной открылся
 Великий мир, когда, себя низвергнув
 Смиреньем в прах и уничтожив
 Все обаяния, все упования
 Земные, я бунтующую волю
 Свою убил пред алтарем Господним,
 Когда один с раскаянной виною

¹³¹⁰ Перед моим Спасителем остался!
 Блажен стократ, кто верует, не видел
 Очами, а смиренной волей разум
 Святыне откровенья покоряя!
 Очами видел я; но вере долго
 Не отворяла дверь моей души
 Бунтующая воля. Наконец,
 Когда я, всю мою вину постигнув,
 Раскаяньем терзаемый, был брошен
 К ногам обруганного мною Бога,
¹³²⁰ Мой судьбы исчезла безотрадность;
 Все изменилось: Тот — Кого безумно
 Я отрицал — моим в пустыне жизни
 Сопутником, опорой, другом, все
 Земное заменившим, все земное
 Забвению предавшим, стал;
 За Ним, как за отцом дитя, пошел я,
 Исполненный глубоким сокрушеньем,
 Которое, мою пронзая душу,
 К Нему ее глубокую любовь
¹³³⁰ Питало, как елей питает пламя
 В лампаде храма. И мою в Него
 Я веру всею силою любил,
 Как утопающий ту доску любит,
 Которая в волнах его спасает.
 Но этот мир достался мне не вдруг.
 Мертвец между живыми, навсегда
 К позорному прикованный столбу
 Перед толпой ругательной колодник,
 Я часто был тоской одолеваем:
¹³⁴⁰ Тогда роптанье с уст моих срывалось.
 Но каждый раз, когда такой порыв
 Души, обиженной презреньем горьким
 Людей, любимых ею безответно,
 Меня крушил, мне явственней являлось
 Чудовище мой вины, меня
 Пожрать грозящее, и с обновленной
 Покорностью сильней я прижимался
 К окровавленному кресту Голгофы.

И наконец, по долгой, несказанной
1350 Борьбе с неукротимым сердцем, после
Несчетных переходов от падений,
Ввергающих в отчаянье, к победам
Вновь воскрешающим, но многих, в крепкий
Металл кующих душу, испытаньях,
Я начал чувствовать в себе тот мир,
Который, всю объемля душу, в ней
Покорного терпенья тишину
Неизглаголанную водворяет.
С тех пор во мне смирилось все: чего
1360 Жалеть? О чем жалеть? Чего страшиться?
На что тревожить жаждущее сердце
Надеждами? Зачем скорбеть, встречая
Презрение иль злобу от людей?
Я с Ним, Он мой, Он всё, в Нем всё, Им всё,
Всё от Него, всё одному Ему. —
Такое для меня знаменованье
Теперь приняла жизнь. Я казнь мою
Всем сердцем возлюбил: она моей
Души хранитель. И с людьми, меня
1370 Отвергшими, я примирился, в сердце
Божественное поминая слово:
“Отец! прости им: что творят, не знают!”
Меж ними ближнего я не имею,
Но сердце к ним исполнено любовью.
И знай, пространства нет здесь для меня —
Так соизволил Бог! — в одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлет на помощь,
На помощь — но не делом, словом, что
1380 Могу я сделать для людей? но словом
Утехи, сострадания, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мне на любовь всегда один
Ответ: ругательство или презренье;
Но для меня в ответе нужды нет...
Мне места нет ни в чьем семействе; я
Не радуюся ничьему рождению,

И никого родного у меня
 Не похищает смерть. Все поколенья,
 1390 Одно вслед за другим, уходят в землю:
 Я ни с одним из них не разлучаюсь,
 И их отбытие мне незаметно.
 Любовью к людям безнаградной — я
 Любовь к Спасителю, любовь к Царю
 Любви, к ее Источнику, к ее
 Подателю питаю...
 Моя любовь к ним есть любовь к Тому,
 Кто первый возлюбил меня; любовь,
 Которая не ищет своего,
 1400 Не превозносится, не мыслит зла,
 Не знает зависти, не веселится
 Неpravдою, не мстит, не осуждает;
 Но милосердствует, но веру емлет
 Всему, смиряется и долго терпит.
 Такой любовью я близок к людям,
 Хотя и розно с ними несказанной
 Мосю участью; в веселья их
 Семейств, в народные пиры их
 Я не мешаюся; но есть одно,
 1410 Что к ним меня заводит: это смерть,
 Давно утраченное мною благо.
 Без ропота на горькую утрату,
 Я в круг людей вхожу, чтоб смертью
 В ее земных явленьях насладиться.
 Когда я вижу старика в последней
 Борьбе с кончиною, с крестом в руках,
 Сначала дышащего тяжко, вдруг
 Бледного и миротворным сном
 Заснувшего, и вокруг его постели
 1420 Стоит в молчании семья, и очи
 Ему рука родная закрывает;
 Когда я вижу бледного младенца,
 Возвышенного в ангелы небес
 Прикосновением безмолвной смерти;
 Когда расцветшую невесту-дочь,
 Похищенную вдруг у всех житейских

Случайностей хранительною смертью,
Отец и мать кладут во гроб; когда
В тюремном мраке сладко засыпает
1/30 Последним сном измученный колодник;
Когда на поле боя, перестав
Терзаться в судорогах смертных, трупы
Окостенелые лежат спокойно:
Все эти зрелища в меня вливают
Тоску глубокую; она меня —
Как устарелого скитальца память
О стороне, где он родился, где
Провел молодые дни, где был богат
Надеждами — томит. Я слезы лью
1/40 Из глаз, и я завидую счастливым,
Сокровище неоценимой смерти,
Его не зная, сохранившим... Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я в круг людей, как их родной,
Как сопскуленный их брат, вступаю:
С смирением презренья их приемля,
Как очистительное наказанье
Моей вины, я к тайне причащенья
Со страхом Божиим и верой сердцем
1/50 Единым с ними приступаю. В час,
Когда небесные незримо силы
Пред Божиим престолом в храме служат,
И херувимов братство христиан
Шестокрылатых тайно образует,
И, всякое земное попеченье
Забыв, дориносимого чинами
Небесными Царя царей подьемлет,
В великий час, когда на всех концах
Создания, в одну сливает душу
1/60 Всех христиан таинственная жертва;
Когда живые все — и царь, и нищий,
И счастливый, и скорбный, и свободный,
И узник, и все мертвые в могилах,
И в небесах святыя, и пред Богом
Все ангелы и херувимы, в братство

Единое совокупляясь, чаще
Спасенья предстоят: — о, в этот час
Я людям брат; моя судьба забыта,
Ни прошлого, ни будущего нет,
1470 Все предо мной земное исчезает;
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье в Божьем
Присутствии неизреченном...
О! что б я был без этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобным
И нераскаянным Богоубийцей
Сошел бы в землю... А потом?.. Теперь же...
О, будьте вы навек благословенны
Уста, изрекшие мой приговор!
1480 О Ты, лицо, под тернами венца
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня поднятый взор,
Ты, голос, сладостный и в изреченье
Преступнику суда, — вас навсегда
Раскаянье хранит в моей душе;
Оно вас в ней, свосю мукой в веру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушив все, чем драгоценна жизнь,
И осудив меня не умирать,
1490 Он дал в замену мне Себя. За Ним
Иду я через мир усдиненным
Путем, чужой всему, что вокруг меня
Кипит, тревожит, радует, волнует,
Томит сомнением, терзает жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Что нужно мне? На голод корка хлеба.
Ночлег на непогоду, ветхий плат
На покровенье наготы — во всем
Ином я независим от людей
1500 И мира. На потребу мне одно —
Покорность и пред Господом всей воли
Уничтожение. О, сколько силы,
Какая сладость в этом слове сердца:
“Твое, а не мое да будет!” В нем

Вся человеческая жизнь; в нем наша
 Свобода, наша мудрость, наши все
 Надежды; с ним нет страха, нет забот
 О будущем, сомнений, колебаний;
 Им все нам ясно; случай исчезает
 1510 Из нашей жизни; мы своей судьбы
 Властители, понеже власть Тому
 Над нею предали смиренно, Кто
 Один всемогущ, все за нас, для нас
 И нами строит, нам во благо. Мир,
 В котором я живу, который вам,
 Слепым невольникам земного, должен
 Казаться дикою пустыней... нет,
 Он не пустыня: с той поры, как я
 Был силою Всевышнюю постигнут,
 1520 И, уничтоженный, пред нею пал
 Во прах, она передо мною вся
 В творении Господнем отразилась.
 Мир человеческий исчез, как призрак,
 Перед Господнею природой; в ней
 Все выше сделалось размером, все
 Прямо высшее знаменованье.
 О, этот мир презрительным житейским
 Заботам недоступен; он безверью
 Ужасен. Но тому, кто сердцем весь
 1530 Раскаянья сосуд испил до дна,
 И, Бога угадав страданьем, в руки
 К Нему из сокрушительных когтей
 Отчаяния убежал — тому
 Природа врач, всликая беседа,
 Господняя развернутая книга,
 Где буква каждая благовестит
 Его Евангелис. Нет, о нет,
 Для выраженья той природы чудной,
 Которой я, истерзанный, на грудь
 1540 Упал, которая лекарство мне
 Всегда целящее даст, я слов
 Не знаю. Небо голубое, утро
 Безмолвное в пустыне, свет вечерний,

В последнем облаке летящий с неба,
 Собор светил во глубине небес,
 Глубокое молчанье леса; моря
 Необозримость тихая иль голос
 Невыразимый в бурю; гор — потопа
 Свидетелей — громады; беспредельных
 1550 Стеней песчаных зыбь и зной; кипенья,
 Блистанья, рев и грохот водопадов...
 О, как могу изобразить творенья
 Все обаяние. Среди Господней
 Природы, я наполнен чудным чувством
 Уединения, в неслышанном
 Его присутствии, и чуда
 Его создания в моей душе
 Блаженною становятся молитвой;
 Молитвой — но не призываем в час
 1560 Страдания на помощь, не прошеньем,
 Не выраженьем страха иль надежды,
 А смиренным, бессловесным предстояньем
 И сладостным глубоким постиженьем
 Его величия, Его святости,
 И благодати, и беспредельной власти,
 И сладостной сыновности моей,
 И моего пред Ним уничтоженья: —
 Невыразимый вздох, в котором вся
 Душа к Нему, горящая, стремится —
 1570 Такою пред Его природой чудной
 Становится моя молитва. С нею
 Сливаются нередко вдохновенье
 Поэзии; поэзия — земная
 Сестра небесных молитв, голос
 Создателя, из глубины созданья
 К нам исходящий чистым отголоском
 В гармонии восторженного слова!
 Величием природы вдохновенный,
 Непроизвольно я пою — и мне
 1580 В моем уединении, полном Бога,
 Создание внимает, посреди
 Своих лесов густых, своих громадных

Утесов и пустынь необозримых,
И с высоты своих холмов зеленых,
С которых видны золотые нивы,
Веселые селенья человек
И все движенье жизни скоротечной.

1590 Так странствую я по земле, в глазах
Людей проклятый Богом, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящий скиталец. Тайны
Моей они не постигают; путь мой
Их взорам не открыт: по высотам
Создания идет он, там, где я
Лишь небеса Господние святые
Над головою вижу; а внизу,
1600 Далеко под ногами, весь смятенный
Мир человеческий. И с высоты
Моей, с ним не дежаясь его судьбой,
Я, всю ее одним объемля взором,
В ее волнениях и измененьях,
Как в неизменной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога
Из глубины уединенья, где
Он мой единственный, мне
Его пути среди разнообразных
Судеб земных видней. И уж второе
Тысячелетие к концу подходит
1610 С тех пор, как по земле я одинокой
Дорогой странствую. И в этот путь
Пошел я с той границы, на которой
Мир древний кончился, где на его
Могиле колыбель свою поставил
Новорожденный мир. За сей границей,
Как великанские, сквозь тонкий сумрак
Рассвета, смутно зримые громады
Снежноголовых гор, стоят минувших
Веков видения: остовы древних
Империй, как слои в огромном теле
1620 Гор первобытных, слитые в одно

Великого минувшего создание...
Стовратные Египетские Фивы
С обломками неизмеримых храмов
Остатки насыпей и зсмяных
Курганов там, где были Вавилон
И Ниневия, пепел Персеполя —
Давнишнего природы обожанья
Свидетели — являются там в мертвом
Величии. И посреди сих, в ужас
¹⁶³⁰ Ввергающих, Востока великанов,
Меж лаврами душистыми лежат
Развалины Эллады, красотою,
Поэзией, искусством и земною
Блестящей мудростью и наслажденьем
Роскошества чаруя землю. Быстро
Времен в потоке скрылася она;
Но на ее гробнице веет гений
Неумирающий. Там, наконец,
В одну столпясь великую громаду,
¹⁶⁴⁰ И храмы Греции, и пирамиды
Египта, и сокровища Востока,
И древний весь дохристианский Запад,
Могучий Рим их груды обратил
В одну, сму подвластную, могилу,
С пригорка, где немного жизни было,
Наименованный когда-то Римом,
Сам из себя он внутреннею силой
Медлительно, в течение веков,
Зерно к зерну могущества земного
¹⁶⁵⁰ Неутомимо прибавляя, вырос.
Он грозно, наконец, свое миродержавство,
Между народами рабов один
Свободный, как великий монумент
Надгробный им разрушенных держав,
Воздвигнул. Этот Рим, в то время,
Когда меня моя судьба постигла,
Принесли все Молоху государство
В жертву и все частные земные
Разрушив блага, чтоб на них построить

¹⁶⁶⁰ Публичного безжизненного блага
Темницу, этот Рим, в то время
Владыка всех, рабом был одного,
И вся вселенная на разграбленье
Была ругательное предана
Лишь только для того, чтоб кесарь мог
Роскошничать в палатах золотых,
Чтоб чернь всегда имела хлеб и игры...
А между тем в ничтожном Вифлеме
Был в ясли положен Младенец... Рим
¹⁶⁷⁰ О Нем не ведал. Но когда Он был
На крест позорный вознесен, судьбины
Мировластительства его ударил час,
И в то же время был разбит и брошен
Живого Бога избранный сосуд,
Израиль. Пал Ерусалим. Его
Святыни покинув, Откровенье
Всею явилось миру, и великий
Спор начался тогда меж князем мира
И царством Божиим. Один скитаясь я
¹⁶⁸⁰ Между земными племенами,
Очами мог следить неизменяемый
Господний путь сквозь все их измененья.
Терзая мучеников, Рим их кровью
Христову пашню для всемирной жатвы
И для своей гибели удобрил.
И возросла она...»

ИЗ ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЕЙ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ

БАЛЬЗОРА

Зорам, владыка Вавилона,
Своей жестокостью Восток обременял.
Но страшный для рабов, рабов он трепетал.
Не стража и не страх, любовь — защита трона!
Тиран в страданиях все дни свои влачит.
Пускай пред ним простерта полвселенна,
Пускай он зрит себя над миром вознесенна,
Он сир в душе, и смерть, как тень, за ним стоит!
Гнетомый ужасом, гонимый подозреньем,
10 Во всем он зрил врага, убийцей друга чтил,
Унылость — замыслом, весселье — преступленьем!
О страшная судьба злодея под венцом!
Как тень полнощная, с растерзанным лицом,
Угрюмый и (дрожа) блуждал уединенный
Среди бесчисленной толпы своих рабов,
Ужасный, сумрачный, на всех ожесточенный,
Он взором косвенным их лица вопрошал.
И ты, отец наш, здесь! — Бальзора восклицает. —
О счастье сладкое! Нас гроб соединяет.

ВЕСНА

Пришла весна! Разрушив лед, река
Прибрежный лес в волнах изобразила.
Шумят струи, кипя вокруг челнока.
И ласточка, приплещ издалека,
На высоте церковного окна
Приют любви, гнездо свое сложила.
Сколь радостно, когда везде весна.
И небеса не скучным зимним хладом
Льют тихий свет. Смиренный друг полсей,
10 Простившийся надолго с пыльным градом,

Спешит в село, чтоб прелесть вешних дней
И тишину вкусить в уединенье!
О мирное к пенатам возвращенье!
Уж, взорами путь долгий сократив,
В приюте лип, берез и бледных ив
Он домик свой с белеными стенами
Узнал вдали! Он видит, дым седой
Сливается над кровлей с облаками,
Он слышит лай собаки вестовой;
²⁰ Уж все вблизи сего открыли взоры
И скрипнули молчавшие давно
Широких врат тяжелые растворы!
Мой друг, о ты, который суждено
Душой, лицом пленяющей и взором,
Лавиния...

СОКОЛ

Сказка

Давно в Флоренции один любовник
Одну красавицу любил
Так точно, как себя. Плохой же я толковник!
Диковинка — любить! Боготворил!
Сходил по ней с ума! Был рад ей в угожденье
Сесть на кол, спечься на огне
Или на вечнос мученье
Себя закабалить злодею — Сатане.
Так в стары годы все любовники любили!
¹⁰ В наш век и со свечой подобных не сыскать.
Его — извольте знать —
Когда-то именем Эраста окрестили,
Её ж Камиллою мы станем величать!
И если древнее предание не лживо,
То эта красота была осьмос диво:
Едва семнадцать лет,
Улыбка — дар души, румянца свежий цвет,
Невинности очарованье
Во всём: и в томности задумчивых очей,

²⁰ И в звуке голоса, столь нежном, как журчанье
Потока посреди яминов и лилей,
И в лёгком трепете от глаз сокрытой груди!
Камилла, сей любви Эрастовой предмет,
Была супругою красавца во сто лет
И — были ж на свету такие люди —
Супругой верною и видом и душою...

ОБЕРОН

1

Где Гиппогриф? Лечу в страну чудес!
Какой восторг в душе моей играет?
Кто пелену сорвал с моих очес?
Кто древних лет мне сумрак отверзает?
Тебя ли зрю в толпе врагов, Гион?
Рази! Рази! Рыкает гнев султана!
И копий лес шумит со всех сторон!
Враги ревут, как волны океана!

2

¹⁰ Но заиграл внезапно дивный рог!
О чудеса! Всё пляшет, всё кружится,
И прыгать им пока достанет ног!..
Но падалин, что медлишь? Время мчится!
Валы шумят под кораблем твоим,
Попутный ветр играет парусами!
Скорей, скорей с возлюбленною в Рим!
Ваш Оберон, хранитель ваш над вами!

3

Плывут! Счастливый путь! Но добрый падалин,
Плод заповеданный! Страшися искушенья!
Авзония близка, ещё два дни терпенья
²⁰ И вы на берегу!.. Ах, где ты, Шеразмин?
Спаси бессмысленных. Спаси их!.. Нет спасенья!

И гром на небесах и буря средь валов!
Они не чувствуют ни бури, ни громов!..
О горький плод любви! Всё жертвою мгновенья!

4

Какую пропасть зом любовь открыла вам!
Разгневан Оберон! На все готовьтесь муки!
Уже! Рука с рукой несутся по валам!
И то блаженство им, что нет для них разлуки!
Что вместе, с грудью грудь, погибель им узреть!
30 Напрасно! Грозный дух обрек их на страданье!
Увы! Последнее погибло упованье,
Последняя в бедах надежда умереть!

5

По берегу дикому без сна, полунагие,
Скитаются они, спасенные для мук!
Постеля им утес и жестких ветвей пук;
Их пища горький лист или плоды гнилые,
Кое-где между мхов растущи на песке.
Где помощь! Ни ладьи не видно в тихом море,
Ни дым обительный не вьется вдальке!
40 Природа, случай, рок на казнь их в заговоре.

6

И мстящий гнев еще не утолен;
И не дошло до меры испытанье;
Их трудный путь любовью озарен;
Страдать вдвоем не есть ещё страданье!
Но розно быть, как в ночь под ревом туч,
Два дружных корабля грозою разлучены;
И угасить последний слабый луч,
В тайнейшем уголку надежды сохранный —

7

Вот мука выше мер!.. Отринешь ли их стон,
50 О ты, их прежний друг! Будь тронут их мольбами!
Вотще! Его глаза блестят ещё слезами!

Спасенья нет, когда рыдает Оберон!
Но Муза, укроти на время исступленье.
За тридцать земель восторг тебя замчал!
Давно твой слушатель, наскучив задремал!
Загадка для него чудес твоих виденье.

8

Зачем кричать: я вижу то и то,
Чего с тобой не видит здесь никто?
Скажи простым, для всех понятным тоном,
60 Что, где, когда случилось с Гионом.
Смотри блестит в камине огонек;
Твои друзья стеснились в кружок;
Желание написано на лицах!..
Рассказывай нам были в небывицах!

9

Известно вам, друзья, что рыцарь наш Гион
Великим Карлом был отправлен в Вавилон
За делом гибельным и в славный век ренодов.
Теперь мы не найдем подобных сумасбродов.
Как верный церкви сын Гион заехал в Рим,
70 Дабы принять в грехах от папы разрешенье...
«Гряди! И будь твоим желаньям исполненье.
Но прежде поклонись, мой друг, местам святым!»

10

Сказал отец Леон. И паладин смиренный,
С молитвой приложась к ноге его священной,
Идет отважно в путь. Жесток был Карлов суд;
Но с помощью святых какой опасен труд?
И вот уже Гион наш в Газе: вот с клюкою,
С котомкой, с четками, под рясой власяною,
Идет он в Вифлисем, идет в Ерусалим
20 И поклоняется, в слезах, местам святым.

РОДРИГ

Уже давно готовилося небо
Испанию преступную сразить —
Исполнилась сего терпенья мера!
Граф Юлиан призвал врагов. Не зверство
Терзающих невинность суеверов,
Не тяжкая неволя сограждан,
Но злоба личная вооружила
Жестокого барона: мстя Родригу
За дочь свою, поруганную им,
10 Отверженец Христа ожесточенный,
В недобрый час призвал он хищных мавров.
Как саранча, пагубоносной тучей
Слетевшая с пылающих пустынь
Песчаной Африки — так мусульмане
Бесчисленны в Иберию помчались:
Могучий мавр, сириец, сарацын,
Татарин, перс, и коит, и грек отступник —
Исполненны единым иступленьем,
В губящее совокупилась братство!
20 И волю дав страстям и мщенью,
Лжеверием обманутая совесть
Все ужасы злодейства освятила.
О Кальпе! Ты приплытие их зрела.
Вотще тебя, священная скала,
Прославили и боги и герои,
Могучий Крон и Бриарей Сторукий,
И Бахус, и Ахилл, носи ж теперь
Постыднос вождей неверных имя
И их побед стой памятником вечным.
30 Ты видела волненье мрачных вод
И пену волн, кипящих под рулями
Их кораблей; <тот час> твои пески
Услышали их буйные бахвальства.
На бреге том стоял их прежний стан,
И грозные их стяги развернулись.
Там дневные лучи сверк(нут) по их тюрбанам,
По их щитам с насечкою златою,
По броням их и саблям <их> сирийским.

И флаги горделиво развевались.
40 Их на беду враждебным иберийцам
Приветливо лобзал весенний ветер...

ЭЛЕНА И ГУНТРАМ

I

Элена в сумерках сидела
За самопрялкой у окна;
В окно задумчиво глядела
Работу позабыв она.
Перед окном дорога вьётся.
Она глядит, вдруг видит: там
Пыля, на вороном несётся
Конс жених её Гунтрам.
Элена, вскрикнув, покраснела,
10 Из замка выбежать хотела
Навстречу милому она;
Заторопилась, заспешила
И самопрялку уронила,
И видит нить перервана.
И душу злое предвещанье
Нсвольно возмутило в ней,
И отуманилось сиянье
Её лазоревых очей;
Не разогнал её печали
20 И вид молодого жениха;
Была грустна, была тиха
И перлы слёз в глазах сверкали.
Не унывай, сказал Гунтрам,
Недолго жить в разлуке нам.
Отдав фальцграфу долг вассала,
Я возвращусь, путь недалёк.
Недся самый длинный срок.
Элена грустно промолчала.
Ночь подоспела той порой;
30 Гунтрам с невестою простился,

Сел на коня, посхал, скрылся;
И долго с тайною тоской
Элена у окна стояла
И взор на небо устремляла,
На косм звёзды перед ней
В обычной тишине своей
Воспламенялись как лампы,
Но сердцу грустному отрады
Не принесла их тишина.
40 В свой терем возвратясь, она
Всю ночь ту плакала, молилась
И к утру лишь утомлена,
Смятённым, тяжким сном забылась.
Прошла неделя, но Гунтрам
Не возвратился по условью.
Напрасно волю дав мечтам,
С нетерпеливою любовью
Элена под окном сидит
50 И на широкий путь глядит —
Конь вороной там не пылит
И нет Гунтрама. Обещанью
Он против воли изменил:
В Бургундию фальцграфом был
Он послан. Кончив всё, к свиданью
С невестой, напоследок в свой
Обратный путь Гунтрам пустился.

II

Давно был вечер. В лес густой
Заехавши, в потёмках сбился
Гунтрам с дороги. Тщетно он
60 Найти свободный путь старался.
Непроходим со всех сторон
Был лес и только что сгущался.
Вот наконец взошла луна,
И просветлела понемногу
Густого леса глубина;
В кустах заглохшую дорогу
Сквозь сумрак разглядел Гунтрам...

БЕЛОКУРЫЙ ЭКБЕРТ

Некогда в тёмной долине лесистого Гарца жил рыцарь,
Был он лет сорока, сухощав и бледен, и кудри
Светлых волос покрывали его широкие плечи;
Все от того называли его белокурым Экбертом.
Жил он в замке своём с молодою женой, как отшельник
В дикой степи; друг друга любили они, но чуждалась
Света и редко захаживал гость в их пустыню. Один лишь
Был у Экберта друг; назывался он Вальтер; в соседней
Области замок имел он и будучи страстный охотник
10 Часто с своей арбалетой ходил он в ту долину, где жили
Рыцарь Экберт и его молодая жена. Принимали
Вальтера с лаской сердечной они, и он оставался
Дней по нескольку с ними; с утра уходил на охоту,
К ночи ж назад возвращался, и длились нередко
Их разговоры до света. — Была глубокая осень.
С Бертой своею Экберт и гость их Вальтер сидели
Раз у огня; дрова трещали; пламя, блестящий
Свет разливая, на своде палаты играло; угрюмо
Чёрная ночь смотрела в окно и ветер холодный
20 Дождь отрясая с деревьев как крыльями птица ночная,
В стёкла стучал. Бывают в жизни минуты, когда нам
Страшно становится тайну от друга иметь и невольно
Сердце своё ты пред ним обнажишь; в такие минуты
Все исчезают преграды и две сливаются жизни
Разом в одну; но случается часто и то, что в ужас
Нас самих откровенность наша приводит и дружбу
Губит доверенность. Как бы то ни было, в эту минуту
Внутренний голос шептал неотступно Экберту: откройся
Другу вполне. Послушай, Вальтер, сказал он, давно уж
30 Мы с тобою друзья, а всё ещё многое в нашей
Жизни прошедшей до сих пор осталось тебе не открыто.
Это лежит у меня на сердце как камень; мне должно,
Вальтер, я чувствую, должно это тяжкое бремя
Сбросить с себя. Жена теперь же тебе откровенно
Всё расскажет, что с нею случилось в жизни. — Я буду
Слушать охотно — Вальтер сказал, поглядев со вниманьем
Берте в лицо. Была уже полночь; месяц ущербный
Бледно светил в туманном круге, и дымом прозрачным

Мчались мимо его облака, наводя на окрестность
40 Сумрак тревожный, сменяемый часто неверным сном.
Волю мужа я рада исполнить, — с приметным волнением
Берта сказала. Ты, Вальтер, нам друг, ты живое участие
Примешь в нашей судьбе. И как ни похожа на сказку
Будет повесть моя; но знать ты должен, что всё в ней
Чистая правда! Слушай! Я дочь родителей бедных...

.....
.....
Вечно светла ты, вечно светла ты, пустыня лесная!
Душу чарует, душу врачует покой твой глубокий.
50 Всякое горе, тревогу людскую очистит долина.
Дни здесь приятны! О как ласкает пустыня лесная.
Где ты, родная пустыня лесная? Далёко-далёко!
Горе в душу вина заронила глубоко, глубоко.

〈ВОЕННЫЙ СУД НА МАЛЬТЕ〉

Был вечер тих, и море голубое
Лежало гладкою равниной; свежий
Благоуханный воздух не струился,
Не наводя на зеркало 〈волны〉.
Дышало всё прохладой растворенной,
Очаровательно сверкали звёзды,
С своими белыми скалами Мальта
Казалась облачком, меж двух лазурных,
В одну слившихся бездн, висящим. Словом,
10 То был один из тех невыразимых
Чудесных вечеров, когда душа
Томится беспокойным наслаждением.
И в этот вечер, прелести его
Не чувствуя, на крепостном валу
Стояли офицеры гарнизона
Валетты. Тот, куря, смотрел угрюмо
На море и пускал клубами дым,
То вдруг бледнел, то вдруг, забыв сигару,
Держал её перед открытым ртом
И думал; тот стоял, поднявши руки

²⁰ На грудь, и мрачный взор его, упертый в землю,
Был неподвижен; тот в тревожных мыслях
С движеньем судороги часто тёр
Рукою лоб и вздрагивал, как будто
Ужасное что вспомнил. Все они
Тот вечер провели у командира
Станлея Ральфа, коменданта
Валетты и стоявших в Мальте войск.
Потом сошлись на бастионе, чтоб свободно
Поговорить о том, что в этот день
³⁰ Случилось. — Я, сказал один из офицеров,
Предвидел это всё с тех самых пор,
Как Виллис Франк был переведен в роту
К Мажанди. Франкова жена престелна.
Мы знаем все, каков Мажанди. Франк горяч
И честью дорожит. Чему ж
Дивиться? Быть иначе не могло.
Вернон, ты заседал в суде военном.
Что говорил в свою защиту Франк?
⁴⁰ Он не сказал ни слова. Преступленьё
Доказано. На капитана поднял
Он руку. В этом нет сомненья...

⟨ФРИДРИХ и ГЕЛА⟩

Рыцарь Фридрих Барбаросса,
После бывший Герцог Швабский,
А потом известный Римский
Император; дни молодые
Проводил в отцовском замке,
Там, где катит светло воды
По долинам Веттерау.
В этом замке ежедневно
Или рыцарские игры,
¹⁰ Иль охота или чтение
Вдохновительных сказаний
О делах времён минувших,
Иль искусство трубадуров

Занимало палладина.
Он прекрасен был лицом,
Но душа ещё прекрасней.
В этой рыцарской душе
Созревал уже великий
Император, обещавший
20 Быть красой и честью века
Своего и всех веков.
В том же замке, где наш Рыцарь
Жил, была у кастелана
Дочь, прекрасная, как ангел,
Было ей шестнадцать лет.
Фридрику было двадцать.
И при первой встрече с Гелой
Первой, чистой, но безмолвной
И застенчивой любовью
30 В нём наполнилась душа...

«КАРЛ ВЕЛИКИЙ ДАЛ ОДНАЖДЫ...»

Карл Великий дал однажды
Обещание построить
Церковь в Ахене во имя
Богоматери — он ею
От смертельного недуга
Был чудесно исцелён.

При дворе его в то время
Был философ; все науки
Знал он; даже слух носился
10 Будто был он чернокнижник,
Что какой-то адской силой
Делать золото открыл.

Правда ль было то или сказка,
Знает Бог; но император
Был с философом учёным
Очень ласков и беседу

С ним любил он, даже часто
И советовался с ним.
В это время на саксонцев
20 Шёл войною Карл Великий;
Но исполнить обещанье
Данное Пречистой Деве
Он хотел благочестиво
И в отсутствии своём.

В час отъезда призывает
Он философа. «Философ, —
Властеливный император
Говорит ему, — поверить
30 Дело важное намерен
Я премудрости твоей.

Знаешь сам, какос дал я
Обещанье. — На неверных
Я иду теперь войною,
И покуда в отдаленьи
Буду я мечом саксонцев
В нашу веру приводить,

Ты воздвигни зданье Божье
Богоматери Пречистой,
Мной обещанную церковь,
40 Чтоб она великолесьем
И огромностью на диво
Свету целому была.

Я казну тебе большую
Оставляю; не жалея,
Трать её, но знай, философ,
Чтоб была готова церковь
Непрерменно, непрерменно
К возвращенью моему».

Вот к философу явился
50 Знаменитый архитектор,

Начертили план, как должно
Стены сделать и фундамент
И немедленно был набран
Целый каменщиков полк.

И работа закипела.
Вот уж выведен фундамент.
Вот и стены уж готовы.
Поднимается громада.
Чудо! — вдруг работа стала.
60 Что случилось? От чего?

Деньги вышли. Знать в расчётах
Архитектор и философ
Обманулись. Что ж тут делать!
Призадумался философ,
Лоб нахмурил, удивился,
Зачесался в голове.

Карл Великий не великий,
Знал философ, был охотник
До [2 стиха нрзб.]
70 Долго ожидал философ,
Наконец с письмом отправил
К императору гонца.

В том письме ему открыл он
Все учёности познания
[Далее 4 стиха нрзб.]

ЧАША СЛЁЗ

Раз матушка свою любила дочку
Так горячо, так глубоко, так нежно,
Что жизнь, и свет, и всё, что есть на свете,
Лишь милой дочкою ей было мило.
Но вдруг Господь Всевышний испытанье
Великое послать благоволил

На сердце матери: её малютка
Занемогла смертельно. День и ночь
Над нею мать сидела, не сводя
10 С страдалницы очей, следя за каждым
Её движением, её дыханье
С волненьем слушая, — и непрестанно
Молясь, чтоб Бог помиловал её.
Но милосердый Бог о ней решил
Иначе: Он её призвал к Себе
На небо, и она — как говорят иные
Бессмысленно на свете — умерла.
Без всякого осталась утешенья
Лишившаяся дочки мать. И с горя
20 Так силы ослабели, что она
Недели не прошло...

АЛЬФЫ

Где Лилия? Спросил отец. Она,
Сказала мать, в саду; играет с сыном
Соссда нашего Анзельма; этот
Мальчишка очень мил; он весел, жив,
Но не проказлив; с ним без опасенья
Мы Лилию оставить можем. Дети,
(В окно тут закричала мать). Я в поле
Иду с отцом; а вы играйте здесь;
10 Но вам и по лугу побегать можно,
И в роще погулять; лишь далеко
Не уходите. Слышите ли? — Слышим —
Сказал Руфин (так мальчик назывался).
Отец и мать ушли; а дети скоро,
Оставив садик, выбежали на луг,
Разостланный ковром перед пригорком,
На высоте которого стоял
Весёлый домик мельника Мартына.
Он в этом домике уже тому лет шесть
С своею доброю женою Дорой
20 И с дочкой (Лилией), тогда ещё

Младенцем в колыбели, на житьё
Приехал из соседней, скучной,
Безлюдной, полудикой стороны.
А край, в котором мельник жил,
Прекрасен был; подумать было можно,
Что небо ласково его
Лелеяло; над ним оно почти
Всегда безоблачно сияло; если ж
Когда и тёмные сводило тучи,
30 То ненадолго только для того,
Чтоб напоить поля дождём, как
Поят своих детей, их обновляя жизнь.
И над ними всё было...

ПРОДАННОЕ ИМЯ

Давным давно, а как давно, о том
Наверное сказать не можем мы;
Известно только то, что это было
Ещё до лжеспророка Магомета —
В приморском городе, Бассоре, жил
Купец. Сначала он имел большое
Богатство, а потом от неудач
В торговле обеднял, и до того,
Что принужден был тяжкою работой
10 Насущный хлеб с нуждою добывать:
Он сделался носильщиком. Когда
Входили в пристань корабли, Рубан —
Так назывался он — их выгружать
Усердно помогал. И он всегда
Имел работу, потому что был
Известен честностью: ему без страха
Вверяли всё, и самый дорогой
Товар. А в бедности ему подпорой
Служило то, что на своей душе
20 Он никакого не имел упрёка.
Он был всегда [2 нрзб.]
Богобоязнен и смиренно воле

Всевышнего покорен. Напоследок,
Уже достигнув старости глубокой,
Почувствовал Рубан, что наступил
Его конец. Он сына своего —
Который был уж двадцати двух лет
И, как отец, Рубаном назывался —
Призвал к себе и так ему сказал:
30 «Рубан, последний час мой наступил,
Но я его спокойною душою
Встречаю: он меня от пытки жизни
Освобождает. Я не сожалею
О свете; лишь с тобой одним мне тяжело
Расстаться. Но мои уж сочтены
Минуты — подойди, стань на колена,
Мой сын, чтоб от меня благословенье
Принять». — И на голову сыну руку
С улыбкою прискорбной положив,
40 Промолвил он: «Ты был всегда покорным,
Всегда почтительным и добрым сыном;
Ты возмужал в смирении; Господь
Тебя благословит: когда пути Его
Ты не покинешь, Он твоим
Сопутником всегда и всюду будет.
Я ничего, мой друг, тебе в наследство
Оставить не могу; одно моё
Наследство — имя, никакой неправдой
Не опозоренное в долгой жизни.
50 Его, мой сын, ты чистым сохрани,
Чтоб Богу угодить, чтоб всё на свете,
И радость, и печаль, тебе во благо
Преобразилось, чтоб последний час
Ты столь же мирно встретил, как теперь
Его отец встречает твой. Прости.
Не сетуй. Я, с тобою разлучаясь,
Тебя другому, лучшему Отцу
С рук на руки передаю; при Нём
Ты сиротой не будешь...» Тут рука,
60 Благословляющая сына, тихо
Упала; взор, на сына устремленный,

Потух, и в лёгком вздохе улетела
Душа. Рубан, на грудь отца простершись,
Напрасно силился его от смерти
Рыданием и плачем пробудить:
Не пробудился он. И всё своё
Имущество продать был принужден
Осиротелый сын, чтоб с честью тело
Отцово схоронить. И сам остался
70 Без ничего. Когда обряд печальный
Был совершён, в унынии Рубан,
Домой с кладбища возвращаясь, вдоль залива
Шёл тихим шагом. Солнце уж сходило
На запад; пламенное море гладким
Лежало зеркалом; и на водах
Его, едва приметно зыбясь [нрзб.],
На якорях стояли корабли.
Была полна народом пристань; шум
Торговли, беготня и суетливость
80 Работников, беспечная весёлость
Гуляющих, движенье лодок, быстро
Скользящих по волнам пурпурным, — крики,
Музыка, пенье, стук повозок, ржанье
Коней, людские голоса, в один
Слиянные широкошумный говор —
Всё жизнь кипело; но Рубан
Был ко всему бесчувственен. Он в толпе
Людей, как прокажённый, всем чужой,
И никому ненужный, брёл, потупя
90 Глаза. И на последок вышел он
На взморье; в хижину свою не в силах
Был возвратиться он, и эту ночь
Решил провести под чистым небом:
На воздухе он мог дышать свободно.
А в хижине, в виду пустой отцовой
Постели, было для него, как в тёмной
Могиле, душно. Он уж был готов
Лечь на песок, подушкой выбрать камень,
100 Покрытый мягким мохом — как его
Глазам явился какой-то незнакомый.

Остановясь, он так сказал Рубану:
«Знать у тебя на сердце тяжело,
Мой сын, что ты не видишь и не слышишь.
Я за тобой давно иду; не раз
Тебя я громко звал — всё напрасно». —
«Не осуди, — отвечивал Рубан. —
Ты угадал: на сердце у меня
Не мало горя. Но чего ты хочешь?
Велишь ли ношу за собой какую
110 Нести на пристань? Я готов». — «Об этом
Поговорим мы после. Наперёд
Скажи мне, что за горе у тебя
На сердце?» Искренно ему Рубан
Всё рассказал; когда ж он свой рассказ
Окончил, — «Это правда, — незнакомец
Отвечивал: тебе достался
Удел нелёгкий. Но терять надежды
Не надобно; ты молод, силён. Бог
Тому помощник, кто Ему веряется.
120 Сам помогать себе умеешь. Я же
Теперь могу тебе к тому подать
И средство. Тот большой корабль, который
Стоит на взморье, мне принадлежит;
Он нынче выйдет в море; ветер
Благоприятен. Но один матрос мой
Скоропостижно умер; я ищу
Охотника на место убылос.
Скажи мне, сын мой, согласишься ль ты
Его занять? Ты, вижу я, смыслён;
130 Тебе легко привыкнуть будет к делу.
Решись — и мы теперь же на корабль
Пойдём, и с Богом пустимся в дорогу».
Рубан не долго размышлял; ему
Откладывать не нужно было; дома
Он никого не покидал; там было не с кем
Прощаться; на дорогу же оттуда
Взять было нечего — и он сказал:
«Согласен». — Тотчас по рукам они
Ударили. И вслед за Риабаром —

140 Так назывался корабельщик — прямо
Пошёл он на корабль. Там было всё
К отплытию готово. Парусами,
Как птица крыльями, зашевелил
Корабль; они расправились, их туго
Попутный ветер натянул; корабль
Шатнулся. тронулся, пошёл — и быстро
По голубым водам залива пролетев,
Проникнул в океан, и посреди
Пучины вод великих скрылся...

«ЧАСТО В ПРОГУЛКАХ МОИХ ОДИНОКИХ МНЕ ПОПАДАЛСЯ...»

Часто в прогулках моих одиноких мне попадался
Старый нищий. Всегда у большой дороги сидел он —
Там, где у съезда с горы положили бревно, чтоб удобней
Было садиться опять на седло тому, кто с крутого
Спуска лошадь сводил в поводах. Старик, прислонивши
Палку к бревну и сложивши с плеча котомку, с какой-то
Детскою радостью брал из неё одна за другою
Хлебные корки, сбор с поселян, и с ленивым вниманьем
Их пересматривал. Скорчась в дугу, без шляпы, на знойном
10 Солнце, один посреди холмов пустынных и голых,
Медленно ел он свой скромный обед; одною рукою
Корку держа, под неё подставлял он другую, чтоб крошки
Все до последней сберечь, но к ногам его много на землю
Пало их, и галки, косясь на добычу, бродивши
Поодаль, на целую палку его расстояньем — к манящей
Их приманке порой приближались. С самого детства
Знал я его; как теперь, и тогда уж старёхонек был он,
Так же всё бродит один, и с виду такой же беспомощный,
Что ни один проезжий с коня небрежной рукою
20 Мелкой монеты своей не бросит ему, а слезает
С лошади сам, чтоб вернсе своё подаянье в худую
Шляпу его положить; и каждый, ногу вставляя
В стремя, за ним всё ещё следует косвенным взглядом.
Палка его неразлучно тащится с ним; он так тихо
Бродит, так слаб и медлен в движениях своих, что едва ли

След какой на дороге его нога оставляет.
Шавка дворовая брехать на него утомляется прежде,
Нежели он успеет мимо ворот протащиться.
Девочка, мальчик, ребёнок, взрослый, праздный рабочий —
30 Все обгоняют его, он у всех назади остаётся.
Сборщица пошлин дорожных, летней порою за пряжей
Сидя в дверях, лишь завидит его вдалеке, по дороге
Тихо бредущего, просьбы его не ждёт, и работу
Бросив, сама перед ним подымает шлагбаум. Столкнувшись
С ним на тесной дороге, почтарь — когда не услышит
Крика его: «Старинушка!» — в сторону сам осторожно
Правит и мимо, без грубого слова, даже без сердца,
Едет. Один одинёхонек ходит бедняк. Не имсет
40 Старость его товарища. Вечно глаза его в землю
Смотрят; он медленно движется вдоль по дороге; невольно
Двигается с ним и она, и видит не то, что мы видим
Все — не зелень полей, не холмы, не светлос небо;
Нет, одну лишь узкую полосу пыльной дороги.
Тут и весь его горизонт! Ежедневно, склонивши
Дряхлую голову, бродит с утра он до поздней ночи,
Видя, но сам почти не зная, что видит, — кой-где
Клок соломы, вялый лист, отпечаток подковы
Или гвоздей на пыли — и всё в одном расстоянии,
Всё в одном направлении. Бедный странник!... Одна лишь...

〈ПЕРВОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ АПОКАЛИПСИСА〉

... И в оном сне видения стеснились,
И чудные мне слышались гласы...
Мне голос был: «Я Альфа и Омега;
Я сущий, будущий, и бывший; Я
Живый, умерший и воскресший; Я
В моей руке держу ключ ада
И смерти» — И увидел я, что Некто,
В одежде длинной, с поясом золотым,
Как пламень солнечный лицо, семь звезд
10 В деснице и двуострый меч из уст,
Сидел на троне. И четыре трон

Животных на хребте держали,
Имея образ льва, тельца, орла
И человека; и шесть крыльев было
У каждого животного великих;
И были все усыпаны очами;
И нет ни днем, ни ночью им покоя.
И горний трон тот окружали двадцать
Четыре старца, на престолах, в белых
20 Одеждах, с золотыми на главах
Коронами, сидевшие. И громко
Животные тронодержавцы пели:
«Свят! свят! свят!» И когда их пенье
Возобновлялось, все пред троном двадцать
Четыре старца падали па землю,
К ногам сидящего кладя свои
Короны. Тут виденье изменилось:
В руке сидящего узрел я книгу;
Извне и изнутри она была
30 Исписана, и было семь на ней
Печатей. И был голос: «Кто достоин
Печати с книги снять?..» И плакал я,
Что не было достойного. Тогда
Пред тем, кто восседал на горнем троне,
Среди животных и венчанных старцев,
Стал седмирогий, седмиокий Агнец,
Как бы закланный; он взял книгу; тут
На землю перед ним все пали двадцать
Четыре старца; арфы были в их
40 Руках и золотыя чаши, с них же
Святых молитвы, дымом фимиама
Благоухая, к трону подымались.
И новую воспели песнь тут старцы;
И ангелы тогда окрест животных
И старцев, тысячами тысяч, пенье
Их повторили: с ними ж пело и все созданье,
Все — что на небесах, что на земле,
Что под землей, что на морях, что в бездне
Морей — к сидящему на горнем троне
50 Воспело, в глас один слиясь: «Гсбе

Благословенье, слава и держава
Во веки!» И «аминь!» провозгласили
Животныя; на землю пали старцы.
И к запечатанной приближась книге,
Снял Агнец первую печать: и белый
Явился конь; его седок держал
Великий лук, и был ему венец
Дан на победу. Агнец снял другую
Печать: предстал конь огненного цвета,
60 И был на нем седок с мечом убийства.
Когда печать снял третью с книги Агнец:
Явился черный конь, и меру всадник
Его имел в руке. Когда же Агнем
Снята была четвертая печать:
Конь бледный выбежал, и был ужасный
На нем седок, и тот седок был — смерть!
И ад за ним стремился... Власть имел он
Губить мечем, и голодом, и мором,
И диким зверем. Пятую печать
70 Снял Агнец: души убиенных громко
О мщеньи возопили. Их одели
В одежды белыя, дабы они
С терпением того, что будет, ждали.
Когда ж печать шестую Агнец снял:
Настало страшное землетрясение;
Как власяница солнце потемнело;
И сделалась луна как кровь; и звезды,
Как плод смоковницы великим ветром
Шатаемой, попадали на землю;
80 И небо, вдруг свернувшись как свиток,
Исчезло; с мест своих на суше горы
И в море острова подвиглись; все
Цари земные, их вожди, вельможи,
И сильные, и всякий раб, и всякий
Свободный — скрылись в ущелья гор
И в глубине пещер, и говорили
Горам: «падите на главы нам, скройте
Нас от сидящего на троне, скройте
От Агнца нас! День гнева неизбежный

90 Его настал. И в этот день пред ним
Кто устоит?...» Тогда я четырех
Увидел ангелов: на четырех углах
Земли они стояли и четыре
В руках держали ветра, чтобы ветер
Ни на море не веял, ни на земле,
Ни на древа земные. Тут увидел
Я ангела, с востока солнца в блеске
Идущаго, и он держал в руке
Печать живаго Бога. И тогда
100 Свершилося двенадцати колен
Запечатленье той живой печатью
И вдруг — и трон и Агнца окружили
Бесчисленность людей из всех народов
И поколений, в белых одеяньях,
С ветвями пальм в руках, и возгласили
Они Хвалу Сидящему на троне
И Агнцу. Тут все четверо животных,
Все старцы и всех ангелов, кругом
Стоявших, легионы пали ниц,
110 Воскликнув: «Честь, благодаренье, слава,
Премудрость, власть, и сила, и держава,
И поклоненье Господу во веки
Всков!» И Агнец снял печать седьмую:
Глубокое безмолвье воцарилось
На небесах как бы на полчаса.
Семь ангелов приблизилися к трону —
И было им дано семь труб. Потом
Осьмой с кадильницею ангел
Пред жертвенником стал и с фимиамом
120 На жертвенник молитвы возложил
Святых — и от руки его вознесся
Молений дым благоуханно чистый,
Потом он, жертвенным огнем наполнив
Кадильницу, поверг се на землю:
И сделались повсюду гласы, молний
Блистанье, громы, шум землетрясения.
И вострубить семь ангелов готовясь,
Приставили семь труб к своим устам.

И с первою трубой — огонь и град
130 На землю пали с кровью, и сгорела
Деревьев третья часть, и вся трава
Зеленая сгорела. Со второй
Трубой — гора пылающая в море
Низверглась, и моря третья часть
Преобразилась в кровь, и третья часть
Живущих в море умерла, и третья
Часть на море судов погибла. С третьей
Трубой — звезда, горящая как светоч,
На третью часть истоков водных, рек
140 И всех земных потоков пала с неба,
И воды стали горьки, как полынь,
И люди все, их пившие, погибли.
С четвертою трубой — затмилась третья
Часть солнца и луны и звезд, и третья
Часть дня была без света, и третья
Часть ночи без сиянья звезд, и было
В том мраке слышно, как летел, шумя
Крылами, ангел, вопиющий: «Горе
Живущим на земле, когда от трех
150 Последних труб изыдет голос!» С пятой
Трубою — новая звезда упала
С небес, и был ей дан от бездны ключ.
И отворилась бездна, и пошел
Из бездны дым, как из великой печи:
И помрачилось от дыма солнце
И все воздушное пространство;
Из дыма тучей саранча исторглась
И кинулась — не на луга густые
И не на зелень нив, но на людей,
160 Не получивших знаменья печати
Живаго Бога, чтоб, не убивая,
Лишь уязвлять их жалом скорпионным;
И шум от крил ее подобен
Был стуку колесниц, когда бегут
В сраженье кони; и царем ее
Был ангел бездны, имя он имел
Там Аваддона. И с шестой трубой —

Раздался глас, трубившему сказавший:
«Дай волю четырем вблизи великой
170 Реки Евфрата ангелам, носящим узы».
И ангелам дана была свобода
На погубление людей. И было
Их воинство несметно; были латы
На всадниках из пламени; их кони
Тройною язвою дышали; их
Дыханье третью часть людей живущих
Внезапно умервило; остальные ж
Без покаяния во тьму безверья
И злодеянья глубже погрузились.
180 Тут семь громов своими голосами
Проговорили.... Ангел [я увидел],
Стоящий на море одной ногой
И на земле другою, поднял к небу
Десницу, и клялся Живым во веки
Всков, создавшим небеса и все,
Что в небесах, создавшим землю
И все, что на земле, создавшим море
И все, что на море есть — клялся, что время
Уж миновалось; но что в оный день,
190 Когда седьмой вострубит ангел, тайна
Господняя свершится, как пророкам
Ее Господь открыл. И вострубила
Труба седьмая: и раздался голос
Отвсюду: «царство мира стало царством
Живаго Бога и его Христа,
И царствовать во веки будет он!»
И снова ниц на землю пали двадцать
Четыре старца пред Всевышним Богом
И возгласили все: «благодарим
200 Тебя, который был, и есть, и будешь.
Тебя, Господь, за то, что власть свою ты
Великую приял, и воцарился!
День гнева твоего настал, день страшный
Суда и погубления губивших».
И растворился Божий храм на небе,
И в храме Божиим ковчег явился

Его завета, и слышались гласы
Отсюду, молнии зажглись, громы
Заговорили, град упал великий,
210 Землетрясеньем все поколебалось.
И на небе великое тогда
Явилось знаменье: жена, чудесно
Одеянная в солнце, под ногами
Луна, на голове двенадцать звезд
Венцом... За оным знаменьем другое
Явилось страшное: великий, чермный,
Седмиголовый с десятью рогами
Дракон, на головах седм диадим;
И третью часть он звезд своим хвостом
220 Низвергнул с неба. Став перед женою,
Страдавшей мукою родов, разинул
Он пасть, чтобы пожрать ея младенца,
Как скоро он родится. Но младенец,
Пасти жезлом железным обреченный
Народы, был на небо унесен;
Жена ж, ушед в пустыню, скрылась в тихом
Ей уготовленном от Бога месте.
Тут началась на небесах война:
Архангел Михаил с своею ратью
230 Пошел на чермнаго дракона; чермный
Дракон пошел с своею ратью против
Архангела, но был сражен,
И не нашлось ему на небе места!
Сражен был древний змий, его же имя
Дьяволъ-сатана, всего создання
И человеков обольститель; с ним
Низвержены и ангелы его.
И на небе раздался громкий глас:
«Спасенья время совершилось! царство
240 Настало Бога и Христа, понеже пал
Он, клеветник, на нас и братий наших
И ночь и день пред Богом клеветавши!
Он побежден святою кровью Агнца,
И словом их свидетельства, и тем,
Что веруя они не возлюбили

Своей души до самой смерти.
Возвсселитесь, небеса, и все
Живущие на небесах; а вам,
Живущих на земле и на водах,
250 Вам горе: сатана сошел к нам, полный
Великой ярости, понеже знает,
Что времени ему осталось мало!»
Рассвирепев, дракон пошел войною
На всех рожденных от жены, покорных
Заповедям Господним, и Христовым
Свидетельством запечатленных. Тут
Свершилось новое виденье: вышел
Десятирогий седмглавый Зверь
Из моря; были на рогах короны
260 И богохульные на головах
Стояли имена. И дал ему
Дракон свой трон, и власть свою, и силу:
И вся земля последовала зверю
И поклонилась дракону. Зверь
Отверз свои уста на богохульство,
И все живущие, которых имя,
С создания мира, в книгу жизни Агнцем
Не внесено, поверглись ниц пред ним.
Тогда другой явился, из земли
270 Изшедший, Зверь: подобно агнцу, он
Имел два рога; говорил, как чермный
Дракон, и действовал перед драконом
Со всею властью, как первый зверь,
Которому он поклоняться всех
Живущих и всю землю заставлял.
Творя пред ними знаменья: сводя
Огонь с небес и чудесами разум
Внимающих ему вводя в обман,
Лик зверя, исцеленного от раны
280 Смертельной, сделать убеждая. Было
Ему дано вложить в лик зверя дух,
Чтоб он и говорил, и возбуждал
Убийство против тех, кто поклоняться
Не будет лику зверя, и он всем —

И малым, и великим, и богатым,
И нищим, и свободным, и рабам —
На их челе или руке лик зверя
Изобразить, иль имени его число
Напишет. — И новое видение предстало:
290 Явился на горе Сионе Агнец,
И были собраны к нему сто сорок
Четыре тысячи запечатленных
Печатию его Отца.
И голос в небе слышен был, подобный
Потоков многих шуму и громов
Великих гласу, и струны арф,
Сопровождавших пение, звучали:
То было пение пред горним троном,
Пред четырьмя животными его
300 И перед старцами — и пенье то
Одни, печать Живаго Бога на челе
Носящие, могли из всех людей на свете
Живущих повторить. Потом явился
По небесам летящий Ангел; он
Имел в руке Евангелье, чтоб благо
Спасенья всем благовестить народам.
За ним летел другой по небу ангел,
Гласящий: «пал великий Вавилон,
Понеже яростным вином разврата
310 Народы все он напоил». — И третий
Явился ангел, и гласил он; «Горе
Всем поклоняющимся зверю, всем,
Кто начертанье имени его
Иль образа приемлет на чело
Иль на руку свою! тот будет пить
Господней ярости вино, в его
Сосуде гнева; тот низвержен будет
В огонь и в пламенную серу; будет
Перед очами ангелов святых
320 И перед Агнцем мучим, и во веки
Ему от мук не будет утолсенья!»
И глас тогда проговорил с небес:
«Блаженны мертвые, блаженны все,

Кто в Господе отныне умирают:
Они найдут от всех своих трудов
Успокоение, и их дела
Пойдут за ними вслед». И в небесах
Явилось облако; на нем в сияньи
Сын Человеческий сидящий зрелся;
330 На голове златой венец, в руке
Серп острый. И сказал ему изшедший
Из храма ангел: «изготовь твой серп —
И жни: настало время жатвы, хлеб
Созрел на ниве». И послал свой серп
На землю тот, кто в небесах был видим
На облаке — и вся земля была
Пожата. Тут семь ангелов, имевших
Семь язв последних — ими ж прекратится
Господний гнев — явились в небесах,
340 И все, отвергнувшие зверя, ликом
Его и имени его числом
Необольщенные, стояли в море
Кристалльно-пламенном, имея арфы
Господняя в своих руках, и пели
Песнь Моисееву и Агнца песнь
Святую: «чудны все дела твои,
Господь, и праведны твои пути,
Царь праведных! все придут поклониться
Тебе языки, ибо оправданья
350 Свои явил ты». И потом на небе
Храм скинии свидетельства отверзся,
И ангелы, носящие семь язв,
Из храма вышли; были им даны
Семь яростию Бога полных чаш.
И дымом храм наполнился от силы
Господней и от славы; и никто
Не мог войти во храм, пока семи
Всех язв семь ангелов не совершили.
И к ангелам изшел из храма глас
360 Господний говорящий им: «идите
И гнева Божия семь чаш излейте
На землю». И с первой чаши гной истек — и раны

Покрыли всех, имевших начертанье
Звериное и лик звериный чтивших.
Другая чаша излилася в море:
И море стало кровью, и живое
Все стало мертвым в глубине его.
И третья чаша излилася на реки
И на источники: и стали кровью
370 Все, и ангел вод воскликнул: «слава,
Господь, твоей неизреченной правде:
Пролившие святую кровь пророков
Достойны кровью жажду утолять».
Четвертая была излита чаша
На солнце: и людей живущих солнце
Великим зноем стало опалаять,
И опаленные великим зноем
Произнесли хулы на имя Бога,
Пославшаго им казнь, и покаяньем
380 Не принесли ему достойной славы.
И чаша пятая была излита
На трон звериный: и покрылось царство
Его глубокой тьмою и от страданья
Свои языки злобясь грызли люди,
И не покаявшись хулили Бога.
Шестая чаша на воды великой
Реки Евфрата пролилася: и воды
Изсякли, чтоб царям с востока путь
Был уготовлен. И седьмая чаша
390 Была на воздух излита: великий
Тогда от храма и от трона голос
Послышался, сказавший: «совершилось!»
И было страшное блистанье, громы,
Землетрясенье, голоса, каких
С создання человеки на земле не ведали;
И на три части был разрушен град
Великий: помянул Господь великий
Град Вавилон — и ярости своей
Вином его он напоил, и дал
400 Испить всю чашу гнева своего.
И убежали острова, и гор

Не стало, и как золото тяжелый
Упал на землю град, и людям были
Великия приключены им язвы,
И имя Божие они хулили.
И мне тогда единый из седми
Носящих чаши ангелов сказал:
«Я покажу тебе суд над великой
Блудницею, сидящею на многих
410 Водах; вели блудодсянье с нею
Цари земные, и вином ея разврата
Земные люди упивались». В духе
Он перевел меня в пустыню; там
Увидел я жену на седмиглавом
Десятирогом черном звере; та жена
Сидела облеченная в порфиру
Багряную, блистая жемчугами,
И золотом, и камнями драгими;
420 В ся руке была золотая чаша.
До края полная вином ея
Разврата; надпись на ся челе
Стояла: «тайна, Вавилон великий.
Мать любодейства и земных развратов».
И кровию она святых, и кровью
Свидетелей Иисусовых была
Упоена. И я тому дивился.
И ангел мне сказал: «чему дивиться?
Тебе я тайну и жены, и зверя
Открою: зверь, тобою зримый, был —
430 И нет его; и он из бездны выйдет,
Пойдет в погибель, и дивиться будут
Все на земле живущие, которых
С начала мира имя в книгу жизни
Не вписано, увидевши, что зверь
И был, и не был, и явился. Семь
Звериных глав суть семь холмов, на них же
Сидит развратница жена, и семь
Царей; из них погибло пять, шестой
Уж есть, седьмой еще не приходил.
440 Когда же придет, придет он не надолго.

И зверь, который был и не был, есть
Осьмой от седмерых, и он пойдет
В погибель; десять же рогов суть десять
Царей, еще не восприявших царства,
Но обреченных воспринять его.
На час один, со зверем совокупно,
Чтоб власть свою и силу передать
Единомышленному с ними зверю.
И с Агнцем яростно начнут они
450 Вести войну, и Агнец победит их,
Понеже он — владыка всех владык
И царь царей. И все, кто с ним в союзе,
Суть верные, суть призванные им
Его избранники. А воды, где
Сидит развратница, суть племена.
Языки, люди и народы мира.
И роги на главе звериной злобно
Жену-развратницу возненавидят,
И разорят ее, и обнажат,
460 И, плоть ее сожрав, ее огнем
Сожгут, понеже Бог им положил
На сердце — волю совершить его
И зверю уступить свою державу,
Пока слова Господня не будут
Исполнены. А зрима тобою
Жена есть град великий, царь земных
Царей». Потом увидел я инаго.
Великую пмеющаго власть,
Святаго ангела, с небес на землю
470 Сходящаго; и славою его
Вся осветилася земля; и сильно
Он громким голосом воскликнул: «пал,
Пал Вавилон, великий град, блудница!
Он стал пристанищем бесов, вертепом
Духов нечистых, гнусных птиц поганым
Виталищем, понеже он вином
Развратной ярости своей народы
Все упоил, понеже с ним творили
Блудодеяния цари земные,

480 И роскошью его обогатились
Купцы земные». Тут иной раздался
Из неба голос: «отойди, народ мой,
От нечестивой, чтоб не быть ей
Грехов участником и не погибнуть
От язв ей, понеже до небес
Ея грехи достигли, и Господь
Неправды все ей вспомянул.
Что сотворила вам, то сотворите
Ей ныне вы, и по делам ей

490 Воздайте вдвое, и в чаше, ею поднесенный вам,
Вина сй растворите вдвое; скорбью
И муками воздайте ей за славу
Ея и за гордыню! величаясь,
Она в своем надменном сердце говорит:
“Сижу царицею; я не вдова
И горя не увижу!” — И за то
В единый день ее постигнут язвы,
И плач, и глад, и смерть, и сожжена
Огнем блудница будет, поелику

500 Господь, ее судящий, всемогущ». **Тогда о ней восплачут, возрыдают
Цари земные, с ней блудодсянья
Творившие; узревши дым ея
Пожара и смотря издалека
На казнь ся, со страхом говорить
Великим будут: «горе, Вавилон,
Великий город, город крепкий; в час
Единый — суд свершился над тобою!»
И все о ней восплачут, возрыдают**

510 Купцы земные, поелику их
Товар никем не будет покупаем;
Уж никому не будут продавать
Ни золота, ни серебра, ни перлов.
Ни камней дорогих. ни риз пурпурных.
Ни шелку, ни виссона, ни дерев
Благоуханных, ни изделий всяких
Из дерева, слоновой кости, меди,
Железа, мрамора и янтаря;

Не будут продавать уже ни пряных
520 Кореньев, ни курений, ни ливана,
Ни мирры, ни смолы благоуханной,
Ни чистаго сляя, ни вина.
Ни хлеба, ни овец, ни коз, ни коней,
Ни колесниц, ни человеческих тел
И душ. И будут, плача и рыдая,
Купцы земные в страхе говорить:
«В единый час погибло все твое
Богатство, град великий Вавилон!»
И издали смотря на казнь ся,
530 Все корабельщики, все по морям
Ходящие на кораблях воскликнут:
«Где град, великому подобный граду?»
И головы они посыплют пеплом,
И с плачем и рыданьем скажут: «горе
Тебе, великий град, который всех
Ходящих по морям обогатил
Своим богатством: ты в единый час
Был разорен — и страшно опустел!
Возрадуйтесь о том, все небеса,
540 Святые все и все пророки: суд ваш
Бог совершил над ним! И ангел взял
Тяжелый, жернову подобный, камень
И с высоты — его низвергнул в море,
Сказав: «Так быстро ниспровергнут будешь,
Град Вавилон великий! И тебя
Не станет боле, и в тебе не будут
Слышимы ни струны лир,
Ни звуки флейт, ни голоса поющих.
Ни гром звучащих труб, и никакого
550 Художества в тебе уже не будет!
Не будет слышно шумной жерновов
Работы! Уж тебя не осветят
Светильники, и голоса невест
И женихов в тебе не будет слышно!
Понеже были сильными князьями
Твои купцы, понеже все народы
Твоими чарами увлечены

В погибельное заблужденье были,
И кровь пророков, и святых, и всех
560 Убитых на земле обретена
Была в тебе!» Тут услышал я
На небе глас, как будто шумный говор
Народа многого; и восклицал
Он: «Аллилуия! спасенье, слава,
И честь, и сила Господу! понеже
Суть истинны и праведны суды
Его: Он поразил своим судом
Развратницу, которая всю землю
Наполнила своим любодееьем,
570 И кровь своих рабов, ея рукою
Пролитую, на ней взыскал!» И снова
Раздался глас поющий «Аллилуия!»
И четверо держащих трон животных
И с ними все в золотых коронах двадцать
Четыре старца падиши поклонились
Сидящему на троне Богу, громко
Воскликнув «Аллилуия!» От трона
Изшел великий голос, говорящий:
«Хвалите Бога все его рабы,
580 Все малые, великие и все
Боящиеся Бога!» И услышала
Как бы глас толпы людей великой,
Как будто шум от многих вод,
Как будто глас грома, говорящий: «Аллилуия! —
Господь Всевышний восприим державу!
Возрадуемся и возвеселимся,
И славу воздадим ему, понеже
Брак Агнца наступил и уж готова
На брак жена, одетая в чистый
590 Виссон — виссон же праведность святых».
И я услышал глас: «Блаженны все
Призванные на брачный Агнца пир!»
И небеса отверзлись: там явился
Конь белый; и седок того коня
Именовался Истинным и Верным,
Судящим и воюющим по правде;

И очи были у него как пламень,
И много диадим на голове
Имя он, и было имя
600 Неведомое никому, на нем
Начертано, лишь он единственный ведал
То имя; он окровавленной ризой
Был облечен; себя именовал
Он «Слово Божие». И вслед за ним
Шло воинство небесное, на белых
Конях, в виссон одеянное белый
И чистый. И из уст его меч острый
На казнь народов исходил; он их
Пасет жезлом железным, и точило
610 Вина Господней ярости он топчет.
И на бедре его и на одежде
Есть начертанье: Царь царей. Владыка
Владык. Тут ангела увидел я,
Стоящего на солнце; он скликал
Всех поднебесных птиц и говорил им:
«Слетайтесь со всех сторон, летите
На вечерю великую Господню,
Чтоб трупы пожирать царей, и трупы
Владык, и трупы воевод, и трупы
620 Коней и всадников, и трупы всех
Свободных, всех рабов, всех малых, всех
Великих!» Тут узрел я зверя.
Царей земных и всю их рать.
Собравшихся, чтобы вступить в сраженье
С сидящим на коне и с силой ратной
Его. И зверь был схвачен, вместе с ним
И жепророк, творивший чудеса,
Чтоб увлечь к принятию начертанья
Зверинаго и в поклоненье лику
630 Его людей. Их бросили живых
В глубь озера, пылающего серой;
Другие ж все истреблены мечом.
Который исходил из уст на белом
Коня сидящего, и птицы их
Пожрали трупы. Тут явился ангел,

От бездны ключ имеющий в руке
И цепь великую: дракона, змея
Лет древних [он же сатана и дьявол]
На тысячу сковал он лет,
640 И бросил в бездну, и печатью запер
Дверь бездны, чтоб не мог народов,
Покуда тысяча не совершилась
Лет, обольщать губитель; он же после
На малое освободиться время
Был предназначен. Тут увидел я
Престолы и на них сидящих, суд
Творить назначенных; увидел души
Святыя за свидетельство Христа
Убитых и за слово Божье, зверю
650 Не поклонившихся, ни лику зверя,
И не принявших знаменья его
Ни на чело, ни на руку свою,
И ожили, чтоб тысячу с Христом
Лет царствовать, они. Другие ж все
Остались мертвыми, пока вполне
Тысячелетие не совершится.
То будет воскресеньем первым. Благо
Тому, кто в первом воскресеньи примет
Участие: над ним вторая смерть
660 Иметь не будет власти, и — священник
Христа и Бога — будет вместе с ним
Он тысячу лет царствовать. Когда же
Тысячелетия свершится круг,
Освободится сатана, и выйдет
Прельщать живущие на всех концах
Земли народы, и начнет на брань
Их собирать: и будет, как песок
Морской, число сподвижников его.
И выступила рать на широту
670 Земли, и окружила стан святых
И град возлюбленный, и низлетел
С небес от Бога огонь и всех пожрал их;
А сатана, их обольстивший, ввергнут
В глубь озера, пылающего серой.

Где вместе с ним и зверь, и лжепророк
Должны терпеть мучения во веки
Веков. Потом великий белый я
Престол увидел и того, кто был
На том престоле; от лица ж его
620 Бежали небо и земля, и места
Им не нашлось. И я увидел мертвых,
И малых, и великих, перед Богом
Стоящих; было много книг раскрыто,
И разогнулася животных книга:
И по делам своим, как было в книгах
Записано, все мертвые судились.
И море возвратило мертвых, бывших
На дне его; и смерть, и ад своих
690 Всех мертвых отдал; и по делам
Своим судим был каждый. Смерть и ад
В глубь озера пылающего были
Навек низвержены: и то была
Вторая смерть. И тот, кто не был в книгу
Животных вписан, навсегда низвергнут
В глубь озера пылающего был.
И новое тогда узрел я небо
И землю новую, понеже прежних
Не стало, и исчезло море. Я
Увидел град святой, увидел новый
700 Ерусалим, от Бога нисходящий
С небес, убранный как невеста,
Идущая для брака к жениху.
И раздался великий глас, с небес говорящий:
«Здесь скиния Господняя и в ней
Все человеки собраны, и будет
Жить с ними Бог; его народом будут
Они, и он их Богом будет. Он
Сотрет с очей их всякую слезу.
И смерти более, ни слез, ни воплей,
710 Ни скорби, ни болезни уж не будет,
Понже прежнее все миновалось».
Тогда сказал сидящий на престоле:
«Все новое творю Я, — совершилось!

Я вечный Бог, Я Альфа и Омега,
Начало и конец. Я от воды
Живой дам жаждущему выпить туне.
И все наследует — кто побеждает,
И буду Бог ему, и будет он
Мне сыном. А все отступники живаго Бога
720 В глубь озера пылающего будут
Навек низвержены: и будет то
Вторая смерть». Тогда ко мне единый
Из ангелов, принесших с неба семь
Последних в чашах язв, пришед сказал
«Иди со мной: тебе невесту Агнца
Я покажу». И в духе он восхитив
Меня на высоту горы великой
Там показал великий город мне —
Святой Ерусалим, от Бога с неба
730 Сходящий, Божию имевши славу,
Блистающий, как камень драгоценный —
Кристалловидный яспис. Обнесен
Был град высокою стеной; двенадцать
В ней было врат; и на вратах стояло
Двенадцать ангелов; и имена
Двенадцати израильских колен
На них начертанныя, зрелись; было трое
Врат на восток, на запад трое, трое
На полдень, и на полночь трое. Твердых
740 Двенадцать оснований стены града
Имеют, и написаны на них
Все имена двенадцати Христовых
Апостолов. И ангел, говоривший
Со мной, имел для измерения града
И стен, и врат его, златую трость.
Был град о четырех углах; длиной
И шириной был равен, и измерив
Его своей златою тростью, ангел
Нашел, что все его пространство было
750 Двенадцать тысяч стадий, и что он
В длину, и в широту, и в высоту
Был равен, и что стены града были,

По мере человеческой, в сто сорок
Четыре локтя. Стены ж града были
Из ясписа; сам город был построен
Из золота, чистейшему стеклу
Подобнаго; а основанье стен
Из светлых драгоценных камней было:
Из ясписа, сапфира, халкидона,
760 Сардоникса, смарагда, хрисопраса,
Вирилла, хризолита, гиацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Были
Двенадцать врат воздвигнуты из цельных
Жемчужин каждая; помосты улиц
Из золота, как чистое сияли
Стекло. Но храма в нем я не видал:
Его был храмом Вседержитель Бог
И Агнец. Граду солнце и луна
Для светлости не нужны были: слава
770 Господняя ему сияла, Агнец
Его светильник был; и все народы
Спасенные ходить во свете будут
Его; и принесут в него цари
Земные честь свою и славу; днем
Его врата не затворятся, ночи ж
Не будет там. В него народов честь
И слава принесется. Не войдет лишь
В него ничто нечистое, никто,
Нечестием и ложью оскверненный;
780 Войдут лишь те, которых имена
Записаны у Агнца в книгу жизни. —
И реку чистую воды живой
Тут ангел показал мне: светлым
Она кристаллом от престола Божья
И Агнцева текла; на бреге
Ея потока древо жизни, плод свой
Двенадцать раз дающее, росло
И лист давало свой на исцеленье
Народов. «И уж боле ничего
790 Проклятого не будет; трон Господний
И Агнцев будет в нем; и будут Богу

Служить его рабы; они увидят
Его лицо, и будет на челе их имя
Его начертано. И ночи там
Не будет; ни светильника, ни солнца
Не будет нужно, послыку сам Господь
Их светом будет, и они во веки
Веков там будут царствовать со славой».
Так ангел говорил; и пасть на землю
200 Пред ним хотел я. «Воздержись — сказал он —
От поклоненья: твой я и всех братий
Твоих, пророков, сослужитель, всех.
Кто каждое написанное чтит
В сей книге слово. Богу поклоняйся!
Не запечатывай [потом сказал он]
Пророческих сей книги слов, понеже
Подходит время. Пусть еще творит
Неправедный неправду; пусть еще
Себя нечистый оскверняет; правду
210 Пусть продолжает праведник творить;
Пусть освящается святой! Прийду
Я скоро, и со мной мое возмездье,
И каждый по делам своим тогда
Получит мзду. Я Альфа и Омега,
Начало и конец, и первый и
Последний». Благо тем, кто соблюдает
Его закон, дабы от древа жизни
Вкусить и в град святой войти вратами.
Но не войдут туда ни чародеи,
220 Ни слуги идолов, ни любодейства
Рабы, ни оскверненные убийством,
Ни любящие ложь. И он, Христос,
Ко всем церквам с свидетельством своим
Пославший ангела...

⟨ВТОРОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ АПОКАЛИПСИСА⟩

Те образы, в течение столетий
Непомраченные, час от часу

Живей из облакающей их тайны
Моей душе сияют, перед ней
Неизглагоманно преобразуя
Судьбы грядущия. Из слов пророка
Рожденныя, виденья предо мною
Глубоко спящим быстро пролетали.
Я видел трон, стоящий на хребте
10 Великих четырех шестикрылатых
Животных, и пред троном золотыми
Коронами венчанных старцев.
Я видел, что на троне восседал
Сияющий как солнце Некто.
И слышал пенье: «Свят! Свят! Свят!»
И глас с престола был: «Я Альфа и Омега;
Я первый и последний: Я всему
Начало и конец». Я видел книгу,
Запечатленную семью печатями,
20 В руке сидящего на горнем троне.
Я видел Агнца, пред которым все —
Животные-престолоносцы, старцы,
И ангелы. И все. Что в небесах,
Что на земле, что в глубине земли,
Что на морях, что в глубине морей —
Все в песнь единую совокупилось.
Я видел, как печати Агнец снял
С великой книги; как четыре быстро
Коня пустились: белый, черный, красный
30 И бледный, и седок на бледном страшный
Именовался «Смерть». Я видел ужас
Землетрясения, как затмилось солнце,
И кровью сделалась луна, и звезды
Попадали на землю, и свернувшись
Как власяница, небеса исчезли.
И слышал, как раздалися вопли
Земных людей: «Падите на главы
Нам, горы, и сокройте нас
От Агнца: час суда его настал!»
40 Я видел ангела, с востока в блеске
Идушаго, неся в руке печать

Живаго Бога, и свершил он ею
Двенадцати колен запечатленье.
И быстро предо мной во сне виденья
Одно другим сменялись: семь с трубами
Губительными ангелов, на землю
Все бедствие пославших, я увидел.
И ангел на море и на земле
Стоявший, поклялся с простертой к небу
50 Десницею, что время миновалось.
И с голосом седьмой трубы явился —
Увидел я — на небе храм отверстый,
И в нем ковчег завета, и отвсюду
Зажглися молнии, заговорили
Своими голосами громы, всё
Землетрясением поколебалось.
В небесах увидел я жену,
Венчанную двенадцатью звездами;
Увидел, как дракон багряноцветный
60 Пожрать ея младенца порывался;
Как был младенец взят на небеса,
Жена ж в пустыню скрылась от дракона;
Как началась война на небесах,
Как Михаил архангел победил
Дракона-змия, древняго врага.
И новое виденье мне предстало:
Увидел я, как из морской пучины
Поднялся семиглавый зверь, как власть
Свою дракон дал зверю. Как пред ним
70 Невписанные в книгу жизни Агнцем
Простерлись все. И в небесах узрел
Я Человеческаго Сына с острым
Серпом; узрел, как жатва совершилась
Всемирная; как ангелы, семь чаш
Несущие, последние излили
На землю язвы, и из неба голос
Изшедший произнес: «Свершилось всё!»
И как потом явился светлый ангел,
Сказавший: «Пал великий Вавилон!»
80 Как небеса хвалебно воспели,

При гласе оном, Аллилуйя;
Как в небесах явился чудный Всадник,
На белом скачущий коне, во многих
Коронах, с именем неизреченным,
Ему лишь ведомым; а сам себя
Он «Словом Божиим» именовал.
И видел я, как вслед за ним, на белых
Конях, в виссон одянное чистый
Шло воинство, и как из уст его
90 На казнь людей меч острый исходил.
Увидел я, как на него поднялся
С своею силой зверь; как схвачен был
И зверь, и лжепророк его, людей
Ему в служенье увлекавший; как
В глубь озера пылающего их
Низвергли; острый меч же, исходивший
Из уст Вождя, всю рать их истребил;
Как после — змия, древнего дракона,
Могучий ангел, цепью оковав,
100 Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнул лет и запер
Печатью бездну, чтоб не мог губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелетис. И видел я великий белый трон,
И от лица Сидевшего на троне
Бежали небо и земля, и места
Им не нашлось нигде; и видел я,
Как глубина земли и моря мертвых
Всех возвращала; как с живыми вместе
110 Они стекались к трону; как пред ним
Раскрылася на суд последний книга
Животных; как был страшный вечный суд
Произнесен; как смерть и ад навеки
В глубь озера пылающего были
Низвержены, и как потом явились
Другое небо и земля, и новый
С небес сошел Ерусалим, святой
Град Божий, светлый, как невеста...

КОНСПЕКТЫ И ПЛАНЫ

Весна

I.

СОДЕРЖАНИЕ ВЕСНЫ [Здесь и далее курсив Жуковского. В квадратных скобках — зачеркивания].

С. — Ламберт: Бури при открытии весны. Пастух выходит на паству, а земледелец на ниву. Птицы возвращаются. Начало плавания по морям. Действие солнца. Трава восходит. Леса зеленеют. Песни птиц. Возвращение из города в деревню. Веселье и надежды, вселяемые весной в поселян при начале работ. Пахание. Засев. Цветы. Первый дождь. Все цветет и зеленеет. Надежда. Сад. Линдор. Похвала здоровью. Восхождение солнца. Прелестный вид полей. От влияния весны. Война. Любовь. В зверях темное чувство наслаждения; в человеке наслаждение моральное.

II.

Клейст: Снисхождение весны. Разлив. Ночные морозы. Зелень. Леса одеваются листьями. Обращение к несчастным, обманутым, призывание их к наслаждениям. К красавицам, призывание их в деревню. Поэт идет под утес, садится и смотрит на цветущую природу. Море. Корабли. Кони на берегу. Волы. Виноградный холм в тени. Жаворонок. Сеятель на поле. Война, которая разрушает его надежды. Ужасы войны. Обращение к царям, чтобы делали счастливыми свои народы, не ища побед и новых приобретений. — Призывание музыки. Сельское хозяйство. Древнее дерево, осеняющее хижину. Пруд. Курица на пруду. Гуси, отгоняющие от себя собаку; гусята. Девушка с кормом. Кролик в кусту. Голуби. Сад. Цветы. Павлин. Бабочка. Прививка. Хозяйка, сажающая цветы. Ребенок при ней. Счастье сельской жизни поселян и уединения. Поэт обращается к самому себе, желает подруги и тихого уединения, не завидуя богатым и славным. Думает о будущем. Дорас и Глелас. Мечты. Печальная сущность. Наслаждение настоящим, не думая о будущем. Наслаждение природою. Тишина рощи, сквозь которую блещит заходящее солнце. Пастух с волынкою. Козы на утесах. Олени, кони, волы, воспламененные теплотою весны. Водопад. Пение птиц. Соловей в глубине леса; стон его о потере подружки. Горлица в дупле, составляющая гнездо. Обращение к Творцу природы. Поэт зовет своих друзей на луг. Журавль. Чибис. Пчелы и ульи, сравнение их с мудрецами.

Озеро и на нем остров, осененный деревьями и кустарником. Молитва о дожде. Дождь. Обращение к полям.

III.

Приступ: Утро — Пришествие весны — Весна все оживляет — Разрушение и жизнь — А... Краткость его жизни — Гроб его — Надежда пережить себя — Опять обращение к весне — Главные черты весенней природы (из Клейста) — Жизнь поселянина (из Клейста) — Цена неизвестной и спокойной жизни — Уединение — Обращение к себе — Любовь — Мальвина — Меланхолия — Неизвестность судьбы — [К К...] Мечты — К К... [Приступ: Утро: Пришествие весны, вообще весна все оживляет]. Лес — Черемуха — Ручей — Птицы — Гнезда — Конь — Вол — Озеро — Рыбак — Первый дождь.

IV.

План Клейстовой весны

Обращение к полям и рощам — явление весны и разлив — переменчивость погоды при начале весны — трава и всеобщая живость — призывание красавиц и добродетельных людей в деревню — картина весенней природы — зеленеющая жатва — пруды — море — корабли — кони на берегу — коровы и быки — двор, мыза — виноградный холм — *жаворонок* — пашущий земледелец — сеятель — обращение к войне, разрушающей плоды земледелия — изображение войны — обращение к царям, чтобы они не разрушали, а насаждали — картина жизни поселянина — прародительское дерево, под сенью которого сельский домик — пруд на дворе — курица с цыплятами — гуси, отгоняющие собаку, и плавающие гусята — девочка с коробом зерен и за нею куры — кролик — голубь с голубкою — сад, где полезное предпочтено прекрасному и редкому — орешник — цветы: тюльпан, роза, ландыш, жасмин, фиалка, *ночная красавица*, *сравнение ее с тайными добродетелями* — павлин — бабочки, хозяйка с детьми в саду — обращение к сельским жителям — сравнение жизни поселянина с жизнью человека, живущего в свете, славного, знатного — *обращение поэта к себе*, желание жить спокойно в деревне. Дорас, Глелас. *Наслаждение в надежде* — забыть о будущем — обращение к полям и рощам — роща тенистая, пастух, играющий на свирели — олени — кони, поджигаемые любовью — быки — река, водопад — птицы — соловей в густоте леса над рекою — горлица в дупле, кормящая детей — обращение к Богу, давшему благотворный сей инстинкт животным — поэт зовет друзей своих на берег реки — цапля, чибис, манящий от гнезда своего — пче-

лы, сравнение их с мудрецами — Озеро, на котором остров, заросший шиповником, можжевельником, ⟨нрзб⟩, жимолостью — весенний дождик. Заключение: *обращение к полям*, которые поэт назначает для своего убежища, если жизнь городская будет ему в тягость, в них он хочет прославлять Творца и кончить свою жизнь.

V.

План С. Ламбертовой весны

Вступление — обращение к Богу: поэт благодарит его за дары, излитые на человека, который и ⟨нрзб.⟩ о которых он хочет ему напомнить и которыми хочет научить наслаждаться. — К Доре, призывание ее в деревню — первая минута весны, южный ветер; потоки, стекающие с гор; море бурное; бури на земле. — Солнце разгоняет пары; первый весенний день. — Пастух и землепашец на поле — возвращение ласточек — птицы, начинающие летать по воздуху — *мореплаватели собираются в путь* — зелень, разливающаяся повсюду — овцы, щиплющие траву на горах и ⟨нрзб.⟩ — виноградные ветви зеленеют — песни соловья — леса покрывают листочки; лань, скрытая в густоте — поэт обращается к полям, которые доставляют ему истинные наслаждения и которые ⟨нрзб.⟩. Весною. — Веселость по селам оживленных к работе и наскучивших бездельем. — Земледельцы, выходящие с плугом и бороною — крестьянка с детьми, обрывающие дикую траву. — Цветы: роза, маргаритка. *Первый дождь* — утро после дождя — все живое распускается: надежда все одушевляет. Видя обновляющуюся природу, живее чувствуешь ее влияние, на полях и в саду ожидаешь плодородия и желаешь его. Прекрасное тогда только долго нравится, когда оно полезно. В деревне чувство надежды живее потому, что в деревне видимы труды земледельца и скотовода, которых успехи зависят от будущего и ⟨нрзб.⟩... Сравнение сада полезного с садом для одного украшения. — Изображение Раймондова сада. Любовь его украшает. Любовь Линдора к Глисере. Эпизод брака Линдора с Глисерою — к здоровью, выздоровление весною. Поэт обращается к себе, изображает свое выздоровление, восхождение солнца, которым он наслаждается: зрелище пробуждающейся природы — удовольствие, чувство, пробуждаемое весною: весна в своем совершенстве. Поэт зовет Дорису на холм под дуб — деревья в цвете. — Шиповник над ручьем — ландшафт, *изображенный в воде* — война, юноша, погибающий; воин, оставляющий сирот, война пожирает всех без разбора, обращение к воинам. Ужасы войны: пожары, убийства. — Мир, любовь, обращение к ней. Весна ее воспламеняет в животных: конь, бык, *лев*, птицы, голубь, орел, лебедь,

горлицы, филомела. *За нею* морские чудовища. Человек: все наслаждаются, человек лишь умеет любить. Любовь в нем продолжительнее, он всегда ее чувствует, в самой страсти, но в молодости он ею счастлив и несчастлив гораздо более — в деревне любовь живет — в ней все изображает ее и все ей служит убежищем — Гилас и Ликорис, неопытные любовники — Хлоя, побеждаемая Сильвандром — Любовь, основанная на добродетели — Гнезда, высиживание яиц — новое чувство в животных.

VI.

Селадон и Амелия
Дамон и Музидора
Лавиния и Палемон

Томпсонова весна

Призывание весны — обращение к леди Гартфорд — зима летит к северу, уступая место теплым ветрам. — Снег тает и горы обнажаются. — Весна еще не укоренилась, утренники, дождь и снег. — Солнце входит в знак Тельца и небо проясняется. — Земледелец выводит волов на поле — сеятель [молит]. — Поэт молит небо благоприятствовать трудам земледельца и, обращаясь к жителям городов, говорит, чтобы внимали его песням, их достойным. К британцам да покровительствует земледелие. Весна раскрывает силу произрастания. Зелень. Деревя зеленеющие и цветущие — благоухание — поэт хочет оставить скучный город и смотреть на оживающую природу — холодные росы — сухие ветры — зарождение насекомых и их истребление — благодеяние сих ветров — *первый дождь*. — Радуга. — Растения разнообразные. — Они составляли пищу человека в его счастливое время в золотом веке. — Изображение золотого века, железного. — Потоп, разрушивший мир и переменявший течение времен года. — Наблюдение. *Рыбная ловля* — *отдохновение в полуденный час* в тени ясеней [с книгой в руке], над которыми вьются голуби и которые наклонились на воду, с *Виргилием* в руках — неспособность поэта образом достойным изобразить природу. Но он находит наслаждение в сем изображении и зовет Аманду вместе с собой восхищаться ее зрелищем — Луг, испещренный цветами, и на нем пчелы — сад: вид реки, озера, омраченного лесом, отдаленных гор и моря. — Цветы. — Поэт обращается к Творцу, которого мудрость видна в чудесном создании цветов. *Пение птиц* призывает поэта в рошу. — Любовь одушевляет их, ею оживлены, они начинают опять свое пение. *Жаворонок, встречающий утро* и пробуждающий других птиц. Деревя наполняются песнями. *Филомела, ожидающая ночи*, чтобы [всех]

поразить — чижик — коноплянка, сова — *Ворон и галка вместе с ними* каркающие — воркование голубей — любовь птичек, *гнезда в лесах, на корнях орехового дерева, склонившегося в источник* — *ласточка*, собирающая ил на пруде, или шерсть у стада, или сухую солому для составления гнезда, *самец*, поющий во время высиживания самки или ее место занимающий — *вылупление из яиц* — *нового рода* любовь в птицах, сравнение их с бедным семейством, впавшим в несчастье, *Хитрости* птиц, употребляемые для спасения их птенцов (нрзб.) летающий над головою пастуха, утка и лесная курочка, отманивающие собаку. Поэт жалеет о неволе птиц, запираемых в клетки. — *Филомела*, стонущая о потере своих птенцов. — *Птенцы оперяются*. *Вечер* тихий и ясный, в который они в первый раз поднимались в воздух и конец забот отеческих в птицах. — Орел, выгоняющий орленков из гнезда. *Сельская хижина*, окруженная кленами и дубами, на которых гнездится ворон. Домашние птицы: курица с цыплятами и петух, утка на пруде, лебедь на острове. Индейский петух и павлины, голубь и голубка. — Бык, воспламененный любовью, сражение быков — *конь* беспокойный и пылающий. Чуды морские и (нрзб.). — Картина пастуха, сидящего на холме со стадом, все чувства людей есть влияние самого Божества — оно действует и на человека — обращение к дождю, слепых и чувствительных, на которых весна вдвое действует — к Литтельтону — изображение его уединения — *Любовь в человеке*: тайный жар и желание волнуют девушку — юноша, воспламененный любовью, которая владеет им совершенно, изображение неукротимой страсти. — Ревность — Счастливая любовь двух супругов, живущих в тишине семейственного счастья.

VII.

План «La maison des champs»

Приступ. — Выбор места: ожидать, идти на место: ручей, зеленые деревья в осеннее время, река и вечер.

Не искать мрачных видов. Развалины. Архитектура. Строение приятное, более простоты и величия. Сад — предохраняемый от червей. Чучелы, сбережение плодов — Птичник: голубятня, петух, водные птицы. Огород и садовые овощи. Цветник, запах. Теплицы. Брак цветов. Фальшивые цветы. — Украшение дома: простота, открытость, покойное расположение — занятия: порядок, экономия. Обед. Гуляние. Гроза. Удовольствия в деревне. Привычки невинные. К вечеру. Приятности природы: вечер. Скромной (нрзб.) предпочтительней покоя в ночах. Собираение плодов. — Пчельник. Среди пчел. Заботы о стаде. Осенние виды и собиранье винограда.

VIII.

Возвращение на родину и призывание музы.
Выход на холм.
Картина природы оживающей и главные черты в одной картине.
Желание и воображение счастливой.
Свобода.
Посредственность.
Игры.
Жизнь сельская семейственная.
Иметь в виду пользу.
Чего искать в свете.
Счастье в самом себе.
Тайные мечты — но исполнятся ли они когда...

IX.

Возвращение на родину и призывание музы.
Выход на холм.
Картина природы.
Восхождение солнца — жаворонок — стада.
Вид деревни.
Кладбище и дом сельского свящ(енника).
Зелени — цветы, их любовь.
Черемуха.
Источник.
Птичьи гнезда на берегу источника — ласточка, свивающая гнездо.
Река — рыбаки.
Гуси и утки — охотник с собакою — болото и цапли.
Пчелы на лугу — стада в полдень на берегу реки.
Дождик.
Вечер после дождя.
[Возвращение поселян с поля]. Закат солнца на кладбище.
Соловей ...
О прежнем необновленном мире.
Как легко весна вдохнула в поэта, оживил природу.
Тогда было не то, что ныне.
Но природа прелестна и без вымыслов — мы перешли к Божеству, уничтожив богов;
Древние богаче были идеалами; мы существенностию. Чтобы ею наслаждаться, нужно иметь невинную душу, мы более умеем наслаждаться натурою, тогда более владычествовала вера в Бога.

Любовь ко всему доброму.
Изображение сельского человека, *благочестивого крестьянина*.
Свобода, посредственность, счастье семейственное вот что единственное.
Может ли уравниваться такая жизнь со светскою.
К милому — жить с ним. Стоим при начале жизни.
Что будет.
Уже потери.
См(ерть).
Уже многие уничтоженные надежды раззнакомились с удовольствием.
Радуемся без наслаждения.
Будем ли когда-нибудь вместе.
Иметь друг друга в виду.
Усиливать душу в стремлении ко всему хорошему.
Укоренить в ней веру в бессмертие.
Если один перейдет прежде, другой...
Звезды для древних блестящи.
(нрзб.) для нас миры.
Древних Богов свели на землю.
Мы возлетели к Богам.
Мы будущим укрепили настоящее.
Для древних не было препятствий.

Х.

Возвращение на родину и призывание музыки.
Явление весны.
10 — встречать ее вместе с жаворонком.
5 — выход на холм, восходящее солнце.
20 — цветы и их таинственная любовь Campenon. Delille.
3 — источник и над ним с любовью шиповник.
2 — Ласточка, свивающая гнездо — Chateaubriand.
Возвр(ащение) птиц, любовь двух горлиц.
Река и разнообразные ее берега.
Здесь кусты.
Там ива, наклонившаяся с челноком — Рига у выхода рощи.
Там хижина в окружении земледельческой природы.
Петух с курами.
Гусь в реке и собака.
Там стадо в полдень отражается в воде.

Chateaubriand. Кладбище на берегу с часовней и домом священника.
Мельница.

Шум слышится с полуострова. Сидя на пне, обросшем ивами.

Первый дождик — иду в рощу.

Ключ гремучий; ключ в долине.

Эпизод: сумасшедший от любви — Delille.

Дождик — S. Lambert, Kleist.

Закат солнца перед дождем — смотр. на него, сидя у кладбища в часовне.

10 — первые минуты вечера и соловей.

Воображение переносит в Грецию. — Черты мифологии.

Существенность заменила мечты.

На что наполнять природу мечтательными существами.

Счастлив, кто ею наслаждается в простоте души.

Жизнь сельского человека доброго (нрзб) и семьянина.

Его должности.

Его занятия, самые невинные.

С утром в поле.

Возвращение ввечеру.

Его дом.

Деревня. Около большой площади, около которой старая липа с сиденьем.

Деревенские игры.

Больница.

Училище.

[Возвращение]. Вечерние беседы — чай — чтение.

Поэзия.

Охота.

Рыбная ловля.

Вот жребий, которого желаю.

И чего другого искать в свете.

Черты светского счастья.

Но найду ли...

Лучшие планы разрушены.

Искать утешение в дружбе.

Будем во всю оставшуюся жизнь иметь друг друга в виду.

Укоренять в душе чувство бессмертия.

Один перешед за границу жизни.

Другой пускай питается ожиданием.

Черты мифологии

Весна. Изображение. Аллегория Венеры.
Натура оживлена.
Явление Авроры и Аполлона.
Аполлон и музы.
Тетана — Луна и Эндимион.
Нимфы — лесные и водные.
Сатиры.
Гений — горы — Греция.
Фавны — Пан — Сильван.
Сиринкс.
Кипарис.
Пан.
Лавр.
Филомела.
Филемон и Бавкида.

XI.

Приступ. Жел(аю), чтобы я
Уже весна
Общие черты весны
Зелень
Черемуха
Источник и над ним
Какое счастье возвратиться на родину
В свой сельский дом
Твой выбор места
Река и ее воды отражают виды
Кустарник
Рига
Рыбаки
Хижина
Стадо
Кладбище с церковью
Мост
Паром
Мельница
Сад
Огород

Цветник
Птичник
Пчельник
Дом
Расположение
Чистота
Гостеприимство
Занятия
Работы — экономия. Порядок. Заботливость
Отдых
Обед
Прогулка
Забавы
Повесть Мурад и Коюжа
Жизнь сельская; изображение невинной души
Любить природу и уметь ею восхищаться
Картины природы
Заключение

ХII.

Приступ. Жел(ая), чтобы я
Уже весна
Общие черты весны [земля] лес, зелени, черемуха, гнезда жаворонок
Счастлив сельский человек, возвращающийся на свою родину.
Я хочу воспеть его жизнь. Внимай мне? Мальвина
Счастливая посредственность
Выбор места. Река и ее разнообр.
Сад, огород, цветник, птичник, пчельник
Дом: расположение. Угол для гостеприимства, чистота
Занятия, работа: экономия, порядок, заботливость
Обед
Прогулка
Забавы. Чтение. Общество
Игры
Повести: Мурад и Коюжа
Жизнь сельская требует невинной души и привычек, правил невинных.
Счастлив кто любит природу, счастлив, кто ее изобразить умеет.
Ее картины в разные времена года.
Утро, вечер, летняя ночь.

ХІІ.

Весна пришла. Воды освободились от цепи льдов, и вошли в берега; Даль голубеет; яркая зелень оживающих деревьев и полей, в которых трудолюбивые руки сокрыли семя, пленяют взоры; воздух растворен благоуханием гречихи; ласточки начинают плестъ гнезда под кровлею сельской церкви. Счастлив сельский человек и прочее.

ВЛАДИМИР

I.

Писать четырехстопными, *rimes redoubles*

Владимир. Содерж(ание). Осада Киева Тугарином. Тугарин может быть побежден только Добрынею, который вышел из Киева. — Богатыри со стороны Владимира: Добрыня, Чурила, Алеша, Еруслан, Илья. Певец Боян. Со стороны Тугарина: Полкан, Змиулан, Зилант, Карачун. Алеша похищает Зилену у [великана] Полкана, который подступает под Киев. Один Алеша в Киеве. Илья, мучимый любовью, в лесу пустынником. Встречается с Рогнедою и крестит ее. Еруслан отыскивает Милославу в замке Карачуна. Сражение Алеши со Змиуланом. Царь девица и Добрыня.

1. Владимир и его двор. — Недостает лишь Добрыни и Алеши Поповича. Добрыня послан за мечом-самосеком, Златокопытом, водою юности. Алеша прежде отправился на подвиги. Богатыри: Еруслан, Чурила и Илья, Рогдай, [Радегаст] Громобой. Боян певец. Святой Антоний. Радегаст Новгородский, убийца своей любовницы, мучимый привидением, и Ярослав, сын Владимиров, несчастный, мучимый неизвестною тоскою. Милолика, княжна Новгородская, невеста Владимирова, привезенная в Киев Радегастом и Ярославом. Приготовление к празднеству брачному.

2. Осада Киева Полканом невредимым, его стан и его богатыри: Змиулан, Тугарин, Зилант. Требование, чтобы Владимир уступил Милолику. Владимир идет советоваться к Св. Антонию: Антоний велит отложить празднество брака и говорит, что один только Добрыня может умертвить Полкана, что его надлежит дожидаться. Советы, как укрепить город; жизненного запаса есть на год.

3. Процессия вокруг Киева, окропляют его святою водою, он неприступен для войска. Добрыня едет путем дорогою. История волшебницы Добрады и Черномора. Сон Добрыни. — Он въезжает в очарованный лес.

4. Очарованное жилище Лицины. Звук арфы спасает его. Он разрушает очарование. Между очарованными находит Илью и его любовницу Зилену

5. История Ильи с великаном Карачуном. Он разлучается с Добрынею и едет в Киев.

6. Богатырские игры. Ночью Ярослав и Радегаст едут в стан. Причиняют убийство. [На заре] их разлучают, на каждого нападает толпа. Ярослав раненый готов попасться в руки непр(иятеля). Его спасают неизвестные воины: то Алеша и его товарищи. Радегаст пропадает безвестно.

7. Владимир узнает тоску Ярослава. Прибытие Карачуна в стан неприятельский. Он вызывает Илью на единоборство. Смешной поединок. Карачун достается в плен.

8. Добрыня достает и меч, и Златокопыта. Его любовь разрушает очарование Ксении. Ночь, проведенная с нею в долине.

9. Он ее лишается и едет в Киев. Встреча Добрыни. Избавление и история Радегаста и Заиды. Они спешат к Киеву. Отчаянное состояние Киева. Владимир решается дать сражение и выйти на единоборство с Полканом. Приготовление войска.

10. Войско выходит за город. Боян запеваает песнь. Является Владимир. В эту минуту скачет витязь — это Добрыня и при нем Радегаст с Заидою, одетой в панцирь. Добрыня требует позволения сразиться. Получает его. Сражение с Полканом. Общее сражение. Торжество. Вход в город. Владимир уступает Милолику Радегасту. Явление Ксении и Добрады. Торжество и радость. Брак и ночь Добрыни с Ксенией.

II.

Сходбище волшебниц.

Царь девица.

Звук арфы избавляет от обольщения.

Общее сражение — распорядок армии.

Изображение разных народов.

Голод в Киеве.

Изображение Богини снов.

Песнь пророческая Бояна.

Гребень, полотенце, камень.

Препятствия на возвратном пути

Разлучение Добрыни с его любезною, явление фей, куст лилий (нрзб).

Приступы — 1. Из Бояна. Приятность поэзии и вымысла. 2. О старине и древних очарованиях. 3. Богиня сновидения и (нрзб.). 4. Любовь и ее очарование. 5. Приятность непостоянства. 6. Дружба. 7. Похвала уединению. 8. Похвала старости. 9. Слава. 10. Супружеское счастье.

Царь девица мстит за брата своего, убитого [Добрынею] Ильею, требует, чтобы он был отдан ей в руки.

Эпилог и пролог.

Из Тасса: описание Арм(идинога) сада. Кларинды; очар(ованного) леса; последнего сраж(ения).

Царь девица встречается с Ильею и идет с ним в замок любви, не зная его.

Они избавляют с Добрынею.

Дубыня, Горыня, Горлан.

Ведьма, очаровавшая богатырей.

Шапка невидимка крылатая.

В Ришардете. Сражение с гигантами.

Эпизод Леона и его жены (V). Ведьма (III).

Остров видений (V).

Синибальд в келье Клелии — в образе Алеши Поп(овича).

В спальне Зелии.

Дорогою победы и известия, которые приносят о Добрыне в Киев (Амадис Гальский).

Любовница Добрыни в Киеве незнакомая.

Добрыню окружает таинственность.

Вражда Чернобога с Световидом.

О славянском гостеприимстве. В описании чьей-нибудь смерти подр(ажание) Гомеру VI песни (нрзб.) из облака (Велледа).

III.

[Оберон, поссорившись с Титаниею, положил клятву и на ее дочь, чтобы она была далеко от отца, лишена бессмертия духов. Невидима, в отдаленной стране, и тогда только возвратит образ, когда будет любить ее юноша, не видевший ее никогда. — Оберон, видя Добрыню, отправившегося за живою водою, его избирает, — и его ведет. — Добрыня уводит Изеллу. Рогдай, убивший свою любовницу, преслед(уем) ее тенью, излечается, окрестив Свиду — с которой уходит из стана печенегов.

Сын Владимира, влюбленный в его невесту. Друг Рогдаев, их ночное сражение.

1. Песнь. Явление к Владимиру великана печенегов. Объявление войны. Киев в осаде.

IV.

Мысли для поэмы

*Владимир под старость посылает одного из богатырей на подвиги. Время ужасное для него приближается, в которое прошедшее должно быть заглажено. Добрыня испытывает многие очарования, следствия одного и с одним разрушающиеся. В то же время война с печенегами, в коей успех соединен с тем же разрушением очарования. (Заимствовать из *Zaubering*.) Тризна в честь Святославу. Песня Бояна.*

Воин греческий. Тень любовницы, закопанной в монастыре.

Празднество освящение храма.

Для Игоря. Певец на празднике Владимировом.

Посвящение в рыцари (нрзб.) на гробах отцов.

Повесть об отшельнике святом с сыном, который влюбился в дочь волшебника и, лиась ее, умер.

Два друга, идущие ночью украсть череп Святославов. Подр(ажание) Нису и Эвриалу. Один, израненный, возвращается в Киев. Позвид умирает. Другой скоро в плен. Крестит пленницу.

Сходбище волшебниц.

Общее сражение, распорядок армии; изображение народов.

Голод в Киеве.

Изображение богини снов.

Приступы.

Чурило и Земит и великан Синибальд.

В комнате Клелии.

Сражение с гигантами. Эпизод Леона и его жены.

Богатырские игры. Приключения.

Болеслав храбрый и Преслава.

V.

Два друга собираются ночью похитить череп Святославов.

(Подр(ажание) Нису и Эвриалу.)

Один [погибает], израненный, брошен.

Другой [спасает его (нрзб.)] взят в плен — крестит пленницу.

Явление витязей. Предложение подвига.

Богатыри. Добрыня едет.

Тризна в честь Святославу. Песня Бояна.

Эпизод Рогнеды.

Рыцарь, обреченный спасти Киев.

Приезд в Киев воина греческого — песня любовницы, закопанной в монастыре.

Повесть ему от другого о происшествиях Киева до осады.

Строение храма — не прежде (нрзб.).

Певец на празднике Владимировом. Посвящение в рыцари стариком.

Между гробами отцов.

Повесть об отшельнике с сыном, который влюбился в дочь волшебника и лишась ее умер.

Zauberring. S. 52—58.

VI.

План Владимира.

Прежде истор(ическая) часть, пот(ом)

№ 1. Замечание в стихотворцах мест, достойных подражания.

Роланд (Т. 1). Описание острова Альцины. Астольф, превращ(енный) в мирт — описание разных чудовищ — сражение с охотником — Роланд, встревоженный сновидением.

(Источники)

Поэмы. Илиада. Энеида. Одиссея. Ариосто. Тасс. Оберон. Идрис. Клелия. (нрзб.) Артур. Ришардет. Rose-croix. (нрзб.)

Романы Тресановы. Русские сказки. Славянские древности. Народн(ые) русск(ие) сказки. Музеус. Tales of Wonder. Tieck. Lamott Fouque.

Жофруа приходит требовать от Артура рыцарства. Получает. Является черный рыцарь и бьет служителя за столом Артура. Жофруа дает клятву не есть (нрзб.) не спать до тех пор, пока не отомстит. Едет. Видит золотое копьё и сражается за него с рыцарем. Подъезжает к замку Белиевры. Засыпает. Его будят. Он сражается. Наконец входит в замок. Влюбляется в Белиевру, которая клялась выйти замуж за того рыцаря, который избавит ее дядю. Этот дядя во власти того самого рыцаря, которого хочет наказать Жофруа. Он уезжает из замка другого рыцаря, избавляет дядю, но возвращается в замок, забыв узнать, точно ли его избавил. — Он засыпает. Его будит сам дядя. Он женится на Белиевре.

Образцы и пособия

Ариост
Тассо
Оберон
Идрис
Клелия
Scott Edinburg review
Hoole Edinburg review
Ballades
Talles of Wonder
Lamott Fouque

История

Выписки из Карамзина
Печенеги
История Крыма
Описание Крыма
Эдда
История Греции
География России
Разговоры о Новагороде
Муравьев
Летопись Нико(нова)
Русская правда
Антон
Маш

VII.

[Рассказы]. Лодомир и Милороза. Лодомир в беседах с Владимиром: черты прежнего времени. Лодомир один у часовни или на могиле: воспоминание о деде. Песня. Однажды дева на лодке. Сходство и описание. Характер, таинственность. Черты старины. Условие. Супружество. Праздник. Первые месяцы. Таинственность свидания. Унылость. Смерть. — Годы — невозможность? Вокруг. Смерть (нрзб.), песнь о (нрзб.), жалобы Милорозы. — Характер (нрзб.) и чувства.

ДЕВА ОЗЕРА

Walter Scott

Lady of the lake (sic!)

1 песнь. Описание травли оленя (большое). Один из ловцов уходит вперед, заблуждается, видит перед собою озеро, усеянное островами и озаренное заходящим солнцем. — Трубит в рог; по озеру плывет к нему лодка, и в лодке дева. Она зовет отца, но при виде незнакомца отталкивает лодку от берега. Наконец, после разговора с ним принимает его в лодку и везет на остров и приводит в простую хижину, состр(оенную) из бревен. По стенам трофеи воинские и охотничьи. Другая женщи-

на более в годах приходит к ужину. Незнакомец называет себя Фиц-Жеймсом, рыцарем (1 нрзб.) и тщетно старается узнать имя ее клана, и благородная наружность показывает знатное происхождение. Он уходит спать и видит сны беспокойные. — *Встает и успокаивает себя взглядом на прекрасную тихую ночь.* — Потом засыпает сном тихим, не пробуждается до самого утра. — Характер старого певца, который предсказал прибытие Фиц-Жеймса.

Лучшие места. Приступ: обращение к лире, описание озера при заходящем солнце (XIV), — появление девы (XVII). — Описание девы (XIX) — описание робости ее и лица незнакомца (XX и XXI), — успокоение незнакомца после беспокойства при взгляде на ножны незнакомца (XXXV).

Погрешности: описание ловли слишком длинно; в описании пути слишком много подробностей; эстетическое рассуждение Фиц-Жеймса о саде неуместно. Но все сии недостатки сами по себе, красота по слогу.

II песнь. *Остров.* I. Странник уезжает. II—III. *Песнь менестреля.* IV. *Изображение менестреля.* V. Дева смотрит вслед за незнакомцем и в ней пробуждается капля чувства. VI. Она вспоминает о Малькольме Грэме и велит менестрелю петь его славу. VII. *Менестрелева арфа издает унылые звуки.* VIII. *Он говорит, что он такие же звуки слышал,* когда должно было постигнуть несчастье Дугласа, отца ее. IX. Дева его утешает и говорит о спокойствии той жизни, которую они ведут. X. Ее речи успокаивают менестреля; он говорит, что придет то время, в которое будут сильно удивляться ее красоте. XI. Она напоминает, что жестокий, но славный витязь Родрик ее любит. XII. Менестрель говорит с ужасом о Родрике. XIII—XIV. Дева уверяет, что никогда не будет женою ужасного витязя. XV. Но думает о нашем посетителе. *Меч твоего отца упал к его ногам.* — Это худое предвещание: боюсь ненависти Родрика, который смотрит сурово и на Малькольма. — В это время слышат крик. XVI—XXI. *Приближение Родрика,* песнь его пловцов. XXII. Мать Эллены зовет ее встречать Родрика, но в это время слышится речь ее отца, она бежит к нему навстречу. XXIII. Между тем Родрик причалил к берегу. XXIV. Стыдливость Эллены при виде Малькольма. XXV. Изображение Малькольма. XXVI. Эллена упрекает отца в том, что он отдалился. Отец говорит, что Малькольм был его проводником. XXVII. Родрик идет навстречу. Вестник приносит ему худое известие о приближении короля Шотландии. XXVIII. Родрик рассказывает, что Дугласа ищет с самого приезда и предлагает ему руку с тем, чтобы Эллена была его женой. Дуглас отказывает. XXXIII. *Бешенство Родрика.* Малькольм хочет вывести Эллену. XXXIV. Родрик бросается на него и останавливается.

Они готовы вступить в бой. Дуглас их остановил. XXXV. Родрик велит дать провожатого Малькольму. Малькольм отвергает и *бежит на берег и бросает вызов*.

III песнь. Сбор. I. *Изображение утра*. II. *Обращение ко времени*. III. *Родрик в суровой задумчивости на берегу*. IV. *Изображение Брайана*. V и VI. Предание о его рождении. VIII. *Принесение жертвы*. IX. *Его заклинания*. X—XIV. *Заклинания*. Гонец скачет собирать воинов Родриковых. XV — XXIV. *Сцена перед Дункановым гробом, сын его берет крест*. — *Свадьба* — все собираются. XXV. *Дуглас и Эллена уходят в другую пещеру*. XXVI. *Описание пещеры*. XXVII. *Родрик был смущен и не собирает своих воинов*. XXIX. *Но не нашел сил войти в пещеру — слышит песнь Эллены*. XXX. *Родрик идет на сборное место*. XXXI. *Изображение спящих воинов и тишины*.

IV песнь. *Предсказание*. I, III, IV, V. *Разговор стражи с Горцем*. VI. *Брайан рассказывает пророчество Родрику*. VIII. *Новость, которую приносит Мэлис Родрику*. Родрик определяет сражение против того острова, где собрались жены, дети и старцы. IX. *Между тем Дугласа нет в пещере. Эллена об нем тоскует*. X—XI. *Аллен утешает ее*. XII. *Поет балладу*. XVI. *Едва он кончил — является незнакомец*. XVII. *Зовет Эллену — она признается в любви к Малькольму*. XVIII. *Незнакомец хочет быть ее братом*. XIX. *Дает ей кольцо и уходит со своим проводником*. XX. *Идут — он видит своего мертвого коня*. XXI. *Видит сумасшедшую Бланку*. XXII. *Ее песня*. XXIII. *Проводник рассказывает, что она сошла с ума, потеряв жениха, убитого Родриком*. XXV. *Поет пророческую песнь*. XXVI. *Незнакомец подозревает проводника, тот убегает и бросает в него стрелу, она падает в Бланку*. Незнакомец, догнав его, убивает. XXVII. *Умирающая Бланка дает ему волосы своего жениха и требует, чтобы он за него отомстил*. XXVIII. *Незнакомец идет один, теряет дорогу — решается ждать вечера, чтобы пробраться в сумерки*. XXIX. *Вечер, огонь и стража*. XXX. *Разговор с стражей*. XXXI. *Они засыпают вместе*.

V песнь. I. *Сражение*. II. *Страж ведет Фиц-Жеймса*. III. *Спрашивает, как прошел он без пропуска Родрика*. IV. *Я охотник Жеймс*. V—IX. *В разговоре своем Жеймс показывает*. *Проводник свистит. Отовсюду сбегаются воины*. — *Я Родрик — говорит он*. X. *Жеймс готов сражаться. Родрик дает знак рукой, все исчезают*. XI. *Они сходятся на свободном месте*. XII. *Родрик предлагает сражение*. XIII. *Жеймс, удивленный его великодушием, предлагает ему мир и свое представительство у короля*. XIV. *Родрик отвергает с досадой и требует сражения*. XV. *Описание сражения*. XVI. *Родрик падает. Жеймс ждет сдачи. Тот отважно с ним борется; но, ослабевши от ран, умирает*. XVII. *Жеймс трубит в рог, является четве-*

ро вооруженных. XVIII. Он поручает им Родрика и идет в Стерлинг, где готовились игры. XIX. Воины видят идущего старика. XX. Он сходил к Стерлингу, где готовились к играм. XX—XXIII. Описание игр — стрельба из лука, кольцо, бросание кинжала. XXIV. Король не замечает Дугласа. XXV. Спускается олень. Собака Дугласова всех опередила. Ее хотят убить. Дуглас открывается. XXVI — XXIX. За него вооруженные, но он останавливает мятеж. XXXI. Посол от Джона Мара, готовящегося идти в бой с воинами Дугласа.

VI песнь. Караульня. II—V. Разговор стражей. VI. Входит воин с де-вой и стариком. Это Эллена и певец. VII—VIII. Эллена просит, чтобы ее повели к королю. IX. *Является начальник стражи и ведет ее.* XI. *Певец просит, чтобы его проводили к его господину, стражник тихо отводит его к умирающему Родрику.* XIII. *Родрик заставил его петь песнь, во время которой умирает.* XXII. Жалобные песни на смерть Родрика. XXIII. Между тем Эллена одна. XXIV. Слышится песнь пленного звероловца — это Малькольм. XXV. *Является Фиц-Жеймс и ведет ее в чертог короля.* XXVI. *Фиц-Жеймс сам король.* XXVII. *Эллена падает на колени и протягивает ему кольцо. Король прощает Дугласа, который сам уже тут.* XXIX. Он соединяет с нею Малькольма — Обращение к арфе.

РОДРИК И ИЗОРА

I.

Гаддер и Свенд и Русла.

Вступление — к ней. Этот замок теперь (нрзб.).

Гаддер в морском походе похищает Руслу и вверяет брату Свенду.

Они едут в замок.

Дорогою Свенд и Русла влюбляются друг в друга.

Все готовится к брачному торж(еству).

Гаддер возвращается.

Подозрительность и ревность.

Русла дает свидание на берегу озера в подземелье.

Ночь. — Предчувствие.

Их подслушивают.

В тишине вдруг озаряется.

Гаддер вызывает на поединок.

Там где раздается.

Русла падает в обмор(ок).

Приходит в себя: все тихо.
Факел, подле него труп.
Она сходит с ума.
[Гат(ред)] Беспреданно приходит.
Умирает.
Отчаяние Гаддера — Он едет.
Буря.
С тех пор.
Замок исчез.
Одно подземелье.
В нем слышится голос.
Огонек.
Здесь замок.
Озеро.
Роца и храм.

II.

1. Теперь, где пышный царский дом над озером,
Где часто раздаются голоса и
Где мы приходим удивляться (нрзб.),
Там в старину было иное:
Бор — озеро посреди ельника,
Замок Гаддера.
Его нет.
Ужасный гнев Божий постигнул.
2. Гаддер был славен могуще(ством).
Мрачен.
3. Свенд, брат его.
Храбр.
Любим.
4. Часто по берегам девы.
Часто в замке девы —
Никто не смел приступить.
5. Однажды с ладьями в море
Русла похищена натиском.
6. Гаддер вверил ее прекрасному Свенду.
Сам остался одинок.
Свенд привез ее в замок.
7. Его участие.
И слезы ее.

Сострадание укрепило прелестную к нему.

8. Долго не возвращался Гаддер.

Между тем любовь соединила).

9. Иногда на берегу

При нем забывает.

Юноша молчал.

10. Наконец является Гад(дер).

Тут сердце в буре.

[Он сказал Русле чтобы пришла]

[Должно было молча]

[Свирепый и ревнивый Гаддер заметил].

11. Молчание неспокойное).

Гаддер замечал.

Однажды призвал он.

12. Разговор.

Условие ночью.

13. Я буду ждать в подземелье.

Но стены имели уши.

Встречаются.

14. [Гаддер.]

III.

Преступает

Нападение

Отдает и велит готовить к браку

Дорога

Любовь дотла

Возвращается Гаддер — ревность и подозрительность

Жалоба

Ночное свидание

Предчувствие

Сражение

Изора теряет разум

Гаддер скрывается

Путник к замку

В монастыре

Переменяется игумен

Он видит Гаддера

Разговор об нем и с ним

Гаддер пропадает

Платье
Замок его разруш(ился)
Одно подземелье
Свечка
Голос

IV.

Гатред, один из рыцарей, вызванных Альбертом Епископом в Лифляндию, отделяется от прочих рыцарей — строит замок в густоте леса недалеко от берегов Балтийского моря и оттуда делает набеги на берега в кораблях, грабит и опустошает [он является в Ревель], молодой брат его [Адольф] Волкуин ему всегда сопутствует. В одном из сих походов похищена Изора [двумя] братьями. Гатред, ею плененный, вверил ее Адольфу для приведения в замок, а сам остался довершать поход. Адольф во время переезда влюбился в Изору, и она полюбила Адольфа. Он знает о страсти брата, но не может победить собственной. Поэма начинается [на берегу] тем, что Адольф и Изора сидят на берегу озера, над коим возвышается замок, спокойные, но предчувствия, ждут скорого возвращения брата. В разговоре их в немногих словах описываются и все предшествующие происшествия и выражается характер и Гатреда, и Адольфа, и Изоры. — Гатред: ужасный, страсть и необузданность, питомец Юга, ревнивец, мстительный, но великий. Молчаливость, самовластие, непоколебимость, храбрость — умеет победить всякое движение и скрыть и никогда не победил ни одной страсти, владеет собой только для того, чтобы себе дать волю. Самая сильная привязанность к брату, но уступающая силе других желаний: для исполнения их не пощадит и брата. Все ему повинуются — но повинуются одним взглядом, движением и отрывистым словом. Он повелевает ими молча или одним словом. Адольф — тот же страстный характер, но живость молодости; необузданность и нетерпеливость в страсти: любовь и уважение к брату — но уступающие силе любви. Изора — глубокая меланхолическая чувствительность. — Они ждут Гатреда. Он является. Объявляет о выборе своем Адольфу и Изоре. Их бледность им изменяет. Он молчит, но все знает. Их разговор, который подслушал: Адольф предлагает Изоре ночью свидание в подземелье, оттуда ход в лес, там будет конь — они уедут. — Изора идет в подземелье. Буря. Адольф уже там. Вдруг их окружают. Сражение при факелах и глухом громе бури. Адольф убит, и факел. Изора приходит в себя и умирает над телом Адольфа — видит фигуру сидящую. — В цистерцианском монастыре в Ревеле был избран игумен-старец, он смотрит, кто это. Он находит его однажды —

исповедь — неизвестный исчезает — видели ладью — буря, где озеро омывает, там...

V.

Первая сцена.

Ты задумчив, Родрик — Не знаю, что мучит меня! [Все вокруг нас прекрасно]. — Ты здесь, а я уныл! — смотри, как небо ясно! — Видишь ли эту тучу! В ней дрожат молнии! все тихо и светло; но гроза будет. Гладкая поверхность этого озера скоро взволнуется. Теперь в нем ясно отражается наш замок; черные ели и сосны в нем видны! Но видишь ли, как ласточки над ним быстро кружатся и почти прикасаются к нему крыльями! Воздух спокоен, но душен! Эта неподвижность предвещает волнение — отчего ты задумчив? Родрик не отвечал, но долго смотрел на Изору. Помолчав, сказал он: нынче возвращается Гатред. — Изора побледнела, и вместе с ней побледнел Родрик, и рука его невольно сжала меч. Он устремил черные глаза свои в даль, и темное пламя в них запылало. Изора, я предчувствую ужасы в сем возвращении. Брат мой видел тебя; [я знаю его душу — в ней уже таится страсть. Зачем поверил он мне тебя!] Он никому никогда не открывал души своей. Все таится в душе его великой, но грозной и непреклонной.

Когда он похитил тебя из твоего замка на берегу кипучей Нарвы, мщение помчало его вслед за твоими братьями — мне вверил он тебя, я должен был на корабле нашем перевезти тебя в замок. Он не сказал ни слова. Но теперь воспоминание о взоре его, задумчивом и пылающем, на тебя устремленном, о его молчании, с каким он на тебя смотрел — ты стояла бледная и робкая; в эту минуту я видел одну тебя, но когда мы отплыли, я устремил на берег глаза. Величественный образ моего брата мне представился. Один стоял он на берегу и смотрел за нами. О, теперь знаю, что было в душе его — знаю и содрогаюсь. Судьба страшно над нами играет... Тогда душа моя полна была тобою. Теперь, когда он близко... Изора не ответствовала. Она протянула к Родрику руку, прижала ее к сердцу, другую подняла к небесам и смотрела на Родрика нежными, полными души глазами. Он упал пред нею на колена и прижал горящее лицо к ее коленам. — Что ни будет, сказал он, поднявшись с места, я твой! Мы неразлучны! За него отдам жизнь! Отдал бы свою любовь и погиб, но твоею любовью пожертвовать не могу, не хочу, и это решено! ...Изора, слушая его, смотрела на небо, душа ее молила Спасителя; ему поверяла судьбу свою и будущее! ...[Молю небо, чтобы я ошибся. Чтобы сердце Гатредово было спокойно]. В эту минуту зашумело в лесу, и явился во всеоружии воин... Родрик и Изора встали.

Это был Гатред. Молча подал он руку брату. Быстро взглянул на обоих; все увидел, но глаза его ничего не выразили; чувствительно было легкое содрогание в руке. С спокойствием сказал он: Я отделился от своих, чтобы вас изумить. Там все кончено — их нет! Замок (нрзб.): куча золы. Изора, я тебя стою. Послезавтра пойдем к алтарю.

VI.

Родриг и Изора сидели на берегу озера, день склонялся к вечеру. Ты задумчив, Родриг, сказала Изора. — Где твои мысли? Мы вместе, а ты мрачен. Смотри, как небо ясно. Родриг поднял глаза на небо. — Видишь ли там, на краю неба, эту тучу. В ней молнии. Будет гроза. Поверхность нашего озера еще гладка, но ласточки летают по нем и почти прикасаются к его гладкой поверхности, воздух тяжел. Будет буря! Это небо, как счастье жизни — не верь его ясности. О, что же причиную твоей печали? Родриг долго смотрел на Изору и молчал. — Нынче должен возвратиться Гатред [Это день им назначенный]. Изора побледнела, и Родриг побледнел, и рука его сама собою опустилась на меч. Он устремил черные глаза свои в даль, и темное пламя в них запылало... — Изора, я предчувствую нечто ужасное в этом возвращении. До сих пор душа моя предавалась унынию любви, и для нее не было ни прошедшего, ни настоящего. Но Гатред возвращается — При этом все предо мною раскрылось. Все, что было, пришло мне на память, все, что будет, стоит предо мною как страшилище. Изора [Гатред, мой грозный брат, любит тебя. Но робость заставляет меня содрогаться; припомнишь ли] тот день, когда мы вырвали тебя из замка твоих похитителей? [Мне его не забыть, этот] О день прекрасный... день ужасный и лучший в моей жизни! Молчи, Родриг, дай насладиться воспоминанием! Эта минута, в которую два ваши корабля появились — как будто радость перед ними летела! Нарова кипела, а я плакала — все мои родные погибли! и когда начался стук оружия, загорелся замок, ты отыскал, выхватил, пронес меня к кораблю. Гатред стоял, притиснув к земле одного из моих похитителей, другие бежали... потом мы очутились на палубе и скоро посреди спокойного моря, и ничего кроме тебя и тишины и неба, над нами простертого... минуты счастья. Свобода и любовь. — О прекрасные минуты! но их нет! теперь, когда близок Гатред, все возобновилось в моей памяти. В тот час, когда разрушенный замок догорал и падал, и когда ты стояла в виду корабля, я видел одну тебя, ты лежала на моих руках, я нес тебя на корабль, теперь помню. Вверю тебе мою Изору, сказал брат мой: ты с ней в мой замок — я здесь довершать мщение! И рука его сильно мою сжала. — Этот голос промчался мимо ушей

моих. — Когда я стал на корабль и мы начали отчаливать, я взглянул на берег — там стоял брат мой неподвижный, и взоры его пылали! Эти взоры были мне понятны — но я обо всем забыл близ тебя — но теперь знаю, что билось в душе его. — О Изора! Знаю и содрогаюсь! О Изора! Ты не знаешь моего брата! Душа в нем великая, но она ужасна и непреклонна. Никто не проникал в глубину ее! Лицо его никогда не изменяет чувству! И сколько же сильно то чувство, которому изменит его лицо! Сию перемену я видел на лице Гатреда и знаю все, что в его сердце. Он любит тебя страстно. И ничто не преклонит его страсти. Никогда еще не колебалась его воля; никогда не было послушания его слову. Никто не слышал его говорящего много — но каждое его слово есть закон. Он мой брат — но и для меня был он доселе неприступен. Один я его обожаю, как Бога, и что теперь... Что будет, Изора? Изора не ответствовала, одною рукою она прижала Родригову руку к сердцу; другую подняла (в) небо и смотрела на Родрига нежными глазами. В них изображалась клятва: навеки и все пополам. Пусть будет, что будет! Мы неразлучны. За него я отдал бы жизнь, ему пожертвовал бы своей любовью и погиб, но твоей любви не отдам, и это решено. Они встали, подошли к озеру. Вдруг в лесу зашумело. Смотрят. Идет воин. Это Гатред. Он подошел к ним быстро. Молча подал руку брату; быстро взглянул на них; все увидел, но глаза его ничего не признали, в руке только чувствительно было содроганье. Спокойно сказал он: Изора там все кончено! Твоих притеснителей нет! Замок куча золы. Я тебя стою, завтра ты моя. Родриг, чтобы все было готово к свадебному обряду — Изора и Родриг побледнели. Гатред не взглянул на них, но видел их бледность; отдал спокойно свой шлем оруженосцу и пошел к замку.

VII.

- Предисл(овие)
 I. Беседы отца 10
 II. Воспоминание 50
 III. Песня
 IV. Дева и сходство 50
 V. Характер 50
 VI. Супружество 25
 VII. Любопытство и видение 50
 VIII. Унылость 45
 IX. Смерть 45
 X. Жалобы невинности 50
 XI. Остатки к следующей песне 50

- I. Посвящение Герсике
- II. Образ монаха (?) рассказ
- III. Сцена в церкви
- IV. Рассказ — Родрик и бегство
- V. Изора
- VI. Сражение и поручение брату
- VIII. Возвращение и [ревность]
- IX. Ревность
- X. Сражение
- XI. Смерть Изоры. В озеро
- XII. Бегство.
- XIII. (нрзб) состояние
- XIV. Гатред исчезает
- XV. Остатки

VIII.

Предисловие.

Историк.

Старина. Для объяснения в Лифляндию. Рыцари девы. Огонь и меч. На берегах Двины. Герсика разрушена. Князь бежал с сыном. Он потерял жену; сын — невесту — поселился; но в манускрипте упоминается о том, чего нет в Истории. Истина чудесное отвергает. S. Paul. Предания. Все населено. Ныне мы (нрзб.), а тогда Альфы. Духи цветов — голос лесной — мертвецы.

ПРИЛОЖЕНИЯ



А. С. Янушкевич

ПОВЕСТИ И СКАЗКИ ЖУКОВСКОГО

Готовя к печати последнее прижизненное собрание сочинений (С 5), Жуковский первоначально ориентировал его структуру на жанровый принцип распределения материала, как это было в четырех предшествующих изданиях (С 1—4). В «Общем оглавлении» к С 5, где торжествовал этот принцип, он вслед за «Эпическими стихотворениями» выделяет раздел «Повести и сказки», куда включает 18 произведений (см.: Матяш. С. 154), написанных в течение 1816—1845 гг. Проставляя даты после каждого заглавия, Жуковский как бы фиксирует длительность процесса создания «повестей и сказок».

Отказавшись от жанрового принципа в пользу хронологического расположения произведений, Жуковский тем не менее в конце 6-го тома, после «Рустема и Зораба», специальным заголовком выделяет рубрику: «Сказки и повести», куда включает 7 произведений, написанных в 1843—1845 гг. (см.: С 5. Т. 6. С. 223—331). Сюда вошли три сказки («Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке», «Тюльпанное дерево», «Кот в сапогах») и четыре повести («Маттео Фальконе», «Две повести. Подарок на Новый год издателю “Москвитянина”», «Капитан Бопп», «Выбор креста»). Этим разделом и заканчивается поэтическая часть С 5, так как 7-й том уже включает прозу.

Таким образом, Жуковский выделяет в конце творческого пути ту жанровую рубрику, которая и определяет состав 4-го тома настоящего издания.

Путь Жуковского к этой жанровой дефиниции можно считать вполне сознательным и эстетически обусловленным. В диахроническом аспекте есть основания говорить о следующих этапах поэтического самоопределения.

В 1805—1808 гг., работая над «Конспектом по истории литературы и критики», Жуковский прежде всего создает раздел «Эпическая поэма», включающий историю античной эпопеи, рассуждения о «Потерянном рае» Мильтона и «Мессиаде» Клопштока, о «Генриаде» Вольтера (см.: Эстетика и критика. С. 49—101). В это же время, около 1805 г., разрабатывая программу будущих творческих замыслов, он намечает следующие

щие жанровые рубрики: «Эпическая поэзия», «Живописная поэзия», «Дидактическая поэма», «Басни и сказки» (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 8. Ср.: Резанов. Вып. 2. С. 252—254). В другом списке этого же времени, под общим заглавием: «Что сочинить и перевести», он называет «сказки», «сказку народную», какую-то «американскую повесть» (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 58 об. Ср.: Резанов. Вып. 2. С. 255), но четкой дифференциации сказки, повести и поэмы пока обнаружить невозможно.

В 1805—1816 гг. возникают многочисленные поэмы замыслы: планы описательной поэмы «Весна», исторической поэмы «Владимир», наброски переводов из «Оберона» Виланда, «Мессиады» Клопштока, «Девы озера» Вальтера Скотта.

В 1817—1824 гг. Жуковский ищет свою модель романтической поэмы. Почти одновременное появление переложений и переводов «Слова о полку Игореве», гердеровских романсов о Сиде, отрывков из «Энеиды» Вергилия, «Метаморфоз» Овидия, «Шильонского узника» Байрона, «Пери и ангела» Мура, «Орлеанской девы» Шиллера — знаменательный факт не только творческой биографии Жуковского, но и русского историко-литературного процесса в целом. Поэт-романтик осваивал самые различные формы древнего эпоса и европейской поэмы: байроновскую романтическую модель, «драматическую поэму» Шиллера, «восточную повесть» Мура, структуру русского и испанского эпоса, античной эпической поэмы. На этом материале, путем его особой концентрации и обработки, выделяя из больших текстов законченные отрывки-фрагменты, он создавал ситуации русской романтической поэмы: тюремно-узническую, демоническую, патриотической жертвенности, безграничной любовной преданности, героико-историческую. Русский романтик чутко угадывал в своих переводах-переложениях ритмы нового времени, формируя новые стиховые модели, перспективные для будущей русской поэмы: белый пятистопный ямб «Орлеанской девы», четырехстопный ямб со сплошными мужскими окончаниями «Шильонского узника», сказовый гекзаметр и т. д.

Опираясь на традицию английской «tale», французского «le conte», немецкого «der Erzählung», Жуковский еще недостаточно последователен в жанровых определениях своих лироэпических опытов. Так, в С 3, появившемся в 1824 г., он выделяет «Сельские стихотворения», дает подзаголовки: «поэма», «сказка», «старинная повесть». Только к 1831 г. настойчиво в систему жанровых определений входит слово «повесть». В двух изданиях «Баллад и повестей» (СПб., 1831), которые давали представление не только «о прошлом странного жанра [баллад. — А. Я.]», но и «о будущем поэзии Жуковского (движение от баллад к эпосу)» (Нем-

зер А. С. «Сии чудесные виденья...» // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 159), это понятие закрепляется как в общей номинации книги, так и в рубрике «Повести» (Ч. 2. С. 145—233). Правда, в титулах и подзаголовках это еще недостаточно последовательно проявляется: «Шильонский узник» назван «поэмой», «Неожиданное свидание» — «былью»; возникает подраздел: «Дедушкины рассказы», куда включены «Красный карбункул», «Две были и ещё одна».

Наконец в С 4 (СПб., 1835) весь пятый том уже идет под общим титулом: «Повести», причем это жанровое определение поглощает и три сказки, созданные в 1831 г.: «Война мышей и лягушек», «Сказка о царе Берендее...», «Сказка о спящей царевне». Единственное исключение — «Аббадона», помещённая в 6-м томе раздела «Смесь».

Последнее прижизненное собрание сочинений (С 5) закрепляет эту традицию жанровой номинации. И в «Общем оглавлении (см. выше), и в подзаголовках произведений, опубликованных здесь, определения «повесть» и «сказка» сохранены, выступая как некое художественное единство в 6-м томе: «Сказки и повести».

Процесс становления в русском художественном сознании стихотворной повести как жанра — длительный и прихотливый. Готовя к печати свою «повесть» «Кавказский пленник», Пушкин вначале упорно именуется её «поэмой», а в письме Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г. сообщает: «Назовите это стихотворение [«Кавказский пленник»] сказкой, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте...» (Пушкин. Т. 13. С. 31). И впоследствии Пушкин, «обозначая жанр большого эпического стихотворного произведения», употреблял обычно два термина: «поэма» и «повесть». Это отразилось и в наиболее полном прижизненном издании поэм, двухтомнике 1835 г., названном «Поэмы и повести» (Худошина Э. И. Жанр стихотворной повести в творчестве А. С. Пушкина. Новосибирск, 1987. С. 4).

Жуковский определение «поэма» чаще всего в раннем творчестве связывал с классической эпопеей, прежде всего с гомеровским эпосом. Показательно, что в «Общем оглавлении» к С 5 он вообще не употребляет это жанровое определение, заменяя его «эпическим стихотворением» (Матяш. С. 153).

В 1830—1840-е гг. закрепление понятия «повесть» прежде всего было связано с экспериментами Жуковского в области «повествовательной», «безрифменной» поэзии. Обратившись к образцам европейской прозаической повести (Тик, ла Мотт Фуке, Гебель, Шамиссо, Мериме, Рюккерт, рейнские сказания), он выявляет их жанровую форму, повествовательную структуру, перелагая прозу на язык поэзии. Так, публикуя отрывки

из «Ундины» в БдЧ (1837. Т. 2; гл. 4—10), Жуковский делает следующее примечание: «Мы привели здесь едва третью часть этой *поэмы*...» (С 2. Курсив мой. — А. Я.). Но уже в отдельном издании «Ундины» 1837 г, а затем в С 4 и С 5 Жуковский последовательно называет ее «старинной повестью», хотя в «Общем оглавлении» «Ундина» еще входит в рубрику «Эпические стихотворения» (Матяш. С. 153). Работа над «Ундиной» — стихотворным переложением одноименной прозаической повести Ламонтт-Фуке (подробнее см. примечания в наст. издании) — венец поисков в области сближения поэзии и прозы, поэмы, баллады, сказки и повести. И ее итоговое определение в последнем прижизненном издании — «Старинная повесть» обозначает тенденцию этого процесса.

То же самое происходит и с прозаической сказкой (фольклорной и литературной). Перелагая ее в стихи, Жуковский обнажает в ней природу повествовательности. Не случайно «сказки» в терминологическом лексиконе Жуковского становятся «повестями».

В творческом наследии поэта шесть законченных поэтических сказок: три из них («Сказка о царе Берендее...», «Война мышей и лягушек», «Спящая царевна») — плод царскосельской осени 1831 г., времени сотрудничества Жуковского и Пушкина в области литературной сказки; три («Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке», «Кот в сапогах», «Тюльпанное дерево») написаны во Франкфурте в 1845 г. Промежуток почти в 15 лет, разделивший «царскосельские» сказки от «франкфуртских», обозначил эволюцию жанровых поисков Жуковского. Включая поздние сказки в «книгу повестей для юношества», ориентируясь на «авторскую литературную сказку» (об этом подробнее: *Скачкова (Березкина) С. В.* Сказки В. А. Жуковского: Генезис, источники, жанровое своеобразие. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 17), Жуковский отчетливо выявляет повествовательную природу сказки. Их появление в общей подборке «Повести» (С 4. Т. 5) обозначает этот процесс.

Характерно, что в 1826 г. Жуковский публикует переложение шести прозаических сказок: «Волшебница», «Рауль Синяя борода», «Колючая Роза», «Братец и Сестрица», «Милый Роланд и девица ясный цвет», «Красная Шапочка» (Детский собеседник. 1826. № 2. С. 95—124), сюжеты которых предвосхищают шесть будущих поэтических. От прозаической сказки к поэтической — естественный процесс поиска Жуковским приёмов повествования, разговорного слога, «простого стиля». Об этом подробнее см.: *Елеонская Е.* Жуковский — переводчик сказок // Русский филологический вестник. 1913. № 3. С. 161—170.

Показательна в этом отношении эволюция жанрового подзаголовка к переводу стихотворения И.-П. Гебеля «Красный карбункул» («Der

Karfunkel»). При первой публикации в 1817 г. Жуковский называет его «сказкой». В С 3 (1824) «Красный карбункул» находится в разделе «Сельские стихотворения»; в «Балладах и повестях» (1831) получает подзаголовок: «Дедушкины рассказы». В С 4 (1835), сохранив этот подзаголовок, он входит в раздел «Повестей». Наконец, в С 5 к нему возвращается первоначальное определение: «Сказка», а в «Общем оглавлении» «Красный карбункул» открывает рубрику «Повести и сказки» (подробнее см. примечания в наст. издании).

И тем не менее дифференциация «повести» и «сказки» очевидна. Подзаголовок «быль», которым Жуковский иногда сопровождает свои повести и даже включает его в общее название: «Две были и ещё одна», намечают водораздел между вымыслом, фантазией и истиной, былью. Эта граница достаточно подвижна, но без неё путь Жуковского к стихотворной повести будет непонятен.

Русская литература 1830-х годов последовательно шла к новой прозе. «Повести Белкина» Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» Гоголя, три части «Повестей Михаила Погодина», «Пёстрые сказки» Одоевского, «Три повести» Н. Павлова, статья «О русской повести и повестях Гоголя» Белинского, появившиеся в 1831—1835 гг., способствовали закреплению в национальной традиции прозаической повести и сказки как «форм времени». Жива была ещё и русская стихотворная повесть.

Оставаясь рыцарем поэзии, Жуковский в это время разрабатывает эстетику и поэтику «повествовательной поэзии». Процесс сближения поэзии с прозой у Жуковского вначале носил в основном «технический» характер. Поэт, пробуя возможности гексаметра и белого стиха, экспериментировал в области стихотворной прозы. Как справедливо замечает исследователь, Жуковский «с годами всё больше уходит в работу над говорным, повествовательным стихом, стремясь к предельной простоте и естественности» (*Гаспаров М. А. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 163*).

Важнейшим критерием его отношения к поэзии становится критерий простоты. Ещё в 1811 г. Жуковский перевел для «Вестника Европы» статью Д. Юма «О слоге простом и слоге украшенном», где особенно была акцентирована мысль о том, что «мы должны более остерегать себя от излишней украшенности, нежели от излишней простоты» (ВЕ. 1811. Ч. 56. № 8. С. 289). Понятие особого «простого слога» в 1830—1840-е гг. он развивает в письмах, прежде всего к П. А. Плетнёву. «Этот слог, — пишет поэт, — должен составлять средину между стихами и прозой, то есть, не быв прозаическими стихами, быть однако столь же

простым и ясным, как проза, так чтобы рассказ, несмотря на затруднение метра, лился как простая, непринужденная речь». И добавляет: «... с размером стихов старался согласить всю простоту слога» (С 7. Т. 6. С. 590—591).

Высоко оценивая достижения современной прозы (известны его отзывы об исторических романах Загоскина и Вальтера Скотта, о «Тарангасе» Соллогуба и «Мёртвых душах» Гоголя), сам Жуковский идет своим путем: он перелагает прозу, в том числе современную европейскую романтическую повесть, на язык поэзии. Он ищет в поэтическом языке своеобразный эквивалент прозы. В атмосфере формирования новой русской прозы опыты Жуковского отразили его компромиссную позицию. Чутко уловив сдвиги в эстетическом сознании эпохи, тенденции пушкинского и гоголевского развития, Жуковский старается прозу подчинить поэзии, а саму поэзию организовать по законам прозы. «Желаю, чтобы попытка прозы в стихах не показалась вам прозаическими стихами» (С 7. Т. 6. С. 591) — так он подчеркивает важность поэтического начала в своих стихотворных сказках и повестях.

Показательно стремление Жуковского к объединению нескольких текстов в художественное единство. Его сборник 1831 г. «Баллады и повести», появившись одновременно с «Повестями Белкина» Пушкина и «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя, обозначил путь русской литературы к циклизации малых форм и жанров (об этом подробнее: Янушкевич. С. 183—197). Но не менее интересно создание «кумулятивных» текстов: «Две были и ещё одна» (1831), «Две повести. Подарок на Новый год издателю “Москвитянина”» (1844), когда поэт сопрягает, присоединяя друг к другу, произведения разных авторов (Саути и Гебеля — в первом случае, Шамиссо и Рюккерта — во втором). Повествовательные скрепы, образ рассказчика, небольшие лирические отступления, создание особого жанрового колорита (идиллии, философско-религиозной притчи) — всё это обогащало палитру Жуковского, автора стихотворных повестей.

Идея воспитательного эпоса определила содержательность его жанровых поисков. Неслучайно к середине 1840-х гг. у него оформляется грандиозный замысел «Повестей для юношества», «самой образовательной детской книги». В рукописях поэта сохранился черновой проект книги, включающей заглавия нескольких десятков сказок, стихотворных повестей, переложений народных и библейских сказаний, отрывки из моралистов и «Орлеанской девы», из «Нибелунгов», «Батрахомиомахии», гомеровского эпоса, обработку сюжетов русской истории (Михаил Тверской, Отрепьев, Иван Сусанин, Пожарский). Уже в загла-

виях предполагаемых для книги повестей очевидна установка поэта на создание своеобразной «героической летописи» (см.: РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка. Л. 1—2).

Герои разных эпох и народов объединяются Жуковским под одной обложкой. Жуковский-поэт, мыслитель и Жуковский-педагог, воспитатель выступают здесь в едином облике. Знаменательно, что постоянно находящийся рядом с Жуковским Гоголь в середине 1840-х гг. замыслил «Учебную книгу словесности для русского юношества», где попытался приложить к практической деятельности Жуковского теорию поэзии. Можно ли говорить об этом замысле Жуковского и Гоголя как о своеобразной «двойчатке» — особый разговор, но замысел книги «Повестей для юношества», сконцентрировав эпические поиски Жуковского, стал ярчайшим выражением его просветительской программы.

История славной и поучительной жизни выдвигается в центр повести как жанра. Любопытно, что Гоголь в своей «Учебной книге...» сближает в этом отношении повесть и сказку. В разделе «Сказка» он пишет: «Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облакающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу. Таковы отчасти две повести Жуковского о жизни человеческой» (Гоголь. Т. 8. С. 476). Иоанна д'Арк и Сусанин, Зигфрид Змееборец и Пожарский, Иосиф Прекрасный и Иван-царевич, Ахилл и Маттео Фальконе, капитан Бопп, Экберт, мудрец Керим, Ундина, Агасфер — из всех этих историй и жизненных судеб Жуковский хотел извлечь поучительный урок для юношества. С этой же установкой связан и его замысел особого издания «Одиссеи» для юношества, работа над «Повестью о войне Троянской», вбирающей мифологию, сюжеты трагедий древнегреческих авторов, гомеровский эпос (см.: БЖ. Ч. 2. С. 533—545).

Всеобъемлющий поэтический замысел Жуковского, к сожалению, не был осуществлён. Перевод «Одиссеи», замысел создания новой «Илиады», работа до последних часов жизни над поэмой «Странствующий жид» отодвинули на будущее реализацию этого проекта. Но этого будущего для поэта уже не было...

Трудно сказать, какой жанровый подзаголовок получила бы (будь она дописана и напечатана при жизни) «лебединая песнь» поэта — «Странствующий жид». В письме к П. А. Плетнёву от 13 сентября 1851 г. он называет её «поэмой»: «загомозилась во мне поэзия, и я принялся за *поэму*, которой первые стихи мною были написаны назад тому десять лет» (Переписка. Т. 3. С. 698). «Я написал *поэму*; она ещё не кончена (...). Это

Странствующий Жид в христианском смысле. В ней заключены последние мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь...», — говорил поэт о. Иоанну Базарову 10 (22) апреля 1852 г., за два дня до своей смерти (Жуковский в воспоминаниях. С. 453. Курсив везде мой. — А. Я.).

В жанровой системе «повестей и сказок» «Странствующий жид» — последнее звено, финальная точка, скорее, даже многоточие. Но звено естественное и закономерное. Опираясь на библейские источники, литературную традицию, Жуковский создаёт глубоко оригинальное произведение. Вероятно, жанровый подзаголовок «повесть» предполагал в сознании Жуковского момент переложения, стихотворной транскрипции известного повествовательного текста. Литературная сказка тоже включала «освоение чужого и постижение своего, народного, их сопряжения» (Скачкова С. В. Из истории русской литературной сказки: Жуковский и Пушкин // РЛ. 1984. № 4. С. 128). Создавая поэму, Жуковский был более свободен в вымысле. После перевода гомеровской эпической поэмы он попытался создать оригинальное творение и подчеркнул это, вероятно, ее определением как «поэма».

Абсолютное большинство стихотворных повестей, да и сказок Жуковского — произведения переводные, точнее, имеющие какой-то иностранный источник. Но вряд ли их можно назвать переводами в буквальном значении этого понятия. Выбирая отрывки из больших текстов, оригинально сопрягая их в художественное единство, перелагая прозу в стихотворную форму, экспериментируя в области стиха, жанра, Жуковский творил модель национального эпоса, предвосхищая и будущую русскую поэму, и открытия в области русского романа.

Далеко не случайно он завершил свой творческий путь произведением, опирающимся на самые различные источники: библейские, исторические, русские и зарубежные, фольклорные и литературные, но глубоко оригинальным по своим религиозным, этико-философским, историософским, психологическим установкам. «Чужое» и «своё» неразделимы в творческом сознании Жуковского — автора стихотворных повестей и сказок. Это единое художественное пространство великого русского поэта — «гения перевода» и оригинального экспериментатора в области национального эпоса. Путь «первого русского романтика» от «Аббадоны» до «Странствующего жида» — путь почти в 40 лет — это еще и «поведенческий текст», ибо за поисками в области национального эпоса открывается история мучительных открытий и прозрений русского общества в постижении мира и человека.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Корпус тома «Стихотворных повестей и сказок», как уже было сказано во вступительной статье, достаточно условен, хотя имеет основание и в жанровом мышлении Жуковского, и в эдиционной практике. От «Аббадоны» (1814) до «Странствующего жид» (1852), открывающего и завершающего данный том текстов, — почти вся творческая жизнь поэта, во всяком случае основные этапы его пути к эпическим формам поэзии. И в этом смысле «Повести и сказки» репрезентативны по своей сути: в них, через них, в соотношении с ними проявляются характерные черты поэтики Жуковского, его творческих поисков, история русской поэмы — от Пушкина и Лермонтова до символистов.

Говорить о какой-то устойчивой эдиционной традиции в отношении сказок и повестей Жуковского невозможно. В посмертных изданиях их или «растворяли» при так называемом общем хронологическом принципе (см. дореволюционные собрания сочинений: СС 6—10, ПСС), или включали в рубрики: «Поэмы и повести», «Сказки» (СС 1—2), но с пропусками (как это ни странно звучит: по цензурным причинам). Произведения «мистико-религиозного характера» после 1917 г. не перепечатывались, а поэтому стихотворные повести «Капитан Бопп», «Египетская тма», «Повесть о Иосифе Прекрасном», «Выбор креста», до самого последнего времени — «Странствующий жид» (впервые — благодаря подвижничеству И. М. Семенко — в 1980 г., в СС 2), выпали как из читательского поля зрения, так и из научного оборота. О них (конечно, тут сказалось и общее отношение к позднему Жуковскому, и социологические подходы к литературе) почти не писали и даже не упоминали в обзорных статьях.

Сказки Жуковского издавали чаще и лучше. Правда, в дореволюционных изданиях много было неясностей текстологического характера и по существу отсутствовали примечания. Впервые на текстологию сказок обратил внимание Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 2; в специальной рубрике «Сказки» по неизвестной причине отсутствовала «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке»), включив в раздел: «Варианты и другие редакции» материалы из архива поэта. Он же попытался дать подробную творческую историю сказок. Уточнения и разыскания исследователей (С. В. Березкина, Л. Э. Найдич, К. Гордон) внесли существенные коррективы в текстологию, в проблему источников и датировки сказок, что и отразилось в наст. изд.

В прижизненных изданиях (от С 1 к С 5), а также в БиП, БП состав повестей и сказок постоянно менялся, что объяснялось двумя причинами: во-первых, появлением новых произведений и включением их в собрания стихотворений; во-вторых, эволюцией жанрового мышления поэта, что приводило к изменению подзаголовков, рубрикации. В последнем прижизненном издании (С 5) были опубликованы в основном все сказки и повести, входящие в настоящий том. При жизни поэта не увидела свет его «лебединая песня», незаконченная поэма «Странствующий жид», не оказалось среди прижизненных публикаций «библейских повестей» — «Повести о Иосифе Прекрасном» и «Египетской тмы».

Как и в предшествующих томах наст. изд., источником публикации для нас было последнее прижизненное собрание сочинений (С 5), и все напечатанные в нем повести и сказки являлись *основным* (дефинитивным) текстом.

В связи с этим необходимо оговорить некоторые особенности его воспроизведения. Разумеется, *основной* текст вряд ли следует считать *каноническим*, так как приходящие обстоятельства (вмешательство цензуры, воля редактора или издателя, опечатки) позволяют вносить некоторые изменения в последний прижизненный текст произведения.

В случае с С 5 Жуковского тоже возникают сложности. Известно, что во время подготовки этого собрания сочинений, вышедшего в свет в 1849 г., Жуковский уже постоянно жил в Германии и поэтому все издательские дела поручил П. А. Плетнёву. Плетнёв в переписке с Жуковским подчёркивал, что «это издание, собственно вами просматриваемое и распределяемое, должно будет остаться нормальным для всех будущих изданий сочинений ваших, когда они потребуются. Вслед за этим можно будет в объявлении тиснуть план нового распределения пьес, соответственно *эпохам* их явления на свет, и *роду*, к которому приблизительно они относятся» (Переписка. Т. 3. С. 585—586) (курсив автора. — *А. Я.*). Но, по всей вероятности, сам Плетнёв по поручению Жуковского принимал участие в издании не только организационно, но и творчески.

Остановившись на хронологическом принципе распределения материала, что проявилось в обозначении годовых подборок в каждом томе (от 1802 — в первом томе до 1841—1847 гг. — в шестом), Жуковский, как уже говорилось во вступительной статье, сделал небольшое исключение для «сказок и повестей», дав их единым массивом (речь идет о поздних произведениях) в конце шестого тома. Этот же принцип соблюден и в «Новых стихотворениях В. А. Жуковского» (Т. 1. СПб., 1849), которые предшествовали С 5 и были идентичны шестому тому.

Однако рудименты жанрового мышления, столь отчетливо проявившиеся в «Общем оглавлении» к С 5 (см.: Матяш), сказались и в окончательном варианте издания. Жуковский постоянно снабжает и в оглавлении к томам, и в титулах заглавия произведений жанровыми подзаголовками. Незаконченность текста, точнее, его фрагментарность дополняется еще одним подзаголовком: «Отрывок». Наконец, прислушавшись к пожеланию Плетнёва: «потрудитесь в Оглавлении же отметить имя автора, которому вы подражаете, или из которого перевели» (Переписка. Т. 3. С. 586), Жуковский присоединяет к заглавию и подзаголовок (подзаголовкам) указание на источник: «Подражание Л. Фуке», «Из Шиллера» и т. д., хотя проблема авторства Жуковского по отношению к оглавлению всех томов остается открытой. Отсутствие его автографа, многочисленные ошибки в датировках и неточности в указании источников наводят на мысль об активном участии в этой работе издателя — П. А. Плетнёва.

Подобная иерархия в номинации текста остро ставит проблему основного (канонического) заглавия. Сравнение названий повестей и сказок в общем оглавлении ко всему тому и на титуле внутри тома выявляет их существенное различие. Прежде всего в титуле снято указание на источник, зато жанровый подзаголовок не только сохранен, но и восполнен для тех произведений 6-го тома, которые попали в общую рубрику: «Сказки и повести». Речь идет о «Тюльпанном дереве», «Коте в сапогах», «Маттео Фальконе», «Двух повестях», «Капитане Боппе», «Выборе креста». Два первых произведения получают подзаголовок: «Сказка»; «Маттео Фаль-

коне» снабжен подзаголовком: «Корсиканская повесть»; «Две повести» дополнены указанием: «Подарок на Новый год издателю “Москвитянина”»; заглавия двух последних текстов дополнены подзаголовком: «Повесть». Именно эти «гитуйльные» заглавия, чаще всего соответствующие первым публикациям, были для нас *основными* в наст. изд.

Более сложной является проблема графического воспроизведения стиха Жуковского. Его гексаметры не умещались в «типографскую рамку», и поэтому нередко стих при публикации «ломали», перенося последние слова на другую строчку. Известно, что уже в печатных экземплярах Жуковский иногда против «ломанных» стихов делал помету: «à la ligne» (букв.: ‘отбить стену по нитке’ — фр., то есть выровнять в единую строку). Этот принцип нарушался постоянно и при жизни, и после смерти Жуковского. В наст. изд. мы попытались передать рисунок стиха Жуковского, особенности его графики, что для повестей и сказок особенно существенно. Их гекзаметрический строй постоянно графически нарушался.

Материалы творческой истории «повестей и сказок» в отличие от лирики дают больше возможностей для разговора о вариантах и редакциях произведений. Лучшая сохранность автографов, многочисленные публикации позволяют более активно включить разночтения в корпус издания. Не нарушая принятых в первом томе текстологических принципов, мы не стали специально выделять раздел: «Другие редакции и варианты», тем более что на данном этапе состояния архивов Жуковского это практически сделать невозможно. Весь материал, связанный с вариантами и редакциями текста, приводится в примечаниях и постижном комментарии.

В связи с подготовкой тома остро встал вопрос о разделении завершенных и незавершенных текстов. Многочисленные эксперименты Жуковского в области «повествовательной поэзии» актуализировали эту проблему. В творческой лаборатории поэта (архив, личная библиотека) сохранилось множество набросков, планов, неопубликованных фрагментов из законченных и напечатанных текстов. Опираясь на общие принципы наст. изд., изложенные в статье «От редакции» (Т. 1), мы поместили все эти тексты в специальном разделе «Из черновых рукописей и незавершенных текстов».

Единственное исключение было сделано для поэмы «Странствующий жид», незаконченного произведения Жуковского. В этом своем решении мы исходили из того, что у Жуковского есть *фривципально* незаконченные и неопубликованные тексты, имеющие сугубо лабораторный характер. Их объем (несколько стихов), отсутствие белых автографов, оборванность на полуслове, отсутствие (как правило) упоминаний в дневниках и письмах не позволяет говорить о перспективах их осуществления. Другое дело — поэма «Странствующий жид», произведение, над которым Жуковский работал до последних часов своей жизни, готовил к печати, перебеливая законченные части текста, считал своей «лебединой песнью», сообщая о работе над ним в письмах друзьям. Объем этого тоже оборванного на полуслове текста, но оборванного смертью поэта, характер работы над ним, его место в творческом развитии поэта — всё это позволяет включить поэму «Странствующий жид» в корпус основных текстов, в то время как два фрагмента из него — переложение «Апокалипсиса», не опубликованное при жизни поэта, не перебеленное и существующее в двух различных вариантах, — рассматривать среди черновых и незавершенных текстов.

В работе над изданием 3-го и 4-го томов наст. изд. мы чувствовали постоянную заинтересованность и материальную поддержку Томской областной администрации в лице губернатора Томской области В. М. Кресса и заместителя главы администрации, начальника департамента по образованию и научно-технической политике В. И. Зинченко, а также ректората Томского государственного университета, прежде всего ректора ТГУ проф. Г. В. Майера и проректоров Г. Е. Дунаевского и М. Д. Бабанского. Им наша глубокая признательность. Выражением этого взаимопонимания и тесного сотрудничества стало появление на титульном листе издания слогана: «Томский университет» как базового учреждения наст. изд.

Наша глубокая признательность всем тем, кто своими советами, консультациями, поддержкой помогал нам на разных этапах работы над этим томом: зав. отделом редкой книги НБ ТГУ Г. И. Колосовой, зав. рукописным отделом РНБ Л. И. Бучиной и сотруднику этого отдела Н. Б. Роговой, сотруднику Рукописного отдела Пушкинского дома Л. Н. Ивановой, директору РГАЛИ Н. Б. Волковой, профессорам Кильского университета (Германия) Аннелоре Энгель-Брауншмидт и Альфреду Мейеру, а также Л. И. Вуич, С. И. Панову, Л. В. Карпущенко, Н. В. Самовер и др.

Аббадона

(«Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона...»)
(С. 9)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 14. Л. 19 об. — белой, ст. 1—16; альбом в красном сафьянном переплете, на котором золотом вытеснено: «Подарок 1806 года, января 16 дня».

2) РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 3. № 8. Л. 1 об., 12, 14, 14 об., 15 — черновой неполный текст, с заглавием: «Аббадона». Из-за ошибки при брошюровке рукописи (л. 1 в тетради должен был занять место л. 15) произошло нарушение последовательности работы Жуковского над текстом. Начало работы — л. 12 (ст. 1—65); после заглавия и пометы: «№ 22» (вероятно, последовательность в росписи долбинских стихотворений, написанных в 1814 г.; см.: ПСС 2. Т. 1. С. 679—680) дан рисунок стиха:

```

— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^
— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^
— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^
— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^
— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^
— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^
— ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^ — ^

```

На л. 14 — черновой набросок ст. 65—90; на л. 14 об. — ст. 90—155. На л. 15 (вверху листа) — ст. 155—170; внизу листа — ст. 170—184. На л. 1 об. — черновые наброски отдельных стихов с нумерацией ст. 160, 165, 170, 173—183.

Копия (РНБ. Оп. 1. № 13 Л. 20 об.) — рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Отрывок из Мессиады» и датой: «1806 год 1 апреля». Сделана с автографа № 1 (см. ниже).

Впервые: СО. 1815. Ч. 22. № 22. С. 95—100 — в разделе «Стихотворения» под заглавием: «Аббадона»: Из второй песни «Мессиады» и с подписью: *Жуковский*.

В прижизненных изданиях: Собрание образцовых русских сочинений. Ч. VI. М., 1817. С. 3—15; С 1—5: в С 1—4 в отделе «Смесь», отнесено к 1814 г., с заглавием: «Аббадона (Из Мессиады)», в С 5 (Т. 2. С. 95—100) — в подборке произведений 1814 г., с заглавием: «Аббадона», но с добавлением в оглавлении в скобках: «Из Клопштока».

Датируется: 17 ноября — 12 декабря 1814 г.

«Аббадона» — перевод отрывка из поэмы немецкого поэта Фридриха Готтлиба Клопштока (1724—1803) «Мессиада», работа над которой продолжалась в течение нескольких десятилетий и была завершена в 1800 г. Уже современники почувствовали в этой поэме «дух Мильтона». Вот характерный фрагмент статьи из «*Meisters Charakteristik*», переведенной Н. М. Карамзиным, в которой приводится отзыв швейцарского критика и поэта И. Я. Бодмера (1698—1783): «Я читал вторую книгу оной [«Мессиады». — И. А.]. Дух Мильтонов живет в сочинителе». В другом письме (к Ланге) Бодмер говорит: «Знаете ли вы, как небо прославляет Немецкую Музу? Она должна произвести эпическую поэму во вкусе *Потерянного рая* и образовать поэта, который в парении сравнится с Мильтоном, Он воспоет важнейшее из действий — Искупление. Герои его будут величайшие из небесных, адских и земных героев. Человечество представится в таком достоинстве, которое оправдает причину Творения, возвысит душу читателя и приблизит его к Богу» (Переводы Карамзина. СПб., 1835. Т. VIII. С. 103). Поэма приобрела общеевропейскую известность и заняла свое место в истории немецкой литературы: с нее, по сути, начинается эпоха «Бури и натиска», эпоха сентиментализма. В той же статье из «*Meisters Charakteristik*» читаем: «Всякий, кто умел писать, писал о *Мессиаде*. Теоретики спорили (...) изъясняли темное, сам Лессинг судил и отдавал справедливость» (Там же. С. 107).

Показательно, что и Жуковский в процессе работы над переводом «Мессиады» постоянно обращал свой взор к Мильтону (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 481—492). В заметках и списках 1800-х гг. под заглавием: «Что сочинить и перевести» обнаруживаем следующие записи: «Эпическая поэма. Отрывки из *Мессиады* и Мильтона» и «Перевести. (...) Из Гесснера. Юнга. Гервея. Мильтона. Клопштока. Клейста» (*Резанов*. Вып. 2. С. 252, 256). В рукописи с названием: «На что делать примечания в Эшенбурговой теории» он записывает: «Сравнить Гомера, Вергилия, Мильтона, Тасса, Клопштока» (Там же. С. 250).

Материалы библиотеки (см.: Описание. № 1433, 1434, 1681, 2253), архива и творчества поэта позволяют говорить о специальном интересе Жуковского к Клопштоку, пронесенном им через всю жизнь. Так, на первом же листе конспекта «Эпическая поэма» (1805) содержится список произведений мирового эпоса, и в нем одной из первых названа «Мессиада» (РНБ. Оп. 2. № 46. Л. 1). В «Конспекте по истории литературы и критики» (1804—1810) Жуковский постоянно обращается к поэме Клопштока, осмысляя историю и теорию эпической поэмы. Но в целом автор оценивает «Мессиаду» невысоко: «Клопшток выбрал своим предметом Мессию; но самый сей предмет сделал его поэму неинтересною и утомительною» (Эстетика и критика. С. 49). Жуковский утверждает необходимость для создания характера эпического героя «страстей и слабостей, смешанных с великостию». «Спокойное совершенство» главного героя поэмы Клопштока может, по словам Жуковского,

«только удивлять», но «не может трогать», поскольку «воображение не может себе ясно представить предмет изображения» (Там же). Неслучайно главным героем перевода Жуковского становится не Мессия, а падший ангел Аббадона.

Далее, конспектируя «Опыт об эпической поэзии» Вольтера, «Рассуждение об эпической поэме» Ш. Батте, Жуковский неоднократно обращает внимание на мысли критиков о том, что «мир, в который нас переносит Клопшток», «слишком от нас далек; мы ничего не можем представить в своем воображении» (Там же. С. 88). Позднее, в одной из программных статей периода «Вестника Европы» — «О поэзии древних и новых» (1811) Жуковский выстраивает ряд «важнейших», с его точки зрения, эпических поэм в мировой литературе и рядом с поэмами Гомера, «Энеидой» Вергилия, «Освобожденным Иерусалимом» Тассо, «Потерянным раем» Мильтона вновь называет «Мессиаду» Клопштока. Особенно высоко сейчас Жуковский оценит в поэме «богатство новых описаний, сравнений, картин и мыслей» (Там же. С. 297). Однако и здесь Жуковский остается при своем убеждении в том, что «идеальные красоты Клопштока не совсем заменяют тот недостаток определенности, который заметен в его стихотворных картинах» (Там же. С. 298). Интерес к поэме Клопштока не ослабевает и в последующие годы. Имя Клопштока встречается среди таких великих поэтов, как Камюэнс, Данте, Мильтон, например, в выписках из «Подготовительной школы эстетики» Жан-Поля, сделанных в 1818 г. (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 213).

В многочисленные росписи долбинских стихотворений 1814 г. Жуковский постоянно включает «Аббадону». Кроме точной датировки в хронологическом списке (см. ниже) возникают и другие даты: 17—23, 25—30 ноября, 1—12 декабря, что позволяет говорить о перерывах в работе, о параллельности создания чернового автографа «Аббадоны» с написанием баллад «Эолова арфа», «Искушение» («Вадим»), стихотворений «Певец в Кремле», «Теон и Эсхин». Именно рукописный контекст уточняет время возникновения 184-х стихов «Аббадоны»: 4—11 декабря 1814 г. В одном из списков (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25) есть прямое указание именно на эту дату. Однако сам процесс работы был более продолжительным и может быть приблизительно датирован 17 ноября — 12 декабря 1814 г.

Но первое обращение Жуковского к поэме Клопштока было гораздо раньше. В альбоме «Подарок 1806 года, генваря 16 дня», хранящемся в РНБ (Оп. 1. № 14. Л. 19 об.) находится беловой автограф первых 16 стихов «Аббадоны». Копия этого фрагмента, сделанная рукой А. А. Протасовой (РНБ. Оп. 1. № 13. Л. 20 об.), озаглавлена «Отрывок из „Мессиады“. 1806 году 1 Апреля». Вот этот фрагмент:

Мрачный у трона сидел в тоску погруженный
Ангел Абдил*, Аббадона**... Мыслью носился над бездной
Времени предстоящих. Мука на муке, вечность страдавший
Грозно вдали представлялись мрачному взору!
Тут узрел он прежнее время! О воспоминанье
Сладких восторгов, часов безмятежных, невинных!
Там он был другом небесного друга, Елои***,
С ним, непреклонный, в день возмущенья, парил он
К трону Еговы****, со славой... С ним незабвенным
Он уж далеко был от мятежных, от буйного стана
Врагов ополченных. Вдруг Сатана, гремя и блистая
В грозной славе, сидя в колеснице, звучащий бронею,

Близь них пролетел. Трубою пронзились небесные своды,
И с шумом, и с воплем полки воскриленные помчались.
Мечтой Божества упоены! Увы! Аббадона!
Он горестных, гневных взоров Еллон не видит.

Характер выбранного для перевода отрывка весьма показателен: драматический конфликт, контрасты в образной системе, стиле — именно это привлекло Жуковского, начинающего романтика. Примечателен и интерес к мотиву ангела, утратившего любовь Господа, — он хорошо вписывается в элегические настроения поэта 1800-х гг. Наконец, интерес к поэме Клопштока определялся и философией жизни молодого Жуковского, активно осмысливавшего проблемы нравственного выбора, самоопределения, жизнестроительства. Поскольку 1800-е гг. — время освоения поэтом малых лирических жанров, постольку история души героя, вписанная в космический контекст, оказалась воплощенной в небольшом фрагменте.

В ноябре — декабре 1814 г., во время знаменитой Долбинской осени, переломной в судьбе Жуковского и чрезвычайно интенсивной в творческом плане, поэт переводит уже 200 стихов из второй песни «Мессиады», начиная опять со ст. 628-го и кончая ст. 829-м. Выбранные Жуковским стихи — это вполне законченный фрагмент (со своей завязкой, кульминацией и финалом) о том, как Сатане противится один из прежде павших ангелов Аббадона, скорбящий о своем падении, т. е. образ падшего ангела связывается с важнейшим в свете христианских традиций сюжетом: падение — покаяние — искупление (все это — типичные для баллад Жуковского 1810-х гг. темы; почти параллельно идет, например, работа над «Вадимом», который в росписях долбинских стихотворений называется «Искупление»).

Таким образом, показательно, что именно эта интерпретация легенды оказалась близкой Жуковскому. Неслучайно всеми исследователями подчеркивается очень точный характер перевода текста Клопштока. Так, например, С. Шестаков пишет об «Аббадоне»: «Перевод вообще очень точен (...) мелкие неточности, если они и могут быть замечены читателем перевода, знакомым с подлинником, ни мало не нарушают общего впечатления превосходной работы Жуковского» (*Шестаков С. Заметки к переводам В. А. Жуковского из немецких и английских поэтов. Казань, 1903. С. 93, 95*). Вместе с тем эти «мелкие неточности» носят для Жуковского в ряде случаев принципиальный характер. Таковы стихи 98—101, где описывается уход из ада Сатаны с Адромелехом (и за ними летит Аббадона). Жуковский подчеркивает здесь мысль о могуществе Сатаны, за которым двинулись все силы адовы — в подлиннике этого нет. Переводчику же это важно подчеркнуть для заострения конфликта, четкого противопоставления двух точек отсчета бытия героя (Бог и Сатана). Жуковский заботится о психологизме и символическом подтексте, синтезируя религиозные и мифопоэтические начала, отсюда, например, отступления от подлинника в ст. 2—3, 10, 15, 20—22, 27, 44 и некоторых других.

Переведенный Жуковским отрывок из «Мессиады» представляет собой любимый поэтом романтический жанр фрагмента. Перед нами символическое изображение сложной ситуации, которая представляет собой само движение как цепь сиюминутных переживаний героев, их ассоциаций, воспоминаний, предчувствий. Этим обусловлена структура поэмы, которая полемически заострена против рационалистически упорядоченной, логизированной фабулы. Поэма не имеет ни начала, ни конца: открывается картиной возмездия, при этом в ней не изображается

само падение Аббадоны и его прощение. Более того, после совершенно искреннего покаяния герой готов власть в новый грех (желание самоуничтожения). События здесь лишь обозначены, потому что главное событие в переводе Жуковского — душа героя, еще сохраняющая в себе любовь к Творцу и всему, им созданному. Мир строится здесь без учета причин и следствий. Аббадона оказывается открытым для бесконечных метаморфоз, он абсолютно неканоничен.

Вместе с тем перевод представляет собой единое целое, скрепляемое неким духовным средоточием — любовью к Господу. Это и есть то бесконечное, что объединяет Аббадону с Богом и всем миром даже после его падения. Мистическое чувство, ощущение героем бесконечного в конечном, и обусловило его жизнеспособность. Это же определяет и структуру нового мифа о падшем ангеле, образ которого превращен у Жуковского в сложнейший символ, мерцающий множеством смыслов, ассоциаций.

Позднее, в письме к П. А. Вяземскому от 3 (15) марта 1846 г., которое в 1856 г. было напечатано в «Русской беседе» под заглавием «О меланхолии в жизни и поэзии», Жуковский называет Аббадону, наряду с мильтоновским Сатаной, «самым привлекательным характером в поэзии», поскольку эти образы «наиболее возбуждают чувство меланхолическое». Поэт связывает это с воплощением в Аббадоне «действительных страданий души, томимой чувством собственного ничтожества и неверности всего, что мило ей на свете» (Эстетика и критика. С. 347). Образ Аббадоны осмысливается Жуковским в этой статье как выражение христианской скорби, которая «истекает из самой природы падшего и чувствующего свое падение человека», которая «не парализует, не расслабляет и не мрачит жизни, а животворит ее, дает ей сильную деятельность и стремится к свету» (Там же. С. 348). Уже здесь намечаются многие идеи и художественные открытия, проявившиеся в полной мере в последней поэме Жуковского «Странствующий жид».

Первоначальный текст подвергался правке во время подготовки к изданию в составе последнего прижизненного собрания сочинений (о разночтениях см. в строчном комментарии).

Перевод Жуковского не был первым в истории русской литературы, хотя исследователями отмечается довольно сдержанное отношение к творчеству Клопштока в России конца XVIII — начала XIX вв. (см.: *Боттикова А. Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Красноярск, 1978. С. 16—32). Поэт, явившийся «преобразователем немецкого стихотворства», придавший немецкому стиху «необыкновенную интонационную гибкость и ритмическое богатство», оказавший, по словам Гёте, «глубокое влияние на младшее поколение немецких поэтов», был мало известен русскому читателю. Поэту самому приходилось хлопотать о распространении в России «Мессиады» (сохранилась собственноручно составленная Клопштоком опись присланных им в Россию книг; об этом см.: Неизданные письма иностранных писателей 18—19 веков из Ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 161).

Будучи посланным в конце 1760-х гг. в Лейпцигский университет, с поэзией Клопштока познакомился в числе других русских студентов друг А. Н. Радищева А. М. Кутузов. Он и стал первым переводчиком «Мессиады». Перевод был опубликован в Университетской типографии Н. И. Новикова («Мессия. Поэма, сочиненная г. Клопштоком. Перевод с немецкого А. К. М., 1787. Ч. 1—2»; 2-е издание было

осуществлено в 1820—1821 гг.). Как указывает исследователь, «патетический слог Кутузовского перевода соответствовал пафосу подлинника и вместе с тем не утратил связи со стилистическими навыками церковнославянской проповеди» (История русской переводной художественной литературы... Т. 2. СПб., 1996. С. 160). Вынеся в заглавие «Поэма, сочиненная Г. Клопштоком», А Кутузов между тем выполняет перевод в прозе. Вслед за Кутузовым Клопштока переводили прозой и другие авторы (см.: Там же. С. 160).

Жуковский первым передал адекватно форму подлинника, сохранив в своем переводе клопштоковский размер — гекзаметр (хотя известен факт чтения Клопштока Г. Р. Державиным и начала его работы над переводом «Мессиады»; см.: Там же. С. 167). Гекзаметр в «Аббадоне» был первым случаем использования поэтом данного размера в своем творчестве. Жуковский употребляет здесь точный дактилический гекзаметр, практически не допуская замен дактилических стоп хорейскими. Как указывает М. А. Гаспаров, «в эпосе высокого стиля», в том числе в переводе «Аббадоны», — «до 99 % строк — чистые дактили» (Гаспаров М. А. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 126).

Интересно, что в письме от конца 1814 — начала 1815 гг. к Н. И. Гнедичу Жуковский благодарит переводчика «Илиады»: «Россия будет вам благодарна за старика Гомера, которого вы ей усыновляете» и специально при этом подчеркивает важность обращения Гнедича к гекзаметру: «... я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру, который вотще нашим почетным любимцам Феба, ближе к гармонии вдохновенных лир, чем сухой и прозаический ямб, освященный привычкою». И далее он сообщает о своем опыте перевода гекзаметром «Аббадоны»: «Я сам осмелился сделать опыт перевода гекзаметром „Аббадоны“ — известный вам эпилог из Клопштоковой „Мессиады“...» (Эстетика и критика. С. 364). Жуковский просит Гнедича сделать ему замечания «по поводу этого отрывка». С такой же целью поэт намеревался послать «Аббадону» и С. С. Уварову, ревностно отстаивавшему необходимость использования в русской литературе гекзаметра, особенно при переводе греческого эпоса.

Много позднее, 2 апреля 1841 г., П. А. Плетнев в письме к Я. К. Грогу замечал: «Жуковский писал и пишет размером древних по чутью, не учась (...). Несмотря на эту неправильность, чтение стихов его, в которых теория подмечает явные ошибки, поэтическому уху и эстетическому вкусу гораздо более нравятся, нежели Мерзлякова и прочих ученых, знавших всю подноготную о древнем метре. „Разорение Трои“, „Ценкс и Гальциона“, „Аббадона“, при всей огромности своей и ошибках переводчика против закона древнего экзаметра, могут быть прочитаны одним духом с начала до конца. Правильные же стихи иного ученого никак не вынесешь и на полстранице» (Жуковский в воспоминаниях. С. 369).

Одним же из первых отзывов об «Аббадоне» Жуковского можно считать письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 24 августа 1818 г.: «Я сегодня читал его [Жуковского. — И. А.] целое утро и наслаждался „Аббадоною“. Вообще (...) главное его достоинство — *выкапывать сокровеннейшие пружины сердца и двигать их. C'est le roëte de la passion*, то есть страдания. Он бренчит на распятии: лавровый венец его — венец терновый, и читателя своего не привязывает он к себе, а точно прибывает гвоздями, вколачивающимися в душу». 14 мая 1819 г. А. И. Тургенев отвечал П. А. Вяземскому: «Я намерен подписать под портретом Жуковского: „Бренчит на распятии“» (Жуковский в воспоминаниях. С. 215). «Аббадона» активно вошел в

мир прозы В. Ф. Одоевского (см.: *Сажулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 319—320) и во многом определил историю русского демонизма (см.: *Удодов Б. Т. М. Ю.* Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 264—266).

**Абдил* — Абдил, библейское имя, которым Мильтон нарекает верного серафима. Смысл этого имени понимался по традиции как «раб Бога» или «слуга Бога» (см. «Потерянный рай», кн. 5). В Библии оно употребляется только как имя человека: «Ахи, сын Авдиила» (1 Паралипоменон, V, 151), но неоплатоники и оккультисты сделали его именем одного из ангелов.

***Аббадона* — падший ангел.

****Эллои* — Элои: см. Мк. 15. 34 («В девятом часу возопил Иисус громким голосом: „Элои! Элои! Ламма савахфани?“ что значит: „Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?“»).

*****Егова* — Иегова, Ягве, Яхве: в иудаизме непроницаемое имя Бога.

Ст. 9. *Другом влекомый, уж был далеко от врагов Аббадона...* — В первой публикации было: «Другом влеком, уж почти улетел от врагов Аббадона».

Ст. 13. *Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга оторван...* — В публикации СО: «Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга отторгнут».

Ст. 16. *Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны он примчался...* — Вариант первой публикации: «Друг позабыт: в торжестве он к полкам Сатаны возвратился».

Ст. 20. *Все вопрошали друг друга: «Скажи, Серафим, брат небесный...»* — В публикации СО: «Все вопрошали друг друга: «Поведай, о житель небесный».

Ст. 42. *Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком говоришь ты?..* — Вариант СО: «Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком ты вещаешь?»

Ст. 53. *Сами хотим в слепоте истребить ко спасенью дорожку!..* — В первой публикации: «Сами хотим в слепоте заградить нам путь ко спасенью».

Ст. 63. *Топнул, яряся...* — В СО: «В землю ударил...»

Ст. 64. *...сверкнул он в глаза Аббадоны...* — В СО: «... сверкнул он на Аббадону»

Ст. 66. *...Ему предстоял Аббадона...* — В первой публикации: «Пред ним предстоял Аббадона».

Ст. 68. *Адрамелех* — По Библии, языческое божество Передней Азии.

Ст. 69—70. *В вихрях и бурях тебе я хочу отвечать, малодушный; // Гряну грозою ответ, — сказал он...* — В публикации СО: «В вихрях и бурях хочу отвечать тебе робкий! Вещал он. — // Гряну грозою ответ мой безумцу».

Ст. 76. *Там да создаст тебе царство мучения твой Вседержитель...* — В первой публикации было: «Пусть Вседержитель твой там тебе царство устроит мученья».

Ст. 77—78. *...ничтожности алчный, // В низком бессилии рабски пред небом глухим пресмыкайся...* — В СО: «...ничтожностью алчный, // В низком бессилии рабски пред небом глухим простерт пресмыкайся».

Ст. 83. *Да поразит их...* — В СО: «Пусть поразит их...»

Ст. 84. *Все лавиринфы коварства пред нами: пути их мы знаем...* — В СО: «Се лавиринфы коварства! Изгибы их все нам открыты».

Ст. 89. *...кто нас отразит на земле возмечтает!..* — В первой публикации: «...кто путь нас препнуть на земле возмечтает!»

Ст. 93—94. *...все воздвиглись; дикий // Шум голосов...* — В публикации СО было: «... они сонмом воздвиглись, // Дикой их крик...»

Ст. 98. *Тяжко под ними звенели...* — В СО: «Звонко под ними звенели...»

Ст. 99. *Кинулись смутной толпой...* — В публикации СО: «Ринулись смутной толпой...»

Ст. 109. *Сильно билось в нем сердце; тихие слезы катились...* — В первой публикации было: «Сильно в нем билось сердце; и слезы по бледным ланитам...»

Ст. 110. *... по бледным ланитам...* — В СО: «...тихо катились».

Ст. 122. *... первенцы света...* — В первой публикации было: «чада света».

Ст. 126. *Вы, потоки небес...* — В публикации СО было: «Светлы небесны потоки».

Ст. 134. *Встречу ему Орионов летящих...* — Орион, в греческой мифологии великан, убитый стрелой Артемиды и превращенный в созвездие. Так называется экваториальное созвездие с яркими звездами.

Ст. 137. *«Сладостный вход в небеса, для чего загражден Аббадоне?..»* — В первой публикации: «Сладостный вход во блаженство! Почто загражден Аббадоне?»

Ст. 146. *Там, отказавшись от Бога...* — В СО: «Там, ополчившись на Бога».

Ст. 149. *Мне Судия от блаженства оставил — печальный остаток!...* — В СО: «Мне от протекшия жизни осталось, печальный остаток».

Ст. 163. *В гневе своем несказанном...* — В первой публикации читалось: «Гневом грозы ополченный».

Ст. 164. *Не был, проклятый Создателем, весь обнажен...* — В СО: «Не был проклятием Бога гнетом, обнажен...»

Ст. 165. *Что говорю?..* — В публикации СО: «Что я изрек?»

Ст. 170. *...что сказал я, безумец!...* — В СО: «Что вещаю, безумец!»

Ст. 175. *Быстро ударился он в глубину...* — В первой публикации: «Рек и низринулся быстро во глубь».

Ст. 176. *Крик в беспредельном исчез...* — В СО: «Вопли исчезли в пустыне».

Ст. 182. *...она уж дымилась...* — Вариант первой публикации: «уже задымилась».

Ст. 183. *...разрушиться вкупе надеясь...* — В СО: «...мечтая разрушиться вкупе».

И. Айзикова

Красный карбункул

Сказка

(«Дедушка резал табак на прилавке; к нему подлетела...»)

(С. 14)

Автограф (ПД. № 27807. Л. 21 — 23 об.) — черновой, в «Книге Александры Воейковой»; разделен на двадцать пронумерованных частей, с указанием в конце: «26 октября», с заглавиями: «Красный карбункул» (л. 21) и «Сказка о красном карбункуле» (л. 21 об.). Последнее заглавие зафиксировано в автографе из альбома С. А. Самойловой (см.: Кульман. С. 1086).

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1817. Ч. IX. Кн. XIV. С. 49—65 — с заглавием: «Красный карбункул», с подзаголовком: «Сказка», с предисловием автора и подписью: *В. Жуковский*.

В прижизненных изданиях: С 3—5: в С 3 (Т. 2) в разделе «Сельские стихотворения»; в С 4 (Т. 5) в разделе «Повести», с подзаголовком: «Дедушкины рассказы»; БП; БиП — с тем же подзаголовком. В С 5 (Т. 2. С. 259—274) — в подборке произведений 1816 г., с заглавием: «Красный карбункул. Сказка» и добавлением в оглавлении (в скобках): «Из Гебеля».

Датируется: 21—26 октября 1816 г.

В «Книге Александры Воейковой» работа над текстом «Красного карбункула» начинается непосредственно после окончания «Овсяного киселя», перевода идиллии Гебеля (около 21 октября 1816 г.) и предшествует наброску «Ночного сторожа в деревне» (с датой: «1 ноября 1816 г.»). Указание в конце черного автографа: «26 октября» позволяет определить хронологические границы перевода: 21—26 октября 1816 г.

Произведение Жуковского является переводом стихотворной повести «Der Karfunkel» («Карбункул») немецкого писателя Иоганна Петера Гебеля (1760—1826).

Жуковский перевел восемь произведений Гебеля, из них четыре в 1816 г. («Красный карбункул», «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь», «Тленность»), два — в 1818 г. («Утренняя звезда», «Летний вечер»), еще два — в 1831 г. («Воскресное утро в деревне», «Неожиданное свидание»). Все эти переводы можно рассматривать как единый текст Гебеля-Жуковского, отражающий не только этапы освоения русским поэтом наследия немецкого поэта, но и характерные моменты его собственной творческой эволюции.

Повесть «Der Karfunkel» Гебеля написана на алеманнском диалекте, как и другие его произведения, получившие высокую оценку Гёте и Шиллера (*Гёте И. В., Шиллер Ф.* Переписка: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 469). Гебель использует разговорный гекзаметр, который Жуковский воспроизводит и в переводе. Вместе с тем поэт вносит в русский текст незначительные изменения. В оригинале у героев повести другие имена. Так у Гебеля главные герои: Михель и Катерина (у Жуковского — Вальтер и Мина), другие имена дает русский поэт и детям. В оригинале рассказ ведется от имени отца, у Жуковского — от имени бабушки, что имеет особый эстетический смысл. Образ вымышленного рассказчика, впервые появившийся в этом переводе-переложении Жуковского, в дальнейшем, в книге «Баллад и повестей» (1831) приобретает уже структурный характер и вместе с рассказчиками из «Повестей Белкина» Пушкина и «Вечеров...» Гоголя открывает один из трех путей формирования русского эпоса (см. об этом: Янушкевич. С. 191—195). Отсутствующий у Гебеля подзаголовок: «сказка» акцентирует своеобразие прочтения Жуковским стихотворной повести немецкого поэта. «Дедушкин рассказ» и «сказка» — эти два нововведения русского переводчика эстетически значимы.

В предисловии к «Красному карбункулу» Жуковский выделил две эстетических проблемы: поэтизация бытового, обыденного в русской литературе и использование для этой цели не героического (гомеровского), а разговорного, сказового гекзаметра. Ср.: «Переводчик сказки (...) желал испытать: 1-е, может ли сия привлекательная простота, столь драгоценная для Поэзии, быть свойственна Поэзии Русской? 2-е, прилично ли будет в простом рассказе употребить Гекзаметр, который доселе был посвящен единственно важному и высокому? Не считая опыта своего удачным, он думает, что и то и другое возможно. Что же касается до предлагаемой сказки, то она переведена почти слово в слово» (Труды Общества любителей рос-

сийской словесности при Имп. Московском университете. М., 1817. Ч. IX. Кн. XIV. С. 49—50). Как видим, переводческие опыты Жуковского из Гебеля 1816—1818 гг. носили во многом экспериментальный характер, создавали новую фольклорно-идиллическую модель мира, основанную на принципах оживотворения обыденного, эпической детализации, свободного повествования, на соединении пейзажных зарисовок с индивидуальными психологическими эмоциями. Все это воспринималось как важный этап в становлении романтического эпоса Жуковского.

Фольклорно-мифологическая основа сказки Гебеля сближает ее с народными немецкими балладами («Доктор Фауст», «Семь лет»), с поэзией миннезингеров (Гартман фон Ауэ, Вальтер фон дер Фогельвейде, Освальд фон Волькенштейн), с распространенным в средние века жанром шпруха, содержащим моральные сентенции и религиозные декларации (Сперфогель). См. об этом: Немецкая старина: Классическая и народная поэзия Германии XI—XIII веков. М., 1972; Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.

Стихотворное переложение Жуковского, включающее в себя образ сновидения, мотивы карточного гадания, «греха и возмездия», мифологему договора человека с дьяволом, архетип ребенка, сочетающее в себе драматизм сюжетного действия и разговорно-сказовые интонации, намечает общее движение поэта от балладного и идиллического повествования к литературной сказке и повести. В этом смысле сказка «Красный карбункул» становится своеобразным прологом к стихотворным переложениям поэта 1830-х гг. («Две были и еще одна», «Неожиданное свидание», «Спящая царевна», «Ундица»).

Современники Жуковского отмечали новаторский, экспериментальный характер его переводов из Гебеля. Так, Н. А. Полевой связывает эти переводы с «опытами русского гекзаметра» (Полевой Н. А. Баллады и повести В. А. Жуковского // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. Статьи и рецензии: 1825—1842. Л., 1990. С. 207). В. К. Кюхельбекер говорит об особом рода занимательности и «неподложной красоте» «Красного карбункула», который «перечел три раза и всякий раз с новым наслаждением» (Цит.: Жуковский в воспоминаниях. С. 300). В. Г. Белинский считал переложения Жуковского из Гебеля «образцами идиллий», которые «принадлежат к числу замечательных переводов» (Белинский. Т. 5. С. 44—45; Т. 7. С. 213).

Красный карбункул (лат. *carbunculus* — уголек) — красный гранат, полудрагоценный камень.

Ст. 3—4. *«Сядь, расскажи нам, как помнишь, когда сестра Маргарета // Чуть не заснула».* Вот Маргарета, Луиза и Лотта... — В «Трудах Общества...» эти стихи читались так: «Сядь, расскажи нам, как когда сестра Маргарета // Чуть не заснула». Составив скамьи, Маргарета, Луиза и Лотта...»

Ст. 19. *Боле ста лет, как оно густою крапивою заглохло...* — При первой публикации было: «Боле ста лет, как оно польнем и крапивою заглохло...»

Ст. 55. *Ах! невеста, черный заступ, заступ могильный...* — Заступ — «железная лопата, для копки, на деревянном черене, или окованная внизу деревянной лопатой» (Даль В. И. Толковый словарь: В 4 т. Т. 1. М., 1989. С. 643).

Ст. 71—72. *Вот пришел он в трактир; а Зеленый уж там, и тасует // Карты, сидя за столом сам-третей, и Вальтера кличет...* — Сам-третей — втроем.

Ст. 88. *Крейцер, да крейцер, а там, поглядишь, вынимай и дублоны...* — Крейцер (нем. Kreuzer) — старинная мелкая разменная монета, равная 1/60 гульдена в Германии и 1/100 гульдена или 1/50 кроны в Австрии. Обращалась до конца XIX века. Дублон (фр. doublon от double — двойной) — старинная золотая испанская монета; содержала 7,5 гр. чистого золота.

Ст. 96. *Руку в карман — и вынется звонкий, серебряный талер...* — Талер (нем. Taler) — немецкая серебряная монета, равная 3 маркам (до 1907 г.).

Ст. 108—109. *Бедная Мина, зачем ты, зачем ты в себя приходила? // Сколько б кручины жестокой тебя миновало на свете...* — В первоначальном варианте эти стихи звучали так: «Мина, зачем ты, зачем пробуждалась? // Сколько б тоски неизбежной тебя миновало на свете!..»

Ст. 177. *Нынче праздник, двадцать пятое августа...* — У Гебеля к этим словам есть уточнение: «Ludwigstag». Речь идет о празднике в честь Людвига IX Святого (1226—1270), канонизированного в 1297 г. День его смерти, 25 августа, стал католическим праздником.

Ст. 195. *Так рассказывал дедушка внучкам...* — В первой публикации было: «Так рассказывал дедушка деткам...»

И. Поплавская

Пери и Ангел

Повесть

(«Однажды Пери молодая...»)

(С. 19)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 4. В Л. 15—15 об., 16, 17—23 с об., 24 об., 25—31 с об.) — черновой, полный, включающий прозаический перевод 459—521 стихов «Paradise and the Peri».

Впервые: СО. 1821. № 20. С. 243—265 — с заглавием: «Пери и Ангел», без подзаголовка; в конце подпись: «С Английского. Ж.». Текст сопровождается примечаниями переводчика, представляющими в основном перевод примечаний Томаса Мура (см. постишный комментарий).

В прижизненных изданиях: БиП — в разделе «Повести». С 3—5; С 3 — в оглавлении: «Пери и Ангел. Отрывок из Муровой поэмы «Лалла Рук»; С 5 (Т. 3. С. 265—290) — с заглавием: «Пери и ангел. Повесть»; в оглавлении — с добавлением в скобках: «Из Мура», в подборке произведений 1821 г.

Датируется: 16(28) февраля — 6(18) марта 1821 г.

Перевод второй вставной части из поэмы Томаса Мура (Thomas Moore, 1779—1852) «Lalla Rookh» («Лалла Рук») под заглавием «Paradise and Peri» «Рай и Пери». Поэма Мура появилась в 1817 г. и сразу же вызвала интерес во всей Европе как воплощение идей и образов романтического ориентализма. «Lalla Rookh» Т. Мура состоит из четырех вставных поэм и прозаического обрамления, в котором рассказывается о путешествии индийской принцессы Лаллы Рук к ее жениху, бухарскому принцу Амерису. Четыре вставные части — рассказы кашмирского поэта Фераморза, который в финале оказывается переодетым Америсом.

В библиотеке Жуковского (Томское собрание) хранится три экземпляра поэмы Т. Мура с пометами поэта: 1) в составе издания «Britische Dichter-Proben. № 1»

(Leipzig, 1819) с параллельными английским и немецким текстом; 2) в составе сочинений Мура «The poetical works of Thomas Moore» (Paris, 1827); 3) на немецком языке «Lalla Rookh. Von Thomas Moore» (Emden, 1829) в переводе Бютена (G. W. Bueten) — с цифровыми подсчетами количества стихов, сделанными Жуковским. См.: Описание. №№ 731, 1678, 1679.

Перевод осуществлялся по лейпцигскому изданию 1819 г. Текст на английском языке размечен на полях карандашом горизонтальной черточкой и по порядку обозначены номера пятистиший. Дополнительный знак «+» и последовательно цифры от 1 к 12 обозначают каждые 40 строк, вероятно, в соответствии с предполагаемым объемом перевода на каждый день. Карандашом подчеркнуты стихи: 103—105, 405, 408—409; черными чернилами — 519—521; в вертикальные скобки взяты с двух сторон 427—429 стихи.

Над стихами 22—43 и 407—409 карандашом написан близкий к оригиналу прозаический перевод 22—43 стихов: «Лети от // Облети все звезды по свету, // Облети пространство в ⟨нрзб.⟩, // Сбери все удовольствия небесных сфер // И умножь на бесчисленные годы // Одну минуту небес. // Там ангел ⟨нрзб.⟩ страж // Врат света увидел ее плачущей . // И когда он приблизился и вслушался // В ее печальную песню, капля слезы // Блеснула на щеке, подобно капле // Эдемского фонтана, когда он льется // На голубые цветы, которые, как говорит Брамин, // только в Эдеме расцветают. // О деве плакал ⟨нрзб.⟩ заблудшей. // ⟨нрзб.⟩ есть еще надежда, // В Книге Судеб написано, // Та Пери может прощена, // Которая принесет к сим вечным вратам // Дар, пригодный Небу. // Лети, лети, искупи свой грех, // Приятно впустить прощенных» (р. 16, 18, 20) и 407—409 стихов: «Под ним мелькает ясмин, исчезает, // как будто изумруд воздушный // или как порхающий цветок» (р. 58; знак цезуры соответствует стихам подлинника; Жуковский свой перевод соотносит с ним).

Перевод поэмы «Paradise and the Peri» сделан Жуковским на страницах дневника 1821 года: поэтический текст чередуется с записями поэта о событиях жизни с 16(28) февраля по 6(18) марта, времени пребывания поэта в Берлине в свите великой княгини Александры Федоровны.

Обращению Жуковского к поэме Т. Мура предшествовал ряд обстоятельств, среди которых наиболее значительными явились подготовка и проведение придворного праздника в Берлине с живыми картинами на сюжет «Лаллы Рук» (Алексеев. С. 658—675). Погруженность Жуковского в приподнятую атмосферу придворного праздника, переживаемое чувство влюбленности в великую княгиню Александру Федоровну, печальные размышления об отсутствии личного счастья запечатлены в дневнике и перемежаются записями о репетициях, о самом празднике, о чтении Жуковским поэмы «Lalla Rookh». На страницах дневника от 14(26) января Жуковский переписывает 32 начальных стиха четвертой части поэмы «Lalla Rookh» — «The light of the Haram» («Свет гарема»): Ср.: РНБ. Оп. 1. № 4. В л. 12—13 об.

Переписанное в дневнике начало «Света гарема» явилось как бы поэтическим прологом к созданию двух произведений: «Явления поэзии в виде Лалла Рук» — перевод стихотворения немецкой поэтессы Гедвиги фон Штегеман и «Лалла Рук» (подробнее см.: Gerhardt. S. 34, 50, а также ПСС 2. Т. 2. С. 604—605), выразивших не только эстетические взгляды Жуковского, но и его чувство к великой княгине Александре Федоровне, отныне именуемой в дневнике и письмах Лалла Рук.

8 (20) января Жуковский пишет в дневнике о «чистой нравственности», о возможности иметь свою религию, о «достоинстве человека», которое заключено «в ис-

креннем желании добра и постоянном к нему стремлении», хотя «д о с т и ж е н и е не от него зависит» (ПСС 2. Т. 13. С. 154. Курсив Жуковского). Запись 3(15) февраля: «Разговор о Лалла Рук. Обедал у великой княгини» (Там же. С. 155) — предвосхищает стихи «Теснятся все к тебе во храм...» и размышления следующего дня о природе прекрасного. 4(16) февраля Жуковский записывает о «звезде на темном небе», которая «не сойдет на землю, но утешительно сияет нам из дали» (Там же. С. 156). 6(18) он повторяет эти мысли в письме к А. И. Тургеневу и назовет их «философией Лаллы Рук» (Гофман. С. 156. Подробнее: ПСС 2. Т. 2. С. 595—602). На волне особого поэтического и религиозно-нравственного вдохновения, переживания «минуты счастья и чистого высокого наслаждения», торжественной приподнятости и грустного, но светлого чувства красоты и смирения перед невозможностью и недостижимостью мечты рождается перевод «Пери и Ангела». 15(27) февраля Жуковский делает в дневнике запись: «У в(еликой) к(нягини). Портрет Л(алла) Рук», а 16(28) февраля записывает первые 49 строк перевода (РНБ. Оп. 1. № 4. В Л. 15 и 15 об.), после которых идет текст стихотворения «О милых спутниках...» и продолжение размышлений поэта о неиссякаемой и вечной духовной связи поколений, оставляющих в наследство «свои надежды и исполнение прекрасных своих желаний» (ПСС 2. Т. 13. С. 158).

Начиная с 16(28) февраля, в дневнике ежедневно, за исключением 19(3), 24(8) и 27(11) февраля, идет работа над переводом. В воскресенье, 27(11) февраля, Жуковский записывает: «У обедни. (...) Твоя от Твоих Тебе приносяще от всех и за вся» (ПСС 2. Т. 13. С. 158). Смысл и значимость для Жуковского строки из «Литургии верных», записанной во время работы над переводом, объясняется самим поэтом в записи от 6(18) апреля 1821 года в связи с воспоминаниями о Лалле Рук: «В обедне же нашей заключены все таинства религии: Твоя от Твоих — вот все христианство! Эти слова без исключения можно применить ко всем обстоятельствам нашей жизни! (...) Il n'y a pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure» [Нет большего наслаждения, как чувствовать сердцею красоту чистой души. — фр.] (ПСС 2. Т. 13. С. 163). Таким образом, работа над переводом в течение всего периода его создания сопряжена с поиском поэтом «чистой религии». Кульминацией этого процесса явилась работа над финалом «Пери и Ангела». 3(15) марта, закончив накануне перевод на 458-й строке английского текста, Жуковский записывает в дневнике перевод прозой последней части (459—521 стихи), причем 459—475 стихи переведены близко к тексту, остальная же часть перевода Жуковского (476—521) отлична от оригинала и представляет собой новый сюжет. Он включает отсутствующий у Мура мотив возвращения блудного сына и милосердного поступка Пери. В поэме Мура она несет к воротам слезу грешника; в переводе Жуковского Пери проявляет участие в судьбе несчастного, молит небеса о его спасении, забывая о себе. Вот как это выглядит в прозаическом переложении Жуковского:

Но что же чувствовал он — несчастный, тут стоящий — тогда как воспоминания летали над ним, летали через года — преступлений и стыда, не находя светлого места для отдыха, не принося ему ни одной ветви мифа и милости. А был день, — сказал он голосом смиренного сердца, — о ты, счастливый младенец, когда я смотрел и молился, как ты, и что же? — Он опустил голову; и все благородные цели, надежды и чувства, спавшие в душе от младенчества, свежие нашли на него, и он заплакал... О благословенные слезы душевного покаяния! в которых в сладостном, искупительном потоке ощущается единственное чувство невинной радости обновления его виновности...

А Пери?.. Себя забыв, смотрит она на сих двух предстоящих Божеству и на его чистое небо, равно сиявшее над преступником и невинным. Сердце ее трепетало! Сострадания влекло к сему несчастному, который упал на землю и плакал во прахе, и его слезам дано постигать, что есть Бог! Она склонилась к нему, с утешением поддерживала его голову, и глаза ее подняты были на небо, и она искала в глубине милосердия Божия, не для себя, а для другого: и говорила так она: прими его слезы... И живое неизъяснимое сияние было на небе, нечто торжественно мирное наполнило природу; слышала она голоса: как будто радовались возвращенному сыну. И она чувствовала, что ее легкие крылья сами развиваются, и какое-то необъяснимое сияние влечет ее в высоту... и она угадала! Ангел врата Эдемские открыл! С полунебес взглянула она на удаляющуюся землю: прости, земля, простите, звезды (РНБ. Оп. 1. № 4. В Л. 29 об.—30).

В последующие два дня — 4 (16) и 5 (17) марта — перевод в стихах был завершен. В дневнике 6 (18) марта Жуковский записал: «Кончил Пери». Во вторник 8 (20) марта состоялось чтение у великой княгини в присутствии великого князя Николая Павловича. Ср.: «Поутру у в(еликой) к(нягини). Чтение Пери. Слово великого князя: „Достойно своего предмета“ (ПСС 2. Т. 13. С. 160).

Жуковскому близка была развернутая в поэме Мура идея покаяния — пути к духовному возрождению человека. В переводе сохранены три сюжетных узла как выражение духовного подвига человека: принесенная к вратам Бога капля крови за родину, последний вздох чистой и самоотверженной любви и, наконец, слеза раскаявшегося грешника. Но в отличие от Мура Жуковский психологизирует образ крылатого существа древнеиранской мифологии, придавая образу Пери черты христианского мироощущения, заставив ее пройти путь духовного восхождения человека — не наблюдать и выбирать, а участвовать, проникнуться сострадательным чувством жалости и умиления по отношению к человеку.

Актуализацией идеи сострадательной любви и духовного очищения обусловлены изменения в тексте, начиная с заглавия. В отличие от названия поэмы «Paradise and the Peri» («Рай и Пери») Жуковский заглавием «Пери и Ангел» акцентировал момент личного деятельного участия Пери и степень ее нравственной ответственности. Точно переводя 204—211 стихи английского текста, венчающие первый эпизод, когда Пери заплакала, жалея людей, Жуковский внес дополнение, оттеняющее христианский смысл душевного порыва Пери: если у Мура сказано, что «очарование есть в каждой слезе, когда добрые духи плачут по человеку» («For there's magic in each tear, // Such kindly Spirits weep for man!»), то в переводе произнесено определяющее слово: «Так сильно слез очарованье, // Когда прольет их в *состраданье*...». Развивая смысл этого эпизода как ключевого, Жуковский полностью переделал финал и изменил жанровое определение: не поэма, а повесть. В поэме Мура представлены три ипостаси подвига человека — во имя Родины, любви и Бога; в повести же главным становится сам путь духовного развития, которым Ангел проводит Пери. У Жуковского изменен объем и композиция произведения. В поэме Мура 521 стих, у Жуковского — 654. «Paradise and the Peri» разделен на 28 частей, которые фиксируют равнозначимые темы и сюжетные повороты. Повесть Жуковского состоит из двух частей: первые 57 стихов образуют завязку — встреча Пери с Ангелом у небесных врат и наставления Ангела; остальная часть — история страстей и духовного восхождения Пери в поисках дара, достойного небес.

Перевод Жуковского выполнен, как в оригинале, 4-стопным ямбом, но в отличие от Т. Мура, использовавшего только мужские окончания, Жуковский упо-

требляет мужские и женские, сопряжение которых как бы реализует развитие двух главных тем: необходимость исполнения высшего долга, выражаемого Ангелом, и земной человеческой жизни, с ее слабостями и стремлением к очищению.

Увеличение объема перевода по сравнению с оригиналом связано в первую очередь с психологизацией образа Пери и углубленной разработкой темы злодейства и покаяния. Раздвижение границ текста происходит при описании картин природы. Жуковский не приглушает яркости и экзотичности восточного колорита поэмы Т. Мура, сохраняет имена, названия; в синтаксических построениях следует за узорчатым плетением фразы английского поэта, тщательно подбирая соответствующие поэтические детали. Еще при чтении поэмы Жуковский отметил в книге «прекрасных голубых стрекоз» (в переводе «легкокрылая стрекоза»), за которыми гонялся мальчик, увиденный злодеем. В книге из своей библиотеки он подчеркнул 408—409 стихи: «That fluttered round the jasmine stems // Like winged flowers or flying gems» (Порхала вокруг жасминовых стеблей // Подобно крылатым цветкам или летающим драгоценным камням) — и сделал перевод: «Она кружится непослушно, // И блещет, как цветок воздушный // Иль как порхающий рубин» с многочисленными вариантами (см. постишный комментарий), обнаруживающими стремление Жуковского, сохраняя поэтику Т. Мура в пластическом изображении изысканной красоты и роскоши Востока, передать трепетанье живой природы, чему служит система глагольных форм («мелькает, исчезает», «кружится непослушно», «блещет», «порхающий»), тщательная разработка цветовой гаммы и выбор минерала. Так, голубой, синий («blue») цвет в поэме Мура преобразовывался у Жуковского (см. постишный комментарий) в жемчужный, изумрудный, рубиновый, и при этом неизменно сохранялась интенсивность, яркость, роскошь и чистота цвета причудливого образа «воздушного изумруда» (или «жемчуга») и «порхающего рубина». «Воздушный цветок» Жуковского, блестящий, прозрачный и летящий, возникает в творческом воображении А. С. Пушкина в черновой строфе «Евгения Онегина»:

И в зале яркой и богатой
Когда в умолкший, тесный круг
Подобна линии крылатой
Колебясь входит Лалла Рук...

(Пушкин. Т. 6. С. 637).

Жуковский нередко дополняет текст Т. Мура живописными деталями. Так, стихи «Fair gardens, shining streams, with ranks / Of golden melons on their banks, / More golden where the sunlight falls» (Прекрасные сады, сияющие потоки с рядами золотых дынь на их берегах, более золотых, где падает солнечный свет) переводятся Жуковским: «Леса, кудрявые кусты; // Потоков воды голубые; // Над ними дыни золотые // В закатных рдеющих лучах // На изумрудных берегах». «Summer, in a vale of flowers» (лето в долине цветов) у Жуковского описано как «...рдеющее лето // В долине, зноем разогретой»; «(...) hum of the wild bees of Palestine, // Banqueting through the flowery vales» (Жужжание диких пчел Палестины, пирующих в цветущих долинах) переводится как «И пчелы дикой Палестины, // Жужжащие среди долины, // Блестя звездами на цветах...».

Вместе с тем Жуковский элегизирует живописный пейзаж Т. Мура. В элегический регистр переводятся пейзажи с луной, где Жуковский стремится запечатлеть

самую текучесть и мимолетные изменения в природе и настроении героев. В переводе описания лунной ночи: «To watch the moonlight on the wings // Of the white pelicans that break // The azure calm of Morris' Lake» (Наблюдать лунный свет на крыльях белых пеликанов, которые разбивали лазурное спокойствие озера Моррис) Жуковский оттеняет трепетанье воздуха, воды, самой ночной стихии: «(...) замечает, // Как яркий свет луны мелькает // На пеликановых крылах, // Когда на голубых водах // Мериды он плывет и плещет // И вокруг него лазурь трепещет».

Многочисленные разночтения перевода и оригинала связаны с акцентировкой Жуковским морально-религиозной проблематики. Жуковский приглушает романтические контрасты Т. Мура: смягчает описания жестоких кровавых сцен (Алексеев. С. 676); при изображении прощального свидания любовников посреди бушующего чумного мора Жуковский переводит пафос торжества жизненных сил и любви над угрозой смерти в религиозный план: «И в смертный час свою мне руку // Подай на смерть, не на разлуку».

Тщательно работает Жуковский над образами, связанными с темой преступления и раскаяния. В черновом автографе в описании злодея доминировали мрачные черты (см. постишный комментарий). В процессе работы Жуковский, не снимая вины и ответственности со злодея, пронизывает описание чувством милосердного сострадания к несчастному и заблудшему человеку, что нашло выражение в стиле и композиции его повести. Так, в финале Жуковский оставляет без внимания экзотические подробности («алмазные башни», «беседки Амерабада», «Тооба-Tree — дерево вечного счастья», «lote-tree — дерево у трона Аллы»), акцентируя не радость завоевания небес, как у Т. Мура («Heav'n is won!»), а «святую радость примиренья».

Новое обращение Жуковского к сюжету поэмы «Lalla Rookh» относится к 1829 году, когда в связи с постановкой «живых картин», устроенных 10 марта в Зимнем дворце, Жуковский, вероятно, делает перевод стихотворения немецкого поэта Самюэля Генриха Шпикера «Die Peri und das Paradies», написанного в 1821 г. к Берлинскому празднику и положенного на музыку композитором Спонтини (Алексеев. С. 669—673). Этот перевод, очевидно, имел прикладной характер как иллюстрация «живых картин», а потому в нем не было ни сюжета, ни пейзажей, ни описаний. Возможно, к этому же времени относится замысел полного, но неосуществленного перевода всей поэмы «Lalla Rookh»: на последнем листе немецкого перевода «Lalla Rookh» (Emden. 1829) находится карандашная запись Жуковского.

T.W. — 780	
	625
	730
Peri — 520	
T.A.	455
	440
	825
	740
<hr/>	
	5610
	15 / 5610 / 37
	45
<hr/>	

111

105

6

150 ст. = 37 дней

Запись расшифровывается следующим образом: столбик цифр выше «Peri» соответствует количеству стихов трех частей первой вставной поэмы «Покровенный пророк Хорассана»; столбик ниже «Peri» определяет количество стихов трех частей «Огнепоклонников» и «Света гарема». Подсчет ниже горизонтальной линии означает количество необходимых 37 дней, если каждый день переводить по 150 стихов.

Творческая атмосфера работы над переводом повести «Пери и Ангел», духовные переживания и вдохновение, овеявшие произведение, определили путь поэта к повести «Наль и Дамаянти». Весной 1840 года, 13(1) мая, после спектакля оперы-балета Спонтини «Нурмагала, или Праздник кашмирских роз», написанной на сюжет вставной четвертой поэмы «Свет гарема», первые 32 строки которой переписал Жуковский в свой дневник 14 (26) января 1821 года во время Берлинского праздника, поэт поделился своими раздумьями из Дармштадта с императрицей Александрой Федоровной — Лаллой Рук: «Странное, непонятное очарование в звуках, они не имеют ничего существенного, но в них живет и воскресает прошедшее. Я не думал никого произвольно вспоминать, но вслед за этой картиною праздника, именно те, которые тогда были и которых теперь нет, как будто сами слетелись со всех сторон на поминки и тенями мимо меня провеяли» (Алексеев. С. 674). В феврале 1843 г. Жуковский писал посвящение к своей индийской повести «Наль и Дамаянти», обращенное к великой княгине Александре Николаевне, где первые восемь строк овеяны мотивами и образами знаменитого начала поэмы «Света гарема» и выполнены размером ее стихов:

Who has not heard of the Vale of Cashemere
 With its roses the lightest that earth ever gave (...)
 Я видел сон: казалось, будто я
 Цветущею долиной Кашемира
 Иду один (...)

Перевод Жуковского был первым переводом из Мура в России. В том же году вышли в свет сразу два прозаических перевода из поэмы: Н. Бестужев опубликовал перевод третьей вставной поэмы «Обожатели огня, восточная повесть (из Мура)» в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1821. Ч. 16. Кн. 2—3. С. 113—156, 249—297), а аноним, крившийся под криптонимом «К.П.Б», — второй вставной поэмы «Рай и пери» (Там же. 1821. Ч. 13. Кн. 1. С. 37—62).

Повесть Жуковского «Пери и Ангел» была встречена критикой с большим интересом и одобрением. Рецензент журнала «Сын Отечества», сравнивая перевод сцены сражения юноши-воина с врагом за Отчизну у Жуковского и К.П.Б. отмечает, что «лексически и фразеологически Жуковский ближе воспроизвел подлинник» (СО. 1821. № 20. С. 243—265). Высокая оценка прозвучала в среде будущих декабристов, отметивших под покровом восточного колорита вольнолюбивые настроения. В «Послании к Н. И. Гнедичу» Рылеев в 1821 году помещает строки:

Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной Пери.

(Рылеев К. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934. С. 89—90).

Декабрист В. Ф. Раевский для пропаганды среди солдат ланкастерской школы выбрал те стихи из «Пери и Ангела», в которых речь идет о смерти героя, павшего в «искупление свободы», и чью каплю крови Пери уносит на небеса. Раевский вспоминал, что во время суда над ним ему задавались вопросы «о тетрадах в школе» и по поводу некоторых обнаруженных в этих тетрадах выписок. Пример начинался двадцатью стихами прежде и оканчивался:

Богам угодное даянье,
Она сказала, я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы.

(Воспоминания В. Ф. Раевского // ЛН. Т. 60. Кн. 1. 1956. С. 95).

Диссонансом прозвучала оценка А. С. Пушкина, писавшего П. А. Вяземскому 2 января 1822 года из Кишинева: «Жуковский меня бесит. Что ему понравилось в этом Мура, чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся Ла-ла-ла Рук не стоит десяти строчек Тристрама Шенди» (Пушкин. Т. 13. С. 34). В июне 1822 года в ожидании перевода «Шильонского узника» Пушкин вновь дает отрицательную оценку: «Это не чета Пери» (Пушкин. Т. 13. С. 40). Причину негативного отношения к поэзии Мура Пушкин объяснил в письме к Вяземскому (конец марта — начало апреля 1825 года): «Знаешь, почему я не люблю Мура? — потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так прелестен в „Гяуре“, в „Абидосской невесте“ и проч.» (Пушкин. Т. 13. С. 160).

Однако в творчестве Пушкина отзвуки поэтической памяти о переводе Жуковского сказались не только в образе «лили крылатой» (в черновой строфе «Евгения Онегина»), но их можно услышать в песнях Мери и речах Председателя в «Пире во время чумы», где говорится о силе любви, противостоящей угрозе Чумы. Мери вторит возлюбленному из поэмы Мура, тревожась за судьбу любимого человека, а Председатель бросает вызов самой смерти:

И Девы-розы пьем дыханье —
Быть может — полное чумы

(Пушкин. Т. 7. С. 181).

Близок к Пушкину в критическом отношении к переводу Жуковского был В. Г. Белинский: «Много было расточено похвал переводу отрывка из поэмы Томаса Мура „Див и Пери“; но перевод этот далеко ниже похвал: он тяжел и прозаичен, и только местами проблескивает в нем поэзия. Впрочем, может быть, причиною этого и сам оригинал, как не совсем естественная подделка под восточный романтизм» (Белинский. Т. 7. С. 210).

Имя Жуковского — переводчика «Пери и Ангела» — было известно Томасу Муру. В дневниковой записи английского поэта от 3 января 1829 года отмечена встреча с А. И. Тургеневым, который сообщил ему о русском переводчике: «Это очень разумный человек и весьма искушенный в литературе Англии, как и всех других стран Европы. Сообщил мне, что существует два перевода моих „Ирландских мелодий“ на русский язык и что у него есть с собой перевод моей „Пери“, выполненный русским поэтом, который сопровождал нынешнюю императрицу во время ее визита в Берлин (...) Русский показал мне перевод моей „Пери“ в сборнике русских стихотворений, которые он переплел, чтобы читать во время путешествия. Мое имя по-русски превратилось в „Муровой“, что значит „Мура“, „ой“ на конце, как в греческом, признак родительного падежа (...) Читал нам вслух большой отрывок из русской „Пери“, которая звучала весьма музыкально» (Цит.: Алексеев. С. 738—739).

**Пери — воображаемые существа, ниже ангелов, но превосходящие людей, не живут на небе, но в цветах радуги, и порхают в бальзамических облаках, питаются одними испарениями роз и жасминов и подвержены общей участи смертных. Индейцы и другие восточные народы представляют их себе в виде жепцины, коих отличительное свойство составляют красота и благотворительность.* (Здесь и далее подчеркиванием обозначены примечания Жуковского к тексту первой публикации перевода.)

Ст. 22. *Свежа долина Кашемира...* — Озеро, усеянное множеством островов, из коих на одном растут платановые деревья, от которых он и назван Шах-Шеймур.

Ст. 29. *К бесчисленным звездам созданья...* — В автографе: «К сияющим звездам созданья...» Далее все варианты приводятся по черновому автографу.

Ст. 35. *С одной минуты небес...* — «С одним мгновением небес...»

Ст. 40. *Он к ней с утехой подлетел...* — «Он к ней приветно подлетел...»

Ст. 55. *С достойным даром прилетит...* — «С милейшим даром прилетит...»

Ст. 59. *Быстрее звездных мечей...* — Магометяне думают, что падающие звезды суть огненные палицы, коими добрые Ангелы отгоняют злых, дерзающих приближаться к небесной области.

Ст. 70. *Я знаю тайны Шильминара...* — Сорок столпов. Так персияне называют развалины Персеполя. Полагают, будто дворец в нем и все здания в Балбеке построены гением для сохранения многочисленных сокровищ в их подвалах, которые и донныне там находятся.

Ст. 73. *В сосудах гениев рубины...* — «В сосудах огненных рубины...»

Ст. 74. *Я знаю дно морской пучины...* — «Я знаю мрак морской пучины...»

Ст. 76. *Во глубине погребены...* — «На влажном дне погребены...»

Ст. 77. *Там острова благоуханий ...* — Острова Панхайя.

Ст. 80. *Сосуд Ямшидов золотой...* — Чаша Ямхида, найденная, как полагают, в развалинах Персеполя.

Ст. 89. *Святого Инда низлетала...* — Река, протекающая по Индии и считающаяся священной.

Ст. 104. *В лугах прекрасная весна...* — «В лугах краса и тишина...»

Ст. 116. *Властитель Газны, вихрь войны...* — Махмуд Газна или Газни завоевал Индию в начале XI столетия. В автографе: «Свирепый Газна, вихрь войны...»

Ст. 120—121. *На псов своих навесил он / Любимиц царских ожерелья...* — Повествуют, что Султан Махмуд содержал 400 серых легавых собак. На каждой из них был

ошейник, украшенный дорогами камнями, и покрывала, обшитые золотой бахромой с жемчугами. В автографе: «Надел на псов кровавых он...»

Ст. 123. *Зенаны* дев он осквернил... — Зенаны — женские комнаты, гарем.

Ст. 130. *Над светлым родины потоком...* — «Перед отеческим потоком...»

Ст. 136. *Но воин, молча, указал...* — «Но витязь молча указал...»

Ст. 149. *Ему смежить рукой любви...* — «Зеницы сжать рукой любви...»

Ст. 169. *Сказал ей страж крылатый рая...* — «Сказал ей светлый сторож рая...»

Ст. 174. *Кристалльные спокойны двери...* — «Не отворились райски двери...»

Ст. 180. *Стремится — и к горам Луны...* — Горы Лунные, в древности Montes Lunae. При подошве их полагают источник Нила.

Ст. 190. *И великан поворожденный...* — Нил, известный в Абиссинии под названием Абен и Алави, то есть великан. В автографе: «И их гигант новорожденный...»

Ст. 197. *Розетты знойною долиной...* — Розетта — парк роз. Сады Розетты наполнены голубями.

Ст. 203—205. *На пеликановых крылах, / Когда на голубых водах / Мериди он плывет и плещет...* — О пеликане на меридионом озере упоминает Савари. В Примечаниях Мура название озера Lake Moeris.

Ст. 215. *Ночной упившись росой...* — «Ночной усыпанных (увлажненных — зач.) росой...»

Ст. 218. *И ночью листья освежали...* — «И влагой цвет свой освежали...»

Ст. 229. *От перелетного тумана...* — «От пробежавшего тумана...»

Ст. 230. *Печально-тихая султана...* — Султана — прекрасная птица, названная так по ее величавости и блестящему синему цвету перьев. Нос и когти у нее также синие. Они служили украшением храмов и дворцов у греков и римлян.

Ст. 232. *Сияла пурпурным крылом...* — «Светилась в сумраке ночном...»

Ст. 252. *Гиена лишь, бродя всю ночь...* — Жаксон упоминает о моровой язве, случившейся в Восточной Аравии, во время его там пребывания. Птицы в сие время удалялись от человеческих жилищ; гиены напротив того приходили на кладбища.

Ст. 345. *От жадных уст, едва украдкой...* — В автографе: а) «От нежных уст...»; б) «От сладких уст...»

Ст. 351. *Мне жребий свой отдай вполне...* — После этого стиха в автографе следовали стихи, не вошедшие в окончательный текст: «За миг один счастливый твой / Ты знаешь, жизнь отдать готова! / Но только счастья нет земнова!»

Ст. 362. *Она уж гаснет, как лампада...* — «Она слабеет, как лампада...»

Ст. 369. *Желанной смертью умирает...* — «С рыданьем тихо умирает...»

Ст. 378—383. *Иль певьем птицы той чудесной, / Которая в последний час / Торжественный подымля глас, / Сама поет свое сожжение / И умирает в сладкопенье...* — Феникс — баснословная птица, которая, прожив тысячу лет, готовится себе костер и, пропев трогательную песнь, машет крылами и сгорает на нем от лучей солнечных.

Ст. 391. *Тут ясным почивали сном...* — «Тут спали непробудным сном...»

Ст. 413. *В Эдеме души пьют святые...* — На берегу квадратного озера находится тысяча чаш, составленных из звезд. Души, предопределенные наслаждаться вечным блаженством, пьют из них кристалльные воды.

Ст. 427. *Отчизна розы Суристан...* — Ричардсон полагает, что Сирия получила свое название от суги, прекрасного и нежного рода розанов, которыми страна эта всегда славилась.

Ст. 429. *Сходя на запад, как корона...* — «Как лучезарная корона...»

Ст. 431. *В великолепии снегов...* — «Во всем величии снегов...»

Ст. 444. *На изумрудных берегах...* — «На их зеленых берегах...»

Ст. 446—447. *Веселые веретеницы, / На яркой стен их белизне...* — Брюс пишет, что число ящериц, которых он видел однажды на дворе храма в Балбеке, простиралось до нескольких тысяч, что ими были покрыты камни его развалин, стены и земля. В автографе: «Вертявые веретеницы...»

Ст. 453. *Их веянье, их трепетанье...* — «Их веянье, их воркованье...»

Ст. 460. *С далеким пеньем пастухов ...* — «С далекой (веселой — зач.) дудкой пастухов...»

Ст. 462—463. *Жужжащие среди долины, / Блестя звездами на цветах...* — В автографе: а) «Шумящие среди роскоши долины»; б) «Как звезды, в солнечном луче мелькали»; в) «Сверкающие на цветах, блестя, как звезды...»; г) «Звездами на цветах сверкали...»

Ст. 468. *На падший солнцев храм...* — Храм Солнца в Балбеке.

Ст. 495. *В роскошных светятся лучах...* — «В прощальных светятся лучах...»

Ст. 505—507. *Она кружится непослушно // И блещет, как цветок воздушной // Иль как порхающий рубин...* — В автографе: а) «Она мелькает непослушно, как будто изумруд воздушный»; б) «Блещет, как цветок воздушный...». Варианты: «порхающий цветок», «порхающий жемчуг», «порхающий рубин».

Ст. 514—516. *Над мелким ручейком, шумевшим // Близ имарета, он с копя // Спрыгнул...* — *Имарет* — приют для странников при мечетях, где они могли пребывать три дня.

Ст. 519. *Из-под густых бровей блестя...* — «Свирепой дикостью блестя...»

Ст. 527. *Подобно туче громовой...* — В автографе: а) «На небо с мраком грозным...»; б) «На небо с громом...»; в) «Грядущим мраком грозным...»

Ст. 531. *Страстей жестоких и злодейств...* — В автографе: а) «Страстей и ужасов жестоких...»; б) «Страстей свирепых и злодейств...»

Ст. 536. *Как обвинительным пером...* — Варианты: а) «роковым пером»; б) «обвинительным пером»; в) «осуждающим пером».

Ст. 542. *Краса ли вечера смирила...* — В автографе: а) «Покой ли вечера смирил»; б) «Закат ли ясный усмирил».

Ст. 556. *Вечерний минаретов глас...* — Минарет — высокая тонкая башня, соединенная с мечетью, окруженная одним или более балконами, с которых муфтий обращается к народу с молитвой.

Ст. 565. *Его смиренно-сжатые руки...* — В автографе: а) «Его подъяты к небу руки»; б) «Его горé простерты руки».

Ст. 572. *И гордый Эвлис очеса...* — Эвлис в магометанской демонологии глава злодеев, сатана.

Ст. 577. *А он?.. Отверженный, несчастной!..* — В автографе после этого стиха следовали варианты текста, позднее зачеркнутые: а) «А он!.. отверженный губитель // Что чувствовал?...Как обвинитель // Предстало прошлое пред ним» (вариант: «Вот так минувшее пред ним // Предстало ужасом своим!»); б) «А он? Отверженный, несчастный? // Увы! недвижный и безгласный // Перед невинностью прекрасной, / Как осужденный он стоял».

Ст. 595. *И голову потупил он...* — «И он заплакал... в слезах // Пред Вечным Богом пал во прахе».

Э. Жулякова

Шильонский узник

Повесть

(«Взгляните на меня: я сед...»)

(С. 36)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 2. № 33. Л. 3—10 с оборотами — черновой, полный, сделан карандашом и черными чернилами поверх строк и на полях книги: «The Prisoner of Chillon. A Poem by Lord Byron, Lausanne, 1818».

2) РНБ. Оп. 1. № 4 г (1). Л. 14 — черновой, перевод первой главы под датой: «4 сентября 1821 года» — в составе записной книжки с дневниковыми записями от 19 августа — 28 сентября 1821 г. Ср.: Бумаги Жуковского. С. 11.

3) РНБ. Оп. 1. № 4 г (2). Л. 13 об., 14 об., 15 об., 16 об. — черновой, перевод II—VI глав, начатый под датой: 27 октября (II—V главы) и продолженный 28 октября (VI глава) 1821 г. в составе записной книжки с дневниковыми записями от 1 октября — 19 ноября 1821 г.

4) РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 57 об.—58 — черновой, предисловие и примечания.

Копии:

1) ПД. Р II. Оп. 1. № 627. Л. 6—9 с оборотами — в «Сборнике стихотворений», принадлежащем Н. Чирухину, без даты.

2) ПД. Р III. Оп. 1. № 1102. Л. 1—14 с оборотами; датирован 17 сентября 1832 года.

Впервые: «Шильонский узник», поэма Лорда Байрона. СПб, 1822 (Ц. р. 14 апреля 1822 г. Цензор А. Красовский), с посвящением: «Князю П. А. Вяземскому. От переводчика» и предисловием.

В прижизненных изданиях: БиП — в заглавии: «Шильонский узник. Повесть»; С 3—5; в С 4 снято посвящение П. А. Вяземскому, в С 5 (Т. 4. С. 1—20) заглавие: «Шильонский узник. Повесть», в оглавлении с добавлением в скобках: «Из Байрона». В подборке произведений 1821 г. без посвящения, но с предисловием.

Датируется: 4 (16) августа 1821 г. — не ранее 10 (22) февраля и не позднее 14 (26) апреля 1822 г.

«Шильонский узник» — перевод поэмы Байрона «The Prisoner of Chillon» (1816), начатый во время пребывания Жуковского в Швейцарии. Создание перевода подготовлено глубоким интересом Жуковского к творчеству Байрона (начиная с 1814 года), необычайно почитаемого в ближайшем окружении поэта. С 1819 года П. А. Вяземский неустанно и настойчиво побуждал Жуковского к переводам из Байрона, подчеркивая сходство талантов русского и английского поэтов. В письме от 15 (27) ноября 1821 г. он, в частности, замечает: «Ты на солнце Европейском (...) должен очень походить на Байрона, еще не раздраженного жизнью и людьми» (РА. 1900. № 2. С. 182). Он надеется под влиянием Байрона пробудить в друге гражданский темперамент. Записи в дневнике Жуковского 1821 г. запечатлели «разговоры о Байроне» (26 августа), чтение «*Marino Faliero*» (29 августа). Непосредственным толчком для работы явилось впечатление от посещения Шильонского замка 3 сентября 1821 г., о котором Жуковский записал в дневнике: «Поутру в Chillon. (...) Замок. Тюрьма. Виселица. Тюрьма Бонивара; маленькая тюрьма с разломанною

дверью» (ПСС 2. Т. 13. С. 213) и рассказал в письме к великой княгине Александре Федоровне: «В тот день, в который я оставил Веве, успел я съездить на лодке в замок Шильон; я плыл туда, читая the Prisoner of Chillon, и это чтение очаровало для воображения моего тюрьму Бонниварову, которую Байрон весьма верно описал в своей несравненной поэме» (РС. 1902. Май. С. 350). Об этой поездке Жуковский писал И. И. Козлову в письме от 27 января 1833 года: «Эти места напоят тебе и Руссо, и Юлию, и Байрона. Для меня красноречивы только следы последнего: в Шильоне, на Бонниваровом столбе вырезано его имя, а в Кларане у самой дороги находится простой крестьянский дом, в котором Байрон провел несколько дней и из которого он ездил в Шильон (...) По той дороге, по которой, вероятно, гулял здесь Байрон, хожу я каждый день...» (СС 1. Т. 4. С. 599—600). А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому от 9 июля 1833 года сообщал об этом времени: «Из своих окон Жуковский указал мне дом, где жил Байрон в виду озера и Кларанса. Вечеру ездил в Шильон, сходил в его сырое подземелье, снова постучал кольцом, к коему прикован был Бонивар (...) на одной из колонн в тюрьме Байрон вырезал свое имя: под ним русские читают имя его переводчика — Жуковский; далее какой-то Толстой и легионы неизвестных...» (ОА. Т. 1. С. 236—237).

В «Записной книжке» № 1, представляющей собой, как и «Записная книжка» № 2, блокнот размером 14,5 см на 9 см с красными бумажными обложками и содержащей дневниковые записи лета и осени 1821 года, периода пребывания в Швейцарии и Германии, под датой: «4 сентября», после описания путешествия в Фрибург и Берн, неровным почерком, по-видимому, в дороге, вероятней всего, во время поездки в Берн, набросан перевод первой главы (см. автограф № 2). Именно поездка в Берн породила размышления поэта над соединением в бернской природе всех простых прелестей сельских и великолепия альпийского: «В Швейцарии понял я, что поэтические описания блаженной сельской жизни имеют смысл прозаически справедливый» (ПСС 2. Т. 13. С. 214). Поэтическим выражением этих откровенных, исполненных высокого чувства восхищения, могло стать начало работы над переводом поэмы о герое Швейцарии.

Работа над переводом была продолжена 27 (8) и 28 (9) октября. Судя по дневниковым записям и письмам, период с 4 (16) сентября по конец октября 1821 года был насыщен поездками по Швейцарии и Германии («Писать (...) во время путешествия было для меня невозможно (...) почти всю дорогу или по крайней мере две трети моей дороги по Швейцарии сделал я пешком»), встречами и волнующими разговорами, в том числе и о Байроне, размышлениями о судьбе человека и истории, России и Европы, обостренным поэтическим восприятием природы и философским осмыслением ее. Все это способствовало сосредоточению духовных сил и нашло выражение в переводе поэмы Байрона как дань восхищения и признательности Швейцарии, гению и мужеству английского поэта. К этому присоединилось чувство горечи и одиночества, способствовавшее обостренному восприятию драматического пафоса байроновской поэмы. Перевод II—VI глав вклинивается в дневниковую запись: «27. Эйзенах. Туман и холод...» После текста поэмы следует: «28. Эрфурт. (...) Грустный день. Entbehung [лишения. — нем.] — вот мудрость! Учишься во всем себе отказывать, чтобы не отказаться от уважения к самому себе. Поздно! ужасное слово» (ПСС 2. Т. 13. С. 232).

Можно предположить, что дальнейшая работа шла на страницах книги «The Prisoner of Chillon» (автограф № 1). Перевод I—VI глав написан над строками ан-

глийского текста чернилами, тонким пером, практически без помарок. Начиная с VII главы, страницы книги приобретают характер черновика: на полях — слева, справа, вверху, внизу — карандашом пишется перевод, с вариантами, с многочисленными правками, а потом текст вписывается над стихами, нередко карандашом, который затем покрывается черными чернилами.

По всей вероятности стихотворная часть «Шильонского узника» была завершена уже в 1821 г. до возвращения Жуковского в Россию, что может быть подтверждено указанием самого поэта на 1821 г. как время окончания «Шильонского узника» в оглавлении С 5, а также записями в дневнике от 17(29) и 24(6) ноября, где говорится уже о чтении Вальтера Скотта, и от 30(12) ноября о разговоре с М-е Stegemann, немецкой поэтессой, известной Жуковскому стихами на мотивы произведений Т. Мура, о Бейроне (ПСС. Т. 13. С. 233—235).

Прозанческое предисловие (автограф № 4), возможно, создавалось в Петербурге при подготовке «Шильонского узника» к печати. Жуковский вернулся в Петербург 6(18) февраля, а 10(22) А. И. Тургенев писал Вяземскому в ответ на запрос о том, что нового привез Жуковский-поэт: «Жуковский перевел только “Le prisonnier de Chillon” Байрона, но того не кончил, но перевод прекрасный» (ОА. Т. II. С. 245). В предисловии Жуковский использовал сведения из примечаний к поэме Байрона и собственные впечатления от посещения Шильонского замка, расположенного у самых восточных берегов Женевского озера. Предисловие начиналось словами: «Герой сей повести есть Франциск Бонивар, женевский Гражданин. (Поэт заставляет самого Бонивара описывать ужасное свое заточение в замке Хильон — зач.)». Предисловие заканчивалось так: «Переводчик с поэмою Бейрона в руках посетил сей замок и подземную темницу Бонивара: он может засвидетельствовать, что его описания поэтом имеют строжайшую точность» (л. 57 об.).

Издание печаталось под присмотром Н. И. Гнедича; на фронтисписе была гравюра А. Ухтомского с картины И. Иванова по наброску А. Н. Оленина. В верхней части гравюры — вид Шильонского озера. В нижней — изображение темницы. Жуковский входил во все детали издания. В письме к Гнедичу поэт давал указания: «Комиссия для Николая Ивановича Гнедича от чертописца Жуковского. 1. Принять под свое покровительство экземпляры *Шильонского Узника*. 2. Позаботиться о виньете и оттиске ее. 3. По получению оттиснугой виньеты велеть переплести экземпляры: а) на веленовой бумаге: 10 в лучшую бумажку, остальные в хорошую цветную; б) на простой: переплесть сотню в порядочную простую бумагу, остальные оставить в листах и продать. 4. Из веленовой прислать мне 60 экз. и в том числе и 10 отборных; остальные раздать по прилагаемой записке. 5. Отдав Гречу и Воейкову их экземпляры, попросить их об объявлении, но только с тем, чтобы не делать больших цитатов» (С 7. Т. 6. С. 445.). В другой записке Жуковский просил: «〈...〉 надобно бы было слово сказать о виньете. 〈...〉 Не говоря о красоте работы, я желал бы поправить одно в Бонниваровой тюрьме: поэт описывает ее темною, освещенною бледным, ненароком в нее заронившимся лучом; а здесь явились какие-то два огромные окна, подобные церковным; нельзя ли как можно более поубавить света и чтобы на полу был простой отблеск, а не целые огромные окна» (Там же. С. 446).

В переводе Жуковского проявилось своеобразие его нравственно-философской концепции человека и мира. Жуковскому была близка гуманистическая и просветительская идея поэмы Байрона о праве человека на физическую и нравственную свободу и неприятие насилия. Под влиянием личных впечатлений от Швейцарии

как страны свободных граждан драматическая коллизия «Шильонского узника» — страдания за человеческое достоинство и свободу — приобретала для Жуковского высокий поэтический смысл. Художественная структура перевода «Шильонского узника» обнаружила близость поэтических систем Байрона и Жуковского. Вместе с тем Жуковскому был чужд бунтарский тираноборческий пафос Байрона: он не переводит предпосланного поэме «Сонета к Шильону», в котором звучит страстный гимн свободе. В своем переводе Жуковский смещает акцент с вопросов социальных в сферу нравственных, общечеловеческих проблем, по-своему развивая смысл последнего стиха «Сонета»: «They appeal from tyranny to God» (Они взывают от тирании к Богу). Позднее, в письме к Н. В. Гоголю, опубликованном под заглавием «О поэте и современном ему значении», говоря о Байроне — «духе высоком, могучем, но духе отрицания, гордости и презрения» (ПСС. Т. 10. С. 86) и сравнивая его с Вальтером Скоттом — душой «светлой, чистой, младенчески верующей» (Там же. С. 85), Жуковский определяет высший смысл поэзии — быть Откровением, находить и открывать «другим повсеместное присутствие духа Божия» (Там же. С. 84). Соединяя нравственно-религиозные и просветительские идеи, Жуковский делает перевод английской поэмы на язык русской повести, сохраняя «высокий, могучий дух» Байрона.

Русскому переводчику оказался интересен новый тип героя в художественном мире Байрона — не страдающий индивидуалист, а человек, насильственно обреченный на одиночество и страстно преданный своим братьям, тоскующий в неволе по красоте свободной жизни. Жуковский сохраняет гуманистический пафос поэмы и выдвигает на первый план историю духовной жизни страдающего и надломленного несчастьями Бонивара и людей, связанных с ним.

Органическая близость перевода к оригиналу основана на том, что Жуковский, вслед за Байроном, структурообразующим началом своего произведения сделал антитезу «свобода» — «неволя», вложив в нее целый комплекс идей, связанных с представлениями о полноте духовной жизни человека. Закреплению принципа контраста, поэтической антитезы «свет — тьма» служил рисунок на заглавном листе первого издания, представляющий вид Шильона в два яруса: прекрасная картина со стороны Вильнева и изнутри — Бонниварова темниц. Жуковский, следуя за Байроном, создает поэтическую систему, основанную на принципе параллелизма и повторов, охватывающих все формы повествования (наиболее часто используемые номинативные повторения контрастов с отрицательными частицами) и позволяющих выразить идею величия и трагизма универсального мира — бытия и небытия. У Байрона: «I had no thought, no feeling — none — // Among the stones I stood a stone (...) It was not night — it was not day; // It was not even the dungeon-light» (У меня не было ни мысли, ни чувства; среди камней камнем я стоял (...)) Это было ни ночь, ни день, даже не тюремный свет). В переводе: «Без памяти, без бытия // Меж камней хладным камнем я (...) // То было тьма без темноты; // То было бездна пустоты...»

Жуковский строго следует за Байроном в выборе размера — перевод сделан 4-стопным ямбом с мужскими окончаниями. Сохранена композиция повести из 14 глав. Единственная допущенная вольность — перенесение семи последних стихов X главы в XII с прибавлением двух стихов, отсутствующих в оригинале: «Без места на пиру земном // Я был бы лишний гость на нем». Эти стихи навеяны Жуковскому другим произведением на узническую тему — «La jeune captive» А. Шенье, по мотивам которого в 1819 году была написана баллада «Узник».

Вместе с тем перевод отличен от оригинала. По объему он превышает поэму Байрона на 42 стиха. Начиная с первой главы, Жуковский отказывается от свойственной Байрону склонности к универсальным обобщениям вселенского масштаба, заменяя их доверительной интонацией, за которой просматривается внимание поэта к конкретному человеку и его судьбе. Перевод начинается стихом, отсутствующим у Байрона: «Взгляните на меня: я сед» — и им задается дружеский, требующий участия тон всего повествования. Из перевода исключаются изысканно-романтические сравнения: «For he was beautiful as day — // (When day was beautiful to me // As to young eagles, being free) — // A polar day, which will not see // A sunset till its summer's gone, // Its sleepless summer of long light, // The snow-clad offspring of the sun...» (Потому что он был прекрасен, как день, когда день был прекрасен мне, как свободным молодым орлам — полярный день, который не увидит захода солнца до конца лета, бессонного лета длинного света, покрытого снегом дитя солнца). Жуковский переводит этот фрагмент из семи стихов тремя стихами: «Прекрасный, как тот дневный свет, // Который с неба мне светил, // В котором я на воле жил».

Жуковский «просветляет» текст Байрона и придает ему торжественно-возвышенный и «сладостный» характер при изображении «дневной» стихии. Байроновский ряд положительно-ценностной символики и таких определений, как «goodly», «earth», «sun», «sunny day», в переводе получает дополнительный оттенок: «сладостный день», «радующий свет», «пир земной». Жуковский вводит в поэтический текст образы, связанные с религиозной тематикой. В описание младшего брата дважды используется образ «смирненного ангела», устраняются жесткие и резкие сравнения и усиливается благостная, небесная музыка чувств. В афористически точном переводе описания душевного кризиса Бонивара после потери последнего брата Жуковский вводит как высшую ценность идею Промысла, с утратой которого исчезает все (см. построчный комментарий).

Изменения в тексте и увеличение объема связаны с углублением Жуковским драматической коллизии поэмы за счет описания картин природы, получивших в переводе углубленное философское и психологическое наполнение. Работа Жуковского над системой эпитетов и метафор отмечена стремлением воссоздать самую текучесть жизни природы в ее оттенках, мимолетных изменениях, отражающих душевные переживания героя (см. построчный комментарий).

Перевод последней главы закрепляет сходство и различие байроновской поэмы и повести Жуковского «Шильонский узник»: они отмечены глубоким проникновением поэтов в психологию человека, обостренным интересом к драматической судьбе личности, утратившей в финале героические черты, и вместе с тем различным осмыслением духовной драмы — у Жуковского отсутствует романтический максимализм и горечь Байрона, его место занимает милосердно-сострадательное отношение русского переводчика к герою, сохранившему интерес к «мирному» быту: «These heavy walls to me had grown, // A hermitage — and all my own! (...) // With spiders I had friendship made, // And watched them in their sullen trade // Had seen the mice by moonlight play...» (Эти мрачные стены мне понравились, приют отшельника — все мое! С пауками я был дружен и следил за ними в их мрачной работе, рассматривал мышь в игре лунного света). Перевод Жуковского: «И под-земелье стало вдруг // Мне милой кровлей... (...) // Паук темничный надо мной // Так мирно ткал в своем окне; // За резвой мышью при луне // Я там подсматривать любил...»

Важной особенностью работы Жуковского над образом Бонивара является смягчение интонации рассказчика, что проявилось в изменении синтаксиса от первой публикации к С 5, когда почти все восклицательные знаки были заменены на точку с запятой. Редуцированная эмфатика способствовала усилению повествовательности.

Перевод Жуковского явился событием в русской литературе и критике. А. С. Пушкин, с нетерпением ожидавший «Шильонского узника» и сначала познакомившийся с отрывками из него по статье О. Сомова, пишет 1 сентября 1822 года из Кишиинева П. А. Вяземскому: «То, что я видел в С.(ыне) О.(течества), прелестно...

Он на столбе, как вешний цвет,
Висел с опущенной главой»

(Пушкин. Т. 13. С. 44).

Через три дня в письме к брату он повторяет эту оценку: «То, что я читал из «Ш.(ильонского) Узн.(ика)», прелесть» (Там же. С. 45). Познакомившись с переводом, он пришел в восхищение. В письме к Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 г. он сообщил: «Перевод Жуковского est un tour de force. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Он уж не напишет ни “Светланы”, ни “Людмилы”, ни прелестных элегий 1-й части “Спящих дев”» (Там же. С. 48).

Критика 1820-х годов, непосредственно следовавшая за публикацией и чутко улавливавшая байроновские настроения в русской литературе, отметила «совершенство перевода» (*Плетнев П. А. Шильонский узник // Плетнев П. А. Сочинения и переписка*. СПб., 1885. Т. 1. С. 67.) Об этом же писал О. Сомов в статье «Разбор Поэмы: Шильонский узник, соч. Лорда Байрона, пер. с Английского В. Жуковского»: «Г. Жуковский в полной мере постиг намерение Автора, вникнул в положение Шильонского пленника и почерпнул в Природе звуки, которыми действует на слух и душу своих читателей». (СО. 1822. № 29 Ч. 79. С. 117). В статье «Письма на Кавказ» за подписью «Ж. К.» перевод Жуковского поставлен в ряд с «Кавказским пленником» А. С. Пушкина как «два прекрасных явления» и назван «свежим родником в пустой, знойной степи». «Не думаю, — пишет Ж. К., — чтоб Байрон где-либо нашел Переводчика — ближе, сильнее, красноречивее нашего Жуковского!» (СО. 1823. Ч. 83. № 1. С. 3) Критики указали на сходство художественной системы Байрона и Жуковского, проявившееся в размере стиха («Жуковский употребил в переводе своем четырехстопные ямбы с одними мужскими рифмами. Падение стихов сих весьма соответствует унылому и отрывистому рассказу Шильонского узника» — Сомов. С. 101), подчеркнули пристрастие поэтов к яркой антитезе («Тьма без темноты и образ без лица — Океан, задавленный мглою, есть выражение совершенно в духе Л.(орда) Байрона, однако оно, кажется, принадлежит нашему Переводчику» — Там же. С. 113), увидели «живопись поэзии», сказавшуюся в способности воссоздать деталями картину целого. Было отмечено своеобразие поэмы «Шильонский узник» в ряду произведений Байрона и значение перевода Жуковского для восприятия английского поэта в России. По словам П. А. Плетнева, Жуковский открыл для читателя нового Байрона: «После прозаических переводов мы начинали было с его именем соединять что-то странное, темное, а чаще

ужасно-непонятное. Но, судя по переводу Жуковского, видимо, что он прост, ясен, и естественен» (Плетнев. С. 63.).

Критика 1830-х годов, отмечая «гармоничность» и «музыку» языка Жуковского, закрепила за переводом «Шильонского узника» определение жанра элегии и противопоставила художественную манеру Жуковского байроновской: «Все говорят, что переводы Жуковского верны и прекрасны. Мы согласны в этом, но не ищите в них различия красок, разнообразия тонов — они верны *сущностью*, но не выражением (...). Для убеждения в этом сличите “Шильонского узника” с подлинником — совсем другой цвет, совсем другой отлив, хотя сущность верна! Байрон — дикий, порывистый, вольный, *eternal spirit of the chainless mind* [цит. первая строка «Сонета к Шильону». — Э. Ж.], делается мрачным, тихим, унылым певцом в переводе Жуковского» (Полевой Н. А. Баллады и повести В. А. Жуковского // Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 136).

Пушкинскую традицию высокой оценки перевода Жуковского продолжил В. Г. Белинский: « (...) наш русский певец тихой скорби и унылого страдания обрел в душе своей крепкое и могучее слово для выражения страшных подземных мук отчаяния, начертанных молниеносною кистью титанического поэта Англии! “Шильонский узник” Байрона передан Жуковским на русский язык стихами, отзывающимися в сердце как удар топора, отделяющий от туловища невинно осужденную голову... Здесь в первый раз крепость и мощь русского языка явилась в колоссальном виде, и до Лермонтова более не являлась. Каждый стих в переводе “Шильонского узника” дышит страшною энергиею...» (Белинский. Т. 7. С. 209.)

Опыт перевода поэзии Байрона, глубокое проникновение в философские и нравственно-психологические проблемы его творчества, создание адекватной формы художественного выражения их получило творческое воплощение и развитие в стихотворении Жуковского «Море», новизну звучания которого отметил И. В. Киреевский: «Кажется, все струны прежней его лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии» (Литературная газета. 1830. Т. 1. № 8. С. 64).

Значение перевода Жуковского для русской литературы огромно. В «Шильонском узнике» начата разработка темы узничества и пленников. (См.: *Жирмунский В. М.* Пушкин и Байрон. Л., 1978. С. 288—291.) Размер стиха — 4-стопный ямб с мужскими окончаниями — оказался ритмическим новшеством, получившим развитие в творчестве самого Жуковского («Суд в подземелье»), Лермонтова (ранние поэмы, «Мцыри»). Подробнее см.: *Жирмунский В. М.* Стих и перевод (Из истории романтической поэмы) // Русско-европейские литературные связи М.; Л., 1966. С. 430.

* Черновой текст предисловия кончается словами: «Переводчик с поэмою Байрона в руке посетил сей замок и подземную темницу Бонивара: он может засвидетельствовать, что описания поэта имеют прозаическую точность» (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 57). Кроме того, в архиве поэта сохранился еще фрагмент предисловия, восходящий к справке самого Байрона, почерпнутой из книги швейцарского натуралиста и историка Жана Сенебье «*Histoire littéraire de Genève*»:

Шильонский узник — Франциск Бонивар был сыном Людвига Бонивара, жившего в Сене. Родился в 1496 году, он воспитывался в Турине, а в 1510 Жан Эме Бонивар, дядя его, отдал ему богатое Сен-викторское приорство, находившееся близ Женевы, где он поселился.

Сей великий человек — Бонивар заслуживает имя великого по силе души, честности характера, благородным намерениям, мудрости и живости ума, обширности знаний и твердой неустрашимости в действовании — сей великий человек, которого героическая добродетель производит удивление, заслуживает благодарности — остался и всегда останется в памяти граждан Женевы, которые произносят имя его с уважением и благодарностью. Он был одною из самых твердых опор республики и за ее свободу не щадил собственной жизни. Для победы избранного им отечества он жертвовал спокойствием и удовольствиями жизни, он служил ему как ревностный гражданин; защищал его как герой и написал его историю с простосердечием философа, с живостью патриота.

В истории своей Бонивар для выгоды Женевы объявил себя патриотом, противником Епископа и Герцога Савойского и в 1519 году сделался мучеником. Желая скрыться в Фрибурге от преследования герцога, вступившего с 500-стами воинов в Женеву, он был предан власти, отвезен в Гроле, где целых два года страдал в заточении. Несчастье не охладило его патриотического рвения и в 1530 году, будучи схваченным в горах Юры, отдан во власть герцога, который заключил его в Хильонский замок. Более шести лет продолжалось его заточение, в 1536 году он был освобожден Бернскими войсками, овладевшими замком и всем кантоном Вауд.

Бонивар, по освобождении своем, нашел Женеву свободной. Исповедание реформаторское в ней утвердилось. Республика стоицей вознаградила его за те несчастия, которые претерпел он для ее блага: он получил права женевского гражданина и принят был в Большой Совет. Бонивар до конца жизни действовал для пользы Отечества. Будучи настоящим христианином, он старался распространять благодетельную терпимость и имел в том совершенный успех: кто проповедует с любовью, тот всегда проповедует убедительно. Бонивар был учен: его манускрипты, находящиеся в Женевской публичной библиотеке, доказывают, что он имел глубокие сведения в истории и Богословии. Женева много обязана ему своим просвещением. В 1551 году он отдал ей свою библиотеку, а по смерти сделал своего наследницею. Он умер около 1570 года (РНБ. Оп. I. № 29. Л. 58).

Ст. 1—2. *Взгляните на меня: я сед: // Но не от хилости и лет... — В автографе № 1 (далее: а 1, а 2, а 3, а 4): «Смотрите на меня — я сед, // Но не от старости и лет...»*

Ст. 15. *Нас было шесть — пяти уж нет... — В а 1 и первой публикации текст иной: «Нас было семь — шести уж нет...» На эту «вольность» в сравнении с оригиналом указал О. Сомов (Сомов. С. 101), и Жуковский сделал правку в последующих изданиях.*

Ст. 29. *Покрыты влажным мохом лет... — В а 1, а 3: «Седых от сырости и лет...»*

Ст. 35—36. *Он светит тускло-одинок, / Как над болотом огонек..... — В а 1: «Он брезжит тускло-одинок, // Как над трясиной огонек».*

Ст. 114. *Печальный свод... — В а 3: «Темничный свод...»*

Ст. 258. *Все бледным, темным, тусклым мне... — В а 1: «Все бледным, черным, тусклым мне...»*

Ст. 270. *Без Промысла, без благ и бед... — В а 1: «Без благ и бед (сверху надписано: «без Бога») нет жизни».*

Ст. 271—272. *Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов, // Как океан без берегов... — В а 1 варианты: а) «Как озеро без берегов...»; б) «Одно молчанье, сон гробов...»; в) «Одно молчание кругом / Не сон, не смерть — как озеро без берегов...»*

Ст. 325. *Вдруг новое в судьбе моей.... — В а 1: «Мой тяжкий жребий стал сносней...»*

Ст. 338. *Не смея братних лишь могил... — В а 1: «Страшился братних лишь могил».*

- Ст. 365.** *Веков создание — снега...* — В а 1: «Там неприступные снега...»
Ст. 368. *И Роны блещущий поток...* — В а 1: «И Роны голубой поток...»
Ст. 371. *Бегущих, бьющих по скалам...* — В а 1: «Летящих, бьющих по скалам...»
Ст. 373. *Сверкали ясны облака...* — В а 1: «(Летели — зач.) Мелькали светлы облака...»
Ст. 374. *И быстрый парус челнока...* — В а 1: «И легкий парус челнока...»
Ст. 392. *Летя, скрывался вдалеке...* — В а 1): после этого стиха следовал текст: «И рыба в солнечных лучах // Играла, прыгала в водах...»

Э. Жулякова

Перчатка

Повесть

(«Перед своим зверинцем...»)

(С. 48)

Автографы:

1) РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 4876 — черновой, неполный (ст. 1—28), написанный карандашом на полях страницы с печатным текстом немецкого подлинника, вырванной из принадлежавшей Жуковскому книги: Fr. Schillers sämtliche Werke: In 12 Bände. Bd. IX. Abt. 1. Stuttgart und Tübingen, 1814. S. 129—130.

2) ПД. 87 6/6. (Библиотека Жуковского. Онегинское собрание.) Fr. Schillers sämtliche Werke: In 12 Bände. Bd. IX. Abt. 1. Stuttgart und Tübingen, 1814. S. 131 — черновой, неполный (ст. 29—40), записанный карандашом на полях страницы с текстом повести и представляющий собой органическое продолжение вышеописанного автографа. На верхнем форзаце этого тома из библиотеки Жуковского сохранилась следующая запись, сделанная А. Ф. Онегиным-Отто: «Много стихотворных переводов Жуковского, но страница 129—130 («Перчатка») кем-то давно вырвана».

3) РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 43 об. — 44 об. — черновой, полный, с незначительной правкой и разночтениями с печатным текстом (см. постишный комментарий).

В п е р в ы е: Муравейник. № 3. СПб., 1831. С. 13—14 — с заглавием: «Перчатка» и подзаголовком: «Повесть», без подписи и указания на источник перевода.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: БиП, БП, С 4—5 — без разночтений с текстом первой публикации. В БиП, БП и С 4 — без указания на источник перевода; в С 5 (Т. 4. С. 192—194) — в подборке произведений 1829 г. — с указанием в оглавлении в скобках: «Из Шиллера». В «Общем оглавлении» также датировано 1829 г. Во всех изданиях «Перчатка» имеет подзаголовок: «Повесть».

Д а т и р у е т с я: 15—17 марта 1831 г., на основании указания Жуковского в составленном им рукописном перечне стихотворений 1831 г. (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1, 8 об.).

Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Handschuh» («Перчатка»), имеющего в подлиннике жанровый подзаголовок «Eine Erzählung» («Рассказ»). О работе над этим сюжетом Шиллер сообщал в письме Гёте от 16 июня 1797 г.: «Я и стихотворствовал понемногу: написал небольшую параллель к “Ныряльщику” [имеется в виду

баллада «Der Taucher», переведённая Жуковским под заглавием: «Кубок». — О. Л.], к чему меня подстрекнул один анекдот из “Essays sur Paris” Сен-Фуа» (*И.-В. Гёте, Ф. Шиллер. Переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 360*). Работу над текстом «Перчатки» Шиллер закончил 19 июня 1797 г., а 21 июня того же года Гёте, ознакомившись с текстом стихотворения, высоко оценил его в письме к Шиллеру: «В “Перчатке” чрезвычайно удачный сюжет и отлично удавшееся исполнение; впредь вам следует тотчас же использовать подобные сюжеты, едва они придут в голову. Здесь воплощается исключительно чистое деяние, без цели или, точнее, с извращённой целью, что доставляет нам особое удовлетворение» (Там же. Т. 1. С. 361). Повесть «Перчатка» была впервые опубликована в «*Musen Almanach für das Jahr 1798*».

Исторический анекдот, положенный Шиллером в основу сюжета повести, восходит к сочинению французского мемуариста Пьера де Бурделье Брантома (1540—1614) «Жизнь придворных дам» (1665—1666), где он изложен следующим образом: «Расскажу ещё придворный анекдот старинного времени о придворной даме, пламенно любимой М. Делоржем, благородным человеком, который в свои молодые лета был одним из храбрейших и почитаемых пехотных командиров. Дама, много насыщенная о его храбрости, пожелала получить доказательство того, что храбрость рыцаря равняется толкам о ней. Однажды, когда король Франциск I развлекался зрелищем битвы между львами в окружении своих придворных, дама уронила перчатку в загон со львами, показав себя более свирепой, чем эти бестии, и попросила Делоржа пойти сразиться с ними, если он любит её так, как утверждает. Он, нисколько не удивившись, с твёрдостью надел каску, взял в руку меч и, конечно, пошёл сразиться со львами, чтобы вернуть перчатку даме. Поскольку фортуна ему благоприятствовала, на лице его играла улыбка, а острие меча было угрожающе и уверенно нацелено на львов, последние не осмелились на него напасть, и, добыв перчатку, он вернулся к своей возлюбленной и вернул её ей; за это она и все присутствующие громко славили его. Но, говорят, что раздосадованный Делорж покинул даму и прервал свои отношения с нею, сочтя их цену для себя слишком высокой. Говорят также, что с досады он бросил перчатку ей в лицо, поскольку он предпочёл бы, чтобы она стократно потребовала от него обратить в бегство батальон пехоты, каковое действие ему хорошо знакомо, а не сражаться с дикими зверями, поскольку подобная битва не приносит воинской славы. Конечно, такие истории нельзя назвать ни прекрасными, ни порядочными; и особы, так поступающие, достойны всяческого осуждения» (*Les dames galantes par seigneur de Brantôme. Paris, 1834. Vol. 2. P. 227—228. Перевод мой. — О. Л.*).

В книге французского писателя Жермена Франсуа Сен-Фуа (1698—1776) «Очерки истории Парижа» («*Essays historiques sur Paris*»), изданной в Лондоне в 1759 г. и послужившей непосредственно источником повести, этот анекдот изложен в главе «Львиная улица» следующим образом: «Эта улица своё название получила от построек и дворов, в которых запирались большие и малые королевские львы. Однажды, когда Франциск I готовился смотреть бой своих львов, одна дама уронила свою перчатку и сказала Делоржу: “Если хотите уверить меня, что вы так любите, как ежедневно клянётесь, то подымите мне перчатку”. Делорж сходит вниз, берёт перчатку из середины этих ужасных животных, всходит опять назад, бросает перчатку даме в лицо и с тех пор не хотел её более видеть, несмотря на неоднократные предложения и намёки с её стороны» (Цит. по: *Цветаев Д. В. Баллады Шиллера: Опыт объяснения. Воронеж, 1882. С. 50*).

Как явствует из переписки Шиллера и Гёте, сюжет этого анекдота соотносится в сознании обоих поэтов с легендой о нырятьщике Николае Рыбе, которая легла в основу сюжета баллады «Нырятьщик»: ср. в письме Гёте к Шиллеру от 21 июня 1797 г.: «Возвращаю вам “Перчатку”, которая действительно представляет собой удачную параллель и антитезу к “Нырятьщику” (*И.-В. Гёте, Ф. Шиллер*. Переписка. Т. 1. С. 362). Комментатор стихотворения Шиллера А. Г. Горнфельд в качестве основного элемента «сходства и противоположностей обоих сюжетов» отмечает «психологическое сходство героев, вызвавших возможность катастрофы, (...) самодурство короля и дамы» (Собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова: В 4 т. Т. 1. СПб., 1901. С. 427).

Судя по тому, что черновой автограф перевода «Перчатки» (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 43 об.) в рабочей тетради Жуковского расположен почти вслед за заключительными строфами баллады «Кубок» (л. 41 об. — с датой: «10 марта»), а дата: «15 марта», которой отмечено начало работы над переводом «Перчатки», является ближайшей к дате завершения работы над переводом «Кубка», Жуковский также воспринял эти сюжеты как тесно взаимосвязанные.

Перевод Жуковского близок к тексту подлинника в смысловом отношении (русский поэт только опустил имя дамы: у Шиллера Кунигунда). В формальном отношении отступления от подлинника сводятся к перемене метра — тонический стих Шиллера Жуковский передал вольным ямбом с чередованием количества стоп в стихах от 1-й до 6-ти, а также слегка сократил количество стихов (67 — в подлиннике, 60 — в переводе). Изменения коснулись также композиции повести. В тексте Шиллера восемь астрофических единиц, разделённых графическими пробелами; каждая единица соответствует законченному смысловому отрезку сюжета. В переводе Жуковского таких смысловых единиц пять, за счёт того что русский поэт объединил три астрофических фрагмента, повествующих о последовательном появлении льва, тигра и барсов, а также два эпизода, описывающих падение перчатки и приказание дамы рыцарю Делоржу.

Перевод повести «Перчатка» стал сразу же известен в ближайшем дружеском круге Жуковского. Пушкин упомянул о нём в письме к П. А. Вяземскому от 11 июля 1831 г.: «Жуковский всё ещё пишет. Он перевёл несколько баллад Соувея, Шиллера и Гуланда. Между прочим, Водолаз, Перчатку, Поликратово кольцо etc.» (Пушкин. Т. 14. С. 175). Н. А. Полевой в своей рецензии на сборник «Баллады и повести» упомянул «Перчатку» в ряду переводов немецких баллад Бюргера, Уланда и Шиллера (*Полевой Н. А., Полевой Кс. А.* Литературная критика. М., 1990. С. 207). В «Дневниках» за 1840 г. В. К. Кюхельбекер, познакомившись с С 4, отметил, что «Перчатка» является «образцовым переводом, хотя, кажется, размер подлинника и не соблюден» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 390). Наконец, В. Г. Белинский включил «Перчатку» в перечень «или лучших, или самых характеристических его [Жуковского] произведений», определив жанр этого произведения как «баллада» (Белинский. Т. 7. С. 213).

До и после Жуковского русские поэты и переводчики неоднократно обращались к повести Шиллера: в 1822 г. её перевёл И. Покровский (Благонамеренный. 1822. Ч. 17. С. 238); в 1825 г. — М. Загорский (Северные цветы на 1825 год); в 1829 г. — М. Ю. Лермонтов (его перевод впервые опубликован в 1860 г.) и Н. Девите (Дамский журнал. 1829). Полную библиографию русских переводов «Перчатки» см.: Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Т. 1. С. 427. Сост. С. А. Венгеров.

Ст. 3. *Король Франциск сидел...* — Франциск I (1494—1547), король Франции с 1515 по 1547 г. Приверженец принципа единодержавной неограниченной власти, блестящий рыцарь, обладавший прекрасным литературно-художественным вкусом, Франциск I собрал вокруг себя многолюдный двор, при котором большую роль играли дамы и были очень популярны всякого рода рыцарские развлечения. На время царствования Франциска I приходится расцвет французского Ренессанса: деятельность учёных и писателей Collège de France (Лефевр, Детапль, Клеман Маро, Делерье), творчество Франсуа Рабле и французский период творчества Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто и Бенвенуто Челлини, приглашённых Франциском I.

Ст. 15—18. *Кругом глаза угрюмо водит ~ Пошевелил густую гривой...* — В автографе РНБ (№ 3) имеется следующий более ранний вариант этих стихов:

Кругом глазами долго бродит
И вот, всё гордо оглядев,
Широкий лоб наморщил,
Густую гриву наторщи...

Ст. 36. *И зарычали, и легли...* — В автографе № 3 с разночтением: «И заворчали, и легли...»

Ст. 38—40. *Вдруг жемская с балкона сорвалась ~ Она упала меж зверей...* — Ср. черновой вариант этих стихов в автографе № 3:

а) Перчатка лёгкая летит...
б) Перчатка дамская ушла. —
Все взорами следят за ней —
Она легла между зверей...

Ст. 55. *Спокойно всходит на балкон...* — В автографе № 3 с разночтением: «Беспечно всходит на балкон...»

Ст. 58—60. *Но, холодно приняв привет ее очей ~ Он бросил и сказал: «Не требую награды...»* — В автографе № 3 сохранился более ранний черновой вариант заключительных стихов:

Но на неё спокойно он взглянул,
Перчатку ей в лицо швырнул
И молвил: «Не прошу награды».

О. Лебедева

Неожиданное свидание

Быль

(«Лет за семьдесят, в Швеции, в городе горном Фаллуне...»)

(С. 50)

Автограф (ПД, № 27807. Л. 39 об.) — в «Книге Александры Воейковой» черновой набросок первых 24 стихов, в контексте других произведений 1818 г. («Тленность», «Кто слёз на хлеб свой не ронял...»), без заглавия.

Впервые: Муравейник, 1831. № 3. С. 24—28 — с заглавием: «Неожиданное свидание. Бэль».

В прижизненных изданиях: БиП, БП, С 4—5. Везде с заглавием: «Неожиданное свидание. Бэль» В С 5 (Т. 5. С. 63—66) — в подборке произведений 1832 г., с указанием в оглавлении в скобках: «Из Гебеля».

Датируется: 15—17 марта 1831 г. — на основании собственноручного списка произведений, написанных в 1831 г. (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об.).

Переложение в стихах прозаического рассказа И.-П. Гебеля «Unverhofftes Wiedersehen» из его сборника «Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes» («Шкатулка рейнского домашнего друга»; 1811). Рассказ Гебеля восходит к известному сюжету, воспроизведенному в книге Готхильфа Генриха Шуберта «Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft» (1808). Впоследствии этот сюжет использовал Ахим фон Арним (1810), но особенно он стал популярен после появления в 1818 г. новеллы Э. Т. А. Гофмана «Фалунские рудники» в составе первого тома «Серапионовых братьев».

Черновой набросок первых 24 стихов «Неожиданного свидания», относящийся к 1818 г., находится в «Книге Александры Воейковой» среди других переводов из Гебеля. В тетради № 77 (РНБ. Оп. 1. Л. 29) в списке, составленном Жуковским, «Неожиданное свидание» числится среди стихотворений 1818 г. Поскольку в дальнейшем текст был переработан, приведем здесь редакцию ст. 1—24 из названной тетради:

В шведском Фалуне с тех пор уж прошло семьдесят лет и более —
 Утром одним молодой рудокоп, со своей молодою,
 Милой, прекрасной невестой прощался и нежно сказал ей:
 «В день Святой Лукерьи нас обвенчают, тогда мы
 Будем муж и жена и своим гнездом заведемся!»
 «Да! И мир и любовь поселятся у нас» — отвечала
 С ясной улыбкой невеста — тогда ты мне все! Без тебя же
 Лучше быть в гробе, чем в месте другом». Но когда накануне
 Дня Святой Лукерьи священник в церкви в другой раз
 Громко воскликнул: «Кто ведает, нет ли законной препоны
 Браку сему»: тогда представилась смерть. На другую ночь
 Юноша в черном платье своем — Рудокоп не скидает
 Черного платья — мимо дома ее на работу
 Весело шел; он прежде стукнул в окно и сказал ей:
 Доброе утро! Но «добрый вечер» уж не сказал он.
 Он с работы назад не пришел и напрасно наутро
 Черный платок с пунцовой каемкой она отложила —
 Им нарядить к венцу жениха — не пришел он — и долго,
 Долго она дождалась, когда ж не пришел он, подарок
 Свой она заперла и плакала горько и вечно
 Друга забыть не могла. ... Между тем Лиссабон Португальский
 Землетрясенье разрушило; на семь лет загорелась
 В целой Европе война и потухла; Франц император
 Первый скончался; и Иезуитов и Польши не стало.

Фрагмент представляет собой довольно точный перевод текста Гебеля. Мысли о переложении этого произведения, видимо, не покидали Жуковского и позднее. Так, К. С. Сербнович 14 января 1830 г. записывает в дневнике: «После был у

В. А. Жуковского (...). Василий Андреевич (...) рассказывал любопытные сюжеты для поэзии — рассказ о старухе, узнавшей своего любезного, отрытого в рудокопне, где он пробыл 50 лет и сохранился как юноша» (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 258). В марте 1831 г. Жуковский возвращается к своему давнему замыслу, в мартовском же номере «Муравейника» повесть была уже опубликована. К сожалению, автограф этого перевода до сих пор обнаружить не удалось. По сравнению с первым наброском, этот текст отличается большей выверенностью деталей (Жуковский отказывается, например, от упоминания католического праздника — дня St. Lucia, от такой детали, как черный платок с пунцовой каемкой, которым невеста должна была нарядить жениха к венцу — все это мало что могло сказать русскому читателю; уточняется время суток, когда рудокоп отправился на работу). В дальнейшем текст практически не подвергался правке. При публикации в С 5 Жуковский добавляет лишь подзаголовок «из Гебеля», давая его, впрочем, только в оглавлении, были сделаны также некоторые стилистические замены: в ст. 5—6 вместо «И в нашей убогой *хижине*» — «И в нашей убогой *хижинке*»; в ст. 11 «... рудокоп никогда не *снимает*» — «рудокоп никогда не *сымает*»; имя французского короля «Людвиг» первоначально звучало «Людовик»).

Гебелем сделано примечание к рассказу, где указывается, что он основан на реальном событии. Жуковский же дает своему переводу жанровый подзаголовок: «Быль». Переложение осуществлено с некоторыми изменениями оригинала: опущены или наоборот добавлены описания ряда событий, произошедших за время между исчезновением молодого рудокопа и его «свиданием» с состарившейся невестой. В переложение не вошли некоторые политические и исторические факты, по-видимому, по причине их малоизвестности русскому читателю (например, казнь датского государственного деятеля Струэнзе, борьба между французами и испанцами за Гибралтар, завоевание шведским королем Густавом Финляндии и др.). На этом фоне весьма примечательно введение Жуковским в текст стихов о казни Людовика XVI, смерти Екатерины II, о коронации Наполеона I и о его падении (ст. 26—31) вместо перечисления Гебелем таких исторических событий, как завоевание Наполеоном Пруссии, обстрел Копенгагена и др. Благодаря определенному отбору исторического материала, упоминающегося в произведении, в нем создается примечательный хронотоп: вымышленное событие из частной жизни помещается во вполне конкретный и многое говорящий русскому читателю исторический контекст. Есть изменения и в описании самого «свидания»: интимные, мелодраматические интонации заменены символично-мифологическими акцентами, связанными с одной из любимых идей Жуковского о жизни как вечном движении. Самым же главным изменением можно считать факт переложения прозы стихами, а именно — гекзаметром, синтетическим метром, сочетающим возможности ритмической организации текста и повествовательный стиль. Эти художественные эксперименты Жуковского были оценены по достоинству даже теми, кто ранее весьма осторожно к ним относился (см. о полемике вокруг гексаметра Жуковского и его переводов из Гебеля в комментариях к «Овсяному киселю»). В. К. Кюхельбекер писал, например, в своем дневнике 21 октября 1840 г.: «... анекдот “Неожиданное свидание” рассказан умирительно прекрасно» (Жуковский в воспоминаниях. С. 300). Отмеченными оказались именно особая жанровая природа произведения и тип повествования в нем. В. Г. Белинский относил «Неожиданное свидание» к числу «замечательных переводов» Жуковского (Белинский. 7, 213).

Ст. 20—21. ... *весь Лиссабон уничтожен был страшным / Землетрясением...* — Лиссабонское землетрясение 1755 г. является одной из наиболее известных катастроф.

Ст. 21. ... *война семилетняя кончилась...* — Семилетняя война 1756—1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией, Португалией, с другой.

Ст. 21—22. ... *умер / Франц император...* — Имеется в виду Франц I (1708—1765) — император Священной Римской империи с 1745 г.

Ст. 22. ... *был Иезуитский орден разрушен...* — В 1773 г. папа Климент XIV распустил орден Иезуитов.

Ст. 23. *Польша исчезла...* — Петербургскими конвенциями 1770—1790-х гг. территория Речи Посполитой была разделена между Пруссией, Австрией и Россией.

Ст. 23. ... *скончалась Мария Терезия...* — Мария Терезия (1717—1780) — австрийская эрцгерцогиня с 1745 г.

Ст. 23—24. ... *умер / Фридрих Великий...* — Фридрих II (1712—1786), прусский король с 1740 г., известный полководец.

Ст. 24. ... *Америка стала свободна...* — В ходе войны за независимость в Северной Америке 1775—1783 г. было образовано независимое государство США (1776 г.).

Ст. 24—25. ... *в могилу / Лег император Иосиф Второй...* — Иосиф II (1741—1790) — австрийский эрцгерцог с 1780 г., соправитель своей матери Марии Терезии, император Священной Римской империи с 1765 г.

Ст. 25—26. ... *революции пламя / Вспыхнуло...* — Речь идет о Великой французской революции 1789—1794 гг.

Ст. 26. ... *король Людвиг, возведенный на плаху...* — Имеется в виду Людовик XVI (1754—1793), французский король в 1774—1792 гг., свергнутый народным восстанием, осужденный Конвентом и казненный.

Ст. 27. ... *на русском престоле / Не стало Великой Екатерины...* — Екатерина II (1729—1796) — российская императрица с 1762 г.

Ст. 28—29. ... *новый / Сильный воздвигся (...) и рухнул...* — Имеется в виду провозглашение Наполеона I императором в 1804 г., в 1814 г. он вынужден был отречься от престола, в марте 1815 г. вновь занял французский престол, вторично отрекся 22 июня 1815 г.

Ст. 44—46. *Мертвый товарищ умершего племени, чуждый живому ~ Зрителей...* — Это поэтическое описание отсутствует у Гебеля.

Ст. 56. ... *разогрелось сердце...* — В первой публикации, в БиП и С 4 читается: «разгорелось сердце». По-видимому, в С 5 — опечатка. Но так как речь идет о дефинитивном тексте, оставляем его без изменения

И. Айзикова

Две были и еще одна

(«День был ясен и тепел; к закату сходящее солнце...»)

(С. 52)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 71—74 с об.) — черновой, без заглавия, ст. 1—217 (далее листы из альбома вырваны). Начало рукописи помечено Жуковским датой: «29 мая».

Впервые: Муравейник. 1831. № 4. Апрель. С. 1—16 — с заглавием «Две были и еще одна». В архиве поэта (РНБ. Оп. 2. № 5. Л. 1—16) сохранился печатный экземпляр этого журнала с карандашными поправками Жуковского. Напротив ряда стихов (146, 150, 258) «Двух былей» на полях имеется помета: «à la ligne» (в ряд, отбить строку. — фр.).

В прижизненных изданиях: БиП, БП, С 4—5. Во всех изданиях под заглавием: «Две были и еще одна». В С 5 (Т. 5. С. 15—35) — в подборке произведений 1832 г.

Датируется: 29 мая — 11 июня 1831 г. — на основе собственноручного списка произведений, написанных в 1831 г. (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об.)

Переложение трех разных произведений — баллад Р. Саути «Mary, the Maid of the Inn» (1796), «Jaspar» (1798) и прозаического рассказа И.-П. Гебеля «Kannitverstan» из его сборника «Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes» (1811), восходящего, как это установлено Ю. Д. Левиным, к сюжету рассказа «Le parisien à Amsterdam» («Парижанин в Амстердаме») из французского издания «Almanach des prosateurs» (Paris, 1805. P. 185—187). Об этом см.: От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. Томск, 1992. С. 89—93.

Переложение баллад осуществлено с небольшим изменением объема (у Саути первая баллада состоит из 21 строфы по 5 стихов, у Жуковского им соответствуют ст. 22—145, вторая баллада содержит 45 четверостиший, у Жуковского — ст. 151—257), без разбивки на строфы, а главное — с изменением размера подлинника: строфический амфибрахий, перемежающийся с анапестом, заменен гекзаметром. Характерно, что при переводе баллад Саути Жуковский место действия из Англии перенес в Германию, небольшой островок на Рейне. Гекзаметром выполнено и переложение прозаического рассказа Гебеля (от ст. 265). Свою точку зрения на этот размер Жуковский высказал еще в предисловии к «Красному карбункулу», переводу стихотворной повести Гебеля (1816), где утверждал целесообразность его применения к «простому рассказу». Особое значение он придает разговорно-сказовому гекзаметру и в «Двух былях и еще одной»: все три составляющие этой повести, по точному выражению Ц. Вольпе, были переведены Жуковским «на язык гебелевских идиллий» (Стихотворения. Т. 2. С. 483).

Именно это обстоятельство сразу бросилось в глаза современникам Жуковского. В. К. Кюхельбекер, записывая свои впечатления о повести 21 октября 1840 г. (после прочтения ее в С 4), отмечает: «“Две были и еще одна” (с аллеманского) не без большого достоинства, однако, по-моему, уступает старому моему знакомцу “Красному карбункулу”. Жуковский едва ли не примирил меня опять с экзаметром» (Жуковский в воспоминаниях. С. 300). А. С. Пушкин также воспринял повесть в связи с «Красным карбункулом» как логическое и закономерное продолжение начатых Жуковским еще в 1816 г. художественных опытов в области жанра и стихосложения. В письме П. А. Вяземскому от 11 июня 1831 г. из Царского Села он сообщает: «Жуковский (...) теперь пишет сказку гекзаметрами, вроде своего “Красного карбункула”, и те же лица на сцене. Дедушка, Луиза, грубка и проч. Все это явится в новом издании всех его баллад, которое издает Смирдин в двух томиках. Вот все, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах» (Пушкин. Т. 14. С. 175).

Произведение действительно создавалось для задуманного издания «Баллады и повести», оно даже специально отмечено астериском как не печатавшееся в

предыдущем издании стихотворений. Наряду с другими балладами и повестями, созданными в 1831 г. и составившими вторую часть БиП (и вышедшие вслед за первым изданием БП в одном томе), повесть обозначала «общую перспективу движения, путь к новым формам художественного мышления» Жуковского (Янушкевич. С. 184). Вместе с тем это было программно-итоговое произведение. Кроме размера, сказового повествования в связи с этим весьма показателен возникающий здесь образ дедушки, который появился у Жуковского еще в 1816 г. в том же «Красном карбункуле» (на что и обратил свое внимание Пушкин) и в «Тленности». Эксперименты 1810-х гг. сейчас приобретают законченную форму. Перед читателем предстает «поэзия во всем совершенстве простоты» (ПЖТ. С. 164). Жуковский стремился к этому, начиная со второй половины 1810-х гг., вполне осознавая тогда, что он стал работать «в совершенно новом и нам еще неизвестном роде».

В «Двух былях и еще одной» читателю явлены конкретизация идиллических характеров, изображение природы как живого подвижного универсума. Для создания народного колорита Жуковскому уже не нужно введение в текст русских имен, реалий быта (хотя в черновом автографе Эми была названа Марьей, вероятно, так Жуковский перевел английское Mary). Атмосфера народности передается самим способом мышления рассказчика — дедушки. Конечно, Жуковский сохраняет, как и в ранних своих переводах из Гебеля, дидактизм, характерную для народного сознания соотнесенность жизни природы и человека (см., напр., Оп. 1. № 53 — на обложке находится список произведений Жуковского, озаглавленный «Повести для детей», и среди них «Две были и еще одна»).

И вместе с тем «Две были и еще одна» — это был уже шаг к эпическому воплощению целостного бытия. Отсюда цикличность произведения — единого, но состоящего из множества. Это единство определяется целостностью мышления рассказчика — дедушки. Три разные были и связывающее их слово дедушки — это глубочайший и органичный синтез лирики и эпоса, смешного и страшного, морали, философии и психологии. Романтическая концепция мира и личности сейчас осложняется такой категорией, как реальные, вполне будничные обстоятельства. Человек вводится в контекст повседневности. Установка на правдивость изображения жизни была дана Жуковским уже в подзаголовке. В начале повести, написанном самим Жуковским в стиле идиллической поэзии Гебеля и представляющем собой по форме разговор дедушки с внуками, проводится специальное жанровое уточнение: в ответ на просьбу детей рассказать сказку дедушка говорит: «... все бы вам сказки! Не лучше ль послушать вам были? Быль расскажу вам и быль не одну, а две». Таким образом, «Две были и еще одна» демонстрируют активный процесс сближения поэзии и прозы в творчестве Жуковского.

С этим во многом и была связана выбранная в данной повести сказовая (имитирующая непосредственный устный рассказ) манера повествования. Именно в 1830-е гг., постоянно размышляя о «простом слоге», о соотношении поэзии и прозы, о достижениях современной поэзии и прозы, Жуковский активно перелагает прозу в стихи. Однако позиция Жуковского в этом вопросе была довольно сложной и компромиссной, что доказывает, в частности, контекст «Двух былей и еще одной» в «Муравейнике»: повесть была опубликована в № 4, а в следующем — № 5 публикуется противоположный опыт: «Каннитферштан. Быль», текст, представляющий собой прозаическое переложение третьей части повести «Две были и еще одна» (подписано: Р. П.). В предыдущих выпусках «Муравейника» находим подобные экс-

перименты: в № 1 «Разговор деда с внуком» (подписано: М.) — прозаическое переложение «Тленности»; в № 2 — «Пери и ангел» в прозе (подписано: RM). О «Муравейнике», его участниках, авторстве статей альманаха см.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Книжки, изданные для немногих // *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М., 1977. С. 324).

Весьма показательна в этом плане и работа Жуковского над текстом. Уже в черновом автографе очевидна тенденция к отказу от поэтических украшений текста в пользу его простоты и естественности, а также в пользу его звучания как непринужденной речи. Вместе с тем понимание «истинности» во многом возводится к идее психологической точности изображаемого материала, к принципу самовыражения автора. С этим также связано немало правок повести, начиная от черного автографа и кончая последним прижизненным изданием, причем большинство из них находим в первых двух частях произведения (см. постишный комментарий).

Ст. 23. *Медленно с неба спускаясь, все осыпает лучами...* — Этот стих в черновом автографе имел два варианта: а) «Тихо склоняясь к западу, все украшает лучами...»; б) «Ясно кагится с неба и все украшает лучами...». В «Муравейнике» появляется более простое описание, оно и становится окончательным вариантом, хотя в БиП Жуковский пробовал заменить глагол «осыпает» другим — «украшает».

Ст. 27—32. *Быстро бегут по водам; а наша приходская церковь. / Окна ее, как огни, меж темными липами блещут; / Вкруг мелькают кресты на кладбище, и в воздухе теплом / Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькают; / Весь он полон говором, пенъем, жужжаньем.... прекрасен / Мир Господень! сердцу так радостно, сладко и вольно!* — Первоначальный вариант был более поэтически украшенным, но менее детализированным: «Быстро по Рейну бегут, оставляя струю за собою; / В воздухе птицы парят, как рыбы в воде, и на солнце / Мошки блестящею пылью сверкают. Прекрасно Творенье / Господа Бога! Сердцу так радостно, сладко и вольно». Далее в автографе идет ст. 33, т. е. описание церкви отсутствует, слово «церковь» написано лишь на полях. Уже в «Муравейнике» появился окончательный вариант этих стихов, за исключением ст. 27, в котором было снято конкретное географическое название реки и который стал читаться: «Быстро бегут по водам» только в С 5.

Ст. 48—50. *... в землю глаза неподвижно уставив, по целым / Дням сидела она перед дверью трактира на камне. / Плакать она не могла, но тяжело, тяжело вздыхала...* — В черновом автографе в этих стихах много зачеркиваний. Жуковский ищет точные средства передачи внутреннего состояния героини. Сначала зачеркивает: «в землю уставив свои неподвижные очи», затем пробует менять порядок слов, потом зачеркивает первоначальное: «целые дни проводила она перед домом на камне». Поэт переносит место действия — к двери трактира. После ст. 50 в черновом автографе, в публикациях «Муравейника», БиП и БП следует стих, отсутствующий в С 5: «Словно как бремя с души ей сдвинуть хотелось».

Ст. 60. *Быстро туда указав, смеялась смехом безумным...* — Черновик свидетельствует о большой работе, проведенной Жуковским для более точного изображения психологического состояния Эми. Возникают следующие варианты: «туда указав, смеялась страшной усмешкой», «туда указав, улыбалась безумной усмешкой». Окончательный вариант возник в публикации «Муравейника».

Ст. 101—103. *... А в этом / Замке, все знают, нечисто; и в тихую ночь там не тихо; / Что же в буре, когда и мертвец повернется в могиле?* — Судя по черновому автографу и

первым публикациям, Жуковский избавляется в ходе работы от явной фантастики, уводя ее в стиль. Ср.: «А в этом замке вся нечисть; и в тихую ночь непокойно; / Что же в бурю, от коей и мертвый проснется в могиле?».

Ст. 111. *Эми сказала с усмешкой...* — Первоначальный вариант дает другое психологическое состояние героини: «Эми сказала смиренно».

Ст. 114. *... но ветер выл и ревел; темнота гробовая...* — Ср. в черновом автографе: «страшно шумел и тьма гробовая».

Ст. 120—121. *Страшно... слушает... ветер снова поднялся и снова / Стих...* — В черновом автографе: «Страшно. Стала подслушивать. Ветер опять заревел [снова завыл. — зач.] и умолкнул».

Ст. 158—159. *... в почное / Позднее время Каспар засел и ждал...* — Ср. в черновом автографе: «с злодейским замыслом ночью».

Ст. 162. *Клены, глядяся в нее, стояли тихо, как черные тени...* — В черновом автографе стих строился на резком контрасте: «Клены бросали длинные тени на светлую зелень».

Ст. 178—179. *... по слушайте дале. / Раз Каспар сидел за столом...* — В черновом варианте отсутствовало обращение к слушателям: «Однажды в осенний / Вечер Каспар сидел у огня...»

Ст. 210. *Слушал Каспар и в душе веселился...* — В окончательном варианте вновь снимается заданность восприятия. Ср. в автографе: «С тайной радостью слушал Каспар».

Ст. 216—217. *... но тяжкая бедность, / Горе семьи, досада, хмель, темнота, оболъщенье...* — В первоначальном варианте были несколько иные мотивировки поступка героя: «беспомощность, бедность, / Горе семьи, досада, хмель темнота и коварность [Каспара. — И. А.]».

Ст. 248. *Волны раздвинулись...* — В некоторых изданиях сочинений Жуковского (см., напр.: ПСС. Т. 3. С. 100; СС 1. Т. 2. С. 291; СС 2. Т. 2. С. 271; Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 2000. С. 231) этот стих приводится в искаженном виде: «Волны раздвинулись...»

И. Айзикова

Сражение с змеем

Повесть

(«Что за тревога в Родосе? Все улицы полны народом...»)

(С. 61)

Автографы:

1) ПД. 87 6/6 (Библиотека Жуковского. Онегинское собрание). Fr. Schillers sämtliche Werke: In 12 Bände. Stuttgart und Tübingen, 1814. Bd. 9. Abt. 1. S. 105—106 — черновой, неполный (строфы 1—4). В оглавлении тома против заглавия стихотворения рукою Жуковского проставлена дата: «1831».

2) РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1 об. — 3 — черновой, полный, с датами, проставленными в начале и конце автографа: «18 авг.(уста)» (Л. 1 об.) и «22 авг.(уста)» (Л. 3).

Копия (РНБ. Оп. 1. № 36. Л. 16—17) — рукою переписчика, с многочисленными поправками Жуковского и датами: «18—22 августа», проставленными рукою поэта.

Впервые: Муравейник. СПб., 1831. № 5. С. 3—12 — с заглавием: «Сражение с змеем», без подзаголовка: «Повесть» и без подписи.

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 4 — с незначительными разночтениями; в С 5 (Т. 4. С. 247—255) — в подборке произведений 1831 г., с подзаголовком: «Повесть» и указанием в оглавлении в скобках: «Подражание Шиллеру».

Датируется: 18—22 августа 1831 г. на основании указаний в автографе и копии.

Вольное переложение стихотворения Ф. Шиллера «Der Kampf mit dem Drachen. Romanze» («Борьба с драконом. Романс»).

Первое упоминание о работе Шиллера над этим стихотворением содержится в его письме к Гёте от 21 августа 1798 г. (И.-В. Гёте. Ф. Шиллер. Переписка. Т. 2. С. 125). 4 сентября того же года Шиллер отослал Гёте готовый текст стихотворения, назвав его «балладой». Впоследствии, при первой публикации («Musenalmanach für das Jahr 1799»), стихотворение получило жанровый подзаголовок «Romanze»: «... посылаю вам пока одну из баллад (...). Мне очень хотелось бы услышать, что я верно воспроизвёл христианско-монашеско-рыцарский дух сюжета и сочетал несомнимые моменты в некоем гармоническом единстве. Хотя рассказ рыцаря получился длинноват, однако деталь эта была необходима, и расстаться с ней, по-видимому, невозможно» (И.-В. Гёте, Ф. Шиллер. Переписка. Т. 2. С. 136—137). В ответном письме от 5 сентября 1798 г. Гёте высоко оценил стихотворение и заметил: «... что касается христианского дракона, то у меня нет никаких замечаний, он очень хорош и вполне продуман» (Там же. С. 137).

Источником сюжета романа Шиллеру послужила книга французского историка Ренэ Обера Верто (1655—1735) «Histoire des chevaliers de l'ordre de Malte» («История рыцарей Мальтийского ордена»), которую Шиллер изучал в период работы над трагедией «Дон Карлос» (1787) и которая навеяла немецкому поэту стихотворения «Мальтийцы» и «Иоанниты» (1795—1796). К немецкому переводу книги Верто Шиллер написал предисловие, в котором отозвался о мальтийском рыцарстве следующим образом: «Пламенное мужество соединяется в них со строгим послушанием, военная дисциплина с монашеским повиновением, суровое самоотрицание, требуемое христианством, с необузданной отвагой, и, стоя непреоборимой фалангой против внешнего врага своей религии, они с таким же героизмом ведут вечную борьбу с могучим внутренним врагом человека — с его гордостью и самолюбием» (цит. по: Собрание сочинений Ф. Шиллера в переводе русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова: В 4 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 436. Комментарий А. Г. Горнфельда).

Сюжет, избранный Шиллером для романа, в высшей степени соответствует этой интерпретации мальтийского рыцарства. Действие рассказа приурочено к тому периоду существования рыцарского ордена иоаннитов (орден основан в Палестине крестоносцами в начале XII века; название получил по первой резиденции: иерусалимскому госпиталю, или дому для паломников, св. Иоанна), когда их основной резиденцией был Родос, остров в Эгейском море, входящий в группу Южные Спорады — самый восточный из островов Греческого архипелага (гомеровская Тринакрия). В период пребывания основной резиденции ордена на Родосе иоаннитов называли «родосскими рыцарями», и только после их переселения на Мальту (1530 г.) орден получил название «Мальтийского».

Предание, послужившее источником сюжета для Шиллера, имеет полулегендарный, полуйсторический характер. Время действия отнесено к периоду правле-

ния гроссмейстера Гийома де Вильнёва (1332—1346); имя рыцаря, победившего дракона — Дьедонне де Гозон из Лангедока (ум. 1353). По свидетельству историка Мальтийского ордена Ренэ Верто, чудовище, с которым сразился де Гозон, представляло собой что-то среднее между змеей и крокодилом и обитало в пещере у подножия горы Св. Стефана в двух милях от города Родоса. Гроссмейстер запретил рыцарям сражаться с чудовищем из соображений христианской любви и благоразумия. Нарушителя запрета, рыцаря Дьедонне де Гозона, гроссмейстер наказал долгим отлучением и простил только после длительного покаяния последнего, по ходатайству высших сановников ордена. Однако после смерти Вильнёва Гозон был избран гроссмейстером ордена по завещанию предшественника, который сделал его своим преемником, вознаградив за двойной подвиг — рыцарской отваги и христианского смирения. Голова сражённого чудовища была прибита к городским воротам, Гозон правил орденом иоаннитов вплоть до своей смерти, а на его надгробном камне была начертана надпись: «Draconis extinctor» (буквально: «Потушивший [пламя] дракона» — лат.).

Как справедливо заметил А. Г. Горнфельд, в своей интерпретации старого рыцарского предания Шиллер сделал упор на «трагедии смирения», перенеся основной акцент сюжета с «блеска внешних событий в глубину человеческой души» и придав основному сюжетному мотиву — единоборству рыцаря с драконом — глубоко символический смысл: «за борьбой с драконом скрывается (...) иная, извечная борьба: борьба закона, общества, долга, установленного строя и т. д. с самовластной личностью» (Собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей. Т. 1. С. 436). Наряду с этим, как объективные свойства повествования сюжета в романсе, комментатор отмечает «объединение действия», его «сжатость» и «введение психологического момента», то есть очевидный эпический потенциал, реализованный в новеллистической трактовке балладно-романсного лироэпического сюжета. Оба эти аспекта определили поэтику перевода Жуковского, который вернее было бы назвать «подражанием» в терминологии русского поэта.

Перевод «Борьбы с драконом», получивший у Жуковского название «Сражение с змеем», относится к числу трансформирующих и содержит принципиальные формально-смысловые новации, которые начинаются прямо с заглавия и жанрового подзаголовка. Процессуальное название «Der Kampf mit dem Drachen» (борьба — длящееся действие) Жуковский передаёт событийным «Сражение с змеем», сохраняя локализацию сюжета в реально-символическом происшествии, но ограничивая хронологические границы его развёртывания двойным событием: сражением с чудовищем и обузданием гордыни. Жанровый подзаголовок: «Romance» в окончательном варианте подражания русский поэт заменил на подзаголовок «повесть». Однако о том, что жанровое определение шиллеровского текста заставило Жуковского задуматься над поэтикой переложения, свидетельствует черновой набросок первоначального варианта перевода, выполненный так называемым «испанским размером» — белым четырёхстопным хореем со сплошными женскими клаузулами:

Шум на улицах Родоса.
Крик и плеск; народ теснится,
И в толпе красивый рыцарь
На коне, покрытом пылью,

Едет тихо. Две собаки
 Рядом с ним бегут, от злобы
 Лязгая зубами, лают.
 И за ним — какое диво!
 Тащут змея с отворенной
 Грозной пастью крокодила.
 Лапы с острыми когтями,
 Кровью налитые очи...
 Как живой он страшен мёртвый,
 И народ, дивуясь, смотрит
 То на рыцаря младого,
 То на змея, восклицая:
 «Посмотрите! Посмотрите!
 Он убит! Убит ужасный
 Пастухов и стад губитель!
 Вот его сразивший рыцарь:
 До него пыталось много
 Смелых витязей в опасный
 Бой вступить, но все погибли!
 Ни один не возвратился!»

Этот перевод первых двух строф романа, записанный карандашом на нижней крышке переплёта девятого тома собрания сочинений Шиллера, принадлежащего Жуковскому (ПД. 87 6/6. Schillers sämtliche Werke: In 12 Bände. Stuttgart und Tübingen, 1814. Bd. IX. Abt. 1; впервые: Лебедева. С. 192), свидетельствует о сознательных поисках наиболее соответствующей формы для акцентации эпического потенциала сюжета, поскольку и этот избранный русским поэтом метр не соответствует рифмованным четырёхстопным ямба оригинала. В окончательном варианте переложение Жуковского выполнено гекзаметром; 154 стиха соответствуют 25-ти двенадцатистишным строфам оригинала с рифмовкой ааББввГГдЕдЕ.

Столь же значительны смысловые отступления от текста подлинника. Прежде всего, Жуковский радикально меняет мотивировку ослушания рыцаря: «Doch an dem Herzen nagte mir // Der Unmut und die Streitbegier» («Но в сердце моем бунтовали // Возмущение и жажда битвы»); ср.: «Но душу мою нестерпимо терзали // Бедствия гибнущих братьев; стремленьем спасти их томимый...». С целью изменения психологической характеристики рыцаря русский поэт вставляет отсутствующие в подлиннике эпитеты «смирненно», «преклонивши голову», а в переводе 7—8 строф оригинала игнорирует мотивы рыцарской славы и доблести. Ср.:

Und zu mir selber sprach ich dann:
 Was schmückt den Jungling, ehrt den Mann?
 Was leisteten die tapfern Helden,
 Von denen uns die Lieder melden (...)
 Sie reinigten von Ungeheuern
 Die Welt in kühnen Abenteuern,
 Begegneten im Kampf dem Leun
 Und rangten mit dem Minotauren,
 Die armen Opfer zu befreien,

Und liessen sich das Blut nicht dauren.
Ist nur der Sarazen es wert,
Dass ihn bekämpft des Christens Schwert?

(И я сказал себе: // Что украшает юношу, приносит честь мужу? // Что совершили храбрые герои, // О которых поется в песнях? (...) // Они очищали от чудовищ // Мир в смелых приключениях, // Единоборствовали со львом, // Сражались с минотавром, // Чтобы освободить бедные жертвы, // Они не щадили своей крови. // Неужели только сарацин достоин того, // Чтобы его сразил меч христианина? — Перевод мой. — О. А.)

Таким образом, задиристый, тщеславный и нетерпеливый искатель подвигов Шиллера обретает под пером Жуковского черты гуманности, смирения и законопослушания; такому герою смириться перед лицом закона, воплощенного в образе магистра, совсем не так трудно, как его первообразу. Поэтому острый психологический конфликт подлинника в подражании Жуковского сгладился и ушёл на второй план, за счёт чего возросла самостоятельная ценность события и акцентировалась повествовательная установка.

В русском переложении шиллеровского романса отсутствует субъект повествования, концентрирующий в подлиннике лирическую стихию. Все эти новации подчинены жанровому переосмыслению романса Шиллера, которое и отражено в переложении изменением жанрового подзаголовка: «романс» на «повесть».

Новшество Жуковского, перелагающего балладно-романсные сюжеты и лироэпические подлинники эпическим метром (гекзаметр в его сказовой разновидности), не осталось незамеченным в откликах его ближайших друзей, поэтов — ценителей таланта Жуковского и русской критики. Так, А. С. Пушкин в своих письмах к П. А. Вяземскому от второй половины августа — начала сентября 1831 г., то есть именно в тот период, когда Жуковский работал над переложением шиллеровского романса, сообщает о новом взлёте творческого вдохновения старшего друга: «У Жуковского понос поэтический хотя и прекратился, однако ж он всё еще гекзаметрами»; «Жуковский всё еще пишет; завёл 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несёт» (Пушкин. Т. 14. С. 207, 220).

В. К. Кюхельбекер, ознакомившись с текстом «Сражения с змеем» по С 4 в 1840 г., воспринял новшество Жуковского сложно: оценив красоту стиха, он не согласился с трансформацией подлинника: «Жуковский едва ли не примирил меня опять с экзаметром. Впрочем, всё же не до такой степени, чтоб я сам стал когда-нибудь опять им писать или даже одобрил его экзаметрических переводов “Фридолина” и “Сражения с змеем” Шиллера, в которых рифма и романтический размер не одни украшения, а нечто такое, с чем душа моя свыклась с самого младенчества» (*Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 390*). Наконец, В. Г. Белинский, невзирая на то, что подражание Жуковского столь значительно отступает от формы и смысла оригинала, включил «Сражение с змеем» в число «замечательных переводов Жуковского» (Белинский. Т. 7. С. 213).

После того как Жуковский создал вольное переложение романса Шиллера, русские поэты неоднократно обращались к этому тексту, но уже с переводческой установкой на близкую и даже точную передачу формы подлинника. В 1852 г. романс перевела Авдотья Глинка (Москвитянин. 1852. Ч. 3, № 2), в 1880—1890-х гг. были созданы переводы Ореста Головнина (Р. Ф. Брандт) и Н. Голованова (Переложение

ния О. Головнина. Киев, 1886; Голованов Н. Лирические стихотворения Шиллера. М., 1899). Для четырехтомного собрания сочинений Шиллера под ред. С.А. Венгрова новый перевод выполнил П. И. Вейнберг (Сочинения Шиллера в переводе русских писателей: В 4 т. СПб., 1901. Т. 1).

Ст. 3. *Едет по улице рыцарь красивый; за рыцарем тащат...* — В автографе № 2 и копии с разночтением: «Статный рыцарь по улице едет; за рыцарем тащат...»

Ст. 4. *Мёртвого змея с кровавой разинутой пастью...* — В автографе № 2 и копии — другой вариант: «Длинного змея с кровавой разинутой пастью...»

Ст. 12—14. *Был знаменитый Капитул собран в то время. Смиренно ~ Ломится следом за ним в палату народ. Преклонивши...* — Эти стихи читаются в автографе в иной редакции: «Орден в то время был собран. С поклонным смиренным подходит // Рыцарь к престолу гроссмейстера. Шумной толпою теснится // Следом за ним в палату собравшись, народ. Преклонивши...». Переработка на канонический вариант — в писарской копии. В первой публикации в «Муравейнике» ст. 13 с незначительным разночтением: «Рыцарь идёт к престолу магистера; шумной толпою...»

Ст. 18. *Могут стада выгонять на луга пастухи; на молитву...* — В С 4—5 этот стих напечатан следующим образом: «Могут стада выгонять пастухи; на молитву...». Эта же редакция принята и во всех современных изданиях Жуковского. Однако, без слов: «на луга» стих получается усечённым: не шести-, а пятистопным. В автографе он читается: «Могут с стадами бродить по лугам пастухи, на молитву...», наконец, в первой прижизненной публикации: «Могут стада выгонять на луга пастухи; на молитву...». В подлиннике этот стих читается так: «Der Hirte treibe ins Gefilde» (Пусть пастух пасёт [стада] в полях). Исходя из соображения о том, что стих в редакции С 4—5 содержит не замеченную в своё время опечатку, нарушающую размерность гекзаметра, мы восстановили его в наст. изд. по первой прижизненной публикации.

Ст. 23. *В чём обязанность главная рыцарей, верных Христовых...* — В копии и первой публикации: «В чём обязанность первая рыцарей, верных Христовых...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 26. *Все оробели. Но рыцарь, краснея, отвечивал: «Первый...»* — В копии вместо: «оробели» — «изумились».

Ст. 32. *Волю закона исполнить хотел: одной осторожной...* — В автографе: «Волю закона исполнить я мыслил: одной осторожной...»

Ст. 40—41. *С змеем; и всё как будто бы чудилось мне, что небесный // Голос меня возбуждал и твердил мне: дерзай! и дерзнул я...* — В автографе: «С гибельным змеем. И вести всечасно о новых // Бедствиях слух мой разили. И слыше, казалось мне, голос // Тайный меня возбуждал и твердил мне: дерзай! и дерзнул я...»; в копии: «С гибельным змеем. И страшные вести о новых // Бедствиях слух мне ранили. И слыше, казалось мне, голос // Тайно меня возбуждал и твердил мне: дерзай! И дерзнул я...»

Ст. 45—46. *Грозных чудовищ разить, но дерзкою силой искусство, // Мужеством мудрость должны управлять. И в таком убежденьи...* — В автографе: «Быть истребителем грозных чудовищ. Но силой искусство, // Мужеством мудрость должны управлять. И в таком убежденьи...»; в копии: «Быть истребителем грозных чудовищ. Но силой — искусство, // Мужество, мудрость должны управлять. И в таком убежденьи...»

Ст. 56. *Всё к предпринятому подвигу стал я готовить. Искусством...* — В копии и первой публикации: «Стал к предпринятому подвигу всё я готовить. Искусством...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 60. *Круто вздымался; на длинной, гривистой шее торчала...* — В автографе и копии вместо: «гривистой» — «щетинистой».

Ст. 65. *Всё учредивши, двух собак, могучих и к бою...* — В автографе и копии: «Всё устроивши, двух собак могучих и к бою...»

Ст. 67. *Ими травил, чтоб привыкли они по единому клику...* — В автографе и копии: «Ими травил, чтоб привыкли они по единому слову...»

Ст. 70. *Я устремлялся на змея, и руку мою беспрестанно...* — В автографе и копии: «Я нападал на змея и руку мою беспрестанно...»

Ст. 72. *Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки...* — В копии: «Конь мой, храпя, на дыбы подымался, и выли собаки...»

Ст. 73. *Но наконец победило моё постоянство их робость...* — В автографе и копии: «Но, наконец, моему уступила упорству их робость...»

Ст. 78. *Дело начатое, слуг собираю моих и, учёных...* — В автографе, копии, первой публикации и С 4: «Дело начатое, слуг моих я зову и, учёных...». Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 80. *Где богомольствовать сходится здешний народ: на утёсе...* — В автографе, копии, первой публикации и С 4: «К коей отвсюду приходит молиться народ: на утёсе...». Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 83. *Трудно всходить на утёс, и доселе сей путь был опасен...* — В автографе: «Трудно всходить на утёс, и доныне сей путь был опасен...»; в копии: «Трудно всходить на утёс, и достойным сей путь был опасен...»

Ст. 86. *Горе тому, кто дорогу терял! из тёмной пещеры...* — В автографе и копии: «Горе тому, кто сбивался с пути! из тёмной пещеры...»

Ст. 87. *Враг исторгался, добычу ловил и её в свой глубокий...* — В копии: «Враг исторгался, добычу хватал и её в свой глубокий...»

Ст. 89. *Девы пошёл я, там пал на колена, усердной мольбою...* — В первой публикации: «Девы пошёл я, там пал на колена, усердной молитвой...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 90. *В помощь призвал Богоматерь, в грехах принёс покаянье...* — В автографе, копии и первой публикации: «В помощь заступницу призвал, принёс покаянье...» Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 98. *Блещущим свившись клубом, вблизи он грелся на солнце...* — В автографе: «Клубом лучистым свернувшись, вблизи он грелся на солнце...»; в копии: «Клубом огромным свернувшись, вблизи он грелся на солнце...»

Ст. 101. *Вдруг он разинул огромную пасть, и их ядовитым...* — В автографе, копии, первой публикации и С 4: «Вдруг он разинул огромные челюсти, их ядовитым...» Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 113—114. *Сильным ударом хвоста меня повалил и поднялся // Дыбом, как столб, надо мной, и уже растворил он огромный...* — В автографе, копии и первой публикации: «Сшиб меня с ног ударом хвоста и сам надо мною // Страшным столбом поднялся и уже растворил он огромный...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 118. *Стиснувши зубы, собаки повисли на нём; я поспешно...* — До С 4 был следующий вариант: «Стиснувши зубы, собаки повисли на чреве; поспешно...»

Ст. 119—120. *На ноги стал и бросился к ним, и меч мой вонзился // Весь во чрево чудовища: хлынула чёрным потоком...* — В автографе и первой публикации: « На ноги став, я бросаюся к ним, и меч мой вонзился // В самое сердце чудовища: хлынула чёрным потоком...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 122. *Телом меня заваливши, издох надо мною...* — В автографе: «Телом меня опрокинув, издох надо мной. Я не помню...»; в первой публикации: «Телом меня опрокинув, издох надо мною. Не помню...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 126. *Громкие клики; дрогнули своды палаты от гула...* — В автографе вместо: «от гула» — «от грома».

Ст. 130. *Все замолчали. Тогда он сказал победителю: «Змея...»* — В автографе и копии: «Все замолчали. Тогда он сказал: «Ты ужасного змея...»

Ст. 131. *Долго Родос ужасавшего, ты поразил, благородный...* — В автографе и первой публикации: «Долго Родос разорявшего, ты поразил, благородный...» Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 135. *Воли, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья...* — В автографе и копии: «Сердца, сеятель бед и раздоров, презритель смиренья...»; в первой публикации: «Сердца, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 137. *Может и враг ненавистный Христа, мамелюк; но покорность...* — В автографе, копии и первой публикации вместо «ненавистный» было: «поганный». Канонический вариант начиная с С 4.

Мамелюки (араб. — невольник), воины-рабы, составлявшие гвардию династии Айюбидов. В 1250 г. была основана династия мамлюкских султанов.

Ст. 151. *Гневный смягчился судья и, назад осужденного кротким...* — В автографе и копии: «Гневный судья умилился, назад осужденного кротким...»

Ст. 154. *Снова сей крест возложи: он твой, он награда смиренью...* — В автографе и первой публикации: «Снова сей крест облачи: он твой, он награда смиренью...». Канонический вариант начиная с С 4.

О. Лебедева

Суд Божий

Повесть

(«Был непорочен душой Фридолин; он в страхе Господнем...»)

(С. 65)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 3 об. — 5) — черновой, с заглавием: «Божий суд» и датами: «24 августа» (л. 3 об.) и «29 августа» (л. 5).

Копия (РНБ. Оп. 2. № 27) — писарская, авторизованная, с заглавием: «Божий Суд», выполненная на двойном листе линованной бумаги большого формата, идентичной бумаге, из которой шита тетрадь, описанная под № 36 (Бумаги Жуковского. С. 99) и содержащая писарские копии баллад и повестей, переведённых Жуковским в 1831 г. Копия содержит многочисленные поправки Жуковского, а также дату: «24—29 августа», проставленную рукою поэта.

Впервые: БдЧ. 1834. Т. 6. С. 11—15 — с заглавием: «Божий Суд» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 4 — с заглавием: «Суд Божий», без жанрового подзаголовка и указания на источник перевода; в С 5 (Т. 4. С. 256—264) — в подборке стихотворений 1831 г., с заглавием: «Суд Божий», жанровым подзаголовком: «Повесть» и указанием в оглавлении в скобках: «Подражание Шиллеру».

Датируется: 24—29 августа 1831 г.

Основанием для датировки являются не только даты, проставленные рукою Жуковского в тексте автографа и копии, но и указание на год перевода: «1831» в оглавлении 9-го тома собрания сочинений Ф. Шиллера, принадлежащего Жуковскому (ПД. 87 б/б. Библиотека В. А. Жуковского: Онегинское собрание. F. Schillers sämtliche Werke: In 12 Bände. Stuttgart und Tübingen, 1814. Bd. IX. Abt. 1).

Перевод баллады Ф. Шиллера «Der Gang nach dem Eisenhammer». Традиционно на русский язык переводится как «Хождение на железный завод» или «Ход в кузницу»: более верным в данном случае представляется буквальный перевод: «Хождение к железному молоту»: «расковочный молот» — первое и основное значение слова «Eisenhammer».

Баллада Шиллера, законченная 25 сентября 1797 г. и опубликованная в «Musenalmanach für das Jahr 1798», впервые упомянута автором в письме к Гёте от 22 сентября 1797 г. в очень характерном контексте, проясняющем авторскую интерпретацию её замысла: «Случай принёс мне ещё одну славную тему для баллады, которая почти уже закончена и, как мне кажется, не так уж недостойна завершить собой альманах. Она состоит из 24 восьмистиший и озаглавлена “Путешествие на железный завод”»; из этого названия вы можете усмотреть, что я изъясляю теперь притязания и на огненную стихию после того, как посетил воду и воздух» (И.-В. Гёте. Ф. Шиллер. Переписка. Т. 1. С. 422).

Говоря о воде и воздухе, Шиллер имел в виду свои баллады «Поликратов перстень» (возможно, «Кубок») и «Ивиковы журавли», написанные в том же 1797 г. и переведённые Жуковским (см. коммент. в т. 3 наст. изд.). Таким образом, баллада «Путешествие на железный завод» самим автором вписана в своеобразный несобранный балладный цикл, сюжетобразующим началом которого является идея Божественного Промысла и его непосредственного вмешательства в жизнь человека. Поэтому и заглавие баллады, в котором употреблено слово «Eisenhammer» — «железный молот», «железный завод» и «кузница», — имплицитно содержит в себе поэтическую ассоциацию с германской языческой мифологемой: железным молотом громоносного божества древних германцев Тора — символом грома как воплощения гнева Божьего и орудием кары грешников. Таким образом, событийно-вещное название баллады включает в себя и дидактико-символическую линию её сюжетосложения, очень точно определённую Ю. Кернером: «Идея особого Божественного Промысла, слегка лишь намеченного, придаёт этому стихотворению такую сердечность, которой с трудом противостоит самая упорная сухость» (цит. по: Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Т. 1. С. 434).

Источником сюжета баллады послужила новелла № 13 из сборника французского писателя Ретифа де ла Бретона (1734—1806) «Les Contemporaines» («Современницы»). Действие новеллы происходит во Франции (в окрестностях Кэмпера или Ванна в Бретани), имя благочестивого героя — Шампань, злодея — Блеро. Шиллер перенёс сюжет в Эльзас (Саверн — Цабер) и сделал его героиню женой ландграфа

Савернского, изменив соответственно все имена персонажей. В остальном сюжет воспроизведён близко к источнику.

Перевод Жуковского, если пользоваться терминологией самого русского поэта, относится к числу «подражаний», то есть вольных переводов, существенно трансформирующих поэтику и содержащих смысловые отклонения от подлинника. При этом перемену заглавия: «Der Gang nach dem Eisenhammer» на первоначальное — «Божий Суд» и в каноническом варианте — «Суд Божий» таким отклонением счесть нельзя: этот оттенок смысла, имплицитно присутствующий в шиллеровском заглавии, Жуковский просто вывел на первый план текста в своём подражании.

Формальные изменения касаются метрики. Балладу Шиллера, в подлиннике написанную восьмистишными строфами с рифмовкой абабввЕЕ, причём в первом четверостишии нечётные стихи — ямбические четырёхстопные, а чётные — ямбические трёхстопные, тогда как второе четверостишие всё состоит из четырёхстопных ямбических стихов, почти без пиррихий, Жуковский перевёл сказовым гекзаметром, не сохранив строфического членения её текста. Эта метрическая новация, акцентирующая эпически-повествовательное начало, отражена в изменении жанрового подзаголовка: «баллада» Шиллера в русском переводе стала «повестью».

Этой же тенденции подчинены и смысловые отклонения в тексте подражания. Они касаются в основном двух эпизодов баллады Шиллера: описания кузницы, которую Жуковский в своём переводе уподобляет «адской пучине» и вводит ряд оригинальных лексических мотивов, связанных с огненной стихией, бушующей в плавильном горне («как лава кипя», «клокотало», «пламя», «взвилися вихрями искры»), а также воссоздания церковной службы, где в русском переводе появляются эпитеты, отсутствующие у Шиллера и характеризующиеся противоположной эмоциональной окраской по отношению к описанию кузницы: «святой», «умиленно», «смиренно», «набожный», «верный», «торжественный». Центральный психологический контраст баллады — злодейство Роберта и непорочность Фридолина — проецируется на её поэтическую топографию: пространству кузницы («адской пучины») противостоит пространство святой церкви. Таким образом, эпизация балладного сюжета Шиллера в подражании Жуковского дополнена драматизацией его конфликта (подробнее об этом см.: Лебедева. С. 120—121).

История публикации повести «Суд Божий» весьма драматична. Текст этого перевода должен был открывать третий, мартовский номер журнала И. В. Киреевского «Европеец» (1832), который не вышел в свет, поскольку был запрещён в первой декаде февраля 1832 г., сразу после появления второго февральского номера (об этом подробнее см.: Вацуфо В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 114—139; Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец: Журнал И. В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 428—441). Эти обстоятельства вынудили Жуковского отдать повесть в «Библиотеку для чтения», что и определило первую публикацию «Суда Божьего» в этом журнале.

Текст повести «Суд Божий» в его первоначальной редакции, в основном совпадающий с вариантом БдЧ, см.: Европеец: Журнал И. В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 251—259. Часть третьего номера успели напечатать в типографии до запрещения журнала, но он не вышел в свет.

В. К. Кюхельбекер, ознакомившийся с текстом подражания Жуковского по первой публикации в БдЧ, оставил в дневнике следующее суждение о её поэти-

ке: «1 ноября (1834). Жуковский переложил экзаметрами Шиллеров “Ein frommer Knecht war Fridolin...”. Истинно не знаю, что об этом сказать, однако не подлежит никакому сомнению, что с изменением формы прелестной баллады немецкого поэта и характер её, несмотря на близость перевода, совершенно изменился» (*Клюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 338). Этому мнению поэта, тонко чувствующего семантику поэтической формы и её функцию в создании эстетического целого, отчасти противостоит мнение В. Г. Белинского, который счёл повесть «Суд Божий» (названную им по имени главного героя «Фридолин»; кстати, сам Жуковский в своих списках произведений, готовящихся к печати, использовал это заглавие — см.: РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об.) «прекрасным переводом странной по содержанию пьесы Шиллера» (Белинский. Т. 7. С. 215).

Кроме Жуковского балладу Шиллера перевели Неизвестный (Фридолин. Повесть, взятая из сочинений знаменитого Шиллера, украшенная 8-ю картинками с превосходных рисунков Рейча. Перевод с французского [прозаический]. М., 1850); Ф. Миллер («Фридолин, из Шиллера» // Москвитянин, 1853. № 20. Кн. 2); Авдотья Глинка («Фридолин, или посылка на кузницу» // Стихотворения Шиллера в переводе Авдотьи Глинки. М., 1859).

Ст. 3—4. *Правда, не трудно было служить ей: она добронравна // Свойством, тиха в обращении была; но и тяжкую должность...* — В автографе, копии, вариантах «Европейца» и БдЧ: «Правда, и весело было служить ей: столь добронравна, // Столь благосклонна графиня была, но и тяжкую должность...». Канонический текст начиная с С 4.

Ст. 6—7. *С самого раннего утра, до поздней ночи, всечасно // Был он на службе её, ни минуты покоя не зная...* — До С 5 был другой вариант: «С самого раннего утра до самых поздних ночи // Был он всечасно на службе её, покоя не зная...».

Ст. 8. *Если ж случалось сказать ей ему: «Фридолин, успокойся!»* — В автографе: «Если ж ему говорила она: «Фридолин, успокойся!»

Ст. 28. *Всё обольститель отыщет дорогу к женскому сердцу...* — В автографе: «К женскому сердцу всегда найдёт обольститель дорогу».

Ст. 35. *В сердце развратном желанья тайть...* — В автографе: «В сердце питать дерзновенно желанья...»

Ст. 41. *Граф, — ты погиб, когда не скажешь мне правды! Кто этот...* — В автографе, копии, «Европейце»: «Граф, — ты пропал, когда не скажешь мне правды! Кто этот...». Канонический вариант начиная с БдЧ.

Ст. 46—48. *Всюду глазами он следует; ей одной, забывая ~ Скованный силой, стоит он и рдеет любовью преступной...* — В автографе, копии, «Европейце», БдЧ: «Всюду глазами он следует; ей за столом, забывая // Вас, он с усердием служит; за стулом её, как волшебной // Силой какою окован, стоит он и рдеет». Ст. 48 в С 4 звучал так: «Скованный силой, стоит он и рдеет». Канонический вариант начиная с С 5.

Ст. 53. *Лучше бы сделал, когда б промолчал: чего вам страшиться?»* — В копии, БдЧ, С 4: «Лучше бы сделал, когда бы смолчал: чего вам страшиться?»

Ст. 55—57. *В это время они к огромной литейной палате ~ В горнах пылал, и железо, как лава кипя, клокотало...* — В автографе: «В это время они к огромной графской литейной: // Там беспрестанно огонь, как будто в адской пучине, // В горнах огромных пылал, и железо, кипя, клокотало». В копии и БдЧ ст. 56 с значительным разночтением: «Там постоянно огонь...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 59. *Пламя питая; взвивалися вихрями искры; свистали...* — До С 5 был следующий вариант: «Пламя питая; как вихорь, взвивалися искры; свистали...».

Ст. 61. *Тяжко вертелось; и молот огромный, гремя немолжно...* — В автографе, копии, «Европейце», БдЧ с незначительным разночтением: «...гремя беспрестанно...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 66. *Бросьте в огонь, чтоб его и следов не осталось. С свирепым...* — В автографе, копии и БдЧ вместо «с свирепым» — «с довольным».

Ст. 68—69. *Души их были суровой желез; рвенье удвоив, // Начали снова работать они и, убийством заране...* — В автографе, копии, «Европейце» и БдЧ: «Души их были суровой железа. С удвоенным рвением снова (в автографе: «удвоивши рвение, снова») // Стали работать мехами они и, убийством заране...». Ст. 69 в «Европейце» — в канонической редакции, окончательно оформившейся в С 5.

Ст. 71. *К графу тем временем хитрый наушник позвал Фридолина...* — В автографе, копии, «Европейце» и БдЧ: «С злобною радостью к графу наушник позвал Фридолина...». Каноническая редакция начиная с С 4.

Ст. 73. *В лес пойти и спросить от меня у литейщиков: все ли...* — До С 4 вместо: «литейщиков» было: «работников горна».

Ст. 74. *«Сделано ль то, что я приказал?» — «Исполнено будет»...* — В автографе, копии, «Европейце»: «Сделали ль то, что я приказал?» — «Исполнено будет». Окончательная редакция начиная с С 4.

Ст. 75—76. *Скромно отвечает паж; и готов уж идти, но, подумав: // Может быть, даст ему и она порученье какое?* — В автографе, копии, «Европейце» и БдЧ: «Скромно отвечает паж; и готов уж идти, но подумал // Вдруг: не даст ли ему и она приказанья какого?»

Ст. 77. *Он приходит к графине и ей говорит: «Господилом...»* — В автографе, копии, «Европейце» и БдЧ: «Вот он к графине идёт...»; в С 4: «Он к графине приходит...». Окончательная редакция в С 5.

Ст. 79. *Будет и вам чего приказать?» Ему с благосклонным...* — В автографе, «Европейце» и БдЧ: «Будет и вам чего повелеть?» Ему с благосклонным...». Канонический вариант начиная с С 4.

Ст. 86—87. *Ты уклоняться не должен», — сказал он и в церковь с смиренным, // Набожным сердцем вступил; но в церкви пусто и тихо...* — В автографе: «Ты уклоняться не должен — так он помыслил, и в церковь // С набожным сердцем вступил...»

Ст. 91—92. *Прежде свой долг отдай, потом господину». С такою // Мыслью усердно он начал служить: священнику ризы...* — В автографе: «Прежде свой долг отдай, потом господину» — подумал // Так Фридолин и принялся за дело: священнику ризы...»

Ст. 93—94. *Стóлу и сингулум подал; потом приготовил Святые // Чаши; потом, молитвенник взявши, набожно начал...* — Ст. 94 в автографе: «Чаши; потом молитвенник взявши, набожно начал...»

Стóла — часть облачения католического священника в виде широкого шарфа, надеваемая на плечи (епитрахиль).

Сингулум — пояс рясы католического священника.

Ст. 95. *Долг исправлять министранта...* — *Министрант* — служитель, прислужник, причетник. В протестантизме министром или министрантом именуется приходский священник, избираемый общиной. Им может стать и прихожанин, не имеющий духовного образования и сана.

Ст. 97. *Провозглашаемо было великое «Sanctus»; когда же...* — В автографе: «Провозглашаемо было священником “Sanctus”»; в копии и БдЧ: «Провозглашаемо было священное “Sanctus”»; окончательная редакция в С 4.

«Sanctus» — начальное слово католического гимна «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф», входящего в состав литургии, где завершает «Вступление» к главной части мессы. В стихотворении Шиллера описана католическая литургия «верных», на которой совершается таинство причащения. На этой заключительной части службы могут присутствовать только христиане.

Ст. 100—101. *Жертве, он звоном торжественным то возвестил и смиренно // Пал на колени пред Господом, в грудь себя поражая...* — В автографе, копии и БдЧ: «Жертве, он звоном торжественным то возвестил, и упали // Все на колени пред Господом, в грудь себя поражая...». Работая над этими стихами, Жуковский устранил смысловое противоречие, восходящее к подлиннику: сначала описана пустая церковь без молящейся паствы и причетника (строфа 19-я у Шиллера; ст. 88—90 в переводе), а потом появляется образ молящихся в церкви прихожан (строфа 22-я у Шиллера; ст. 100—101, 106 в начальной редакции Жуковского). Каноническая редакция перевода — начиная с С 4; однако уже и в «Европейце» это противоречие было снято (см.: Европейец. С. 257).

Ст. 104. *В храме свершал. Напоследок, окончивши службу святую...* — В автографе, копии, БдЧ и С 4 вместо: «напоследок» — «наконец». Каноническая редакция в «Европейце» и С 5.

Ст. 105. *Громко священник воскликнул: «Vobiscum Dominus», верных...* — «Vobiscum Dominus» — «С вами Бог» (лат.) — формула благословения при окончании службы. *Верные* — см. примеч. к ст. 97.

Ст. 106—109. *Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он ~ “Pater noster” двенадцать раз прочитал. Подошедши...* — Эти стихи подверглись наиболее значительной переработке. В автографе и копии они читаются так: «Благословил, и все вышли из церкви, и он, всё приведши (В копии разночтение: «Благословил, и вышел народ из церкви, тогда он, приведши...») // Снова в порядок чаши, и ризы, и книги, и утварь, // С мирною совестью к лесу пошёл, и вдобавок дорогой // Десять раз «Отче наш» про себя прочитал. Подошедши...» В «Европейце» дана сокращённая на один стих редакция: «Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он, // Всё в порядок приведши, и чаши, и ризу, и книги, и утварь, // “Pater noster” двенадцать раз прочитал». В редакции БдЧ восстановлен пропущенный стих, но ст. 106 напечатан в варианте копии: «Благословил, и вышел из церкви народ; тогда он, приведши // Всё в порядок, и чаши, и книги, и ризы, и утварь, // Церковь оставил, и к лесу пощёл, и вдобавок дорогой // “Pater noster” двенадцать раз прочитал». Каноническая редакция начиная с С 4.

«Pater noster» — первые слова главной католической молитвы («Отче наш»), читаемой священником во время мессы перед преломлением гостии (облатки).

Ст. 112—115. *«Сделано ль то, что граф приказал», — он спросил. И, оскалив ~ Прибран, и граф нас похвалит. С таким их ответом обратю...* — В автографе: «Сделано ль то, что граф приказал», — он спросил. И, свирепым // Смахом зубы оскалив, они указали на бездну // Рдяного горна. «Он там! — проревел сиповатый их голос. // Прибран как должно, и граф нас похвалит. С таким их ответом...». В копии, редакции «Европейца» и БдЧ стихи приобрели вид, близкий к канонической редакции С 4 и С 5: «Сделано ль то, что граф приказал», — он спросил. И, оскалив // Зубы

смехом ужасным, они указали на пламень // Горна. «Он там! — проревел сиповатый их голос. — Как должно // Прибран, и граф нас похвалит». С таким их ответом обратно...»

Ст. 137. *Враг коварен, но с ним Господь и Всевышние силы...* — В автографе: «Силен враг, но над ним Господь и Всевышние силы...»

О. Лебедева

**Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче,
о хитростях Кощея бессмертного
и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери**
(«Жил-был царь Берендей, до колен борода. Уж три года...»)
(С. 68)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 75 об.—78 об., 79 об.—80 — черновой; начало сказки, до стиха «Верно с грехом пополам. Погоди же, я доберуся, / Друг, до тебя». На л. 75 об. дата: «2 августа» и план: «По следу. Явиться. Едет. Солнце к в(остоку). Озеро. Утки. За куст. — Платье. Ждать. Ползе(т). *Нрзб*. Колечко. Двор(ец). Первое зад(ание). Вмиг. Пусти. Слюнки. Погоня. Монаст(ырь). О городе. Царевич. (Крест). Город. Забудешь меня. Дитя. Позабыл. Свадьба. Повар. Пирог. Голубь. Возвращение. Пир» (частично напечатано: *Березкина С. В.* Пушкинская фольклорная запись и «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 270). На л. 80 другой план, карандашом: «Третий. Поджидающий конь. Посольство. Первое. Второе. Третье. Город. Свадьба. Повар. Стол. Узнает» (напечатано: Стихотворения. Т. 2. С. 470).

2) РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 5 об.—8 — черновой; продолжение сказки со стиха «Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет» и до конца. На л. 6 об. первоначальный вариант окончания сказки, зачеркнут (см. постишный комментарий); под ним дата: «1 сентября». Сказка продолжена на л. 7. В конце автографа на л. 8 другая дата — «11 сентября».

Копия (РНБ. Оп. 1. № 22. Л. 1—4) — авторизованная. На л. 3 первоначальный вариант окончания сказки (как в черновом тексте — см. выше); зачеркнуто; Л. 3 об.—4 — продолжение сказки. На л. 1 дата: «1831. 2 августа — 1 сентября», она отчеркнута; под чертой записано: «12 сентября».

Впервые: Новоселье. СПб., 1833. С. 37—68 (публикация сопровождалась гравюрой С. Галактионова с рис. А. Брюллова).

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 (Т. 4. С. 299—324) — в подборке произведений 1831 г.

Датируется: 2 августа — 12 сентября 1831 г.

Ранее принята датировка произведения: «2 августа — 1 сентября 1831 г.» (см., например: Стихотворения. Т. 2. С. 470) была указана самим Жуковским в двух хронологических перечнях второго чернового автографа сказки (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1, 8 об.). Между тем эта датировка охватывает время работы лишь над первой частью произведения, когда Жуковский, написав сцену спасения героев от погони Кощея, посчитал его полностью законченным. Именно поэтому и в черновом варианте, и в авторизованной копии рядом с первоначальным вариантом окончания

сказки присутствует дата: «1 сентября». Спустя несколько дней Жуковский вернулся к работе над произведением. Начерно оно было закончено 11 сентября. Завершение правки в авторизованной копии датируется 12 сентября. Эту дату, записанную Жуковским под чертой (см. выше описание авторизованной копии), Ц. Вольпе отнес к европейскому календарю. Между тем у Жуковского не было обыкновения, живя в России, помечать свои произведения двумя датами (по старому и новому стилю).

В истории русской литературной сказки август—сентябрь 1831 г. занимает особое место: в это время в Царском Селе были созданы «Сказка о царе Салтане» Пушкина и три сказки Жуковского — «О царе Берендее», «Спящая царевна», «Война мышей и лягушек». Н. В. Гоголь писал А. С. Данилевскому 2 ноября 1831 г.: «Почти каждый день собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей (...) сказки русские народные — не то, что «Руслан и Людмила», но совершенно русские. Одна написана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая [Имеется в виду «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), которую Жуковский услышал впервые в Царском Селе.] — У Жуковского тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами, и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русский» (Гоголь. Т. 10. С. 214).

Основным источником сказки Жуковского «О царе Берендее» является запись русской народной сказки «Некоторый царь ехал на войну», сделанная Пушкиным в Михайловском, по-видимому, в конце 1824 г. (см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 408—410). При создании «Сказки о царе Салтане» Пушкин пользовался другой своей фольклорной записью — «Некоторый царь задумал жениться» (Там же. С. 407—408). П. В. Анненков заметил по этому поводу: «...по какому-то дружескому состязанию Пушкин и Жуковский согласились написать каждый по русской сказке. Кому принадлежит первая мысль этого поэтического турнира, мы можем только догадываться» (*Пушкин А. С. Сочинения / Изд. подг. П. В. Анненков. СПб., 1855. Т. I. С. 319*). Выражение «поэтический турнир», по-видимому, не совсем точно передает особенности дружеского общения двух авторов. В царскосельских сказках Жуковского и Пушкина раскрылся тот художественный потенциал, который был накоплен ими ранее в процессе работы над произведениями в народном стиле. Пушкин, в совершенстве овладевший в Михайловском «народным стихом» (см., например, его «Песни о Стеньке Разине», 1824—1826), обратился, тем не менее, к четырехстопному хорю, Жуковский же — к разговорно-сказовому типу гекзаметра, с которым в его сознании прочно связывалось представление о простонародности и который сам он считал «совершенно отличным от гекзаметра греческого» (см. его письмо к П. А. Плетневу 1845 г.; С. 7. Т. 6. С. 591). В 1831 г. гекзаметр расценивался Жуковским как вполне перспективный в плане дальнейшего расширения его тематико-стилистических возможностей на русской почве. Эта работа была для поэта продолжением той, которую он начал в 1816 г., переведя гекзаметрами два стихотворения Гебеля — «Овсяный кисель» и «Красный карбункул». В предисловии к сказке «Красный карбункул» Жуковский писал: «...прилично ли будет в простом рассказе употребить гекзаметр, который доселе был посвящен единственно важному и высокому?» (Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1817. Ч. IX.

С. 49—50). Для своего времени замысел сказки гекзаметрами в русском народном стиле был подлинно новаторским. Вероятно, Пушкин с большим интересом следил за этой работой Жуковского. Он недолюбливал гекзаметры еще с лицейских лет (см., например, его эпиграмму 1813 г. «Несчастье Клита» и комментариев к ней в: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 577). В одной из черновых редакций поэмы «Домик в Коломне» (1830) Пушкин выразил свое отношение к гекзаметру со всей определенностью, сославшись при этом на его техническую сложность: «Он мне не в мочь» (Пушкин. Т. 5. С. 373).

Привлечение к работе подлинной фольклорной записи придало работе Жуковского над «Сказкой о царе Берендее» особый характер (вероятнее всего, что на этот путь его увлек Пушкин). Элементы русской сказки включались Жуковским и другими поэтами его времени в произведения различных жанровых форм с ориентацией на изображение «русской старины» (баллада, сентиментальная и романтическая повесть, волшеббно-рыцарская поэма). В русской печати раздавались настойчивые призывы к собиранию подлинных народных сказок, к более активному вовлечению их в литературный процесс. В действительности же представления о сказке и ее эстетической значимости были еще очень расплывчатыми, и этим можно объяснить значительный разнобой в оценке критикой первой трети XIX в. произведений в фольклорном стиле, принадлежащих авторам самых различных направлений. Даже замысел такого рода сочинений способен был вызвать как положительные, так и резко негативные оценки, зачастую связанные с пренебрежительным отношением к русскому фольклору и недостаточностью знаний о нем (в это время русская фольклористическая мысль находилась еще в стадии своего зарождения). Это пришлось испытать на себе не только Жуковскому, но и Пушкину, сказки которых едва ли не в равной степени стали объектом многочисленных нареканий со стороны критики по поводу воплотившихся в них элементов народности (см. об этом: *Березкина С. В.* Сказки Пушкина и современная им литературная критика // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 134—142).

На этом сложном историко-литературном фоне становится особенно заметна та бережность, с которой Жуковский отнесся к пушкинской фольклорной записи. Воплотить в стихах все ее сюжетные звенья, расширив и украсив сюжет народной сказки, — таков изначально был замысел произведения Жуковского. Однако эти планы (см. выше в описании первого чернового автографа) изменились после начала работы поэта над сказкой «Спящая царевна» (26 августа). Видимо, она увлекла Жуковского настолько, что он постарался поскорее закончить «Царя Берендея» (это было сделано 1 сентября), отбросив вторую часть пушкинской записи (путь героев домой после спасения от погони Кощея). При создании «Спящей царевны» Жуковский опирался на собрание немецких сказок братьев Гримм. Известны четыре его перевода из этого сборника (напечатаны в журнале «Детский собеседник» в 1826 г.), среди них — сказка «Милый Роланд и девица ясный цвет» («Der liebste Roland»). Подробнее об этих переводах см. в комментарии «Спящей царевны».

По-видимому, поэт был поражен близостью сюжетов сказки «Милый Роланд» и пушкинской записи (точнее, ее заключительной части). Это определило выбор дополнительного источника для «Царя Берендея», продемонстрировавший чуткость автора к фольклорному материалу: по научной классификации обе народные сказки, и русская, и немецкая, относятся к подвидам одного типа сказочного сюжета (см.: *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 28,

№ 313 А и 313 С; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. / Сост. Л. Б. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 112). Во второй части произведения Жуковского мотивы, заимствованные им из «Милого Роланда», переплелись с сюжетом, запечатленным в записи Пушкина. После окончания работы с фрагментом немецкой сказки (это превращение Марьи-царевны в камень, а затем в цветок, жизнь в избушке старика, наконец, возвращение человеческого облика) Жуковский вновь подхватил нить сюжета своего основного источника. При этом в черновом автографе «Царь Берендей» был ближе к сказке бр. Grimm, чем в окончательном тексте. Так, белый камень, в образе которого Марья-царевна ждала возвращения жениха, сначала был красным, а старик в избушке — «младым пастушком» (исправлено в авторизованной копии). Детали произведения, отредактированные подобным образом, в большей степени соответствовали художественной системе русского фольклора. И конспект Пушкина, и фрагмент немецкой сказки Жуковский дополнял психологической прорисовкой сюжета, развернутыми пейзажными и портретными описаниями, юмористическими деталями. В целом работа Жуковского над пушкинской фольклорной записью началась с первого ее слова и закончилась лишь тогда, когда он исчерпал ее сюжетные возможности. Ср. с мнением Ц. Вольпе, который считал, что во второй части «Царя Берендея» Жуковский просто «начал пересказывать текст Гриммов» (Стихотворения. Т. 2. С. 471).

Соединение Жуковским в одном произведении двух фольклорных источников перекликается с особенностями работы Пушкина в жанре литературной сказки. С особым вниманием Пушкин останавливался на тех сюжетах, которые были ему знакомы в различных интерпретациях. При этом он стремился придать инонациональному сказочному материалу не только колорит, но и дух русского фольклора (наиболее яркий пример такой направленности работы Пушкина — «Сказка о рыбке и рыбке» (1833), почерпнутая им из сборника братьев Grimm).

В ряде изданий, начиная с подготовленного Ц. Вольпе, в качестве дополнительного источника «Сказки о царе Берендее» называется былина «Садков корабль стал на море» из «Сборника Кириши Данилова». Об ошибочности этого утверждения см.: *Березкина С. В.* Пушкинская фольклорная запись... С. 274—276.

Существует предположение, что в русский сказочный фольклор имя «царь Берендей» попало благодаря произведению Жуковского (*Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков. М., 1967. С. 20). Сам поэт, по-видимому, заимствовал его из сообщений о городище, найденном на Берендеевом болоте (находится на Владимирщине неподалеку от города Переяславль-Залесский). Известный поэт-графоман пушкинской поры Д. И. Хвостов писал, обращаясь к Жуковскому в послании «Сочинителю сказки о царе Берендее» (речь здесь идет о реке Кубре, на берегу которой находилось имение Хвостова):

Ты знаешь ли, что встарь Кубра моя
Кубарилась в его могучем царстве?
Царь Берендей, при пышности, богатстве,
Едва ль не там бородку прищемил?

(Хвостов Д. И. Стихотворения. СПб., 1834. Т. 7. С. 117).

Хвостов писал: «Помещик села Петровского Николай Петрович Макаров, осушая болото Берендеево, ему принадлежащее, нашел признаки древнего города...»

(Там же. С. 264). Об этой находке см. также: *М.к.р.в М. Н.* (Макаров М. Н.) Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву. М., 1830. С. 135—138. Отрывки из книги Макарова, где в частности сообщалось о «древнем Берендеевом царском колодце», печатались ранее в «Дамском журнале» (1827. Ч. 18. № 8). Сообщения о племени берендеев (иначе: торки, черные клобуки) содержатся в русских летописях XI—XII вв. Есть о них упоминание в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В имени «Берендей», приданном Жуковским безымянному царю пушкинской записи, выразилось стремление к синтезу фольклорного и исторического элементов, в высшей степени характерное для изображения «русской старины» в творчестве писателей начала XIX века. Эта тенденция отражала одну из основных черт эстетики романтизма, смотревшего на фольклор как на составную часть подлинной истории народа, запечатленной в его «естественной» (младенческой) поэзии.

Сказка Жуковского первоначально предназначалась для «Европейца» И. В. Киреевского. Посылая ему сказку, Жуковский писал: «Вот вам и Иван-царевич. Прошу господина Европейца хорошенько посмотреть за корректуру и сохранить то препинание знаков, какое состоит в манускрипте» (С 9. Т. 2. С. 568). Запрещение «Европейца» на 3-м номере привело к тому, что Жуковский был вынужден передать произведение А. Ф. Смирдину в альманах «Новоселье».

Сказка Жуковского вызвала неоднозначную реакцию современников. В рецензии на «Новоселье» Н. Полевой писал: «Эта сказка привела нас в изумление! По всему видно, что автор хотел подделаться в ней под русские сказки; но его гексаметры, его дух, его выражения слишком далеки от истинно-русского. Переменивши имена, можете уверить всякого, что *Сказка о царе Берендее* взята из Гебеля, из Перро, из кого угодно, только не из русских преданий. Впрочем, она и по вымыслу не русская. Мы давно уверены, что В. А. Жуковский не рожден быть поэтом народным; но удивляемся, что он сам не уверяется в этом неудачными попытками» (МТ. 1833. Ч. 50. № 5. Март. С. 105). 14 апреля 1833 г. П. А. Вяземский, не высказывая своего отношения, писал Жуковскому об этой рецензии: «Полевой разругал “Новоселье”; говорит, что тебе давно пора увериться, что ты не народный поэт и что он несколько раз твердил тебе об этом, и стыдно тебе упрячиться после этого» (РА. 1900. Кн. 1. С. 373). Однако В. К. Кюхельбекер, ревностно следивший за гекзаметрическими опытами Жуковского, решительно замечает сначала в «Дневнике»: «Зато “Царь Берендей” очень и очень хорош...», а затем в письме к Жуковскому: «Из новых пиэс я уже успел прочесть некоторые; особенно поразили меня: (...) превосходная сказка о царе Берендее...» (Жуковский в воспоминаниях. С. 300, 302).

Ст. 152. *Всё под землёй освещал. Иван-царевич отважно...* — В авторизованной копии, а также в черновой рукописи после этого стиха следовало:

Входит и видит Кошья-царя на престоле огромном.
 Был он в венце из огня, с бородою зеленой; сверкали
 Быстро глаза как два изумруда, руки с клешнями.
 Весь же казался он слитым из меди; широкие плечи
 Были покрыты порфирой, как будто сотканной из легкой
 Синевы неба. Завидя Кошья, тотчас на колени
 Стал Иван-царевич. Кошья же затопал; сверкнуло...

Ст. 164. *К нам в подземельное царство; но знай, за твоё послушанье...* — После этого стиха в черновом автографе и авторизованной копии было следующее продолжение:

Должен ты нам отслужить три службы; ныне уж поздно.
Завтра сочтемся; прости». Два косолопых придворных медведя
В пудре, в кафтанах с шитьем, с треугольными шляпами в лапах
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво...

Ст. 330. *Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный, помчался...* — Первоначальный вариант окончания сказки (приводится по авторизованной копии):

Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный, помчался
С свитой назад, а, примчавшись домой, пересек беспощадно
Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале. И вот, приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья
Видом не видано, слухом не слыхано. Долго не стали
Думать: честным пирком, да за свадебку; съехались гости;
Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пил, по усам текло, да в рот не попало. И всё тут.

С. Березкина

Война мышей и лягушек

Сказка

(Отрывок)

(«Слушайте; я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек...»)

(С. 79)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 34. Л. 8) — черновой; текст частично написан чернилами по карандашу. В начале автографа на л. 1 об. дата: «Августа 24. 1831» (слово «Августа» написано карандашом рядом с зачеркнутым «Апреля»). На л. 2 дата карандашом: «Сентября 19». На Л. 1 план:

I. Встреча. Рассказ Петра Долгохвоста. Лев. Кот. Погребение. Беда.

II. Рассказ Квакуна. Народное правление. Аристократия. Монархия.

III. Война». (Напечатано: Стихотворения. Т. 2. С. 473). Рядом в столбик список предполагаемых имен персонажей (мышей): «Острозуб. Ветчинник. Сыроед. Муковор. Тонконос. Когобой. Хватокус. Блюдолиз. Крохобор. Хлебоем. Костолоб. Сивка» (последнее слова приписано карандашом). Напечатано: Там же.

Впервые: Европеец. 1831. Январь. № 2. С. 143—164 — без подписи и подзаголовком: «Отрывок из неоконченной поэмы». Кончается строкой отточий.

В прижизненных изданиях: С 4—5: С 4 (Т. 5. С. 79—101) — с подзаголовком: «Отрывок» и в конце текста — строка отточий; С 5 (Т. 4. С. 281—298) — в подборке произведений 1831 г., с подзаголовком: «Сказка (Отрывок)». В конце — строка отточий.

Датируется: 24 августа — 29 сентября 1831 г.

Начало работы над сказкой отмечено датой на л. 1 об. Дата на следующем листе («Сентября 19») говорит о том, что сказка создавалась автором медленно, с большими перерывами. День ее окончания отмечен Жуковским в одном из хронологических перечней, где им, по-видимому, было указано время наиболее интенсивной работы над текстом: «19 сентября — 29 сентября» (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об. Напечатано: Бумаги Жуковского. С. 99). Ср. в комментарии Ц. Вольпе, где указана ошибочная дата окончания сказки: 22 сентября (Стихотворения. Т. 2. С. 473). Этой даты нет ни в рукописи сказки, ни в хронологических перечнях Жуковского.

«Война мышей и лягушек» занимает особое место в ряду сказок Жуковского. Она получила подзаголовок «Сказка (Отрывок)» лишь в последнем прижизненном издании сочинений поэта. В публикации 1832 г. (см. выше) Жуковский охарактеризовал «Войну мышей и лягушек» как «Отрывок из неоконченной поэмы». Изменение жанрового определения стало возможным благодаря тому, что произведение впитало в себя опыт, накопленный Жуковским в ходе работы над литературными сказками (сказочный зачин «Войны мышей и лягушек», родственный сказке сюжет, неторопливая мерность «простонародного» рассказа, легкий юмор).

Вместе с тем сказка «Война мышей и лягушек» имела иной, нежели «Царь Берендей» и «Спящая царевна», круг источников и воспринималась современниками как «гениальная переделка начала Батрахомиомахии» (В. К. Кюхельбекер); здесь имеется в виду пародия на эпос Гомера конца VI — начала V в. до н. э., ранее приписывавшаяся самому автору «Илиады». В конце XVI в. древнегреческая «Война мышей и лягушек» была переработана немецким поэтом Георгом Ролленгагеном (1542—1609), создавшим на ее основе объемную остро сатирическую поэму антиклерикального характера «Froschmäuseler» («Лягушкомышатник»). На неё как на источник сказки Жуковского впервые указал П. Загарин (Загарин. С. 469—478).

«Фрошмейзелер» неоднократно издавался в переделках немецких поэтов, одна из которых, осуществленная Карлом Лаппе, привлекла к себе внимание Жуковского: Froschmäuseler. Im Auszuge bearbeitet von Karl Lappe. Stralsund, 1816 (см.: Описание. № 1964). На эту книгу в составе библиотеки Жуковского как на источник его сказки впервые указал Ц. Вольпе (Стихотворения. Т. 2. С. 474). К сожалению, выводы, к которым пришел исследователь, проанализировавший работу поэта с источником, не точны, поскольку он, по-видимому, пользовался иной, нежели Жуковский, обработкой Ролленгагена (книга Лаппе отсутствует в крупнейших российских библиотеках). Это привело к искусственному расширению круга источников «Войны мышей и лягушек» в комментарии Вольпе (в него были включены басни И. А. Крылова и И. И. Дмитриева, хотя их близость к отдельным эпизодам произведения Жуковского объясняется особенностями басенного по своей природе средневекового животного эпоса, легшего в основу «Фрошмейзелера»). Анализ соотношения «Войны мышей и лягушек» с переложением К. Лаппе дан в статье А. С. Янушкевича «“Фрошмейзелер” в чтении В. А. Жуковского (1840-е годы)» (БЖ. Ч. I. С. 524—527).

Жуковский обработал примерно четверть книги К. Лаппе. Ряд эпизодов поэт оставил без внимания, хотя сюжету источника он следовал довольно точно. Поэт украсил его типично русскими деталями, придав повествованию характер особого лиризма: «Читатель чувствует себя переселившимся в какой-то очарованный уголок задумчивого милого дедушки, который сам обратившись в малое дитя, рассказывает “в досужий часок” дела иного маленького мирка» (Загарин. С. 481). Судя

по плану на Л. 1 (см. выше), Жуковский намеревался работу над книгой Лаппе довести до конца. Поэт реально оценивал соотношение своей будущей сказки с немецкой поэмой. В одном из перечней он поставил рядом с «Froschmäuseleg» цифру «1700» (в «Войне мышей и лягушек» 291 стих), что ровно в два раза меньше объема поэмы Лаппе (3400 стихов) (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1). Это соотношение становится понятным, если учесть, что переложение Лаппе, в отличие от произведения Жуковского, написано коротким четырехстопным ямбом.

Сцена похорон хитрого кота Мурлыки в сказке Жуковского создавалась с учетом русской лубочной картинке «Мыши кота погребают» (об этом источнике сказки см.: Загарин. С. 479—480; Стихотворения. Т. 2. С. 474—475; в других изданиях Жуковского указание на него отсутствует). Часть написанного на ее основе текста осталась в черновом автографе (см. постишный комментарий; напечатано: *Березкина С. В.* Из истории русской литературной сказки (Жуковский и Пушкин) // РЛ. 1984. № 4. С. 122).

Популярнейший лубок «Мыши кота погребают» многократно издавался на протяжении XVIII—XIX вв. Это гравюра (на меди или на дереве), представляющая собой многофигурное изображение шутовской погребальной процессии: персонажи (до нескольких десятков) расположены в горизонтальных полосах, каждый из них имеет номер и соответствующую надпись в тексте, сопровождавшем картинку. В собрании русских народных картинок Д. А. Ровинского наиболее близок к тексту Жуковского лубок № 169 (изд. 2-е). Вот начало надписи к этой картинке (цитируется по атласу, поскольку в указателе Ровинского текст приведен не целиком, а в виде примечаний к лубку № 170): «Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, оберчена в черных трепицах, как мыши кота погребают, недруга своего провожают, последнюю честь отдавая с церемонием. Был престарелой кот казанской, уроженец астраханской, имел разум сибирской, а ум сусастерской, жил славно, плел лапти, носил сапоги» (Русские народные картинки // Собрал и описал Д. А. Ровинский. Атлас. СПб., 1881. Т. 1 (№ 92—171); № 169 (изд. 2-е)). Последние слова точно соответствуют одному из черновых вариантов отрывка, помещенного в разделе «Из ранних редакций»: «Плел он лапти, носил сапоги». На картинке мыши везут связанного кота именно в санях (см. у Жуковского: «В царские сани под другом...»), а не в повозке, как в других изданиях картинке «Мыши кота погребают». В первой публикации сказки стих «Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский» был ближе к тексту лубка — ср.: «Кот Астраханский, житель Казанский, породы Сибирской». Ср. также одну из надписей лубка «Старая подовинная седая крыса смотрит в очки, у которой кот изорвал ж... в клочки» со стихами Жуковского:

Старая мышь Стенаида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад ободрал и пасилу
Как-то она от него ушлепа)...

Черновой автограф «Войны мышей и лягушек» свидетельствует о том, что, создавая сцену похорон кота Мурлыки, Жуковский ориентировался и на надписи к картинке «Мыши кота погребают», и на ее композицию (см. в построчном комментарии текст, изображающий церемониальное, как на лубке, шествие идущих вереницей мышей), и на стиховую форму. Речь «подпольного поэта» над котом-притворой написана раешником, блестящий образец которого был дан Пушкиным

в «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1830). Гекзаметрический стих Жуковского благодаря рифме, введенной в него, распался на три части (в черновом фрагменте есть и двухчастное деление):

Был он бешен,
На краже помешан,
За то и повешен...

Соединение гекзаметров «Войны мышей и лягушек» с раешником — уникальный случай в русской поэтической практике, свидетельствующий о смелости поэта-новатора. Подробнее об этом см.: *Березкина С. В.* Указ. соч. С. 123—128.

Внимание Жуковского привлек один из самых интересных и популярных в России лубков. На протяжении второй половины XIX в. он оценивался исследователями как исключительно русский, «ниоткуда не заимствованный» (В. В. Стасов, Д. А. Ровинский). В настоящее время доказана несостоятельность такой точки зрения (см. об этом: *Алексеева М. А.* Гравюра на дереве «Мыши кога на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XIX в. // XVIII век: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-литературном контексте. Л., 1983. Сб. 14. С. 45—79). Соотнесенность русского лубка с многочисленными басенными интерпретациями темы «Кот и мыши» сумел уловить Жуковский, опередивший таким образом дальнейшие научные изыскания в области народных картинок (басни на эту тему есть в творчестве Эзопа, Федре, Фаерна, Ж. Лафонтена, А. П. Сумарокова; в этом же ряду следует рассматривать и соответствующий эпизод из поэмы Ролленгагена).

Эпизод похорон «подлого кота» Мурлыки был сатирически заострен против редактора газеты «Северная пчела» Фадея Венедиктовича Булгарина (1789—1859), известного своим сотрудничеством с тайной полицией. Об этом говорит имя Фадея, данное Мурлыке Жуковским в одном из вариантов чернового автографа (см. ниже; следует, однако, отметить, что в начале чернового автографа «Спящей царевны» также именовался и царь Матвей). В декабре 1831 г. Жуковский писал А. П. Елагинной по поводу своей сказки, переданной им для публикации в журнал «Европеец»: «Мне пришлите копию с Кога Мурлыки, которого прошу из Фадея перекрестить в Федота, ибо могут подумать, что я имел намерение изобразить в нем Фадея Булгарина» (УС. С. 54). Недовольство Жуковского редактором «Северной пчелы» носило глубоко личный характер и было связано в первую очередь с А. Ф. Воейковым и его женой, которых поэту приходилось защищать от шантажа, клеветы и доносов Булгарина (см. об этом подробнее: Стихотворения. Т. 2. С. 475—478). Жуковский крайне отрицательно относился к творчеству Булгарина, который, зная об этом, мстил поэту. Вольпе назвал «Войну мышей и лягушек» «зашифрованной сатирой на Булгарина», где «премудрая крыса Онуфрий» (он же воспитатель «царского сына») — сам Жуковский, поэт Клим «по прованию Бешеный Хвост» — Пушкин, Петр Долгохвост — И. В. Киреевский, издатель «Европейца» (Там же. С. 478). Такой подход может верно характеризовать только финал «Войны мышей и лягушек», написанный в арзамасском духе.

В 1815—1818 гг. многие из заседаний общества «Арзамас» были посвящены шутливым погребениям литераторов «Беседы любителей русского слова», в адрес которых произносились пышные «надгробные» речи. В «Войне мышей и лягушек»

Жуковский использовал испытанное арзамасцами средство борьбы с литературным противником, применив его к ситуации 1830—1831 гг. (она была осложнена прогивостоянием Булгарину круга близких Пушкину литераторов). Возвращение Жуковского к сатире арзамасского типа вполне объяснимо. Именно летом 1831 г. Пушкин, воспользовавшись псевдонимом «Феофилакт Косичкин», писал свои статьи, направленные против Булгарина. При этом статья «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» создавалась в сентябре одновременно со сказкой Жуковского.

После изменений в произведении, внесенных А. П. Елагиной по просьбе Жуковского, сатирический смысл сказки стал почти не заметен. Тем не менее в 1832 г. Жуковский не поставил своего имени под публикацией сказки, что, вероятнее всего, было связано с заостренным, как это ощущал поэт, финалом «Войны мышей и лягушек». Сатира Жуковского носила свойственный ему добродушный характер и была лишена оскорбительных для адресата выпадов. Впоследствии это позволило образам сказки зажить самостоятельной жизнью, характерной для басенных героев: «Крысе Онуфрию от Прасковьи-Пискуньи поклон, — писала Жуковскому Елагина, — при нем, т. е. при поклоне, кошелек, работы лап её, а в кошельке ниточки на счастье» (Стихотворения. Т. 2. С. 478).

В 1840-х гг. Жуковский вернулся к поэме Ролленгагена. Это было связано с появлением в его библиотеке новой книги: *Der Froschmäuseler. Komisch-didactisches Gedicht von Georg Rollenhagen. Neu herausgegeben von Roderich Benedix. Wesel u. Leipzig, 1841* (Описание. № 1965). О работе с ней Жуковского см.: *Янушкевич А. С. Указ. соч. С. 527—532*. В книге Юлия Родериха Бенедикса (1811—1873), представляющей собой более полное и бережное, чем у Лаппе, переложение Ролленгагена, Жуковский оставил пометы, свидетельствующие об интересе поэта не к шутивно-комической, как это было во время создания «Войны мышей и лягушек», а к сатирической стороне немецкого эпоса. Отмеченные Жуковским фрагменты «Фрошмейзелера» соответствуют второй части составленного им в 1831 г. плана (см. выше в описании автографа). По-видимому, к этому же времени (середина 1840-х гг.) следует отнести и упоминание поэмы Ролленгагена в планах «Повестей для юношества», составленных Жуковским (см. об этом: *Янушкевич А. С. Указ. соч. С. 532; примеч. 90*).

О причинах, в силу которых «Война мышей и лягушек» осталась в творчестве Жуковского неоконченной, существует высказывание Елагиной, переданное П. А. Висковатым: «... ему отсоветовали кончать ее, так как в поэму должны были явиться намеки на события из “отечественной войны” и на современников. Намеки, впрочем, безобидные, так как Жуковский не был злобным сатириком и не охотник до злых памфлетов. Но все же друзья говорили ему, что он писатель-патриот, слава которого взшла благодаря его патриотическим песням, — легко может повредить себе в суждении лиц, “всякую шутку считающих за грех”» (Годовой отчет гимназии и реального училища д-ра Видемана за 1900—1901 г. СПб., 1901. С. 7—8). По-видимому, в этих словах содержится лишь часть правды о судьбе «Войны мышей и лягушек».

Совет воздержаться от ее продолжения мог исходить из семьи Елагиных-Киреевских, которая находилась под впечатлением от разразившегося над журналом «Европеец» несчастья (его запретили после выхода второй книжки, где наряду с «крамольными» статьями И. Киреевского была напечатана и сказка Жуковского).

Из письма к Николаю I о судьбе «Европейца» (февраль 1832 г.) видно, что поэт считал причиной запрещения журнала донос Булгарина. В этом смысле финал сказки был своего рода пророчеством: осмеянный «покойник» проснулся и учинил мышам «ужасную травлю». Надуманность претензий, выдвинутых Николаем I против статьи Киреевского «Девятнадцатый век» (в ней были обнаружены скрытые «революционные» намеки), могла натолкнуть Жуковского и близких ему людей на мысль об опасности каких-либо современных аллюзий в анималистской по своей природе сказке. Впоследствии поэт утратил склонность к острому отклику на современные ему литературные события. Возможности такого рода изначально таил в себе сюжет «Фрошмейзелера», который терял свою художественную привлекательность вне сатирико-комической сферы. Этим можно объяснить отсутствие в творчестве Жуковского 1840-х гг. попыток продолжения «Войны мышей и лягушек» после знакомства с заинтересовавшей его книгой Бенедикса.

Ст. 75. *Громко он, прядая, шлепал. Царевич Белая шубка...* — В черновом автографе после этого стиха следовало:

Вспомнивши, кто он, робость свою победил. Он подумал:
«Страх не ведает царь, а образ смелого мужа
Страшен, как образ могучего льва». С таким убеждением,
Скромно потупив глаза и лапки на грудь положивши,
Он поклонился царю Квакуцу. А царь, благосклонно...

Ст. 169. *Наших героев таскали за хвост и в воду бросали...* — В черновом автографе читаем: «Наших героев таскали за хвостик и об угол били...»

Ст. 203—204. *Начал устатое рыльце себе умывать. Облилося // Радостью сердце моё...* — Вариант чернового автографа:

Начал умильное рыльце себе умывать: засмеялось
Сердце во мне...

Ст. 234. *Слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами...* — После этого стиха в черновом автографе было такое продолжение:

Видели это своими глазами. Встревожились все мы;
Все подполье, запрыгав, вскружилось: бегали, прыгали, пели,
Все обнимались друг с другом, а сам мой Онуфрий премудрый
Так напляс, что под мышку его две мыши водили...

Ст. 243—244. *Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое прозвание // Дали ему за то...* — За этим первоначально следовало (при переработке поэт зачеркнул этот фрагмент):

За то, что, читая стихи нараспев, громогласно
Бил он хвостом. Он здесь со мной, не угодно ль
Выслушать? Сам он прочтет описание обряда, которым
Так некстати хотели почтить мы Фадея Мурлыку».

Вышел по данному знаку поэт, Квакуну поклонился,
 Стал на задние лапки, мордочку поднял, погладил
 Пузо и то, что следует, начал читать, избоченясь,
 (Хвост же, как маятник, начал болтаться и вираво и влево):
 «Кот астраханский, житель казанский, породы сибирской,
 Рост богатырский, сизая шкурка, усы, как у турка,
 Жил исправно, разбойничал славно, умер недавно.
 [Первоначально было:
 Жил исправно, казнил забавно, разбойничал славно;
 Плел он лапти, носил сапоги...]
 Был он бешен, на краже помешан, за то и повешен,
 Радуйся, наше подполье! Мышам, мышенятам раздолье!
 Кот окаянный [Фадей] Мурлыка не вяжет более лыка,
 Мыши, соберитесь, Фадею коту поклонитесь,
 В знак любви и почтения свершите коту погребенье;
 В царские сапоги под другом мышью запряжены цугом,
 Царь за санями Иринарий следует с постною харей,
 Вслед за царем и царица, плакать без слез [без слез голосить] мастерица,
 Крыса премудрый Онуфрий тащит Мурлыкины туфли,
 Певчий крыса Антошка хнычет, [гогочет] мяуча как кошка.
 [Затем начато исправление: переставлены два последних стиха].

Ст. 282. Жил Мурлыка, был Мурлыка кот сибирский... — В публикации журнала «Европеец» и в С 4 был другой вариант этого стиха: «Кот Астраханский, житель Казанский, породы Сибирской...»

С. Березкина

Спящая царевна

Сказка

(«Жил-был добрый царь Матвей...»)

(С. 87)

Автограф (РНБ. Ф. 588 (М. П. Погодин). Оп. 3. №. 236. Л. 1—7) — черновой, с заглавием: «Сказка о спящей царевне». На л. 1 дата: «26 августа», на л. 7 — «12 сентября».

Копия (РГАЛИ. Оп. 1. № 24) — авторизованная, заглавие то же.

Впервые: Европеец. 1832. Январь. № 1. С. 24—37 — с заглавием: «Сказка о спящей царевне» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 (Т. 5. С. 265—280) — с заглавием: «Спящая царевна» и подзаголовком: «Сказка», в подборке произведений 1831 г.

Датируется: 26 августа — 12 сентября 1831 г. на основании указаний в черновом автографе.

«Спящая царевна» написана Жуковским в Царском Селе (о царскосельском «поэтическом турнире» двух авторов литературных сказок — Пушкина и Жуковского — см. выше в комментарии к «Сказке о царе Берендее»). 3 сентября 1831 г.

Пушкин писал П. А. Вяземскому о необыкновенном творческом подъеме, переживаемом в это время Жуковским: «Ж(уковский) все еще пишет, завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкой день не прочтет мне чего нового» (Пушкин. Т. 15. С. 220). В письме к Пушкину от 24 августа 1831 г. Вяземский особо отметил «благоприятное письменное наитие» царскосельских «затворников» (Там же. С. 214).

Источником «Спящей царевны» является немецкая сказка «Dornröschen» («Шиповничек») из сборника братьев Гримм Якоба (1785—1863) и Вильгельма (1786—1859) «Kinder- und Hausmärchen» («Детские и семейные сказки»). Текст «Dornröschen» записывался ими, а затем и обрабатывался с учетом сказки Шарля Перро (1628—1703) «Красавица, спящая в лесу» («La belle au bois dormant») из сборника «Истории, или Сказки былых времен с моральными наставлениями» («Сказки Матушки Гусыни»; 1697), народнопоэтические корни которой не вызывали сомнения у немецких собирателей. Сказка «Шиповничек» утвердилась на немецкой почве благодаря знаменитой французской сказке (см. об этом: *Гримм Я., Гримм В.* Сказки. Эленбергская рукопись 1810 [г.] с комментариями / Пер., вст. статья и коммент. А. Науменко. М.: Книга, 1988. С. 299—306). В свою очередь и произведение Перро, как считают современные исследователи, не имело корней в устной французской традиции конца XVII в. (см. об этом: *Гайдукова А. Ю.* Сказки Шарля Перро: Традиции и новаторство. СПб., 1997. С. 43—44).

Жуковский не мог не ощутить однородность сказочных сюжетов у Перро и братьев Гримм. Однако он остался холоден к стилистике Перро с его склонностью к морализму и салонной галантности. Многие из характернейших ответвлений сюжета «Спящей красавицы» никак не отразились в произведении Жуковского (уловка последней феи, спрятавшейся от колдуньи; веретено, переданное девушке именно ею, уход короля и королевы из очарованного замка, свекровь-людоедка и пр.). Жуковского увлекла цельность и простота именно немецкого текста, которому братья Гримм придали весьма ценный в эпоху романтизма статус подлинной народной сказки. Особую роль в формировании Жуковского как автора литературных сказок сыграли «Kinder- und Hausmärchen», изданные в Германии в 1812—1815 гг. (второй том вышел фактически в конце 1814 г.). Знакомство поэта с этим собранием состоялось, по-видимому, в 1815—1817 гг. К этому времени относится первое упоминание сказок братьев Гримм в планах Жуковского — «Бедный и богатый» и «Рауль синяя борода» (под заголовком «Рауль»; сказка «Синяя борода», впоследствии исключенная из гриммовского собрания, была напечатана в его первом томе, вышедшем в 1812 г.) (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 7). Имя, данное поэтом герою «Синей бороды», связано с впечатлениями от оперы французского композитора А.-Э.-М. Гретри (1741—1813) «Рауль Синяя борода», поставленной в Петербурге в 1815 г. (*Елеонская Е.* Жуковский — переводчик сказок // *Русский филологический вестник.* 1913. Т. LXX. № 3. С. 164—165).

В 1826 г. в № 2 журнала «Детский собеседник» были напечатаны четыре сказки из сборника братьев Гримм в переводе Жуковского: «Колючая Роза» (это перевод сказки «Шиповничек»; в заголовке Жуковского отразилось знакомство со сказкой французского писателя А. Гамильтона (1646—1720) «История о колючем цветке». Следует отметить, что заголовок сказки бр. Гримм имеет несколько вариантов русского перевода), «Братец и сестрица», «Милый Роланд и девица ясный цвет», «Красная шапочка». К ним примыкает пятая сказка Жуковского — «Рауль, синяя борода»,

которая представляет собой пересказ известного сюжета, сделанный с учетом сказок Ш. Перро (в первую очередь) и братьев Grimm; при этом знакомство со «свежим» в литературном отношении немецким вариантом, несомненно, способствовало зарождению у Жуковского творческого интереса к сказке о спящей красавице (Там же. С. 163—164). 26 декабря 1826 г. Жуковский писал Вяземскому по поводу этой публикации: «Греч [Редактор «Детского собеседника»] напечатал мои сказки. Вот их история. Они давно, давно были у меня переведены (<...> Я их отдал, потому что почитал их не заслуживающими никакого внимания (<...> с тем, чтобы не было моего имени; Греч дал слово не печатать его и напечатал» (СС I. Т. 4. С. 591). Вероятнее всего, что переводы создавались Жуковским как своего рода заготовки для дальнейшей творческой работы. Две из переведенных им сказок Жуковский использовал в 1831 г. (в «Сказке о царе Берендее» и «Спящей царевне»); три других неоднократно упоминались им в планах и 1831, и 1832—1833, и 1845 гг. (РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1; № 37. Верхняя обложка; № 53. Верхняя обложка. Л. 1). В перечне, по-видимому, конца 1831 г. (№ 35. Л. 1) две сказки из трех вычеркнуты как уже обработанные поэтом («Милый Роланд» и «Колочая Роза»); осталась одна — «Рауль, синяя борода», сюжет которой интересовал поэта на протяжении всей его творческой жизни.

Возможно, что Жуковский был первым, кто осознал необходимость перевода на русский язык собрания братьев Grimm, этого выдающегося памятника европейской фольклористики (отметим, что в России его полный перевод вышел только в 1860-х гг.). Сборник братьев Grimm оставил заметный след в истории литературной сказки, перекрыв своим влиянием широко популярные в конце XVIII — начале XIX века жанровые модификации (французская и восточная сказки, фантастическая сказочная повесть, романтические обработки народных сказаний и т. п.). Гриммовская сказка предлагала высоко художественный образец обработки фольклорного сказочного сюжета. Ряд текстов немецкого сборника, особенно в первом издании, с предельной наглядностью демонстрировал возможности творчества в народном стиле на «заимствованном» материале, и сказка «Шиповничек» являла собой один из самых ярких примеров такого рода. По сравнению с русским фольклорным образцом сказка братьев Grimm была для Жуковского в равной степени значимым и, возможно, более понятным источником. Это отличало работу Жуковского в жанре литературной сказки от работы Пушкина, который умел ценить русский фольклор в самом неприхотливом, «непричесанном» виде.

«Спящая царевна» была начата Жуковским за несколько дней до того, как Пушкин закончил «Сказку о царе Салтане» (это произошло 29 августа 1831 г.). Жуковский, несомненно, был хорошо знаком с ней, и опыт «сказочника» Пушкина повлиял на его работу над «Спящей царевной». В одном из черновых фрагментов Жуковского это сказалось слишком явно: «Почесть стража отдает» и «Отдает им стража честь» (РНБ. Ф. 588. № 236. Л. 6 об., 7). Близость этих вариантов к пушкинскому: «Отдает ей войско честь» (речь идет о чудесной белке) заставила Жуковского сделать весьма далекую от первоначального текста замену: «Стражи ружьями стучат...». По-видимому, с достижениями Пушкина следует связать отказ «сказочника» Жуковского от гекзаметра, привычного для него размера произведений в «простонародном» стиле.

«Спящая царевна» написана четырехстопным хореем с мужскими парными рифмами (за исключением последнего двустопия, заканчивающегося женской рифмой). Этот размер почти тождественен стиху сказок Пушкина «О царе Салтане», «О мерт-

вой царевне», «О золотом петушке» (в них, однако, мужские парные рифмы чередуются с женскими). Четырехстопный хорей реформировал структуру сказки Жуковского, придав ей ббльшую, по сравнению с «Царем Берендеем», ритмичность.

Изменения коснулись и описательной стороны новой сказки Жуковского. Пример Пушкина, давшего высокий образец экономного использования чисто литературных приемов в сказке, ориентированной на динамичную фольклорную систему, побудил Жуковского уделить особое внимание статичным фрагментам текста, которые он старался несколько сократить (см. построчный комментарий). Трансформации были подвергнуты и некоторые сугубо фольклорные приемы построения сказки. Так, в трехкратные повторы авторами царскосельских сказок вводились психологические мотивации, разнообразившие эти монотонные по своей природе сюжетные звенья. В «Спящей царевне» трижды описывается очарованный дворец, при этом каждое из описаний строится с учетом перемены перспективы (от царевны к периферии дворца и наоборот), что делает почти незаметной фольклорную природу композиционных повторов.

Царскосельский «поэтический турнир» оставил след в творчестве обоих поэтов. Видимо, благодаря Жуковскому у Пушкина возник интерес к собранию сказок братьев Гримм (из него поэт почерпнул материал для своей «Сказки о золотой рыбке»). Элемент художественной полемики с Жуковским содержало обращение Пушкина в 1833 г. к работе над «Сказкой о мертвой царевне». Ср. названия сказок — «О спящей царевне» (Жуковский изменил заголовок сказки лишь в последнем издании своих стихотворений, стремясь, по-видимому, уйти от сопоставления «Спящей царевны» с произведением Пушкина) и «О мертвой царевне и о семи богатырях». Пушкин тонко ощутил специфику сказочного сюжета: для фольклора, причем не только славянского, сказка о спящей царевне не характерна — героиня народной сказки может быть только мертвой; она оживает, а не просыпается (см., например: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179). В фольклорной записи Пушкина, которая была одним из источников «Сказки о мертвой царевне», сказано, что «царевич влюбляется в ее труп» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. С. 413). Таким образом, автор «Спящей царевны» оказался перед лицом наитруднейшей задачи — обработать в русском народном духе сюжет с чуждым русскому фольклору основным мотивом. Это привело к тому, что в сказке, с момента появления в ней «спасителя» — царевича, начали явственно проступать черты балладной поэтики, усвоенные Жуковским в процессе работы над европейскими источниками (сказочный царевич напоминает Вадима из «Двенадцати спящих дев», 1810—1817). Попытка синтеза двух систем — немецкой сказки и русской сказочной стилистики — закончилась на данном этапе весьма хрупким их соединением в художественной структуре одного произведения. Тем не менее, сам замысел «Спящей царевны» отразил характернейшую особенность работы двух царскосельских «сказочников», стремившихся к расширению возможностей жанра стихотворной сказки в русском фольклорном стиле.

Ст. 1. *Жил-был добрый царь Матвей...* — Начало сказки в черновом автографе:

Жил-был добрый царь Фадей;
Жил с царицею своей

Он в согласье много лет;
Одного им счастья нет:
Не дает Господь детей
В утешенье (вар.: в уладу) старых дней...

Ст. 9. *Вдруг, глядит, ползет к ней рак...* — Возможно, что этот персонаж заимствован Жуковским из сказки французской писательницы баронессы д'Онуа (ок. 1650—1705) «Лесная лань», где именно рак вселяет в бездетных родителей надежду на скорое рождение у них ребенка.

Ст. 88. *И царица оживает...* — В С 5, вероятно, опечатка: вместо «царица» — «царица».

Ст. 163. *Повар спит перед огнем...* — В черновом автографе далее следовало:

Повариха с петухом
Неошпианным сидит
И, глаза открывши, спит...

Ст. 168. *Свившись клубом, сонный дым...* — После этого стиха было начато описание погруженной в волшебный сон столицы:

И с заснувшим спит дворцом
Вся столица (вар.: вся округа) мертвым сном:
Спит на улицах народ,
Тот сидит, дру(гой) встает)...

Ст. 280. *И, упасть готовый, спит...* — После этого стиха было продолжено описание многолюдного очарованного дворца:

Словом, полон двор людей:
Тот в окне, тот у дверей,
Тот пешком, тот на коне,
Тот в тоске, тот в (прзб.).

Ст. 303. *Вся душа его кипит...* — Далее следовало:

На полу царица спит.
Как дитя лежит она; [Первоначально было: «Он как вкопанный стоит»]
Разгорелась от сна
Младость в чистоте ланит,
Меж ресницами блестит
Луч сомкнувшихся очей;
Ночи темная темней,
Заметенные косой
Кудри черной полосой
Обвились вокруг чела;
Грудь как свежий снег бела,
Под прозрачной кисеей
Тихой зыблется волной;
На воздушный легкий стан

Брошен тонкий сарафан,
И обвил его кругом
Пояс гибким жемчугом;
Рот с улыбкой отворен,
Тихо, сладко дышит он,
И уста как жар горят;
Целомудренно лежат
Руки, сжавшись, на груди,
И в сафьянных сапожках,
Обложенных бахромой,
Прислонив одна к другой,
Ножки, чудо красоты,
Легким платьем обвиты.
Отуманен, распален...

С. Березкина

Суд в подземелье

Повесть

(Отрывок)

(«Уж день прохладно вечерел...»)

(С. 97)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 26. Л. 86 — черновой, отрывок XIII строфы (432—462 стихи) с датой: «Октября 11», на обрывке листа с отсутствующими начальными словами каждого стиха.

2) РНБ. Оп. 2. № 28. Л. 1—2 с оборотами — черновой (ст. 463 по 554), с датой в конце рукописи: «Октября 19» (первоначальное: «сентября» — зачеркнуто). Текст разделен на строфы: XV, XVI, XVII. На Л. 1 перед строфой XV план: «Одежда. Черный покров, на платье кровь, лампада и кинжал. Снимает покров. Клара» (Напечатано: Стихотворения. Т. 2. С. 470). На Л. 1 перед строфой XVI: «Келья. Всенощная. На дороге ждала. Возвращение».

Копия (РНБ. Оп. 2. № 191. Л. 1, 1 об., 2) — авторизованная, (ст. 1—554) с заглавием «Монастырь».

Впервые: БдЧ. 1834. Т. 3. Ч. 1. № 4. С. 1—19, с заглавием: «Суд в подземелье», с подзаголовком: «Последняя глава неоконченной повести», с подписью в конце текста: «В. Жуковский. Верне, на берегу Женевского озера. 1832». К заглавию сделано следующее примечание: «Первая глава еще не написана; сия же последняя заимствована из Вальтер-Скоттова Мармиона».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 (Т. 4. С. 213—238) в подборке произведений 1829 г. — с заглавием: «Суд в подземелье. Повесть. (Отрывок)», в оглавлении с дополнением: «Подражание Вальтер-Скотту».

Датируется: середина октября 1831 — конец (после 15 (27) ноября) 1832 г.

«Суд в подземелье» — перевод I — XIX, XXXII и XXXIII и вольное переложение остальных строф второй песни под названием «Монастырь» («The Convent») из поэмы В. Скотта «Мармион, повесть о битве при Флоддене» («Marmion; a tale of Floddenfield»; 1808).

Самое раннее упоминание поэмы «Мармион» в бумагах Жуковского относится к 1814 году. В Материалах для поэмы «Владимир» раздел «Поэты» открывается именем «Walter Scott», а в рубрике «Планы. Замечания, выписки из поэтов» упоминаются имена героев и сюжеты поэмы В. Скотта, в том числе и «Мармион»: «Мармион едет в замок. Ужин в замке» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 23). Заглавия «Мармион» и «Монастырь» содержатся в списке английских авторов и произведений, вероятно, предназначенных для перевода в 1832 г.: на первой странице тетради в зеленом сафьянном переплете есть дата: «1832» (РНБ. Оп. 1. № 37; Ср.: Бумаги Жуковского. С. 103—105).

Работа над переводом поэмы В. Скотта «Мармион» была начата в октябре 1831 г., когда Жуковский вместе с двором жил в Царском Селе, где в это же время снимал дачу А. С. Пушкин. В письме к П. А. Вяземскому от середины (около 15) октября 1831 г. Пушкин сообщал оттуда: «Ж. (уковский) написал пропасть хорошего и до сих пор все еще продолжает. Переводит одну песнь из “Magmion”, славно (...)» (Пушкин. Т. 14. С. 233). Вероятно, сохранившиеся черновые автографы ст. 432—554 на одинаковой бумаге с датами: 11 и 19 октября (обычно во время зарубежных путешествий Жуковский указывал двойную дату по старому и новому стилю) отражают этапы этой работы. Показательно, что автограф № 2 находится в той части рукописей поэта, которую Ц. Вольпе называл «собрание Жуковского — Плетнева, 1901/107» (Стихотворения. Т. 2. С. 469). В настоящее время это собрание вошло в личный фонд Жуковского в РНБ (Ф. 286. Оп. 2). Все это позволяет предположить, что перед отъездом за границу в июне 1832 г. Жуковский отдал Плетневу черновую рукопись ст. 1—554 для переписывания. Как явствует из письма П. А. Плетнева к Жуковскому от 17 февраля 1833 г., он «вложил в экземпляр отправленного через С. А. Юрьевича сборник «Новоселье» «список начала вашего перевода “Монастыря”» (Переписка. Т. 3. С. 527—528). Авторизованная копия перевода содержит правку Жуковского карандашом и черными чернилами; он же вписал ст. 541 на оставленном в тексте пропуске (вероятно, по причине не разобранного переписчиком почерка Жуковского), уточнил разбивку строф, зачеркнул последний стих: «Там приготовлены», заменив его впоследствии другим вариантом: «Уже готовы в гробе том». Окончание перевода (ст. 555—610), как это явствует из примечания в тексте первой публикации: «Верне, на берегу Женевского озера. 1832», было сделано в период с 15 (27) ноября, когда Жуковский переехал из Веве в Верне (См.: Дневники // ПСС. Т. 13. С. 339), до конца 1832 г. Получив писарскую копию от Плетнева, Жуковский добавил к ней недостающие 56 стихов, озаглавил перевод: «Суд в подземелье», сопроводил примечаниями, особо подчеркнув место и время окончания работы, и в таком уже виде передал для публикации в БдЧ.

Таким образом, работу Жуковского над переводом «Суда в подземелье» можно предположительно датировать октябрем 1831 — концом (после 15 (27) ноября) 1832 г.

Комментаторы справедливо говорят о том, что Жуковский в сюжетном отношении создал свое «оригинальное» произведение (см., например: Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 2000. С. 346. Примеч. К. Атаровой).

В библиотеке Жуковского находятся два издания «Мармиона» с пометами поэта, относящиеся, скорее всего, к завершающему этапу работы. В первом томе «Oeuvres de Walter Scott, traduction de M. Defaunconpret. T. 1—30. Paris. 1830—1831» (Описание. № 2101; имеются Т. 1—10, 13, 16—21, 23—30) французского прозаического перевода Жуковский отчеркнул карандашом вертикальной чертой вдоль полей во

второй песне поэмы XXIII—XXV, XXXII—XXXIII строфы. В 6-м томе «The Poetical Works of Sir Walter Scott. T. I—II. Edinburgh, 1830» (Описание № 2764) поэт подобным же образом выделил XXIII—XXVI, XXXII—XXXIII строфы. Перевод делался по английскому изданию: горизонтальными черточками карандашом в отмеченных строфах Жуковский разделял текст на 5-стишия; разметка сделана и в XXVII строфе поэмы В. Скотта, но затем следы разметки уничтожены зачеркиванием. Выделенные строфы являются кульминаций трагических событий во второй песне В. Скотта: описание каменного гроба, в который живой будет замурована Констанция (XXIII), характеристика бессердечных палачей (XXIV), ужас самого заточения и отзвуки гибели девушки в растревоженном мире живых (XXXII—XXXIII).

Следуя за В. Скоттом в создании синтеза драматического сюжета (любовь, измена, месть, наказание) с эпически широкой картиной жизни, Жуковский пишет тем не менее самостоятельную повесть в стихах, делая центром эпического события неправедный суд в подземелье монастыря. Жуковский по-новому компоует произведение. У В. Скотта вторая песня состоит из 33 строф, у Жуковского — их 16. В переводе произведена перегруппировка нескольких строф: в одну соединены III и IV (описание игуменьи), IX и X (картина Кутбертова монастыря), XIX и XX (описание судей и их жертвы). Жуковский «стягивает» в одно целое противоположные по эмоциональной окраске части, создавая на уровне новой строфы драматический узел: игуменья навеки затворила свою жизнь в безмолвии монастыря, хотя от природы была добра и любила юных, веселых монахинь.

Различен объем произведений: вторая песня «Мармиона» без вступления к песне, которое Жуковский не переводил, состоит из 634 стихов; «Суд в подземелье» включает 610. Для перевода Жуковский использует размер, найденный им в «Шильонском узнике» — 4-стопный ямб с мужскими окончаниями, тогда как у В. Скотта чередование 4-стопного и 3-стопного ямба с мужскими окончаниями и перекрестной рифмой.

Написание «Суда в подземелье» окружено молчанием и тайной, которую тщательно охранял Жуковский: ни в дневниках, ни в известных письмах нет ни единого упоминания о повести. За этой завесой тайны несомненно скрывалась память о печальном опыте общения поэта с цензурой по поводу «Иванова вечера», — перевода баллады В. Скотта. Но главная причина заключалась в понимании Жуковским серьезности и остроты поставленной им проблемы — свободы и рабства человека в современном мире. Для постановки такой проблемы многое сошлось в жизни Жуковского в период осени — зимы 1832—1833 гг.: в феврале 1832 г. был закрыт «Европеец» И. В. Киреевского, за этим последовало письмо Жуковского к Николаю I, глубокая размолвка с царем и отъезд поэта на лечение в Эмс, потом в Швейцарию. Тягостные раздумья вызывала судьба декабристов, многие из которых томилась в сибирской каторге. Среди лиц, посещавших Жуковского в Швейцарии осенью 1832 г., неоднократно упоминаются Михаил Габбе и Карл Бок, каждый из которых пережил драму политического гонения и заточения в тюрьму или сумасшедший дом близкого человека — речь могла идти о судьбе Петра Габбе и Тимофея Бока — участников войны 1812 года, людей свободомыслящих, близких кругу декабристов, братьев Тургеневых и П. А. Вяземского (об этом см.: *Рогинский А. П.* А. Габбе. Биографический очерк // Русская филология. Тарту. 1967. Вып. 2. С. 83 — 110; *Салупере М. Г.* К биографии «Императорского безумца». Т. Э. Фон Бок (1787—1836) в романе Л. Кросса и новонайденных архивных материалах // Проблемы метода и

жанра. Томск. 1979. Вып. 19. С. 61—83). Во время встреч шли политические разговоры о Польше, чтение и обсуждение книги Карла Адольфа Менцеля «Geschichte unserer Zeit seit dem Tode Friedrichs des Zweiten» (Описание. № 1634), на полях которой Жуковский подчеркнул рассуждения об европейских революциях и событиях 1825 года в России (см.: БЖ. Т. 2. С. 428—429). По замечанию Ю. М. Лотмана, «в поэме Жуковского „Суд в подземелье“ читатели 1830-х годов вычитывали не судьбу монахини, а нечто иное, применяя на себя ситуацию „Суда в подземелье“» (Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин., 1992. Т. 1. С. 317).

Мучительное чувство глубокого общественного неблагополучия рождали у Жуковского наблюдения и над современной Европой. «Теперешнюю усталость» при виде Франции, в которой поэт отмечает «отсутствие всего Божественного, этот материализм, это затмение всего высокого и святого в душе человеческой арифметическими расчетами интереса», он называет «миром могилы», «гниль и прахом», «мертвым состоянием» (ПЖТ. С. 276). Очевидная близость лексики письма и образования ряда в повести «Суд в подземелье» основана на едином для писем и произведения пафосе неприятия насилия и бездуховности.

В интересе Жуковского к поэме В. Скотта важную роль сыграла поэзия Байрона, к которому вновь, оказавшись на берегу Женевского озера, обратился Жуковский. В дневнике и в письме к И. И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 года из Верне поэт сообщает о путешествиях в Шильон, где все напоминает о Байроне и о переводе «Шильонского узника»: «В Шильоне, на Бониваровом столбе, вырезано его имя, а в Кларане у самой дороги находится крестьянский дом, в котором Байрон провел несколько дней и из которого он ездил в Шильон» (СС 1. Т. 4. С. 599). В дневнике 27 (9) октября 1832 года Жуковский записывает: «(...) поездка в Монтре и в Шильон. Байронова надпись Две тюрьмы» (ПСС 2. Т. 13. С. 336). Тема узничества, каменного заточения связала сюжеты двух повестей — «Шильонского узника» и «Суда в подземелье». Пометы Жуковского на страницах III и IV песен «Паломничества Чайльд Гарольда», которое поэт читал зимой 1832—1833 гг. (БЖ. Ч. 2. С. 418—449), показывают, что созданию «горной философии», питавшей творческую энергию при переводе «Мармiona», способствовало не только чтение Менцеля и впечатления от природы (ПСС. Т. 12. С. 26), но и в огромной степени поэзия Байрона. Отмеченные в III песне поэмы Байрона 85—93 строфы посвящены описанию места, где жил тогда Жуковский: Леман, Альпы, Юра, Рона. Природные явления, возведенные Байроном в символические образы бытия человечества, волнуют Жуковского в его рассуждении о «горной философии»; подобно Байрону, он строит ее на резком противопоставлении свободы и неволи.

Связь «Суда в подземелье» с «Шильонским узником» проявилась и в характере описания тюрьмы и судей. Близость байроновского и вальтер-скоттовского изображения каменной темницы достигается за счет использования сходных художественных деталей. Так, стихи В. Скотта: «The mildew-drops fell one by one, With tinkling splash upon the stone. A cresset, in an iron chain, Which served to light this drear domain, With damp and darkness seemed to strive, As if scarce might keep alive; And yet it dimly» (Заплесневелые капли падали одна за другой с звенящим всплеском о камень. Факел на железной цепи, который служил освещением этого мрачного владения, казалось, боролся с сыростью и темнотой; он едва ли мог поддерживать живое, но еще тускло светил) Жуковский переводит с подробностями, которые прямо корреспондируют с его «Шильонским узником»: « (...) от мокроты / Скопляясь, капли

с высоты / На камень падали; их звук / *Однообразно-тих, как стук / Ночного маятника* был; / *И бледно, трепетно* свегил, / *Пуская дым, борясь со мглой,* / Огонь в лампаде гробовой, / *Висевшей тяжко на цепях;* / *И тускло на сырых стенах,* / *Покрытых плеснью, как корой,* / *Свет, поглощенный темнотой,* / *Туманным отблеском лежал*». Образ жестокосердной приорши Тильмутского монастыря строится у Жуковского на резкой антитезе, восходящей к «Шильонскому узнику»: У В. Скотта: «*You shrouded figure, as I guess, By her proud mien and flowing dress, Is Tynemouth's haughty Prioress, And she with awe looks pale*» (Вон та окутанная фигура, как я догадался, из-за ее гордой манеры, гладкого платья, была надменная настоятельница Тинемоута, она из-за благоговейного страха выглядела бледной). В переводе Жуковского образ получил дополнительное освещение: «С ней рядом, *как мертвец* бледна, / *С суровой строгостью* в чертах (...) Приорша гордая была; / *И ряса черная, как мгла,* / *Лежала на ее плечах;* / *И жизни не было в очах,* / *Червивших мутно, без лучей,* / *Из-под седых ее бровей*». Лапидарностью и афористичностью, свойственными слогу Байрона и Жуковского в «Шильонском узнике», отмечен и перевод «Мармиона».

Направление работы над переводом определялось стремлением поэта выразить свое понимание ценности личности и раскрыть драматизм ее положения в современном обществе. Этим продиктован выбор жанра стихотворной повести в отличие от лироэпической поэмы В. Скотта. Характерно, что как на начальном этапе работы (судя по пометам при чтении «Мармиона» и выборе для перевода одной песни из шести), так и в процессе перевода Жуковский исключил пять строф текста из второй песни В. Скотта: с XXVII по XXXI. В этих строфах передан рассказ героини поэмы Констанции Беверли (переименованной Жуковским в Матильду) о бесчестном поступке Мармиона, ложно обвинившем рыцаря де Вильтона в политической измене королю с тем, чтобы жениться на невесте рыцаря, богатой Кларе де Клер. Констанция признается в нарушении ею религиозного обета и в преступном замысле отомстить с помощью сообщника Мармиону за его неверность. Отказавшись от изображения сложной коллизии, включавшей в свою орбиту многих героев, Жуковский выдвинул на первый план трагическую судьбу человека перед лицом бездушных судей и обстоятельств, что было акцентировано и в переименовании повести, получившей при публикации название «Суд в подземелье».

Судя по автографу № 2 и копии (см. построчный комментарий), Жуковский целенаправленно оттенял красоту и трагизм положения героини как противостояние жизни и смерти. Это проявилось в портретной характеристике. У В. Скотта «мертвенно-бледное лицо» Констанции обрамляли «светлые локоны, прекрасные и сверкающие» («*those bright ringlets glistening fair*») — у Жуковского: «И бледность мертвая лица / *Была видней, была страшней / От черноты ее кудрей,* / *Двойною пышною волной / Обвивших лик ее молодой*». Жуковский изменяет и характер своей героини в сравнении с Констанцией. В. Скотт подчеркивал ее твердость, независимость. Жуковский же оттеняет в Матильде трогательную хрупкость, молодость, незащищенность перед судьями. Особенно показательны черновые варианты: «*томный свет в очах*», «*бледность юного лица*», «*безгласна и бледна*».

Усилению драматизма в духовном облике Матильды способствовала XIV строфа, написанная Жуковским как бы по мотивам исключенных им пяти строф В. Скотта (XXVII—XXXI), но обладающая совершенно новой, балладной структурой. Это тем более значимо, что «Суд в подземелье» создается в атмосфере балладного взрыва в творчестве Жуковского 1831—1833 гг. На малом пространстве текста (48 сти-

хов) сконцентрированы характерные для баллады Жуковского мотивы тайны, тревоги, рокового предопределения, неотвратимости наказания, раскрытию которых служат хронотоп ночи (в автографе № 2 «всенощной») с тишиной, туманом, луной, далеким звуком, музыкальность ритма и стиля, эмоциональная напряженность синтаксиса, многочисленные повторы контрастов, перебивка света и мрака, шума и тишины, а также сквозная анафора, закрепляющая трагический аккорд строфы последними семью стихами. Жуковский окружил героиню балладным ореолом тайны, тем самым снял с нее вину и облагородил ее личность. В лироэпической структуре XIV строфы образ Матильды оказывается соотнесенным с балладными героинями Жуковского (Людмилой, Ленорой, молодой узницей из баллады «Узник»), и драма ее приобретает высокий общечеловеческий смысл.

Трагическая напряженность истории Матильды, внутренняя драматизация повествования сочетаются в переводе с тенденцией широкого воспроизведения жизни, что соответствовало эпической природе поэмы В. Скотта и художественным исканиям самого Жуковского. Установка на эпичность, связанная у Жуковского, как и В. Скотта, с представлением о высоком предназначении человеческой личности, о связях ее с историей, проявилась в нескольких моментах. Вслед за В. Скоттом Жуковский сохранил и даже усилил живописную полноту в изображении картин природы, облика юных монахинь, в передаче рассказанных ими легенд. Но эпичность повести Жуковского своеобразна. Для В. Скотта первоначален пафос истории, тогда как у Жуковского на первом плане судьба человеческой личности. При переводе поэт сократил число географических названий Шотландии, являющихся у В. Скотта способом создания исторической панорамы, но сохранил сюжет и маршрут путешествия по морю из Витби в Кутбертов монастырь. Историческая картина заменяется живописным описанием залива в вечеряющих лучах солнца. Нарисованный пейзаж несет на себе печать чтения поэтом другой поэмы В. Скотта — «Дева озера» (об этом см.: БЖ. Т. 3. С. 350), с характерной для Жуковского цветовой палитрой («золото цветущих нив», «зеленеющий залив», «храм, блестящий яркой белизной»), эмоционально-насыщенной лексикой («сиянье», «блестящий», «увенчанный», «вознес»), разнообразием ритмического рисунка — мягкостью и плавностью открытых слогов начала строк и чеканным ходом закрытых окончаний.

Стремясь вслед за В. Скоттом к воссозданию исторического колорита в реальности и полноте, Жуковский дополняет описания деталями мирного быта («большой узорчатый ковер», «резной высокий стул на нем с подушкой бархатной»).

Своеобразие художественной манеры Жуковского в сравнении с В. Скоттом проявилось в характере отношения к фольклорному материалу. Жуковский в переводе сохранил все введенные во вторую песнь «Мармиона» легенды о чудесах и святых, рассказываемые юными монахинями: о святом Кутберте, о саксонской принцессе и другие. Для создания эффекта исторической и фольклорной достоверности Жуковский активно русифицирует текст, вводит архаическую, церковную и разговорную лексику (типа: «ладья», «творят поклоны», «княжна», «чернец», «боле», «брег», «трапезница» и др.). Вместе с тем легенды у Жуковского получают лирико-эмоциональную обработку, сообщающую им дополнительный психологический и философский смысл. Так, легенда о пролетающих над Витби птицах, оказывающих почтение святой своим трепетаньем и гибелью, становится у Жуковского психологическим предварением драмы героини. В переводе «морские птицы», «гуси» (sea-fowls) заменяются «журавлями» (святыми птицами из «Ивиковых журавлей»),

а описание их мучительной смерти («Журавль застонет, закричит, / Перевернется, упадет, / И чудной смертью отдает / Угоднице блаженной честь»), как эхо, повторится в сцене заочения Матильды («Трепещет, борется, кричит»; «И глухо жалкий, томный крик / Из глубины их провожал»).

Жуковский сохранил композиционные рамки второй песни «Мармиона», начинавшейся с описания вечера и заканчивавшейся изображением спустившихся на землю ночи и покоя, нарушаемого лишь тревожными ударами колокола. Но картину засыпающего после разыгравшейся трагедии мира поэт довел до абсолютной точки покоя и тишины. Закрывающие вторую песню стихи — описание оленя, слушающего звон колокола: «And quaked among the mountain fern, / To hear that sound so dull and stern» (И задрожал посреди горного папоротника, слушал этот звук, такой неясный и суровый) Жуковский перевел, а далее продолжил: «И снова лег...и снова там / Все, что смутил минутный звон, / В глубокий погрузилось сон».

Таким образом, опираясь на лироэпическую основу поэмы В. Скотта, Жуковский создал оригинальную стихотворную повесть, отмеченную глубиной философского понимания судьбы человека и созвучную общественным и эстетическим исканиям русской литературы 1830-х гг.

Кроме отзыва А. С. Пушкина о начатом Жуковским переводе из «Мармиона» известна высокая оценка, данная В. Г. Белинским. Во второй статье о Пушкине критик, сравнивая повести «Пери и Ангел» и «Суд в подземелье», пишет: «Несравненно выше, по существу перевода, почти никем не замеченная поэма “Суд в подземелье”. Мрачное содержание этой поэмы взято из мрачной жизни невежественных и дико фанатических средних веков. Молодую монахиню, увлеченную страстию сердца, осуждают быть заживо схороненною в подземном склепе...» (Белинский. Т. 7. С. 210). И далее Белинский цитирует отрывок из повести — стихи 423—478, 527—610. Характерно, что, приводя текст повести, Белинский выпустил XIV строфу (479—526 стихи) — оригинальное создание, а не перевод из В. Скотта.

Обращение Жуковского к переводу поэмы Вальтера Скотта не было первым в России. В 1828 г. она была переведена полностью прозой: «Мармион, или Битва при Флодден-Филде. Сочинение Сира Вальтера Скотта. Перевод с французского, в двух частях. М., 1829». Известен также стихотворный перевод фрагмента поэмы, сделанный И. И. Козловым: «Беверлей. Шотландская баллада из Вальтера Скотта. Вольное подражание» (1833). Знаменателен факт обращения А. С. Пушкина к поэзии В. Скотта в 1830-е годы. Фрагмент «Шумит кустарник... На утес // Олень веселый выбегает...», датированный предположительно 12 марта — 23 апреля 1830 г., соотносится исследователями на основании статьи Д. П. Якубовича с поэмой В. Скотта «Дева озера». (См.: Якубович Д. П. Из заметок о Пушкине и Вальтер-Скотте. I. К пушкинскому наброску «Шумит кустарник...» // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 122—140).

Ст. 10. *Из Витби инокиль несла...* — Витби (Whitby) — женский монастырь Св. Гильды в Нортумберленде. «Аббатство Витби в Кливленде, на побережье Йоркшира, было основано в 657 году (...) Там жили и монахи и монахини бенедиктинского ордена, но, вопреки принятым в подобных случаях установлениям, аббатисса там властью превосходила аббата» (Примечание В. Скотта. Перевод Г. С. Усовой // Скотт В. Мармион. СПб., 2000. С. 218.).

Ст. 12. *Она к Кутбертовым брегам...* «Кутбертовы брега — обширное владение епархии Дарем по имени Св. Катберта, шестого епископа Линдисфарна. Пастух с Ламмермурских холмов был сначала монахом в Мелрозском аббатстве, епископом стал в 685 году. При нем было расширено аббатство, построенное из тяжелых тесаных камней, в основном из гранита, в саксонско-норманском стиле. Только часть, пристроенная уже в XII XIII столетиях, носит следы готики» (*Бетакс В. П.* По следам лорда Мармиона (Записки переводчика) // Скотт В. Мармион. СПб., 2000. С. 345).

Ст. 110. *Была в Линдфарн приглашена...* — «Линдисфарн, остров на побережье Нортумберленда, называли Святым Островом из-за святости его старинного монастыря и еще потому, что он был резиденцией епископа в епархии Дарема в течение первых лет христианства в Британии. (...) Руины монастыря на Святом Острове свидетельствуют о глубокой старине. Арки, как правило, выполнены в строго саксонском стиле, а их поддерживают низкие, прочные и массивные колонны. В некоторых местах, однако, заостренная форма окон показывает, что здание реставрировалось в более поздний период по сравнению с первоначальной постройкой. (...) Линдисфарн — не совсем остров, скорее полуостров, ибо окружен морем во время полного прилива, отлив оставляет сухими пески между ним и противоположным берегом Нортумберленда, от которого он находится на расстоянии около трех миль» (Примечание В. Скотта. Там же. С. 219).

Ст. 239—240. *Когда-то были Брюс, Герберт // И Перси...* — В основе легенды, по словам В. Скотта, лежит популярный рассказ о том, как на пятый год царствования Генриха II, после завоевания Англии Вильгельмом, герцогом Нормандии, лорд Аглебарнби (называемый тогда Уильямом де Брюсом), лорд Смитон (завшийся Ральфом де Перси) вместе с джентльменом и свободным землевладельцем по имени Аллатсон 16 октября 1159 года уговорились встретиться для охоты на дикого вепря в некоем лесу, или на пустоши, принадлежащей аббату Витби. Потерпев неудачу в охоте, они жестоко расправились с монахом, возле жилища которого издох загнанный вепрь. Наказание их смертью по просьбе умирающего святого отшельника было заменено епитимьей, наложенной на род каждого из охотников — в день Вознесения исполнять работы: «Тебе, Уильям де Брюс, или твоим родственникам (...) вырезать пенсовым ножом десять кольев, одиннадцать жердей и одиннадцать подпорок; тебе, Ральф де Перси, надо будет таким же образом вырезать по двадцати одной штуке каждого образца, а тебе, Аллатсон, по девять каждого сорта, и все это вы должны на спине нести в город Витби и явиться туда до девяти часов утра в назначенный день. (...) И епископский служитель Эскдейл-сайда всегда будет трубить в свой рог: Стыдитесь! Стыдитесь! Стыдитесь! — в память этого неслыханного преступления». «Эта служба, — добавляется в рукописи, — до сих пор выполняется с предписанными церемониями, хотя и не лично этими собственниками. Часть этих земель принадлежит теперь джентельмену по фамилии Герберт» (Примечания В. Скотта. Там же. С. 219—221).

Ст. 262—263. *...как превращены // Все змеи в камень...* — Все старинные авторы, которые имеют случай упомянуть Витби или Святую Гильду, настаивают на двух совершенных ею чудесах. Останки змей, бывало так и кишевшие на территории монастыря, благодаря молитве аббатисы, не только были обезглавлены, но превращены в камень; их все еще обнаруживают среди скал, и протестантские палеонтологи называют их *Ammonitae*» (Примечание В. Скотта. Там же. С. 222).

Ст. 274—275. *И чудной смертью отдает // Угоднице блаженной честь* — «Другое чудо Камден упоминает следующим образом: “Могуществом ее святости также объясняют то, что дикие гуси, которые зимой перелетают большими стаями к озерам и рекам, в южных областях не замерзающим, к великому всеобщему удивлению внезапно падают наземь, пролетая над соседними полями в здешних местах; я бы не утверждал этого, если бы не имел такие сведения от нескольких человек, достойных доверия” (Примечание В. Скотта. Там же. С. 222).

Ст. 291. *Мельрос Кутберт живой любил...* — Мелроз (Melrose) — «город, сложившийся вокруг Мелрозского аббатства, расположен на юге Шотландии, в долине Твида недалеко от Абботсфорда, поместья Скотта» (Там же. С. 223). «Выбирая для себя могилу, Святой Кутберт оказался самым переменчивым и неблагоприятным святым в календаре. Умер он в 688 году в убежище отшельника на Фарнских островах, отказавшись от епископства в Линдисфарне, или на Святом Острове, за два года до того. Тело его было перевезено в Линдисфарн, где и оставалось до высадки датчан около 793 года, когда монастырь подвергся почти полному разрушению. Монахи спаслись бегством в Шотландию с тем сокровищем, которое считали для себя главным, — с мощами Святого Катберта. Святой оказался, однако же, весьма капризным спутником. Это было особенно невыносимо потому, что, подобно Синдбаду — Мореходу, он совершал переезд на плечах своих товарищей. За несколько лет они торжественным парадом пронесли его через всю Шотландию и добрались до Уитерна в Галлоузе на западе, откуда попытались на парусах добраться до Ирландии, но бури вынудили их вернуться. Наконец, Святой сделал остановку в Нореме, а оттуда добрался в Мелроз, где и пребывал некоторое время, пока не распорядился отправить себя по Твиду в каменном гробу, который доставил его на берег в Тилмуте, в Нортгумберленде» (Примечание В. Скотта. Там же. С. 222—223).

Ст. 299—300. *...миловав // Тильмут и Риппон...* — Тилмут (Tilmouth) — аббатство, стоящее при впадении реки Тилл в Северное море; Райпон (Rippon) — город в Йоркшире, где находится монастырь VII века.

Ст. 304. *Святой, готический Дургам...* — Дургам, или Дарем (Durham) — «один из значительных городов Нортгумберленда, где расположен известный английский университет, некоторые здания которого восходят к XIII—XVII века. Даремский собор (ранняя готика, сохранившая следы романского стиля) — одно из самых больших церковных зданий во всей Великобритании. В нем похоронен Св. Катберт Беда» (Там же. С. 316).

Ст. 318. *Пришла с ним мать галвегиан...* — Галвегиане — жители графства Гальвей в Южной Ирландии.

Ст. 326. *Им ободрен был и Альфред...* — Альфред Великий (ок. 848—900) — король Уэссекса, англо-саксонского средневекового королевства.

Ст. 362. *Король Кольвульф, покинув свет...* — Кольвульф — король Нортумбрии, покровитель Беды Достопочтенного, ушел в монастырь в 738 году.

Ст. 443. *Прямую святость уморя...* — В черновом автографе № 1 дан вариант: «Былаю святость уморя».

Ст. 453. *Иссохнувший полумертвец...* — Первоначальный вариант в автографе № 1: «Живой мертвец».

Ниже приводятся варианты из черного автографа № 2 к следующим стихам:

Ст. 476. *С насмешкой злобною глядит...* — «И лоб наморщивши глядит...»

Ст. 480—481. *..Лишь сошла // Та роковая полночь, мглой...* — «Лишь взошла (зачеркнуты варианты): а) «в ту роковую ночь луна...»; б) «та роковая ночи мгла...»

Ст. 483—484. *Тильмутская обитель вся // Вдруг замолчала...* — «Тильмутская обитель вся (варианты): а) «умолкла»; б) «вдруг опустела».

Ст. 499. *В густой пыли копыт и ног...* — «Недавний след копыт и ног...»

Ст. 500. *И слышен ей далекий скок...* — «И слышен ей как будто скок...»

Ст. 501. *Она с волньем в даль глядит...* — «Она стоит и робко ждет...»

Ст. 502. *Но там почной туман лежит...* — «Но даль пуста...»

Ст. 507—508. *Минуты две подождала; // Потом с молитвою пошла ...* — «Она еще подождала, // Перекрестилася, пошла...»

Ст. 519. *Окаменев, она стоит...* — «Она как мертвая стоит...»

Ст. 524. *И в монастырь увлечена ...* — «И вот опять погребена...»

Ст. 528. *Стоит, почти умерщвлена...* — «Стоит безгласна и бледна...»

Ст. 530. *И бледность мертвая лица...* — «И бледность (юного — зач.) мертвая лица...»

Ст. 531. *Была видней, была страшней...* — «Пугала яркостью своей; была: а) «страшной»; б) «разительней», в) «ужаснее». — В авторизованной копии представлены два варианта стиха: а) «пугала бледностью своей»; б) «пугала яркостью своей».

Ст. 534. *Обливших лик ее младой...* — Варианты: а) «Обвивших черной пеленой»; б) «Обвивших черною струей». В авторизованной копии: «Обливших лик ее младой».

Ст. 535. *Оценев, стоит она...* — «Как холодный труп стоит она».

Ст. 537. *И если б мутный луч в глазах...* — «И если б томный блеск очей». В авторизованной копии этот стих имеет вид: «И если б томный свет в очах».

Ст. 538. *И содрогание в грудях...* — «И трепет дышащей груди».

Ст. 542. *Так бездыханна, так бледна...* — «Так недвижима, так бледна». В С 5 очевидная опечатка: вместо «бледна» — «бедна».

Ст. 550. *Тому, кто раз в тот гроб войдет...* — Варианты: а) «Кто в роковую...»; б) «Тому, кто раз в ту дверь войдет...».

Ст. 552—554. *Коренья, в черепке вода ~ уже готовы в гробе том...* — «Лампада, в черепке вода, // И хлеба черствого ломоть // Там приготовлены...»

Э. Жилиякова

Ундина

Старинная повесть

(«Бывали дни восторженных видений...»)

(С. 113)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 2. № 30. Л. 1 об. — черновой (глава I, ст. 33—52), с заглавием: «Ундина», подзаголовком: «О том, как рыцарь пришел в хижину рыбака», с датой на л. 1: «18 ноября 1831».

2) РНБ. Оп. 1. № 39а. Л. 2—9 об. — черновой (главы I—III; глава IV, ст. 452—466), с датами: «Декабря 9» (Л. 2) — «31 декабря» (1832 г.) (Л. 9), с заглавием: «Ундина», нумерацией и подзаголовками глав.

3) ПД. № 20483. Л. 1—20 — черновой, с незначительной правкой (главы I—III), с заглавием: «Ундина. Старинная повесть», с нумерацией и подзаголовками глав, с датировками процесса работы: «⁹/₂₁ — 19/₃₁ дек.(аб)ря (1832 г.) Верне».

4) РНБ. Оп. 1. № 39г. Л. 1—1 об. — черновое прозаическое предисловие, адресованное великой княжне Марии Николаевне.

5) ПД. № 28466. Л. 4 — черновой стихотворного вступления («Бывали дни восторженных видений...»), с датой: «27 февраля 1837 г.».

К о п и и:

1) РНБ. Оп. 1. № 39а. Л. 1 — рукою П. А. Плетнева (глава I, ст. 33—55), с незначительной правкой Жуковского, с заглавием: «Ундина», подзаголовком: «Глава первая. О том, как рыцарь пришел в хижину рыбака».

2) РНБ. Оп. 1. № 39б. Л. 1 — копия с исправлениями рукою Жуковского (глава IV, ст. 452—466), с датой: «30 декабря 1833» рукою Жуковского, с подзаголовком: «IV глава. О том, что случилось с рыцарем в лесу».

3) РНБ. Оп. 1. № 39в. Л. 1—17 — копия с исправлениями рукою Жуковского (главы IV—VIII), с датами начала и окончания работы: «17 октября» — «30 октября» (1835 г.), с нумерацией и подзаголовками глав.

4) РНБ. Оп. 1. № 39г. Л. 17 об. — 43 — копия рукою Е. А. и А. А. Воейковых (главы IX—XIX) с исправлениями рукою Жуковского, с датами: «26 июня» — «17 июля 1836, Эллистер», с нумерацией и подзаголовками глав.

5) РНБ. Оп. 1. № 39д. Л. 1—31 — копия с исправлениями рукою Жуковского (главы I—V) 1836 г., с нумерацией и подзаголовками глав.

В п е р в ы е: БдЧ. 1835. Т. 12. С. 7—14. Раздел: «Русская словесность». Ц. р. 31 августа 1835 г. Отрывки из I—III глав, с названием: «Ундина. Старинная повесть», подпись: «Жуковский»; БдЧ. 1836. Т. 20. С. 5—32. Раздел «Русская словесность». Ц. р. 29 декабря 1836 г. Главы IV—X, с названием: «Ундина. Старинная повесть», с подписью: «Жуковский»; отдельное изд.: «Ундина. Старинная повесть, рассказанная на немецком языке в прозе Бароном Ф. Ламотт Фуке, на русском в стихах В. Жуковским. СПб., 1837». Издание книгопродавца Александра Смирдина. Ц. р. 5 сентября 1835 г. (sic! — Н. В.), с гравированным Н. Уткиным рисунком Е. Рейтерна, изображающим Жуковского на фоне Женевского озера, с двадцатью гравированными рисунками — иллюстрациями Л. Майделя (в части тиража), с прозаическим предисловием, адресованным великой княжне Марии Николаевне, со стихотворным посвящением ей же: «Бывали дни восторженных видений...».

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: С 4—5: С 4 (Т. 8. С. 1—243), с заглавием: «Ундина. Старинная повесть», с прозаическим предисловием, адресованным великой княжне Марии Николаевне, с гравированным Т. Райтом портретом Жуковского. С 5 (Т. 5. С. 145—276) — с тем же заглавием, но с добавлением в оглавлении в скобках: «Подражание Л. Фуке», в подборке произведений 1835 г. Изъято прозаическое предисловие, адресованное великой княжне Марии Николаевне.

Д а т и р у е т с я: 18 ноября 1831 — 25 июля 1836 г.

Творческая история «Ундины», реально вовлеченная в литературный процесс 1830-х годов, на уровне замысла восходит ко времени создания ранней «старинной повести в двух балладах» «Двенадцати спящим девам» (1810—1817 гг.), намечая ряд преемственных черт (прозаический источник, сказочно-легендарное повествование, идеальный герой). Оба эти произведения являются эпилогами плодотворных балладных периодов (1808—1814) и (1828—1833), но вместе с тем именно «Ундина» становится наиболее полным выражением нравственно-эстетической философии Жуковского, его поэтики.

Первое знакомство с повестью немецкого прозаика, драматурга и поэта, близкого к романтизму и названному «Дон Кихотом романтизма», барона Фридриха Генриха Карла де ла Мотт Фуке (1777—1843), обычно относят к 1816 году, времени пребывания Жуковского в Дерпте и сближения с немецкой культурой в лице дерптской научной и художественной интеллигенции. Эти процессы активизируются планами арзамасских альманахов, прообразами будущих сборников «Für wenige. Для немногих». Поэт неоднократно обращается к постоянному эпистолярному адресату А. И. Тургеневу с просьбами о присылке «Ундины», мотивируя это творческой необходимостью. Так, в письме от 16 августа 1816 г. звучит полушутливый вопрос-условие: «Правда ли, что ты действительный статский советник? Если правда, то купи мне и поскорее пришли “Ундины”. Весьма, весьма одолжишь. Она мне нужна» (ПЖТ. С. 159). 24 августа того же года он конкретизирует поручение: «Опять повторяю просьбу об “Ундине”. Она продается и отдельно, и с другими повестями, напечатанными в четырех книжках под титулом: “Die Jahreszeiten”. Купи для меня все, если найдешь. Очень, очень буду обязан. Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна моей Музе» (ПЖТ. С. 160). Альманах «Die Jahreszeiten. Viertelsjahrschrift für romantische Dichtungen», издаваемый Фуке и выходящий под заголовками, части которого озаглавлены названиями времен года, в весенней книжке которого была опубликована «Undine» («Frühling — Heft»), и в целом привлек внимание Жуковского. Так, в 1817 г. среди названий-замыслов значится повесть ла Мотт Фуке «Aslaugas Ritter» («Рыцари Аслауги»), напечатанная в осенней книжке того же альманаха (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24 об.). В начале сентября 1816 г. книга Жуковским еще не получена. «Начинаю понемногу писать. Что пишу, о том ни слова. Пора перестать мне обо всем наперед рассказывать. Но ты не получишь ничего по тех пор, пока я не получу от тебя “Ундины” и ответа на запрос по делу Воейкова» (ПЖТ. С. 161). Тем не менее книгу Жуковский получает не от Тургенева, а от своего хорошего знакомого, известного дерптского педагога, поэта, издателя Мартина Асмуса, о чем свидетельствует дарственное письмо-послание последнего от 16 сентября 1816 г. (РНБ. Оп. 2. № 246; ср.: Ж. и русская культура. С. 442).

Рукописи поэта 1817—1832 гг. подтверждают многолетний интерес к творчеству Фуке, и к «Ундине» особенно. Это отражается в росписях задуманных сочинений, списках фамилий авторов, предназначенных для перевода. Контекстом этого интереса становится проспект альманаха, прообраза арзамасского журнала. В отличие от политического радикализма новообращенных арзамасцев (Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова) Жуковский ориентировал читателей на культурно-языковой диалог, планируя первый опыт в форме русской и немецкой книжек и тщательно оговаривая даже внешний тип издания и предполагаемые названия. Немецкий альманах он хотел назвать «Тевтона», а среди авторов планировал сочинения Гёте, Гердера, Гебеля, Новалиса, Тика, Жан-Поля, Шлегеля, Гумбольдта, Якоби и др. Возникает довольно пестрая разножанровая картина писателей, философов, ученых первого ряда и тех, кто остался достоянием историков культуры (см. письмо Жуковского к Д. В. Дашкову, адресованное из Дерпта, вероятно, в начале 1817 г. (С 7. Т. 6. С. 439—442)). Жуковский помещает «Ундины» в план русской части альманаха, то есть в числе оригинальных сочинений, и уже в это время намечает перевод именно в стихах, а не в прозе, на что не всегда обращают внимание исследователи. Он разделяет произведения ла Мотт Фуке на две части. «Немецкая книжка (...) Лам.(отт) Фуке. Из Erzählungen. (Многое множество прекрасного) (...)

Сказку из Ламотг-Фуке» (С. 7. Т. 6. С. 441—442). «Русская книжка. (1-е) Я бы назвал ее “Аониды”; она бы была продолжением “Аонид” Карамзина (...) Первая половина “Ундины” в стихах» (Там же. С. 440—441). Серьезность, к сожалению, не состоявшегося замысла (отчасти воплотившегося в языковом параллелизме сборников «Füg wenige. Для немногих») подкрепляется и уточняется материалами архива поэта, где имя Фуке упоминается в многочисленных списках (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24 об.). На л. 27 той же единицы хранения, среди материалов, датированных Жуковским 1817 г., с подзаголовком: «Приготовление к Игорю» (то есть к переводу «Слова о полку Игореве»), содержатся планы первой и второй частей задуманного альманаха с обозначением произведений, предназначенных для перевода и имен авторов-переводчиков. Рядом с «Ундиной» запись: «апр.(ель), м.(ай), и(юнь), и(юль), а(вгуст)»; здесь же уточняются другие замыслы из Фуке для немецкой части: «Aslaugas Ritter» («Рыцари Аслауги»), «Statthalter» («Наместник»), «Неизвестный больной» у Жуковского, у Фуке: «Der unbekannte Kranke» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24 об.), что соответствует: «Из Erzählungen» (С. 7. Т. 6. С. 441).

Итак, знакомство Жуковского с «Ундиной» Фуке относится к 1816—1817 гг. Но есть свидетельство самого поэта, сдвигающее время интереса к повести к 1815 г. В черновом автографе прозаического предисловия, обращенного к великой княжне Марии Николаевне, напечатанном в отдельном издании «Ундины» 1837 г. и в С 4 и снятом в С 5, Жуковский сообщает: «В 1815 году прочитал я в первый раз “Ундину”» (РНБ. Оп. 1. № 39г. Л. 1), но зачеркивает эту запись. Возможно, к этому времени относится именно чтение повести Фуке, послужившее поводом к замыслам перевода в 1816—1817 гг.

Взаимоотношения Жуковского с Фридрихом ла Мотт Фуке носят творческий и биографический характер. В библиотеке поэта сохранился ряд изданий Фуке. Это «Vaterländische Schauspiele. Berlin, 1811» (Описание, № 1043); «Alboin, der Langobardenkönig. Ein Heldenspiel. Leipzig, 1813» (Описание, №1044); «Dramatische Dichtungen für Deutsche. Berlin, 1813» (Описание, №1045); «Die Fahrten Thiodolfs des Isländers. Ein Ritterroman. Hamburg, 1815» (Описание, №1046); «Karls der Großen Geburt und Jugendjahre. Ein Ritterlied, Nürnberg, 1816» (Описание, №1047 — конволют с №1044); «Der Zauberring. Ein Ritterroman. Nürnberg, 1816» (Описание, №1048); «Don Carlos Infant von Spanien. Ein Trauerspiel. Danzig, 1823» (Описание, №1049). Издание «Undine» в составе библиотеки не сохранилось.

Еще одним свидетельством долговременного интереса не только к «Ундине», увековечившей имя переводимого автора в русской культуре, но и в целом к творчеству Фуке, являются многочисленные архивные росписи задуманных, но не осуществленных произведений. Об этом упоминалось выше. Напомним названия сочинений Фуке с 1817 по 1832 г., которые Жуковский намечал для перевода. Так, в списке 1817 г., обозначенном «Поэмы», значатся два романа Фуке: «La Mott Fouque. Zauberring. Tiodolf» (РНБ. Оп. 1. №77. Л. 24 об.; Л. 29). Здесь же, на л. 24 об.: «Неизвестный больной. Aslaugas Ritter. Statthalter»; на л. 27: «Undine Фуке». В 1817 г. он намечает для перевода в задуманной немецкой книжке альманаха эти повести Фуке. В дневниках 1821 г. значится чтение «Zauberring» (22 февраля и 5 марта). См.: ПСС 2. Т. 13. С. 160.

Личные отношения Жуковского и Фуке исчерпываются встречей в Берлине во время первого заграничного путешествия. 24 октября (5 ноября) Жуковский фиксирует в дневнике: «Ла Мотт Фуке (...) Разговор наш состоял из комплимен-

тов и продолжался недолго» (ПСС 2. Т. 13. С. 145). Жуковскому удается подметить личностное и творческое внутреннее противоречие Фуке при, казалось бы, внешне устоявшейся монолитной репутации «рыцаря романтизма», «Дон Кихота романтизма». Это относится к несовпадению поэта и человека, что противоречит формуле Жуковского: «жизнь и поэзия одно». Кроме того, русский поэт отмечает неровность творческой манеры Фуке, что и сделало плодовитого беллетриста фактически автором одного произведения. «В лице ла Мотт Фуке нет ничего, останавливающего внимание. Есть живость в глазах: он имеет талант, и талант необыкновенный, он способен, разгорячив воображение, написать прекрасное. Но это не есть всегдашнее, зависит от расположения, находит вдохновением; автор и человек не одно, и лицо его мало изображает того, что чувствует и мыслит автор в некоторые минуты» (Там же).

К началу перевода «Ундины» в 1831—1833 гг. мы не встречаем у Жуковского прямых эстетических оценок творчества Фуке, но швейцарский фон позволяет говорить о некоем типологическом сближении жизненных и нравственных позиций двух художников. Своеобразный рыцарский стоицизм Фуке, его постоянное обращение к сюжетам раннего Средневековья в противовес европейской современности, верность идеалам чести, достоинства, выраженным, может быть, излишне декларативно, соотносятся с умонастроением Жуковского, его «горной философией» и поэтической формулой верности сформировавшимся когда-то идеалам (баллада «Старый рыцарь»).

Новое обращение к «Ундине» следует отнести к 1831 г., а фактически к 1832—1833 гг., т. к. от 1831 г. дошло лишь 20 начальных стихов первой главы (автограф № 1). Вероятно, творческим импульсом послужило лето 1831 г. в Царском Селе, когда Жуковский, Пушкин и Гоголь вступили в своеобразное «сказочное соревнование». В июне-июле этого же года выходит чрезвычайно важное, итоговое издание «Баллад и повестей».

Во время второго заграничного путешествия, начавшегося 18 июня 1832 г., Жуковский вновь приступает к переводу «Ундины», что происходит в Швейцарии. Интересно, что этому предшествует чтение повестей (новелл) Фуке, упоминавшихся в 1817 г. В дневнике (записи от 19—21 декабря 1832 г.) зафиксировано чтение: «Galgenmännlein» («Человечек из-под виселицы»), «Köhlerfamilie» («Семья угольщика»), «Der unbekannte Kranke» («Неизвестный больной») (ПСС 2. Т. 13. С. 342). 27 ноября (9 декабря) 1832 г. он записывает: «Прогулка в Шильон. Начал “Ундину” (Там же. С. 340); 18 (30) декабря: «Кончил 3 главу “Ундины” (Там же. С. 342). Наконец, 23 (4) января 1833 г.: «Поправлял “Ундину” (Там же). В архиве поэта сохранились автографы первых трех глав и стихов 452—466 четвертой главы (автографы 2 и 3). Процесс создания датирован Жуковским порой с точностью до одного дня.

Черновой автограф хранится в РНБ (автограф № 2), причем начальные стихи первой главы переписаны рукой Плетнева с правкой Жуковского (копия № 1). Копия представляет собой отдельный лист, без даты, включающий стихи 33—53, с заглавием: «Ундина. Глава первая. О том, как рыцарь пришел в хижину рыбака». Текст сходен с С 5, стих 53 вписан Жуковским, им же исправлено «озеро» на «море», соответствующее окончательной редакции.

Продолжение главы I и ее окончание (РНБ. Оп. 1. № 39а. Л. 2—3 об.) носит ярко выраженный рабочий характер. Текст расположен на листе с оборотом в 1/2 д. л. (л. 2—2 об.), окончание в тетради (л. 3—3 об.). Это черновой автограф, на-

писанный карандашом (ст. 54—153) и чернилами поверх карандаша (ст. 54—99). Ст. 54—99 датированы: «Декабря 9» (1832 г.); ст. 100—153: «Декабря 10» — «Декабря 11». Со ст. 100 текст написан карандашом. Окончание главы I (со ст. 153) находится в отдельной линованной тетради в 1/8 д. л., занимая л. 3—3 об., за ним следуют II, III и начало IV главы. Окончание главы I написано карандашом. Текст разбит на десятистишия, с подсчетом стихов, не совпадающих с С5.

Автограф главы II занимает л. 4—7 тетради, написан сначала карандашом, по нему правка чернилами, за исключением л. 7 (со ст. 352 до конца), с делением на пятистишия, с подзаголовком: «Глава II. О том, как Ундина в первый раз явилась в хижине рыбака». Процесс работы датируется следующим образом. На л. 4 карандашом сверху слева: «17/19 декабря» (1832 г.), здесь же справа чернилами: «Начато 9 декабря»; на л. 5 об. около ст. 297: «26 декабря», на л. 6 рядом со ст. 331: «27 дек. (абря)».

Автограф главы III занимает л. 7 об. — 9 об.; текст написан чернилами по карандашу, разбит на пятистишия, с подзаголовком: «Глава III. О том, как они нашли Ундину». Проставлены даты: на л. 7 об. сверху: «28 дек. (абря)», на л. 8 около ст. 383: «29 декабря», на л. 8 об.: «30 дек. (абря)» (ст. 431), на л. 9: «31 дек. (абря)» (ст. 444).

Таким образом, датировка первых трех глав перевода выглядит так:

Глава I 9—11 декабря 1832 г.

Глава II 9—27 декабря 1832 г.

Глава III 28—31 декабря 1832 г.

В РО ПД хранится перебеленный текст трех первых глав с незначительной правкой карандашом и чернилами, написанный разборчивым почерком. Автограф расположен в отдельной тетрадке желтой бумаги, занимая 20 листов. Имеется общее заглавие на отдельном листе: «Ундина. Старинная повесть». Оно станет каноническим.

Глава I (л. 4—8 об.) начинается со ст. 54, без заглавия. На л. 8 об. в конце главы дата: «9/21 — 12/24 дек. (абря) Верне», зачеркнутая Жуковским.

Глава II (л. 9—15) с подзаголовком: «О том, как рыбак нашел Ундину», не совпадающим с С 5 («Глава II. О том, как Ундина в первый раз явилась в хижине рыбака»). В конце текста на л. 15 дата, зачеркнутая Жуковским: «13/25 — 15/27 декабря».

Глава III (л. 16—20) названа: «О том, как опять отыскалась Ундина» (в С 5: «Глава III. О том, как была найдена Ундина»). В конце на л. 20 дата: «16/28 — 19/31 дек. (абря) Верне».

С учетом автографов № 1 и № 2 и записей в дневнике время создания первых трех глав: 27 ноября (9 декабря) 1832 — 23 декабря (4 января) 1833 г.

Письма и дневники Жуковского дают представление об особой психологической атмосфере и творческих импульсах создания начала поэмы. Постоянными мотивами являются размышления о пользе не одиночества, а уединения, о собственном нездоровье (Жуковский находился в Швейцарии на лечении), о погруженности в природу, а не в «цивилизацию». В письме А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве он сообщает: «Там (в Дрездене. — Н. В.) был под боком театр и семейство Пушкиных, а здесь одно Женевское озеро, Симплонская дорога (...) и картина гор, на кои еще не отваживаюсь взбираться» (ПЖТ. С. 270). Столь же часто звучит тема материального, буржуазного, массового «духа времени», противостоящего вечным, идеальным нравственным и религиозным началам. В письме от 15 (27) января 1833 г. из Верне он делится этими соображениями с тем же адресатом: «Но такой

образ мыслей (Радовица. — *Н. В.*) есть доска спасения в нашем убийственно позитивном веке, когда все возвышающее душу засыпано земным сором, когда нет святого, когда математический гордый ум гонит Бога с его места и когда образованность сделалась плодом без зерна» (Там же. С. 271). Не случайно в ноябре 1832 г. написана баллада «Старый рыцарь», нравственное credo Жуковского, не случайно именно в это время начата «Ундина», с ее утверждением идеальных основ бытия.

В письмах и дневнике сливаются описание повседневного быта и интерес к современной политической истории. Особый интерес представляет так называемая «горная философия» Жуковского. Она выразилась прежде всего в известном письме к великому князю Александру Николаевичу от 4 (16) января 1833 г. (С. 8. Т. 5. С. 476—478), ставшему основой «Отрывков из письма о Швейцарии». Жуковский определяет свое отношение к назначению и месту человека в мире, размышляет о границах его свободы, метафорически соотносит бытие и человека, представляет свою философию истории. Глубоко опосредованно это проявляется в «Ундине», и не столько в непосредственной проблематике, сколько в тональности, в полной высоких обобщений пространственно-временной картине с ее мотивами водной стихии и горного воздуха. В письме к наследнику он резюмирует: «Жизнь человеческого рода можно сравнить с волнующимся морем: буря страстей производит эти минутные волны, восстающие, падающие и беспрестанно сменяемые другими. Каждая из них кажется каким-то самобытным созданием; и если бы каждая могла мыслить, то она в быстром своем существовании могла бы вообразить, что действует и созидает для вечности. Но она со всеми своими скоропреходящими товарищами только принадлежит к одному великому целому, все они покорствуют одному общему движению; иногда движение кажется бурей: бездна кипит; но вдруг все гладко и чисто; и в этом за минуту столь безобразном хаосе вод спокойно отражается чистое небо. Вот вам философия здешних гор» (С. 8. Т. 5. С. 476).

Текст художественного перевода опосредованно проецируется и на биографические реалии этого времени. Швейцарское уединение Жуковского соотносится с ситуацией рыцаря-героя «Ундины», попавшего в условный идиллическо-патриархальный мир. В письме к А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве он сообщает: «О моем житье-бытье не беспокойся; я не один, со мною Рейтерн, который выписывает на зиму и свое семейство, так что я буду и в совершенном уединении, и со своим домом» (ПЖТ. С. 267).

Возникающий в переводе образ героини поэмы типологически близок умершей в 1829 г. А. А. Воейковой, что придает биографической основе универсальный смысл: жизнь каждой любящей и страдающей женщины в ее развитии становится образом прекрасной души и воплощением идеального начала. «С 15-летнего возраста до теперешнего времени была она во всем моим прелестным товарищем. Сперва как милый цветущий младенец, которым глаза любовались в такое время, когда душа расцветала, потом как веселая, живая, беззаботная, как будто обреченная для лучшего земного счастья, как самая ясная надежда. Как была она мила в своей первой молодости! Точно воздушный гений, с которым так было весело мне в моем деревенском поэтическом уединении. Потом как предмет заботы и сострадания, как смиренная, но всегда веселая при всем своем бедствии жертва Воейкова. — Все это пропало; от всего этого осталась последняя минута ее, светлая, возвышающая душу. Перед этою минутою молчит сожаление об ней. Как жалеть о ней! Можно сказать, что жизнь к ней не коснулась; она посреди всего житейского

прошла чистою, без усилия, по одной младенчески непорочной природе своей» (ПЖТ. С. 253). Этот фрагмент из письма к А. И. Тургеневу от 16 (28) марта 1829 г. в атмосфере начала работы на «Ундиной» звучит своего рода нравственной реминисценцией — воспоминанием, создавая эстетический резонанс биографического и творческого начал.

Первые три главы «Ундины» становятся и важным эстетическим фактом, своеобразным эпилогом всего балладного творчества Жуковского. С ноября 1832 г. по январь 1833 г. он создает баллады «Братоубийца», «Рыцарь Роллон», «Старый рыцарь», «Роланд оруженосец», «Плавание Карла Великого», «Уллин и его дочь», «Элевзинский праздник». После 1833 г. баллада как самостоятельный жанр прекращает свое существование в творчестве Жуковского.

Одновременно намечается переход к крупной эпической форме: «Суд в подземелье» (отрывок), с первоначальным подзаголовком: «Последняя глава недоконченной повести» — перевод второй главы поэмы В. Скотта «Marmion, a tale of Floddenfield»; незавершенные произведения (17 стихов перевода «Наля и Дамаянги», 21 ноября 1832 г.), начало одного из «Рейнских сказаний» — «Фалкенбурга» (у Жуковского фрагмент начала перевода под заглавием «Элена и Гунтрам» 27 февраля 1833 г.). Сама «Ундина» находится в этом же ряду. Итак, начальный этап работы над поэмой свидетельствует о сложном переплетении биографических, эстетических и философских аспектов в сознании ее творца.

28 февраля 1833 г. в неопубликованном письме П. А. Плетневу Жуковский сообщает: «Ундины» я помещу в моем письме, которое на днях от меня вы получите» (РНБ. Оп. 2. № 191. Л. 2 об.). Вероятно, имелась в виду перебеленная рукопись (автограф № 3), которую Жуковский, возможно, посылал Плетневу, но точных свидетельств об этом самого поэта не сохранилось.

После этого следует значительный перерыв в работе, связанный с обязанностями при дворе в качестве наставника наследника, великого князя Александра Николаевича. Продолжение перевода относится к петербургскому периоду жизни поэта в 1835 г., «в то время, когда Мойер, находившийся там по делам службы, жил у Жуковского» (Зейдлиц. С. 157).

Черновой автограф продолжения «Ундины» не обнаружен в архивах.

В РО РНБ хранится авторизованная копия IV—VIII глав (копия № 2; копия № 3). Интересно, что на л. 1 одновременно расположены стихи 452—466 четвертой главы, датированные рукою Жуковского: «30 декабря 1833», а продолжение на том же листе, начинающееся со ст. 467, датируется уже: «17 октября 1835». Приводим авторские датировки в рукописи. Глава V (л. 5—8): на л. 5 сверху: «17 окт.(ября)»; около ст. 680: «20 окт.(ября)»; около ст. 732: «21 окт.(ября)». Глава VI: «О том, как рыцарь женился» (л. 8 об. — 11 об.): на л. 8 об. сверху: «22 окт.(ября)». Глава VII: «О том, что случилось в свадебный вечер» (л. 12—13 об.): на л. 12 сверху: «окт.(ября) 24». Стихи 916—919, 960—961 — белой автограф, т. к. копия заклеена листками бумаги с исправлениями рукою Жуковского. Глава VIII (без названия; л. 14—17): на л. 14 сверху: «25 окт.(ября)», напротив ст. 1078: «окт.(ября) 30»; ст. 998—999 — белой автограф.

Приводим датировки IV—VIII глав:

Глава IV. Ст. 452—466 — 30 декабря 1833 г.

Со ст. 467 — 17 октября 1835 г.

Глава V. 19—21 октября 1835 г.

- Глава VI.* 22 октября 1835 г.
Глава VII. 24 октября 1835 г.
Глава VIII. 25—30 октября 1835 г.

Итак, работа над IV—VIII главами датирована Жуковским в копии 30 декабря 1833 г.; 17—25 октября 1835 г. Свидетельств о внешних обстоятельствах работы над этой частью поэмы почти не сохранилось. Лишь в письме от 3 ноября 1835 г. к А. П. Елагиной, связанном со смертью К. Я. Булгакова, он сообщает: «Сколько уж положено в могилу! Чтобы несколько воскресить прошедшее, я принялся за стихи; пишу *Ундины*, с которой познакомился во время оно и от которой так и дышит прошлою молодостью. Представлю ее вам, когда воротитесь» (УС. С. 60). В том же 1835 году фрагменты трех первых глав «Ундины» были представлены широкому читателю в публикации БдЧ. Публикации предпослано комплиментарное предисловие — разъяснение издателей. «Мы читали только три главы “Ундины” [остальные к моменту выхода журнала еще не были написаны. Ц. р. 31 августа 1835 г. — Н. В.] и чувствуем, что выдергивать из них отдельные места, значит — портить, но мы пишем эти строки еще под влиянием восхищения, какое возбудили в нас эта необычайная мягкость, прозрачность и светлость языка, эта поэзия нежная, сладкая и восхитительная, как тихая мелодия заколдованного чертога, и готовы переносить все в мире, чтоб только передать другим часть нашего наслаждения — с правом для всякого исправить дело прочтением целой поэмы, когда выйдет полное издание, которое, говорят, выйдет скоро» (БдЧ. 1835. Т. 12. С. 7). Приводим перечень опубликованных стихов: *Глава I.* Ст. 100—107; ст. 115—141; ст. 153—200. *Глава II.* Ст. 202—208; ст. 238—309; ст. 340—358. *Глава III.* Ст. 378—402. Стихи даны с отточиями в начале и конце; главы не указаны.

Завершает работу над поэмой Жуковский в иной атмосфере в 1836 г. Биографы поэта, отмечая, что поэзия занимает все меньшее место в жизни Жуковского, и связывая это с обязанностями наставника наследника, зафиксировали время окончания многолетнего труда. Так, П. А. Плетнев пишет: «Правда, было одно лето, которое удалось ему вполне посвятить поэзии. Это случилось в 1836 году. Он провел тогда часть летних месяцев близ Дерпта. Там-то и взялся он за покинутую “Ундины” (Переписка. Т. 3. С. 103). На мызе Эллистфер недалеко от Дерпта поэт проводит лето с Екатериной Афанасьевной Протасовой и ее внучками, Катей и Сашей Воейковыми. Как сообщает К. К. Зейдлиц, «Всякое утро, прохаживаясь по зале Эллистферского дома, Жуковский диктовал своим племянницам, девицам Воейковым, свои стихи, и “работа пошла славно”. При этом он пил вейльбургские воды. Эта жизнь с родными ему так нравилась, что он купил имение близ Дерпта, дабы переселиться туда под старость, — все это пробуждало в Жуковском то тихое, ровное поэтическое вдохновение, которое привлекает нас в его “Ундине”» (Зейдлиц. С. 157).

Автографы завершения поэмы не обнаружены. Авторизованная копия IX—XIX глав находится в РНБ (копия № 3). Приводим датировки глав, сделанные рукою Жуковского в начале каждой. Подзаголовки глав соответствуют С 5 (кроме главы XIX, не имеющей нумерации и названия):

- | | |
|--------------------------------------|--------------------|
| <i>Глава IX</i> (л. 17 об. — 19 об.) | 26—27 июня |
| <i>Глава X</i> (л. 19 об. — 21) | 28—29 июня |
| <i>Глава XI</i> (л. 22—24) | 30 июня, 1, 2 июля |

<i>Глава XII</i> (л. 25—26 об.)	3, 4 июля
<i>Глава XIII</i> (л. 26 об. —30)	5, 6 июля
<i>Глава XIV</i> (л. 31—33)	7—8 июля
<i>Глава XV</i> (л. 34—36 об.)	9 июля
<i>Глава XVI</i> (л. 37—38 об.)	11 июля
<i>Глава XVII</i> (л. 38 об. — 40)	12 июля
<i>Глава XVIII</i> (л. 40—41 об.)	13 июля
<i>Глава XIX</i> (л. 42—43)	14 июля — 17 июля 1836 г.

Текст разбит на пятистишия, ряд стихов копии заклеен бумажками с беловыми вариантами исправлений, принадлежащие руке Жуковского. Это ст. 1349—1351; 1381—1383; 1399—1402; 1569—1571; 1753—1755; 1774; 1810—1813; 2220—2222.

В конце всего текста на л. 43 внизу запись: «Елиствер. 17 июля 1836». Здесь же дата рукою Жуковского: «25 июля» и запись: «Кончено все», свидетельствующая о том, что с 17 по 25 июля шла окончательная доработка текста.

Наконец, существует так называемая «последняя редакция» (Ц. Вольпе), авторизованная копия глав I—V, с минимальным количеством исправлений (копия № 5). Текст разбит на пятистишия, названия глав I—II соответствует С 5; глава III имеет подзаголовок: «О том, как отыскалась Ундина» (С 5: «О том, как была найдена Ундина»), главы IV—V без заглавия, с нумерацией карандашом: «IV», «V». Вместо имени героя Гульдбранд появляется каноническое Гульбранд.

Факты создания и окончания «Ундины» отмечены друзьями и современниками поэта. Еще 14 февраля 1836 г. Вяземский из Парижа пишет А. И. Тургеневу с шуточно-критическим оттенком: «Жуковский перекладывает на русские гекзаметры “Ундину”. Я браню, что не стихами с рифмами; что он Ундину сажает в озеро, а ей надобно резвиться, плескаться, журчать в серебристой реке» (ОА. Т. 3. С. 300). Летом того же года он вновь сообщает Тургеневу: «Жуковский уехал недель на шесть, кажется, так, к Протасовой близ Дерпта пить воды и писать “Ундину”» (Там же. С. 322).

В 1837 г. “Ундина” выходит сразу тремя изданиями: в БдЧ (фрагменты); отдельным изданием и занимает весь восьмой том С 4.

В БдЧ публикацию предваряет следующее предисловие: «Все наши читатели помнят прелестные отрывки, которые мы дали из первых трех глав этой поэмы в сентябре 1835 года (...) Мы привели здесь едва третью часть этой поэмы и не хотим нарушать более обширную выпискою удовольствие тех, которые будут читать целое сочинение. “Ундина” выходит на днях щегольским изданием, украшенным двадцатью гравюрами» (БдЧ. 1837. Т. 20. С. 5). Отдельное издание вышло, оформленное иллюстрациями. По воспоминаниям К. Зейдлица, «Как художник, влюбленный в свое произведение, Жуковский всячески хотел украсить свою “Ундину”, эту любимую дочь своего романтизма. Он заказал у отличного живописца Майделя, жившего в Дерпте, рисунки на манер иллюстраций Регша к сочинениям Гёте и Шиллера. Майдель сделал 20 превосходных эскизов *in octavo* (к каждой главе по одному и кроме того один для вступления). Эти рисунки представляют наилучший живописный комментарий к стихам Жуковского, который очень любовался этими произведениями даровитого художника, по большей части рисованными на глазах поэта, на мызе Элиствер» (Зейдлиц. С. 159). В РО ПД сохранилось письмо Л. Майделя, в котором он сообщает Жуковскому о завершении рисунков к «Ундине» (ПД. № 28126. Б. д.).

Сразу же после выхода из печати отдельного издания «Ундины» Жуковский посылает дарственный экземпляр Фуке, который ответил ему стихами «Undine und ihr Troubadour» (П.Д. № 27855).

А. И. Тургенев, просивший, чтобы Жуковский послал ему поэму с «надписью» (ОА. Т. 3. С. 350, 353), получает отдельное издание «Ундины», предназначенное для близких и друзей с автографом: «Другу Тургеневу от Жуковского (1799—1837)». Об этом см.: *Гинзбург М.* Редкий экземпляр «Ундины» // Книжные новости. 1936. № 19. С. 24. Е. В. Ланда считает, что «это красноречивые дагы: не только скорбное напоминание о Пушкине; одновременно Жуковский как бы намекал на связь “Ундины” с Пушкиным: с тем летом, проведенным поэтами вместе в Царском Селе» (*Ланда Е. В.* «Ундина» в переводе Жуковского // *Фридрих де ла Мотт Фуке.* Ундина. Сер. «Литературные памятники». М., 1990. С. 477).

Резюмируя столь сложный и многолетний творческий процесс, Жуковский пишет прозаическое предисловие, адресованное великой княжне Марии Николаевне. Оно входит в отдельное издание «Ундины», и в С 4, но снято в С 5. Приводим этот текст полностью:

«Повинуясь воле, которую мне было особенно приятно исполнить, я рассказал русскими стихами “Ундину”. В 1833 г., находясь в Швейцарии и живя уединенно на берегу Женевского озера (в деревеньке Верне близ Монтре), написал я первые три главы этой повести. По возвращении моем в Россию занятия другого рода надолго отвлекли меня от начатого поэтического труда; и только в нынешнем году я мог опять за него приняться. Последние главы Ундины написаны в сельском уединении близ Дерпта, где я провел половину лета и мог по-прежнему посвятить досуг своей поэзии. Еллисфер. 26 июля, 1836. Ж.»

С адресатом послания возникли ошибки. Так, К. К. Зейдлиц считал, что предисловие обращено к Александре Федоровне (Зейдлиц. С. 155), Ц. Вольпе — великой княжне Александре Николаевне (Стихотворения. Т. 2. С. 541) Уже П. А. Плетнев и разделявший его точку зрения Я. К. Грот справедливо считали адресатом послания Марию Николаевну. Плетнев мотивировал это биографическими аргументами, объединяя адресатов прозаического послания и стихотворного посвящения в одно: «Скромный намек поэта на *исполнение воли*, в чем заключалось его особенное удовольствие, сделался для внимательного читателя ясным, когда он сравнит посвятительные перед “Ундиною” стихи с другим его стихотворением, явившимся в 1819 году под заглавием “Праматерь внуке” (Переписка. Т. 3. С. 104). К этому Я. К. Грот добавляет: «Эти слова ясно указывают, что в посвящении, напечатанном перед “Ундиною”, Жуковский под младенцем, явившимся в “пустой колыбели”, разумеет не царственного ученика своего (как обыкновенно думают и как полагают даже другие биографы поэта), а Великую княжну Марию Николаевну. Ее же имеет он в виду, говоря в предисловии о воле, которую ему было приятно исполнить» (Там же).

В РНБ (Оп. 1. № 39г. Л. 1—1 об.) сохранился черновик прозаического предисловия Жуковского, где рукою поэта указан адресат: «Ея Имп.(ераторскому) Высоч. (еству) Государыне Великой Княжне Марии Николаевне» (л. 1). Приводим полный текст этого наброска, отличающийся от окончательной редакции:

«В. И. В. угодно было, чтобы я рассказал русскими стихами и посвятил Вашему Императорскому Высочеству Ундину. [Лет двадцать тому назад читал я в первый раз Ундину]. Я долго не мог исполнить [данного вам и мне слова] вашей воли и

своего обещания. [В 1815 году прочитал я в первый раз Унди́ну]. В 1833, находясь в Швейцарии и живя в совершенном уединении на берегу Женевского озера, я [начал] написал три первые главы [ее русскими гекзаметрами, следуя с возможной верностью] этой [моей] повести, стараясь в моих стихах сохранить сколько возможно простоту [рассказа в прозе] [с тех пор до] [оригинального рассказа в прозе] прелестной [прекрасной] прозы оригинала. По возвращении моем в Россию [в 1833] [я долго не мог] [должен был оставить] в том же году другие занятия отвлекли меня от работы [начатого] [прежнего]. Я долго не мог за нее приняться. Наконец в нынешнем году 1836 [воспользовавшись досугом и уединением] [проведя] шесть недель на досуге в [совершенном] деревенском уединении близ Дерпта я кончил начатое. Прошу В. И. В. принять с благосклонностью этот новый и, может быть, уже последний [памятник] труд моей устарелой Музы. Прошу вас принять его [он был особенно для меня приятен и тем, что перенес [оживил] во мне впечатления моей молодости и тем, что] теперь в знак, а со временем на память моей душевной к вам привязанности, которая, как вы сами знаете, началась еще у вашей колыбели. Вашего императорского вы(сочества) покорный слуга» (л.1). «Вашему Высочеству угодно было, чтобы я посвятил Вам *Унди́ну*. Ея Имп.(ераторскому) Высоч.(еству) Государыне Великой Княжне Марии Николаевне» (Там же. Подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому; в квадратных скобках приводятся зачеркивания).

Если прозаическое предисловие снимается самим поэтом в С 5, то стихотворное, лишь формально соответствующее «Zueignung» (*посвящение* — нем.) ла Мотт Фуке, закрепилось во всех последующих изданиях.

Посвящение Фуке, предпосланное им ко второму изданию повести («Zueignung zur zweiten Auflage»; 1814), создает стилизованно-куртуазный образ певца-рыцаря, являясь образцом ролевой лирики. Унди́на (Ундиночка) как авторское создание предстает преимущественно в темно-стихийной ипостаси. (См. стихотворный перевод посвящения В. А. Дымшица в кн.: *Фридрих де ла Мотт Фуке*. Унди́на. М., 1990. С. 5—6.) Приводим текст прозаического перевода О. Б. Лебедевой: «Посвящение. Унди́на, милый образ, / С тех пор, как я впервые в древних преданиях / Нашел твой странный светоч, / Как часто ты пела моему сердцу в покое! // Ты тесно прижималась ко мне / И кротко хотела все свои жалобы / Шептать мне на ухо, / Полуприрученное, полудикое дитя! // Но моя цитра звучала в ответ / Из своих ворот, украшенных золотом, / Каждому из твоих тихих слов, / И о тебе слышали и заговорили далеко! // И многие сердца полюбили тебя, / Несмотря на твою капризно-темную сущность, / И многие с удовольствием хотели прочитать / Книжку, которую я о тебе написал. // Сегодня они хотя все вместе / Снова услышать весть о тебе, / Ты не должна стыдиться, Унди́на, / Нет, с доверием войди в зал! // Приветствуй благонаравно каждого благородного господина, / Но прежде всего приветствуй с доверием / Милых, красивых немецких женщин; / Я знаю, они любят тебя. // И если какая-нибудь спросит обо мне, / Отвечай: он верный рыцарь / И служит женщинам мечом и цитрой, / В танце и за обедом, на празднике и на турнире».

Стихотворное посвящение Жуковского адресовано Марии Николаевне. Это вполне оригинальное произведение, стоящее в ряду его эстетических манифестов («Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», посвящение к «старинной повести в двух балладах», «Двенадцать спящих дев», «Я музу юную, бывало...»), с лейтмотивом воскрешения прошлого в жизни и поэзии.

Адресат посвящения был дорог Жуковскому, о чем свидетельствуют постоянные реминисценции стихотворения в их переписке, включение их в биографический контекст, восходящий к моменту рождения Марии Николаевны и написанному по этому случаю стихотворению «Праматерь внуке». Ср.: «Итак, мой расцветший младенец, который до сих пор так весело и беззаботно порхал на крыльях молодости по свежему лугу жизни...» (Письмо Жуковского Марии Николаевне от 12 (24) ноября 1838 г. // С 8. Т. 6. С. 613); «Я самый первый вам знакомец на здешнем свете, я думал о вас накануне вашего рождения, стоя над вашей колыбелью, еще никем не занятою» (Там же. С. 613—614). В письме от 22 декабря 1838 г. из Рима он вновь варьирует этот мотив: «Видно, я в добрый час подошел во время оно к пустой колыбели и спросил у судьбы: кто в ней будет и что случится с этим новым земным колонистом?» (Там же. С. 431). Из Франкфурта-на-Майне 29 мая 1840 г. он посылает пожелание Марии Николаевне: «Как мне весело будет увидеть вас перед колыбелью вашего младенца! Желая, чтобы за этой колыбелью ухаживали те же добрые духи, которые стерегли известную вам и мне колыбель, недавно описанную и в стихах моих» (Там же. С. 441). Накануне собственной женитьбы в письме от 17 декабря 1840 г. он вновь включает Марию Николаевну в ореол воспоминаний: «Одним из верных посетителей моего уединения будет и благодарное воспоминание о той *одной*, которую я когда-то видел *младенцем в колыбели*, которая расцвела как *чистая моя поэзия* и которой земное счастье да будет такое же светлое, такое же высокое, как светла и высока душа ее» (Там же. Курсив Жуковского).

Мария Николаевна, исполнителем воли которой называл себя Жуковский, хотя обратился к «Ундине» гораздо раньше, пользовалась реалиями поэмы для характеристики окружающих и высоко ценила перевод: «... кто переводит так хорошо, что русский перевод лучше оригинала? Кто перевел *Ундину*? (...) Ах! Боже мой! Посмотрела в окно и вижу Нептуна; но какого? В усах и сюртуке (...). За все на свете золото я бы не желала бы быть его Ундиной» (письмо Жуковскому из Петергофа от 4 июля 1838 г. // Там же. С. 429).

Автограф стихотворного посвящения сохранился в составе альбома, подаренного Евдокии Петровне Ростопчиной (ПД. № 28 466. Л. 4). В 1838 г., посылая графине Ростопчиной альбом, принадлежавший А. С. Пушкину, Жуковский вписывает туда десять стихотворений, первым из которых является вариант стихотворного посвящения к «Ундине». Об этом см.: *Реморова Н. Б.* Художественные произведения Гердера в чтении и переводах Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 168—209.

Целостный характер работы, воссоздающий эволюцию замысла, реконструкции не подлежат, поскольку не сохранились автографы всего произведения и существуют перерывы между редакциями в несколько лет. Можно говорить о том, что перевод прозы в гекзаметры шел относительно легко. Отметим ряд внешних изменений, усиливающих по сравнению с подлинником повествовательное, сказово-легендарное начало. Вместо «*Erzählung*» появляется подзаголовок «старинная повесть», подвергаются изменениям подзаголовки глав, приобретая единообразие («О том, как...», «О том, что...») и действенно-событийный характер, чередуя влияние судьбы и проявление воли человека. Меняются некоторые реалии и имена. Гульдбранд становится Гульбрандом, патер Хайльман патером Лаврентием, «владелец барон фон Кюлеборн» дядей Струем. Озеро заменяется морем, иначе рассчитывается возраст Ундины: сначала она попадает в жижину рыбака четырехлетней и проходит пятнадцать лет, затем соответственно шесть лет и двенадцать.

Изменения касаются также сокращения и, напротив, увеличения объема некоторых эпизодов (см. построчный комментарий). В прозаический текст Фуке введены несколько стихотворных песенных фрагментов: песня Ундины (глава III), песня водопада (глава IX), рассказ Ундины (глава XI). У Жуковского аллитерации подлинника заменены внутренними рифмами.

Наиболее значимой является проблема перевода прозы стихами. Это продолжение дискуссии о гекзаметре, начатой еще в «Арзамасе» по поводу переводов из Гебеля, принимавшихся далеко не всеми из единомышленников и друзей. Для Жуковского этот вопрос был принципиальным: во-первых он эстетически обосновывал точное соотношение фрагмента бытия и художественного языка его описания, вводя свой «идиллический», шуточный, «сказочный», «античный» гекзаметр; во-вторых, он стремился к некоему универсальному синтезу прозы и поэзии, объединяющему мир бытовых реалий с возвышенной духовной реальностью. Поэтому в письме И. И. Дмитриеву от 12 марта 1837 г. Жуковский объясняет причины обращения именно к этому метру в переложении «Ундины». «Прошу учителя благосклонно принять приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно (...) именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда» (РА. 1866. Стб. 1640). Дмитриев благосклонно оценивает опыт «ученика». В письме к П. П. Свиньину от 23 марта 1837 г. он, в частности, сообщает: «Вчера В. А. Жуковский прислал мне в подарок новое издание в 8-ми томах его творений и перевод его гексаметром прелестной повести. Хотя и в прозе, поистине поэтической *Ундины*, Ламота-Фуке, известного вам немецкого писателя» (*Дмитриев И. И. Сочинения*. СПб., 1893. Т. 2. С. 328). Именно гекзаметр синтезирует условные миры прозаической повести Фуке (патриархальный, «имперский», фантастический), создавая основное, трудно формулируемое отличие двух текстов: тональность всего произведения. Она складывается из нескольких составляющих. Прежде всего это касается образной и сюжетной системы.

Образ Ундины (лат. *unda* — волна) имеет богатую мифологическую генеалогию и обладает амбивалентной семантикой. В переводе баллады Гете «Рыбак» Жуковский обращается к традиционному русалочьему сюжету — искушение земного человека тайнами подводного мира и его гибель. Поэта привлекали типологически близкие персонажи низшей демонологии, являющиеся арсеналом образности различных национальных литератур. В выписках 1818 г. из произведений немецкой эстетики и критики (РНБ. Оп. 1. № 96. Л. 13—17; напечатано: БЖ. Ч. 2. С. 204, 209) содержатся упоминания подобного рода: «Фен, силфы, гномы; сии создания внесены в [запасы] национальные (...) Удивительная особенность рыцарской поэзии — насыщенность сказочными великанами, карликами, феями, волшебниками из арабских волшебных сказок»

Здесь же упоминается наиболее близкий сюжет, «Повесть о Мелузине и Мелелоне» (Там же. С. 211). Мелюзина, персонаж кельтской мифологии и романа XIV века, написанного Жаном из Арраса, была феей, вышедшей замуж за юношу, запретившей ему видеться с ней по субботам, когда она обращалась в змею. Мотив нарушенного запрета и общая канва сюжета имеет весьма отдаленное сходство с

«Ундиной». Повесть Фуке вполне сознательно ориентирована на средневековую картину мира с изоморфностью макрокосма и микрокосма, переводом сложных религиозно-философских концепций в план средневековой натурфилософии, с мистической идеей восхождения к совершенству путем сочетания природных духов и людей, идеей одухотворения природы. Существовал вполне конкретный источник этих верований, востребованный романтиками, — книга средневекового мистика Парацельса (*Paracelsus Theophrast. Liber de nymphis, sylphus, pygmaeis et salamandris et de caeteris spiritibus*. Basel, 1559). В ней дается описание и типология фантастических существ, придающих последующему сюжету вполне реальные жизненные мотивировки. Так об ундинах говорится почти в нравоописательном ключе: «Известно, что если они бывают обижены мужчинами на воде или у воды в любом ее виде, то после этого становятся бессмертными, только уходят в воду и больше никогда не появляются». (*Paracelsus. Werke*. Basel, 1590. Bd. IX. S. 65). Или: «... Может случиться, что муж возьмет новую жену, и тогда она (ундина. — *H. B.*) приходит и приносит ему смерть» (*Ibid.* S. 66).

Сюжет «Ундины» Фуке—Жуковского оказывается чрезвычайно емким, аккумулируя в себе прямо противоположные смыслы и ценности. В его центре — неумолимая «сила судьбы» родовых законов, природных и социально-психологических (и больше языческих), сосредоточенная в «жилище двух миров» (стихийном духе, обретшем душу) и в силу обычных жизненных закономерностей терпящей поражение, но в идеальном смысле побеждающей глубиной и верностью чувства. «Ундина» Фуке, выстраивая внешний абрис сюжета, делит мир на условные сферы: патриархально-идиллическую, акцентируя грубоватую простоту нравов ее обитателей, городскую — со стилизованным куртуазно-рыцарским колоритом, фантастическую — с горными, лесными и водными духами.

Многообразные жанровых определений «Ундины» («старинная повесть», «поэма-сказка», «легенда», «фантастическая поэма», «философская поэма») свидетельствует о высоте поэтического обобщения, обращенности к бытийным (вечным) проблемам любви, верности, ответственности, места человека в мироздании, природе человеческих чувств. В этом смысле «Ундина» может считаться «метафизикой любви» и «поэмой натурфилософской». Особенностью «Ундины» в отличие от ее многочисленных генетических и типологических «двойников» является создание неизмеримо более сложного синтеза в плане конфликта и характера, не сводимого к различным модификациям концепции романтического двоемирия.

«Ундина» — «поэма вочеловечения». Жуковский равно отвергает традиционную самоценность природного (естественного) начала (будь то символ нравственной оценки, возмездия, стихии), но столь же далек он от идеализации *духовного* начала, понимаемого как данность. Поэтому в центре повествования образ Ундины, в которой онтологически неразрешимые противоречия разрешаются Жуковским эстетически, в создании образа-идеала, намечающего сложную диалектику взаимодействия родового и индивидуального, стихийного и духовного, вечного и преходящего.

Ундина — единственная героиня поэмы, которая, являясь «жилищем двух миров», оказывается способной к развитию, но к развитию не эволюционному, а духовному. Так, преображенная любовью, обретя в любви живую душу, а значит, способность самоотречения и сострадания, Ундина наделяется свободой воли и действия. Погруженная, отданная проклятием рыцаря в волю стихий, она вынуждена совершить возмездие, подчиняясь безличным родовым законам. Отчуждена

Ундина и от человеческого мира, где душа не обретается в страданиях и верности, но является данностью. В этом смысле внешняя динамика чувств Гульбранда и Бертальды оказывается психологически беднее постоянства любящей, кроткой, верной Ундины. Верность чувству оказывается сложней изменчивости чувств.

Таким образом, Ундина в поэме объединяет два мира, являясь выражением натурфилософских взглядов Жуковского. Идеал одухотворенной самоотверженной любви становится залогом самосохранения личности в ее единстве с миром. Биографически-архетипической основой образа Ундины для Жуковского, вне всякого сомнения, были ушедшие из жизни бесконечно дорогие для него в непреходящей памяти М. А. Мойер и А. А. Воейкова. На рельефном портрете 1833 г. он вырезал надпись: «Для сердца прошедшее вечно» и подарил его И. Ф. Мойеру в 1841 г.

Одной из важных составляющих «Ундины» Жуковского, таким образом, является сама героиня. По наблюдениям комментаторов и исследователей, Ундина Фуке прописана в бытовом плане, что проявляется в номинациях героини: «девушка», «прелестная девчушка», «озорница», «глупая девчонка», «прекрасная дама». Ее образ двойится между воплощением бездушных стихийных сил (капризы, вспышки своеволия и веселости) и кроткой набожностью в стиле немецкого бидермайера. У Жуковского Ундина до преобразования напоминает ребенка (эпитеты «дитя», «младенец», «детский»), резвую птичку, а после вместе с ангельски-непорочными красками облика привносится элегическая интонация, присущая только Жуковскому, томительно-грустно-возвышенная, соприкасающаяся с идеалом. Это описание облика Ундины до свадьбы (Глава V. Ст. 654—662) и после (Глава VIII. Ст. 1031—1035). Элегическая интонация усиливается к финалу поэмы (реминисценции-универсалии превращения Ундины в ручеек на могиле рыцаря, символ верности «за гробом»), воплощаясь в жалобе-заклинании — растворении в Дунае (Глава XIV. Ст. 2090—2107) и прощальном поцелуе Ундины невольной мстительнице, принесшей рыцарю смерть (Глава XVIII. Ст. 2383—2397).

Элегическая интонация звучит не только в монологах персонажей, но и в ряде авторских сентенций (Глава V. Ст. 621—631; Глава XIII. Ст. 1596—1608; Глава XVI. Ст. 2110—2125). По сравнению с прямой апелляцией Фуке к «дорогому читателю» в начале XIII главы Жуковский превращает свои обращения в доверительно-исповедальный диалог, аналог своих лирических стихотворений. Таким образом, сама по себе универсальная история жизни Ундины погружается в философию судьбы, тайны утрат и обретений автора, возводится в ранг всеобщей философии жизни.

Наконец, по сравнению со стилизованной манерой Фуке исследователи отмечают особую тональность поэмы Жуковского, заключающуюся в «циркуляции лиризма» (Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М., 1962. С. 285) в эпическом контексте. О «переломе поэтического направления», проявившемся именно в «Ундине» в начале 1840-х гг., пишет Гоголь: «Самая задумчивость уступила место светлости душевной (...) С этих пор он добыл какой-то прозрачный язык» (Гоголь. Т. 8. С. 379). Это проявляется в трансформации события в настроение, лирическом психологизме, обилии романтической символики «души», «невыразимого» и пр.

Сразу после выхода в свет «Ундина» Жуковского стала общественно-культурным событием. В апреле 1837 г. появляется не просто отзыв, но концептуальная статья П. А. Плетнева «“Ундина” Жуковского» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду на 1837 г.». 10 апреля. № 15), в которой автор, сопоставляя оригинал и

перевод как архетип и его совершенное эстетическое и художественное наполнение, пишет: «Фуке выдумал концерт и рассказал про него вслух, а Жуковский для идей его прибрал ноты — и какая небесная музыка!» (Переписка. Т. 1. С. 287). Эта мысль дополняется идеей вполне самостоятельного культурного статуса перевода Жуковского: «Наш переводчик постигнул назначение “Ундины” в художественном мире и с торжеством ввел ее туда, где самая идея указывала ей место: обстоятельство, навсегда разлучившее немецкую “Ундину” с русской и убедительно показавшее разницу между двумя поэтами. (...) Жуковскому она обязана лучшим существованием» (Там же. С. 286—287). Плетнев же и точно формулирует основную идею поэмы, предопределившую не только эстетическую, но и личностную феноменологию в контексте XIX — начала XX вв.: «Он остановился на лучшей идее, которая поэтической деятельностью доставляла удивительную свободу и в то же время все способы к производству чудных явлений во всех родах прекрасного. Ундина, сохраняющая таинственную силу существа сверхъестественного, подвластная могуществу всех ощущений человека и безответная перед законами фантастической своей родины, эта Ундина, в минуту явления своему поэту, была ниспослана для разоблачения всего, что только хранят для поэзии два мира: незримый и видимый: дух и человек, две их сокровищницы: фантазия и сердце» (Там же. С. 281).

Отзывы Гоголя, Герцена, Достоевского варьируют оттенки художественной и эстетической рецепции поэмы от однозначного восхищенного приятия до пространных комментариев. Так, Н. В. Гоголь в 1837 г. в письме к В. О. Балабиной сообщает: «В Бадене я встретился еще раз со Смирновой. (...) У ней прочитал я “Ундину” Жуковского. Чудо что за прелесть!» (Гоголь. Т. X. С. 106).

В числе читаемых им книг называет «Ундину» в 1838 г. 16-летний Ф. М. Достоевский (*Достоевский Ф. М. Письма*: В 4 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 47).

А. И. Герцен комментирует «Ундину» в автобиографическом ключе, проецируя один из мотивов (потока) на свои напряженно-романтические отношения с Н. А. Захарьиной. После выхода поэмы он сообщает Захарьиной 28(?)—30 июня 1837 г. из Вятки: «Сейчас прочел я “Ундину” Жуковского — как хорош, как юн его гений. Я пришлю ее тебе. Вот два стиха, служащие лучшим выражением моего прошлого письма [См. письмо от 18—23 июня 1827, в котором о Захарьиной говорится, что она для него «все — поэзия, религия, все небесное начало души, искупление» // *Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1961. Т. XXI. С. 176], продолжением его: *В душиной долине волна печально трепещет и бьется; // Влившись в море, она из моря назад не полетит*. Мы два потока: ты — широкий, ясный, отражающий вечно голубое небо с солнцем. Я — бурный, подмывающий скалы, ревуший судорожно — но однажды слитые, не может быть раздела. Пусть люди делают, что хотят, *волна назад не полетит*» (Там же. С. 179). В главе «Юность» из «Записок одного молодого человека», включенных в 1862 г. в третий том автобиографической эпопеи «Былое и думы», Герцен трактует этот же мотив в социально-философском ключе как соотношение индивидуального и родового начал, романтического этапа юности и контрастной включенности частного в общее: «Душа, однажды предавшаяся универсальной жизни, высоким интересам, и в практическом мире будет выше толпы» (Там же. Т. 1. С. 276).

1830—1840 гг. дают и ряд поэтических реминисценций «Ундины»: это и целостная романтическая картина мира с высоким духовным строем, и отдельные строки, образы, мотивы.

Так, В. Ф. Одоевский, в рамках своих натурфилософских взглядов создавший фантастические повести «Сильфида» и «Саламандра», планировал и написание «Ундины» (см.: *Сажулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 80), первый план которой, впрочем, озаглавлен «Ундин», в качестве главного героя фигурирует дядя Струй, а сам характер повествования приобретает сатирический оттенок по отношению к петербургскому культурному быту. Сюжет «Тамани» М. Ю. Лермонтова очевидно перекликается с сюжетом «Ундины»: характерно, что Печорин героиню новеллы называет «моей ундиной».

«Певцом Ундины» называл Жуковского В. Г. Бенедиктов, а в 1839 г. в цикле стихотворений «Путевые заметки и впечатления (В Крыму)» в 7-м отрывке «Потоки» лирическая героиня, возлюбленная поэта, отождествляется в воображении с Ундиной: «О, когда б она Ундиной // Или нимфой водяной // Здесь явилась предо мной!» (*Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 194).

В. К. Кюхельбекер использует имя Ундины по отношению к любимой ученице (Васиньке). В стихотворении, написанном 22 июля 1841 г., накануне отъезда адресата, он обращается к ней: «Фантазия, Ундина, Пери, // (Любое имя выбирай), // Ах! скоро за тобою двери // Затворятся. — Прощай!» (*Кюхельбекер В. К.* Сочинения: В 2 т. Л., 1967. Т. 1. С. 305).

Е. В. Ланда приводит интересный факт, связывающий преданность жен декабристов с поэтическим эталоном этого качества. Так, 11 апреля 1837 г. Жуковский пишет Н. Н. Шереметевой (дочь которой была женой декабриста И. Д. Якушкина): «Целую ваши ручки, моя милая Н. Н., и посылаю вам мою дочку *Унди́ну*, которую прошу принять с благосклонностью и верить, что я, крестный отец ея, люблю вас как душу» (*Жуковский В. А.* С 7. Т. 6. С. 501). «Тут “дочка” упоминается не случайно; в 1826 г. Шереметева писала поэту о страданиях своей дочери Настасьи Васильевны, решившей последовать за мужем в Сибирь. Жуковский был и родственными, хотя и дальними узами связан с Шереметевой: ее сын женился на дочери М. А. Мойер-Протасовой» (*Ланда Е. В.* Указ. соч. // *Фридрих де ла Мотт Фуке.* Ундина. М., 1990. С. 504). При встрече Жуковского во время путешествия по России в 1837 г. с ссыльными декабристами он узнает от А. Е. Розена о чтении ими «Ундины» (*Жуковский в воспоминаниях.* С 2)

Н. М. Языков в стихотворении «Ундина» (1839), опубликованном в 1841 г. в «Современнике» (Т. XXII. С. 181) и «Москвитянине» (Ч. V. № 9), включает поэму Жуковского во внутренний диалог с условным другом-собеседником, что позволяет справиться с собственным душевным разладом.

Читай Жуковского «Унди́ну»:
Она тебя займет и осветит; ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как бысролетный сон!

Своеобразной эстетической квинтэссенцией оценок «Ундины» становится фрагмент, посвященный ей, из цикла статей «Сочинения Александра Пушкина» В. Г. Белинского. Называя «Унди́ну» «одним из самых романтических его (Жуков-

ского. — Н. В.) произведений», отмечая синтетический характер повествования: «Нельзя довольно удивиться, как искусно наш поэт умел слигь фантастический мир с действительным миром», критик выделяет главное качество, воздействующее на читателя: глубокое проникновение в психологию человека и неповторимость интонации: «сколько заповедных тайн сердца умел он разоблачить и высказать в таком сказочном произведении (...) «Ундина» — произведение, овеянное тихой скорбью, светлой печалью» (Белинский. Т. 7. С. 199—200).

Комментаторы считают, что дальнейшая судьба «Ундины» связана с ее переходом в разряд сочинений для детей и юношества, инициатором чего становится отчасти и сам поэт. Начало XX века показывает, что это не совсем верно, и дает два значительных образца рецепции поэмы А. Блоком и М. Цветаевой.

Жуковский во многом определяет духовную атмосферу семьи Блока, которую Андрей Белый воссоздает в тонах «Ундины»: «И каждый вечер сидели мы за чайным столом, журча о Жуковском, Ундиночке, дядюшке Струе» (*Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 17).

Символистская трактовка Блока включает в себя понятие видимости и вечной сущности, их разлада, звучит на фоне одиозного и вместе с тем характерного для эпохи «Мелкого беса» Ф. Сологуба: «Кто же эта Недотыкомка? Мечта или действительность? В романтической “Ундине” рыцарь все ищет вечную женственность, а она все рассыпается перед ним водяной струйкой в серебристых струйках потока. Когда же умер и был похоронен рыцарь, зеленый могильный холм его обтекла эта серебристая водяная струйка. И это была милая, верная сердцем до гроба — Ундина» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 128).

Для Марины Цветаевой «Ундина» Фуке и Жуковского является архетипом детства и водно-женственной стихии. В «Ответе на анкету» 1926 г. о последовательности любимых книг-эпох для раннего детства она отмечает «Ундины» (*Цветаева М.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 7). А. Цветаева вспоминает о разделе влияний в детстве культурных сфер, имен, книг: «Так мы разделили две налюбимейшие поэмы: “Ундины” взяла Муся, “Рустема и Зораба” получила — взамен — я. Так мы делили — все» (*Цветаева А.* Воспоминания. М., 1983. С. 24).

Следует отметить, что сопричастная русской и немецкой культурам Цветаева, подобно «двум Лесным царям» Гёте и Жуковского, как правило, имеет в виду и двух «Ундин». Так, в эссе «Мать и музыка» ассоциацию со скрипичным ключом составляет немецкий прообраз дяди Ундины. «И еще другой ключ, *Wohn*, ключ *Oheim Kühleborn* (дядя холодный ключ. — Н. В.), и его перевод: Дядя Струй, из жемчужной струи разрастающийся в смертоносный поток» (*Цветаева М.* Указ. соч. Т. 2. С. 103).

Символистское и неоромантическое прочтение «Ундины» Блоком и Цветаевой вновь актуализирует интерес к «Ундине» в XX веке, не увенчавшийся, к сожалению, целостным исследованием поэмы. Современные комментаторы и исследователи (за исключением, пожалуй, Ц. Вольпе и Н. Eichstädt) ограничиваются частными замечаниями. Наиболее полно о повести Фуке и переводе Жуковского говорится в статьях Д. Л. Чавчанидзе «Романтическая сказка Фуке» и Е. В. Ланды «“Ундина” в переводе В. А. Жуковского». См.: *Фридрих де ла Мотт Фуке.* Ундина. Сер. «Литературные памятники». М., 1990.

«Ундина» Жуковского во второй половине XIX века обретает и музыкальное воплощение. Несколько опер, завершенных и набросков, появляются на этот сю-

жет в России. Их авторы: А. Ф. Львов, А. Н. Серов, П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов, С. С. Прокофьев. Все оперы, за исключением «Ундины» Львова, не были завершены.

А. Ф. Львов, директор Придворной капеллы, осуществляет постановку оперы в 1848 г. на петербургской сцене (либретто В. А. Соллогуба). Спектакль успеха не имел, за исключением оркестрованной в дальнейшем М. Балакиревым увертюры. Сохранилось два опубликованных либретто Соллогуба (Ундина: Опера в 3-х действиях (сюжет заимствован из поэмы Жуковского) / Музыка А. Ф. Львова. СПб., 1863; *Соллогуб В. А. Ундина: Опера в трех действиях* / Музыка А. Ф. Львова // Сочинения. СПб., 1856. Т. 4).

Подробнее о музыкально-сценической истории «Ундины» см. в указ. статье Е. В. Ланды (*Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина*. М., 1990. С. 511—526).

«Ундина» стоит особняком в русской культуре. До Жуковского повесть Фуке перевел в 1831 г. племянник А. А. Дельвига, выпустивший прозаическое переложение под псевдонимом А. Влидге (*Де-ла Мот-Фуке. Ундина, волшебная повесть*. Пер. А. Влидге. СПб., 1831). Несмотря на положительную рецензию в «Литературной газете» (1831. № 23. Раздел «Библиография». С. 189), перевод остался фактом истории литературы, а для современников прошел незамеченным.

Существуют более поздние переложения «Ундины» для драматической сцены, сохранившиеся в фондах Санкт-Петербургской театральной библиотеки: «Ундина: Феерия в 3 действиях, 7 картинах. Переделана из старинной повести В. Жуковского с сохранением его стихов» (Русский цензурный фонд театральной библиотеки в С.-Петербурге. № 49330); Висковатов П. А. Ундина: Драма в 5 действиях и 8 картинах (Там же. № 17121. Ц. р. 5 июля 1901). Но эти немногочисленные трансформации текста Жуковского, неудачи в их реализации только подчеркивают «непереводимость», уникальность его поэмы. Об этом точно сказал С. С. Аверинцев: «Ундина» — одна из самых поразительных удач Жуковского, а для русской культуры — такое достоинство, без которого, ненаучно выражаясь, и жить невозможно» (*Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского*. М., 1985. Т. 2. С. 554).

Ст. 57. *Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи...* — В автографе № 2: «Душу его обуяла, и все, что в ненастные ночи...»

Ст. 59. *Мыслям его; особливо ж оди, великаиского роста...* — «Мыслям его; особливо ж некто огромного роста...» (Автограф № 2, копия № 5).

Ст. 61—62. *Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом // Деле сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак...* — «Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что смотрит / В самом деле сквозь черные ветви кивающий образ...» (Автограф № 2).

Ст. 68. *Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий образ...* — «Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий призрак...» (Автограф № 2).

Ст. 72. *Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо...* — «Бодром коне он ехал из темного леса и прямо...» (Автограф № 2).

Ст. 75—76. *Шитый колет; на бархатном черном берете висел // Белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной...* — «Шитый колет; кудрявыми легкими перьями черный / Был украшен берет; висел на цепи драгоценной...» (Автограф № 2).

Ст. 86—88. *Лучшим стойлом будет коню твоему наш зеленый ~ Сам он найдет у себя под ногами; тебе ж мы охотно...* — «Лучшего стойла твой конь не найдет, как этот зеленый / Луг, покрытый густыми деревьями, вкусной же пищей // Будет ему трава под ногами; тебе ж мы охотно...» (Автограф № 2).

Ст. 87. *Луг, под кровлей ветвистых деревьев; а вкусную пищу...* — «Луг, под кровлей сенистых деревьев; а вкусную пищу...» (Автограф № 3).

Ст. 92. *Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно...»* — «Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты радушно...» (Автограф № 3).

Ст. 93—96. *Добрый старик, принимаешь меня ~ Нет никакой; а вечером поздно в этот проклятый...* — «Добрый старинушка, принял меня, но когда и не столько // Был ты приветлив, все ж от меня не отделался нынче: // Озеро, вижу я здесь перед нами, и дале дороги // Нет никуда; а вечером поздним в этот проклятый...» (Автограф № 2, 3).

Ст. 101. *Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле широком...* — «Горнице трепетный свет разливавшим, на стуле просторном...» (Автограф № 2).

Ст. 104—105. *Чинно и села опять, ему отдать не подумав // Место свое. Рыбак, засмеявшись, сказал: «Благородный...»* — «Чинно и села опять на почетном месте, не мысля / Гостю его уступить; а рыбак сказал, засмеявшись...» (Автограф № 2); «Чинно и села опять, не подумав гостю отдать / Почетного места. Рыбак, засмеявшись, сказал: «Благородный...» (Автограф № 3).

Ст. 108. *Лучшее место всегда старикам уступается.* — «Что ты... — «Лучшее место всегда пожилым уступается». — «Что ты...» (Автограф № 3).

Ст. 109—110. *Дедушка! — с кроткой усмешкой сказала хозяйка. — Ведь гость наш // Верно, такой же Христов человек, как и мы, и придет ли...* — «Выдумал, старик, сказала с легкой усмешкой хозяйка, // Гость наш такой же, как мы, христианин; и сам ты подумай...» (Автограф № 2).

Ст. 117. *Был он у милых родных, возвратясь из чужи в отчизну...* — «Был он у милых родных, из чужи домой возвратясь...» (Автограф № 2).

Ст. 118—119. *Стали они разговаривать. Рыцарь разведать о страшном // Лесе хотел, но рыбак ночью порою боялся...* — «Вот начался разговор дружелюбный. О лесе разведать // Рыцарь хотел, но рыбак ночью порою боялся...» (Автограф № 2).

Ст. 123. *Рыцарь о том, как в разных землях он бывал, как отцовский...* — «Рыцарь о том, как в разных странах он бывал, как отцовский» (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 124—126. *Замок его у истоков Дуная ~ Имя же замка Рингштеттен...* — Немецкое Ringstätten и старофранцузское la Motte совпадает, по свидетельству самого Фуке, с родовым именем героя («Lebensbeschreibung des Generals Fouque», 1824) и означает «окрестность замка».

Ст. 127—128. *Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за окошком, // Точно как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи...* — «Рыцарь слышал, как будто плескали в низком окошке // Шорох, как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи» (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 142. *Молвила: «Так говорить ты волён; когда ты усталый...»* — «Молвила: «Так говорить ты можешь; когда ты усталый...» (Автограф № 2).

Ст. 152—153. *Вовсе ее разлюбить уж нельзя, — кивнув головою, // Кротко сказала старушка...* — «Вовсе ее разлюбить уж нельзя — отвечала с сердечной // Доброй улыбкой старушка...» (Автограф № 2).

Ст. 174. *Подле Гульбранда с своим рукодельем, тихонько шепнула...* — «Подле Гульбрандова стула, и с ласковым видом сказала...» (Автограф № 2).

Ст. 183. *Белый, ему показалось, глядел; но было в окошке...* — «Странный, ему показалось, глядел; но было в окошке...» (Автограф № 3).

Ст. 194. *Детской ее запальчивостью, нежели ревностью прежней...* — «Детской досадой, чем прежней веселостью резвой...» (Автограф № 3).

Ст. 195—196. *Но рыбак, рассердясь не на шутку, причуднику начал // Крепко журить за ее упрямство и дерзкую вольность...* — «Но рыбак, потерявший терпенье, причуднику начал // Крепко журить за ее нетерпенье и дерзкую вольность...» (Автограф № 3).

Глава II. *О том, как Ундина в первый раз явилась в хижине рыбака.* — Первоначальное заглавие в автографе № 2: «О том, как рыбак нашел Ундины».

Ст. 211—213. *Встретиться ночью!* — «Зачем же медлить? Пойдем поскорее... ~ Тьма на дворе: куда мы пойдём? И кто угадает...» — «Встретиться с нею ночью попой. — Так пойдем поскорее // Сами ее отыскивать!» — Труд бесполезный; Ты видишь // Что за тьма на дворе. Куда же идти. И кто угадает...» (Автограф № 2).

Ст. 246. *Это случилось, — рыбак отвечал. — Тому уж двенадцать...* — «Это случилось, — рыбак отвечал. — Тому уж пятнадцать...» (Автограф № 2; автограф № 3; копия № 5).

Ст. 255. *Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот...* — «Был всегда со мною Господь, и когда через этот...» (Автограф № 2); зачеркнуто: «Был всегда со мною Господь...» (Автограф № 3).

Ст. 282—284. *Шорох; они растворились — и что же видим мы? Чудной // Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе, // Нам улыбаясь, как ангел, стоит на пороге. Сначала...* — «Шорох; они растворились — и что же? Девочка чудной // Прелести, лет четырех, в богатом уборе, как светлый // Ангел, нам улыбаясь, стоит на пороге. // Сначала...» (Автограф № 2, автограф № 3; копия № 5).

Ст. 303. *Вздорным ее подумать легко, что она к нам упала...* — «Чудным ее подумать легко, что она к нам упала...» (Автограф № 2).

Ст. 307. *...катаясь по морю в лодке...* — «...катаясь по озеру в лодке...» (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 345. *... Оба вскочили и бросились в двери...* — «... Оба вскочили и кинулись в двери...» (Автограф № 2).

Ст. 348—349. *С треском деревья, в море бежал; и было все небо, // Так же как море, взволновано; тучи горами катились...* — «С треском деревья, в озеро мчался: Было все небо как море // Слово как море взволнованно; тучи горами катились...» (Автограф № 2; автограф № 3).

Ст. 351—352. *Вся окрестность под блеском и тьмой трепетала; при свисте // Вихря было внятно, как море свирепое голос...* — «Вся окрестность под блеском и мраком дрожала, при свисте // Вихря было слышно, как грозное озеро голос...» (Автограф № 2, автограф № 3).

Ст. 353. *Свой воздымало...* — «Свой возносило...» (Автограф № 2).

Ст. 357—358. *Каждый своею дорогою, к лесу, и громко при шуме // Ветра в почной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!»...* — «Каждый своею дорогою в лес, и громко сквозь тучи // В мраке лесном откликлось: «Ундина! Ундина!» (Автограф № 2); «... в лесной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!» (Автограф № 3).

Глава III. *О том, как была найдена Ундина...* — Варианты заглавия: «О том, как они нашли Унди́ну» (Автограф № 2); «О том, как опять нашлась Ундина» (Автограф № 3); «О том, как отыскалась Ундина» (Копия № 5).

Ст. 369—371. *Он на самом краю лесного ручья, который в разливе // Бурном своем бежал широкою, мутной рекою, // Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стояла...* — «Он на самом краю лесного ручья, который широким // Быстрым разливом своим весь луг отрезал от леса // Так, что вся полоса земли, на которой стояла...» (Автограф № 2).

Ст. 380—381. *В эту минуту ему, что стоял там, ровён с деревьями, // Белый, слишком знакомый ему великан и, оскалив...* — «В самую эту минуту ему, что стоял там огромный // Белый, слишком знакомый ему человек и, оскалив...» (Автограф № 2); «... Белый, слишком известный ему человек и, оскалив...» (Автограф № 3).

Ст. 383—384. *Только что с большою силою влек его в лес: там Ундина // В страхе, одна, без защиты была. И вот уж ступил он...* — «Более влек его в лес: там Ундина среди привидений // В страхе смертельном была одна без защиты. И вот он...» (Автограф № 2). В автографе № 3 зачеркнуто: «среди привидений» и «смертельном».

Ст. 387. *Злого потока; старик сердит и обманчив. Знакомы...* — «Злого потока; старик сердит и коварен». Знакомы...» (Автограф № 2); «Злого ручья; старик сердит и обманчив». Знакомы...» (Автограф № 3).

Ст. 389—391. *Он же стоял в воде, озирался и слушал, но месяц // Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися, // Ноги его подмывая, и он, через силу держася...* — «Рыцарь слушал, стоя в воде. Но было все пусто // Месяц задернуло тучей, и волны быстро неслися // Ноги его подмывая, и он, почти опрокинут...» (Автограф № 2).

Ст. 404—405. *Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж, приподнявшись, // Руки вокруг шеи его обвила и его поневоле...* — «Вмиг близ Ундины на мягком дерне, под тайным покровом // Древних сенистых дерев. Она, приподнявшись немного // Руки вокруг шеи его обвила и насильно с собою...» (Автограф № 2).

Ст. 418. *Бегать в потемках.* — «Я сам, — отвечивал рыцарь, — лишь только... — «Ночью за нею таскаться». — «Я сам, — Гульбранд отвечивал, — только...» (Автограф № 2).

Ст. 427—428. *В душиной долине волна печально трепещет и бьется; // Влившись в море, она из моря назад не полетится...* — Эту и последующие стихотворные песенные вставки Фуке в прозаический текст Жуковский передает гекзаметром с внутренними рифмами. Ср. у Фуке: «Мечтая о просторе, // Волна, покинув падь, // Умчалась в сине море // И не вернется вспять...» (Фридрих де ла Мотт Фуке. М., 1990. С. 21. Пер. В. А. Дымшица).

Ст. 428—429. *Влившись в море, она из моря назад не полетится. // Горько заплакал рыбак, услышав ту песню ...* — «В море влилась она, из моря назад не полетится». // Слыша ту песню, рыбак обливался слезами...» (Автограф № 2).

Ст. 432—433. *Разве не видишь, как плачет отец? Не упрямясь ж; нам должно, // Должно к нему возвратиться». В немом изумленьи Ундина...* — «Если печаль старика твое расстроить не может // Сердце, то знай, что мое расстроено ею. Нам должно, // Должно к нему возвратиться. С немым удивленьем Ундина...» (Автограф № 2).

Ст. 435—436. *Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь, милый, // Я согласна». И с видом покорным, глаза опустивши...* — «Кротко потом, помолчавши минуту, сказала: Когда ты // Хочешь того, мой прекрасный друг. — Хорошо. И смиренно...» (Автограф № 2).

Ст. 439—442. *Кинулся к ней и в радости был как дитя; прибежала // Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку // Нежно они целовали; упреков не было; в добром // Сердце Ундины все также утихло...* — «Кинулся к ней и не мог на нее наглядеться, и скоро // К ним пришла и старушка; свою возвращенную дочку // Жарко они целовали; упреков не было в добром // Сердце Ундины, все исчезло и им отвечала на ласку...» (Автограф № 2). В автографе № 3 зачеркнуто «жарко».

Ст. 445—451. *Того порой занялось, и буря умолкла, и птицы // Начали петь на свежих, дождем ожемчуженных ветках; // Стало светло, и опять приступить прилялася Ундина // К рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой. И так согласились // Завтрак принести под деревья. Ундина проворно уселась // Подле Гульбрандовых ног на траве; другого же места // Выбрать никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал.* — «Между тем занялось, и буря умолкла, и птицы // Весело пели на свежих, дождем ожемчуженных ветках; // Было спокойно и ясно. Ундина же все приступала // К рыцарю с просьбой рассказ свой начать. И так согласились // Завтрак принести под деревья, служившие темной оградой // Хижины с берега. С видом довольным Ундина уселась // Подле Гульбрандовых ног на траву и места другого // Взять никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал...» (Автограф № 2). В автографе № 3 зачеркнуто: «служившие темной оградой // Хижине с берега. С видом довольным уселась Ундина...»

Ст. 458. *Алтан* — (Лат. *altus* — высокий) в средневековой архитектуре род балкона.

Ст. 462—464. *Смотрит она на меня, и во мне загорелась двойная // Бодрость; усердно бился я прежде, но с этой минуты // Дело пошло уж иначе. А вечером с нею одною...* — «Смотрит она на меня, и во мне загорелась с двойною // Силой отвага; усердно бился я прежде, но в этот миг пошло уж иначе. А вечером с нею одною...» (Автограф № 2; копия № 2; копия № 5).

Ст. 477—478. *Чем во второй. Однако мне показалось, что боле // Всех других я замечен был ею, и это мне льстило.* — «Чем во второй. Но меня ласкала она и, казалось, // Боле других я понравился ей, и это мне льстило» (Копия № 5).

Ст. 555—569. *Область подземная гномов ~ Куча за кучей, гуце и гуце, ближе и ближе...* — По сравнению с Фуке, у Жуковского картина подземного мира дана более динамично, приобретая черты фантазмагии, напоминая описание морской бездны в балладе «Кубок» и являя стилистическое родство с «Виём» Гоголя. Ср. с текстом Фуке: «И тут вдруг мне почудилось, что я вижу сквозь зеленый дерн как сквозь зеленое стекло, а плоская земля стала круглой, как шар, и внутри нее копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды. Они кувыркались через голову, швыряли друг в друга слитками драгоценных металлов, прыскали в лицо золотой пылью, а мой уродливый спутник стоял одной ногой внутри, другой снаружи. Те подавали ему груды золота. Он смеясь показывал его мне, а потом со звоном швырял обратно в бездну. Потом снова показывал кобольдам мой золотой, и они до упаду хохотали и улюлюкали. А затем они потянулись ко мне своими почерневшими от металла пальцами, и — все быстрее и быстрее, все теснее и теснее. Все яростнее и яростнее закружилась забарахталась вокруг эта чертовня...» (*Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина / Пер. с нем. Н. А. Жирмунской. М., 1990. С. 27.*)

Кобольдам (духам природы в германской мифологии) у Жуковского соответствуют гномы, нашедшие место в натурфилософской систематике Парацельса «О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и иных духах» («гномы — малы, в половину человеческого роста», «гномы добывают нуждающимся золото», «гномы и саламандры знают будущее и все сокровенные тайны»). Черные гномы враждебны

людям, живут в недрах земли, являясь ремесленниками и кузнецами и владея подземными сокровищами.

Ст. 595. *Странный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я...* — «Дымный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я...» (Копия № 3).

Ст. 597. *Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой спутник.* — «Добрые люди. Тогда пропал и воздушный мой спутник» (Копия № 3).

Ст. 610. *Рыцарь с улыбкою встал, чтоб видеть, так ли то было...* — «Рыцарь с усмешкою встал, чтоб видеть, так ли то было...» (Копия № 3).

Ст. 629. *Здесь живетя сладко, здесь сердцу будет приютно...* — «Здесь живетя сладко, здесь мне будет приютно...» (Копия № 3; копия № 5).

Ст. 638—642. ... *Рыбак был мудрец простодушный ~ Словом, он был живая летопись...* — Биография рыбака принадлежит Жуковскому, являясь вставной микроновеллой и придавая повествованию более глубокое биографическое измерение.

Ст. 640. *Ратником сам в молодых летах, на досуге он много...* — «Ратником сам в молодых летах он много в досужное время...» (Копия № 3).

Ст. 651. *Вместе все перед ярким огнем проводили...* — «Вместе все перед ярким очагом собирались...» (Копия № 3).

Ст. 654—676. ... *Но мирной сей жизни была душою Ундина. ~ Птичка, летая средь чистого неба.* — Портрет причудливой Ундины создан Жуковским. Никсы, силфиды — духи воздуха, олицетворение крылатой недостижимой мечты.

Ст. 655. *В этом жилище, куда светъ не входили, каким-то...* — «В этом затишье, куда не входила забота, каким-то...» (Копия № 3).

Ст. 675—676. *Но Ундина любила — любила беспечно, как любит // Птичка, летая средь чистого неба...* — «Но Ундина любила — любила Гульбранда, как любит // Птичка свободное чистое небо...» (Копия № 3).

Ст. 689—691. *Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой // Доли; и, словом, он верил, что все то не случай, а Божий // Промысел было...* — У Фуке более подчеркнут куртуазно-иерархический мотив служения даме: «... тогда он успокаивал себя тем, что Ундина ведь совсем не дочь рыбака, а вернее всего, происходит из какого-то удивительного чужеземного княжеского рода» (*Фридрих де ла Мотт Фуке*. Ундина. М., 1990. С. 30).

Ст. 705. *Был ненастен, ветер шумел, и море сердилось.* — «Был ненастен, ветер выл и море шумело (Копия № 3); «Был ненастен, ветер шумел и море вздымалось» (Копия № 5).

Ст. 723. *Стала она про себя потихоньку смеяться. Однако // Засухо все добрались до места; но только успели...* — «Стала она потихоньку хихикать. Однако до места // Засухо все добрались. Но лишь только успели под кровлю...» (Копия № 3).

Ст. 758. *Начал кричать на Ундину: «У турков, у нехристей, что ли...»* — «Начал Ундину журить: “У турков, у нехристей, что ли...”» (Копия № 3).

Ст. 775. *Крест, рыбак прошептал, — когда здесь случается с нами...* — «Крест, рыбак прошептал, — когда здесь творится над нами...» (Копия № 3).

Ст. 779. ...*мой дядя Струй...* — У Фуке: Oheim Kühleborn (дядя прохладный источник). Образу струящегося водопада, изменчивого потока, наделенного чертами стихийного помощника и властного судьи-мстителя, когда рыцарь нарушает обет, более соответствует имя «Струй». Ср.: в прозаическом переводе 1831 г. Александра Дельвига (псевдоним: «Влидге») дядя Ундины назван «Фрезондин» (фр. Frais-ondin).

Ст. 793. *Патер вошел и ласково всем поклонился; приятен...* — «Старец вошел и ласково всем поклонился, приятен...» (Копия № 3).

Ст. 882—883. *Благослови нас, если дадут позволение эти // Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились...* — «Благослови нас, если не будет противно то этим // Добрым людям». Рыбак и старушка пришли в изумление...» (Копия № 3).

Ст. 889. *Вдруг присмирела, задумалась, глазки потупила в землю.* — «Вдруг присмирела, задумалась, очи потупила в землю» (Копия № 3).

Ст. 894—896. *... а рыцарь из звеньев ~ Было чем обручиться...* — В повести Фуке кольца приносит Ундина, объясняя их появление так: «Мои родители, — сказала Ундина, — зашили эти вещицы в нарядное платьице, которое было на мне, когда я пришла к вам. И они же запретили мне хотя бы единым словом обмолвиться об этом до самого вечера моей свадьбы. Ну вот, я извлекла их потихоньку и спрятала до сегодняшнего дня» (*Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 39*).

Ст. 945. *Робким созданием, так строг; напротив того, с снисхождением...* — «Смирным созданием, так строг; напротив того, с снисхождением...» (Копия № 3).

Ст. 949. *Горько заплакала. Все на нее с любопытством смотрели...* — «Горько заплакала. Все на нее с беспокойством смотрели...» (Копия № 3).

Ст. 951—952. *Слезы обтерла она и священнику, в сильном волнении // Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ль, ужасно...»* — «Слезы обтерла она и, священнику руку смиренно // Сжавши, сказала: «Честный отец, не правда ль, ужасно...» (Копия № 3).

Ст. 959. *Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было...* — «Грусть и тоска волнуют меня; а доньше мне было...» (Копия № 3).

Ст. 967. *Бог милосерд, Он помилует». Тихим, покорным младенцем...* — «Бог милосерд, Он помилует». Смирно, как агнец...» (Копия № 3).

Ст. 978. *Также крестясь и молитву читая, вышли...* — «Также крестясь и молитву творя, удалились...» (Копия № 3).

Ст. 984—991. *«Милый, ты, верно, также покинешь меня... ~ Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.* — Финал главы VII сокращен и переосмыслен Жуковским. У Фуке акцент делается на страхе и сомнении рыцаря; Жуковский снимает эти чувства героя, а также убирает строки о том, что рыцарь уносит Ундину в спальню, за что К. Зейдлиц называл его «писателем девственным». Ср.: «Ты не можешь покинуть меня! — доверчиво и вместе с тем твердо шепнула она, и руки ее нежно коснулись щек рыцаря. Это окончательно развеяло злое мысли, которые гнездились в глубине его души и нашептывали ему, что он связал свою судьбу с феей или каким-то иным коварным порождением мира духов; и лишь один вопрос сорвался как бы невзначай с его губ:

— Ундина, милая, скажи только одно: что это ты говорила такое о духах земли и о Кюлеборне, когда священник постучался в дверь?

— Сказки, детские сказки! — ответила смеясь Ундина, вновь обретая свою обычную веселость. — Сперва я нагнала на вас страху, а потом вы на меня. Только и всего. Вот и песне конец, да и всему свадебному вечеру.

— Нет, не конец! — воскликнул опьяненный любовью рыцарь, погасил свечи и, осыпая поцелуями свою прекрасную возлюбленную, озаренную ласковым сиянием луны, понес ее в горницу, где было приготовлено брачное ложе» (*Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 42—43*).

Ст. 992—993. *Свежий утренний луч разбудил новобрачных; блаженством // Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой...* — «Свежий утренний луч разбудил новобрачных; с блаженством // Ясные очи Ундина открыла; а рыцарь в глубоком...» (Копия № 3).

Ст. 1032. *Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем...* — «Ангелом тихим Ундина была; она же с сердечным смиреньем...» (Копия № 3).

Ст. 1046—1047. *... Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый // Дерн...* — «... Безоблачно солнце садилось, светя на росистый // Дерн...» (Копия № 3).

Ст. 1056—1057. *Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался; // Мелким ручьем стремился поток...* — «Что же рыцарь увидел? разлива уж не было, мелкой // Речкой по камням стремился поток...» (Копия № 3).

Ст. 1070. *Здесь у тебя на груди». И, расстроган, встревожен...* — «Здесь у тебя на груди». И тронутый, с тайной тревогой...» (Копия № 3).

Ст. 1078—1124. *... Слушай, ты должен ~ Тесным союзом любви с человеком...* — Этот фрагмент Фуке — Жуковского представляет поэтическое изложение концепции Парацельса о союзе духа с человеком как возможности самосовершенствования, осложненной христианской идеей преображения любовью и верой. Саламандры — духи огня. Парацельс дает натурфилософскую культурологию стихийных духов: «Ундины по внешнему виду совершенно подобны человеку (...). Они вообще любят общество человека; особенно ундины любят выходить из воды и сидеть на берегу рек и ручьев. Они охотно даются в руки человека и с радостью вступают в брак с людьми, ибо через таинство брака они получают душу и совершенно уподобляются человеку» (Цит. по: Ундина, рассказ Фридриха де-ля Мотт Фуке. Изданный для русских гимназий с присоединением объяснительных примечаний и словаря О. Шталем. М., 1866. С. 5).

Ст. 1097—1101. *Случалось, не раз, что рыбак подглядевши ~ В хладную влагу за нею...* — Вариация «русалочьего сюжета». Ср.: баллада Гёте «Рыбак» в переводе Жуковского.

Ст. 1141—1142. *Рыцарь ее обхватил, и на руки поднял, и вынес // На берег; там перед небом самым повторил он обет свой...* — Вместо этих стихов у Фуке сравнение рыцаря с Пигмалионом, переводящее текст в галантную стилистику: «... и твердил. Что он счастливее, чем греческий ваятель Пигмалион, которому госпожа Венера оживила его мраморную статую, превратив ее в прекрасную возлюбленную» (*Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 48*).

Ст. 1163. *Зеленью берега, так благовопно, свежо и прозрачно...* — «С нею зеленью берега, так свежо, так прозрачно...» (Копия № 4).

Ст. 1166—1167. *Мы нигде толь мирного счастья, каким насладились // В этом краю; побудем же здесь; никто нас не гонит...* — «Нам нигде такого счастья, какое нашли мы // В этом месте; побудем же здесь; никто нас не гонит...» (Копия № 4).

Ст. 1200. *Станным, широким покровом, которого складки, как волны...* — «Станным большим капишоном, которого складки, как волны...» (Копия № 4).

Ст. 1215. *«Патер Лаверентий, священник Мариинской Пустыни...* — У Фуке: «Меня зовут патер Хайльман, — молвил священник, — из обители святой Марии, что за озером» (*Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 51*).

Ст. 1217. Вместо «Имя мне Струй» у Фуке: «... а меня зовут Кюлеборн, ну а если соблюдать учтивость, то следовало бы величать меня господин фон Кюлеборн, а не то, пожалуй, и владетельный барон фон Кюлеборн...» (Там же).

Ст. 1231—1232. *«Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли // Вам через лес удастся пройти безопасно ...* — «Здесь я недаром; я ваш проводник; без меня не пройдете // Вы путем через лес. Я вам не помеха...» (Копия № 4).

Ст. 1245. *В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада...* — «Голову Струя разнести, но меч по волнам водопада...» (Копия № 4).

Ст. 1250. *Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто...* — «Все казалось мне, что он человек и как будто...» (Копия № 4).

Ст. 1252—1255. «... Ты смелый рыцарь ~ как живую люблю я волну...» — Песнь водопада у Жуковского передается гекзаметром с внутренними рифмами; у Фуке шепот водопада передается звукоподражательными стихами, вкрапленными в прозаический текст. Ср.:

Смелый рыцарь,
Сильный рыцарь,
Я не сержусь,
Я не гневлюсь,
Только будь верный защитник жене,
Иначе вспомнишь ты обо мне

(Перевод В. А. Дымшица).

Ст. 1259—1260. *В этом имперском городе все почитали погибшим / Нашего рыцаря...* — У Фуке следует непереуверенный Жуковским отрывок в стиле рыцарского романа: «Его (Гульбранда. — Н. В.) слуги не хотели покидать город без своего господина, однако никто из них не отваживался последовать за ним в зловещий сумрак страшного леса. Итак, они продолжали жить на постоялом дворе, в праздном ожидании, как это водится у такого рода людей, и своими сетованиями пытались оживить память о пропавшем рыцаре (...) Многих молодых рыцарей, усердно домогавшихся ее (Бертальды. — Н. В.) милостей, она пыталась подвигнуть на розыски благородного искателя приключений. Но обещать в награду свою руку она не решалась — должно быть, все еще надеялась, что он вернется, и она будет принадлежать ему, а за какую-нибудь перчатку с ее руки или ленту никто не спешил ставить на карту жизнь, чтобы воротить столь опасного соперника» (*Фридрих де ла Мотт Фуке*. Ундина. С. 54).

Ст. 1286—1287. *Что-то подобное было, хотя его и смущала // Зависть порою. Как бы то ни было, скоро друг с другом...* — «Что-то подобное было, хотя и рождало в нем зависть // Счастье соперницы милой, короче: скоро друг с другом...» (Копия № 4).

Ст. 1300. *Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли...* — «Музыки, пенья, смеха, крики детей наполняли...» (Копия № 4).

Ст. 1325. Здесь и далее определение Фуке «человек, который чистит колодцы» Жуковский переводит как «смотритель фонтанов».

Ст. 1429. *Бледная, в страхе незапном, не ведая, что с ней...* — «Бледная, в страхе незапном, понять не умея, что с ней...» (Копия № 4).

Ст. 1432. *Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно ...* — «Вывести ее из забвения; но было напрасно...» (Копия № 4).

Ст. 1468. *Три родимых пятна как трилиственник...* — У Фуке: «родимое пятно в виде фиалочки».

Ст. 1486. *Город имперский, который ей стал ненавистен, покинуть...* — «Город имперский, ставший противным Ундине, покинуть...» (Копия № 4).

Ст. 1520—1521. ... *Правда, лес волшебный меня устрашает, // Бродят там, слышно, духи, а я так пуглива ...* — «... лес волшебный меня ужасает; там бродят // Слышно, нечистые духи, а я так пуглива...» (Копия № 4).

Ст. 1541—1543. *Жаль и ему; и, руку подав ей, вот что сказал он: «Вверьте себя беззаботно сердцу Ундины. А к вашим // Добрым родителям мы, по прибытии в замок, отправим...»* — «Жаль и ему, и за руку взявши ее, предложил он // Ей себя поручить попеченьям Ундины. // Добрым родителям, он прибавил, отправим из замка...» (Копия № 4).

Ст. 1572—1574. *Сказке, когда-то в детстве рассказанной ей, очутилась // Вдруг наяву, живая, сама; все ей в Ундине // Стало чуждо; как будто бы дух бестелесный меж ними...»* — «Сказке, когда-то в ребячестве слышанной ею живая / Вдруг очутилась сама. Черты Ундины вдруг стали / Ей как будто бы новое, страшное что-то меж ними...» (Копия № 4).

Ст. 1599—1600. *Счастлив еще, когда при раздаче житейского был ты // Сам назначен терпеть, а не мучить; на свете сем доля...»* — «Счастлив еще, когда при раздаче житейских страданий // Избран ты был принимать, а не быть раздавателем; участь...» (Копия № 4).

Ст. 1602. *Жребий был твой, читатель, то, может быть, слушая нашу...»* — В копии № 4 вместо «жребия» — «выбор».

Ст. 1649. *Сам рванулся колодезь задвинуть. Но в эту минуту...»* — «Сам порывался колодезь закрыть. Но в эту минуту...» (Копия № 4).

Ст. 1668. *Крепко-накрепко устье колодца задвинул ...»* — «Крепко-крепко отверстие колодца затиснул...» (Копия № 4).

Ст. 1704. *С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит; в бездушной...»* — «С бранью отсюда его; он мне нисколько не верит...» (Копия № 4).

Ст. 1715. *Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим...»* — В копии № 4 вместо «бестолкового» — «упрямого».

Ст. 1736—1737. *Времени им позабытое слово любви, прошептала // Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так безмерно...»* — «Времени им позабытое слово любви, торопливо // Молвила: «Милый мой друг, ты нынче со мной так безмерно...» (Копия № 4).

Ст. 1746—1753. *Мне, безрассудной, плакать ~ Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.»* — Ср. у Парацельса: «Вступив в союз с человеком, эти духи ему остаются верны, только должно удалять их от той стихии или от того места, где они первоначально жили; особенно же ундины или водяницы немедленно исчезают, навсегда покидая мужа, если их раздражить чем-нибудь на воде. Но, исчезнув, они не умирают, и горе мужу, который возьмет другую жену: он заплатит жизнью за нарушение супружеской верности» (Цит. по: Ундина. Рассказ Фридриха де ла Мотт Фуке. Изданный для русских гимназий с присоединением введения, объяснительных примечаний и словаря О. Шталем. М., 1866. С. 5).

Ст. 1865. *Силой тащил за узду; Бертальда едва подвигала...»* — В копии № 4 вместо «силой» — «вслед».

Ст. 1874. *С воплем его начала умолять, чтоб остался...»* — «С жалобным криком стала склонять, чтоб остался...» (Копия № 4).

Ст. 1883. *Роста огромного, в белом плаще; и фура покрыта...»* — В копии № 4 вместо «в белом плаще» — в «белой шинели».

Ст. 1910. *Скоро сердечный, живой разговор начался ...»* — «Тут начался открытый, живой разговор...» (Копия № 4).

Ст. 1955. *С этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно...»* — У Фуке отсутствует обращение к читателю: «С этого времени в замке жилось тихо и спокойно...».

Ст. 1965. *Стал обителю светлого счастья ...* — «Стал убежищем светлого счастья...» (Копия № 4).

Ст. 1970—1971. *Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе вешием // Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались...* — «Что ж тут дивиться, если при виде, как на широком // Небе вились журавли и ласточки быстро вились...» (Копия № 4). У Фуке вместо журавлей упоминаются аисты. Ср.: «Что ж удивительного, что весенние аисты и ласточки пробудили в них жажду странствий!».

Ст. 2053. *В собственном доме своем осужден я жить как невольник!* — В копии № 4 вместо «дому» — «замке».

Ст. 2056—2058. *Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши // На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив о данном // Им обещанье Ундины...* — Кончить ему не дала, с улыбкой ему наложивши // На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив, что в замке // Сказано было Ундиною...» (Копия № 4).

Ст. 2076. *Голосом нежным твердя: «Возлюбленный, милый, подумай...* — «Голосом нежным твердя: о милый, о милый, подумай...» (Копия № 4).

Ст. 2098. *Зло от тебя отвергнуть. Но меня уведат; отсюда...* — «Их от тебя отвергнуть. Но меня уведат; отсюда...» (Копия № 4).

Ст. 2110. *Как нам, читатель, сказать: к сожаленью иль к счастью, что наше...* — «Как нам, добрый читатель, сказать: к сожаленью иль к счастью, что наше...» (Копия № 4).

Ст. 2123—2124. *Вот, наконец, и всю изменимость здешнего в самой // Нашей печали мы видим... итак, скажу: к сожаленью...* — «Вот, наконец, и неверность житейского в самом начале // Нашем мы видим... и так нельзя не сказать: к сожаленью...» (Копия № 4).

Ст. 2169. *Брак с Ундиной его в счастливые дни совершен был...* — В копии № 4 вместо «совершен» — «освящен».

Ст. 2182. *Весть худую предчувствуя, медлил вступить в особливый...* — «Что-то худое предчувствуя, медлил вступить в особливый...» (Копия № 4).

Ст. 2189. *То, что она была доброю, верной, смиренной...* — «То, что она была смиренною, верною, честной...» (Копия № 4).

Ст. 2211. *Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель бесплотный...* — «Голос, невятно шепнувший: к тебе подошло привиденье...» (Копия № 4).

Ст. 2220. *С сладостным ваяньем, с звонким стенанием: «Стон лебединый!...* — В копии № 4 вместо «стон» — «звон». У Фуке: «лебединая песнь».

Ст. 2220—2222. ... *Стон лебединый ~ ведь он предвещает нам смерть...* — Образ лебедя в этой главе используется в двойном мифопоэтическом значении: души, странствующей во сне, и как предвестие смерти.

Ст. 2301. *Но и ей самой как будто совестно было...* — «Но ей самой все было как-то неловко...» (Копия № 4).

Ст. 2346—2347. ... *Бертальда же, стоя в окне, цепенела, // Холодом страха облитая ...* — «Бертальда смотрела в окошко от страха // Чуть дыша, бледна, неподвижна...» (Копия № 4).

Ст. 2353—2354. ... *Но все в неподвижном // Страхе стояли на месте...* — «Никто из прислужниц // С места сойти не посмел...» (Копия № 4).

Ст. 2355. *Собственным криком своим приведенная в ужас, умолкла...* — «Собственным криком своим приведенная в страх, онемела...» (Копия № 4).

Ст. 2359. *Здесь видали ее? В то время еще не раздетый...* — «Здесь видали ее? Полураздетый в то время...» (Копия № 4).

Ст. 2361—2362. *Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько // Стукнул в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина...* — «Свет проливала свеча. Вдруг легкой, легкой рукою // Стукнули в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина...» (Копия № 4).

Ст. 2373—2374. *Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и строгий // Суд соверши надо мной, мне лица твоего не являя...* — «Если твой образ ужасен, не тронь покрывала и строгий, // Мне своего не являя лица, соверши надо мною...» (Копия № 4).

Ст. 2381—2383. *...и прекрасной Ундиною, прежней / Милой, любящей, любимой Ундиною первых, блаженных / Дней предстала...* — Этим стихам нет соответствия в тексте Фуке.

Ст. 2402. *... в ужасе тот удалиться спешил. «Так и должно!...»* — «... в страхе спешил он из замка уйти. «Так и должно...» (Копия № 4).

Ст. 2404—2407. *... мне помощник не нужен». Хотел он невесте, // Вдруг овдовевшей, отпадное слово сказать в подкрепленье; // Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо. // Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь...* — «...мне помощник не нужен». Тогда он невесту // Вдруг овдовевшую стал утешать, но Бертальда как будто / Громом убитая слушала сухо его увещанья. // Старый Бертальды отец молился и, в горе смиряясь...» (Копия № 4).

Ст. 2406. *Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо...* — У Фуке: «... и когда Бертальда, не переставая проклинать Ундину, назвала ее убийцей и колдуньей...» (Фридрих де ла Мотт Фуке. Ундина. С. 100).

Ст. 2453—2454. *Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился прозрачный // Ключ; серебристо вился, он вперед пробирался...* — «Где он стоял на коленях, по травке бежал серебристый // Ключ, вился и лиясь, он вперед пробирался...» (Копия № 4).

Н. Ветшева

Маттео Фальконе

Корсиканская повесть

(«В кустах, которыми была покрыта...»)

(С. 179)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 12 об. — 15 — черновой, чернилами; на л. 12 об. — чернилами по карандашу, с заглавием: «Марко Фальконе», с датами: «17/29» — в начале рукописи; «19/31 марта 1843» — в конце. Кроме того имеются даты внутри текста: около ст. 30 — «18/30» и ст. 100 — «19/31». В собственноручном списке произведений (л. 2) отчетливо заглавие «*Марко Фальконе*».

2) РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 3—5 с оборотами — перебеленный, но с небольшой правкой, с разбивкой на пятистишия, с заглавием: «Маттео Фальконе» и подзаголовком: «Корсиканская повесть». В конце рукописи помета: «Поправлена 8 апреля / 27 мая (224)». Число, заключенное в скобки, — количество стихов в произведении. На внешней обложке тетради список произведений с датами их создания. Первое в списке: «*Маттео Фальконе. 19—31 марта 1843*».

Копия: РГБ (фонд Елагиных). № 228 — рукой А. А. Елагина в его письме к А. П. Елагиной от 20 ноября 1843 г.

В первые: Совр. 1843. Т. 32. С. 208—225. — с подзаголовком: «Корсиканская повесть (Из Шамиссо)», без подписи. В оглавлении к тому указано: «Маттео Фаль-

коне В. А. Жуковского». Имеется послесловие от редактора (С. 225—226), включающее отрывок из письма Жуковского к П. А. Плетневу от 1843 г., где, в частности, говорится: «Но я еще написал две Повести, ямбами без рифм, в которых с размером стихов старался согласить всю простоту прозы так, чтобы вольность непринужденного рассказа нисколько не стеснялась необходимостью улаживать слова в стопы. Посылаю вам одну из этих статей для помещения в Современнике. Желая, чтобы попытка *прозы в стихах* не показалась вам прозаическими стихами». (С 7. Т. 6. С. 591. Курсив Жуковского).

В прижизненных изданиях: НС. Т. 1. СПб., 1849. С. 293—301, с заглавием в тексте: «Маттео Фальконе. Корсиканская повесть». В оглавлении: «Маттео Фальконе (Из Мериме)». Том имеет посвящение: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому и Петру Александровичу Плетневу»; С 5. Т. 6. 1849. С. 293—301. — Публикация во всех отношениях идентична указанной выше. Судя по всему, первый том НС напечатан с того же набора, что и шестой том С 5, о чем говорит, в частности, наличие в нем (С. 333) финальной фразы: «Конец шестого тома» (надписи в первом томе явно неуместной) и тождественного с шестым томом С 5 «Списка замеченных опечаток». Единственным различием этих двух изданий является вышеупомянутое посвящение, отсутствующее в 6-м томе. Первым, явившимся в свет изданием стали «Новые стихотворения», что ясно из письма Жуковского Плетневу от 6 марта 1850 г., где читаем: «Весьма одобряю, что вы публикацию о полных сочинениях отложили до осени нынешнего года; они, таким образом, не подорвут продажи “Новых стихотворений” (...) До осени все можно оставить in status quo. А заботиться только о распродаже “Новых стихотворений”» (СС. Т. 4. С. 666).

Датируется: 17 (29) — 19 (31) марта — до 20 сентября (2 октября) 1843 г.

Первая проблема, связанная с комментарием повести, — ее творческая история, прежде всего время ее создания. Традиционно принятая датировка «Маттео Фальконе» 17 (29) — 19 (31) марта 1843 г. (см.: Стихотворения. Т. 2. С. 483; СС 1. Т. 2. С. 484) фиксирует лишь процесс создания чернового варианта (автограф № 1). Между тем очевидно, что работа над текстом «корсиканской повести» продолжалась, о чем свидетельствует помета в беловом автографе: «Поправлена 8 апреля / 27 мая [1843]» (автограф № 2). В дневнике итоговая запись за 1843 г. имеет следующий характер: «Написал “Маттео Фальконе”, “Боппа” и перевел две с лишним песни из Гомера. Вся сия работа продолжалась с возвращения из Берлина 23 сентября до поездки в Дармштат 5 декабря. Пребывание Гоголя было мне полезно» (ПСС 2. Т. 14. С. 277). По всей вероятности, какие-то поправки в текст повести Жуковский вносил уже после ее перебеливания, возможно, по совету Гоголя, который гостил у Жуковского в Дюссельдорфе с 16 (28) августа по 24 октября (5 ноября) 1843 г. Из письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 20 сентября н. ст. известно, что «пизса» «Маттео Фальконе» уже была послана Плетневу для публикации (Гоголь. Т. 12. С. 215). Как явствует из письма Гоголя П. А. Плетневу от 6 октября н. ст., он собственноручно переписал повесть Жуковского. Так как Гоголь интересуется в этом письме у Плетнева: «Получили ли *Маттео Фальконе* от Жуковского?» и замечает: «Хотя это и не мое дитя, но его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет» (Там же. С. 221), то можно констатировать, что, во-первых, в сентябре (до 20-го н. ст.) повесть была уже послана в Петербург для публикации ее в плетневском «Современнике», а во-вторых, высказать предположение об участии Гоголя на последнем этапе в работе над ее текстом.

Таким образом, не подвергая сомнению общепринятую датировку повести «Маттео Фальконе», тем более что в собственноручном списке ее зафиксировал сам поэт, можно ее уточнить: работа над ее текстом проходила с перерывами в течение 17 (29) — 19 (31) марта — сентября (до 20-го н. ст.) 1843 г.

Вторая эдиционная проблема связана с историей публикации повести Жуковского — появлением в НС и С 5 подзаголовка: «Из Мериме». Если учитывать, что оба эти издания содержат дефинитивный текст повести, то вопрос о времени и причинах появления этого подзаголовка не кажется второстепенным. Как известно, в первой публикации в плетневском Совр. за 1843 г. подзаголовок был другим: «Из Шамиссо». И это вполне соответствовало реальности: стихотворная повесть Жуковского действительно являлась переложением стихотворной повести в терцинах «Mateo Falkone, der Korse» («Матео Фальконе, корсиканец») немецкого поэта-романтика Адальберта фон Шамиссо из цикла «Сонеты и терцины» (1830). Правда, в свою очередь Шамиссо сделал стихотворную обработку популярной в то время новеллы Проспера Мериме «Mateo Falkone», впервые опубликованной в «Revue de Paris» (1829. № 4. Mai).

Новелла Мериме почти сразу же после публикации стала источником многочисленных русских переводов. Только в течение 1829—1836 гг. появилось пять ее переложений: «Матео Фальконе, или Корсиканские нравы» (Агений. Ч. 3. № 15. Август. С. 228—250); «Корсиканские нравы. Матео Фальконе» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 81. С. 644—647 и № 82. С. 615—655. Пер. В. Соколова); «Матео Фальконе. Корсиканские нравы» (Дамский журнал. 1832. Ч. 40. № 50. Декабрь. С. 161—169 и № 51. С. 171—187. Пер. А. П.); «Матео Фальконе» (Сын Отечества. 1835. Ч. 174. № 50. С. 254—273. Пер. К. Амбургера); «Матео Фальконе, или Корсиканские нравы» // Сорок одна повесть лучших иностранных писателей. Изд. Н. Надеждин. Ч. 8. М., 1836. С. 175—209. Все переводы были прозаические. Переложений же стихотворной повести Шамиссо до Жуковского не существовало.

По всей вероятности, более известная русской читающей публике новелла французского писателя, к тому же ставшая источником переложения Шамиссо, и спровоцировала появление подзаголовка: «Из Мериме» в последних прижизненных изданиях сочинений Жуковского. Скорее, это было указание не на источник перевода, а на литературный первоисточник. Сам Жуковский, в это время уже постоянно живший в Германии и не имевший возможности следить за всеми этапами издания своих сочинений, мог и не знать о появлении подзаголовка и не санкционировать его появление.

Кстати, во всех публикациях до Жуковского имя главного героя повести писалось во французской транскрипции с одним «т»: «Матео», тогда как повседневным языком жителей Корсики является итальянский, и имя героя должно быть: «Маттео». Ошибка достаточно характерная: создавая свою новеллу, Мериме еще не бывал на Корсике и, следовательно, пользовался каким-то устным или письменным источником.

Что касается появления в черновом автографе и примыкающем к нему списку произведений заглавия повести: «Марко Фальконе», то можно высказать следующее предположение. Во время своего третьего путешествия в Италию в 1838—1839 гг. Жуковский увлекается романом итальянского писателя Томмазо Гресси «Марко Висконти», пытаясь читать его одновременно и в подлиннике, и в французском авто-

ризованном переводе (подробнее см.: *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006. С. 379—381), сравнивая реалии двух языков.

Третий вопрос: чем был вызван выбор источника для перевода, своеобразное предпочтение тексту популярной повести Мериме менее известного произведения Шамиссо? Отвечая на этот вопрос, Ц. Вольпе писал: «И, однако, он [Жуковский] избрал переработку Шамиссо, ибо ему оказался близким дидактизм этого немецкого писателя. Кроме того самый путь Жуковского к “прозе в стихах” опирался на опыт эволюции немецкой поэзии, в которой в 30-е гг. происходит заметное разложение лирического стиха. (...) Опыт Шамиссо, таким образом, для Жуковского, который в эти годы работает над жанром стихового рассказа, оказался очень важен» (Стихотворения. Т. 2. С. 484).

Материалы личной библиотеки Жуковского позволяют говорить о том, что поэт прекрасно знал основные произведения Проспера Мериме. В ней сохранились следующие издания французского писателя: «Chronique du règne Charles IX. Paris, 1832», «Théâtre de Clara Gazul. Bruxelles, 1833», «Mosaique. Leipzig, 1833», где первая повесть — «Маттео Фальконе», «Colomba. Paris, 1845». См.: Описание. № 1637—1641. В то же время в дневниковых записях нет никаких свидетельств его отношения к творчеству Мериме, а в указанных книгах — маргиналий, позволяющих говорить о намерении переводить что-либо. Несколько незначительных помет читателя и краткая констатирующая запись в «Хронике короля Карла IX» заставляют думать, что здесь русского поэта интересовали преимущественно исторические факты, а не Мериме-художник.

Что касается творчества Шамиссо, то известно, что поэтом было приобретено его собрание сочинений в 6-ти томах: «Werke Adalbert von Chamisso's. Leipzig, 1836—1839», но, к сожалению, о характере чтения Жуковским приведенных немецкого писателя что-либо сказать невозможно, так как в настоящее время издание его библиотеке отсутствует (Описание. № 791—792). Однако, во-первых, в дневнике поэта есть запись от 19 (31) мая 1838 г., где Жуковский, говоря о пребывании в Берлине и встрече с давним своим знакомым Адольфом Клейстом, фиксирует: «После обеда у Клейста. Чтение стихов Шамиссо» (ПСС 2. Т. 14. С. 86). А во-вторых, и это важнейшее свидетельство целенаправленного интереса Жуковского к творчеству немецкого поэта, в течение 1843—1845 гг. он трижды обращается к переводу его произведений. Кроме «корсиканской повести», он переводит повесть «Выбор креста» и одну из «Двух повестей...».

Думается, предположение Ц. Вольпе о причинах выбора Жуковским для перевода «Маттео Фальконе» именно «переработки Шамиссо» вполне обоснованно и подтверждается конкретными фактами творческой истории. Пожалуй, можно только акцентировать некоторые моменты. Жуковского привлекает определенная притчеобразность текста Шамиссо: он действительно «хронику» Мериме превратил в притчу (Стихотворения. Т. 2. С. 485). Религиозный подтекст притч Шамиссо, идея христианского долга были близки Жуковскому 1840-х гг. и во многом определили его путь к статье «О смертной казни». Нельзя не согласиться с мнением современного исследователя о том, что «обрисовывая Маттео, он [Шамиссо] оставляет в его характере только то, что делает его трагическим героем, и устраняет все, что может снизить, приземлить этот образ; пересказывая новеллу [Мериме], он подчеркивает наиболее драматические моменты и опускает эпизоды, в которых меньше чувствуется напряженность» (*Слободская Н. И.* Поэзия Адальберта Шамиссо: Автореф. канд.

дис... Горький, 1974. С. 26). Жуковский также последовательно драматизирует состояние героя. И в этом смысле вторая редакция «Тараса Бульбы» Гоголя 1842 г. соотносится с творческой историей перевода «Маттео Фальконе». Участие Гоголя в переписывании текста Жуковского не выглядит случайным. Кроме того, как явствует из вышецитированного письма Жуковского к П. А. Плетневу, переложение Шамиссо в большей степени отвечало представлению русского поэта о «воспитательном эпосе». Не случайно свой перевод «Маттео Фальконе» он предназначал для задуманной книги «Повестей для юношества», куда наряду с «корсиканской повестью» он предполагал включить поучительные истории из русской истории, из эпоса народов мира (об этом подробнее см.: Янушкевич А. С. С. 243).

Разумеется, опыты Жуковского 1840-х гг. «прозы в стихах», «безрифменной поэзии» соотносились с экспериментами Шамиссо в области героизации истории (отсюда интерес немецкого романтика к испанскому бунтарю Риго, к Байрону, Наполеону, декабристу А. Бестужеву) и созданию оригинальных поэтических форм.

Сняв в переводе указание Шамиссо уже в заглавии на национальность героя («корсиканец»), Жуковский в подзаголовке: «корсиканская повесть» акцентировал как ментальный смысл истории, так и ее эстетическую природу. Повествовательное начало организует текст перевода. Отказавшись от терцин Шамиссо, Жуковский создает единое повествовательное пространство. 223 стиха предстают как единство.

Перевод Жуковского достаточно близок к оригиналу. Незначительные отступления не затрагивают ни сути конфликта, ни обрисовки главных героев, ни их характеров. Несколько расширена экспозиция произведения. Как и в других подобных случаях, поэт считает необходимым сделать текст максимально понятным читателю с самого начала и подбирает для описания обстановки действия слова, не требующие дополнительных примечаний. Так, каньон (die Schlucht) заменен на долину. Желтые (die Gelben), охотники (die Jäger), т. е. французские солдаты, одетые в желтые мундиры, охотники за бандитами, карабинеры, превращаются в «отряд рассыльных егерей» и т. д.

Повесть Жуковского написана белым пятистопным ямбом с чередованием женских и мужских клаузул. Отсутствие рифмы и строфического деления (тем более столь жесткого, каким являются терцины) позволило поэту создать ощущение свободно льющейся речи, подчиняющейся лишь естественной разговорной интонации как рассказчика, так и вступающих в диалог героев. Этой же цели служит и огромное количество enjambements (переносов), часто способствующих к тому же воссозданию индивидуальной манеры речи говорящего или необычного состояния его души.

Повесть Жуковского положена на музыку Ц. Кюи («Маттео Фальконе» Драматическая сцена).

Н. Реморова, А. Янушкевич

Капитан Бопп

Повесть

(«На корабле купеческом Медузе...»)

(С. 185)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 15 об. — 23 об. — черновой, чернила по карандашу, без заглавия, с нумерацией стихов (всего пронумеровано 345 ст.) и датами: перед

текстом — 15 (27) апреля; на Л. 17 об., после перебеливания ст. 118 — 5 мая; перед ст. 140 — 6 мая; в конце — 10 (22) мая 1843.

2) РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 6—10 (Л. 6—9 с оборотами) — беловой, с небольшой правкой, с заглавием: «Капитан Бопп», разбивкой на стихи (всего 316 ст.) и датой в конце: «Эмс. 2 июля 1843». На верхней обложке рукописи список произведений и время их написания: «Капитан Бопп. 27 апр. (еля) — 22 мая 1843. Д.(юссельдорф) — Эмс н. ст.».

3) РНБ. Оп. 1. № 49. Л. 7 об. — 8 — черновой вариант ст. 294—297, с датой: «5 мая» — на странице брошюры, изъятой из книги: «Sophokles Werke. Übersetzt von J. J. G. Donner. Bd. 1. Heidelberg, 1843».

В п е р в ы е: Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Книга первая. СПб., 1845. С. 19—28 — с подписью: «Жуковский» и датой: «1843».

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: С 5. Т. 6. С. 319—330 — в разделе: «Сказки и повести», с заглавием: «Капитан Бопп. Повесть».

Д а т и р у е т с я: 15 (27) апреля — 2 июля н. ст. 1843 г.

Несмотря на то что сам Жуковский датировал процесс создания повести 27 апреля — 22 мая 1843 г. по н. ст. (см. список на верхней обложке автографа № 2), думается, есть основания говорить об окончании этой работы 2-го июля 1843 г. в Эмсе, когда рукопись была доработана и перебелена. Косвенное указание на это присутствует и в списке: «Эмс», но дата в конце белого автографа: «Эмс. 2 июля 1843» снимает всякие сомнения. По всей вероятности, в списке Жуковский зафиксировал время работы над черновым автографом.

История создания стихотворной повести «Капитан Бопп» и её первой публикации подробно изложена Жуковским в письме к писателю и журналисту В. А. Соллогу от 14 (26) ноября 1844 г. из Франкфурта-на-Майне. «Нашлась пиеса, — общал Жуковский, — которую я хотел послать Плетнёву [П. А. Плетнёв в это время был редактором журнала „Современник“, где Жуковский опубликовал несколько своих произведений. — А. Я.] и всё не посылал, потому что ленился переписать. При получении письма вашего явился мне и писарь, русский человек, рассудивший поселиться в Европе, поссорился со своим господином. Его явление вместе с письмом вашим было мне знамением, что пиеса должна принадлежать вам — вот она переписана, и я ее вам посылаю (...). Посылаемая мною пиеса удивит вас своим содержанием. Многие, прочитав её, скажут, что я ударился в пиетизм, в мистику. Воля всякому говорить что хочет. Я прочитал эту повесть в прозе и захотел попробовать рассказать её со всею простотою прозы, не сделавшись прозаическим. Удалось ли — пусть судят читатели. Содержание этой повести мне весьма по сердцу. Я назначаю её для детей. Свежему, молодому сердцу такого рода впечатления могут быть благотворны. Чем раньше в душу войдёт христианство, тем вернее и здешняя и будущая жизнь. Без христианства же жизнь кажется мне уродливою загадкою, заданною злым духом человеческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потом посмеяться над его самонадеянностью — ибо загадка без отгадки. Но дело не об этом; если Бопп вам не покажется слишком неблагопристойным для вашего фешionaбельного альманаха, примите его» (РС. 1901. № 7. С. 100—101). В письме к П. А. Плетнёву от 1 июля 1845 г. Жуковский извинялся перед издателем «Современника»: «... я обещал вам капитана Боппа; а он попал

к Соллогубу (которого Тарантас мне NB весьма понравился)» (Переписка. Т. 3. С. 555). Еще в 1843 г. в письме к нему же при посылке для публикации повести «Маттео Фальконе» Жуковский говорил о «другой повести», имея в виду именно «Капитана Боппа», и замечал: «Другая повесть еще проще — она чисто детская» (Совр. 1843. Т. 32. С. 225—226).

Ещё В. Г. Белинский, оценивая альманах Соллогуба, отметил в его стихотворной части «повесть в стихах» Жуковского, «представляющую чтение весьма назидательное» (Белинский. Т. 9. С. 35). Биограф поэта К. К. Зейдлиц связывал историю создания повести с душевным состоянием Жуковского: «... нам кажется, что изображённое яркими красками беспокойство капитана Боппа указывает на душевное настроение самого автора» (Жуковский в воспоминаниях. С. 82). А. Н. Веселовский создание «Капитана Боппа» рассматривает как акт религиозного очищения: «... его окружали теперь пиэтисты, верующие, лютеране и католики, Рейтерны, Радовиц, Штольберги; он обсуждает, взвешивает, но не сдаётся, стоит на своём и жаждет непосредственной веры капитана Боппа» (Веселовский. С. 399).

Работая над переложением прозаической повести в стихи, Жуковский уделяет особое внимание психологическому состоянию героя. Многочисленные варианты ст. 24—25, 60, 63, 69—71, 75, 113, 123 и др. (см. построчный комментарий) углубляют ситуацию раскаяния капитана Боппа, его путь к смирению и очищению. Воздействие предсмертной молитвы на душу грешника определяет пафос работы Жуковского над текстом произведения.

Несмотря на то что сам поэт указал на существование прозаического источника для своего переложения («Я прочитал эту повесть в прозе и захотел попробовать рассказать её со всею простотою прозы, не сделавшись прозаическим...»), дореволюционные издатели и исследователи творчества Жуковского пренебрегли этим авторским свидетельством. В послереволюционные издания сочинений Жуковского повесть «Капитан Бопп» не включалась ни разу. Но один из авторитетных исследователей Жуковского, подготовивший двухтомное собрание стихотворений поэта, куда повесть «Капитан Бопп» по понятным причинам тоже не вошла, Ц. Вольпе заметил: «Он [Жуковский] изучает духовную литературу и католическую и протестантскую. Так, его повесть „Капитан Бопп“, написанная на тему предсмертной молитвы, представляет собой, как выяснилось, пересказ католической брошюры, изданной Парижским обществом религиозных сочинений» (История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 384). К сожалению, более точного указания на источник исследователь не оставил, а подобной брошюры нам разыскать не удалось.

Правда, в детском христианском журнале «Тропинка» (1994. № 1. С. 22—24) была напечатана повесть «Капитан Кнудсон», напоминающая своим сюжетом «Капитана Боппа». За это указание приносим свою благодарность о. Дмитрию Долгушину. Но, к сожалению, публикация лишена всяких ссылок на источник и автора. Наш запрос в редакцию журнала не дал ответа на этот вопрос: никаких следов авторства там не обнаружили, а посему проблема источника повести Жуковского остаётся открытой.

По всей вероятности, католическая брошюра, о которой говорит Ц. Вольпе, всего лишь текст-посредник, ибо, как показывают разыскания В. И. Симанкова (см.: повесть Джорджа Чарльза Смита (1782—1863), английского баптистского священника и одного из основателей «Христианского братства моряков». Отдельным изданием повесть появилась под полным именем автора в 1824 г. (Bob The Cabin

Boy. A Sailor's Visit to Surrey Chapel. By the Rev. G. C. Smith. L., 1824) и с тех пор неоднократно переиздавалась, вплоть до настоящего времени.

Ст. 24. *Его больную душу ободрить...* — В черновом автографе этому стиху предшествовали следующие варианты:

- а) Порадовать его больную душу...
- б) Порадовать измученную душу...
- в) Иль хоть ему сказать, чтоб грешная душа...

Ст. 25. *Он был один, и страшно смерть глядела...* — Первоначальный вариант:

Он лежал один; лицом
К лицу он видел смерть; она его
Пугала; но душой он был озлоблен...

Ст. 29. (...) *То мальчик Роберт...* — В беловом автографе вместо «мальчик» было «шкипер».

Ст. 60. *Всю внутренность его поколебала...* — Этот стих имел следующие варианты:

- а) Проникнула в озлобленную грудь...
- б) Нечаянна была ему, неожиданно...
- в) Всю внутренность его поворотила...

Ст. 69—71. *Ей смерть и вечность ~ он молча б...* — Ср. с черновыми вариантами:

- а) Что смолodu в других привык он видеть,
То заглушив уступчивую совесть,
Он испытал на деле в летах зрелых...
- б) Не мог найти опоры он в самом себе,
Невежество ума равнялось в нём
Разврату сердца; жизнь провёл он
На корабле между закоренелых
Развратников, грабителей и пьяниц...

Ст. 75. *Его не пробудил...* — После этого стиха в черновом автографе было следующее продолжение:

Его не пробудил. Мыслию о смерти
Испуганный, не зная где дорога
Спасенья и с горем безнадежным
Воспоминная всё минувшее, однажды...

Ст. 113. *Его с великой жадностью слушал...* — Первоначально: «С невыразимой жадностью слушал...»; «Его с глубокой жадностью слушал...».

Ст. 123. (...) *Оставшись один...* — Далее в черновом автографе были такие варианты продолжения:

- а) Оставшись один, всю ночь он думал
О том, что слышал днём...

б) Оставшись один, всю ночь он думал
 О том, что было читано
 В Святом Писании; но в этих мыслях
 Его душа отрады не нашла...

Ст. 294—297. (...) *Явился ~ То увидя...* — Варианты этих стихов имеются на страницах брошюры, изъятой из книги: «Sophokles Werke. Übersetzt von J. J. G. Donner. Bd. 1. Heidelberg, 1843». Эта брошюра, проложенная чистыми листами, содержит перевод Жуковского из трагедии «Царь Эдип» Софокла (подробнее см.: *Лебедева*. С. 139—140). Вверху л. 7 об. и 8 (по архивной нумерации, так как брошюра вошла в состав рукописного собрания РНБ) Жуковский делает набросок этих стихов. Между первым наброском на л. 7 об. и началом перевода «Царя Эдипа» имеется дата, сделанная рукою Жуковского: «5 мая». Таким образом, работа над этими стихами шла параллельно перебеливанию ст. 1—118 (см. автограф № 1).

О. Лебедева, А. Янушкевич

Две повести.

Подарок на Новый год издателю «Москвитянина»

(«Дошли ко мне на берег Майна слухи...»)

(С. 193)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 10 об. — 16) — черновой, без заглавия, с разбивкой на пятистишия. Дата в начале: «12 декабря 1844», в конце: «Кончил 14 декабря».

Копия (РГАЛИ. Оп. 1. № 9. Л. 1—3) — рукою Василия Кальянова, авторизованная, с небольшими пометами, с подписью: «Жуковский» и заглавием: «Две повести. Подарок на Новый год “Москвитянину”».

Впервые: *Москвитянин*, 1845. № 1. Январь. С. 12—24 — с тем же заглавием; с примечанием: «Эти стихи В. А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении “Москвитянина” и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 6. С. 302—318. Раздел «Сказки и повести») — с тем же заглавием и дополнением в оглавлении в скобках: «Из Шамиссо и Рюккерта».

Датируется: 12—14 декабря н. ст. 1844 г.

Непосредственным поводом для написания повестей послужили обстоятельства, связанные со сменой в руководстве журнала «Москвитянин», издававшегося в 1841—1856 гг. Журнал был создан при непосредственном участии самого В. А. Жуковского и под патронатом С. С. Уварова, бывшего арзамасца и министра народного просвещения, как орган «официальной народности». Издателем и редактором журнала был М. П. Погодин. Однако официальная однолинейность журнала, а также требования славянофилов оживить журнал склонили Погодина к мысли отказаться от редакторства. После подачи просьбы об увольнении из Московского университета в феврале 1844 года он начал вести переговоры о передаче журнала на определенных условиях подходящему кандидату. См. об этом в письме Погодина Гоголю от 16 июля 1844 года: «Я журнал сдаю, но не знаю еще, как и кому» (Пере-

писка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 399). В конце декабря 1844 г. редактором журнала становится И. В. Киреевский. Подробнее об этом см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VII. СПб., 1893. С. 401—408.

Для обновленного «Москвитянина» Жуковский, по настоянию Гоголя, и создает «Две повести». В письме Гоголя Шевыреву от 14 декабря 1844 года, в частности, сообщается: «Жуковский мною заставлен сделать для *Москвитянина* великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я. Он вот уже четыре дни, бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без усталы, и через два дни после моего письма *Москвитянин* получит капитальную вещь и славный подарок на новый год. А потому ты скажи, чтобы он [И. В. Киреевский] не торопился выдачею книжки, дня два-три можно обождать. Жуковский хочет в первый номер, да и для *Москвитянина* это будет лучше. Стихотворение Жуковского, составляющее большую повесть с предисловиями и послесловиями, нужно поместить вперед других статей. Это ничего, если все уже отпечатано и нумерация страниц придется не по порядку» (*Гоголь*. Т. 12. С. 399). Затем в письме к С. Т. Аксакову от 22 декабря 1844 года Гоголь вновь говорит о двух повестях Жуковского. Ср.: «(...) получил ли он [И. В. Киреевский. — А. П., И. П.] от Жуковского стихотворную повесть, которую тот послал два дни тому назад, на имя Булгакова вместе с большим письмом Авдотье Петровне об “Одиссее”?» (Там же. Т. 12. С. 410). В письме Н. М. Языкову от 26 декабря того же года Гоголь сообщает: «Я рад, между прочим, тому, что “Москвитянин” переходит в руки Ивана Васильевича Киреевского. Это, вероятно, подзадорит многих расписаться, а в том числе и тебя. (...) Я со своей стороны подзадорил Жуковского, и он, в три дни с небольшим хвостиком четвертого, отмахнул славную вещь, которую “Москвитянин”, вероятно, получил уже. Уведомо меня, как она ему и всем вообще читавшим ее показалась?» (Там же. Т. 12. С. 424). Наконец сам Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 17 декабря 1844 г. сообщает: «12 числа декабря нового стиля начал я прилагаемую здесь пиэсу, которую кончил 14. Она была бы лучше, сжатее, если бы было мне более времени» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 3. № 10. Л. 13). Такова историко-культурная ситуация, связанная с написанием «Двух повестей».

Это произведение написано в рамках широкого замысла Жуковского создать цикл повестей для юношества. Ср. цитированное выше письмо поэта к А. П. Елагиной: «(...) эта повесть принадлежит к собранию, еще не существующему, повестей для юношества, которые намерен я издать особо» (Там же). Показательно, что автограф «Двух повестей» находится в рабочей тетради между черновыми редакциями таких повестей, как «Маттео Фальконе», «Капитан Бопп», «Рустем и Зораб» (Бумаги Жуковского. С. 122). На обороте первого листа тетради «Две повести» включены в перечень уже 9-ти стихотворных произведений, где также указаны «Тюльпанное дерево», «Иван-царевич», «Египетская тма». Авторский контекст Жуковского 1840-х гг., в который вписываются и «Две повести», актуализирует интерес поэта к эпическим формам, к жанру стихотворной повести. Эстетически значимыми оказываются в это время и проблемы соотношения поэзии и прозы, создания «эпического стиха». Так, говоря о стихотворном размере повестей для юношества, Жуковский в том же письме к А. П. Елагиной специально отмечает: «Они все будут писаны или ямбами без рифм, как посылаемая повесть, или моим сказочным гекзаметром (...) этот слог должен составлять средину между стихами и прозой, (...) так, чтобы

рассказ, несмотря на затруднение метра, лился бы как простая, непринужденная речь» (Там же. Л. 13 об.).

«Две повести», напечатанные в № 1 «Москвитянина» за 1845 г., образуют органичный культурно-философский контекст. Он включает в себя такие программные тексты, как «Слово» митрополита Филарета, подражание псалму «Блажен, кто мудрости высокой...» Н. М. Языкова, перевод А. П. Елагиной глав из автобиографии «Was ich erlebte» («Что я пережил» — нем.) немецкого философа и беллетриста Генриха Стеффенса (1773—1845), начало статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности», статью Погодина о возникновении государства на Руси и в странах Западной Европы, фрагменты из «Хроники русского в Париже» А. И. Тургенева. Объединяют все эти публикации мысли Киреевского о примирении веры с философией, о новом интересе современной Европы к внутренней жизни общества, о синтезе европейского и русского просвещения. Вместе с «Двумя повестями» Киреевский опубликовал в журнале также отрывки из цитированного выше письма Жуковского к Елагиной от 17 декабря 1844 г. Позднее Киреевский в письме к Жуковскому от 28 января 1845 г. сообщал: «Присылка Ваших стихов оживила и ободрила меня. Я почувствовал новую жизнь (...) Отрывок из письма Вашего нельзя было не напечатать. Это одна из драгоценнейших страниц нашей литературы. Тут каждая мысль носит семена совершенно нового, живого воззрения» (*Киреевский И. В.* Полн. собр. соч: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 237). Таким образом, слова Киреевского о «живом воззрении» Жуковского, о стремлении поэта передать в творчестве целостное национальное мироощущение, архетипы русской культуры, получают эстетическое воплощение и в «Двух повестях».

В этом смысле сюжет странствия в поисках судьбы и высшей истины, ситуации выбора и прозрения героев, элементы исповеди и проповеди, актуальность этической проблематики в «Двух повестях» имеют не только художественное, но и мировоззренческое значение (подробнее об этом см.: *Янушкевич.* С. 249).

Одна из особенностей «Двух повестей» — соединение под одним заглавием разных текстов. В С 5 в оглавлении Жуковский в скобках указывает: «Из Шамиссо и Рюккерта». Ранее он уже прибегал к сочетанию разных внутренних законченных частей в стихотворной повести «Две были и еще одна». В обоих произведениях отчетливо видно стремление автора к циклизации и сюжетному сближению отдельных повестей. При этом существенное отличие позднего цикла заключается в эстетической близости авторского «я» во вступлении и «я» рассказчика в первой переводимой повести.

Она представляет собой перевод стихотворной повести Адельберга фон Шамиссо «Sage von Alexandern (Nach dem Talmud)» — «Сказание об Александре (по Талмуду)». Сочинение Шамиссо содержит 181 стих, а перевод Жуковского — 137. В целом перевод довольно близок к оригиналу. В начале повести Жуковский опускает 18 стихов, в которых немецкий автор говорит о любви к старинным легендам. Также Жуковский выпускает фрагмент из 35 стихов (ст. 77—111 в оригинале), где автор-рассказчик обращается к друзьям, рассуждает о науках, поэтической славе, о любви к Германии. Выпущенные русским поэтом части текста имеют у Шамиссо характер лирического отступления и сопрягают давно прошедшее и настоящее время в повести. Жуковский же стремится в большей мере к эпическому повествованию, внося в текст дополнительные психологизирующие детали. Так в начале и в конце произведения Жуковский дает более развернутое описание душевного со-

стояния Александра, его стремления к власти и славе (ст. 40—46; 151—156 в переводе). Ц. Вольпе справедливо говорит о влиянии стихотворных повестей Шамиссо на формирование эстетики эпического повествования у Жуковского (Стихотворения. Т. 2. С. 484). Повесть об Александре, несомненно, перекликается в творчестве Жуковского с наполеоновским сюжетом («Ночной смотр», «Странствующий жид») и позволяет понять эволюцию историософских взглядов поэта.

Один из источников второй повести Жуковского — притча о путнике и верблюде немецкого писателя Фридриха Рюккерта (1738—1866) «Es ging ein Mann im Syrerland...» («Шел один человек в Сирийской земле...») из цикла «Восточные сказания и истории». В библиотеке поэта имеются шесть изданий произведений Рюккерта (Описание. № 1985—1990), однако источник перевода среди них нами не обнаружен. Сюжет этой притчи, заимствованный из восточного эпоса, мог быть известен Жуковскому также из древнерусской литературы и из Пролога. Так, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», куда вошла притча об единороге, была переведена на древнерусский язык во второй половине XI — начале XVII в. (см.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI—XII века. СПб., 1999. С. 367, 544). Эта же притча помещена в Прологе под 19 ноября под общим названием «Неразумно привязываться к земному. (Притча святого Варлаама о временном сем венце)». См.: Пролог в поучениях: В 2 частях. Составил протоиерей Виктор Гурьев. Ч. 1. М., 1992. С. 198—200. В целом же сюжет о пустынноике Варлааме и индийском царевиче Иоасафе, представляющий собой христианскую версию легенды о Будде, трансформируется в «Двух повестях» в мотив мудрого наставника и ученика. К притче о путнике в колоде в контексте авторских размышлений о смысле жизни, о жизни и смерти дважды обращается в своей «Исповеди» и Л. Н. Толстой (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 118—119, 158). Вторая повесть Жуковского органично вписывается в общий контекст других переложений поэта из Рюккерта «Наль и Дамаанти», «Рустем и Зораб». Во всех этих произведениях акцентируется внимание на проблеме «внутреннего человека» в эпосе, на описании жизни его ума и сердца, на раскрытии драматизма его судьбы.

«Две повести» получили высокую оценку современников поэта. Так П. А. Плетнев в письме Жуковскому от 2 марта 1845 г. говорит о своем эмоциональном восприятии и новаторстве этого произведения. Ср.: «Чтение пьес ваших в “Москвитяине” для нашего общества (...) было истинным наслаждением. (...) Избранный вами метр для стихов мне удивительно нравится. Он дает способ сохранить всю прелесть натурального тона, все разнообразие колорита и все оттенки языка (...) Когда я прочитал ваше письмо к Киреевскому и Две повести, то сделался так близок к добродетели, что день этот остался для моей памяти в числе приятнейших» (Переписка. Т. 3. С. 551—552).

Ст. 1. *Дошли ко мне на берег Майна слухи...* — Во второй половине мая 1844 г. Жуковский с семьей переселяется из Дюссельдорфа во Франкфурт-на-Майне: «В 1844 мы переселились во Франкфурт. Нам достали прекрасный дом на берегу Майна с садом, весьма поместительный...» (ПСС 2. Т. 14. С. 281). По воспоминаниям И. Е. Бецкого, посетившего Жуковского в октябре 1844 г., поэт жил на набережной, «на другой стороне моста, в двухэтажном небольшом домике, окнами на Майн» (Жуковский в воспоминаниях. С. 344). Известие о передаче журнала «Москвитянин» Киреевскому Жуковский мог получить от проживавшего в это время в

доме поэта во Франкфурте Гоголя. См. цит. выше переписку Гоголя с Погодиным, Шевыревым, С. Т. Аксаковым.

Ст. 2—3. *Что ты, Киреевский, теперь стал и москвич // И Москвитянин. В добрый час, приняться...* — В копии эти стихи читались так: «Что ты, Киреевский, москвич, замыслил // Быть и Москвитянин...» При первой публикации в «Москвитянине» было: «Что ты, ... — Москвич, замыслил // Быть Москвитянином. В час добрый; взяться...» (фамилия редактора была опущена). Сын племянницы Жуковского А. П. Киреевской-Елагиной, И. В. Киреевский (1806—1856) по праву был духовным сыном поэта, который принимал активное участие в его воспитании, во всех начинаниях. Достаточно вспомнить судьбу журнала «Европеец». Подробнее об этом см.: Сахаров В. Воспитание ученика (В. А. Жуковский и И. В. Киреевский) // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 275—280; Гиллельсон М. И. Письма В. А. Жуковского о запрещении «Европейца» // РЛ. 1965. № 4. С. 114—124; Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: К проблеме религиозных исканий русского романтизма: Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2000. Редакторство Киреевского продолжалось недолго: из-за разногласий с Погодиным, не желавшим передавать права издания Киреевскому, последний выпустил только три номера журнала и отказался от обязанностей редактора.

Ст. 17. *У рубежа вечерней жизни сидя...* — В копии и в первой публикации было: «На рубеже вечернем жизни сидя...»

Ст. 26—27. *Предание о древнем Александре // В Талмуде...* — Имеется в виду Александр Македонский (356 — 323 г. до н. э.) — один из величайших полководцев и государственных деятелей древнего мира, сын македонского царя Филиппа II, царь Македонии с 336 г. Его неординарная личность и полководческий гений привлекали внимание многих историков и сказителей. Легенды и рассказы об Александре Македонском, собранные во 2—3 веках н. э. в так называемую «Александрию», послужили основой источником для «Талмуда» и для средневековых произведений о нем.

Начиная с 1548 г. «Талмуд» включает в себя часть общеевропейского исторического и литературного наследия и переводится на разные языки. «Александрия» в «Талмуде» аранжирована оригинальными еврейскими притчами, одну из которых и выбирает для переложения А. фон Шамиссо.

Ст. 42. *Нетерпеливый он кипел душою...* — В первой публикации этот стих читался так: «Нетерпеливо он кипел душою...»

Ст. 50. *Божественно-целительная влага...* — В копии и в первой публикации было: «Волшебная, божественная влага...»

Ст. 57—58. *Там в благоденствии, в богатстве, в мире // Свободные народы ликovali...* — В копии и в первой публикации было: «Во благоденствии, в богатстве, в мире // Народы там свободно ликовали...»

Ст. 99—100. *А на пути, созвавши мудрецов, // Перед собою знамень велел...* — В первой публикации этот стих читался: «А на пути, собравши мудрецов, // Перед собой то знамень велел...»

Ст. 133. *Он мир готов созрять голодным взором...* — В первой публикации вместо «взором» было «взглядом».

Ст. 171. *Керим, и царь его любил и с ним...* — В копии имя мудреца вначале было «Аббас». Затем здесь и далее рукою Жуковского везде исправлено на «Керим».

Ст. 173. *Что задал царь такой вопрос Кериму...* — В первой публикации было: «Что задал царь ему такой вопрос...»

Ст. 191. *Керим ему вопрос свой предложил...* — В первой публикации было: «Ему Керим вопрос свой предложил...»

Ст. 207—208. *Насытился, встает, и с теми, кто // Сидели с ним, простясь, уходит спать...* — В первой публикации было: «Насытился, встает, и, распрощавшись // С ближайшими к нему, уходит спать...»

Ст. 210. *За угощенье. Вот и свет и жизнь*. — В копии и в первой публикации после этого стиха было: «Доволен ли ты повестью моею?».

Ст. 237. *Покрытых мохом старины ...* — В копии и в первой публикации этот стих читался: «Полуразрушенных от лет...»

Ст. 254. *Стены старейшейя водоема...* — В копии и в первой публикации было: «Стены разрушенного водоема...»

Ст. 340—341. *Видать здесь; я Безногого за ним // Отправлю; он его в одну минуту...* — В копии и в первой публикации эти стихи читались так: «Здесь видеть; я безногого за ним // Отправлю сына; он его в минуту...»

Ст. 378—379. *Лицом и все, что сведал от других, // Ему пересказал; а царь спросил...* — В первой публикации эти стихи читались так: «Лицом и все, что на дороге с ним // Случилось, рассказал. А царь спросил...»

Ст. 398. *Тебе отчет принести в своих трудах.* — В первой публикации было: «Тебе отчет принять в моих делах».

Ст. 416. *«Друг верный, будь моим отцом отныне».* — В копии и в первой публикации после этого стиха стояло отдельной строкой: «Postscriptum».

Ст. 427. *Ни с «Библиотекой для чтения»...* — Ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, выходивший в Петербурге в 1834—1865 гг. Издавался с 1834 г. А. Ф. Смирдиным (1795—1857). Редактором до 1849 г. был О. И. Сенковский (1800—1858), который печатался в журнале большей частью под псевдонимом «Барон Брамбеус». На его страницах Жуковский, в частности, опубликовал «Суд в подземелье».

Ст. 428. *С «Записками», ни с «Северной пчелю»...* — «Отечественные записки» — ежемесячный журнал, основанный П. П. Свиньиным (1787—1839) и издававшийся им в Петербурге в 1818—1830 гг. В 1839—1889 гг. издателем становится А. А. Краевский (1810—1889), который сумел привлечь в журнал лучшие литературные силы. В 40-е гг. журнал находился на позициях западничества, что и вызывало полемику со стороны «Москвитянина».

«Северная пчела» — русская политическая и литературная (с 1838 г.) газета. Издавалась в Петербурге в 1825—1864 гг., вначале три раза в неделю, а с 1831 г. ежедневно. Издатель-редактор Ф. В. Булгарин (1789—1859).

Ст. 429. *Ни с «Русским вестником»; живи и жить...* — В копии было вначале: «Ни с «Современником»; живи и жить...»; затем Жуковский тщательно зачеркнул «Современник» и написал: «Русский вестник». «Русский вестник» — ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1841—1844 гг. Создан Н. И. Гречем при непосредственном участии Н. А. Полевого. Противостоял растущему влиянию «Отечественных записок», выступал против В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, писателей «натуральной школы». С 1842 г. руководителем журнала становится Н. А. Полевой, который передает его в 1844 г. писателю П. П. Каменскому.

А. Петров, И. Поплавская

Выбор креста

Повесть

(«Усталый шел крутой горою путник...»)

(С. 205)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 24 об. — 25) — черновой, с заглавием: «Выбор крестов».

Впервые: Совр. 1846. № 1. С 5—7 — с заглавием: «Выбор креста», подзаголовком: «Из Шамиссо» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 331—333 — в разделе: «Сказки и повести»; с заглавием: «Выбор креста. Повесть». В общем оглавлении к тому — с подзаголовком в скобках: «Из Шамиссо».

Датируется: 26 марта н. ст. 1845 г.

Основанием для датировки повести является указание самого Жуковского в списке осуществлённых произведений (РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 1 об.): «Выбор крестов. 26 марта 1845» (все датировки в списке приводятся по новому стилю). В многочисленных списках середины 1840-х гг. (РНБ. Оп. 1. № 53. Верхняя обложка, л. 1, 2), в которых Жуковский перечислял тексты, отобранные в книгу «Повестей для юношества», планируемые для работы или уже выполненные, постоянно возникает в рубрике «Повести» — «Выбор крестов» или «Kreuzschau». Немецкое заглавие — указание на источник: повесть Адальберта фон Шамиссо.

Это уже было третье подряд обращение Жуковского к поэзии немецкого романтика. После «Маггео Фальконе» (март 1843), «Сказания об Александре» в «Двух повестях» (декабрь 1844) взгляд русского поэта устремлён к повести-притче Шамиссо. Возникает своеобразная переводческая трилогия Жуковского из Шамиссо, созданная в течение 1843—1845 гг.

Стихотворная новелла Шамиссо «Die Kreuzschau», написанная в январе 1834 г., была впервые опубликована в журнале «Deutscher Musenalmanach für das Jahr 1835». Впоследствии она вошла в авторский сборник «Sonette und Terzinen».

Русский переводчик начинает с изменения заглавия. То, что могло быть переведено, как «Смотр креста» (ср. перевод Жуковским названия стихотворения Цедлица «Die nächtliche Heerschau» — «Ночной смотр»), получает сразу же другой смысл: не просто «смотреть», «осмотр», «обзор», а именно: «выбор». Экзистенциальная ситуация становится определяющей для всего содержания повести Жуковского. Если вплоть до первой публикации в заглавии было множественное число слова: «крест» — «Выбор крестов», то постепенно в сознании Жуковского складывается представление о единственности выбора, о своём кресте, который надо нести всю жизнь. Ситуация выбора креста обретает символический и притчьеобразный характер.

Жуковский меняет стих подлинника: вместо рифмованного пятистопного ямба русский поэт решительно выбирает белый пятистопный ямб, который был для него выражением повествовательного начала в поэзии. Изменение метра ведёт к изменению строфики: терцины Шамиссо заменяются единым повествовательным пространством. Подзаголовок: «Повесть», отсутствующий в подлиннике, закрепляет эту установку.

Вместо 55 стихов немецкого текста у русского переводчика 64. Разрушив структуру терцин Шамиссо, Жуковский создаёт пространственные повествовательные периоды, включающие до 15 стихов. Так, экспозиция стихотворной новеллы Шамиссо, расска-

зывающая о пути странника и переданная в 12 стихах, у Жуковского насыщается многочисленными деталями, передающими вечерний пейзаж, закат солнца, «покой несказанный», состояние паломника, вставшего на колени и читающего вечернюю молитву, что приводит к увеличению объёма переложения почти в два раза — 23 стиха.

В дальнейшем русский поэт более точно передаёт текст подлинника, но в отличие от Шамиссо акцентирует идею выбора своего креста и раскрывает путь героя к смирению и покорности, которые выражены в его стихотворении «Друг мой, жизни смысл терпенье...». Показательно, что, увеличивая объём перевода за счёт усиления детализации и повествовательности, Жуковский отбрасывает два последних стиха новеллы Шамиссо: «Wogegen er zu murren sich vermaß, // Er lud es auf und trug's nun sonder Klagen» («То, против чего он отважился роптать, он поднял и без ропота понес» — нем.), так как считает их излишними в ситуации «выбора креста», неким морализаторским довеском. Философия выбора своего креста уже достаточно определённо выражена в предшествующем этим стихам повествовании.

Предназначенная для плетнёвского «Современника» повесть вызвала прежде всего отклик редактора журнала. «Пьеса из Шамиссо, — писал 24 августа 1845 г. Плетнёв Жуковскому, — тоже прекрасна. Этот род предметов и тон изложения нравятся мне чрезвычайно» (Переписка. Т. 3. С. 560). А 13 ноября того же года общал Жуковскому: «Не удивляйтесь, что “Выбор креста” ещё не напечатан мною: я желаю начать им 1846 год. Нельзя же без толку бросать в публику брильянтами» (Там же. С. 561). Заслуживает внимания размышления А. Н. Веселовского об автобиографическом подтексте перевода Жуковского. «Как усталый путник Шамиссо, — замечает исследователь, — он мог жаловаться на тяжесть выпавшего на его долю креста, но при выборе из всех “крестов земных” выбрал бы “самый тот, который он уже нёс” (Веселовский. С. 428—429).

Позднее к переводу этого произведения Шамиссо обратился Ф. Миллер, сохранивший строфику (терцины) и стихотворный размер подлинника (см.: Русский вестник. 1874. Т. 114. С. 308—309).

А. Янушкевич

Тюльпанное дерево

Сказка

(«Однажды жил, не знаю где, богатый...»)

(С. 206)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 25 об. — 30 об.) — черновой, под заглавием: «Миндальное дерево». В начале текста на л. 25 об. помета: «Начато 27 (марта)», на л. 27 сверху — дата: «28 марта», на л. 28 сверху — «30 марта», на л. 28 об. на правом поле — «1 Апрель», на л. 29 на левом поле — «2 апреля»; в конце автографа помета: «Кончено 2 апреля 1845».

Впервые: Совр. 1846. Т. XLIII. № 7—9. С. 5—16 — с подзаголовком: «Сказка» и пометой: «1845 г., Франкфурт-на-М.(айне)».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 270—283 — в разделе: «Сказки и повести»; с заглавием: «Тюльпанное дерево. Сказка».

Датируется: 27 марта — 2 апреля н. ст. 1845 г. согласно пометам в автографе.

1 июля 1845 г. Жуковский сообщал П. А. Плетневу о своем намерении создать «несколько сказок в разных тонах и разных характеров» (см. об этом подробнее в комментарии к сказке «Кот в сапогах»). Это было частью задуманной Жуковским книги «Сказки и повести для юношества», в которой «Тюльпанное дерево» могло бы представить типично немецкую сказку («Кот в сапогах» — французскую).

«Тюльпанное дерево» — стихотворное переложение сказки «Von dem Machandelboom» («О можжевельнике») из собрания немецких сказок братьев Grimm «Kinder- und Hausmärchen», впервые вышедшего в Германии в 1812—1815 гг. (о месте этого сборника в творчестве Жуковского см. в комментарии к сказке «Спящая царевна»). Характеристика источника произведения и работы над ним поэта дана в статье Л. Э. Найдич «Сказка Жуковского “Тюльпанное дерево” и ее немецкий источник» (Ж. и русская культура: С. 330—341). Сказка «О можжевельнике» была записана на нижненемецком диалекте художником Филиппом Отто Рунге (1777—1810) в 1806 г. Рунге обладал незаурядным талантом рассказчика, и это отразилось в сделанной им записи. Сказка «О можжевельнике» сыграла значительную роль в формировании представлений Я. и В. Grimm об «идеальной» немецкой сказке. В 1808 г. состоялась публикация записи Рунге. В 1811 г. Я. Grimm писал о ней: «Как в отношении достоверности, так и в великолепном изложении, мы не смогли бы назвать лучшего примера, чем покойного Рунге (...) в сказке о можжевельнике, которую мы выдвигаем как безусловный образец» (цит. по: *Гримм Я., Гримм В.* Сказки. Эленбергская рукопись 1810 [г.] с комментариями / Пер., вступ. статья и примеч. А. Науменко. М., 1988. С. 327). В Германии сказка пользовалась популярностью в конце XVIII — начале XIX вв. Песенку птички из этой сказки использовал Гёте при создании последней сцены первой части «Фауста» (песня безумной Маргариты).

С ошибкой в прочтении слова на нижненемецком диалекте связан заголовок черновой редакции сказки Жуковского: «Миндальное дерево». Mandelbaum (миндальное дерево) созвучно диалектному Machandelboom (можжевельник), что, по-видимому, и послужило причиной замены скромного можжевельника декоративным миндальным деревом. Однако основная ошибка Жуковского в том, что ему была неизвестна и осталась непонятой уходящая в глубокую индоевропейскую древность, сохраняемая в немецкой народной культуре и в полной мере воплощенная в сюжете этой сказки функция можжевельника как амбивалентного символа смерти (показательно, что можжевельник принадлежит к семейству кипарисовых, в составе которых кипарис — как элемент высокой поэгической культуры — общеизвестный символ смерти) и ее полного преодоления. Ср. использование можжевельника и в архаической русской похоронной культуре, где он выполняет ту же функцию, что и сосновый и еловый лапник, которым усыпают гробовую дорогу. При доработке сказки поэт еще дальше отошел от фольклорной системы немецкой сказки: он заменил миндальное дерево тюльпаном. Оно принадлежит к семейству магнолиевых (его родина — Северная Америка, Китай); это большое красивое дерево Жуковский мог видеть в парках Западной Европы. Тюльпанное дерево внесло в сказку экзотический элемент, чуждый немецкому источнику (*Найдич Л. Э.* Указ. соч. С. 336—337).

Наиболее архаичные черты сюжета немецкой сказки были оставлены Жуковским без внимания. Так, в его произведении значительно ослаблены мотивы чудесной связи происходящего с деревом, являющимся композиционным центром сказки «О можжевельнике» (мать ест его ягоды и у нее рождается сын, Марленекен

кладет косточки братца под дерево на траву, после чего из ветвей можжевельника вылетает чудесная птица). Был отвергнут Жуковским и другой мотив немецкой сказки, по-настоящему ужаснувший в свое время писателя-романтика Людвиг Ахима фон Арнима (1781—1831): студень, приготовленный мачехой из убитого мальчика и съеденный ничего не ведающим отцом. Жуковский смягчил и сообщение о смерти мачехи, данное в собрании братьев Grimm: «...птица бросила ей жернов на голову, так что ее всю разможило». Наряду с этими «страшными» моментами в сказке «О можжевельнике» присутствуют бытовые и даже юмористические детали. Жуковский не ввел эти подробности в текст «Тюльпанного дерева», видимо, из-за их неуместности в структуре весьма однородного по своей тональности произведения (см. об этом: *Найдич Л. Э.* Указ. соч. С. 337—339).

По сравнению с немецким источником в «Тюльпанном дереве» был значительно усилен религиозно-дидактический элемент. С особой силой это сказалось в финале произведения Жуковского. У Рунге говорится, что братец, появившийся из дыма и огня, «взял отца и Марленекен за руку и все трое были очень довольны и пошли в дом к столу и стали есть». Ф. фон дер Лейен назвал «сатировой игрой» (*Satyrspiel*) финальную трапезу героев, выражающую их удовлетворение страшной развязкой событий. Из-за неуместности финала, считает исследователь, запись Рунге может вызвать у читателя чувство разочарования. Он высказал предположение о том, что восхищение сказкой на этот сюжет, выраженное К. Brentano и Гёте, было связано с более удачным ее вариантом, который они слышали в конце XVIII века (*Leyen F. von der. Das deutsche Märchen und die Brüder Grimm. [Düsseldorf; Köln], 1964. S. 70—71*).

Ц. Вольпе опубликовал окончание первой редакции сказки Жуковского, которое было ближе к финальному фрагменту немецкого текста: «...и вновь все трое // Они тогда за стол обедать сели. // И я там был; и пиво с медом пил, // Но по усам текло; в рот не попало» (Стихотворения. Т. 2. С. 456). Использование Жуковским русской сказочной формулы было связано со своеобразной попыткой «оправдания» им финала сказки «О можжевельнике». Прибегнув к ней, Жуковский, по-видимому, хотел подчеркнуть «естественность» окончания этой сказки (как и всякой другой) именно трапезой (сказочный пир можно отнести к числу формализованных приемов, характерных для различных народнопоэтических систем). Однако при доработке черновой редакции поэт отказался от этого варианта; в конце написанного им произведения герои замирают пред лицом «невидимого Бога», свершившего свой справедливый суд. В самобытный финал немецкого источника это внесло новый смысловой акцент. В целом он не противоречил одной из основных тенденций работы братьев Grimm над своим собранием, религиозно-дидактическая струя которого заметно нарастала при переизданиях. Видимо, Жуковский смотрел на это как на органичную черту немецкой сказки вообще, что и привело к усилению религиозно-дидактической окраски «Тюльпанного дерева».

Ряд изданий сборника братьев Grimm, выпускавшихся специально для детей, не содержит в себе сказки «О можжевельнике». Видимо, какие-то сомнения относительно «Тюльпанного дерева» были и у Жуковского. В июле 1845 г. он писал Плетневу: «Не знаю, впрочем, отвечают ли те сказки, которые мною составлены, тому идеалу детских сказок, которые я имею в мыслях» (С. 7. Т. 6. С. 592). В некотором противоречии с впечатлением, оставляемым «Тюльпанным деревом», находится развитие Жуковским положений об «идеальной» детской сказке: «Я полагаю,

что сказка для детей должна быть чисто сказкою, без всякой другой цели, кроме приятного, непорочного занятия фантазии. Надобно, чтобы в детской сказке (...) всё было нравственно-чисто; чтобы она своими сценами представляла воображению одни светлые образы, чтобы эти образы никакого дурного, не нравственного впечатления после себя не оставляли — этого довольно. Сказка должна быть также жива и возбуждательна для души, как детские игры возбуждательны для сил телесных. При воспитании сказка будет занятием чисто приятным и образовательным; и ее польза будет в ее привлекательности, а не в тех нравственных правилах, которые только остаются в памяти, редко доходят до сердца, и могут сравниться с фальшивыми цветами...». Жуковский полагал, что его сказки, если они и не отвечают «идеалу детских сказок», могут стать «привлекательным чтением для детей взрослых, т. е. для народа» (Там же. С. 591—592). Вероятнее всего, что эта оговорка была связана, в первую очередь, с мыслью о «Тюльпанном дереве», адресация которой детской аудитории не может быть признана бесспорной.

В «Тюльпанном дереве» отразились специфические черты религиозности Жуковского середины 1840-х гг., усвоенные им на немецкой почве, в кругу семьи Рейтернов. Сказка «О можжевельнике» примечательна отсутствием у героев адекватной эмоционально-действенному отношению реакции на происходящие в ней события. Персонажи как братьев Гримм, так и Жуковского поразительно глухи к пролитию человеческой крови (за исключением матери, которая любит утешиться на снег кровавыми каплями). Кровь не упоминается поэтом ни в страшной сцене с сундуком, ни в эпизоде с Марлиночкой, «оторвавшей» братцу голову. Песня птички, рассказывающая о злодеянии мачехи, вызывает у слушателей восхищение, но не ужас. Далек от каких-либо предчувствий и отец убитого мальчика, миротворенно наслаждающийся вечерним покоем. В лишенный соответствия жизненной правде сюжет поэт попытался привнести убедительное религиозное содержание, однако отсутствие подлинной глубины чувств, способной удовлетворить затронутую злодеянием совесть читателя, привело лишь к поверхностной эстетизации смерти — явлению, в высшей степени характерному для позднего Жуковского. В его творчестве и письмах последних лет смерть поучительна, умилительна, прекрасна, но ей совершенно чужда внутренняя трагическая противоречивость. В письме к Плетневу от 24 октября 1851 г. Жуковский назвал похороны Е. А. Карамзиной «пиршеством погребения», выражая тем самым суть своего отношения к смерти (С. 7. Т. 6. С. 602). У Жуковского этот процесс достиг своей вершины в статье «О смертной казни». Тенденции, постепенно высвобождавшие в сознании писателя смерть из плена слёз, страданий и мучительных сожалений, с большой силой проявились в сказке «Тюльпанное дерево», где сцена смерти мальчика, голова которого упала в сундук, полный спелых яблок, приобретает определенный элемент эстетизации.

Ст. 1—2. *Однажды жил, не знаю где, богатый // И добрый человек. Он был женат...* — В первой публикации начало сказки было другим:

Жил-был (я думаю, с тех пор прошло
Лет боле тысячи) один богатый
И добрый человек. Он был женат...

Ср. начало сказки в черновом автографе:

Миндальное дерево

Жил-был (я думаю, с тех пор прошло
Лет боле тысячи) один богатый
И добрый человек; и он имел
Жену и с нею жил душою в душу.
Но Бог детей им не давал; и это
Их сокрушало, и они усердно
Молилися, чтоб Бог благословил
Их брак, и к Богу их дошла молитва.
Вкруг дома их был сад, и перед домом
Там дерево миндальное росло.
Под этим деревом однажды (то
Случилось зимой) жена сидела...
Окончание сказки в черновом автографе (не зачеркнуто):

Искал жены глазами; но ее
Он не нашел; и вновь все трое
Они тогда за стол обедать сели.
И я там был; и пиво с медом пил,
Но по усам текло; в рот не попало.

С. Березкина

Кот в сапогах

Сказка

(«Жил мельник. Жил он, жил и умер...»)
(С. 216)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 31—33 об.) — черновой. В начале текста на л. 31 дата: «Апреля 3» (цифра исправлена из «4»), в конце текста на л. 33 об. запись: «Конч(ено) 4 (апреля)». Даты указаны по новому стилю — (ср. с датой, сопровождавшей первую публикацию произведения).

Впервые: Совр. 1846. Т. XLIV. № 10—12. С. 5—12 — с подзаголовком: «Сказка» и пометой: «1845, в марте».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 281—292 — в подборке: «Сказки и повести», с заглавием: «Кот в сапогах. Сказка».

Датируется: 22 марта (3 апреля) — 23 марта (4 апреля) 1845 г. на основании указаний Жуковского в автографе и первой публикации.

«Кот в сапогах» — первая из трех сказок, написанных Жуковским во Франкфурте-на-Майне в марте-апреле 1845 г. А. Н. Афанасьев в предисловии ко второму изданию «Народных русских сказок» (1873) писал: «Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1984. Т. 1. С. 5). Действительные намерения Жуковского носили более скромный характер. В июле 1845 г. он писал П. А. Плетневу: «Мне хочется собрать несколько сказок, больших и малых, но не одних русских» (С. 7. Т. 6. С. 591). Произведения, созданные в 1845 г. на основе французской, немецкой и русских сказок, были ча-

стью этой программы. Они предназначались для задуманной Жуковским большой книги «Сказки и повести для юношества»: «Если достанет хорошего расположения, — писал поэт Плетневу 1 июля 1845 г., — то при “Одиссее” постараюсь состряпать еще несколько сказок в разных тонах и разных характеров» (СС I. Т. 4. С. 649). Следует отметить, что это письмо сопровождало посылаемую в Россию «Сказку о Иване-царевиче и Сером Волке»; в это время Плетнев еще не знал об уже созданных Жуковским сказках «Кот в сапогах» и «Тюльпанное дерево».

«Кот в сапогах» Жуковского — стихотворное переложение сказки французского писателя Шарля Перро (1628—1703) «Le Maître Chat, ou le Chat botté» («Господин Кот, или Кот в сапогах») из сборника «Истории, или Сказки былых времен с моральными наставлениями» («Сказки Магушки Гусыни»; 1697). Это было второе обращение поэта к сказкам Перро: известен его перевод сказки «Феи» (у Жуковского — «Волшебница»), опубликованный в 1826 г. в журнале «Детский собеседник» вместе с переводами из собрания братьев Гримм; другая сказка этой публикации — «Рауль синяя борода» — также переводилась в основном по произведению Перро (см. об этом в комментарии к сказке «Спящая царевна», 1831). Об издании сказок Перро (1837) в библиотеке Жуковского см.: Описание. № 1828. Жуковскому, несомненно, была известна сказка на сюжет «Кота в сапогах», напечатанная в первом издании собрания братьев Гримм «Kinder- und Hausmärchen» (впоследствии она была исключена составителями, поскольку немецкий вариант оказался очень близок к французскому). Возможно, что Жуковского вновь, как и в 1831 г., привлекла к себе именно переключка двух вариантов одного сюжета, и это определило его выбор.

Создавая своего «Кота в сапогах», Жуковский довольно точно следовал сюжету источника. «Однако, — указывал Вольпе, — аристократическая, сдержанная, “учтивая” и лаконичная манера Перро (...) не удовлетворяет Жуковского, прошедшего через “фольклорную школу” братьев Гримм. Поэтому, пересказывая Перро, он стремится ввести в текст элементы народности и подчеркнуть демократические и сатирические элементы сказки». (Стихотворения. Т. 2. С. 480; примеры такого рода работы с источником приведены в его комментарии). См. также в настоящем издании построчный комментарий.

«Франкфуртские» сказки Жуковского написаны пятистопным ямбом без рифм, характерной особенностью которого является свобода синтаксических конструкций. Преимущества этого стиха Жуковский неоднократно подчеркивал в своих письмах к П. А. Плетневу 1845 г.: он «должен составлять средину между стихами и прозой, т. е. не быв прозаическими стихами, быть однако столь же простым и ясным как проза, так чтоб рассказ, несмотря на затруднения метра, лился как простая, непринужденная речь...» (С. 7. Т. 6. С. 591). Выбор размера в значительной степени был обусловлен опытом работы Жуковского над «царскосельскими» сказками 1831 г. «Спящей царевне», написанной хореем, суждено было остаться единственным в его творчестве опытом такого рода, поскольку хорейский стих, даже с переменной способа рифмовки, слишком напоминал интонацию пушкинских сказок. Работая в жанре литературной сказки, Жуковский постоянно соотносил свои замыслы с достижениями Пушкина, и безрифменный пятистопный ямб представлялся ему новым, еще не опробованным на этой почве шагом.

Ст. 1—8. *Жил мельник. Жил он, жил, и умер ~ Сложившись, будут без нужды; а я...* — Первоначально сказка начиналась так:

Жил мельник; жил он, жил и умер;
 После него остался три сына,
 А им в наследство мельница, осел
 И кот. Взял старший мельницу, осла
 Взял средний, младшему достался кот,
 И был своим он крепко недоволен
 Участком. «Братья, — рассуждал он, — могут,
 Сложившись, кормить себя, а я...

Ст. 84. *Благодарить маркиза Карабаса...* — После этого стиха в черновом автографе следовало:

Велел особенно; коту же дал
 Медаль. И так, недели три-четыре
 От имени маркиза Карабаса
 Кот к королю с дичиною ходил.
 И вот что наконец случилось: кот
 Был извещен однажды, что король...

Ст. 233. *В дни табельные ...* — Табельный день — праздничный, особый. В до-революционной России существовала табель с перечислением различных праздников, устанавливавшая их иерархию.

С. Березкина

Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке
 («Давным-давно был в некотором царстве...»)
 (С. 222)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 35—50 об.) — черновой; под заглавием: «Сказка о Иване-царевиче, жар-птице, сером волке, Кошце бессмертном и Ел[ене Прекрасной]» (над строкой начато неясное исправление двух последних слов: «т. д. (?)»). В начале текста на л. 35 дата: «27 марта / 8 апреля 1845», на л. 39 — «29 мар(та) / 10 апр(еля)», на л. 41 — «30 мар(та) / 11 апреля», на л. 43 — «31 мар(та) / 12 апр(еля)», на л. 44 об. — «¹/13 апреля», на л. 46 — «²/14 апреля», на л. 48 и 50 — «³/15 апреля», на л. 50 об., под текстом сказки — «⁶/18 апреля». На л. 49 об. — автоиллюстрация, изображающая Волка в придворном костюме с надетой на хвост сеткой. На л. 35, между заголовком и текстом первый план сказки: «Покражи в саду. Отъезд. Столб. Волк. Похище(ние) ж(ар)-птицы. Отправился за конем. Похищение коня. Похищение царевны. Прощание с волком. Предательство цар(евичей). Волк. Оживление Иван(а)-царевича. Рассказ волка: о Бабе Яге; встреча с двумя лешими. Похище(ие) скатерти, дубинки и шапки-невидимки. Баба Яга. Рассказ о смер(ти) Кошца. Ив(ан)-цар(евич) достает смерть. Идет к Кошке, находит царевну и умертвляет Кошца. Въезжает в столицу. Гусли-самогуды пробуждают спящих. Свадьба». На л. 34 об. второй план: «Волк у царя Афрона в виде царевны. Свадьба. Пир. Волк у царя Далмата. Конь. Скачка. Приехал к месту и проща(ние). Встреча с царевичами. Убийство. Волк чув(ствует). *Нрзб.* Ворон. Полет ворона. Оживление. Наставление волка. О коне. О Бабе Яге. Когда захочешь меня видеть. О Кошце и похище(нии). *Нрзб.* Добрый конь. Встреча с лешими. Шапка-невиди(мка). Дубинка. Скатерть».

Пустил(ся) (?). К Бабе (Яге). Не скажу (?). Спит (?). Рассказ о смерти Кощея. Орел и щука. Добыл смерть Кощея. Прибытие. Змей шест(и)глав(ый) и дуб(инка). Шапка и свидание. Явился к Кощею. Отъезд. Прибытие. Выгнал басурманов. Прибыл в столицу. Все спят. Пробуждение. Свадьба Ив(ана-царевича) (?). Жар-птица — *нрзб*. Гусли-самогуды — будят (?). Палка — *нрзб*. Посещение волка. В *нрзб*.». Часть плана (до слова «Отъезд») перечеркнута. Весь план поделен на четыре части; рядом с тремя из них стоят астрономические значки, обозначающие пятницу, субботу и понедельник. Здесь же последний, третий план сказки: «Жар-птиц(а) в сад(у). Три ночи. Отъезд И(вана)-ц(аревича). Смерть коня. Царь Далмат и жар-п(тица). Царь Афрон и ко(нь). Похищение из сада. Превращение в царевну. (Превращение) в коня. Пир. Умерщвление И(вана)-царевича. Оживление. Сведения. Конь в подземелье. Летят. Баба Яга. Избушка. Пере(плыл) океан и берег его. При(ехал) к Кощею. Змей и дуб(инка). Смерть Кощея. Дорога. Спящее царство. Родитель царь. Пир спящий и другой пир. Приезд волка. Его одежда и ловкость. Гусли. Волк остается. (Его) овцеводство. Кум царя. Конец И(вана)-ц(аревича). Волк» (частично напечатано: *Березкина С. В.* История создания последней сказки Жуковского // Ж. и русская культура. С.188—189).

В п е р в ы е: Совр. 1845. Т. XXXIX. № 9. С. 225—263 — с пометой: «1-го июля 1845. Франкфурт-на-М.(айне)», с заглавием «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке».

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: С 5. Т. 6. С. 225—269 — в подборке: «Сказки и повести», с тем же заглавием.

Д а т и р у е т с я: 27 марта — 6 апреля н. ст. 1845 г. согласно указаниям в автографе.

В дневниковой записи за 1845 г. читаем: «27 (марта) (6 (апреля)), вторник. Начал сказку о Иване Царевиче»; «3 (15) (апреля), вторник. Кончил сказку о Иване Царевиче. Чтение с Гоголем» (ПСС. Т. 14. С. 284).

По-видимому, вскоре Жуковский вернулся к работе над сказкой и отредактировал ее. Дата «1 июля (н. ст.)», сопровождавшая первую публикацию произведения, попала в нее, вероятно, из письма, с которым Жуковский отослал сказку П. А. Плетневу (СС 1. Т. 4. С. 648). При подготовке пятого издания своих стихотворений Жуковский внёс в сказку ряд изменений стилистического характера и исключил из нее фрагмент текста, написанный в сатирическом ключе (см. постишный комментарий).

«Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» — итоговое произведение Жуковского в жанре литературной сказки. Из шести сказок поэта к русским сказочным сюжетам восходят две — первая («О царе Берендее», 1831) и последняя («О Иване-царевиче и Сером Волке»). Едва ли это обстоятельство можно расценить как простую случайность.

Ориентация на подлинную народную традицию помогла поэту в освоении жанровой специфики литературной сказки. В процессе создания «Царя Берендея» им была выработана устойчивая жанровая модель, послужившая основой и для произведений, опирающихся на западноевропейские источники. Сказочный цикл Жуковского характеризует сюжетно-композиционное и стилистическое единство, и в этом его отличие от более ранних опытов поэта в жанре литературной сказки. Структура таких произведений, как «Три пояса» (1808) и «Красный карбункул» (1816), отличается большей рыхлостью по сравнению со сказками, напи-

санными в 1831 и 1845 гг. В своем последнем произведении Жуковский свободно объединил два народнопоэтических сюжета — «Царевич и серый волк» и «Смерть Кощея в яйце» (Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. А. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 154—155 (№ 550) и С. 107—108 (№ 3021)). См. об этом: *Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 310—334.

Возможно, что поэт при этом ориентировался на «Сказку об Иване-царевиче, жар-птице и Сером Волке» из сборника «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок», вышедшего первым изданием в 1786 г.; впоследствии она вошла в собрание народных русских сказок А. Н. Афанасьева (см. об этом: *Колесницкая И. М.* Сказка «Об Иване-царевиче, жар-птице и Сером Волке» в обработке Языкова и Жуковского // Студенческие записки филолог. факультета ЛГУ. Л., 1937. С. 81—89). О знакомстве Жуковского со сборником «Дедушкины прогулки» свидетельствуют материалы, имеющие отношение к замыслу поэмы «Владимир» (РНБ. Оп. 1. № 178. Л. 9 об.). Книжные впечатления были обогащены воспоминаниями Жуковского о какой-то сказочнице, характер которой он, по утверждению Плетнева, старался передать в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» (Переписка. Т. 3. С. 562).

Жуковский писал Плетневу о своем новом произведении: «...одну из (...) сказок, во всех статьях русскую, рассказанную просто, на русский лад, без примеси посторонних украшений, имею честь здесь представить издателю “Современника”, прося его дать ей уголок в своем журнале» (СС I. Т. 4. С. 648—649). Основной тенденцией в работе Жуковского над произведением (от чернового автографа 1845 г. к публикации «Современника» и тексту С 5 1849 г.) было стремление к лаконизму, компактности сказочного повествования. Преследуя эту цель, Жуковский порой сознательно отстранялся от традиционных фольклорных приемов (присказки, угроение сюжетных звеньев) — примеры такого рода работы можно увидеть при сравнении фрагментов чернового автографа с окончательным текстом сказки.

В художественной структуре народной сказки поэтом был выделен доминирующий принцип (динамичное движение сюжета), который стал организующим стержнем всего произведения. Жуковский стремился к интерпретации фольклорного по своему происхождению сюжета, соединенной с принципиальной установкой на свободу авторских проявлений. Это нашло свое выражение в композиционной стройности разветвленного повествования, психологической детализации, развернутых описаниях, наконец, в юмористической окраске некоторых эпизодов произведения. Последняя черта особенно характерна для сцен, связанных с окружением (двором и свитой) сказочных царей, — Демьяна Даниловича, Афрона, Далмата (видимо, здесь отразились личные впечатления поэта от пребывания при дворе русских императоров).

Несколько иные художественные приемы использовал Жуковский при создании заключительных сцен сказки, в которых изображается возвращение домой Ивана-царевича. Их специфичность ощущал и сам поэт, особо отметивший финал своей сказки в письме к Плетневу от 1 июля 1845 г.: «Прочитав мою сказку, вы, может быть, найдете, что она чересчур длинна; но мне хотелось в одну сказку впрятать многое характеристическое, рассеянное в разных русских народных сказках; под конец же я позволил себе и разболтаться» (СС I. Т. 4. С. 649). Финальное изо-

бражение столицы Демьяна Даниловича поражает пластикой свободных проявлений фантазии художника, рисующего идеальную картину празднества монарха в окружении счастливого и довольного народа.

Сюжет утрачивает здесь свою функциональную ключевую роль. Жуковский развертывает описания, одно за другим, различных уголков царства Демьяна Даниловича: окрестности заколдованного города, его улицы, дворец, пир спящих, а затем и проснувшихся людей. Эти сцены заставляют вспомнить сказку Жуковского «Спящая царевна». Вновь разрабатывая уже опробованное в ней сюжетное звено, Жуковский как бы наверстывал упущенное им ранее, поскольку в 1831 г. он не решился на предельную русификацию заимствованного сюжета «Спящей царевны». Столица Демьяна Даниловича, напротив, русская во всех своих проявлениях: царский двор широк, радость родителя-царя при виде сына не знает границ (он смеётся, плачет, глядит, «глаз не отводя», целует его и милует, наконец, пускается в пляс), в городе стреляют из пушек и звонят в колокола, на Дворцовой площади полно народу, от приветственного крика которого дрожит все вокруг, от шапок же, брошенных им в воздух, «Божий день затмился...». Блюда на пиршественный стол Демьяна Даниловича подаются подчеркнуто русские, причем наиболее лакомые для русского человека. Вероятно, во всех этих деталях сказалось тоскливое воспоминание о России Жуковского, которому никак не удавалось осуществить свое горячее желание — вернуться на родину.

Принципиальное для поэта значение имело изображение в сказке свадебного пира. В соответствии с евангельским призывом царь Демьян приглашает за свой стол всех, и в том числе нищих (в черновой редакции поэт упомянул также «глухих, немых, слепых, безногих и калек»). Собравшиеся на пир люди, без различия званый и сословий, поставлены Жуковским в равные условия: они все едят на золоте и пьют из хрусталя, под ногами же у них лежат шелковые ковры. Эта идиллическая картина сформировалась в сознании поэта под влиянием социальной несправедливости, уязвлявшей его христианскую совесть (этот аспект действительности мог быть осмыслен поздним Жуковским только в контексте христианского учения). Автор сказочной идиллии не чуждается изображения тех сторон реальной жизни, которые не поддаются, с его точки зрения, идеализации. Для «лечения» социальных язв он предлагает сугубо рационалистичное, несмотря на свое фольклорное происхождение, средство — чудесную дубинку, более преуспевающую на почве обуздания воров и пьяниц, чем полиция.

Встрече Ивана-царевича с Серым Волком, приехавшим в карете, Жуковский придал черты того идеала, который, как ему представлялось, должен определять отношения царского сына с наставником. На материале сказки поэт как бы попытался исправить то, что тревожило его при воспоминании об исполненной им миссии по воспитанию и образованию наследника русского престола — будущего императора Александра II. Жуковский подчеркнул искренность Ивана-царевича в моменты выражения им Волку простой человеческой благодарности, приводящей героя к полному забвению своего высокого положения. Видимо, это было то, чего Жуковскому не хватало в отношениях с цесаревичем. Примечательна дальнейшая судьба сказочного наставника царского сына, данная поэтом как бы в противовес собственной судьбе. Серый Волк становится настоящим членом царской семьи, для которой немисливо его удаление в самую почетную «отставку» (один из черновых вариантов сказки: «...будет он к семье царя причислен»). В конце сказки в облике

Волка происходит неожиданная перемена: он становится учителем и даже нянкой детей Ивана Демьяновича. Жуковский пошел на максимальное сближение истории сказочного героя с собственным жизненным опытом, подчеркнув его финальными строками произведения: «Но в его нашлись бумагах // Подробные записки обо всем // (...) и мы из тех записок // Составили правдивый наш рассказ».

В некотором противоречии с этой тенденцией находился сатирический фрагмент сказки, повествующий о придворных занятиях Волка овцеводством (он присутствовал в первой публикации произведения — см. ниже, в построчном комментарии). Вероятно, поэтому Жуковский и изъял его впоследствии из текста, представив в финале сказки своего рода утопию, рассказывающую о неразрывном, почти родственном единстве наставника с царской семьей, горячо и преданно любимой старым поэтом.

Последняя сказка Жуковского вызвала интерес у современников. По сообщению П. А. Плетнёва в письме к поэту, императрица Александра Фёдоровна «сама будет сказки ваши читать своим детям», а после прочтения «Ивана Царевича» «в её фантастическом воображении создался из этого чудесный балет» (Переписка. Т. 3. С. 564). После чтения сказки вместе с Вяземским Плетнёв в письме к Жуковскому от 1 (13) ноября 1845 г. даёт подробный отчёт: «Он [Вяземский] полагает, что сказка ваша, со всею прелестью своею, не защитит вас от критики людей, совершенно с разных сторон смотрящих на этот род поэзии. Так называемые ревнители народности скажут, что Иван Царевич лишён ярких красок сказочного русского языка и больше представляет собою собственное ваше сочинение. Выдающие себя за художников-космополитов будут говорить, что ваша сказка ниже тех произведений ваших, которыми выразился личный поэтический ваш характер. Ни те ни другие не оценят присутствия русской фантазии, живого вашего сочувствия к героям повести, верности языку наших сказок, и той изумительной простоты, которой вы не нарушили ни разу во всё столь длинном рассказе». Резюмируя своё отношение к сказке, издатель «Современника» пишет: «В Иване Царевиче не то достоинство, будто бы он (как вам хотелось) удержал в себе весь характер той сказочницы, о которой вы так живо вспоминаете, но то, что летишь с ним легко, чувствуешь около себя действительно сказочную Русь, речь везде такая понятная и так близкая и русскому сердцу и памяти выросшего на руках русских нянюшек, а между тем есть и богатое разнообразие, как в самой натуре — рассказ то шутив, то степенен, то возвышен, то прост» (Там же. С. 561—562).

Сказка Жуковского была переведена на немецкий язык Юстинусом Кернером и вышла в свет с его предисловием: «Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf. Stuttgart, 1852». Как вспоминал переводчик (этот фрагмент воспоминания вошел в предисловие), «своими новыми созданиями он [Жуковский] поделился со мною, и когда он увидел, как я восхищен его красочной детской сказкой “Об Иване-царевиче и Сером Волке”, то передал мне ее, чтобы увидеть ее переведенной мною для немецких читателей...» (Жуковский в воспоминаниях. С. 352).

Ст. 72. *Однако у него в руках одно...* — В черновом автографе после этого стиха следовало:

Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Был ярко освещен. К дарю Демьяну...

Ст. 142. *И человечьим голосом сказал...* — Далее в черновом автографе читаем:

«Мне очень, очень жаль, Иван-царевич,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
Что на столбе написано; тому
Так следовало быть; однако ты...»

Ст. 157. *И Серый Волк быстрее всякой птицы...* — В черновом автографе было такое продолжение:

Помчался с седоком, и к полночи они
Примчались к низкой каменной ограде...

Ст. 182. *Великим, сильным государством; ваша...* — В черновом автографе было: «Великим, знаменитым царством; ваша...»

Ст. 317. *Царя Афона. Серый Волк сказал...* — В первой публикации сказки далее следовало:

«Иван-царевич, должно осторожно
Здесь поступить: я превращусь в царевну...»

Ст. 318—319. *«Иван-царевич, здесь должны с умением // Мы поступить: я превращусь в царевну...»* — Ср. черновой вариант:

«Иван-царевич, сделай так теперь,
Как я скажу. Я превращусь в царевну...»

Ст. 358. *Ступай вперед; я скоро догонию вас...* — В черновом автографе далее следовало:

Так все и сделалось. Золотогривом
Не мог налюбоваться царь Далмат.
Прошло три дня. Велел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нём...

Ст. 368—375. *Перекувырнувшись с его спины ~ Скакать пустилася; освободили...* — В черновом автографе эти стихи выглядели так:

Перекувырнувшись с его спины,
Вдруг очутился головою вниз,
Ногами вверх и, по плеча увязнув
В распаханной земле, ее царапал
Руками и, напрасно слясь
Освободиться, растопырил ноги
И ими в воздухе болтал; вся свита
К нему подъехала; освободили...

Ст. 408. *И ехали они дня три, четыре...* — После этого стиха в черновом автографе следовало:

И вдруг увидели великолесный
Шатер, разбитый на лугу зеленом...

Ст. 441. *Облить кровью, на поле широком...* — После этого стиха в тексте первой публикации читаем:

Лежал Иван-царевич. Так прошло
Два дня; на третий день — уже склонялось
На запад солнце; поле было пусто...

Ст. 563—567. *И видит он, что вместе с ней упало ~ Был колдуном. Иван-царевич свистнул...* — Ср. в черновом варианте:

Еще одиннадцать дверей железных.
За этими двенадцатью дверями
Конь богатырский был издавна заперт
Могучим колдуном. Иван-царевич свистит.

Ст. 574—581. *Иван-царевич по спине его ~ Седок и надобен; готов тебе...* — В черновом варианте вместо этих восьми стихов было семь. Ср.:

Иван-царевич по спине его
Провел рукою, и на колена пал,
Ее не снесши, ретивый конь.
И человеческим голосом Ивану-
Царевичу сказал он: «Христос спаси,
Иван-царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен. Готов тебе...

Ст. 694—696. *Заснул и прбспал до полудня. Вставши ~ Яге подробно рассказал, зачем...* — Ср. в черновом автографе:

Заснул и прбспал до полудня. Вставши,
Умывшись, одевшись и Богу
Как должно помолившись,
Яге подробно рассказал, зачем...

Ст. 704. *Послушать: на море на Окиане...* — Ср. продолжение этого стиха в Совр.:

На острове есть на Буяне дуб
Высокий; а под тем высоким дубом
Зарыт сундук, окованный железом...

Ст. 787. *Ходить, гулять и травку медовую...* — В первой публикации вместо: «медовую» было: «молодую».

Ст. 797—802. *Зашевелили землю; тут Иван-царевич ~ Глубокая открылась яма. В ней...* — В черновом автографе эти стихи выглядели так:

Зашевелили землю; тут Иван-царевич,
Обнявши дуб обеими руками,
Всей силою рванул, и с треском
Он повалился, корни из земли

Со всех сторон, как змеи, поднялся,
И там, где ими дуб в земле держался,
Глубокая открылась яма. В ней...

Ст. 1022—1030. *Еще их всех нашел Иван-царевич ~ С подобострастием на сонных лицах...* — Эти стихи в черновом автографе выглядели так:

Сам царь Демьян Данилович стоял,
И с ним министр двора, и оба спали,
Но все как будто продолжали речь
О государственных делах, и все
Придворные, составив полукруг,
Перед царем стояли, на него
Потухшие от сна глаза уставив...

Ст. 1050—1051. *...бирючам столице возвестить...* — Бирюч — вестник, глашатай.

Ст. 1062—1067. *Купцов, мещан, простых людей и даже ~ Им принесли все знатные чины...* — Ср. в черновом автографе:

Всех нищих, всех глухих, немых, слепых,
Безногих и калек. И на другой день
Невесту с женихом премудрый царь Демьян
Данилович повел к венцу; когда же
Венчание свершилось, поздравленья
Им принесли все знатные чины...

Ст. 1100—1101. *...и пироги подовые...* — Т. е. испеченные из кислого теста в печи на поду (нижняя поверхность устья печи).

Ст. 1103. *Мартовское пиво.* — Крепкое сладковатое пиво, сваренное в марте, в канун Пасхи. Известна русская пословица: «Мартовское пиво с ног сбило».

Ст. 1106. *Рейнское.* — Т. е. рейнское вино.

Ст. 1145—1146. *...бархатным покрыты // Наметом...* — Намет — накидной чехол.

Ст. 1148—1149. *...по швам // Басоны...* — Басон — плетеная тесьма, шнур или бахрама, предназначавшаяся для украшения одежды и мебели.

Ст. 1183—1186. *Данилович с ним кубком в кубок стукнул ~ Пир царский и народный продолжался...* — В черновом автографе отсутствовал ст. 1185: «И пушечный задранный грянул залп...»

Ст. 1200. *Что всякую получит почесть он...* — Ср. черновой автограф: «Что будет он к семье царя причислен...»

Ст. 1202. *Что будет он по чину в первом классе...* — По Табели о рангах чин первого класса (генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер) присваивался именованным указом российского императора. Серый Волк, возведенный в столь высокий ранг, — яркая комическая деталь сказки Жуковского.

Ст. 1209. *Да поживать по-царски Серый Волк...* — После этого стиха в черновой рукописи и первой публикации следовало:

А так как он в лесу своем любил
Естественной наукой заниматься

И зоологией особенно, то царь
 (Чтобы его занять приятно, царству ж
 Доставить пользу) поручил ему
 Заведывать делами овцеводства,
 И дал указ, что «Серый Волк во все
 Казенные и частные овчарни
 Волён входить, когда захочет; что же
 Сочтет за нужное там учинить,
 Никто ни спорить в том, ни прекословить
 Отнюдь не должен; и ему ни в чем
 И никому отчета никогда
 Не отдавать». И вот по долгом, славном
 Владычестве премудрый царь Демьян
 Данилович скончался, на престол...

С. Березкина

Повесть об Иосифе Прекрасном
 («Иаков жил в земле, где Исаак...»)
 (С. 254)

Автограф не существует.

Копия: (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 24, 34—34 об., 52—55 об.) — авторизованная, рукою В. Кальянова под диктовку Жуковского и с его правкой, с заглавием: «Повесть об Иосифе Прекрасном» (на л. 34 авторская помета: «Иосиф») и датами, фиксирующими процесс работы: «14/26 марта 1845» (л. 25); «6 апреля» (л. 34; ст. 31—70); «2 июня» (л. 52; ст. 71). Последние две даты даны по н. ст., так как далее (ст. 71—373) отмечены следующим образом: «6/18 июня, 7/19, 9/21». В нескольких местах Жуковский сделал небольшую, несущественную и неоконченную карандашную правку, синтаксически несогласованную с начальным вариантом. Этот редакторский слой, не могущий претендовать на каноничность, справедливо не был учтен при первой публикации и не учитывается в наст. изд.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. № 9. Столб. 1693—1701.

Печатается по авторизованной копии.

Датируется: 14 (26) марта — 9 (21) июня 1845 г. на основании помет Жуковского.

Повесть представляет собой изложение из сюжета библейской книги Бытия: XXXVII; XXXIX: 1—5, 20—23; XL; XLI: 1—43, 47—49, 53—57. Жуковский убрал сцену соблазнения Иосифа женой Пентефрия, непременно в иных пересказах, и даже снял всякий намек на это, представив начальника фараоновой стражи евнухом: Иосиф попадает в тюрьму просто невесть за что оклеветанным. Также исключены женитьба Иосифа на жреческой дочери и рождение их детей. Библейский сюжет о нем, его братьях и отце длится вплоть по главу XLVII, но Жуковский оставил повесть незавершенной.

Указание на повесть, входящую в цикл «Библейских повестей», присутствует в многочисленных авторских списках Жуковского середины 1840-х гг. (см.: РНБ.

Оп. 1. № 53. Верхняя обложка, л. 1, 2). В апрельском списке 1845 г. она названа просто: «О Иосифе Прекрасном» (Там же. Верхняя обложка); во всех других случаях — «Повесть о Иосифе Прекрасном». Жуковский собирался включить ее в «Книгу повестей для юношества».

Ст. 2—3. ...в *Ханаанейской // Земле...* — Ханаан — древнее название Палестины, данное по имени автохтонного народа хананеев.

Ст. 38. ...на поля *Сихема...* — Сихем — город в центральной части Ханаана; находился в 40 км к северу от Иерусалима.

Ст. 46—47. ...*долину Хевронскую...* — Долина в Иудейском нагорье в 30 км к югу от Иерусалима.

Ст. 54. ...*Дофаим...* — Или Дофан («колодец») — местечко на дороге из Сирии в Египет в 60 км к северу от Иерусалима.

Ст. 81. *Измаильтине...* — Народ семитского происхождения (Измаил был сыном Авраама от рабыни), занимавший территорию северной Аравии.

Ст. 82. *Из Галаада...* — Галаад — восточное плоскогорье реки Иордан.

Ст. 83. ...*мирру...* — Здесь: ладан.

Ст. 118. *И вретischem облекся...* — Т. е. в одежду из грубой толстой ткани.

Ст. 127. ...*Петтефрию, евнуху Фараона...* — Жуковский пользуется транскрипцией, восходящей к переводу семидесяти толковников, где имя воспроизведено как Петтефрес (в синодальном переводе менее точно: Погифар). Фараон для Жуковского фигура сказовая, и это слово не случайно всегда написано с заглавной буквы — в отличие от «царя», в авторизованной копии почти всегда пишущегося с буквы строчной, каковое различие учтено и при первопубликации. Иосиф попал в Египет во время гиксосского завоевания; некоторые ученые считают гиксосов семитами, и в таком случае последующее возвышение Иосифа вполне объяснимо.

Н. Серебрянников

Египетская тма*

(*Опыт подражания Библейской поэзии*)**

(«Велик, неизглаголанно велик...»)

(С. 264)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 52. Л. 10—11) — черновой, без заглавия.

Копии

1) РНБ. Оп. 2. № 6. Л. 2—3 об. — авторизованная, рукою В. Кальянова под диктовку и с правкой Жуковского, с заглавием: «Египетская тма. Прем.(удрости) Солом.(она). Глава XVII».

* Во всех рукописных вариантах и при первой публикации заглавие не менялось: слово «тма», соответствующее церковнославянскому написанию, было принципиально для стилистической окраски библейского текста. Поэтому мы сохранили его в наст. изд.

** Подзаголовок к повести «Египетская тма» менялся. В черновом автографе было указание на источник переложения: «Прем.(удрости) Солом.(она). Глава XVII». Его сохранили редакторы посмертного издания (С 5. Т. 12). Но так как дефинитивным остается текст первой публикации, подзаголовок «Опыт подражания Библейской поэзии» можно считать последней волей автора. Именно его мы сохранили в наст. изд.

2) РНБ. Оп. 1. № 27. Л. 67—68 — писарская, с заглавием: «Египетская тма», для помещения в С 5 (Т. IX).

В п е р в ы е: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М.: В типографии Семена, 1847 (ц. р. 21 февраля 1847). С. 188—190 — с заглавием: «Египетская тма», подзаголовком: («Опыт подражания Библейской поэзии») и подписью: «Жуковский». В конце строка точек.

Включалось в состав С 5. (Т. 12 : посмертный. С. 155—158) — с заглавием: «Египетская тма» и подзаголовком: «Прем.(удрости) Солом.(она). Глава XVII».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии.

Датируется: август 1846 г.

Основанием для датировки является указание самого Жуковского в перечне произведений с обозначением времени их написания: «Египетская тма. Август 1846» (РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 1 об.).

«Египетская тма» — стихотворное переложение церковнославянского перевода 17-й главы ветхозаветной книги Премудрости Соломона, на что указал сам Жуковский в черновом автографе. Книга Премудрости Соломона была написана на греческом языке в эллинистический период. В Древней Руси ее текст был известен в объеме отрывков, входящих в состав Паремейников (книга Премудрости относится к числу наиболее часто читаемых на православном богослужении ветхозаветных писаний). Полностью книга Премудрости была переведена на славянский в составе Геннадиевской Библии 1499 г., причем оригиналом послужил латинский текст. Во время редакции при создании Острожской Библии 1581 г. текст Премудрости был, по крайней мере отчасти, переработан и выверен по греческому образцу (подробнее см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 206).

Острожская Библия легла в основу Московской Библии 1663 г., а та (в значительно отредактированном виде) — в основу Елизаветинской Библии 1751 г., одним из изданий которой и пользовался Жуковский. Заметим, что «Египетская тма» — не единственный случай обращения поэта к книге Премудрости. В рабочей тетради Жуковского с его переводами отдельных мест Священного Писания (РНБ. Оп. 1. № 58) имеется и перевод следующих стихов: Прем. 9: 1а, 4; Прем. 9: 13—19; Прем. 3: 13—18 (л. 1 об. — 3). Судя по записям в тетради он также собирался здесь перевести Прем. 1: 7, 8, 10 (л. 6 об.); Прем. 11: 25—27 (л. 7 об.). Кроме того, он указывает на 13 и 14 главы книги Премудрости в качестве параллельного места к Рим. 1, 19—20 (л. 4 об.).

17-я глава книги Премудрости является комментарием ст. 21—23 двенадцатой главы книги Исход. Она описывает одну из казней египетских — тьму, охватившую Египет из-за фараона, противившегося воле Божией и не желавшего отпустить израильтян. В соответствующей 12-й главе книги Исход об этой казни говорится кратко и скорее как о явлении физическом: «рече же Господь к Моисею: простри руку свою на небо, и да будет тма по земли египетской, осязаемая тма. Простре же Моисей руку свою на небо, и бысть тма, мрак, буря по всей земли египетской три дни: и не виде ничтоже брата своего три дни, и не воста ничтоже от одра своего три дни, всем же сыном израилевым бяше свет во всех (жилищах), в них же пребываху». В Прем. 17 эта же египетская тьма описана как событие не столько физическое, сколько духовное. Это не только «осязаемая» тьма, но и тьма внутренняя, от ко-

торой невозможно укрыться или спрятаться. Египтяне — «узники тьмы», «связаны долгой ночью», потому что они пытались бежать от вечного Провидения (Прем. 17, 2). Они мучимы не только отсутствием света, но и той тьмой, которая лежит на их сердцах, терзаемых неизбывным, паническим страхом. На них «простирашася тяжкая ночь, образ будущего их восприятия тьмы: сами же быша тьмы тяжчайши» (Прем. 17, 20).

Оппозиция тьмы и света является одной из основных для поэтической философии Жуковского с ее противопоставлениями небесной отчизны и «темной области земной». С этим мотивом в поэтике Жуковского тесно связана и тема звезд, являющихся «окнами», через которые небесный свет проникает на землю. Всю эту близкую для себя символику поэт нашел в 17-й главе книги Премудрости Соломона. В ней изображается такая тьма, которую не могут рассеять даже звезды, что на поэтическом языке Жуковского означает крайнюю степень покинутости земного небесным. Мотив света / тьмы соединяет поэзию Жуковского второй пол. 1810 — 1830-х годов и его творчества периода «христианской философии» 1840-х гг. Характерно, что поэт чутко улавливает этот мотив при переложении священных текстов и последовательно акцентирует его. Мотив тьмы подчеркнут в описании крестной смерти Христа Спасителя в поэме «Странствующий жид» (ср. также цитату из книги Иова, вложенную Жуковским в уста Агасфера, где присутствует звездная символика), в стихотворном переложении Апокалипсиса.

В «Египетской тме» присутствует еще одна чрезвычайно важная для Жуковского тема — тема веры. Египтяне охвачены внутренней тьмой именно потому, что лишены веры в Промысел Божий. Не имея упования на Бога, они страшатся будущего, им чудится затаившаяся в нем угроза. Их страх мучителен именно тем, что источник его — маловерие, а не реальная опасность. Египтяне отвержены «... в тфепет // Страшилищем, которое и было // И не было, они за ним // Еще страшнейшее живое мнили видеть». Стихи, которыми Жуковский описывает это состояние, чуть ли не единственные из всего переложения не имеют прямого соответствия в 17-й главе книги Премудрости Соломона и целиком принадлежат поэту.

«Тревожит все того, в ком веры нет // В спасенье, чье неутешимо сердце» — подтекст этих слов и всего круга описанных выше переживаний глубоко автобиографичен, скорее даже автопсихологичен. Жуковский с начала семейной жизни был мучим тревогой за будущее жены и детей в случае своей смерти. Эта тревожная мысль была его «страшилищем», «чудовищем», преследовавшим его и на одре предсмертной болезни. Духовник Жуковского протоиерей Иоанн Базаров рассказывает о своей беседе с поэтом незадолго до смерти: «Он встретил меня словами: “Вчера меня мучила мысль; как чудовище, не хочет отойти от моей кровати; точно дубиной разбивает душу. Это — дьявольское искушение, *idée fixe*, которая нас сводит с ума, — мысль: что будет с детьми моими, с женою моею после меня!” Я напомнил ему веру в Промысел Божий, милости к нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. “Да, — отвечал он, — это убеждение есть, но в голове; но вот здесь-то (указывая на сердце) оно не живо...” (Жуковский в воспоминаниях. С. 452—453). Лишь чудесное явление Жуковскому Христа во время предсмертного причащения Святых Таин освободило поэта от этой гнетущей тревоги, ставшей для него серьезным духовным испытанием. Жуковский считал причиной всех своих страхов именно недостаток веры, упрекал и корил себя за него, исповедуя перед Богом нищету своей души. Вероятно, не случайно черновые наброски «Египетской тьмы» сделаны

в одной тетради с дневниковой записью марта 1846 г., в которой содержится и тревога за семью, и слезное болезнование о своей немощи в вере (РНБ. Оп. 1. № 52. Л. 6; напечатано: ПСС 2. Т. 14. С. 286). Ср.: «Благодарение Тебе, Господи, за прошедшую ночь и за сохранение жизни моей и моего семейства. (...) Сохрани мое семейство. (...) На дороге жизни я не собрал истинного сокровища для неба: душа моя без веры, без любви и без надежды; и при этом бедствии нет в ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать ее к покаянию (...) прости ко мне Твою руку, посети мою душу Твоим Святым Духом...». Эта запись является разительной автобиографической параллелью к «Египетской тме».

Наконец, следует отметить еще один контекст, в котором, вероятно, воспринималась Жуковским 17-я глава Премудрости Соломона. Как известно, ее парафраз содержится в XXVI главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Страхи и ужасы России») Н. В. Гоголя: «Вспомните *Египетские тьмы*, которые с такой силой передал царь Соломон, когда Господь, желая наказать одних, наслал на них неведомые, непонятные страхи. Слепая ночь обняла их вдруг среди бела дня; со всех сторон уставились на них ужасающие образы; дряхлые страшилища с печальными лицами стали неотразимо в глазах их; без железных цепей сковала их всех болезнь и лишила всего, все чувства, все побуждения, все силы в них погибли, кроме одного страха. И произошло это только в тех, которых наказал Господь. Другие в то же время не видали никаких ужасов; для них был день и свет» (Гоголь. Т. 8. С. 344—345.). Гоголь приводит этот пересказ, упрекая адресата своего письма в недостатке веры. Эту же тему он продолжает и в следующей главе своей книги («Близорукому приятелю»): «Кто омрачается боязнью от будущего, от того, значит, уже отступилась святая сила, — пишет он. — Кто с Богом, тот глядит светло вперед и есть уже в настоящем творец блистающего будущего» (Там же. С. 348.). Вряд ли можно сомневаться, что темы и образы 17-й главы книги Премудрости возникали в разговорах Жуковского и Гоголя в апреле 1845 г. во время совместного чтения богословской литературы и в мае-июле 1846 г., когда Гоголь посещал Жуковского во Франкфурте и Швальбахе. Если учесть, что Жуковский в это время уже думал о «Египетской тме», то это предположение выглядит более чем правдоподобным.

Ст. 3. *Он в помешательство ввергает нечестивых...* — В черновом автографе варианты: «в искушение», «в заблуждение». Таким образом Жуковский передает церковнославянский текст: «сего ради ненаказанныя (т. е. “ненаученные”) души заблудиша».

Ст. 11. *С своими темными грехами...* — В церковнославянском тексте речь идет о «сокровенных» («тайных») грехах. В черновом автографе Жуковский употребляет именно это слово: «тайные», но в окончательном варианте склоняется к эпитету: «темные». В этой замене можно видеть подчеркивание мотива тьмы. Можно поставить вопрос и о влиянии Вульгаты, в которой стоит: «in obscuris peccatis» (в темных грехах. — лат.).

Ст. 17—18. *И дряхлые призраки с грустным ликом // Смотрели им в глаза...* — В черновом варианте: «... мертвецы // Смотрели им в глаза...». В церковнославянском тексте говорится о «привидениях» (в Синодальном переводе — «чудовища», греч. — *φασατα*). Это место «Египетской тмы», несомненно, оказало влияние на те стихи поэмы «Странствующий жид», в которых Жуковский описывает явление воскресших святых после смерти Спасителя на Голгофе (Мф. 27, 51—53): «Теченье

в воздухе бесплотных слышно; // Во мраке образы восставших // Из гроба, вдруг явьясь, смотрели // Живым в глаза...»

Ст. 22—23. ... *невыразимый, // Самогорящий, страха полный огонь...* — В церковнославянском тексте: «Внезапный огонь страха исполнь». Характерно появление здесь столь значимого для Жуковского эпитета «невыразимый». Оно усиливает психологический акцент изображения «самогорящего огня».

Ст. 75. *На них лишь темная лежала ночь...* — В церковнославянском тексте: «Тяжкая (вареѣа) ночь». Как показывает черновой автограф, Жуковский после колебаний между «тяжкая» и «темная» остановился на последнем варианте, таким образом вновь подчеркивая мотив тьмы.

Д. Долгушин (о. Димитрий)

Странствующий жид

(«Он нес свой крест тяжелый на Голгофу...»)

(С. 266)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 60. Л. 30 об., 32 — черновые наброски планов (впервые опубликовано: Бумаги Жуковского. С. 130—131):

(1). Осуждение. Ужас дня. Землетрясение. Слухи. Явление мертвых (Ночь и утро перед Голгофою. — зач.). Движение и мертвая тишина. Ожидание. Бешенство. Побиение С. Стефана. Савл. Тоска по смерти. Патмос. Разрушение Иерусалима. Голод. Зрелище разорения. Храм. Плен. Везувий. Самун в пустыне. Палестина. Колизей ночью. Лишение сна. Отчаянное бешенство против веры. Чего я хотел жить. Без дома, без веры, и без надежды, и без любви. Хотел бы верить. Наконец покорился. Пал на землю. Первое действие — сон. Покой. Нестрадание. Второе действие — сновидение. С тех пор вся жизнь благостная. С грустью провожу в ми(ре?). Смотрю на мир. Я видел — разрушение. Магомет. Византия. Карл Великий. Дух битв и гордости. Наполеон. Знамения века эти. Смирение и покорность.

(2). I. Встреча. Преступление. Осуждение. Распятие. Землетрясение. Тишина. Воскресение. II. Наполеон на С. Елене. Явление Агасвера.

2) РНБ. Оп. 1. № 56. Л. 10 об. — черновые наброски плана, карандашные, крайне неразборчивые записи, видимо, предшествующие вышеприведенным.

3) РНБ. Оп. 2. № 18. Л. 1 об. — черновые наброски плана, относящиеся к 1852 г. (на обороте автограф стихотворения «Розы»).

4) РНБ. Оп. 1. № 60. Л. 8 об. — сверху листа черновой набросок начала, 2 1/2 стиха:

Он нес свой крест тяжелый на Голгофу.
Он, Всемогущий, был, как человек,
Измучен...

Впервые опубликовано: Бумаги Жуковского. С. 129. Датируется 2 (14) октября 1846 г. на основании их вхождения в текст дневниковой записи Жуковского (ПСС 2. Т. 14. С. 287).

5) ПД. № 27803 (Онегинское собрание). Л. 6 об., 7 об., 8 — черновой карандашный набросок (без заглавия) ст. 1—32, среди датированных серединой мая (18 /

30) — началом июня (21 мая / 2 июня) 1840 г. рисунков с видами Германии. На л. 1 альбома с черным тисненным переплетом и железной застежкой дважды написано: «1840» и приводится маршрут путешествия: «Петербург—Варшава—Бреславль—Дрезден—Берлин—Веймар—Франкфурт—Дармштадт—Баден—Дюссельдорф—Франкфурт—Эмс—Кобленц—Дармштадт». Ср. с дневниковыми записями от 6 марта ст. ст. — 28 мая (10 июня) 1840 г. (ПСС 2. Т. 14. С. 193—212). См. описание альбома: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы. Памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 39.

6) РНБ. Оп. 1. № 74. Л. 1—78 — черновой. Ст. 1—32 писаны почерком 1840-х гг. (ср. автограф № 5); весь остальной текст писан в начале 1850-х гг. при помощи особой машинки из-за болезни глаз, постигшей поэта в это время, — с заглавием: «Странствующий жид» и более поздним (другою рукою: «Агасфер»). На л. 1—6, 75 об., 76 — отрывочные наброски плана поэмы.

К о п и и:

1) РНБ. Оп. 2. № 4. Л. 1—26 — беловая авторизованная, рукою камердинера Василия Кальянова под диктовку Жуковского, с заглавием: «Странствующий жид» и датами: «8 (20) июля 1851 — 31 марта (12 апреля) 1852».

2) РНБ. Оп. 1. № 75. Л. 1—45 — писарская копия, с большим количеством карандашных правок Жуковского, особенно в конце, с заглавием: «Странствующий жид» и пометой: «Начато 8 (20) июля в Бадене. 1851».

3) РГБ. Ф. 99 (Елагины), картон 16. № 56. Л. 1—16 — рукою М. В. Киреевской до ст. 705: «И зданье, и народ, и на высококом...».

4) РГБ. Ф. 99 (Елагины), картон 16. № 55. Л. 1—28 — рукою А. П. Елагиной до ст. 1618: «Великого минувшего созданье...».

5) РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. № 18. Л. 156—156 об. — выписка рукою Е. П. Ростопчиной.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 5. Т. 10. С. 3—77 — без последних 65 стихов (впервые опубликованы: Бумаги Жуковского. С. 147—148), с заглавием: «Агасфер».

Впервые полностью: С 9. Т. 4. С. 381—433 — с заглавием: «Странствующий жид».

Печатается по С 9 — со сверкой по беловой авторизованной копии (копия № 1).

Датируется: 8 (20) июля 1851 г. — 31 марта (12) апреля 1852 г. на основании указания в рукописях поэта (копии № 1, 2).

Несмотря на то что Жуковский работал над поэмой «Странствующий жид» до самой смерти, она не была закончена. Последний стих: «И возросла она...» оборван на половине строки. Отсутствие прижизненных публикаций рождает ряд проблем. Прежде всего встает вопрос о заглавии произведения. В эдиционной практике (С 5, С 7—9, ПСС, СС 2) имеется несколько вариантов: «Агасфер. Вечный жид», «Странствующий жид», «Агасфер. Странствующий жид». В мемуарных источниках современники и друзья Жуковского также варьируют эти заглавия. Так, Д. Ф. Тютчева в письме к сестре от 29 октября (10 ноября) 1855 г. сообщает: «Папа входит в цензурный комитет для рассмотрения посмертных сочинений Жуковского. Вчера он принес “Вечного жида” и читал нам отрывки из него» (ЛН. Т. 97. Кн. 2. М.,

1989. С. 279). Также называет произведение Жуковского А. Н. Муравьев в мемуарной книге «Знакомство с русскими поэтами». Биограф поэта К. К. Зейдлиц именует поэму то «Агасфер», то «Вечный жид». П. А. Вяземский называет Жуковского «песнопевцем “Странствующего жид”». А. В. Никитенко говорит об «Агасфере», П. А. Плетнев и о. Иоанн Базаров — о «Странствующем жиде». См.: Жуковский в воспоминаниях. Указ. произведений: «Агасфер, или Странствующий жид». В многочисленных списках стихотворных повестей, которые планировал написать Жуковский в 1840-е гг., вначале появляется заглавие «Вечный жид» (РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка; РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 1), затем оно сменяется другими: «Агасфер» или «Агасфер. Странствующий жид». Однако в письмах Жуковского последних лет, а также в известных автографах и авторизованных копиях появляется как последняя воля поэта заглавие: «Странствующий жид».

Впервые точное заглавие незаконченному произведению дал С. И. Пономарев, предпринявший в 1885 г. публикацию текста поэмы — «Странствующий жид. Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. СПб., 1885». Это заглавие, соответствующее замыслу поэта и выражающее его последнюю волю, мы считаем каноническим для незавершенного произведения.

Второй вопрос, стоящий перед издателями, — количество стихов, входящих в текст поэмы. Сам Жуковский, активно участвовавший в подготовке произведения, но из-за почти полной слепоты диктовавший текст своему камердинеру Василию Кальянову (в этом смысле беловая авторизованная копия может считаться автографом поэта), фиксировал с его помощью процесс работы, хронометрируя ее. Так, в копии № 1 дается ряд промежуточных дат, относящихся к отдельным стихам:

12 сент.(ября) 1851 — ст. 706, 13 сент. — ст. 766, 14 сент. — ст. 814, 15 сент. — ст. 845, 16 сент. — ст. 876, 17 сент. — ст. 927, 26 ноября — ст. 931, 17 февр.(аля) 1852 — ст. 964, 20 февр. — ст. 984, 21 февр. — ст. 1004, 23 февр. — ст. 1029, 24 февр. — ст. 1062, 25 февр. — ст. 1103, 26 февр. — ст. 1107, 27 февр. — ст. 1131, 28 февр. — ст. 1164, 6 марта — ст. 1254, 8 марта — ст. 1292, 9 марта — ст. 1356, 15 марта — ст. 1485, 16 марта — ст. 1581, 30 марта — ст. 1660, 31 марта — ст. 1710 (РНБ. Оп. 1. № 75. Л. 20 об. — 42 об. В С 9, где вслед за изданием С. И. Пономарева приводятся эти датировки, нумерация стихов дана не по рукописи, а по печатному тексту. Ср.: С 9. Т. 4. С. 487—488). В процессе перебеливания текста (см. копия № 1) текст сократился почти на 30 стихов и в окончательном виде содержал 1683 стиха. Как известно, 12 (24) апреля 1852 г. Жуковский умер, и поэтому объем беловой авторизованной копии можно считать окончательным. Это тем более требует специальной оговорки, что в первых посмертных изданиях (до С 9) текст печатался без последних 65 стихов, которые впервые были опубликованы И. А. Бычковым лишь в 1887 г. (Бумаги Жуковского. С. 147—148).

Требует особого разговора вопрос о начале работы Жуковского над поэмой. И. А. Бычков на основании обнаруженного им в рукописях поэта наброска считал, что замысел произведения относится к 1831 г. Альбом в красном сафьяновом переплете, содержащий черновые редакции произведений 1822—1831 гг. (РНБ. Оп. 1. № 30) включает и отрывок в 25 стихов, который, по мнению Быčkova, впервые его опубликовавшего (Бумаги Жуковского. С. 94), можно рассматривать как «имеющий отношение к “Агасферу”». «Следовательно, — констатирует публикатор, — еще в 1831 г. Жуковского занимала мысль написать “Вечного жид”» (Там же). Отрывок находился между черновыми автографами баллады «Королева Урака и пять му-

чеников» с датой: 28 мая (1831) и стихотворной повести «Две были и еще одна» (датировка 29 мая). Далее идут стихотворение «Детский остров» и начало «Сказки о царе Берендее» (22 июня — 2 августа 1831 г.). Строгая хронологическая последовательность рукописи позволяет утверждать, что этот отрывок Жуковский создал в мае 1831 г. Он не имеет заглавия и выглядит следующим образом:

Солнце склонялось к горам Иудейским. Медлительным шагом,
 Очи потупив, объят размышленьем о том, что случилось
 Столь недавно, шел Никодим от Голгофы. Все тихо
 Было кругом. Три креста на вершине горы одиноко
 В блеске вечернем сияли. Внизу был сумрак. Пещера
 С гробом пустым, с отвалившимся камнем от входа, прохладно
 Сенью дерев благовоиных закрыта была. Там глубокий
 Царствовал сон. Никодим, задумавшись, шел через город;
 Шел он тем самым путем, по которому нес на Голгофу
 За сорок дней перед тем свой крест незабвенный Учитель.
 Все, что было в тот день, повторялось в душе Никодима.
 Здесь Вероника обтерла Страдальцу ланиты, кровавым
 Потом покрытыя. Там, узрев проливающих слезы
 Жена, Он сказал: «Не Меня вам должно оплакивать, дщери
 Ерусалима! Оплачьте ныне себя! Наступают
 Дни, в которые с трепетом скажут горам: “Упадите,
 Горы, на нас!” и холмам: “Покройте нас, холмы!”» В том месте
 Пал Он под тяжким крестом, изнуренный. Дале, увидев
 Матерь, лишённую чувств, Он сказал, проходя: «Ободрися,
 Милая матерь!» Там, наконец, облечен в багряницу,
 В узах, в терновом венце, Он стоял пред народом, смиренный,
 Тихий, но полный величия. «Се человек!» с состраданьем
 Молвил Пилат, и руки омыл, — и волнуясь, как море,
 «Кровь Его на нас и на чадах наших!» воскликнул
 Громко безумный народ... И Его повели на Голгофу...

Сравнение этого фрагмента с текстом «Странствующего жида» не позволяет уверенно говорить о его связи с замыслом поэмы и считать его первоначальным вариантом ее начала. Скорее всего, у этого отрывка есть источник, связанный с балладными сюжетами 1831 г. Предположение Бычкова было принято на веру последующими издателями поэмы и стало своеобразным издательским штампом.

Сам Жуковский в письме к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 г. недвусмысленно сообщил: «И еще для одного поэтического издания есть план. Оно было бы достойным заключением моей поэтической деятельности» (С 7. Т. 6. С. 592—593), а в письме от 1 (13) сентября 1851 г. указывал, что «первые стихи мною были написаны тому десять лет» (Переписка. Т. 3. С. 698). Биограф поэта К. Зейдлиц также, рассказывая о работе над поэмой весной 1851 г. в Бадене, уточняет: «Более десяти лет тому назад ему пришла в голову первая мысль обработать этот сюжет, и он написал первые тридцать стихов» (Жуковский в воспоминаниях. С. 89).

В 1844 г. А. О. Смирнова записала: «Он (Жуковский) хочет написать о “Вечном жиде” и даже потихоньку читал мне некоторые стихи» (Северный Вестник. 1897. Январь. С. 134). Эти свидетельства (а Жуковскому самому нельзя не доверять) по-

звонят говорить, что в начале 1840-х гг. поэт начал работу над поэмой. Скорее всего именно в это время были написаны ст. 1—32 (см. автограф № 6), отличающиеся от последующего текста характером почерка.

В дорожном альбоме Жуковского (см. автограф № 5) среди рисунков и записей конца мая — начала июня 1840 г. находится черновой набросок этих стихов, написанных крайне неразборчиво, с пропуском знаков препинания. Вот как он выглядит:

Он нес свой крест тяжелый на Голгофу.
Он всемогущий, всетерпящий был
Как человек измучен; пот и кровь
По белому лицу катились градом;
Под ношею он падал поминутно
И медленно вставал, переводя
С усиьем дух; и постепенно
Опять, ступивши несколько шагов
Без стопа падал под крестом, который
На нем лежал [4 нрзб.]
[2 нрзб.] — Наконец
Шатаясь, остановился он
С закрытыми очами
От муки он [2 нрзб.]
У Агасверовых дверей, хотел
К ним прислониться, чтоб вздохнуть
Свободно, а Агасвер стоял тогда
В дверях. Он с холодом смотрел
[3 стиха нрзб.]
Произнес как [нрзб.] свой строгий суд,
Он [нрзб.] взгляд возвел на Агасвера
И тихо произнес: Ты будешь жить
Пока я не приду. И удалился
Шатаясь, и скоро пал без сил
На землю. Крест Голгофы был возложен
На плечи Симона из Киринеи.
Он исчез вдали, утихло все
На улице; все стало пусто; весь
Народ вокруг Голгофы точно за стенами
Иерусалимскими столпился. Город
Стал тих, как гроб. Один остался путник..

(За предоставление этого материала выражаю признательность А. С. Янушкевичу.)

Неизвестный ранее набросок самого начала поэмы позволяет со всей определенностью говорить о том, что именно за десять лет (точнее, за одиннадцать) до того, как поэт в 1851 г. взялся за серьезную работу над произведением, «ему пришла в голову первая мысль обработать этот сюжет» (К. Зейдлиц), и он набросал первые тридцать стихов.

Материалы архива поэта с набросками многочисленных планов (автографы № 1—3) подтверждают эти предположения. Скорее всего к концу 1848 г. Жуковский в основном оформил свой замысел. Для обоих вариантов плана, приведенных выше, характерен широкий историко-культурный и библейский контекст (с первых лет христианской эры до Наполеона), но сама тема Наполеона от первого ко второму наброску плана претерпевает достаточно серьезную эволюцию. Если в первом варианте Наполеон упоминается в конце плана как знамение века («Дух битв и гордости») наряду с другими историческими именами — Магомет, Карл Великий, то в следующем наброске с самого начала произведения появляется важнейшая для поэмы Жуковского встреча Агасфера и Наполеона на острове Святой Елены, определяющая один из основных конфликтов произведения, его поэтическую композицию. В таком виде наполеоновская тема придает «Странствующему жиду» не только историко-культурный, но и актуальный нравственно-философский и общественно-исторический характер. Исповедь Агасфера, важнейшая сама по себе, как квинтэссенция проблемы жизнестроения, будучи обращенной к Наполеону, становится сюжетным центром произведения.

Многочисленные планы к поэме (см. автографы № 2, 3, 4) позволяют говорить о возобновлении работы над «Странствующим жидом» в 1848 г. Возможно, революционные события в Европе активизировали мысль поэта и вызвали его ответную реакцию (см. написанное в 1848 г. стихотворение «К русскому великану» и творческие связи с Ф. И. Тютчевым, поэтом и автором программной статьи «Россия и Революция»). Об этом подробнее: РА. 1873. № 5. Стб. 0912, а также: *Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева*. М., 1886. С. 135—136).

Характерно, что планы поэмы находятся в непосредственном соотношении с материалами рукописной книги Жуковского «Мысли и замечания» (о ней подробнее см.: *Наше наследие*. 1995. № 33. С. 46—65. Публикация А. С. Янушкевича), где поэт ставит важнейшие вопросы русской общественной и религиозной мысли.

В течение 1848 — начала 1850 гг. мысли Жуковского постоянно возвращаются к замыслу поэмы. В письме к Гоголю от 20 января (1 февраля) 1850 г. Жуковский говорит: « (...) хотелось бы написать моего “Странствующего жида”, но это могу сделать только урывками (...) План “Странствующего жида” тебе известен; я тебе его рассказывал и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов». Далее Жуковский обращается к Гоголю с просьбой дать ему «локальные краски Палестины» и конкретизирует это следующим образом: « (...) я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима» (*Переписка Н. В. Гоголя*: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 266). Если учесть, что Гоголь жил у Жуковского во Франкфурте 3—22 октября н. ст. 1846 г. (см.: *Гоголь*. Т. 13. С. 12) и встречался с ним в Эмсе в середине июля 1846 г. (Там же. С. 17), то можно высказать предположение, что замысел «Странствующего жида» не покидал Жуковского на протяжении почти всех 1840-х гг. Однако только после окончания перевода «Одиссеи» он обретает уже реализацию.

Пиком работы над «Странствующим жидом» явился баденский период жизни поэта с июля 1851 г. по март 1852 г. Летом 1851 г. Жуковский заболел воспалением глаз и просидел 10 месяцев в темной комнате. Но замысел поэмы настолько волновал поэта, что он незамедлительно взялся за нее. В сентябре 1851 г. он писал Плетневу: « ... я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назад тому десять лет, которой идея лежала с тех пор в душе не развитая и которой

создание я отлагал до возвращения на родину, до спокойного времени оседлой семейной жизни (...) Вдруг дело само собой началось: (...) всё льется изнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читают мне то, что нужно, и чего сам читать не могу именно в то время, когда оно мне нужно для хода вперед. Что напишу с закрытыми глазами, то мне читает вслух мой камердинер и поправляет по моему указанию. В связи же читать не могу без него. Таким образом леплю поэтическую мозаику и сам еще не знаю, каково то, что до сих пор слепо ошупью; кажется однако живо и тепло (...) Думаю, что около половины (до 800 стихов) кончено. Если *напишется* так, как *думается*, то это будет моя лучшая лебединая песнь» (С 7. Т. 6. С. 601. — Курсив Жуковского).

Об этом же он пишет А. П. Елагиной 3 (15) января 1852 г. «Предмет, мною выбранный, имеет объем гигантский. Тому более десяти лет, как мне пришла в голову первая мысль и как я написал первые двадцать или тридцать стихов. Я принялся за исполнение моей мысли при начале теперешней моей болезни; (...) половина поэмы написана, и тем, что написано, я доволен (...) Вот уже три месяца, как работа остановилась, через несколько дней опять примусь за нее. Дай Бог, чтоб я выразил во всей полноте то, что в некоторые светлые минуты представляется душе моей...» (УС. С. 86). 10 апреля 1852 г. Жуковский говорит И. И. Базарову: «Я написал поэму, она еще не кончена. Я писал ее слепой нынешнюю зиму. Это “Странствующий жид” в христианском смысле. В ней заключены последние мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь. Я бы хотел, чтобы она вышла в свет после меня» (Жуковский в воспоминаниях. С. 453).

Издатели Жуковского выполнили просьбу поэта после его смерти. В С 5 (Т. 10. С. 3—81) впервые была напечатана поэма В. А. Жуковского, но с большим количеством серьезных отклонений от рукописи поэта, грубых переделок текста, что затем вошло в следующее С 6.

Попытка восстановить текст поэмы по рукописи сделана П. А. Ефремовым в С 7 (Т. 5. С. 167—214). Здесь исправлены основные искажения текста Жуковского, допущенные редактором Д. Н. Блудовым в первом посмертном издании (С 5).

Издатель насчитал до 85 подобных искажений (см. построчный комментарий). Однако и в С 7 имеются отступления от рукописи. Это — разбивка на части и отдельные, редкие, хотя и значительные, неточности в словах.

Далее, в вышедшем после С 7 отдельном издании «“Странствующий жид”, предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. СПб., 1885», предпринятом С. И. Пономаревым, сделан следующий шаг в издательской истории поэмы. В ряде случаев С. И. Пономарев уточняет текст «Странствующего жид» по рукописи. Однако при всей ориентации на рукопись поэта, у Пономарева допущены отступления от нее на том основании, что, по мнению издателя, ослепший поэт «не мог видеть каждый стих, как он начинается и как оканчивается» (С. 5). Вследствие этого Пономарев позволил себе поправить некоторые стихи Жуковского, иногда возвращаясь к мнению Блудова, чаще всего отступая от важнейших принципов эстетики Жуковского и конфликта произведения. Например, в ст. 70 рукописи было:

«В их [звездах. — Ф. К.] глубине была невыразима неизглаголанная тишина». Пономарев вслед за Блудовым избегая, как он говорит, «плеоназма» («невыразима неизглаголанная»), меняет принципиально важное для эстетики Жуковского слово «невыразима» на ничего не говорящее в данном случае слово «невозмутима» (С. 70).

Столь же неубедительна поправка рукописи поэта в ст. 192. Вместо: «Сказал: “Куда, Наполеон...”» у Пономарева появляется: «Сказал: “Наполеон...”» Здесь правка издателя изменяет смысл стиха, т. к. у Жуковского «Куда, Наполеон...» — не только обращение, но и стремление предостеречь Наполеона от гибельного, с точки зрения Агасфера, поступка (умереть без раскаяния). О других издательских просчетах Пономарева см. в построчном комментарии.

Вместе с тем издание Пономарева внесло определенный вклад в эдиционную историю «Странствующего жида» не только отдельными справедливыми поправками, о чем речь шла выше. Значение работы Пономарева еще и в том, что автор расшифровал и опубликовал в примечании зачеркнутые и не вошедшие в комментарий ни к одному изданию стихи, в том числе значительные для понимания работы Жуковского. В приложении к изданию Пономарева приведено более 18 стихотворных отрывков, зачеркнутых Жуковским, иногда перенесенных в другое место поэмы, иногда убранных совсем, но представляющих для исследователя бесспорный интерес, особенно в связи со сложными обстоятельствами создания рукописи «Странствующего жида». Неслучайно эпиграфом к реестру пропущенных стихов и вариантов поэмы Пономарев взял слова Пушкина: «Нам следует подбирать то, что бросает Жуковский».

С 8, предпринятое П. А. Ефремовым, вышедшее в том же году (1885), что и издание Пономарева, полностью повторило С 7. Но уже С 9 (1894) явилось существенным шагом в издательской практике. Во-первых, П. А. Ефремов внес в текст поэмы последние 65 стихов, основываясь на публикации И. А. Бычкова. Во-вторых, точно отметив основные ошибки издания Пономарева, П. А. Ефремов учел его опыт: исправил допущенные им в С 7 отклонения от рукописи (см. ст. 152, 277—278, 569, 796, 840, 857), указал в подстрочных примечаниях наиболее значимые варианты, зачеркнутые поэтом стихи и, следуя последней воле поэта, озаглавил произведение Жуковского «Странствующий жид».

Все это в главном повторено в ПСС (за исключением вступления: «Солнце склонялось...»). Таким образом, решая достаточно сложную эдиционную проблему последней поэмы Жуковского и ее текстологии, следует указать на С 9 как наиболее точное и полное издание, положенное нами в основу предлагаемой публикации.

В центре произведения — средневековая легенда об Агасфере, которая, как известно, вызвала широкий резонанс в европейской литературе. Образ «вечного скитальца», ищущего смысла жизни, вечные нравственно-философские, религиозно-этические и эстетические проблемы привлекали внимание многих поэтов и писателей, среди которых были Гёте, А. Шлегель, Д. Шубарт, Н. Ленау, Цедлиц и Шамиссо, Льюис и Шелли, Кине и Э. Сю, Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский. В библиотеке Жуковского были собраны многие из этих произведений, а также сохранилась своеобразная библиография всех источников легенды и ее поэтических переложений: «Die Sage vom ewigen Juden, historisch entwickelt, mit verwandten Mythen verglichen und kritisch beleuchtet. Von Dr. J. G. Th. Grässe. Leipzig, 1844» (Описание. № 1169). Об этом подробнее см.: *Янушкевич*. С. 260.

Жуковский в своей поэме концентрировал внимание на личности героя, на проблеме его психологического развития, акцентируя тем самым свою главнейшую поэтическую концепцию — концепцию жизнестроения. С другой стороны, Жуковский в своей «лебединой песне» решал важнейшие для себя общественно-исторические, нравственно-философские проблемы. Поворотным моментом в сю-

жете поэмы является встреча Агасфера с Наполеоном на острове Св. Елены, что помогло поэту узреть «антагонизм между двумя противоположными представлениями о цели и назначении человеческого бытия» (*Базинер О. Ф.* Легенда об Агасфере или Вечном жиде и ее поэтическое развитие во всемирной литературе // *Варшавские университетские известия.* 1905. Кн. 3. С. 2).

Оригинальность в воплощении Жуковским вечного сюжета видна прежде всего в религиозно-мифологическом осмыслении материала. Об этом свидетельствует библейская основа поэтики «Странствующего жиды», проникнутого цитатами и реминисценциями из Священного Писания. В ноябре 1851 г., в период интенсивной работы над поэмой, Жуковский просил у протоиерея И. И. Базарова растолковать, «как изъясняет наша Церковь или наши церковные писатели главные видения Апокалипсиса», и прислать ему «Начертание церковно-библейской истории» митрополита Филарета Московского, книги епископа Иннокентия и А. Н. Муравьева (РА. 1869. Стб. 87—88).

Среди источников поэмы были, по всей вероятности, использованы, кроме Св. Писания, и другие церковно-исторические сочинения («Церковная история» Евсевия Кесарийского, Послание к римлянам священномученика Игнатия Богоносца, «Иудейская война» Иосифа Флавия). Об этом см.: *Долгушин Д.* Последняя поэма В. А. Жуковского // *Филолог.* Новосибирск, 2000. № 1. С. 36—38.

Интерес Жуковского к географии и истории Святой земли также мог быть вызван замыслом его поэмы. Об этом интересе красноречиво свидетельствует обилие библейских словарей в его библиотеке, внимание его к впечатлениям паломников в Святую землю: кроме известного случая с Гоголем, отметим, что в книге Ф. Шатобриана «*Itinéraire de Paris à Jerusalem et de Jerusalem a Paris*» Жуковский отчеркнуто на полях описание долины Иордан и Мертвого моря (см.: *Chateaubriand F. R. Oeuvres complètes.* Paris, 1840. Vol. 4. P. 145—146, 147).

Несмотря на очевидную сложность условий, в которые был поставлен ослепший поэт в своей работе над «Странствующим жидом», рукопись поэмы, несущая следы неоднократного возвращения к тексту, следы правки, в том числе и рукой поэта, карандашом и чернилами, позволяет уловить некоторые особенности творческого процесса.

Прежде всего, в работе над текстом поэмы Жуковский настойчиво подчеркивает эволюцию Агасфера, его психологическое развитие. В начале поэмы, на протяжении почти половины произведения (почти 700 стихов) поэт, характеризуя своего героя, усиливает черты его отверженности от Бога и людей. Например:

Первоначальный вариант

Ст. 247. Живой, им страшный и чужой...

Ст. 575—576. С отвержением бешено упорным
Против его посланника пошел я бедный...

Ст. 578. Чужой в дороге с места рокового...

Окончательный вариант

Мертвец им страшный и противный...

И с несказанной ненавистью против
Распятого — отчаянно пошел я...

Враг, от того погибельного места...

Здесь всюду усиливается озлобленность, богоотступничество Агасфера, что призвано оттенить его последующую эволюцию.

В процессе создания «Странствующего жиды» очень большое место и время занимает работа Жуковского, связанная с поэтическим переложением картин «Апо-

калипсиса». Они даются сразу же после встречи с любимым учеником Христа на Патмосе в целебном сне героя и являются важнейшим этапом его духовного развития.

Как показывают письма, Жуковский придавал исключительное значение откровению Иоанна Богослова, стремясь разобраться в сложной системе его образов, осмыслить их значение для концепции «Странствующего жида». В ноябре 1851 г., в период активной работы над поэмой, Жуковский просил, как указывалось, у протоиерея И. И. Базарова объяснить ему «главные видения Апокалипсиса», «как их изъясняет наша церковь». А уже в следующем письме от 5 (17) декабря 1851 г. Жуковский уточняет смысл своей просьбы: «Я желаю знать, нет ли у Вас объяснения Апокалипсиса, утвержденного нашей церковью; если нет, то и не нужно. Смысл главных видений Апостола мне нужен в поэтическом отношении, как-нибудь справлюсь» (С 7. Т. 6. С. 651).

Поэт очень долго, около пяти месяцев, работал над Апокалипсисом (несмотря на то, что он торопился закончить произведение). Об этом говорит большой подготовительный материал, несколько редакций и вариантов. Черновой вариант, включающий 828 ст., Жуковский сокращает сначала до 144 ст., а затем, чтобы не нарушить целостность поэмы и сохранить динамику повествования, доводит текст своего Апокалипсиса до 60 ст. Поэт очень внимательно отнесся к новозаветному пророчеству и строго следовал ходу его рассказа, хотя и взял из него только наиболее важные, с его точки зрения, образы и опустил большой материал назидательного и обличительного характера (подробнее см.: Пономарев. С. 84—87).

Из 60 ст. Апокалипсиса Жуковского почти половина — о возрождении новой жизни. Для русского поэта Апокалипсис — это не только конец света, но и начало великого возрождения, путь к которому — покаяние и вместе с ним победа «духовного света».

Большая и длительная работа над Апокалипсисом свидетельствует не только о важности библейского материала для проблемы жизнестроения центрального героя и ее авторского смысла. Здесь проявлены и принципиально важные черты поэтики позднего Жуковского, особой пространственно-временной архитектоники его произведения. Идеи преобразования жизни в Новом Иерусалиме предшествуют очень важные утверждения пророка: «времени больше не будет» — это означает мистический выход за пределы обычной действительности, с помощью которого реализуется идея возрождения и преобразования. Жуковский, видимо, настойчиво искал средства для выражения мистической глубины Апокалипсиса, сложной вереницы образов и аллегорий, отобрав из них лишь те, которые наиболее соответствовали его поэтической концепции. Об этом подробнее см. комментарий первоначальных вариантов «Апокалипсиса» в наст. томе.

« (...) для этих чудес нет “слов”, — скажет А. Н. Веселовский в связи с поэмой Жуковского, — они невыразимы; созерцание становится смиренным, бессловесным предстояньем перед величием Божия создания, блаженной молитвой» (Веселовский. С. 456).

Строки о сущности поэзии в конце поэмы очень близки его поэтическому манифесту — драматической поэме «Камоэнс»:

Такою пред Его природой чудной
Сливается нередко вдохновенье

Поэзии. Поэзия земная
Сестра небесных молитвы, голос
Создателя, из глубины создания
К нам нисходящий чистым отголоском
В гармонии восторженного слова...

Выше, в связи с анализом планов к «Странствующему жиду» говорилось о принципиальной важности для Жуковского наполеоновской темы. Это проявляется в самом характере той части рукописи, где говорится об острове Св. Елены и Наполеоне, сидящем на скале перед океаном («Сидел один над бездной на скале»). Созданный поэтом величественный топос океана («беспредельность вод», «беспредельность неба», «с небесами слившееся море», «великое спокойствие в пространстве») несет в себе универсально-онтологический смысл, оттеняющий «призраки триумфов», «тщету славы», «тени сражений», «весь ужас» судьбы Наполеона и вместе с тем трагическое величие его фигуры. Это стихи, созданные на едином дыхании, без единой поправки, казалось бы, вылились из глубины души поэта.

Жуковский настойчиво называл свое произведение «поэмой». И это кажется несколько странным на фоне его раздумий об эпической поэзии, о повествовательном эпосе, о стихотворной повести. Но это только на первый взгляд. Для Жуковского, переводчика «Одиссеи», современника гоголевской поэмы «Мертвые души», «Странствующий жид» стал поистине «поэмой нашего времени», современной «Одиссеей». Поиски веры и своего пути, идея духовного странствия превратили библейскую историю о «вечном жиде» в современную историю о вечном страннике и мученике.

Несмотря на незавершенность, сразу же по выходе в свет «Странствующий жид» обратил на себя внимание многих современников Жуковского и истинных ценителей его творчества.

По мнению П. А. Вяземского, «Странствующий жид» — поэма, занимающая «место первенствующее не только между творениями Жуковского, но едва ли не во всем цикле русской поэзии» (*Вяземский П. А. Из объяснений к письмам Жуковского // Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. М., 1867. С. 151*). Для А. Н. Муравьева «Вечный жид» — «последняя чудная поэма Жуковского, <...> где хотел он изобразить нравственное, религиозное направление современной ему эпохи, и это была его лебединая песнь» (*Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 25—26*). О «Странствующем жиде» как о «лучшем труде» великого поэта говорит и П. А. Плетнев (С 7. Т. 6. С. 592—593), «лучшей, лебединой песнью» Жуковского считал «Странствующего жид» А. Н. Веселовский (*Веселовский. С. 452*). Развернутый отзыв о последнем произведении Жуковского оставил в своем дневнике (запись от 8 сентября 1853 г.) И. В. Киреевский: «... читал *Агасвера*, читал с сердечным восхищением и хотя сказка основание этой поэмы — и сказка нелепая — у нас даже не народная, — однако к этой сказке п(ри)ложено столько прекрасного, столько истинного, что ее нельзя читать без глубокого умиления. Завязка внешняя осталась необъясненной. Для чего Агасвер сходится с Наполеоном, до сих пор непонятно. Но внутренняя завязка, кажется, заключается в том, чтобы представить, как благодать мило-помалу проникает в душу, оттолкнувшую ее сначала. Агасвер представляет человека вообще, обращающегося к Богу. Но в конце поэмы состояние души его представляет, кажется, личное собственное состояние души самого

поэта, и тем еще драгоценнее для нас, особенно когда мы (в)спомним, что последние строки были диктованы в последние дни его святой жизни» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 19. Л. 9; опубликовано: Müller E. Das Tagebuch Ivan Vasil'evič Kireevskij's, 1852—1854 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Jahrgang 1966. Heft 2 / Juni 1966. Bd. 14. S. 167—194).

Симптоматично, что Юстинус Кернер (1786—1862), немецкий писатель-романтик, проявлявший повышенный интерес к возможности общения людей с миром духов и к малоизученным и загадочным явлениям человеческой психики, заинтересовался поэмой Жуковского настолько, что высказал желание перевести ее на немецкий язык в стихах (см. об этом в цит. письме Жуковского к И. Базарову от 10 апреля 1852 г. Ср.: *Веселовский*. С. 453). Однако перевод не был осуществлен, возможно, из-за смерти Жуковского.

Ст. 8—10. *Переступив, под ношею Его давившей, ~ Им схваченную, давит, падал слова.* — В первом издании поэмы (С 5) эти стихи были заменены одним: «Переступив под ношей, снова падал...» Восстановлены в С 9 как не зачеркнутые и не измененные самим поэтом в авторизованной белой копии.

Ст. 26. *На плечи Симона из Кириanei...* — Речь идет об одном из иудеев из г. Кириanei, которого заставили нести крест Спасителя на Голгофу (Мф. XXVII, 32; Мрк. XV, 21 и др.).

Ст. 42. *Заметил, что на Мории, над храмом* — Имеется в виду гора Мориа, на которой был построен Иерусалимский храм (Быт. XXII, 2).

Ст. 171. *... как голова смертельная Горгоны...* — В С 5 было: «... как голова Горгоны...»

Ст. 177. *И всю ему проникло душу отвращенье...* — У Пономарева переставлены слова: «И душу всю ему проникло отвращенье...»

Ст. 254. *День настает, ночь настает, они...* — В черновом автографе: «Выходит день, заходит день, они...»

Ст. 263—264. *На этой братской трапезе созданий // Мне места нет; хожу кругом трапезы...* — Черновой вариант: «За этой трапезой созданья, // Мне места нет; хожу кругом нея».

Ст. 267. *И сонный не страдал...* — В С 5: «В сем мире не страдал...»

Ст. 327. *Который ядом слова одного...* — У Пономарева: «Который силой слова одного...» Пономарев возвращается к варианту С 5 на том основании, что христианин Агасфер не мог так сказать о Христе (С. 102). Однако слова эти произносит еще не христианин, а богоотступник, у которого «... яростью кипела // Вся внутренность против Него» (ст. 325—326).

Ст. 361. *Стефан, побитый камнем, замучен...* — Речь идет о первом мученике за Христа, одном из 70 апостолов (Деян., VII, 59—60).

Ст. 362—363. *Когда потом прияли муку два // Иакова...* — 1) Иаков Зеведеев — апостол от Двенадцати, усечен мечом при Ироде Агриппе I в 44 г. (Деян., XII, 2); 2) Иаков Праведный, апостол от Семидесяти, который мученически скончался в 62 г. по Р. Х. (см.: *Евсевий Памфил*. Церковная история. М., 1993. С. 45—47, 72—75).

Ст. 365—366. *Пронесся слух, что Петр был распят в Риме, // А Павел обезглавлен...* — Речь идет об апостоле Петре, ученике Иисуса Христа (его постигла мученическая

смерть: при Нероне был распят вниз головой), и об апостоле Павле, который по приказу Нерона принял мученическую кончину около 67 г. до Р. Х.

Ст. 371. *При Ироде-царе рожденный...* — Речь идет об Ироде I (Великом), царе Иудеи (37—4 г. до Р. Х.).

Ст. 372—373. ... *видел // Все время Августа...* — Римский император Октавиан Август (Augustus) (27 до н. э. — 14 н. э.).

Ст. 372—373. ... *потом три зверя, // Кровавой властью обеславив Рим...* — Речь идет о следующих трех римских императорах: Тиберий (14—37 н. э.), Калигула (37—41 н. э.), Клавдий (41—54 н. э.).

Ст. 374. ... *властвовал четвертый — Нерон...* — Нерон (54—68 н. э.) — римский император, отличавшийся деспотизмом и гонениями христиан.

Ст. 411—412. *Веспасианов сын — извне — пути // Из града все загородил...* — Речь идет о Тите (39—81 н. э.), римском императоре с 79 г. В Иудейскую войну разрушил Иерусалим (70 г.). Его отец Веспасиан в 66 г. начал подавление Иудейского восстания. В 69 г. Веспасиан стал императором. В черновом варианте зачеркнуто: «Все бедствия в одну беду слилися. // Веспасианов сын — извне — исходи...»

Ст. 443. *Погиб Господний град, и от созданья...* В С 5: Погиб Ерусалим — и от созданья...

Ст. 457. ...*скиния открылась...* — Имеется в виду Святая Святых Иерусалимского храма.

Ст. 459. ...*ковчег Завета...* — Имеется в виду ковчег (каппорет), в котором хранились ветхозаветные святыни: скрижали Завета, стамна манны и процветший жезл Аарона. При разрушении Иерусалима был сожжен вместе с храмом.

Ст. 466—467. *И посреди его, как длинный, гору // Обвинивший змей, чернело войско Рима.* — Черновой вариант: «И посреди огня, как черный быстро // Бегущий змей, вилися легионы Рима».

Ст. 503—506. *Град каменный, обрушившись с неба ~ То был Ерусалим! Спокойно солнце...* — Черновой вариант имел следующий вид:

Град каменный, упавший с неба, разом
Осыпал — и нигде глаза не зрели
Живаго человека — это был
Ерусалим. В спокойном блеске солнца...

Ст. 519. *Мне выразилось вдруг в остве этом...* — В черновом варианте: «Изобразилось вдруг на этом трупее...»

Ст. 528. *И бешеное произнес на все...* — Черновой вариант: «И произнес, оборотятся к Голгофе...»

Ст. 538. *Лишь тень промчавшегося быстро мига.* — Далее было зачеркнуто: «Не буду я описывать всего».

Ст. 546—551. *«Да будет проклят день, когда сказали: // Родился человек, и проклята // Да будет ночь, когда мой первый крик // Послышался; да звезды ей не светят, // Да не взойдет ей день, ей — незапершей // Меня родившую утробу!..»* — Иов, III, 9—10. Первоначальный вариант ст. 550—551: «Меня родившую утробу; ей, // На свет меня пустившей. А когда я...»

Ст. 553. *О том, сколь малодневен человек...* — Вместо «малодневен» было «скоро-течен».

Ст. 554—556. «Как облако уходит он, как цвет // Долинный вянет он, и место, где // Он прежде цвел, не узнает его.» — Иов, 7, 9.

Ст. 562. *Когда на небе облако свободно...* — Черновой вариант: «Как облако среди небес пустынных...»

Ст. 571. *Во всем творении я ненавидел...* — В черновом автографе было: «Всего живущего я ненавидел...»

Ст. 585. *Я побирался... Милостыню мне...* — Этому стиху предшествовал следующий зачеркнутый фрагмент текста:

Я шел вперед, без воли, без предмета
И без надежды, где остановиться
Или куда дойти; я не имел
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я от них гостеприимства
И не встречал, и не просил; как нищий,
Я побирался...

Ст. 654. *Орлов, сдирающих с костей обрывки...* — В черновом варианте: «Орлов, клюющих на костях обрывки...»

Ст. 656—657. *Когда исчез под лавой Геркуланум // И пепел завалил Помпею...* — Речь идет о городах в Италии, частично разрушенных и засыпанных пеплом при извержении Везувия в 79 г. н. э.

Ст. 684—685. *... по затвори молчалъем // Уста...* — Черновой вариант: «... но на замок запи // Уста...»

Ст. 688. *Тогда был век Траяна* — Траян, римский император с 98 г. н. э. из династии Антонинов. При нем империя достигла максимальных границ.

Ст. 695. *Антиохийской церкви пастырь...* — Речь идет о старце, священномученике Игнатии Богоносце, епископе Антиохийской церкви. Как указывает книга Деяний Святых апостолов, в Антиохии ученики Христа впервые стали называться христианами (Деян., XI, 26). С апостольских времен она была одним из крупнейших церковных центров.

Ст. 703. *Людей там собранных...* — В черновом варианте: «Народа, собранного там...»

Ст. 726—728. *Тебя, — запели тихо, — Бога, хвалим, // Тебя едиными устами в смертный // Час исповедуем...* — Видимо, реминисценция из гимна Св. Амвросия Медиоланского (к. IV в.), начинающегося словами: «Тебе, Бога, хвалим, Тебе, Господа, исповедуем». В то же время это напоминает возглас диакона на Литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» (см.: *Долгушин Д.* Последняя поэма В. А. Жуковского. С. 42).

Ст. 752—754. *«Должно пшено Господнее в зубах // Звериных измолотъся, чтоб Господним / Быть чистым хлебом...»* — Неточная цитата из послания священномученика Игнатия к римлянам // Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 330.

Ст. 756. *Тут был он львом обхвачен...* — Вместо «обхвачен» было «облаплен».

Ст. 762. *Небесного блаженства полный взгляд!* — Черновой вариант: «Небес исполненный, могучий взгляд...»

Ст. 779. *От места крови, плача, удалился...* — В черновом автографе: «От места крови медленно пошел // Как торжествующий».

Ст. 799. *Внезапная отрада посетила...* — После этого стиха было зачеркнуто:

Хотя еще к моей груди усталой,
По-прежнему, во мраке почти сон
Не прикасался; но уже во тьме
Не ужасы минувшего, как злыя
Страшилища передо мной стояли,
В меня вонзая режущие душу
Глаза, а что-то тихое и мне
Еще неоткровенное...

Ст. 832. *Прибила буря к острову Патмосу.* — Откр., 1, 9.

Ст. 834. ... *Там жил изгнанник, старец...* — Имеется в виду апостол Иоанн Богослов, посланный «за слово Божие и свидетельство Иисуса Христова» (Откр., 1, 9) на остров Патмос. Здесь он написал Апокалипсис.

Ст. 838. *Меня безведомо к нему...* — В С 5 и С 6: «Меня невидимо к нему...»

Ст. 841—842. ... *пока со мной // Вполне моя судьба не совершилась...* — В С 5: «Доколе тайна // Судьбы моей вполне не объяснилось».

Ст. 844. *Во глубине долины, сокровенной...* — В С 5: «И вдруг во глубине долины скрытой...»

Ст. 873—874. *Упав, воскликнул: «Помяни меня, // Когда во царствии Своем приидешь!»* — Лк., 23, 42.

Ст. 883—887. *«Со страхом Божиим и с верой, сын мой, // К сим тайнам приступи и причастись // Спасению души в святом Христа // За нас пронзенном теле и в Христовой // За нас пролитой крови.»* — Возглас священника или диакона, при изнесении из алтара Св. Чаши для причащения: «Со страхом Божиим и верою приступите». Ср.: Лк., XXII, 19—20.

Ст. 905—913. *Сошел ко мне на вежды сон, и с ним ~ Явил очам моей души...* — Зачеркнутый вариант имел следующий вид:

Сошел ко мне на вежды сон и в этом
Животворящем сне весь чудный прошлый
Возобновился день: в виденьях дивных,
Неизъяснимых, но глубоко мне
Понятных — всё, что прорицая
Мне говорил, предстало и прошло
В великих образах перед очами
Моей души...

Ст. 917. *Моей душе сияют...* — Далее следовало переложение Апокалипсиса, помещенное в разделе «Из черновых рукописей и незавершенных текстов» наст. тома под заглавием: «Апокалипсис I».

Ст. 919. *Судьбы грядущия...* — После этого следовало второе сокращенное переложение Апокалипсиса. См.: Апокалипсис II в том же разделе.

Ст. 939—1017. *Я видел трон, на четырех стоящий ~ Начало и конец. Подходит время.* — Жуковский предлагает новый вариант Апокалипсиса и вводит его в канонический текст белой авторизованной рукописи, исключив два предшествующих.

Ст. 939—941. *Я видел трон, на четырех стоящий // Животных шестокрылых, и на троне // Сидящего с семью запечатленной // Печатами великой книгой. // Я видел, как печати с книги Агнец // Сорвал...* — Откр. V, 1, 7.

Ст. 945—946. ... как страшный всадник — смерть — // На бледном поскакал коне — Откр., VI, 8.

Ст. 952—954. Я зрел, как ангел светлый совершил / Двенадцати колен запечатленье // Печатью живого Бога... — Откр., VII, 1—2.

Ст. 965—966. ... и как потом // Из моря седмглавый зверь поднялся... — Откр., XIII, 1.

Ст. 969. Сын Человеческий с серпом... — Откр., XIV, 14.

Ст. 970—973. ... как на белом // Коня потом блестящий светлым, белым // Оружием, — себя ж именовал // Он «Слово Божие» — явился Всадник... — Откр., XIX, 11, 13.

Ст. 974—977. Как вслед за Ним шло воинство на белых // Конях, в виссон одеянное чистый, // И как из уст Его на казнь людей // Меч острый исходил... — Откр., XIX, 14, 15.

Виссон — название тончайшей ткани белого света, приготовленной из льна или хлопка. Первое упоминание о виссонной ткани встречается в книге Бытия в связи с историей Иосифа (Быт. XLI, 42).

Ст. 978—981. Как от того меча и зверь, и рать // Его погибли; как дракон, цепями // Окованный, в пылающую бездну // На тысячу был лет низвергнут... — Откр., XX, 2.

Ст. 982—985. Потом на высоте великий белый // Явился трон; как от лица на троне // Сидящего и небо и земля // Бежали... — Откр., XX, 11.

Ст. 987. ... как мертвых возвратили... — Откр., XX, 13.

Ст. 989—990. Как разогнулась перед престолом // Господним книга жизни... — Откр., XX, 12.

Ст. 994—997. И новые тогда я небеса // И землю новую узрел, и град // Святой, от Бога нисходящий, новый // Ерусалим, как чистая невеста... — Откр., XXI, 1—2.

Ст. 998—1001. Сияющий, увидел. И раздался, / Услышал я, великий свяще голос: / “Здесь скиния Господня, здесь Господь / Жить с человеками отныне будет... — Откр., XXI, 3.

Ст. 1003—1004. Здесь всякую слезу отрет Он. // Ни смерти более, ни слез, ни скорби... — Откр., XXI, 4.

Ст. 1015—1016. Глас наполнял отсюда говорящий: // “Я Бог живой, Я Альфа и Омега... — Откр., XXI, 6, 13.

Ст. 1017. Начало и конец. Подходит время... — Откр., XXI, 10.

Ст. 1028—1029. Во тьме моей приговоренной жизни // На казнь скитальца Каина ... — Имеется в виду сходство судьбы Агасфера с судьбой Каина, приговоренного Богом (за братоубийство) на вечное скитание и на долгую жизнь: согласно печати, наложенной на Каина, его не могли убить.

Ст. 1038—1040. ... снеговой // Хермон, Кармил прибрежный, кедрonosный // Ливан и Элеон ... — Название гор в Палестине.

Ст. 1057. И с ними, самый яростный из всех... — Ср. черновой вариант: «И с ними самый ярый изо всех // Мучитель — собственное сердце».

Ст. 1104. Не верует тому, что существует... — Далее был следующий текст:

Не верует тому, что есть и чем
Он мог бы обладать, и для него
Умерщвлена его надеждой вера,
И тщетною надеждою своей
Он погубил и веру и надежду.

Ст. 1132. Лежавшей головы моей прошел... — Далее следовал такой зачеркнутый текст:

С благословением — оно невятно
Для слуха было, но глубоко слышно
Душе и усладительно, как в знойных
Песках внезапное подуновенье
Прохлады путнику, несподожимо
Пропавшему в их огненных сугробах.

Ст. 1172. *К ногам отца, готового простить...* — Зачеркнуто: «Здесь надо мной произнесенной казни // Ту благодать вполне постигнул я. // О, Он в тот миг...». Далее шло 14 стихов, вошедших в текст позднее (ст. 1278—1291).

Ст. 1174. *На высоте Голгофы, в покаяньи...* — Далее зачеркнут большой фрагмент текста:

Там, окруженный разрушеньем страшным
Всего, что некогда я называл
Своим — отечества, Ерусалима,
Детей, и ближних, и всего, чем жизнь
Нам радостна, — лишенный упования
На смерть, от тяжкого недуга жизни
Целящую, — как выброшенный бурей
На твердую скалу пловец — я поглядел
С смиреньем в глаза моей Судьбы:
Мне предстоял величественный ангел,
Исполненный святого состраданья;
Она мой путь мне указала,
На вечное здесь странствование посох
Терпенья подала и я за нею
Пошел в мой путь...

Ст. 10—15. имели еще вариант:

Она Господний строгий ангел, полный
Божественного состраданья, мой путь
Мне указала и покорно я пошел...

Ст. 1177. *Моим житейским благом окруженный.* — После этого стиха в черновом автографе следовали еще три, зачеркнутые поэтом:

На месте том, где издыхал разбойник
В мучениях креста, я повторил
Его молитву и пошел с Голгофы...

Ст. 1181—1182. ... до *Гефсиманских густотенных* // *Олив.* — Речь идет о Гефсиманской местности у подножия Елеонской горы. В Гефсиманском саду Иисус Христос молился перед своими крестными страданиями.

Ст. 1195. *В молчании всемирном пророческой!* — Далее следовал позднее зачеркнутый текст:

В тот миг, когда к вершине Элеонской
Горы пришел я, солнце встало на востоке.

И с этой высоты, с которой, всё
Земное совершив, Он от земли
Вознесся и в святом святых небес
Сокрылся — вся судьба людей в едином
Мне образе предстала:
Ерусалим в обломках меж Голгофы
И светлую горою Элеонской
Лежал покрытый тенью, как будто
Сиянья воскресительного ждущий.

Ст. 1208. *Сиянья воскресительного ждущий.* — Зачеркнуто:

Таким преобразительным виденьем
Был взор мой поражен; моя судьбина
Вся выразилась в нем и с нею вся
Судьбина падшего и искушеньем
Восстанавливаемого. Я
В последний раз с святой горы взглянул...

Ст. 1227. *И с той поры я странствую. Но слушай.* — После первой части стиха следовал зачеркнутый отрывок:

... один,
Людьми незнаемый, в сердца их страх,
Иль отвращение, или презренье
Вселяющий...

Ст. 1314. *Очами видел я...* — Далее зачеркнуто:

... но вере дверь
Моей души не отворяла воля,
И я, проклятый Богом нечестивец,
Сам проклинал и бешенствовал, жизнь
Неистребимую безумно сияясь
В противность Высшей Воли истребить...

Ст. 1320. *Моей судьбы исчезла безотрадность...* — В черновом автографе зачеркнутый вариант: «... вера // Внезапный свет в мою влияла душу...»

Ст. 1326. *За Ним, как за отцом дитя, пошел я...* — Далее было зачеркнуто:

Вдвоем идя бесплодную земною
Дорогой, был я несказанным чувством
Уединения в великой с Богом,
Невидимо присутственным, беседе полон...

Ст. 1372. «*Отец! прости им: что творят, не знают!*» — Лк., XXIII, 34. У Жуковского выделено курсивом.

Ст. 1379—1380. ... *что // Могу я сделать для людей? Но словом...* — Черновой вариант: «... Что // Могу я сделать для людей, бездомный // Бродяга? Нет, могущественным словом».

Ст. 1396. *Подателю питало...* — Далее следовал зачеркнутый текст:

... И с тех пор,
Как этот мир любви в меня проникнул,
Моя судьба утратила свой ужас,
И изгнанный оттуда, где князь мира
Владычествует, я не властен и желать
Благ мира; я на жизнь людей смотрю
С недостижимой высоты, с которой
Она видна мне вся, как с Арарата
Был виден весь послепотопный, новый,
Собравшийся кругом его подошвы
Род человеческий; одним ее
Объемлю взором я, всех чуждый
Ея волнений, благ и бедствий, сердцем
Их разделяющий, но одинокой
Моей судьбой им непричастный; мне
Нет места ни в каком семействе.

Ст. 1398—1404. ... любовь, // Которая не ищет своего, // Не превозносится, не мыслит зла, // Не знает зависти, не веселится // Неправдого, не мстит, не осуждает; // Но милосердствует, по веру емлет // Всему, смиряется и долго терпит. — 1. Кор., III, 4—7.

Ст. 1414. *В ея земных явленях насладится.* — Черновой вариант: «В ея земных виденьях любоваться».

Ст. 1428. *Отец и мать кладут во гроб; когда...* — После этого стиха зачеркнуто:

Могучий юноша, вступить готовый
В бой с жизнью, бездыханный лежит
Когда в тюрьме...

Ст. 1442. *Его не зная, сохранившим...* — Далее было зачеркнуто:

... Ропот
Однако чужд мне, я постиг вполне
Величие меня сразившей казни.

Потом следовали ст. 1471 и далее, а ст. 1440—1470 были приписаны впоследствии.

Ст. 1484—1487. *Преступнику суда, — вас навсегда ~ Надежду и любовь преобратило.* — Ср. черновой вариант:

... вы навсегда
Раскаяньем в мою вонзились душу,
Вы в ней нестоимой скорбью
Надеждой и любовь хранимы.

Ст. 1490. *Он дал в замену мне Себя...* — Далее в черновом варианте следовало, но было зачеркнуто:

... и привязал
Меня к себе раскаения силой
Неразрешимую; за Ним вослед...

Ст. 1495. *Корысти, сладострастъя, славы, власти.* — Далее зачеркнуто:

И если я, забывшись иногда
Вздохну усталый о покое смерти,
Я чувствую, что руку мне — Его
Рука спасительная жмет, и близость
Его моей душе тогда слышнее.

Ст. 1504. *«Твое, а не мое да будет!»* — Лк., XXII, 42. Жуковский выделяет эти слова курсивом.

Ст. 1555—1558. *Уединения, в неизреченном... ~ Блаженною становятся молитвой...* — Ср. черновой вариант:

... в присутствии незримом
Создателя, и зрелище чудес
Создания становится во мне
Блаженною души и уст молитвой.

Ст. 1621. *Стофратныя египетския Фивы...* — Речь идет о древнем египетском городе, политическом, религиозном и культурном центре Египта. С этого стиха продолжение поэмы впервые было напечатано И. А. Бычковым лишь в 1887 г. (см.: Бумаги Жуковского. С. 147—148).

Ст. 1621—1623. *Фивы... // Вавилон... // Ниневия, пепел Персеполя...* — Жуковский перечисляет столицы могущественных древних империй: Фивы — столица Египта эпохи Нового царства, Вавилон — столица Нововавилонского царства, Ниневия — столица Ассирийской державы, Персеполь — одна из столиц Персидской державы.

Ст. 1657. *Принеси все Молоху государство...* — Молох — в переносном смысле — страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

Ф. Канунова

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

Как и при публикации лирики Жуковского (см.: Т. 2. С. 350—384 наст. изд.), 4-й том завершается подборкой обнаруженных в архиве поэта незавершенных текстов сказок и повестей. Частично эти тексты были опубликованы в различных (чаще всего дореволюционных) изданиях, ставших уже библиографической редкостью, но в искаженном и урезанном виде. Расшифровка, восстановление текста в максимально полном объеме, его датировка — такова была первоочередная задача данного издания.

Во-вторых, среди черновых рукописей и незавершенных текстов повестей оказались планы неосуществленных произведений, во многом определяющих тенденции жанрового развития поэта. Планы исторической поэмы «Владимир» и описательной поэмы «Весна», планы-наброски повести балладного типа «Родриг и Изора», конспект вальтерскоттовской «Девы озера» раскрывают сам творческий процесс, его характерные тенденции. В соотношении с планами осуществленных сказок и повестей, которые приводятся в примечаниях к текстам основного корпуса, эти планы проясняют путь Жуковского к повествовательным формам, принципы отбора материала.

В-третьих, именно в связи с черновыми набросками, многие из которых публикуются впервые, остро встает вопрос о их иноязычных источниках. Если заглавия некоторых текстов («Белокурой Экберт», «Альфы», «Оберон», «Родрик», «Бальзора») не вызывают особых сложностей в атрибуции их авторства, то наброски без заглавий или же обращение Жуковского к «экзотическим» текстам, отвечающим его концепции воспитательного эпоса (религиозные брошюры, массовая повесть, журнальные публикации), потребовали специальных разысканий.

К сожалению, в рабочих тетрадях поэта остались черновые наброски, на которые обратил внимание в свое время И. А. Бычков при описании архива Жуковского (см.: Бумаги Жуковского), почти не поддающиеся расшифровке. Так, в рукописи со стихотворениями 1843—1846 гг. точно датирован: «9 декабря 1845» — фрагмент перевода или переложения, имеющий в нашей реконструкции следующий вид:

Давно давно в Бретани жил король.
Он был могуч, он был богобоязнен,
Был мудр и кроток; как он назывался
Никто не ведает. И он имел
Прекрасную, как день весенний, дочь
По имени (Трифину). Эта дочь
Была так благонаравна, так добра
И так ко всем приветлива, (что как)
В народе говорили об ней: под видом
Принцессы нашей ангел Божий с нами
Живёт. Король же в ней души
Своей не чаял; [2 нрзб].
Но вот случилось, что к королю
Пришли [3 нрзб].
Земли послы; а были те послы
От графа; он [нрзб.] чёрной (Розы)...

(РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 51 об.)

Среди «Повестей в стихах» 1843—1847 гг. находится текст (вначале поэтический):

В одном подвале полутёмном
Анахоретом жил паук.
Был мастер он [прзб.]
В искусстве мысли; и науки
Какие только паукову
Понятию доступно охватить,

переходящий в прозаический, где речь идет о взаимоотношениях мух и пауков, путешествии паука-анахорета по дому, о его изгнании «детьми с метлою» из подвала (РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 60).

Эти опыты позднего Жуковского в случае установления их источников, так как, по всей вероятности, речь идет о переводах или скорее о переложениях прозы, небезынтересны для определения общей концепции его воспитательного эпоса, структуры и характера замысла «Повестей для юношества». При атрибуции источника облегчится работа и по расшифровке набросков, написанных сокращённо и крайне неразборчиво.

Обращают на себя внимание «лабораторные» опыты Жуковского на страницах книг из его личной библиотеки. Так, в первом томе «Семи книг восточных сказаний и историй» немецкого поэта Фридриха Рюккерта («Sieben Bücher morgenländischen Sagen und Geschichten von Friedrich Rückert. Bde. 1—2. Stuttgart, 1837»; Описание № 1988) Жуковский отмечает сказание «Муталаммес и Тарафа» («Mutalammes und Tarafa»), посвященное трагической судьбе арабского поэта VI века Тарафы ибн аль Абда (543—569), а на с. 136 делает черновой набросок перевода первой строфы:

Муталам(мес) и Тар(афа)
Два [певца] велик(их) Песнопев(ца)
Говорить красно умели
И прекрасно петь могли.
И доныне эти речи
Сохранилися и песни.
Петь умели, но не знали
Не читать...

В соотношении с пометами Жуковского в третьей книге восточных сказаний и историй Рюккерта, имеющими отношение к трагической истории легендарного арабского поэта второй половины VI века Антары (Антара ибн Шаддад ибн Амр ибн Муавия аль-Абси), наполовину негру, набросок сказания о Тарифе, также убитом вероломно в юном возрасте, наводит на мысли о связи этих лабораторных опытов с трагической судьбой Пушкина и состоянием самого Жуковского после гибели друга. Год выхода книги Рюккерта в свет — 1837-й — подтверждает возможность таких предположений. Подробнее об этом см.: БЖ. Ч. 2. С. 519—524.

Небезынтересны для понимания опытов Жуковского в области стихотворной повести его читательские пометы в «Рейнских сказаниях» Альфреда Реймонта («Rheinlands Sagen, Geschichten und Legenden. Herausgegeben von Alfred Reumont. Köln u. Aachen, [1837]»; Описание № 1937). Внимание Жуковского прежде всего при-

влекло сказание «Зигфрид и Нибелунги» («Siegfried und die Niebelungen»; S. 385), являющееся предысторией главного героя «Песни о Нибелунгах» и известное среди её источников под заглавием «Чудеснейшая история о роговом Зигфриде».

Жуковский пытается сначала переложить это сказание в стихи. Возникает следующий черновой набросок:

На Рейне Ксантен [город] [древний] [горный]
[Богатый] Старинный град стоит;
Столица Нидерландов
Земли он...

Оборвав переложение на полуслове, поэт на верхней обложке книги (хотя последовательность работы могла быть и другой) составляет подробный план сказания, акцентируя каждым его пунктом этапы деяний героя. Создаётся своеобразный реестр подвигов Зигфрида (у Жуковского написание имени вариативно: то Зигфрид, то Сигфрид). Вот как это выглядит:

Зигелинда. В лесу. [нрзб].
Успехи мужа и занятия Сигфрида.
Воспитание Сигфрида.
Он идёт отыскивать меч.
Мимер. Меч [нрзб].
Сражение с змеем.
[нрзб.]
Суд Божий.
Возвращение в Ксантен.
Сигфрид идёт отыскивать невесту.
Карлик Альберих.
Сражение с Альберихом.
Дракон и клад Нибелунгов.
Зигфрид угождает Гюнтеру.
Игры. Сватовство.
Путешествие к Нибелунгам.
Брунгильда.
Свадьба и возвращение.
Сора.

(Подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 500—502)

Архивные материалы позволяют говорить о серьезности намерений Жуковского в отношении повести о юности героя «Песни о Нибелунгах». В списках начала 1845 г. постоянно рядом с уже осуществленными повестями и сказками стоит «Повесть о Зигфриде Змееборце». Поэт вначале даже вписал ее в число уже осуществленных произведений (вслед за «Капитаном Боппом», «Неожиданным свиданием», «Матео Фальконе» и др.), но затем вычеркнул и назначил исполнение замысла на июнь 1845 г. (см.: РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка). Во всех тщательно разрабатываемых проектах издания «Повестей для юношества» эта история фигурирует неизменно то под заглавием «Повесть о Зигфриде Змееборце, то «Повесть о Зигфриде и Нибелунгах» (Там же. Л. 1, 2). По всей вероятности, поэт так и не осуществил

ствил этот замысел, но сам факт внимания Жуковского к героической истории Зигфрида Змееборца в период подготовки «Повестей для юношества» свидетельствует о том, что этот эпический сюжет имел для него особый смысл, давал материал для его «воспитательной проповеди».

Изучение творческой лаборатории поэта раскрывает грандиозность его проекта «Повестей для юношества», а списки произведений, предназначенных для реализации, свидетельствуют, сколь значимо было в этом замысле место повестей и сказок. «Повести для детей», «Сказки», «Повести», «Рейнские сказания» — все эти варьирующиеся рубрики наполняются десятками названий. Приведём в качестве примера один из подобных списков под общим заглавием: «Сказки»:

- (1.) Красный карбункул
- (2.) Берендей
- (3.) Спящая царевна
- (4.) Миндальное дерево
- (5.) Кот в сапогах
- (6.) Красная шапочка
- (7.) Братец и сестр(ица)
- (8.) Рауль Синяя борода
- (9.) Богач и бедный
- (10.) Иван Царевич
- (11.) Альфы
- (12.) Красавица и чудовище
- (13.) Нибелунги

(РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 1. Нумерация моя. — А. Я.).

Уже первый взгляд на этот список, относящийся по всей вероятности к середине 1845 г., показывает, что в нём соседствуют реализованные замыслы (№ 1—5, 10), опубликованные ранее прозаические переложения сказок (№ 6—8), оставшиеся в виде набросков и планов (№ 11, 13), известные лишь по заглавиям (№ 9, 12; сказка «Богач и бедняк», видимо, восходит к сказке бр. Grimm «Zwei Brüder», а «Красавица и чудовище» — к одноименной сказке французской писательницы Ж.-М. Лепренс де Бомон).

Таким образом, «Повести и сказки» — естественное звено поэтической эволюции Жуковского, ярчайшее проявление его разнообразных поисков в области стихотворного эпоса и органическая часть его творческой лаборатории. Раздел «Из черновых рукописей и незавершённых текстов» расширяет представление об этой стороне творческой деятельности поэта.

А. Янушкевич

Бальзора

(«Зорам, владыка Вавилона...»)

(С. 310)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 48) — черновой набросок ст. 1—23, из которых четыре зачеркнуты; затем перебеленный с последующими исправлениями.

Заглавие «Бальзора» (первоначально: «Зюлима») написано крупно и подчеркнуто. Над ним, совершенно независимо от основного текста, записано два стиха, которыми, судя по всему, поэт намеревался завершить перевод.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 22. Ст. 1—4.

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 495—496 (с включением вариантов и вычеркнутых слов и стихов).

Публикуется по тексту первой полной публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: приблизительно 1806 г.

Как установила Х. Эйхштедт (см.: *Eichstädt H. Žukovskij und Wieland // Die Welt der Slaven*. 1967. Н. 3. S. 254), источником перевода является ранняя поэма немецкого писателя К.-М. Виланда (С. М. Wieland; 1733—1813) «Balsora» (1752).

Данное произведение находится во втором томе шеститомного «Приложения» («Supplemente») к Собранию сочинений Виланда (Wieland's sämtliche Werke. Bde. 1—37. Leipzig, 1794—1805.). Это «Приложение» (Wieland's sämtliche Werke. Supplemente. Bde 1—6. Leipzig. 1797—1798) имеет самостоятельную нумерацию частей и выходило параллельно с 27—30-м тт. основного издания. В библиотеке поэта находятся оба издания с его многочисленными пометами (Описание. № 2389, 2390; БЖ. Ч. 2. С. 337—417). «Бальзора» включена во второй раздел 2-го тома, озаглавленный «Ergzählungen» и является первым из шести, составляющих данный раздел произведений, названия которых в оглавление не вынесены.

В списках произведений под заглавием: «Что сочинить и перевесть», относящихся предположительно к 1806 г. (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 51), последним значится «Balsora». Вероятно, после приобретения второго тома «Приложений» к сочинениям Виланда, издание которых было закончено в 1805 г., Жуковский обратил внимание на эту поэму и включил ее в список своих замыслов. В пользу датировки текста 1806-м г. свидетельствует и его положение в рукописи. Набросок «Бальзоры» находится в окружении произведений 1806 г. (см.: Бумаги Жуковского. С. 20—23).

Как указывает в примечании Виланд, сюжет «Бальзоры» был заимствован им из публикации в журнале Дж. Аддисона (1672—1719) «Зритель» (1711—1714). «Balsora» Виланда представляет собой обширное (443 стиха) эпическое произведение, написанное белым (преимущественно пятистопным) ямбом с мужской и женской клаузулами. Плавность повествования лишь изредка нарушается появлением строк четырехстопного ямба, не влияющих на общий ритмический рисунок произведения.

Действие «Бальзоры» Виланда разворачивается в Багдаде. Сюжет крайне эклектичен. В нем собраны и сплетены в причудливую фантазию многие из известных автору мотивов, сюжетов и жанров, а сам поэт как бы демонстрирует свое владение ими и умение соединить, казалось бы, несоединимое. Так здесь присутствует антиираническая тема, связанная с образом калифа, который сеет вокруг себя смерть и проливает потоки крови. Здесь и история воспитания вдали от двора мудрым лекарем калифа Хелимом двух малолетних отпрысков правящей династии Аббасидов — братьев Абдаллы и Ибрагима, вместе с ровесницей, дочерью Хелима Бальзорой. Особое внимание уделяется описанию ее красоты и добродетелей, возрастающих по мере взросления и изменения отношений между ней и Абдаллой: на смену

детской дружбе и совместным играм приходит любовь с ее возвышенными мечтами и невинными ласками. Калиф, прослышав о красоте и добродетели Бальзоры и убедившись в правоте слухов о ее чувствах к Абдалле, немедленно потребовал ее себе в жены, что повергло девушку в ужас, отчего она даже теряет сознание. Бальзора унесена в покои отца на лечение, которое займет несколько дней.

Мудрый Хелим, стремясь помочь дочери, изготавливает из трав напиток, погружающий ее в летаргический сон, и она объявлена умершей. За ней следует и Абдалла. По приказу калифа молодые люди, которых по мусульманскому обычаю хоронят в день смерти, погребены в фамильном склепе Аббасидов, сделанном из черного мрамора и именуемом «schwarze Haus», куда даже калиф, будучи живым, не имеет права входить.

После окончания действия напитка молодые, до того завернутые лишь в саван, переодеваются в заботливо приготовленную отцом Бальзоры прекрасную, длинную, сверкающую в лунном свете одежду и покидают по тайному ходу Черный Дом. Их встречает Хелим и ведет в долину горы Какан, напоминающую своей природой рай, где они будут жить долго и счастливо и передадут свое благородство и добродетели детям.

Между тем сам калиф умер, а его место занял Ибрагим, младший брат Абдаллы, ибо последний считался умершим. Однажды, во время охоты Ибрагим отдалился от свиты и, заблудившись, забрел к жилищу Бальзоры и Абдаллы. Он был поражен и смущен. Он хотел отдать власть старшему брату, но брат отказался, ибо, по его мнению, нет ничего прекрасней, чем жизнь на лоне природы, и ничего глупее, чем возвратиться к прошлой жизни.

Ибрагим же, исполняя свой долг правителя, отдыхать телом и душой периодически приходит в райскую долину.

Произведение заканчивается пожеланием к читателям: «Seyd glücklich wie Abdallah und Balsora» («Будьте счастливы, как Абдалла и Бальзора!»).

Композиционно рыхлое, описательное произведение Виланда в полном объеме вряд ли могло овладеть вниманием Жуковского, который в этот период жизни интересовался прежде всего проблемами нравственного совершенствования, поиском идеала и возможностью соотнести этот идеал со своими душевными переживаниями. Русского поэта прежде всего волнует «внутренний человек», его становление и развитие, что очень ярко выразилось в характере недавнего чтения и восприятия им того же виландовского «Агатона» (см.: *Реморова Н. Б.* Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. С. 19—43) и в переводах «Послания Элоизы к Абеляру» А. Попа или «Отрывка перевода элегии» Э. Парни, относящихся к 1806 г.

Тот же интерес к внутреннему миру человека проявляется и в наброске перевода из «Бальзоры», что делает его принципиально отличным от оригинала.

В оригинале мы видим подчеркнuto эпическое повествование о преступлениях одного из восточных тиранов, ни личность, ни характер которого автора не интересуют, а преступления — не трогают. В повествование автор не вмешивается, собственных эмоций не высказывает, калифа не удостоивает даже имени.

В переводе Жуковского, верном по сути, много отличий от оригинала. В первом же стихе Жуковского безымянный тиран Виланда получает звучное имя Зорам, избранное из ряда предполагаемых вариантов, последовательно возникающих и отвергаемых в процессе работы: «Абдалла», «Аббасид», «Багдадский повелитель», «Один Аббасов внук». Первое — Абдалла — носит в рассказе другой персонаж,

поэтому переводчик сразу же отбрасывает его. «Аббасид» и «Аббасов внук» не удовлетворяют переводчика потому, что связаны с реальной историей династии Аббасидов (750—1258 гг.), а приключения Бальзоры имеют целиком вымышленный характер и могут быть восприняты как дискредитация исторических фактов. Поэт предпочитает, чтобы фантастические события (как в русских сказках) происходили «в некотором царстве, в некотором государстве». Отсюда и замена места действия: вместо Багдада, основанного Аббасидами в 762 г., появляется почти мифологический Вавилон, получивший славу очага безверия, безнравственности, всяческого беспорядка, путаницы и смешения языков.

В приведенном отрывке не просто сокращено перечисление фактов злодеяний, но акцент перенесен на авторские рассуждения о неизбежной трагичности судьбы любого «злодея под венцом», на размышления о вечном одиночестве тирана, о пустоте его души («он сир в душе»), разрушенной страхом перед своими же рабами.

Нужно признать, что созданный в этом черновом наброске образ тирана мало соответствует тому «жестокому мавру», бывшему «калифом Багдада» и стремившемуся «своей жестокостью превзойти самих сицилийских тиранов», который существует в оригинале и, согласно сюжету, повергает в глубокий обморок Бальзору предложением своей руки.

Не это ли несовпадение идейно-эстетических интересов переводчика с предлагаемым в оригинале материалом было причиной прекращения работы над текстом?

О том, что планы были иными, свидетельствует и не соответствующий переведенной части заголовок, графически выделенный в рукописи, и две отдельные строки текста, записанные над заглавием.

Если бы Жуковский не имел намерения переводить значительную часть произведения, он, вероятно, сделал бы к отрывку иной заголовок, ибо даже имя героини — *Valsoga* — появляется в тексте лишь в 68 стихе (где упомянуто о ней как ребенке), а действующей фигурой она становится только со второй трети произведения. Отдельно записанные стихи: «И ты, отец наш, здесь! — Бальзора восклицает. — // О счастье сладкое! Нас гроб соединяет», очевидно, представляют собой вольную интерпретацию русским поэтом 326-го и 327-го стихов оригинала, где говорится о встрече вышедших из подземных лабиринтов Черного Дома живых, невредимых и сверкающих в лунном свете своими одеждами влюбленных с отцом Бальзоры Хелимом, который ведет их дальше в долину горы Какана. Вполне возможно, что этим моментом в жизни героев поэт намеревался завершить перевод. Оставшиеся 116 стихов, соответствующие жанру пасторали, лишены всякого движения, не говоря уже об изображении жизни души, и вряд ли могли взволновать поэта.

Ст. 2. *Своей жестокостью восток обременял...* — Зачеркнут черновой вариант: «Своим жезлом...»

Ст. 3. *Но страшный для рабов...* — Зачеркнуто: «подданным».

Ст. 3—4. *Но страшный для рабов, рабов он трепетал. // Не стража и не страх, любовь — защита трона!* — Первоначальное: «Забывши, что любовь, не страх — защитник трона, // Своей жестокостью народы ужасал» было зачеркнуто.

Ст. 6. *Пускай пред ним простерта полвселенна...* — Последовательно зачеркнуты после «перед ним» определения: «во трепете», «в пыли», «с покорностью».

Ст. 7. *Пускай он зрит себя над миром вознесена...* — В черновом варианте после «себя» зачеркнуто: «до облак».

Ст. 8. *Он сир в душе, и смерть, как тень, за ним стоит!* — Зачеркнуто начало стиха: «Тоска в душе его...». Вместо «сир» было «мертв».

Ст. 9. *Гнетомый ужасом, гонимый подозреньем...* — Стих начинался первоначально с эпитета: «гонимый». После этого стиха зачеркнут еще один стих: «Он мира сладкого нигде не находил».

Ст. 10. *Во всем он зрил врага...* — Далее зачеркнуто: «езде убийц встречал...»

Ст. 12. *О страшная судьба злодея под венцом!* — В черновом варианте стих начинался так: «О жребий тягостный...»

Ст. 14. *Угрюмый и <дрожа> блуждал уединенный...* — Первоначально глагол «блуждал» имел варианты: «скитался», «бродил».

Ст. 16. *Ужасный, сумрачный...* — Зачеркнуто определение: «суровый».

Ст. 19. *О счастье...* — Черновой вариант: «о восторг». Возможно он заменял определение: «сладкое».

Н. Реморова

Весна

(«Пришла весна! Разрушив лед, река...»)

(С. 310)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 6 об) — черновой, ст. 1—24, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 154. Ст. 1—6.

Впервые полностью: Жуковский и русская культура: Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 121—122. Публикация Н. Ж. Ветшевой.

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно 1806 г.

Небольшой стихотворный фрагмент, посвященный приходу весны, является своеобразным прологом к большому замыслу описательной поэмы «Весна», сопровождавшему Жуковского на протяжении 1806—1812 гг.

Замысел поэмы «Весна» не только аккумулирует традицию европейской описательной поэзии, но дает представление об основах творческого мышления Жуковского: универсальном и в то же время глубоко оригинальном жизне- и жанро-строительстве.

Подготовительные материалы (планы и конспекты) датируются 1806 и 1812 г. (подробнее см. в разделе «Планы и конспекты» наст. тома), но интерес к описательной поэме относится уже к начальному этапу творчества, сопровождается осуществленными фрагментами замысла: «Опустевшая деревня» (1805), «Вечер» (1806), «Гимн» (1808), «Послание к Батюшкову» (1812), упоминаниями в различных «рописях» задуманных сочинений и размыкается в широкий контекст дальнейшего творчества Жуковского (панорамная элегия «Славянка», балладные и идиллические пейзажи, натурфилософия павловских посланий и др.).

Интерес к описательной поэме включен с самого начала в философию жизни в целом. К 1802 г. относится перевод «Сельского кладбища» с экзистенциальными мотивами жизни и смерти, в это же время Жуковский знакомится с различными образцами пейзажной поэзии сентиментализма и предромантизма. Андрей Тургенев

26 ноября 1802 г. пишет, что Жуковский «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо! И в сердце — жар поэзии!» (Цит. по: *Веселовский*. С. 50). А. Н. Веселовский отмечает, что «Томсон принадлежит уже к чтениям 1804 года вместе с Saint Lambert, Геснером, Hervey, Bloomfield'ом» (Там же. С. 19). Дневниковая запись от 30 июля 1804 г. запечатлела этот интерес молодого поэта: «Я не переводил, как обыкновенно; читал Сен-Ламберта (...) Потом сделал свой экстракт. (...) После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы в Сен-Ламберте, в Томпсоне, в Геснере, в Гервее, в Блумфильде (...)» (ПСС 2. Т. 13. С. 9). К числу ранних переводов аналогичного характера относится текст оратории Гайдна «Времена года» (автор либретто Ван-Свиттен), переведенный Жуковским в 1803 г. См. об этом: Резанов. Вып. 2. С. 220.

Одним словом, поэтическое вступление к поэме отразило один из этапов работы Жуковского над описательной поэмой «Весна», поиск стихотворного языка для ее воплощения. Осмысляя европейскую традицию описательной поэмы через чтение и конспектирование французской «Весны» Сен-Ламберта, немецкой — Э. Клейста, английской — Томпсона, Жуковский уже в самом начале пытается нарушить поэтический канон. Отказавшись от александрийского стиха, экспериментируя с рифмой и клаузулой, он стремится к созданию особого стихотворного ритма, отражающего эмоционально насыщенный стиль его речи. Возникает поэма-послание, поэма-монолог, разрушающая известные каноны дескриптивной поэзии.

Н. Ветшева

Сокол

Сказка

(«Давно в Флоренции один любовник...»)

(С. 311)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 46) — черновой, без даты, с заглавием: «Сокол. Сказка».

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 22 (ст. 1—4).

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 492—493.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно февраль-март 1807 г.

Автограф находится в «папке со стихотворениями первых годов (1800—1810) литературной деятельности Жуковского» (Бумаги Жуковского. С. 17). По местоположению в рукописи (вслед за стихотворениями «Тоска по милом», «Прогна и Филомела», написанными в конце февраля 1807 г.) можно говорить о датировке данного наброска предположительно февралём-мартом 1807 г.

Сюжетом для этой «сказки» явилась 9-я новелла пятого дня из книги Дж. Боккаччо «Декамерон», повествующая о любви к знатной даме, монне Джованне юного флорентийца Федерико, пожертвовавшего своим любимым соколом ради этого высокого чувства.

Как установлено В. И. Резановым, для переложения этой новеллы Жуковский воспользовался её стихотворными версиями. Первые десять стихов сказки восхо-

дят к первым 13-ти строкам новеллы французского поэта и баснописца Жана Лафонтена (1621—1695) «Le Faucon, nouvelle tirée de Vossage». Начиная с 14-го стиха Жуковский опирался на стихотворную повесть немецкого поэта Фридриха Гагедорна (1708—1754) «Der Falke». Подробнее см.: *Резанов*. Вып. 2. С. 494.

Сравнивая переведённый отрывок с его источниками, исследователь приходит к выводу о том, что Жуковский «пересказывал» «очень свободно, с большими отступлениями от подлинника». «Возраст мужа, как и возраст жены, — замечает Резанов, — домыслы нашего поэта: ни Боккаччо, ни Лафонтен, ни Гагедорн не говорят об этом ничего определённого. Свою героиню Жуковский представил слишком молодой: по новелле она должна была иметь уже сына-подростка, болезнь и смерть которого — центр всех событий новеллы; если бы Жуковский продолжил свою “сказку”, ему пришлось бы переделать портрет Камиллы» (Там же).

Интерес Жуковского к стихотворной сказке — дань традиции. Многочисленные образцы этого жанра, в том числе «Душенька» Богдановича, произведения И. И. Дмитриева, обратили взор молодого поэта к этому жанру.

Ст. 1. *Давно в Флоренции один любовник...* — Вариант: «В славном городе Флоренции...» свидетельствует о первоначальном замысле Жуковского переложить сказку не пятистопным ямбом, а четырёхстопным хореем.

Ст. 2. *Одну красавицу любил...* — В черновом варианте: «Который девушку одну любил...»

Ст. 3. *⟨...⟩ Плохой же я толковник!* — Жуковский в процессе работы отказывается от следующих эпитетов: «Изрядный», «Ну славный».

Ст. 5. *⟨...⟩ Был рад ей в угожденье...* — Сначала было: «Готов был в угожденье // Красавице своей...»

Ст. 17. *Улыбка — дар души, румянца свежий цвет...* — Характеристика героини имела следующий черновой вариант: «В глазах весь чувства жар, лица прелестный цвет...»

Ст. 19—20. *Во всём ~ как журчанье...* — Первоначально: «Во всём: и в голосе, приятном, как журчанье», «И в тихой сладости задумчивых очей...»

Ст. 23. *Камилла, сей любви Эрастовой предмет...* — Промежуточные наброски выглядели так: «Камиллы, сей весенний цвет...»; «нежной любви, страстных чувств». У Гагедорна героиню звали Сильвия, у Лафонтена героя — Федерик.

Ст. 26. *Супругой верною и видом и душою...* — Последний стих, на котором оборвалось повествование, претерпел существенные изменения: а) «И — чудо из чудес! — супругой постоянной!»; б) «Была супругою во всём значенья слова!..»; в) «Супругой верною седого старика, в душе и словом...»

А. Янушкевич

Оберон

(«Где Гиппогриф? Лечу в страну чудес!»)

(С. 312)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 22. Л. 1—4 с об., 5 — черновой, чернилами, ст. 1—80 (10 строф). Единица хранения авторской нумерации не содержит, кроме цифры «1», обозна-

чившей лист с началом перевода. В архиве он обозначен как л. 2 (л. 1. — титульный). При архивной нумерации листы рукописи перепутаны. На титульном листе (л. 1) надпись: «Оберон» и дата под ней: «1811. Декабря 5»; на оборотах лл. 1—4. переписанные, но содержащие новую, значительную правку десять пронумерованных строф; над верхним левым краем 1-й, 3-й, 6-й и 9-й строф проставлены даты: «6 декабря», «7 декабря», «10 декабря» и «11 декабря» соответственно.

2) НБ ТГУ (Описание № 2389) — Wieland C.M. Sämmltliche Werke. Leipzig, 1796. Bd. 22, 23 (в одном переплете). На оборотной стороне шмуцтитула первой части — черновой, карандашом, перевод трех первых строк: «Седлайте, Музы, мне крылатого коня, // Сбираюсь в древнюю страну очарований. // Кто нам покажет путь на миг: мечта...»; на внутренней стороне нижнего форзаца тома и внутренней стороне нижней крышки переплета — цифровые выкладки карандашом и чернилами по карандашу: подсчет количества стихов для перевода (см. ниже).

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 53. Ст. 1—8 (первая строфа).

Впервые полностью: *Eichstädt H. Zukovskij und Wieland // Die Welt der Slaven*. 1967. Bd. 3. S. 261—262 — с некоторыми неточностями. Вторично полностью, с необходимыми уточнениями по рукописи: БЖ. Ч. 2. С. 354—355. Публикация Н. Б. Реморовой.

Печатается по: БЖ. Ч. 2. С. 354—355.

Датируется: 5—11 декабря 1811 г. на основании авторской датировки.

Текст Жуковского является достаточно свободным переводом первых одиннадцати строф произведения К. М. Виланда «Оберон» («Oberon. Ein romantisches Heldengedicht in zwölf Gesängen»), написанного в 1780 г. В своей работе над «Обероном» Жуковский пользовался выходящим с 1794 по 1805 г. и хранящимся в его библиотеке 37-томным собранием сочинений Виланда (Описание. № 2389), в котором «романтическая поэма» объемом 7304 стиха (913 строф) занимает 22-й и 23-й тт. Издание, видимо, было приобретено целиком в 1805 г. К чтению первого тома поэт приступил сразу, о чем свидетельствует его письмо к Ф. Г. Вендриху от 19 декабря 1805 г.: «Принялся читать Виланда, вашего приятеля. Читаю “Агатона”, удивительная книга» (СС 1. Т. 4. С. 559).

О длительном и устойчивом интересе Жуковского к поэме Виланда свидетельствует постоянное ее упоминание в «творческих списках» («Что читать и переводить») на протяжении 1805—1812 гг. Так в разделе конспекта «Эпическая поэзия», относящегося к 1805 г., «Оберон» уже значит как образец эпической поэмы, а в рубрике: «Замечания на поэтов» Жуковский фиксирует: «... на Оберона» (РНБ. Оп. 2. № 46. Л. 1; опубликовано: Эстетика и критика. С. 382—383) В список намеченных к прочтению произведений, относящийся приблизительно к этому же времени, вновь включен «Оберон» (РНБ. Оп. 1. № 2. Л. 3). Дважды в списках произведений, намечаемых для перевода в «Вестнике Европы» (бумага с водяным знаком 1807 г.), присутствует поэма Виланда (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 6, 7). В материалах к поэме «Владимир» (начало 1810-х гг.) вновь возникает «Oberon» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 23). Наконец, в альбоме стихотворений 1812 г., на последней странице, в ряду планируемых к написанию и переводу произведений находим «Оберона» (РНБ. Оп. 1. № 25. Л. 61).

Известно, что и в 1814 г. поэта не оставляло намерение закончить перевод «Оберона». В созданной им для себя программе творческой деятельности читаем: «Сочинения: Владим(ир), Вост(очный) певец, Maison de ch(amps), баллады, Посл(ание) к Государю, Приветственное посл(ание), Оберон, Филоктет, Art poétique, Eloisa to Abel(ard), Der Mönch und die Nonne, Лекции, Журнал, Энеида (...)» (ПСС 2. Т. 13. С. 66).

Точная дата первого прочтения «Оберона» не зафиксирована, но исходя из имеющихся фактов (списки чтения, письмо к Ф. Г. Вендриху) можно предполагать, что это произошло в 1806 г. По всей вероятности именно к 1806 г. относится и набросок перевода первых трех строк произведения (автограф № 2). Судя по всему, в это время поэт имел намерение перевести всю «романтическую поэму», которую прочитал с большим увлечением и явной заинтересованностью, что отразилось на количестве и содержании выделяемых при чтении отрывков (Подробное об этом см.: БЖ. Ч. 2. С. 340—353).

Помет Жуковского-читателя в «Обероне» необычайно много — 152, то есть они присутствуют в каждой шестой строфе. Из общего количества помет выделяется обширная (в 118 строф) самостоятельная тематическая группа: вертикально отмеченные строфы, в которых описаны любовные мечты и сама, сопряженная со страданием, любовь Гюона и Реции (после крещения — Аманды), христианского рыцаря и прекрасной дочери султана, а также своеобразные вставные новеллы, сюжеты которых подчинены одной цели: раскрыть глубину и силу чувств героев, объяснить особую заинтересованность духов (прежде всего Оберона) в их судьбе.

Вся эта часть произведения привлекла Жуковского в двух отношениях. С одной стороны, очевиден интерес молодого поэта к внутреннему миру человека и его психологии. Произведение Виланда, несмотря на всю условность сказочно-романтического сюжета, давало в этом отношении достаточно богатый материал. С другой стороны, Жуковский, читая «Оберона», поэму, проникнутую «гуманистической верой в реальные возможности человека, в победу естественных чувств и разумных начал» (В. П. Неустроев), как бы «примеряет к себе» изображенную в нем психологическую коллизию, пытается соотнести свою личную судьбу с судьбой героев. Период первого прочтения «Оберона» (до 1808 г.) совпадает со временем зарождения любви поэта к Маше Протасовой, когда его чувство подобно сну Гюона и мечтам Психеи в «Агатоне», им самим еще не осознанно. Он любит не ту Машу, которая есть, которой еще только 12 лет, но ту, какой «себе ее представляю в будущем, в то время, когда возвращусь из путешествия, в большом совершенстве!» (ПСС 2. Т. 13. С. 15). Вся история любви героев Виланда, их романтические сны, их страдания и, наконец, — выстраданное, но полное счастье — все это легко соотносится с надеждами поэта на возможность преодолеть «пустые причины» и «противоречия гордости», с мечтами о собственной семье как идеале счастья. Не случайно последняя, отмеченная при чтении «Оберона» строфа (песнь IX, строфа 1) есть поэтическое выражение одушевляющей Гюона надежды на скорое свидание с Рецией (Амандой). До финала еще далеко, но в оставшейся части нет уже психологических коллизий, нет ярких поэтических описаний природы, их место заступают типичные «авантюры» рыцарского романа, что на данном этапе поэту мало интересно.

О намерении перевести «Оберона» целиком красноречиво говорят цифровые выкладки, делавшиеся поэтом на внутренней стороне нижней крышки перепле-

та, смысл которых достаточно прозрачен (автограф № 2). Первоначально Жуковский карандашом записывает столбиком цифры, указывающие количество строф в каждой из 12 песен и суммирует их. Получается 913. Далее он множит количество строф на 8 (количество строк в строфе) и получает общее количество стихов в поэме — 7304. Условно приняв год за 300 дней, вычисляет, сколько же строф нужно переводить в день, чтобы за год завершить работу. Получается — 3 строфы и 13 остается в остатке. Еще один числовой ряд — сколько строк должно переводить в день. Поэт делит 7300 на 300, получает $24\frac{1}{3}$ и округляет до 25, исправив первоначально записанное число 24 на 25.

Вторая запись чернилами, вероятно, относится к более позднему времени. В ней содержится подсчет строф в первых четырех песнях. Очевидно, что несколько позднее, отказавшись от намерения переводить всю поэму, Жуковский хотел ограничить объем перевода, сосредоточившись на той части произведения, где описываются подвиги Гюона до встречи с Рецией (Амандой), до изображения истории любви героев, истории, по самой сути не эпической, а лирической.

Мысль о таком ограничении могла возникнуть как на сугубо личной почве, так и в связи с изменяющейся эстетической позицией. С одной стороны, летом 1807 г. Жуковский впервые сделал предложение Маше (УС. С. 295). Екатерина Афанасьевна ответила решительным отказом и запретом кому-либо говорить о своем чувстве. Рассказанная в «Обероне» история любовных страданий, будучи изложена поэтом, могла быть истолкована как «нарушение запрета».

С другой стороны, в 1809—1810 гг. поэт интенсивно размышляет о создании исторической поэмы «Владимир» и включает «Оберона» в число источников, с которыми, как ему кажется, необходимо ознакомиться. Вопрос о соотношении «басни» и «истины исторической» в эпической поэме если и не дискутируется прямо, то подразумевается в спорах о том, на что ориентироваться при создании национального эпоса — на поэмы Гомера, Тассо, Ариосто, на «Потерянный рай» Мильтона или «Генриаду» Вольтера. Это прослеживается даже на характере составляющихся поэтом в разное время и с разной целью списков произведений.

Так, если при создании «Росписи...» (1805), до знакомства с текстом самого произведения, «Оберон» оказывался рядом с «Мессиадой» Клопштока, Мильтоном, Гомером и Вергилием, то впоследствии, в 1814 г., поэма Виланда обретает место среди лирических произведений, рядом с «Элоизой и Абельяром» Попа, «Монахом и монахиней» Виланда.

Но уже в 1809—1810 гг., размышляя над созданием «Владимира», Жуковский представляет его как поэму рыцарскую или богатырскую на материале русской истории и фольклора, подобную тому, «что называют немцы *romantisches Helden-gedicht*» (ПЖТ. С. 61) и к числу которых относится «Оберон». Не случайно в планах «Владимира» появляется как один из источников сюжет поэмы Виланда (см. раздел «Планы и конспекты» в наст. томе).

К тому же есть все основания предполагать, что подсчет стихов в первых четырех песнях относится к более позднему времени (не ранее 1816 г.), когда в связи с размышлениями над «Владимиром» составлялся еще один список. В состав «Материалов для Владимира» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 23) вошли авторы, для которых характерно пристальное внимание к «истине исторической». «Оберон» в этом списке — единственное произведение, где чудесное («басня») превалирует над изображением «нравов, характера времени, мнений». Датировка списка

(1815 г.) — мотивируется тем, что в нем названы рыцарские романы «Die Fahrten Thiodolfs des Isländers» и «Der Zauberring» Ф. Ламотт-Фуке, вышедшие соответственно в 1815 и 1816 гг. и имеющиеся в библиотеке поэта (Описание. № 1046, 1048).

Впрочем, сосредоточиться на переводе лирической части сюжета «Оберона» ни в 1814, ни в 1815 году у поэта по-прежнему не было возможности и по личным причинам. Материалы писем-дневников поэта и Маши Протасовой свидетельствуют о том, что цитируемые Жуковским в письмах (по памяти!) фрагменты виландовского произведения были своеобразной «тайнописью», позволявшей говорить друг другу и передавать бумаге то, что не должно было быть доступно окружающим и прежде всего Екатерине Афанасьевне. А строка из 75 строфы VII песни — «Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten!» («Одно единственное мгновение может все переменить!» — нем.) стала своего рода паролем, призывом надеяться на лучшее, на «счастье вместе». Ее цитирует и выделяет в тексте поэт с помощью небольших купюр и графических изменений, превращающих четыре строфы немецкого текста (обращенного Рецией-Амандой к Гюону), в утешающие речи к «милому ангелу Маше». Маша повторяет эту фразу в своем письме к Жуковскому, Жуковский вторично — в письме к Маше (см.: ПСС 2. Т. 13. С. 75—76, 87).

Принявшись за перевод «Оберона», в декабре 1811 г., Жуковский перевел только 11 строф вступления и на данном этапе счел перевод оконченным. Во всяком случае ни в черновом (л. 5), ни в перебеленном (со значительными правками) варианте рукописи (л. 4 об.) нет ни одной строки сверх 10-й строфы, а вся нижняя половина листа оставлена свободной.

Исходя из авторской датировки, следует считать, что перевод одиннадцати виландовских строф (в переводе — 10) длился неделю, то есть продвигался вдвое медленнее, чем было запланировано при расчетах работы на год (автограф № 2). Перевод давался с трудом: на 80 строк окончательного текста — свыше 280 строк черновиков, некоторые стихи имеют до 8 вариантов. Х. Эйхштедт справедливо указывает, что различия в форме оригинала и перевода заметны с первого взгляда. У Виланда мы имеем разностопный ямб с варьированием сочетания Я 4, Я 5 и Я 6 внутри каждой строфы, мужских и женских клаузул с разнообразнейшим сочетанием парной, перекрестной, опоясывающей рифмовки внутри восьмистишия с частыми переносами как внутри строфы, так и между строфами, что «приближает стих к разговорному тону светской болтовни» (Eichstädt. С. 263).

Размер перевода заметно упорядоченнее. В нем 3 строфы написаны Я 5 (1, 2 и 8), пять строф — Я 6 (3, 4, 7, 8, 10), две (6 и 9) сочетают Я 5 и Я 6. В то же время Жуковский, как ни в одном другом произведении этой поры, стремится разнообразить форму восьмистишия, применяя на 10 строф 7 типов рифмовки на 3 и 4 рифмы, варьируя чередование мужских и женских клаузул. Однако все это не создает виландовского «разговорного тона светской болтовни», что обусловлено не формальными, а смысловыми отступлениями от оригинала.

Главное отличие перевода от подлинника заключено в изменении позиции автора-рассказчика по отношению к изображаемым событиям. В переводимой части произведения Виланда имя героя не названо, события даются как проступающие сквозь тьму времен, как видения старой «романтической страны», именно *видения*, не всегда четкие, хотя и знакомые уже рассказчику, который в пылу поэтического вдохновения не слишком заботится о том, чтобы его видения были

ясны окружающим, ибо намерен в дальнейшем повествовании дать развернутую картину событий, позабавив тем самым читателя.

Переводчик же прямо называет нам имя героя, давно ему знакомого и близкого: «Тебя ли зрю в толпе врагов, Гион!»; «Известно вам, друзья, что рыцарь наш Гион...». Приключения героя вовсе не кажутся переводчику забавными. Авторское заинтересованное отношение к изображаемому пронизывает весь перевод, определяет характер эпитетов, синтаксис, подбор деталей: «завоеванная красавица» («gewonnen ist die Schöne») превращается в «возлюбленную» (ст. 15); «запретный плод» («verbotene Frucht») в «плод заповеданный» (ст. 18); разговорное «ни в коем случае не пожелай до времени» («Euch ja nicht vor der Zeit gelüste!») в возвышенное — «страшися искушенья!» (ст. 18) и т. д.

Существенным изменениям подверглись и две последние строфы оригинала (10 и 11). И дело не в количественном изменении (у Жуковского одна строфа). У Виланда принятие рыцарем папского благословения и паломничество «к святой могиле» («heil'ge Grab») подано с явной иронией. Не случайно автор замечает, что из трудного положения, в котором оказался рыцарь по приказу Карла, «с Богом и святыми надеется он *выпутаться* со славой» («... mit Gott und Sankt Kristoffel // Hoffet er zu seinem Ruhm sich schon heraus zu ziehn»), ибо после паломничества чувствует себя «в мужестве и вере вдвойне отважным» («fühlt sich nun an Muth und Glauben zweifach kühn»). У Жуковского ирония в изображении Гиона-пилигрима отсутствует. Ее нет ни в риторическом вопросе: «Но с помощью святых какой опасен труд?» (ст. 76), соответствующем ироническому замечанию Виланда, ни в описании самого паломничества, где нет ни слова об укреплении мужества рыцаря, но добавлен ряд деталей, отсутствующих в оригинале и подчеркивающих святость его миссии: «С котомкой, с четками, под рясой власяною (...)// И поклоняется, в слезах, местам святым» (Ст. 78—80).

Даже в небольшом, переведенном из виландовского произведения отрывке для Жуковского главное — любовно-психологическая ситуация, конспективно данная в этом своеобразном «прологе» к «Оберону». И в переводе о любви говорится в особо возвышенном тоне. Любовь властно влечет героев, которые в переводе выглядят более пассивными и страдающими, чем в оригинале. Нужно сказать, что везде, где речь идет о несчастьях, постигших героя и его возлюбленную, переводчик несколько заостряет, подчеркивает мотив страдания. Так, к перечисленным мукам несчастных он добавляет еще одну — «без сна» (ст. 33). Если в оригинале говорится, что вся пища героев на пустынном берегу состояла из диких ягод, то в переводе читаем: «Их пища горький лист или плоды гнилые...» (ст. 36). В некоторых случаях при описании мук своих героев переводчик вносит отдельные штрихи и фразы, вообще не имеющие соответствия в оригинале, но принципиально важные для характеристики трагической судьбы влюбленных. Таковы, например, ст. 43-й: «Их трудный путь любовью озарен» и 49-й: «Вот мука выше мер!»

В ряде случаев в переводе мысль получает более обобщенную, более афористическую форму, чем в оригинале, что придает тексту перевода большую торжественность и возвышенность. «Sie leiden zwar, doch leiden sie beysammen» («Хотя они страдают, но страдают вместе») передано как «Страдать вдвоем не есть еще страданье» (ст. 44). Этот мотив страдания вдвоем, обретения счастья вопреки всем «мукам выше мер» продолжал долго оставаться глубоко личным для Жуковского, определяя его жизненную философию «счастливого вместе». Поэтому иронический

тон повествования в виландовском произведении не мог быть им до конца воспринят, а тем более передан в переводе. Будучи искусственно вычленен из целостной ткани произведения, лирический сюжет утрачивал свою неповторимую прелесть и оригинальность, что, по всей вероятности, также могло быть одной из причин прекращения работы над переводом. Но впечатление, оставленное в душе поэта «романтической поэмой» «язычника и эпикурейца» Виланда, было глубоким и сохранилось долгие годы. Во всяком случае, в конце 30-х гг. Жуковский напишет И. И. Козлову: «Посылаю тебе “Оберона”, не читай его ни с кем — прочтем вместе. Я его сам давно не читал и почти позабыл; перечитать будет приятно, особенно с тобой» (ПД. № 15989. Л. 4). Состоялось ли это совместное чтение, к сожалению, неизвестно.

В творческой биографии Жуковского перевод отрывка из «Оберона» был не случаен: в нем отразились и его эстетические поиски в области лироэпической поэмы, и его принципы автопсихологизма, связанные с историей драматической любви к Маше Прогасовой.

Ст. 1. *Где Гиппогриф?...* — Hippogryph (Hippogryphen) — мифологическое чудовище с головой грифа и туловищем лошади.

Ст. 5. *Тебя ли зрю в толпе врагов, Гион?* — В оригинале имя героя звучит как Гюон (Huon). Возможно, что перемена огласовки имени произошла под влиянием единственного полного перевода «Оберона», выполненного В. А. Левшиным, где имя героя передается как Гион. («Оберон, царь волшебников. Поэма господина Виланда в четырнадцати песнях. С немецких стихов прозою перевел сочинитель “Русских сказок”. М., 1787»). С этой книгой Жуковский вполне мог быть знаком, так как в работе над поэмой «Владимир» постоянно обращался к «Русским сказкам» Левшина (см. примечания к планам поэмы «Владимир» в наст. томе).

Ст. 12. *Но паладин, что медлишь?...* — Паладин — название легендарных сподвижников Карла Великого и короля Артура. В данном случае — верный, прославленный рыцарь. Здесь имеется в виду Гион.

Ст. 16. *Ваш Оберон, хранитель ваш над вами!* — Оберон — герой германской мифологии, царь эльфов, духов природы.

Ст. 19. *Авзония близка...* — Авзония — страна авзонов; поэт. Италия.

Ст. 20. *... Ах, где ты, Шеразмил?* — Некогда бывший рыцарь; оклеветанный перед Карлом, ведет отшельническую жизнь, поселившись в пещере Ливанских гор. После знакомства с Гионом становится его верным помощником и другом.

Ст. 67. *За делом гибельным и в славный век ренодов.* — Реноды — нарицательное существительное от имени Ренод. В данном случае обозначает верных самоотверженных рыцарей. Имя Ренод воспринято Жуковским через «Опыт об эпической поэзии» Ф.-М. Вольтера. В такой огласовке в конспекте «Опыта» фигурирует герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» — Ринальдо (Rinaldo). Вольтер, в частности, замечает: «... его Ренод списан с Ахилла». Это сопоставление с известным гомеровским персонажем из «Илиады» подчеркивает героический ореол Ринальдо-Ренода. См.: Эстетика и критика. С. 60. У Жуковского это своеобразный символ рыцарства.

Н. Реморова

Родрик

(«Уже давно готовилося небо...»)
(С. 315)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 2) — черновой: левая колонка (ст. 1—22); белой этих же стихов — правая колонка; через интервал — черновой ст. 23—41, с датой: 19 апреля (2 мая).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 89 (ст. 1—11); ПСС. Т. 11. С. 135 (ст. 1—22); ПмиЖ. Вып. 6. Томск, 1979. С. 131 (ст. 23—41) — в составе статьи В. М. Костина «Жуковский и Пушкин: К проблеме восприятия поэмы Р. Саути “Родрик, последний из готов”».

Впервые полностью: Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского. М.: Радуга, 2000. С. 189—191.

Печатается по этому изданию, со сверкою по автографу.

Датируется: 19 апреля (2 мая) 1822 г.

Автограф находится в красном сафьянном альбоме, содержащем черновые рукописи Жуковского 1822—1831 гг. Текст «Родрига» открывает альбом и предшествует переводу отрывка из «Энеиды» Вергилия — «Разрушение Трои» (с точной датировкой: «Начато 12 мая 1822 г. в Павловске»), что и позволяет его датировать 1822 г.

Дата в рукописи «Родрига» с указанием старого и нового стиля, видимо, связана по инерции с только что закончившимся первым заграничным путешествием поэта: в Петербург он возвратился 6 (18) февраля 1822 г. (ПСС 2. Т. 13. С. 238), но все февральские записи имеют двойную датировку.

Из письма А. С. Пушкина Н. И. Гнедичу из Кишинёва от 27 июня 1822 г. известно, что он знал об этом переводе Жуковского: «Когда-то говорил он мне о поэме “Родрик” Саувея; попросите его от меня, чтобы он оставил его в покое, несмотря на просьбу одной прелестной дамы» (Пушкин. Т. 13. С. 39).

Не исключено, что, как предполагает В. М. Костин, «прелестной дамой» была С. А. Самойлова — «едва ли не единственная англоманка из фрейлин Александры Фёдоровны» (ПмиЖ. Вып. 6. Томск, 1979. С. 125), а замысел перевода Жуковского возник ещё до ссылки Пушкина — в 1819-м — начале 1820-го гг.

Источником перевода явилась поэма английского поэта-романтика Роберта Саути, балладами которого увлекался Жуковский, — «Родрик, последний из готов» («Roderick, the Last of the Goths», 1814). И хотя из этой большой эпической поэмы (около 15 000 стихов) Жуковский перевёл лишь зачин в 41 стих, личная библиотека поэта свидетельствует о том, что он, возможно, готовился к переводу всего произведения. В собрании сочинений Саути (The poetical works of Robert Southey... Vol. 1—13. London, 1814—1818), в т. 9—10, вышедших в 1818 г. (см.: Описание. № 2774), сохранился собственноручный план перевода поэмы, предполагавший её драматизацию: разбивку на акты с прологом. Ср.: «Пролог. Роман и Родрик. 1 акт. Бегство. 2 акт. Восстание. 3 акт. Спасение и победа». По мнению В. М. Костина, впервые опубликовавшего этот план, «эпическая интерпретация сюжета “Родрика”, предложенная Саути, победила» (БЖ. Ч. 2. С. 467). Второй план является по существу конспектом 17-ти (из 24-х) песен поэмы «Родрик, последний из готов» (Там же. С. 467—468).

Следы тщательного чтения поэмы Саути отразились в многочисленных пометках Жуковского на страницах 9-го тома сочинений английского поэта. Выделение отрывков, связанных с психологическим состоянием героя, его раскаянием, потрясением, очищением (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 468—473) свидетельствует об интересе Жуковского к особому типу персонажа, герою-грешнику.

Сюжет эпической поэмы Саути следующий: Родрик, последний готский король Испании, обесчестил дочь графа Юлиана, Флоринду. Желая отомстить за эту обиду, Юлиан совершает предательство: он призывает мавров, открыв им врата Сеуты. Предательство Юлиана приводит к завоеванию всей Испании. Кающийся Родрик, переодевшись в священника, путешествует по стране, помогая силам, объединившимся вокруг принца Пелайо, пока не были одержаны первые победы над маврами. В конце поэмы, в одной из битв Родрик раскрывает своё инкогнито, но лишь затем, чтобы исчезнуть уже навсегда.

По всей вероятности, Жуковского к поэме Саути привлекли именно история души Родрика, принципы психологического решения такого характера. Глубокое внутреннее переживание героя — в центре читательских помет Жуковского и в его плане-конспекте поэмы. Почти параллельная работа по переводу «Орлеанской девы» Шиллера, «Шильонского узника» Байрона и поэмы Саути определяет направление поэтических поисков первого русского романтика в начале 1820-х годов.

В целом Жуковский точен в своём переводе, сохраняя метр подлинника — белый пятистопный ямб, получивший в английской традиции название «героического стиха». Транскрипция имени героя («Родриг» вместо «Родрика») восходит к испанским романсам о Сиде, которые незадолго перед этим он перевёл.

«Родриг» находится в списках творческих замыслов Жуковского, составленных позднее начатого перевода (БЖ. Ч. 2. С. 484), хотя следов возвращения поэта к его реализации больше не обнаружено.

Особого разговора заслуживает соотношение этого наброска перевода Жуковского с отрывком из поэмы, переведённым весной 1835 г. А. С. Пушкиным: «На Испанию родную...» Об этом подробнее см.: ПмиЖ. Вып. 6. Томск, 1979. С. 133—139; *Сурат И.* «Жил на свете рыцарь бедный...» М., 1990. С. 130—146; *Сайтанов В. А.* Третий перевод из Саути // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 97—120.

Ст. 1. *Уже давно готовилось небо...* — Жуковский особенно долго работал над началом перевода. Первому стиху поэмы Саути: «Long had the crimes of Spain cried out to Heaven» соответствовали следующие варианты: «Небесный гнев давно обрек на гибель...»; «Уже давно на небо вопияла...»; «Давно определило небо...»

Ст. 10. *Отверженец Христа ожесточенный...* — Этот стих, характеризующий предателя и вероотступника Юлиана (в оригинале он имеет определение: «desperate apostate» (отчаянный отступник), прошёл многочисленные стадии работы над переводом. Жуковский пробивается к этой характеристике через 24 черновых стиха, последовательно перебирая такие варианты, как: «отчаянный отступник», «отчаянный отступник от креста», «бешеный отступник от Христа», «отчаянный отверженец Христа», «отверженец Христа ожесточенный».

Ст. 12. *Как саранча, пагубоносной тучей...* — Сложный эпитет: «пагубоносной», восходящий к античному эпосу (видимо, сказалась параллельная работа по переложению отрывка из «Энеиды» Вергилия), пришёл на смену: «погибельною тучей».

Ст. 15. *Бесчисленны в Иберию помчались...* — Согласно греческим источникам так в древности именовалась Испания по названию народа иберов, населявшего южное и восточное побережья страны.

Ст. 17. *(...) и копт.* — Копты — представители истинного христианского населения древнего и современного Египта.

Ст. 23. *О Кальпе! Ты приплытие их зрела...* — Кальпе — один из Геркулесовых столбов, ныне мыс Гибралтар.

Ст. 26. *Могучий Крон и Бриарей Сторукий...* — Персонажи греческой мифологии: Крон (Кронос) — один из титанов, сын Урана и Геи; Бриарей — также сын Урана и Геи, чудовищное существо с 50-ю головами и сотней рук.

Ст. 27. *И Бахус и Ахилл...* — Первоначально: «И Вахх и Геркулес...»

А. Янушкевич

Эллена и Гунтрам

(«Эллена в сумерках сидела...»)

(С. 316)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 37. Л. 24 об. — 25 об.) — черновой набросок ст. 1—67, пронумерованных самим автором, без заглавия, с датой: «1—3 февраля».

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 105 (ст. 1—4).

Впервые полностью: РЛ. 1982. № 2. С. 154. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации.

Датируется: 1—3 февраля 1833 г.

В одном из многочисленных списков Жуковского 1840-х годов (здесь же находится дневниковая запись от 8 (20) октября 1841 г.), в ряду произведений, намеченных в работе или уже выполненных, встречаем заглавие: «Falkenburg» (РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 1). Появление в списке этого названия далеко не случайно: ещё в дневнике 1833 г. (запись от 27 января н. ст.) Жуковский писал о чтении произведения с таким заглавием: «Читал Радовица. Потом повесть “Фалкенбург”» (ПСС 2. Т. 13. С. 349). Контекст рукописи, в которой находится черновой набросок повести и авторская датировка (1—3 февраля), позволяет говорить, что вслед за чтением произведения последовал его перевод. Рукопись, содержащая данный набросок, представляет собой тетрадь в зелёном сафьянном переплёте (в 4-ю долю листа) из 32 листов (л. 27—32 не заполнены). На 1-м листе Жуковским выставлен год: 1832-й. Тетрадь включает в себя: а) л. 1 об.: Знакомства и встречи (за границу в этом году); б) л. 2 об. — 27: черновые редакции стихотворений 1832—1833 гг. (подробнее см.: Бумаги Жуковского. С. 104—105).

Личная библиотека поэта (собрание Томского университета) позволяет уточнить, о какой повести идёт речь.

В библиотеке Жуковского находятся многочисленные собрания немецких сказаний, историй, легенд, в том числе семь изданий «Рейнских сказаний». Пометы и записи в них — свидетельство глубокого интереса поэта к ним на протяжении

почти целого десятилетия. В одном из сборников: «Sagen aus den Gegenden des Schwarzwaldes. Gesammelt von D. Aloys Schreiber» (Heidelberg, 1829) на с. 149—163 находится повесть «Falkenburg», отмеченная в оглавлении особым значком — косым крестиком.

Однако знакомство с повестью не ограничилось чтением. Через несколько дней после дневниковой записи, 1—3 февраля 1833 г., Жуковский набрасывает 67 стихов, которые являются поэтическим переложением самого начала прозаического сказания.

Впервые на этот набросок обратил внимание И. А. Бычков (Бумаги Жуковского. С. 105), приведя четыре первых стиха. Вслед за ним А. Н. Веселовский так охарактеризовал этот фрагмент: «... отрывок, всего 67 стихов, какой-то немецкой пьесы с действующими лицами: Эллиной и Гунтрамом» (Веселовский. С. 362). После Веселовского, то есть с 1918 г., это произведение не привлекало внимания исследователей и издателей.

Обнаружение источника этого переложения и публикация всего известного текста (см.: РЛ. 1982. № 2. С. 153—156) позволяет сделать некоторые наблюдения над его поэтикой и определить его место в творческих поисках поэта.

Сравнение прозаического текста начала рейнского сказания «Falkenburg» (2 абзаца, 11 предложений) и его стихотворного переложения «Элена и Гунтрам» (так Жуковский назвал произведение в одном из списков; 67 стихов, 19 предложений) приводит к следующим выводам.

Поэт не изменяет принципиального самого сюжета (пожалуй, единственное отступление от немецкого источника — замена имени героини: вместо Liba — Элена). Он, правда, опускает некоторые детали, связанные с путешествием Гунтрама по тёмному, загадочному лесу по пути в замок Фалкенбург. Зато текст переложения насыщается психологическими характеристиками при описании героини. То, о чём в рейнском сказании говорится буквально в одном предложении, у Жуковского получает развитие и определяет более напряжённый ритм повествования.

Создавая свою стихотворную повесть, о чём свидетельствует деление повествования на части, отсутствующие в подлиннике, Жуковский прежде всего стремится к психологическому обогащению характеров героев и углублению мотивировок их поступков. Его в большей степени интересует не само событие, а состояние, ему предшествующее.

«Фалкенбург» в этом отношении давал интересный материал для стихотворного переложения. История пребывания Гунтрама в таинственном замке, его невольное приобщение к зловещим тайнам, обручение с умершей, но существующей как призрак дочерью хозяина замка Эрлиндой, встреча в тёмном лесу с тремя ведьмами, поющими страшные песни-пророчества, возвращение в Фалкенбург к Либе, свадьба с ней, заканчивающаяся гибелью героя — все эти события, окутанные атмосферой сказочной фантастики и романтической тайны, привлекли Жуковского. Рейнское сказание было фольклорным вариантом «Белокурого Экберта» Л. Тика (см. ниже).

Рейнское сказание, включающее в себя поэтические вставные истории, песни, оказалось созвучно настроениям «русского балладника». Обратившись к его переложению, Жуковский пытался воссоздать романтическую атмосферу предчувствий, историю души. Неслучайно уже в дошедшем начале переложения он углубляет именно характеристику героини. Характерно, что в дневнике сразу же после указа-

ния о чтении повести «Фалкенбург» Жуковский говорит о работе над произведением с заглавием: «Элена» (Запись от 2 (14) февраля 1833 г. // ПСС 2. Т. 13. С. 349).

Важное значение в переложении имеет и провиденциальный мотив: «злое предвещанье» и сопутствующие ему переживания усугубляют драматизм действия. И это, с одной стороны, связывает переложение Жуковского с его опытами в области стихотворной повести и баллады 1831—1833 гг. («Ленора», «Суд в подземелье», «Роланд-оруженосец» и др.). С другой стороны, процесс переложения прозаического рейнского сказания в стихи — пролог к работе над «Ундиной», сюжет которой перекликается с «рейнским сказанием».

А. Янушкевич

Белокурый Экберт

(«Некогда в тёмной долине лесистого Гарца жил рыцарь...»)

(С. 318)

Автограф (ПД. № 27767. Л. 1, 3, 3 об., 4) — черновой (чернила по карандашу), с датой вверху л. 1, перед заглавием: «2 февр.(аля)» и записью в правом верхнем углу карандашом: «Начал пить воду. 13 ноября». Стихи на л. 1 пронумерованы цифрами: 10 и 20; половины десятистиший отмечены отбивкой.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: РЛ. 1982. № 2. С. 157—158. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации, с уточнением датировки.

Датируется: 13 ноября 1832 г. — 2 февраля 1833 г.; 28 октября (9 ноября) 1841 г. Обоснование датировки см. ниже.

Рукопись, где обнаружен этот текст, представляет собой небольшую тетрадочку, сшитую из пяти двойных листов (44 x 17,8 см.), перегнутых пополам и прошитых черной суровой ниткой (один большой стежок с двумя узлами). Бумага — желтоватая, линованная в узкую полоску (22 x 17,8 см.), точно такая же, как и в другой архивной единице (РНБ. Оп. 1. № 37; см. примеч. к повести «Элена и Гунтрам»; ср.: Бумаги Жуковского. С. 103), где находятся произведения, написанные в конце 1832-го — начале 1833-го гг., во время швейцарского уединения Жуковского в местечках Ве́е и Верне в компании немецкого художника, его будущего тестя Герхарда фон Рейтерна.

«Белокурый Экберт» — еще один опыт переложения прозаического текста в стихи. набросок Жуковского явился переводом прозаической повести известного немецкого романтика Людвиг Тика «Der blonde Eckbert». Интерес Жуковского к личности и творчеству Тика, а также к его повести был достаточно продолжительным. Ещё в конце 1817 г. (письмо к Д. В. Дашкову) в связи с проектом издания «собрания переводов из образцовых немецких писателей» Жуковский говорит о произведениях из «Фантазуса» Тика, называя повесть «Der blonde Eckbert» (РА. 1868. № 4—5. Стб. 842). Встреча с Тиком во время первого заграничного путешествия, характеристика его личности, история получения от него авторской корректуры романа «Странствия Франца Штернбальда» (об этом см.: *Тик Людвиг. Странствия*

Франца Штернбальда. Сер. «Литературные памятники». М., 1987. С. 341—346), пометы и записи в собрании сочинений Тика (Описание. № 2262) — всё это способствовало возрождению интереса русского поэта к творчеству немецкого писателя и его программной повести.

В многочисленных списках творческих замыслов начала 1830-х гг. вновь появляется её заглавие: «Der blonde Eckbert», «Tieck. Eckbert» (РНБ. Оп. 1. № 37). В атмосфере раздумий Жуковского о стихотворной повести, взаимодействии поэзии и прозы повесть Тика наряду с рейнскими сказаниями, повестью ла Мотт Фуке «Ундина», былью «Был вечер тих...» (см. комментариев в наст. томе) стала объектом творческих экспериментов.

Характер рукописи и дневниковые свидетельства позволяют предположить, что работа над повестью проходила в два этапа. На л. 1 автограф с заглавием: «Белокуроый Экберт», сразу же написанным чернилами, включает 24 стиха, оформленных чернилами по карандашу мелким, аккуратным и довольно четким почерком, стальным пером. Затем на л. 1 об. — 2 карандашом идет набросок повести «Был вечер тих...», а на л. 2 об. также черновой набросок карандашом начала неизвестного произведения:

«Солнце садилось и запад горел. На востоке всходила
Тихо луна. Был сильный холод ноябрьский и резкий
Ветер насквозь пронзал меня свистом порывным.
Путь мой шел через лес; у входа его на пригорке
В блеске вечернего солнца явился черный неровно
Вкопанный столб, на коем ка(чалось?)
ай! ай! Мне идти туда.
Садилось солнце, на востоке
Всходила полная луна...»

На л. 3 Жуковский продолжает перевод «Белокуроого Экберта», но уже другим почерком, характерным для позднего Жуковского: очень крупные, растянутые буквы. Поверх карандашного слоя чернилами текст перебеливается, но гусиным пером: буквы жирные, стих не входит в строку, как в первой части автографа на л. 1, возникают большие пробелы между строк. Карандашный слой перевода, занимающий весь л. 3 об., не совпадает с чернильным слоем, который написан более убористо.

В нижней половине л. 4 записан тем же почерком перевод песни из «Белокуроого Экберта»: 4 стиха, не уместившиеся в строку и разбитые на полустигиишия.

Лл. 4 об. — 9 об. — чистые; на л. 10 — наброски карандашом тем же почерком, что и на лл. 3, 3 об., 4, — списков следующего содержания:

Р. портрет	2920=3170
М. для ключей	1612=2000
М. платок	1580
Т. кукла	1630
Л. столик	
Е. муфту	
В. книгу	
А. часы	

Список сопровождается цифровыми выкладками с подсчетом типа:

2980
240
1610
140
1630
1580
8180

На л. 10 об. — снова карандашные наброски перевода песни:
«Где ты? Где ты пустыня лесная далеко, далеко...» и т. д.

Первая часть перевода (л. 1), как это явствует из сопровождающей ее пометы: «Начал пить воду. 13 ноября» и «2 февраля», была создана Жуковским в 1832—1833 гг. Указание: «Начал пить воду» вполне соответствует поездке поэта 13 ноября н. ст. 1832 г. в Верне — небольшой городок на швейцарско-французской границе, известный своими серными источниками и лечебными минеральными водами, находящийся в нескольких километрах от Веве, где жил и «лечился виноградом» в это время поэт. Эти поездки и даже пешие прогулки затем будут регулярно продолжаться, но первое посещение Верне произошло именно 13 ноября (см.: Дневники // ПСС 2. Т. 13. С. 338).

Во время небольшого перерыва в работе над переводами из Уланда (между 12 ноября и 2 декабря) Жуковский, вероятно, осуществил первый карандашный набросок переложения «Белокурого Экберта», а в период создания «Эллены и Гунтрама» (см. примеч. в наст. томе) 1—3 февраля 1833 г. возвратился к нему, перебелив чернилами по карандашу. 23 января (4 февраля) 1833 г. Жуковский записывает в дневнике: «Вечеру чтение Тика и спор о Тике» (Там же. С. 348). Вероятно, 2 февраля 1833 г., как это явствует из пометы на л. 1 автографа, он прерывает работу над переложением, что и зафиксировано в рукописи. Последующие записи на л. 1 об., 2 и 2 об. свидетельствуют, что поэт работает над другими переложениями и оставляет «Белокурого Экберта».

Но записи на л. 3, 3 об. позволяют говорить о возвращении к давнему замыслу. Характер почерка отражает иной этап творческого развития поэта, более поздний по сравнению с предыдущим. Но никаких документальных свидетельств нового обращения к произведению Тика долго обнаружить не удавалось. И лишь расшифровка неизвестных поздних дневников Жуковского за 1840-е гг. позволила со всей определенностью говорить, что в октябре 1841 г. поэт продолжил переложение «Белокурого Экберта». Уже после женитьбы на Елизавете Рейтерн и переезда в Германию, в Дюссельдорфе, перебирая свои бумаги, Жуковский обнаружил тетрадку с началом перевода и решил, возможно, как воспоминание о днях, проведенных в Веве с отцом своей жены и своим другом Г. Рейтерном, продолжить его. Ср.: «26 (7) (октября 1841 г.). Воскресенье. (...) Смотрели портфели, читали “Der blonde Eckbert”» и далее: «28 (9). Вторник. (...) Начал Экберта» (ПСС 2. Т. 14. С. 264. *Автограф*: РГАЛИ. Оп. 1. № 37). Комментируя эти записи при издании дневников, мы были уверены, что весь набросок переложения относится к 1832—1833 гг. (см.: РЛ. 1982. № 2. С. 157—159), и говорили о том, что запись: «Начал Экберта» “не совсем понятна”» (Т. 14. С. 534).

Однако более тщательное изучение автографа «Белокурого Экберта» позволило конкретизировать эту запись: после перерыва в 8 лет Жуковский вновь обращается к работе над переложением новеллы Тика. Его психологическое состояние после поздней женитьбы на юной Елизавете Рейтерн пронизано ощущением страха. Дневниковые записи, сопровождающие работу над переводом, показательны: «28 (9) (октября 1841 г.). Беспрестанное ощущение нервического припадка»; «29 (10). (...) Целый день нервический. Расположению к замиранию сердца»; «30 (11). Весь день и до ночи обыкновенный нервический припадок» (Там же. С. 264). Атмосфера тайного предчувствия, жутковатой таинственности, власти рока, характерная для новеллы Тика, корреспондирует с внутренним состоянием поэта, мучительно переживающего свое позднее семейное счастье и боящегося невзгод судьбы накануне родов жены.

Заметки для памяти и числовые выкладки на л. 10 могли быть сделаны только в это время и расшифровываются в соотношении с реалиями жизни Жуковского в Германии после женитьбы. Вероятно, это список рождественских подарков членам семьи Рейтернов (тестю, теще, жене и всем детям Рейтерна) с указанием их стоимости и общей суммы затрат. В это время все семейство жило вместе в Дюссельдорфе.

Таким образом, процесс работы Жуковского над переложением «Белокурого Экберта» имел два этапа: конец 1832-го — начало 1833-го гг. (ст. 1—24) и конец октября 1841 г. (ст. 24—45 и вставная песня). Если на первом этапе прозаическая повесть Тика увлекла его возможностями стихотворного переложения, то на втором этапе поэт острее ощутил ее провиденциальный смысл и соотносил ее настроение с атмосферой своей жизни в Германии после женитьбы. Повесть Тика приобрела для него своеобразный автопсихологический и философский подтекст.

Из небольшой по объему повести Жуковский перевел лишь самое начало, экспозицию. История Экберта и Берты, их inferнальных отношений и роковых приключений осталась не переведенной.

Прежде всего, Жуковский опробовал в переложении повести свой сказовый гекзаметр, который уже вскоре получил своё развитие в «Ундине». Переводчик углубляет романтическую атмосферу действия, расширяя описания таинственной природы, подчёркивает загадочность происходящего. Повесть-источник окрашивается в стихотворном переложении лирическим настроением. Сравним лишь один отрывок из точного прозаического перевода повести Тика, сделанного А. А. Шишковым (МВ. 1830. Ч. 2. С. 119—121 — под заглавием: «Белокурый Екберт»), и переложения Жуковского:

Перевод Шишкова

(...) Это было ровно в полночь,
месяц то прятался, то вновь выгля-
дывал из-за бегущих облаков...

Переложение Жуковского

(...) Была уже полночь; месяц ущербный
Бледно светил в туманном круге и дымом про-
зрачным
Мчались мимо его облака, наводя на окрестность
Сумрак тревожный, сменяемый часто неверным
сияньем.

Но если в переложении прозы Тика на язык поэзии в ритме гексаметра Жуковский лишь воссоздаёт за счёт экспрессивных эпитетов новое настроение, ориенти-

руя его на свою балладную поэтику, то свобода обращения с источником особенно проявляется в переработке песни Берты, занимающей особое место в повести Тика. Жуковский, оборвав переложение повести на самом начале рассказа героини, делает наброски перевода этой песни, трижды в разных вариантах повторяющейся у Тика. Он не только увеличивает её в объёме, но и пытается выразить особое таинственное и завораживающее чувство, почёркивая это через обильное употребление анафор, систему внутренних рифм. Ср. текст этой песни у Тика и в переводах А. А. Шишкова и Жуковского:

<u>Тик</u>	<u>Шишков</u>	<u>Жуковский</u>
Waldensamkeit,	Уединенье —	Вечно светла ты, вечно светла ты, пустыня лесная!
Die mich erfreut,	Мне наслажденье.	Душу чарует, душу врачует покой твой глубокий.
So morgen wie heut	Сегодня, завтра,	Всякое горе, тревогу людскую очистит долина.
In ewger mich freut	Всегда одно	Дни здесь приятны! О как ласкает пустыня лесная!
Waldeinsamkeit.	Мне наслажденье —	Где ты, родная пустыня лесная? Далёко-далёко!
	Уединенье.	Горе в душу вина заронила глубоко, глубоко.

Простенькая песня Тика об уединении-наслаждении определяет в повести её колорит — «ворожбу колорита» (*Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 261). У Жуковского она превращается в своеобразную маленькую балладу о светлой, чарующей жизни в «пустыне лесной» и невозможности счастья для человека, отягощённого трагической виной. Тема вины-рока, господствующая в повести Тика и волновавшая Жуковского в 1830-е гг. (баллады, опыт перевода трагедии рока «Двадцать четвёртое февраля» Захарии Вернера — см.: Лебедева. С. 125—132), получает в этом переложении новое развитие. На пути Жуковского к повествовательной, «безрифменной поэзии» работа над «Белокурым Экбертом» была этапной: сказовый гекзаметр получил свою прописку при переложении поэзии на язык поэзии.

Ст. 1. ⟨...⟩ в тёмной долине лесистого Гарца... — Гарц (Harz) — горы в Германии с известной вершиной Броккен.

Ст. 4. Все от того называли его белокурым Экбертом. — Так же переводит заглавие повести и имя героя А. А. Шишков; более того, он определение вводит в состав имени, подчёркивая это заглавной буквой («которого обыкновенно звали Белокурым Экбертом» — МВ. 1830. Ч. 2. С. 119). Возможно, Жуковский в своей номинации повести исходил из этого опыта. Не случайно заглавие в автографе написано сразу же чернилами, без карандашного варианта.

Ст. 7. ⟨...⟩ *редко захаживал гость в их пустыню...* — Такое обозначение Жуковским топоса (ср. также ст. 5: «... *отшельник // В дикой степи...*») вполне самостоятельно: у Тика оно отсутствует. Любопытно, что Жуковский опускает в своём переложении понятие «меланхолия», столь важное для него впоследствии. Ср. у Тика: «*bemerkte man an ihm ⟨...⟩ eine stille zurückhaltende Melancholie*»; у Шишкова: «в нём замечали какую-то замкнутость, какую-то тихую, сдержанную меланхолию». Появление почти одновременно с переложением повести Тика перевода стихотворения Мильтона «Прочь отсель, Меланхолия...» (см. Т. 2 наст. изд.) позволяет прояснить эту позицию переводчика.

Ст. 8. ⟨...⟩ *назывался он Вальтер.* — У Тика и в переводе Шишкова: Филипп Вальтер (Philipp Walther).

О. Лебедева, А. Янушкевич

⟨Военный суд на Мальте⟩
 («Был вечер тих, и море голубое...»)
 (С. 319)

Автограф (ПД. № 27767. Л. 1 об. — 2) — черновой, карандашом, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: РЛ. 1982. № 2. С. 159—160. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации, с уточнением датировки.

Датируются: предположительно первая половина 1834 г.

Текст поэтического наброска записан Жуковским сразу же вслед за переложением повести Л. Тика «Белокурый Экберт» (см. примеч. в наст. томе), беловой вариант которого датируется 2 февраля 1833 г.

Как удалось установить, источником для наброска «Был вечер тих, и море голубое...» является прозаический рассказ «Subordination» («Субординация») из английского «Военно-морского журнала» (The Naval and Military Magazine. London, 1828. Vol. IV. Sept.-Decem. S. 290—302 — с подписью: С.F.G. За предоставление материалов этого журнала, отсутствующего в российских библиотеках, наша огромная благодарность Антонию Глассе). В журнале «Телескоп» (1834. Ч. 19. № 8. С. 499—520. Ц. р. — от 23 февраля 1834 г.) был опубликован его русский перевод под заглавием: «Военный суд на острове Мальте», с подзаголовком: «Быль» и указанием на источник: «Naval and Military Magazine», но без имени автора и переводчика. Разыскания В. И. Симанкова (за сообщения о их результатах мы приносим ему искреннюю благодарность) позволяют уточнить проблему источника и автора, скрывшегося в журнале по инициалами С.F.G. Это рассказ «Subordination» («Воинская дисциплина») английской писательницы Кэтрин Грейс Фрэнсис Гор (Cathrine Grace Frances Gore; 1799—1861), автора около 70 романов. Позднее рассказ вошел в анонимно изданный сборник «Romances of Real Life. By the author of „Hungarian Tales“». Vol. II. N. Y., 1829. P. 184—197.

Осмывая характер литературной продукции «Телескопа» этого времени, Н. И. Мордовченко замечает: «Английская литература оставалась в журнале не-

сколько в стороне до 1834 г., когда после Ункиар-Искелесского договора (1833) в воздухе запахло русско-английской войной. В 1834 г. в «Телескопе» оживает настоящему интерес к английской литературе...» (Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. Л., 1950. С. 356). Заметим, что в одном номере с «Военным судом на острове Мальте» был напечатан очерк «Воскресенье в Лондоне» из «New Monthly Magazine».

Любопытно, что одним из постоянных переводчиков в «Телескопе» был И. В. Проташинский, который, по словам Н. Ф. Павлова, «перевел более, чем Вольтер написал». Известно, что он в течение некоторого времени замещал в «Телескопе» Н. И. Надеждина, редактора журнала. И. В. Проташинский был сыном В. А. Проташинского, сводного брата М. А. Протасовой, и находился в дальнем родстве с Жуковским.

Рассказ «Субординация» неизвестного автора — незамысловатая история о судьбе благородного солдата Франка Виллиса, поднявшего руку на старшего по чину капитана Мажанди, покусившегося на честь его жены, прекрасной и добродетельной Бесси. Несмотря на все усилия офицеров полка, защищавшего своего товарища, судьба Франка Виллиса была решена военным судом: он приговорен к смертной казни. Его жена, оставив сиротой маленького сына, умирает, не выдержав выпавших на нее испытаний. Эпиграф из Байрона, который был сохранен и в переводе на страницах «Телескопа»: «He died, as erring man should die, // Without display — without parade!» («Он умер, как должен умирать всякой, без суетности, без бравады!» — англ.), передает пафос всего рассказа, в центре которого история мужества и благородства, нравственного достоинства человека, идущего на смерть за свои убеждения.

Интересно, что прозаический перевод в «Телескопе» начинается именно с той части текста подлинника, что и переложение Жуковского: «В один прекрасный вечер, в августе, группа молодых офицеров, коих лица изображали живейшее беспокойство, собрались на большом плац-параде Валетты». Достаточно пространное общее рассуждение об английском судопроизводстве было проигнорировано переводчиком. Еще любопытнее то, что у русских интерпретаторов английского текста действие из «средиземноморского города» перенесено на Мальту, в Валетту. Представляется, что это далеко не случайно: набросок стихотворного переложения «Был вечер тих...» Жуковского и перевод в «Телескопе» связаны между собой. Не имея никаких документальных подтверждений, можно высказать предположение, что именно прозаический перевод «Военный суд на острове Мальте» стал источником стихотворного переложения Жуковского. Как это нередко бывало в 1830-е гг., он, заинтересовавшись произведением, написанным прозой, решил переложить его в стихи. Так как восьмой номер «Телескопа», вышедшего в 1834 г. еженедельно, появился в самом начале марта, то, вероятно, в первой половине этого же года Жуковский и начал свой перевод.

Жуковского привлекла нравственная проблематика «были», ее документальная основа. Тема несправедного суда органично вписывается в атмосферу декабристских событий (накануне десятилетия со дня восстания) и общественно-философских размышлений Жуковского в связи с его работой над «Запиской о Н. И. Тургеневе», в контекст его творческих поисков 1830-х гг. («Торжество победителей», «Суд в подземелье», «Суд Божий», «Суд Божий над епископом»). Не исключено, что эта тема актуализировалась в сознании Жуковского в связи с событиями отставки А. С. Пушкина, развернувшимися 25 июня — 6 июля 1834 г. Днев-

никовые записи от 30 июня — 6 июля свидетельствуют о его душевном смятении и драматизме сложившейся ситуации, понимании опасности ссоры Пушкина с Николаем I (об этом подробнее см.: *Иезуитова Р. В.* Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 219—247). Если это предположение реально, то время переложения можно конкретизировать и отнести к концу июня — началу июля 1834 г. Быль «Военный суд на острове Мальте» дополняла размышления поэта о несправедном суде и самостоянии человека, обострившиеся именно в это время.

Белый пятистопный ямб, который Жуковский использовал в своем переложении, любопытно соотносится с гекзаметром «Белокурого Эжберта», четырехстопным ямбом «Элены и Гунтрама». Поэт ищет свой размер для «повествовательной поэзии», экспериментируя с переложением на язык поэзии различных образцов западноевропейской прозы: романтическая новелла, рейнское сказание, документальная быль.

О. Лебедева, А. Янушкевич

⟨Фридрих и Гела⟩
(«Рыцарь Фридрих Барбаросса...»)
(С. 320)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 6 об. — 7) — черновой набросок, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 108 (ст. 1—5).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 2. С. 511. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации.

Датируется: между 8 (20) октября 1841 г. и началом июля 1842 г.

Основанием для датировки наброска является его положение в рукописи: ему предшествуют черновики стихотворений «Всесилен Бог» и «Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича Щётку...» — с датой: 8 (20) октября 1841 г.; после него идут черновые варианты стихотворения «1 июля 1842», написанного 22 июня — 4 июля 1842 г. В промежутке работы над этими произведениями Жуковский, по всей вероятности, и набросал 30 стихов приводимого текста.

Источником его явилось прозаическое рейнское сказание «Friedrich und Gela». В библиотеке поэта сохранилось три издания немецких сказаний, содержащих эту историю:

1) Sagen aus den Gegenden des Rheins und des Schwarzwaldes. Gesammelt von D. Aloys Schreiber. Heidelberg, 1829 (Описание. № 2074).

2) Rheinsagen aus dem Munde des Volkes und deutscher Dichter. Für Schule, Haus und Wanderschaft. Zweite Auflage. Von K. Simrock. Bonn, 1837 (Описание. № 2767).

3) Rheinlands Sagen, Geschichten und Legenden. Herausgegeben von Alfred Reumont. Köln und Aachen, s.a. (Описание. № 1937).

Во всех изданиях сказание отмечено Жуковским в оглавлении, а в списке творческих замыслов под общим заглавием: «Рейнские сказания» читаем: «Гела» (РНБ. Оп. 1. № 40, оборот последнего нумерованного листа).

Это одно из известнейших рейнских сказаний, посвящённых легендарному Фридриху Барбароссе (ок. 1125—1190), германскому королю и императору Священной Римской империи. Сюжет его таков: молодой принц Фридрих Гогенштауфен горячо полюбил простую девушку Гелу, дочь кастелана, и предложил ей быть его женою. Но она отказалась, благословив рыцаря на великие подвиги, о которых он мечтал. Верность ему Гела пронесла через всю свою жизнь. Всегда помнил её и Фридрих, вскоре ставший знаменитым рыцарем Барбароссой. И когда в очередной раз он пришёл просить руку Гелы, то узнал, что в одеянии монахини она пошла по его следам в Палестину, чтобы оказывать помощь нуждающимся. Долго искал её Фридрих, но так они больше и не встретились. В её честь Барбаросса основал город Гелагаузен. Память о любви Фридриха и Гелы пережила их и стала легендой. Прозаический пересказ см.: Рейнские легенды Е. Балобановой. СПб., 1897. С. 15—18.

Из сравнения переложения Жуковского с различными вариантами рейнского сказания «Фридрих и Гела» становится очевидно творческое отношение поэта к материалу. В целом следуя версии Альфреда Реймонта, Жуковский тем не менее сделал перевод фрагмента более концентрированным, убрав лишнее и подчеркнув всё то, что было необходимо для дальнейшего действия. Уже в этой предыстории поэт высвечивает облик будущего императора, обещавшего быть «красой и честью века». Вместе с тем в его характеристике он своей излюбленной поэтической формулой подчёркивает то, что определит нравственный облик героя: «Он прекрасен был лицом, // Но душа ещё прекрасней» (ср. в балладе «Эолова арфа»: «Душа же прекрасней и прелестей в ней»).

Но, видимо, поэт не в меньшей степени интересовал облик и судьба героини. Ведь не случайно в списках это рейнское сказание имеет заглавие «Гела». История любви великого императора и обыкновенной девушки, запечатленная в народных преданиях, была для Жуковского больше чем легендой. Он в ней увидел воплощение своей мечты о равенстве людей всех сословий и о монархе, носителе этой идеи.

В эстетическом аспекте данный набросок интересен прежде всего как ещё один опыт переложения прозаического сказания на язык поэзии. Как и в другом переложении рейнского сказания «Карл Великий дал однажды...» (см. примеч. ниже), Жуковский использует здесь размер испанских романсов — четырёхстопный хорей.

А. Янушкевич

«Карл Великий дал однажды...»

(С. 321)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 11 об. — 12 — черновой, ст. 1—48, без заглавия.

2) ПД. № 27774. Л. 1—1 об. — черновой, ст. 49—78.

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 120 (ст. 1—6).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 2. С. 513—515. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации.

Датируется: 11 (23) — 17 (29) марта 1843 г.

По местоположению в рукописи автографа первых восьми стрóf (набросок находится между стихотворением «Завидую портрету моему» и повестью «Маттео Фальконе») он может быть точно датирован (см. выше). Что касается остальных пяти стрóf, написанных на отдельном листке и представляющих необработанный черновой набросок, конец которого читается с большим трудом, то о точной его датировке говорить невозможно, но, вероятно, работа над продолжением проходила в непосредственной хронологической близости к первому фрагменту.

Как и в случае с «Эленой и Гунтрамом», «Фридрихом и Гелой» (см. примеч. в наст. томе), Жуковский вновь обращается к стихотворному переложению одного из прозаических рейнских сказаний. В сборниках «Рейнских сказаний» Альфреда Реймонта и Карла Зимрока, близких по времени выхода в свет к 1843 г. и находящихся в личной библиотеке поэта (см. примеч. к повести «Фридрих и Гела»), есть легенда под заглавием «Der Münsterbau zu Aachen» («Строительство церкви в Аахене»), основные мотивы которой использованы Жуковским (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 515—516).

Характерно, что в многочисленных списках этого времени, где приводятся заглавия произведений, предназначенных Жуковским для перевода-переложения, он специально выделяет как некий поэтический цикл «Рейнские сказания», а в их составе постоянно называет эту легенду, меняя её заглавие. Сначала это просто «Предание о Карле Великом», затем «Карл Великий и Вор», «Карл Великий и Разбойник» (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 2; Оп. 1. № 40, об. последнего листа). Думается, что слова «Вор» и «Разбойник» в названиях — своеобразные фольклорные эвфемизмы в обозначении Сатаны.

Жуковский отмечает сказание о строительстве аахенской церкви в сборниках Реймонта и Зимрока. Но ни в одном из них не обнаруживается эпизод, получивший разработку в переложении Жуковского. Жуковский из них мог почерпнуть конкретный материал для создания перехода от преамбулы (сообщения о замысле Карла Великого) к основной части повествования (история строительства церкви и происки Сатаны). Во всяком случае разработанный поэтом эпизод органично вписывается в общую ткань рейнского сказания.

Сам характер переложения: использование «эпического размера испанских романсов» (в этом отношении набросок развивает ритмику отрывка «Фридрих и Гела»), членение на стрóфы, событийность, подчёркнутая многочисленными обстоятельствами времени и места, — свидетельствует об экспериментах Жуковского в области сближения прозы и поэзии.

А. Янушкевич

Чаша слёз

(«Раз матушка свою любила дочку...»)

(С. 323)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 50 об.) — черновой набросок, с заглавием: «Чаша слез» («Кувшин слез» — зачеркнуто), без даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Кн. 1—2. № 9. Стб. 1703.

Печатается по РА, со сверкой по автографу.

Датируется: между 6 (18) апреля и 4 мая н. ст. 1845 г.

Основанием для датировки текста является его положение в рукописи, где автографы произведений находятся в хронологическом порядке. Наброску предшествует «Сказка о Иване-царевиче...» — с датой в конце: 6 (18) апреля 1845 г. За ним следует фрагмент переложения повести Л. Тика «Альфы» (см. ниже) — с датой: «4 мая н. ст. 1845 г. (Бумаги Жуковского. С. 121). В промежутке между ними и возник набросок под заглавием «Чаша слез».

Незаконченный черновой набросок (объемом в 20 стихов) обрывается буквально на полуслове. Можно предположить, что это — переложение (возможно, прозаического) текста, скорее всего, немецкого автора. На эту мысль наталкивает контекст «Чаша слез»: в декабре 1844 г. Жуковский закончил работу над «Двумя повестями», в конце марта 1845 г. — над сказкой «Тюльпанное дерево» (см. комментарий этих произведений).

И. А. Айзикова

Альфы

(«Где Лилия? Спросил отец. Она...»)

(С. 324)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 51) — черновой набросок, с заглавием: «Альфы» и датой: «4 мая».

При жизни Жуковского не печаталось и в посмертные собрания сочинений не входило.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 121 (ст. 1—5).

Впервые полностью: РЛ. 1982. № 2. С. 162. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту этой публикации.

Датируется: 4 мая 1845 г.

Среди рукописей поэта, относящихся к середине 1840-х гг., есть и неизвестные еще наброски произведений, включенные в тетрадь с характерным заглавием: «Повести в стихах». Наиболее интересный среди них — начало переложения прозаической повести немецкого романтика Людвиг Тика «Die Elfen». Эта повесть, как и «Белокурый Экберт» (см. примеч. в наст. томе), предназначалась Жуковским для перевода еще в 1817 г. (см. письмо к Д. В. Дашкову // РЛ. 1868. № 4—5. Стб. 842). Затем ее заглавие (у Жуковского — «Альфы») неоднократно появлялось в списках произведений 1830-х гг. И только в середине 1840-х гг., готовя сборник «Повестей для юношества», Жуковский начал стихотворное переложение этой повести из сборника «Фантазус» Л. Тика.

Автограф переложения находится среди датированных произведений, работа над которыми проходила в 1845 г., что и позволяет отнести авторское указание: «4 мая» к 1845 г.

Текст подлинника, послуживший основой для перевода, находится в 15-ти томном берлинском собрании сочинений Л. Тика 1828—1829 гг., экземпляр которого сохранился в личной библиотеке поэта (L. Tieck's Schrifften. Bd. 4. Berlin, 1828. S. 365—366. См.: Описание. № 2262). Пометы Жуковского в этом томе свидетельствуют о его обращении именно к этому изданию.

Сравнение соответствующего отрывка повести Тика с переложением Жуковского (подробнее см.: РЛ. 1982. № 2. С. 162—163) позволяет говорить о том, что переводчик сохраняет основные моменты сюжета (изменены только имена героев: Лилия вместо Марии, Руфин вместо Андреаса, Дора вместо Бригитты), но стремится к большей объективности повествования. Это достигается за счет определенной детализации, а также переложения прямой речи героев в авторское повествование. Описательное начало занимает важное место в стихотворных переложениях Жуковского этого периода. Этому способствовал белый пятистопный ямб, избранный Жуковским.

Повесть-сказка Тика «Die Elfen», с ее атмосферой таинственности и романтических приключений, вполне вписывалась в концепцию воспитательного эпоса позднего Жуковского.

До Жуковского повесть Тика прозой перевел А. А. Шишков.

О. Лебедева, А. Янушкевич

Проданное имя

(«Давным давно, а как давно, о том...»)

(С. 325)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 56 об. — 57 об.) — черновой, с заглавием и датами: «6 и 7 мая».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 123—124 (ст. 1—20, 40—63, 133—149).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 138—140.

Печатается по ПСС, со сверкой по автографу.

Датируется: 6—7 мая н. ст. 1847 г.

Черновой автограф наброска повести «Проданное имя» находится в тетради (в 4-ю долю листа, в которой исписаны 59 листов), содержащей черновые редакции произведений 1843—1847 гг. (от «Маттео Фальконе» до «Рустема и Зораба»). Все записи сделаны в хронологическом порядке.

Автографу «Проданного имени» предшествует работа над 8-й главой «Рустема и Зораба» — с датой: «7 марта 1847». Не завершив работу над повестью, Жуковский продолжает переложение повести Рюккерта (л. 58, 59). Все это позволяет датировать наброски повести «Проданное имя» 1847 г., с учетом конкретных указаний Жуковского в тексте: «6 и 7 мая». Как известно, все произведения, написанные за границей, Жуковский датировал новым стилем.

П всей вероятности, сюжет повести восходит к распространенному в литературе европейского романтизма мотиву продажи своего имени Сатане, но никаких реальных параллелей к наброску Жуковского обнаружить пока не удалось.

А. Янушкевич

«Часто в прогулках моих одиноких мне попадался...»

(С. 329)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 26. Л. 138—140), черновой, без заглавия и даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 77—78.

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: середина 1840-х гг. (около 1845—1847 гг.).

Автограф наброска «Часто в прогулках моих одиноких мне попадался...» находится в папке, озаглавленной Жуковским: «Сочинения» и содержащей отдельные листы с произведениями разных лет. В хронологическом порядке листы были размещены И. А. Бычковым и распределены в два отдела: а) произведения изданные и б) произведения неизданные (см.: Бумаги Жуковского. С. 56, 59). Бычков считал, что данный набросок, «судя по почерку», «писан в сороковых годах» (Там же. С. 77).

Вслед за автографом этого наброска находится 76 стихов «Повести о войне Троянской»: «Время настало вершиться судьбам Илиона...», относящейся к июлю 1846 г. (см.: БЖ. Ч. 2. С. 540). Скорее всего, работа над отрывком велась одновременно с другими повестями 1845—1847 гг. Более точных оснований для датировки обнаружить не удалось.

Трудно сказать что-либо определенное о содержании наброска. Вполне возможно, что он имел документальную основу, но скорее всего у него был неизвестный литературный источник.

А. Янушкевич

⟨Первое переложение Апокалипсиса⟩

(«...И в оном сне видения стеснились...»)

(С. 330)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 76. Л. 1—9 — черновой, писанный при помощи особой машинки карандашом, ст. 1 — 213.

2) РНБ. Оп. 2. № 4. Л. 27—48 об. — черновой, писанный камердинером Василием Кальяновым под диктовку Жуковского, правка частично рукою Жуковского, ст. 1—827.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 148—149 (ст. 1—6).

Впервые полностью: Странствующий жид. Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. (С. И. Пономарева). СПб., 1885 (Сборник ОРЯС. Т. 38. № 2).

Печатается по тексту этой публикации, со сверкой по рукописи.

Датируется: 7 сентября — 13 ноября 1851.

Стихотворное переложение Апокалипсиса предназначалось для поэмы «Странствующий жид», но было заменено более коротким вариантом (подробнее об этом см. примеч. к поэме «Странствующий жид» в наст. томе). Датируется по пометам в рукописи 7 сентября — 13 ноября 1851 г. В ноябре 1851 г. Жуковский писал про-тоиерею Иоанну Базарову: «Помогите моему невежеству, напишите вкратце, как изъясняет наша церковь или наши церковные писатели главные видения Апокалипсиса? Это мне весьма нужно, для чего — скажу после; но вы весьма меня обяжете, если просветите мое невежество. Смысл главных видений апостола мне нужен в поэтическом отношении» (Цит. по: Пономарев. С. 8).

Насколько известно, книга Откровения Иоанна Богослова до этого никогда не была предметом специального внимания Жуковского. Отзвуки тем и образов Апокалипсиса, которые можно найти в его творчестве до 1840-х годов, попадают туда через тексты-посредники (например, «Аббадона» Клопштока, «Деревенский сторож в полночь», «Гленность» Гебеля и т. п.), к самой книге Откровения они имеют отношение весьма косвенное. Нельзя считать серьезной разработкой сюжетов Апокалипсиса и игривое использование их в арзамасской галиматье (см. *Проскурина О.* Новый Арзамас — Новый Иерусалим // НЛО. 1996. № 19. С. 73—128).

Эсхатологические настроения, столь распространенные в александровскую эпоху, когда «очень многим казалось, что живут они уже внутри сомкнувшегося Апокалиптического круга» (*Флоровский Г.*, протоиерей. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С. 129), не затронули Жуковского. Поразившие поэта революционные события 1840-х годов также не сплетались перед ним в апокалиптическую картину. Вообще, для него личная эсхатология, эсхатология души, воспринималась острее, чем историческая. Поэтому характерно, что обращение Жуковского к Апокалипсису оказалось связано с работой над поэмой «Странствующий жид», для главного героя которой — Агасфера — эти две эсхатологии совпадают (в силу того что его земная жизнь может закончиться лишь вместе с земной историей человечества). Тема Апокалипсиса связана и с фигурой Наполеона, вызывавшей в свое время устойчивые апокалиптические ассоциации, и, конечно же, с образом Тайнозрителя — апостола и евангелиста Иоанна Богослова, введенными Жуковским в художественное пространство поэмы.

Жуковский не ставит перед собой цели дать толкование Апокалипсиса. Он делает именно его стихотворное переложение, пересказ. Но это пересказ не буквальный. После краткого вступления (ст. 3—6) Жуковский, опуская обращения к семи Асийским церквам (2 и 3 главы Апокалипсиса), сразу переходит к 4 главе и описывает картину «небесной Литургии» — таинственных животных и старцев, предстоящих престолу Божию. Это описание органично входит в литургическую линию поэмы, переключаясь, например, с описанием Божественной Литургии в ст. 1444—1477. Далее Жуковский следует тексту Книги Откровения с незначительными пропусками. Он опускает большую часть того, что относится к личности самого Тайнозрителя: видения Апокалипсиса в поэме созерцаются не Апостолом, а Агасфером, хотя и являются своеобразной визуальной транскрипцией рассказа Апостола, который Агасфер слышит во сне. Так, например, перелажая 10 главу, Жуковский пропускает стихи 3, 8—11, содержащие диалог между Ангелом и Тайнозрителем. Пропускает он и первые 14 стихов 12 главы: здесь описывается не видение, а слышимое Тайнозрителем пророчество. О специфике отбора материала может дать наглядное представление план, сохранившийся в архиве Жуковского (автограф № 2; нумерация стихов принадлежит Жуковскому):

- 866—887 Трон. Двадцать четыре старца. Животные.
 - 888—912 Книга. Седьмь печатей. Агнец. Песнь всего творенья.
 - 914—951 Снятие семи печатей. Четыре коня. Землетрясение повсюду.
 - 952—985 Четыре Ангела. Седьмая печать. Семь труб. Ангел с кадильницею.
- Первая труба. Огонь и град. 2-я труба. Море в кровь. 3-я труба. Звезда на потоки. 4-я труба. Мрак. 5-я труба. Звезда. Ключ от бездны. Саранча.

1052 6-я. Четыре Ангела на Ефрате. Ангел на море и на земле. 7-я труба. Явление храма. Хвалебная песнь. Явление жены и зверя. Архангел Михаил. Низвержение дракона.

117 Явление зверя. И после него другого зверя.

1150 Явление Агнца. Голос с неба. Пение перед троном. Ангел с Евангелием. Ангел, возвещающий падение Вавилона. Ангел, возвещающий горе. Горе поклонникам зверя.

1187 Зрение сына человеческого. Жатва. Семь последних язв. Семь чаш гнева. Гной. Море в кровь. Воды в кровь. Опаление людей зноем. Трон звериный покрытый тьмою. Ефрат. Чаша на воздух. Совершилось. Разрушение Вавилона.

1266 Жена-блудница на звере. В блеске с небес. Будущая казнь блудницы. Всеобщая Аллилуйя.

1453 Витязь на белом коне. Жезл железный. Ангел, скликающий птиц. Низвержение зверя и его войска.

1494 Дракон окован Ангелом на тысячу лет. Тысячелетнее царствие. Первое воскресение.

1538 Белый трон. Разогнутая книга жизни. Суд. Смерть и ад. Низвержение в озеро. Новая земля и новое небо. Новый Иерусалим с неба. Скинния Бога. Живые и мертвые. Книга животных. Море, возвращающее мертвых. Низвержение ада и смерти. Вторая смерть. Новое небо и земля.

1560 Нисходящий новый Иерусалим с неба. Всякая слеза стерта. Двенадцать оснований. Град без храма самосветлый. В нем одни записанные в книгу жизни. Река воды живой и древо жизни. Лицезрение Божие.

1563 Глас говорящий.

1566 Жить с ними. Бог. Скинния.

1568 Сотрет всякую слезу. ни скорби, ни смерти.

1571 Прежнее миновалось.

1573 Совершилось.

1626 Храма я не видал.

1627 Бог Храм и Агнец, солнце и звезды не нужны.

1635 Ночи не будет.

1638 Не войдет ничто нечистое.

1642 Река воды живой от престола Божия.

1646 Древо жизни.

1653 Лице Божие.

1657 Господь им светом будет.

1667 Подходит время.

Довольно трудно однозначно ответить на вопрос о том, с какого текста делал Жуковский свое переложение. Еще в 1844—1845 гг. он выполнил перевод Нового Завета с церковнославянского на русский язык, и можно было бы думать, что именно этот перевод ляжет в основу стихотворного переложения Апокалипсиса. Но в целом ряде случаев Жуковский следует не собственному переводу Нового Завета, а переводу, изданному Российским Библейским обществом (далее: РБО). Так, в ст. 118—119 (Откр. 8, 2—3) Жуковский использует слово «жертвенник», которым в переводе РБО передано греч. τὸ θυσιαστήριον, в то время, как в переводе Нового Завета у Жуковского стоит, как и в церковнославянском — «алтарь». В ст. 130—131

(...вся трава // Зеленая сгорела) (Откр. 8, 7) Жуковский опять следует не своему переводу, в котором сохраняется церковнославянское слово (трава злачная), а переводу РБО: «вся трава зеленая (χλωρός) сгорела».

В целом создается впечатление, что, взяв за основу русский текст РБО, Жуковский учитывал и славянский текст (в том числе и через свой славянизированный перевод), а также, вероятно, и немецкий (Люгера), и французский (де Саси) переводы. О том, что Жуковский внимательно читал новозаветные тексты на немецком и французском языках, свидетельствуют многочисленные пометы в изданиях Библии и Нового завета в переводе Люгера и де Саси, сохранившиеся в его библиотеке (Описание. № 661, 663, 1768). Впрочем, использование этих последних было, очевидно, затруднено тем, что Жуковский не мог из-за болезни глаз читать самостоятельно, и в своих письменных трудах должен был пользоваться услугами камердинера Василия Кальянова, который служил «и глазами для чтения, и рукою для письма» (*Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия. 1979. Л., 1980. С. 71), но, кажется, не читал в достаточной степени ни по-французски, ни по-немецки.

Лексика и синтаксис стихотворного переложения Апокалипсиса значительно славянизированы. В то же время некоторые употребляемые Жуковским термины выпадают из церковнославянской традиции. Самый яркий пример — употребление вместо «престол» — «трон» и вместо «венец» — «корона» (напр., в переложении 4 главы Апокалипсиса (ст. 10—25)). В отличие от традиционно используемых в русских переводах церковнославянизмов «престол» и «венец» эти слова, заимствованные западным путем, имеют совсем иной, не связанный со священными текстами, круг ассоциаций (несмотря на то, что «трон» этимологически восходит в конечном итоге к греческому θρόνος, употребляемому в данном месте Священного Писания). Особенно ощутима для смыслового контекста потеря слова «венец» (οτέφανος) с его глубокой символика награды за победу, тернового венца Христова и знака царского достоинства.

Цель реального комментария не в том, чтобы дать свод толкований на образы Апокалипсиса, но в том, чтобы показать своеобразие его стихотворного переложения Жуковским. Тем не менее в ряде случаев для решения этой задачи необходимо толкование самих новозаветных текстов. В этом случае мы прибегаем чаще всего к комментариям Архиепископа Андрея Кесарийского, который был и остается наиболее авторитетным православным изъяснителем книги Откровения. Поскольку сам Жуковский, как видно из его письма к Базарову, стремился поверить свое понимание Апокалипсиса церковным, этот выбор представляется оправданным. Цитаты из текста Апокалипсиса приводятся не в Синодальном переводе (еще не существовавшем при жизни Жуковского), а в переводе Российского Библейского общества по изд.: Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. Репринтное воспроизведение издания 1824 г. — М.: Российское Библейское Общество, 2000. Цитаты из Нового Завета в переводе Жуковского приводятся по изданию: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского. Берлин, 1895. Греческий текст (кроме оговоренных случаев) приводится по Textus resertus. Церковнославянский — по Елисаветинской Библии, которой, очевидно, пользовался Жуковский (Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Российское Библейское Общество, 1993 — репринт издания 1900 г.).

Ст. 7—11. ...И увидел я, что Некто // В одежде длинной, с поясом златым, // Как пламень солнечный лицом, семь звезд // В деснице, и двустрый меч из уст, // Сидел на троне... — Жуковский, описывая Сидящего на престоле, пользуется стихом из первой главы (Откр. 1, 13). Он не учитывает, что этот стих относится к Подобному Сыну человеческому, т. е. ко Второму Лицу Пресвятой Троицы — Сыну Божию, воспринявшему человеческую природу, в то время, как в 4-й главе, которую здесь перелагает Жуковский, речь идет о Первом Лице. «Так как в этом видении (Тайнозритель. — Д. Д.) представляет Отца, то не придает Ему, как прежде Сыну, признаков телесного образа, но уподобляет и сравнивает Его с драгоценными камнями», — поясняет Архиепископ Андрей Кесарийский (Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, Архиепископа Кесарийского. Иосифо-Волоколамский монастырь, 1992. С. 36). «И сей сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду» (Откр. 4, 3).

Ст. 11—12. ... И четыре трон // Животных на хребте держали... — Жуковский несколько снижает и заземляет образ таинственных животных. У него появляется даже такая «физиологическая» подробность, как то, что они «держат» трон «на хребте». Согласно тексту Откровения эти существа огнюдь не «держат» престол Божий, они находятся «посреди престола и окрест престола» (Откр. 4, 6, в пер. Жуковского = цсл.). В греческом подлиннике здесь стоит слово *ζῶα* (цсл. **животное**, рус. животное; ср. 1 главу Книги пророка Иезекииля), «а это название *ζῶα*, отличаясь от *θηρίον*, употреблялось почти всегда греческими писателями в благородном значении, т. е. для обозначения таких существ, которые по своей природе стоят не ниже человека. Поэтому, хотя живые существа, виденные св. Иоанном и имели некоторые внешние черты животных, но они по своей природе не были, конечно, животными» (Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса. Сост. М. Барсов. Б. м.: Издательская группа Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря «Скит», б. г. С. 170) (ср. перевод этого места в Новой Иерусалимской Библии: four living creatures), так что снижение и «физиологизация» их образа вряд ли оправданы. Несколько отступает Жуковский от текста Священного Писания и в описании внешнего облика *ζῶα*. «И были крылья их могучими очами покрыты», — пишет он. В Апокалипсисе говорится, что очами были покрыты не их крылья, но «каждое из животных ... было внутри преисполнено очей» (Откр. 4, 8), было «с очами бесчисленными спереди и сзади» (Откр. 5, 6), что, по выражению прот. С. Н. Булгакова, является «символом высшей созерцательности в лицеизрении Божию» (Булгаков С., протоиерей. Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования). М.: Православное братство трезвости «Отрада и утешение», 1991. С. 43).

Ст. 24—25. ...все пред горним троном двадцать // Четыре старца падали на землю... — Откр. 4, 10: «тогда двадцать четыре старца падают пред сидящим на престоле, и поклоняются живущему во веки веков». Выражение «падают на землю» в описании небесного, «горнего» видения представляется не совсем удобным (см. далее и ст. 52). Престол Тайнозрителем видится именно на небе: «После сего я взглянул, и се дверь отверста на небе...» (Откр. 4, 1), «и тотчас я был в духе: и се, престол стоял на небе» (Откр. 4, 2), «и вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я двадцать четыре старца сидевших...» (Откр. 1, 4).

Ст. 34—35. Пред Тем, Кто восседал на горнем троне, / Среди животных и венчающих старцев, / Стал... — Не совсем точная передача Откр. 5, 6. В Апокалипсисе «поло-

жение Агнца дано странно-неуклюжей семитической фразой, буквально гласящей: «посреди престола и четырех животных и посреди старцев». Эта фраза подчеркивает, что Агнец в центре, но при этом никак не отрицает и центральность положения Сидящего на престоле» (*Гиблин Ч. Открытая книга пророчеств // Символ 1993. № 30. С. 66*).

Ст. 36—37. ...*седмирогий, седмиокий Агнец, // Как бы закланный...* — Откр. 5, 6. Агнцем в Апокалипсисе именуется Господь Иисус Христос. Ветхозаветный пасхальный агнец — наиболее полный ветхозаветный прообраз Христа: «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5, 7) (см. Ин. 1, 29; Ин. 19, 36; 1 Петр. 1, 19). Ветхозаветная Пасха — спасение из египетского рабства — совершилась кровью агнцев, принесенных в жертву в ночь перед исходом из Египта, новозаветная Пасха — спасение из рабства греху и смерти — совершилась Кровью Христа, принесшего себя в жертву за грехи мира. Число семь означает полноту и совершенство.

Ст. 39. ...*арфы были в их / Руках...* Цсл. **гусли**, то же слово используется и в известных нам русских переводах, включая перевод Жуковского: гусли. В греч. подлиннике *κίθαρα* (Откр. 5, 8), т. е. кифары. Возможно, в данном случае Жуковский основывался на немецком переводе Лютера: *Harfen* или французском переводе де Саси (*argres*).

Ст. 40—42. ... *С них же // Святыя молитвы, дымом фимиама // Благоухая, к трону подымались...* — Жуковский довольно значительно развивает образ Апокалипсиса, в тексте которого стоит просто: «...имея каждый гусли и чаши золотые, полные фимиама, кои суть молитвы святых» (Откр. 5, 8).

Ст. 49—52. ...*Сидящему на горнем троне / Воспело, в песнь одну слиясь: «Тебе благословенъ, слава и держава / Во веки!»...* — В тексте Откровения указывается, что славословие воссылается не только Сидящему на престоле, но и Агнцу: «Сидящему на престоле и Агнцу благословение, честь и слава и держава во веки веков» (Откр. 5, 13). Жуковский опускает вообще все славословия Агнцу, о которых говорится в этой главе (Откр. 5, 9—10; Откр. 5, 12).

Ст. 100. ...*двенадцати колен...* — Т. е. двенадцати колен Израилевых (см.: Откр. 7, 4—8).

Ст. 101. *Запечатленъ той живою печатью...* — Новый Завет не знает выражения «живая печать». Имеется в виду «печать живого Бога» (ст. 98; Откр. 7, 2). Выражение «живой Бог» представляет собой устойчивое словосочетание, многократно встречающееся и в Ветхом, и в Новом Завете.

Ст. 103. *Бесчисленность людей из всех народов // И поколений...* — В тексте Откровения в данном случае употребляется слово *φυλή*, которое обозначает не поколение, а род, «колена». Тем не менее, смысл стиха в передаче Жуковского сохраняется, ибо речь здесь идет именно о людях из разных поколений человеческого рода. Белоризцы, по толкованию Архиепископа Андрея Кесарийского, «это суть те (...), которые прежде мужнически пострадали за Христа и из всякого колена и племени имеющие в последние времена с мужеством принять страдания» (Св. Андрей Кесарийский. С. 59—60). «Это — вселенская Церковь мучеников всех времен, племен и народов» (прот. С. Булгаков. С. 65).

Ст. 107—109. ... *Тут все четверо животных, / Все старцы и всех ангелов кругом / Стоявших, легионы — пали ниц...* — В Апокалипсисе говорится о том, что ниц пали лишь ангелы: «и все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали пред престолом на лица свои, и поклонились Богу» (Откр. 7, 11).

Ст. 115. *Семь ангелов приблизились к трону...* — В тексте Откровения: «И узрел я семь Ангелов, пред Богом стоящих» (Откр. 8, 2).

Ст. 122. *...жертвенным огнем...* — Т. е. огнем, взятым с жертвенника.

Ст. 126—127. *И вострубить семь ангелов готовясь, / Приставили семь труб к своим устам.* — Деталь добавлена Жуковским. В тексте Апокалипсиса просто: «И семь Ангелов, имеющие семь труб приготовились трубить» (Откр. 8, 6).

Ст. 138. *...звезда, горящая, как светоч...* — Откр. 8, 10: звезда горящая подобно светильнику. Греч. ἡ λαμπάς (в буквальном переводе «факел, лампада, светильник») на поэтическом языке означает «светило, светоч». В переводе Лютера здесь использовано die Fackel, в переводе де Саси — un flambeau, имеющие то же сочетание значений. Возможно, Жуковский следует именно немецкому или французскому тексту. В собственном переводе он поставил здесь необычный славянизм «пламенник» (в церковнославянском тексте — «свеща»).

Ст. 143—148. *...затмилась третья // Часть солнца и луны и звезд, и третья // Часть дня была без света, и третья // Часть ночи без сиянья звезд, и было // В том мраке слышно, как летел, шумя // Крылами, ангел...* — Откр. 8, 12—13. У Жуковского несколько усилен мотив тьмы. В тексте Апокалипсиса после указания на то, что «третья часть дня не светла была», кратко говорится: «так как и ночи» (в переводе Жуковского — «и ночь равномерно»). Жуковский же создает целый образ беззвездной ночи, во «мраке» который лишь слышно, но не видно, как летает, шумя крылами, ангел (ср. в переводе РБО: «и видел я, и слышал, как один Ангел легел по небу», в переводе Жуковского: «и я узрел и услышал парение одного Ангела посреди неба»). Образ беззвездной ночи многими нитями связан с поэтической системой и «Странствующего жида», и более раннего творчества Жуковского. В ней звезды — это огоньки небесной Отчины, «свет родимой стороны» («Деревенский сторож в полночь»), окна в мир «невывразимого», явление «небесного» в «темной области земной». Символ звезды у Жуковского соотносится с образом «таинственного посетителя», «вестника», «гения чистой красоты», на мгновение приоткрывающего покрывало, отделяющее земной мир от небесного, и на прощание зажигающего «прощальную звезду» («Лалла Рук»; ср. «звезду преображенья» в «Славянке»). Лишенное звезд небо в таком случае означает крайнюю степень безблагодатности, оставленности земного мира небесным. Мотив тьмы акцентирован Жуковским и в начале «Странствующего жида»: по его описанию тьма, наступившая после крестной смерти Спасителя, не рассеивалась до самого наступления ночи (согласно евангельскому повествованию она продолжалась лишь три часа). Изображение ее перекликается с образом тьмы из незавершенной поэмы «Египетская тма» (1845; поэтическое переложение 17 главы книги Премудрости Соломоновой), в которой мрак, на три дня охвативший Египет, описывается как ночь, «из адовых исшедшая вертепов», «прообразитель той великой ночи, которой нет конца». В уста пришедшего в крайнюю степень отчаяния Агасфера Жуковский вкладывает слова Иова, опять же находя здесь близкую для себя ночную и звездную символику: «...и проклята // Да будет ночь, когда мой первый крик // Послышался: да звезды ей не светят...» (ср. Иов. 3, 9).

Ст. 152. *...и был ей дан от бездны ключ.* — «Бездна на языке Откровения есть место предварительного наказания падших ангелов, демонов, зверя и лжепророка (Откр. 11, 7; 17, 8; 22, 1, 3)» (прот. С. Булгаков. С. 70).

Ст. 170. *...носящим узы.* — Т. е. связанным (Откр. 9, 14).

Ст. 172—173. ... *И было // Их воинство несметно...* — Откр. 9, 16: «число конного войска было, две тьмы тем» — δύο μυριάδες μυριάδων, т. е., если переводить числом, — двести миллионов.

Ст. 174—175. ...*их кони // Тройною язвою дышали...* — Имеется в виду огонь, дым и сера, исходившие изо рта коней (Откр. 9, 18).

Ст. 177—179. ... *Остальные ж // Без покаяния во тьму безверья // И злодеянья глубже погрузились.* — В тексте Апокалипсиса речь идет не о безверии, а о идолослужении, т. е. о языческой вере в идолов и поклонении им (Откр. 9, 20). Очевидно, Жуковский соотносит видения Апокалипсиса с реалиями современной ему европейской цивилизации и потому говорит именно о безверии.

Ст. 180—181. *Тут семь громов своими голосами // Проговорили... Ангел [я увидел]* ... — В тексте Апокалипсиса видение Ангела, облеченного в облако и радугу, предшествует семи громам (Откр. 10, 1—3).

Ст. 190—192. ...*тайна // Господня свершится, как пророкам // Ее Господь открыл...* — «...совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам» (Откр. 10, 7).

Ст. 193. ...*и раздался голос...* — В Апокалипсисе — мн. число: гласы (Откр. 11, 15).

Ст. 215. ...*чермный...* — Т. е. красный. Этот же церковнославянизм использован и в Новом Завете в переводе Жуковского. Ниже Жуковский использует и «багряный», а во втором варианте стихотворного переложения — и «багряноцветный».

Ст. 221—222. ...*разинул // Он пасть...* — Деталь, отсутствующая в тексте Апокалипсиса.

Ст. 225. ...*был на небо унесен...* — Откр. 12, 5: «и взято было дитя ее к Богу и престолу Его».

Ст. 234. ...*древний змий...* — Дьявол назван так погому, что обольстил Еву через змия. Обетование, данное прародителям о семени жены, которое сотрет главу змия (Быт. 3, 15), рассматривается в церковном богословии как первоевангелие, первое обетование о пришествии в мир Спасителя и о его победе над грехом и смертью.

Ст. 235—236. ...*всего созданья // И человек обольстителъ.* — Откр. 12, 9: «...обольстителъ всей вселенной». «Вселенная» (οἰκουμένη) означает не «все создание», а пространство земли, населенное человечеством, в более тесном смысле — круг земель, входивших в Римскую империю.

Ст. 241. ...*клеветник...* — Откр. 12, 10: клеветник. Греч. κατήγορ — букв. обвинитель, т. е. дьявол (διάβολος — клеветник). «Оболгание или клевета дьявола на людей дает, как сказано, название, ему свойственное» (Св. Андрей Кесарийский. С. 97).

Ст. 244. *И словом их свидетельства...* — (Откр. 12, 11). По словам священника Павла Флоренского «понятие свидетельствования есть одно из первоустановочных понятий философии христианства». По приводимым им же наблюдениям в Новом Завете слова этого лексического гнезда встречаются не менее 174 раз (1, 38% от всех слов Нового Завета), что само по себе говорит о степени их важности. Греч. μάρτυς (свидетель), переведенное на славянский словом «мученик», означает такого «свидетеля, который свидетельствует своими страданиями, и такого страдальца, чьи добровольные страдания вытекают из самого содержания его свидетельствования» (Из богословского наследия священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 17. М.: Изд-во Московской патриархии, 1977. С. 159). Мученичество есть свидетельство о Христе, оно «есть продолжение апостольского

служения в мире» (Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История Церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 5). Архиепископ Андрей Кесарийский считает, что в данном месте Св. Писания речь идет именно о мучениках, победивших диавола «страданиями за Христа». Рассказывая в поэме «Странствующий жид» о страданиях первых христиан, Жуковский называет их (вероятно, следуя книге Деяний Святых Апостолов) тем же словом — «свидетели» (см. ст. 367).

Ст. 244—246. ...и тем, // Что веруя они не возлюбили // Своей души до самой смерти. — «... не возлюбили души своей даже до смерти» (Откр. 12, 11).

Ст. 253—254. ...пошел войною // На всех рожденных от жены... — В тексте Откровения: «чтобы вступить в войну с прочими от семени ее» (Откр. 12, 17). Есть различные варианты объяснения, кто такие «прочие от семени ее», понятно только, что это не «все рожденные от жены», ибо от нее рожден и сын, о котором говорилось в Откр. 12, 4—5. Архиепископ Андрей Кесарийский понимает под «прочими» христиан, не ушедших в пустыню, а оставшихся в миру, и толкует это место следующим образом: «А когда лучшие и избранные церковные учителя и презревшие землю удалятся по причине бедствий в пустыню, тогда антихрист, хотя и обманется в них, воздвигнет брань против воинствующих Христу в мире, чтобы восторжествовать над ними, найдя легко уловляемыми их, как бы посыпанных земным прахом и увлеченных житейскими делами. Но и из сих многие победят его, ибо искренно возлюбили Христа» (Св. Андрей Кесарийский. С. 99).

Ст. 254—256. ...покорных // Заповедям Господним и Христовым // Свидетельством запечатленных... — Откр. 12, 17. В тексте Откровения (в переводе Жуковского так же, как и в переводе РБО) говорится не о «покорных заповедям», а о «сохраняющих заповеди Божии». Кажется, использованное в поэтическом переложении слово «покорные» возникает не случайно. В размышлениях Жуковского о вере 1840—1850-х годов мысль о необходимости подвига покорности и послушания — одна из главных. «Во-первых, вера есть произвольное принятие истины, без помощи очевидности, покорив рассудок свидетельству откровения, — считал он, — во-вторых, вера есть произвольное предание самой своей воли воле Того, чьему откровению эта воля уже покорилась рассудок» (ИИО. I.). Таким образом, вера — это покорность Откровению и послушание воле Божией. Как таковая она является «высочайшим актом человеческой свободы», ибо возможна только через свободное самоотвержение человека. Убежденность в необходимости и благодетельности покорности и послушания была чрезвычайно глубокой у Жуковского и во многом определяла его религиозные и общественные взгляды. Его духовник протоиерей Иоанн Базаров вспоминает: «Раз я застал его с катехизисом в руках. “Вот, — говорил он мне, — к чему мы должны возвращаться почаще. Тут вам говорят, как дитяти: слушайся того, верь вот этому! и надо слушаться!” “О, авторитет великое дело для человека! — повторял он нередко. — Что такое церковь на земле? Власть перед которою мы должны склонять голову. Мы должны быть перед нею, как дети!” Напрасно иногда я старался наводить его на ту мысль, что для бытия церкви на земле есть и другие высшие основания, кроме одного испытания послушания людей. Он всегда останавливал меня словами: “Без послушания нельзя жить на земле!”» (В. А. Жуковский в воспоминаниях... С. 447). Следует вспомнить и то, как Жуковский изображает состояние духовной просветленности, достигнутое Агасфером после принятия крещения: «На потребу нужно

мне одно — // Покорность, и пред Господом всей воли // Уничтоженье...» (и далее ст. 1506—1518).

Ст. 266—268. *И все живущие, которых имя, // С создання мира, в книгу жизни Агнцем // Не вписано...* — Откр. 13, 8: «все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира». Слова «от создания мира» относятся не к тем, кто не вписан в книгу жизни, а к Агнцу. Агнцем, закланным от создания мира, именуется Иисус Христос (см. прим. к ст. 35—36; ср. 1 Петр. 1, 19—20). Впрочем, в новом русском переводе под ред. епископа Кассиана (Безобразова) наряду с традиционным допускается и то прочтение текста, которому следует в своем переложении Жуковский (см. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод с греческого подлинника под ред. епископа Кассиана (Безобразова). — Б. м.: Российское Библийское Общество, 1997.).

Ст. 279. *Лик зверя...* — См. и далее ст. 339, ст. 363. В Откр. 13, 14 не лик, а образ (εἰκών) зверя. Вряд ли здесь возможно употребить слово «лик» в его прямом значении.

Ст. 278. *... исцеленного от ранъ...* — Выше, в описании первого зверя (ст. 258—260) Жуковский опускает ту деталь, что «одна из голов его как бы смертельно была ранена; но сия смертельная рана исцелела» (Откр. 13, 3).

Ст. 281. *Чтоб он...* — Т. е. образ (у Жуковского — лик) зверя.

Ст. 286—287. *На их челе или руке лик зверя // Изобразить...* — В Апокалипсисе речь не о лике, а о начертании (χάρᾱγμα), отметке, клейме, которое ставится на чело или на правую руку. Архиепископ Андрей Кесарийский считает это начертание «начертанием пагубного имени отступника и обольстителя» (С. 101) (ср.: Откр. 14, 11 и в стихотворном переложении ст. 312). Ниже Жуковский называет начертание и «знаменьем» (ст. 650).

Ст. 300—303. *...и пенъе то // Одни, печать Живаго Бога на челе // Носящие, могли из всех людей на свете // Живущих повторить...* — (Откр. 14, 1—3). Речь здесь идет о 144 тысячах девственников, у которых на челе написано имя Отца Агнца. Жуковский, видимо, отождествляет их с 144 тысячами от колен Израилевых, которые были запечатлены печатью Живого Бога (ст. 99—100, Откр. 7, 2—8). Вряд ли это основательно. 144 тысячи — число, символизирующее полноту и множественность (см.: *Гиблит Ч. С.* 76). «...Сии тысячи должно считать особыми от показанных ранее и поименно сокупленных из всех колен Израильских, но о девстве которых не засвидетельствовано», — пишет Св. Андрей Кесарийский (С. 111).

Ст. 305. *Имел в руках Евангелъе ...* — «Имел в руках» — деталь, добавленная Жуковским. Откр. 14, 6: «...который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле...». Жуковский, видимо, считает, что речь идет о книге, в то время как здесь Евангелие (εὐαγγέλιον) употребляется скорее в первоначальном значении «благая, радостная весть». Такое же понимание отразилось и в переводе Жуковским Нового Завета, где данное место читается так: «...и нес он Евангелие — благовестить живущим на земле...». Ср. с одним из современных вариантов перевода: «И увидел я, как ангел летит в поднебесьи с благовестием вечным...» (Евангелия от Марка. Евангелие от Иоанна. Апокалипсис. СПб., 1997).

Ст. 342—346. *...стояли в море // Кристально-пламенном, имея арфы // Господия в своих руках, и пели // Песнь Моисееву и Агнца песнь // Святую...* — Откр. 15, 2—3. «Песнь Моисеева и Агнца» — это, по выражению прот. С. Булгакова, «ветхо- и новозаветная» (Булгаков С., прот. С. 134) песнь: «По песни Моисеевой полагаем, что Богу

воссылается песнопение от оправданных до благодати под законом, а по песни Агнца, — что праведно пожившие после пришествия Христова возносят Ему непрестанное песнопение и благодарение...» (Св. Андрей Кесарийский. С. 121—122). Моисей — ветхозаветный пророк-Боговидец. «Стеклянное море, смешанное с огнем» (у Жуковского — кристально-пламенное, вероятно, он отождествляет его с морем, о котором говорится в Откр. 4, 6) напоминает о Чермном море, перейдя через которое «Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песнь» (Исх. 14, 31—15, 21). Переход через Чермное море — один из прообразов Спасения. Первая строка песни Моисеевой и Агнца содержит реминисценцию из песни Моисея Втор. 32, 4.

Ст. 351. ...*Храм скинии свидетельства отверзся...* — Скиния (οκνη — шатер, палатка) — походный храм, в котором находились ветхозаветные святыни и совершалось Богослужение во время сорокалетнего странствия израильского народа по пустыне. Скиния была изготовлена «по тому образцу, какой показан» (Исх. 25,40) был Моисею на горе Синай. По толкованию Архиепископа Андрея Кесарийского об этой небесной скинии и идет речь в данном стихе.

Ст. 359—361. ...*глас // Господний...* — В Откр. 16, 1 — просто: «громкий голос».

Ст. 366. *И море стало кровью...* — Деталь добавлена Жуковским, причем этот образ, видимо, ему важен — он специально отмечен в плане: море в кровь (см. выше).

Ст. 372. ...*кровь пророков ...* — Откр. 16, 6: кровь святых и пророков (см. также ст. 423). «Святыми» в Новом Завете именуются верные — уверовавшие и крестившиеся во Христа.

Ст. 382—383. ...*и покрывлось царство // Его глубокой тьмой...* — Опять Жуковским усилен мотив тьмы. В Откр. 16, 10 просто: и сделалось царство его мрачно (темно). Эта же деталь акцентирована и в плане стихотворного переложения Апокалипсиса, где Жуковский записывает: «трон звериный, покрытый тьмою». См. прим. к ст. 142—147.

Ст. 391. *Тогда от храма и от трона голос // Послышался...* — Голос слышался от одного места — престола («трона»), находящегося в храме: «и из храма небесного, от престола, раздался громкий глас» (Откр. 16, 17).

Ст. 393—395. *И было страшное блистанье, грома, // Землетрясенье, голоса, каких // С созданья человека на земле не ведали...* — Последнее замечание в тексте Апокалипсиса относится лишь к землетрясению (Откр. 16, 18).

Ст. 416—418. *Сидела облеченная в порфиру // Багряную...* — Откр. 17, 4: «в порфиру и багряницу» — царские одеяния, оба красного цвета.

Ст. 514. ... *ни виссона...* — Тончайшая дорогая ткань.

Ст. 519—521. *Не будут продавать уже ни пряных // Кореньев, ни куреший, ни ливана, // Ни мирры, ни смоль благоуханной...* — Откр. 18, 13. В тексте Апокалипсиса упоминаются не «пряные коренья», а корица — пряность, которую получали из толченой коры коричневого дерева (*Cinnamomum verum*), принадлежащего к семейству лавровых. Ливан (ц.-сл.) — ладан, «смола благоуханная» — добавлено Жуковским (вероятно, имеется в виду тоже ладан), мирра (греч. *mirra*) — особый вид ароматной смолы, получаемой из ряда африканских и аравийских деревьев.

Ст. 571. *Раздался глас, поющий «Аллилуйя!»* — В Откр. 19, 3 речь идет не о пении, а о гласе, «который говорил: Аллилуйя!», но слово «пение» вполне применимо в данном случае, «ибо само это слово (Аллилуйя. — *Д. Д.*) есть не просто слово, а некое мелодическое восклицание. Его логическое содержание можно, конечно, передать

словами «хвала Богу», но этим содержанием оно не исчерпывается и не передается, ибо оно само и есть порыв радости и хвалы перед явлением Господа, реакция на Его пришествие...» (*Шмеман А.*, протопресвитер. Евхаристия: Таинство Царства. М.: Паломник, 1992. С. 87).

Ст. 603—604. ...*Себя именовал // Он «Слово Божие»...* — Откр. 19, 13: «имя Ему: Слово Божие».

Ст. 609—610. ...*и точило // вина Господней ярости он топчет.* — Точило — яма для давления винограда.

Ст. 630. ... *Их бросили живых...* — Т. е. зверя и лжепророка (Откр. 19, 20).

Ст. 684. *И разогнулася животных книга...* — Т. е. книга жизни. Жуковский употребляет славянизированный оборот, подобный тому, который он использовал в своем переводе Нового Завета, заимствовав его из церковнославянского текста: «и были разогнуты книги, и одна книга отворилась, она же книга животная» (Откр. 20, 12, в переводе Жуковского).

Ст. 704—706. «*Здесь скиния Господняя; и в ней // Все человеки собраны, и будет // Жить с ними Бог...*» — Откр. 21, 3: «се скиния Божия с человеками».

Ст. 714. *Я вечный Бог...* — Слова добавлены Жуковским.

Ст. 716. *Живой дам жаждущему выпить туне...* — Т. е. даром. Церковнославянизм «туне», употребляемый в этом месте и в Новом Завете в переводе Жуковского.

Ст. 764—766. ...*помосты улиц // Из золота, как чистое сияли // Стекло.* — В Откр. 21, 21 — единственное число: улица города — чистое золото (в церковнославянском тексте, а вслед за ним и в Новом Завете в переводе Жуковского — множественное: стогны града).

Ст. 803—804. *Кто каждое написанное читит // В сей книге слово.* — В Откр. 22, 9 говорится о «соблюдающих (τῶν τηρούντων)» слово сей книги.

Д. Долгушин (о. Димитрий)

⟨Второе переложение Апокалипсиса⟩

(«Те образы, в течение столетий...»)

(С. 351)

Автограф: (РНБ. Оп. 2. № 4. Л. 48—51) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 6. Т. 5. С. 164—167 — под произвольным заглавием: «Видение Иоанна Богослова».

Датируется: 26 ноября 1851 — 7 февраля 1852.

Второй вариант стихотворного переложения Апокалипсиса, как и первый, не вошел в текст поэмы. Датируется по пометам в рукописи. В этой же рукописи после приведенного выше плана первого варианта стихотворного переложения Апокалипсиса имеется еще один, зачеркнутый, план, видимо, имеющий отношение ко второму варианту переложения:

Агнец. Всеобщая песнь.

Четыре коня.

Ангел. Запечатлены двенадцать колен.

Семь Ангелов с трубами. Время миновалось.

Жена, двенадцатью звездами венчанная. Дракон.

Война на небесах. Победа архангела.
 Зверь семиглавый из моря.
 Сын человеческий с серпом.
 Всадник на белом коне.
 Слово Божие.
 Меч из уст. Воинство на белых конях.
 Против него зверь.
 Низвержение дракона.
 Сидящий на троне. От лица его убегает небо.
 Возвращение мертвых.
 Вечный суд. Низвержение смерти и ада.

Ст. 16—18. *«Я Альфа и Омега; // Я первый и последний; Я всему // Начало и конец»*... — Откр. 1, 10; Откр. 21, 6.

Ст. 24—25. *...и свернувшись // Как власяница, небеса исчезли.* — В тексте Апокалипсиса и в первом варианте стихотворного переложения эта метафора относится к солнцу: «и солнце стало мрачно как власяница» (Откр. 6, 12).

Ст. 84—85. *...с именем неизреченным // Ему лишь ведомым...* — Откр. 19, 12: «и имя было на Нем написано, которого никто не знал, кроме Его Самого». Эпитет «неизреченный», связанный с эстетикой невыразимого в творчестве Жуковского, отсутствует в данном стихе Апокалипсиса. Имя не может быть неизреченным, тогда оно перестает быть именем.

Д. Долгушин (о. Димитрий)

КОНСПЕКТЫ И ПЛАНЫ

Весна (С. 355)

Подготовительные материалы (планы и конспекты; всего 13) к «Весне» датируются 1806-м (I—III) и 1812-м (IV—XIII) гг., но интерес к описательной поэме относится уже к начальному этапу творчества, сопровождается осуществленными фрагментами замысла («Опустевшая деревня», 1805 г., «Вечер», 1806 г., «Гимн», 1808 г., «Послание к Батюшкову», 1812 г.), упоминаниями в различных «рописях» задуманных сочинений и размыкается в широкий контекст дальнейшего творчества Жуковского (панорамная элегия «Славянка», балладные и идиллические пейзажи, пейзажные описания павловских посланий и др.).

Интерес к описательной поэме включен с самого начала в философию жизни в целом. К 1802 г. относится перевод «Сельского кладбища» с экзистенциальными мотивами жизни и смерти, в это же время Жуковский знакомится с различными образцами пейзажной поэзии сентиментализма и предромантизма. Андрей Тургенев 26 ноября 1802 г. пишет, что Жуковский «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо! И в сердце — жар поэзии!» (Веселовский. С. 50). В дневнике этого времени Жуковский записывает: «После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы в Сен-Ламберте, в Томпсоне, в Геснере, в Гервее, в Блумфильде» (Дневники // ПСС 2. Т. 13. С. 9). К числу ранних переводов аналогичного характе-

ра относится текст оратории Гайдна «времена года» (автор либретто Ван-Свиттен. «В 1801 году появилась оратория Гайдна “времена года” (“Die Jahreszeiten”); слова были составлены другом композитора Готфридом фан-Свитен (Gottfried van Swieten) по поэме Томсона (...) Жуковский сделал перевод текста фан-Свитена и напечатал его под заглавием: “Слова оратории Четыре времени года, музыка г. Гайдена, перевел г. Жуковский. М., 1803”» (Резанов. Вып. 2. С. 220).

Все планы-конспекты обнажают механизм описательной поэмы. Их доминантами становятся картинность, описательность и авторские размышления-чувства. Эти два уровня организации материала взаимосвязаны, так как картины природы пропускаются через сознание «певца» и приобретают ценность благодаря способности воспринимать их эстетически. Жуковский фиксирует момент авторской эмоции, передавая его словом «обращение»: «Обращение к полям и рощам — явление весны и разлив (...) Картина весенней природы. Обращение к весне. Обращение поэта к себе».

Описательность создает такую особенность, как динамика бессюжетного повествования. Несмотря на внешнюю статичность (обилие назывных конструкций) создается подвижная картина — мозаика пробуждающейся природы.

Принципиальным для Жуковского становится точность воссоздания конкретных реалий природы. Наряду с перечисленными разделами трудов Бюффона и Ласепада (см. конспект II) он обращается к специальным трактатам и пособиям, например, по садоводству: «Theorie par jardins, par Morel», «Essai sur les jardins par Watelet», «Hirschfeld. Sur les jardins anglais».

В библиотеке поэта находится двухтомник сочинений Клейста (*Kleist E. Ch. Sämtliche Werke. Berlin, 1782. Bd.1—2. Описание. № 2669*). Он содержит пометы Жуковского в тексте поэмы «Весна»: около двадцати записей являются точным переводом названий птиц, деревьев, кустарников, насекомых (*der Fink* — зяблик; *Hänfling* — коноплянка; *Erlen* — ольха; осина, ильм, ландыш, жимолость, шиповник, щегленок, дрозд и проч.), что способствует более тонкому проникновению в мир природы.

В библиотеке Жуковского имеется 56-томная «Естественная история» Бюффона (*Histoire naturelle. Par Buffon, dédié au citoyen Lacépède, membre de l’Institut National. 56 tomes. Paris, 1799—1809. Описание. № 739*) с аналогичными пометами, закладками с названиями зверей, птиц, что свидетельствует о двойной направленности, аналитической и синтезирующей, поиске равновесия между природой и воспринимающим ее субъектом.

Отметим и выбор названия поэмы. Из четырех времен года Жуковский выбирает именно весну (хотя для элегии из четырех времен дня — вечер). Весна, традиционно являясь временем возрождения природы, символизирует духовное воскрешение.

Два этапа работы Жуковского над поэмой «Весна» — отражение эволюции его жизнестроительства и жанровых поисков в области лиро-эпоса.

I

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 19 об.) — конспект, озаглавленный: «Содержание весны. С. Ламберт».

Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 499.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: март-апрель 1806 г.

План-конспект расположен среди черновых автографов между незавершенным переводом из «Опустевшей деревни» О. Голдсмита (л. 16—18) и началом перевода «Послания Элоизы к Абеляру» (л. 20). Автограф «Опустевшей деревни» датируется декабрем 1805 г. на основании авторского указания: «Опустевшая деревня, начало. 1805, в декабре: перевод» (РНБ. Оп. 1. № 13. Л. 5) и в копии, сделанной рукою А. А. Протасовой, с заглавием: «Опустевшая деревня 1805 году, в декабре» (РНБ. Оп. 1. № 13. Л. 14 об.). Конспект «Весны» располагается на синем листе бумаги с водяным знаком 1804 года, аналогичном черновикам «Опустевшей деревни». Между тем перевод «Послания Элоизы к Абеляру» в копии А. А. Протасовой (РНБ. Оп. 1 № 13. Л. 16 об. — 18 об.) датирован: «1806 в апреле». Это позволяет, предположить, что поэтический импульс весеннего замысла более соответствует одноименному времени года, а положение конспекта в рабочей тетради с хронологическим расположением автографов конкретизирует время его создания: март—апрель 1806 г. В дневниках 1806 г. акцентируется мысль «сделать план будущей жизни», создать «план моей жизни: семейной; авторской; общественной» (Дневники // ПСС 2. Т. 13. С. 32, 34), что соотносится с содержанием конспекта.

Жуковский ориентируется на известную описательную поэму французского поэта и философа Жана-Франсуа Сен-Ламбера (1716—1803) «Времена года» (*Oeuvres de Saint Lambert. Tome premier. Les saisons, роёте. A Paris, 1795*), выбирая для перевода «Le printemps» («Весна»; Р. 1—53). Французский текст содержит прозаический проспект поэтического содержания (Argument), которым мог воспользоваться Жуковский. Подробнее о соотношении конспекта Жуковского с первой песней поэмы Сен-Ламбера см.: Резанов. Вып. 2. С. 500—501.

Еще в 1804 г. Жуковский проявил интерес к наследию Сен-Ламберта, читая его философское сочинение «Принципы нравов всех народов или Всеобщий катехизис» («Principes des moeurs chez toutes les nations ou Catéchisme universel») и собираясь сделать выписки из него «для морали» (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 5 об.; ПСС 2. Т. 13. С. 450).

II

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 19 об.) — конспект, озаглавленный: «Клейст».

Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 499.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март-апрель 1806 г.

Конспект датируется на тех же основаниях, что предшествующий, поскольку расположен на одном листе (л. 19 об.).

Набросок представляет собой краткий конспект поэмы немецкого поэта Э. Х. Клейста. В отличие от Сен-Ламбера, ориентирующегося на классическую четырехчастную форму «Времен года», заданную Джеймсом Томсоном («The Seasons»), Эвальд Христиан Клейст (1715—1795) создает только поэму под названием

«Весна» (*Ewald Christian von Kleist. Sämmtliche Werke. Berlin, 1782*), написанную гекзаметром. Подробнее о соотношении конспекта Жуковского с поэмой Э. Х. Клейста «Der Frühling» см.: Резанов. Вып. 2. С. 501—503.

Внизу на л. 19 об. список, в который входят упомянутые авторы (Томсон, Клейст), античный прототип дидактической описательной поэмы («Георгики» Вергилия в переводе Делиля), швейцарский идилик С. Геснер и ряд естественнонаучных трудов (Бюффон, Ласепед), которые оказали влияние на творческий процесс, так как художественное мышление Жуковского, как правило, сопровождалось научными «спутниками» (историческими, философскими, педагогическими и проч.).

III

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 51) — черновой набросок плана.

Впервые: Резанов. Вып. 2. С. 498.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь—декабрь 1806 г.

План датируется предположительно ноябрем—декабром 1806 г. на основании расположения в рукописи. Интересно, что контекстом служат: незавершенный перевод «Опустевшей деревни» О. Голдсмита (л. 16—18) и идиллии С. Геснера («Миртил и Палемон») (л. 50). На л. 52 об. Жуковский относит «Весну» к разделу: «Что сочинить» (следом идет раздел: «Что перевести»), осознавая как оригинальное произведение, но не имея жанровой рубрикации, хотя в целом в списке соблюдается жанровый принцип: «романсы, ода, идиллия, послание, элегии, песни, сказки, опера» (л. 52 об.). В разделе «что перевести» встречаются следующие названия: «Опустевшая деревня», «Томсон или Клейст или Блоомфильд», «Четвертая песнь "L'homme des champs" Делиля», «Клейст». В списке «живописная поэзия» значатся: «Весна, Опустевшая деревня, Отрывки из Делиля, Томсона и Сен-Ламбера». Таким образом, наряду с созданием оригинального произведения Жуковский планировал ряд переводов, типологически близких в жанровом отношении.

Первые три плана-конспекта не случайно создаются в 1806 году, в пору белевско-мишенского уединения, напряженных этико-философских рефлексий и «лирического взрыва», когда в более чем 50 стихотворениях поэт ищет способы фрагментарного выражения чувства, соединяющего человека с миром. Описательная поэма, насколько об этом дают представление планы, должна была стать формулой жизни в единстве этического и эстетического, бытового и творческого, физиологического и морального.

План III совмещает в себе элементы конспекта (из Клейста), обогащенные автобиографическим контекстом: воспоминанием об Андрее Тургеневе («А... краткость его жизни») и обращение к Мальвине, может быть, не совсем условной возлюбленной (ср.: Мальвина, Минвана, а позднее, в планах 1812 г., (см. далее) обозначится уже сформировавшееся чувство любви к Маше Прогасовой). Ее день рождения 1 апреля становится для поэта символом весны.

В 1806 г. написана элегия «Вечер», фрагментарно-лирически реализовавшая часть замысла «Весны». Но если для элегии характерен монотематизм, единство

основного тона, то в поэме образ лирического героя помещен в определенный, устойчивый круговорот времен и занятий, укоренен в жизненном укладе, ежедневных занятиях и чувствах, что особенно ясно прозвучит в планах 1812 г.

IV

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 4) — конспект, озаглавленный: «*План Клейстовой весны*».

Впервые: Ветшева. С. 25.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май 1812 г.

Планы IV—XIII отражают новый этап работы Жуковского над описательной поэмой. Все они находятся в одной рабочей тетради поэта и следуют друг за другом. Жуковский возвращается к материалам весны 1806 г., но пытается придать им новый масштаб и подчинить лироэпическому замыслу, связанному с концепцией описательной поэмы. Философия жизни и психология человека, пробуждающегося вместе с весенним обновлением жизни, его надежды и иллюзии — в центре «общих планов». Все планы датируются маем 1812 г. по положению в рукописи. Жуковский возвращается к прежним источникам (Клейст, Сен-Ламберт, Томсон), но включает их конспект в общую концепцию бытия, в философию уединения и семейной жизни, творчества. Об источнике конспекта см. примечание к № 2.

V

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 4) — конспект, озаглавленный: «*План С. Ламбертовой весны*».

Впервые: Ветшева. С. 25—26.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май 1812 г.

См. примечание к конспекту № 1.

VI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 4 — 4 об.) — конспект, озаглавленный: «*Томпсона Весна*».

Впервые: Ветшева. С. 26—27.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май 1812 г.

Интерес к творчеству английского поэта-сентименталиста Джеймса Томсона (1700—1748), прежде всего к его описательной поэме «The Seasons» («Времена года»), проявился у Жуковского еще в 1808 г., когда он перевел заключительную часть из нее — «Гимн» («A Hymn»). В статье «О переводах вообще и в особенности о переводах стихов» он писал: «Ты хочешь переводить Томсона — оставь город, переселись в деревню, пленяйся тою природою, которую хочешь изобразить вме-

сте со своим поэтом: она будет для тебя самым лучшим истолкователем его мыслей» (ВЕ. 1810. Ч. 49. № 3. С. 198). Еще в 1787 г. Карамзин опубликовал в «Детском чтении» (Ч. 10—12) прозаический перевод поэмы Томсона. В стихотворении «Поэзия» он восклицал: «Натуры сын любезный, // О, Томсон! Век тебя я буду прославлять!» Встречи и беседы Жуковского с Карамзиным в Остафьеве стимулировали этот интерес. В библиотеке поэта поэма Томсона сохранилась в немецком переводе: «Jakob Thomson's Jahreszeiten. Übersetzt von J. C. W. Neuendorff. Berlin, 1815» (Описание. № 2259).

VII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 4 об.) — конспект, озаглавленный: «Plan La maison des champs».

Впервые: Ветшева. С. 27.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: май 1812 г.

Жуковский обращается к конспекту поэмы французского поэта Винсента Кампенона (1772—1843) «Сельский дом» (1809). В планах своей деятельности, относящихся к 1814 г., среди творческих замыслов: «Сочинения» Жуковский называет: «Maison de ch.». По мнению И. А. Бычкова, речь идет о поэме Кампенона (Дневники. С. 49). Она могла привлечь его внимание в связи с философией уединения и планами семейной жизни. Основания для датировки те же самые, что у предыдущего плана-конспекта, поскольку все планы и конспекты на л. 4—6 об. представляют собой процесс последовательного оформления и развития замысла описательной поэмы от синтеза традиций до трансформации в окончательный лирический фрагмент.

VIII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 5) — общий план, перечеркнутый вертикальной чертой.

Печатается впервые по автографу.

Датируется: май 1812 г.

Основания для датировки аналогичны предшествующим планам IV—VII. Уже первый пункт плана: «Возвращение на родину» — попытка связать замысел описательной поэмы с реалиями белевско-мишенской жизни.

IX

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 5) — общий план.

Печатается впервые по автографу.

Датируется: май 1812 г.

План — отражение попыток синтезировать литературную традицию (Геснер, Шатобриан, Шиллер, Гёте, авторы «Времен года») и собственную философию бытия, конкретные натурфилософские наблюдения.

X

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 5 об.) — общий план.
Печатается впервые по автографу.
Датируется: май 1812.

Своеобразие плана — сюжетное оформление замысла, возможно, разбивка на стихи, о чем свидетельствуют появившиеся цифры, которые у Жуковского традиционно связаны именно с поэтическим воплощением планов. Характерно введение мифологического пласта повествования.

XI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 5 об. — 6) — общий план.
Печатается впервые по автографу.
Датируется: май 1812 г.

Для этого и двух последующих планов показательна установка на лирическое воплощение замысла. Уже первые слова плана: «Приступ. Жел(аю), чтобы я...» передают новое состояние лирического героя: «Я хочу воспеть...»

XII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 6 — 6 об.) — общий план.
Печатается впервые по автографу.
Датируется: май 1812.

XIII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 6 об.) — начало общего плана.
Впервые: Ветшева. С. 27.
Печатается по тексту этой публикации.
Датируется: май 1812.

Второй этап работы (планы IV—XIII) над замыслом отличается масштабностью: количественным объемом планов-конспектов и насыщенностью источниками, сложностью культурно-исторических ассоциаций.

Усложняется по сравнению с первым этапом биографический контекст. 1811—1812 гг. можно обозначить как муратовско-черненский период, время тесного общения с семейством Плещеевых, продолжающегося сотрудничества в «Вестнике Европы» (в феврале 1811 года выходит статья «О поэзии древних и новых»). В январе 1812 года в ответ на сватовство к М. А. Протасовой Жуковский получает отказ Екатерины Афанасьевны, а 12 августа он вступает в Московское ополчение, что создает драматическую напряженность переживаний. Можно предположить, что планы «Весны» стали своего рода точкой опоры, способом сохранения собственного культурного космоса. Четыре конспекта разных авторов (Клейста, Сен-Ламбера, Томсона, Кампенона), развернутые общие планы и стихотворное начало датируются 1812 г. на основании расположения в рукописи. На л. 2 находится прозаический

план послания «К Батюшкову» (1812 г.). На л. 3 содержится список задуманных и осуществленных произведений, причем неосуществленные подчеркнуты Жуковским. В этом списке значится законченным «К Плещ(ееву)» («Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения»), написанное в апреле 1812 г., и незавершенным «К Бат(юшкову)». Можно предположить, что создание планов «Весны» относится к апрелю—маю 1812 г. (хронологические и тематические совпадения: «Весна» создается весной).

В четырех конспектах (IV—VII) сохраняется та же структура: картины (описание) — обращение, но усиливается взаимосвязь между ними — сравнение. Функция аналогии шире простого сравнения — это способ показа сложных и многообразных связей: традиционный контраст золотого и железного веков, войны и мира, аналогия природных и культурных явлений, аллегорические сцены пробуждения любви в человеке и природе и т. п. Конспекты не носят чисто прикладного характера, поскольку Жуковский переводит буквально и реалии, и имена (например, «обращение к леди Гартфорд, Литтельтону; Дорас, Глелас; Дора, Линдор и Глиссера, Хлоя и Сильвандр» и проч.).

Общие планы (VIII—XIII) имеют сложную смысловую структуру. Это воплощается в целостной и универсальной концепции человека и мира. Человек, с одной стороны, приобщен к вечному природному круговороту (времена года, дни, часы, мгновения), а с другой — способен разумно преобразовывать натуру, свою собственную в том числе, уподобляясь Творцу, и в нем же живет способность наслаждаться красотами преобразованной природы и нравственной красотой человека, стремящегося к совершенству. Причем характерной особенностью, над которой Жуковский работает сознательно, является отсутствие разрыва между земным и идеальным. Таким посредником становится образ сельской жизни, во многом условный и основанный на традиции описательной дидактической поэзии. Отсюда обилие ссылок, облегчающих восприятие «сельских» реалий, готовых образцов. Это, например, идилии С. Геснера, «Георгики» Вергилия; «Сельский житель, или Французские георгики» Ж. Делиля («L'homme des champs, ou les Géorgiques Françaises»), «Сельский дом» М. Кампена («La maison des champs»), «Сады» Ж. Делиля («Les jardins») и др.

Планы поэмы помимо изображения общей картины мира насыщены элементами морального дидактизма, требованиями особого, должного образа жизни, того, что Батюшков называл «поэтической диэтикой». Жуковский писал об этом: «Ты хочешь переводить Томсона — оставь город, переселись в деревню, пленяйся природою, которую хочешь изобразить с своим поэтом» (ВЕ. 1810. № 3. С. 198). Поэтому в планах-конспектах распорядок дня расписан со скрупулезной точностью. «Дом / Расположение / Чистота / Гостеприимство / Занятия / Работы — экономия. Порядок. Заботливость / Отдых / обед / Прогулка / Забавы» (план XI). Еще одна особенность планов состоит в сочетании историко-культурного измерения (комментарий — статья Жуковского «О поэзии древних и новых») и лирико-психологический образ сентименталистского «внутреннего человека» (комментарий — перевод статьи «Общество и уединение» из Х. Гарве). Первая парадигма включает в себя сопоставление античного типа личности в его земной пластической завершенности и христианской идеи бессмертия души. Это сопоставление дополняется картинами античной мифологии, перешедшей из разряда веры в арсенал художественной аллегории и символики. «Черты мифологии / Весна. Изображение. Аллегория Вене-

ры / Натура оживлена / Явление Авроры и Аполлона / Аполлон и музы / Тетрапа — Луна и Эндимион...» и т. д. (план X).

Психологический портрет «внутреннего человека» строится на противопоставлении простоты души уединенного сельского жителя и жизни света; культуре дружбы и семейственной жизни, исполнении своего нравственного долга, энциклопедии «сельской жизни», близкой природным ритмам, жизни «как у всех»: «Изображение сельского человека / Свобода, посредственность, счастье семейственное, вот что единственное / Может ли уравниваться такая жизнь со светскою / К милому — жить с ним. Стоим при начале жизни / Что будет (...) Иметь друг друга в виду / Усилить душу в стремлении ко всему хорошему / Укоренить в ней веру в бессмертие» (план IX). В стилистике общих планов описательность взаимодействует с элегическими сентенциями, но они не становятся определяющими, поскольку тональность задана названием.

Это качество проявляется в последних планах (план XII). «Счастлив сельский человек, возвращающийся на свою родину. / Я хочу воспеть его жизнь (...) Счастлив, кто любит природу, счастлив, кто и изобразить умеет». Определяющим качеством планов, не дающих остаться замыслу лишь суммой фрагментов, становится образ лирического героя — не просто условного «сельского жителя», но поэта, наделенного творческим началом, поэтому лейтмотивом всех подготовительных материалов становится тема вдохновения, возрождения души в гармонии с вечно возрождающейся природой.

Сохранившийся стихотворный зачин (24 стиха) позволяет сделать вывод о преобладании лирического начала над повествовательным (особенно в интонационной сфере).

Замысел остался неосуществленным. Принято говорить о подобных творческих сюжетах Жуковского именно как о диспропорции подготовительного этапа и его реализации. Ю. М. Лотман заметил по этому поводу: «Так, например, Жуковский, готовясь к написанию поэмы “Весна” (как сам он указывал, он ориентировался при этом на Эвальда Клейста, Томсона и Сен-Ламбера), составил себе такой обширный список книг по ботанике, метеорологии, зоологии и антропологии, как будто готовился писать не поэму, а ученую диссертацию» (Лотман Ю. М. «Сады» Делюля в переводе Воейкова // Делюль Ж. Сады. Л., 1987. С. 201). Напрашивается определенная параллель с незавершенной поэмой «Владимир», перегруженной историко-этнографическими материалами. Вместе с тем такие растянутые во времени создания произведения, как «Вадим», «Ундина», были все же завершены.

Причиной могли быть биографические и исторические мотивы. «Весна» как модель семейного благоустройства и счастья, будучи осуществленной, могла вызвать нежелательные ассоциации, а война 1812 года послужила реальным препятствием для продолжения работы. Жизнь нейтрализует литературный сюжет.

Тем не менее, неосуществленный замысел описательной поэмы имеет большое значение для складывающегося описательного стиля русской литературы. Так, в поэтическом зачине поэмы наблюдается сочетание устойчивых поэтических формул и бытовых конкретных деталей, возможно, связанных с воспоминанием о родных местах: упоминающийся в общих планах ключ Гремячий (реальная примета Мишенского), «ласточка, пришлец издалека», «предесть вешних дней», «смирный друг полей» и «домик с белеными стенами», «лай собаки вестовой», «скрыпнули молчавшие давно // Широких врат тяжелые растворы».

Отзвуки описательной поэмы можно проследить и в посланиях Жуковского 1810-х гг. Например, в «Послании к Плещееву. В день Светлого Воскресенья» (апрель 1812 г.): «Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы, // Соединят вокруг нас ее красы!» Но если это можно истолковать как ссылку на авторов описательной поэмы, то в послании «К Батюшкову» очевидны прямые заимствования из планов «Весны» («мельница», «швабский гусь спесивый», «дикая крапива», «смиранный земледелец»). В стихотворное послание Жуковский вводит предромантические натурфилософские идеи: дает вольный пересказ стихотворения Шиллера «Раздел земли» («Theilung der Erde»), использует образы стихотворений Гёте «Прогулка» («Spaziergang», Геринга «Хлоя к Аминту» («Chloe an Amyntas»). Подробнее см.: *Галлон И. П.* К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев. С. 1—9). В общих планах «Весны» упоминаются Шиллер («Ideale») и Гёте («Spaziergang»). В этой же рукописной тетради (№ 78. Л. 2) содержится зачеркнутый прозаический план послания «К Батюшкову», ранее не публиковавшийся:

К тебе в приют спешу, готовь (нрзб.), укрась цветами своих пенатов, с нами Вяземский и его милая подруга; он рано отошел от бурь и счастлив. Посвятим вечер дружескому разговору. При гласе весенних соловьев. — Смотрю на твое уединение; тишина и веселость наполняют душу мою. Здесь должен жить певец. О счастливый жребий поэта. Знаешь ли, что [нам] рассказывал один вдохновенный. Раздел земли. С тех пор ничто земное не приближается к поэту (к Лизидасу). И этот мир. Заботы ему неизвестны; светские причуды, хитрости придворных, он знает о них по слуху. Его мир: там фантазия; невинность. Посредственность, сторож его спокойствия; слава иногда заглядывает, но не та беспокойная слава, а милая родная сестра надежды. Как она, ясная и непорочная. Посетят ли его несчастья, разрушатся ли его надежды, он призывает в этот приют и там возвращает себе воображением потр(ебность) в жизни. Счастлив, когда с сим мечтательным благом соединяется некоторое сущ(ествующее?) дружество и семейство. Для поэта нужно собрать в тесном круге все милое и на всю жизнь. Мой друг, брось своих Лаис, которые уничтожат и чувства, и развратят душу. Любовь поэта. Ищи ее, мой друг. Когда ее нашел, посвети ей все свои чувства: да будет она твоим гением, твоим спутником. Но страшись разрушить: Увы! тогда не уйдешь от скорби и в твоём идеальном мире и туда последует за тобою милый образ и будет смущать тебе душу. Прости. Скажи Блудову и Тургеневу, чтобы ждали меня на берегах Невы и помнили. Между тем пиши боле.

Форма дружеского послания является скрытым способом автокомментария к собственным переживаниям и во многом совпадает с нравственно-этической программой «Весны».

На этом же л. 2 находится план, не входящий в общий массив материалов «Весны», но обладающий той же дескриптивной направленностью: это своеобразные этюды «четырех времен суток» в импрессионистических тонах:

Утро. Время перед зарею — туман: в тумане [свет] дым, рев стад, голуби, полосы света, река — проясн(ение) тумана; блеск росы — жаворонок — начало работы и мало-помалу оживл. — Минвана, ее утро, цветник, больной [жизнь его], душа его на это утро.

Полдень. Жар — Тень на берегу реки — стадо над водою — гроза — дождь — после грозы живость — купанье [рыбак]. Рыбная ловля. Сенокос и копны. Сравнение несчастья(?) с грозой.

Вечер — возвращение с полей — песни — сельские игры — [семья в саду] — вечерние картины — заход(ение) солнца и луна — чибис — лодка одна на озере — королек — лягушки — семья в саду — Прият(ность?) сем(ейного) круга.

Ночь. Тишина — ночные виды: кладбище и развал. церковь. Мысли о бессмертии.

Адептом описательной поэмы был А. Ф. Воейков. Ему принадлежит перевод отрывков из 3-й и 4-й песен «Георгик» Вергилия (ВЕ. 1816. № 21, 23/24; 1817. № 4) и «Садов» Жака Делиля, над переводом которых он работал в 1806—1816 гг. (см. об этом: *Реморова Н. Б.* Книга Ж. Делиля из библиотеки В. А. Жуковского // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. Л., 1987. С. 27—32; *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 191—209). В 1813 г. Воейков обращается к Жуковскому в послании: «Напиши четыре части дня, // Напиши четыре времени, // Напиши поэму славную, // В русском вкусе повесть древнюю (...)» (*Воейков А. Ф.* К Жуковскому // Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 278). Воейков предлагает Жуковскому вместо его привычных жанров: песен, романсов, баллад, элегий — крупную эпическую форму, причем альтернативную — описательно-дидактическую или волшебно-историческую поэму. Поэма как жанр, выражающий национальное самосознание, актуализировалась в предарзамасской среде, и Жуковский воспринимался ее основным творцом. В ответном послании «К Воейкову» 1814 г. Жуковский создает вариации на заданные темы (См.: ПСС 2. Т. 1. С. 654—661).

Замысел поэмы «Весна» сконцентрировал огромное количество подготовительных материалов и на уровне планов стал концепцией натурфилософской картины мира и поэтического сознания. Рефлексами этого масштабного замысла в процессе работы становятся элегия «Вечер» (1806), «Гимн» (1808), послания к Плещееву, к Батюшкову (1812), к Воейкову (1814), панорамная элегия «Славянка» (1815), павловские послания 1819—1820 гг., элегические пейзажи баллад и поэм, переводы идиллий Гебеля.

Н. Ветшева

Владимир

(С. 365)

Замысел волшебно-исторической поэмы «Владимир» занимает важное место в творчестве Жуковского и русской литературе начала XIX века. Поэма стала формой времени, в спорах о ней, в попытках создания различных образцов жанра выражались представления предромантизма и романтизма о сущностных основах национального характера, вырабатывались механизмы взаимодействия человека и мира, осмыслились категории исторического сознания и бытия.

Замысел и разнохарактерные подготовительные материалы относятся в 1805—1819 г. Первое упоминание о «Владимире» отмечено в 1805 г. (Бумаги Жуковского. С. 72), последняя попытка реализации замысла — к 1819 г., когда в составе незавершенного «Послания о луне» Жуковский набрасывает план (РНБ. Оп. 1. № 29.

Л. 16). Наиболее интенсивно замысел обсуждается и развивается в 1810—1817 гг., в атмосфере предарзамасского и арзамасского братства.

Жуковский говорит о замысле «Владимира» как об организующем центре творческих исканий 1810-х гг. Этому посвящены письма к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. и 7 ноября 1810 г., где Жуковский, в частности, говорит: «Владимир будет моим фаросом; но чтобы плыть прямо и безопасно при свете этого фароса, надобно научиться искусству мореплавания» (ПЖТ. С. 76). Особое значение Жуковский видит в изучении истории, ибо «для литератора и поэта история необходима всякой другой науки: она возвышает душу, расширяет понятие и предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существенное» (Там же. С. 75). «Но в истории, — подчеркивает он, — особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения» (Там же. С. 59).

В письмах к Тургеневу и Воейкову 1813—1816 гг. лейтмотивом становится мысль о необходимости создания поэмы: «Молись же судьбе, чтобы вдруг меня не ослепило (счастье брака. — Н. В.). Это значит: приезжай, и в белой книге наполнятся страницы» (Письмо от 13 февраля 1814 г. к А. Ф. Воейкову // РА. 1900. № 9. С. 19). В сентябре 1814 г. он пишет А. И. Тургеневу: «Он [Батюшков. — Н. В.] поджигает меня на поэму. Эта мысль уже давно в голове моей; теперь будет зреть и созреет (...) Нет ли у тебя каких-нибудь пособий для Владимира? Древностей, которые бы дали понятия о том веке, старинных русских повестей? Посоветуйся об этом с Дашковым и с Сергеем Семеновичем» (ПЖТ. С. 125). С. С. Уваров предлагает в качестве образца шотландские баллады, творчество Вальтера Скотта и эпоху средневековья. В письме к Жуковскому от 17 августа 1813 г. он замечает: «... Две эпохи можно назвать поэтическими: классическую, то есть эпоху греков и романтическую, то есть эпоху средних веков, *des Mittelalters*» (РА. 1871. № 2. Ст. 161—162). Уварову же принадлежит предложение Жуковскому написать русскую поэму русским размером («Письмо о русском гекзаметре»). Эту идею поддерживает К. Н. Батюшков: «... Если г. Жуковский согласился на его (Уварова. — Н. В.) приглашение — написать поэму из нашей истории, то он должен непременно избрать сей период от рождения славянского народа до разделения княжества по смерти Владимира. Мы пожелаем с г. Уваровым, чтоб автор *Певца во стане русских воинов, Двенадцати спящих дев* и пр., поэт, который умеет соединять пламенное, часто своенравное воображение с необыкновенным искусством писать, посвятил жизнь свою на произведения такого рода для славы отечества (...) и не истощал бы своего бесценного таланта на блестящие безделки» (Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. СПб., 1885—1887. Т. 2. С. 410; Т. 3. С. 644). 1 декабря 1814 г. из Долбино он дает поручения А. И. Тургеневу к Уварову, чтобы тот попросил *Thalaba the Destroyer by Southey u Arthur or the Northern Enchantment by Hoole*. «Все это может пригодиться для моего Владимира, который крепко гнездится в моей голове» (ПЖТ. С. 133. — Имеются в виду поэма английского романтика Р. Саути «Талаба», вышедшая в 1803 г., и стихотворный роман Ричарда Хала (Hole) «Артур», появившийся в 1789 г.).

Поэт погружается в океан летописей, замечая, что надобно самому добираться до источников. В этом смысле ему чрезвычайно помогает знакомство с готовящейся к печати «Историей Государства Российского» Н. М. Карамзина.

4 марта 1815 г. он замечает: «А *groros*. Я не шутя начинаю думать о поэме; уже и Карамзин (милый, единственный Карамзин, образец прекраснейшего человека)

мне помогает. Я провел несколько сладостных дней, читая его Историю. Он даже позволил мне делать выписки. Эти выписки послужат мне для сочинения моей поэмы. Но как еще много надобно накопить материалов! Жизнь дерптская, дерптская библиотека, все это создаст Владимира» (ПЖТ. С. 143). И далее (19 июля 1815) из Дерпта: «Работаю, но работа механическая. Иная и невозможна. Готовлю сухие материалы. Но когда оживлю их — Бог знает!» (Там же. С. 147). Списки источников включают в себя как историографию, так и образцы мировой традиции в жанре поэмы.

Делая выписки из «Истории Государства Российского», Жуковский одновременно конспектирует те исторические источники, на которые ссылается Карамзин. Например, в РНБ (Оп. 1. № 90) содержится конспект части карамзинской истории, посвященной мифологическим верованиям древних славян, а с левой стороны чистых листов — конспект книги немецкого историка Андреаса Готлиба Маша (1724—1807) о мифологическом пантеоне западных славян (*Mash A. G. Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obodriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollenzer See erläutert. Berlin, 1771*). Таким же образом он осмысляет сочинения немецкого историка Людвиг Альбрехта Гебгарди (1735—1802) «Geschichte aller Wendisch — Slavischen Staaten. Halle, 1790—1797. Bde 1—4» и шведского историка и археолога Ханса Эриха Тунмана (1746—1778) «Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker. Berlin, 1772», посвященные истории северных народов, и мн. др. В письме А. И. Тургеневу от 11 июля 1810 г. он просит «прислать (...) Гебгартово, Машево и Тунмановы сочинения о нравах древних Славян (титула сих книг не знаю, но слышал об них от Карамзина, и теперь имею в них нужду...)» (ПЖТ. С. 54—55).

Одновременно он думает о способах использования источников. Главным образом они должны служить фактической основой исторического фона, описания обычаев и нравов, характерных для предромантической традиции местного колорита. «Выписки из летописей и старинных книг. 1. Описание городов и мест. 2. Описание характеров. 3. Описание сражений. 4. Описание обычаев. 5. Выражения, которые можно было бы употребить. 6. Смесь» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 20). Не случайно Жуковский собирается предпринять путешествие в Киев: «Мне бы хотелось в половине будущего года (1816. — Н. В.) сделать путешествие в Киев и в Крым: Добрыня в Крыму. Это нужно для *Владимира*» (ПЖТ. С. 151).

Уже на уровне подготовительных материалов историческая часть приобретает иные смыслы: в нее включаются собранные из разных источников мифологические и фольклорно-этнографические реалии: «Боги, их изображение, храмы, обряды жертвоприношений, суеверия, вымышленные существа» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 16). Жуковскому важно не просто зафиксировать определенные стороны жизненного уклада, но с помощью обрядовой стороны проникнуть в духовную жизнь предков, проследить процесс становления русского характера. «Быть национальным не значит писать так, как писали русские во времена Владимира; но быть русским своего времени, питомцем прежних времен» (БЖ. Ч. 1. С. 30). Так, на л. 9 об (РНБ. Оп. 1. № 78) содержится пространный список имен героев задуманной поэмы, восходящих к разным традициям: «Владимир, Добрыня, Ярослав, Рогвольд, Бурновой, Боян, Звенислав, Рогдай, Стоян, Добрыня, Чурила, Алеша, Еруслан, Громобой, Илья, Богуслай, Соловей, Полкан, Черномор, Карачун, Кашей, Тугарин, Змиулан, Зилант, Бова, Позвизд, Щелкан, Вадим, Радегаст Тароп, Гремислава, Рогнеда,

Аламида, Ксения, Ольга, Мирослава, Людмила, Любимира, Царь девица, Зерцала, Глориана, Героида, Орина, София, Велесана, Дедилия, Светлана, Всемила». Некоторые из этих имен будут включены в планы поэмы.

Стремление проникнуть в духовную сущность национального характера побуждают Жуковского обратиться к национальной мифологии и фольклору, а также по методу аналогии к универсальной литературной традиции. Он набрасывает типологию, состоящую из заимствования выражений, подражаний и собственных идей (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 10; записи сделаны в столбец):

Выражения / Русские летописи / Песнь Игорю / Летопись Нестора / Стар(инные) русск(ие) стихотворения / Русская правда / Духовная Мономаха / Русские сказки / Подражания / Ариост / Оссиан / Саути / Парни / Тасс / Шекспир / Гомер / Виргилий / Матиссон / Cabinet des fees / Собств(енные) идеи. Историческая часть / Нестор / Никон / Антон / Абевега / Описание народов / Путешествие в Тавриду / Путешествие Палла(са) / История Тавриды / Обогреты.

В 1816 г. Жуковский обращается к А. П. Юшковой (Зонтаг) с просьбой записывать для него русские сказки и русские предания, собираясь использовать их в дальнейшем: «В сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятие о нравах их и степени просвещения, и о старине» (УС. С. 89). Для времени становления русской этнографии и фольклористики дифференцированное отношение к фольклору, славянской мифологии было чрезвычайно важным, постепенно вытесняя укоренившуюся связь мифа с баснословием. Жуковский, в силу универсальных и типологизирующих качеств творческого мышления, обращается порой к разнородным традициям: здесь «Абевега русских суеверий» М. Д. Чулкова (1786) и компиляция в духе народной этимологии М. В. Попова «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из различных писателей и снабженного примечаниями» (СПб., 1768) соседствуют с одним из первых научных критических опытов А. С. Кайсарова (*Versuch einer slavisch Mythologie*. Göttingen, 1804) и П. М. Строева (Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815). См. об этом подробнее: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958.

По мере развития замысла отдельные источники приобретают большее значение, как, например, случилось со «Словом о полку Игореве». В 1817 г. уже не «Владимир», а «Слово...» группирует вокруг себя те же вспомогательные материалы. На л. 27 (РНБ. Оп. 1. № 77) содержится следующий список: «1817. *Приготовление к Игорю*. 1) Нестор: допол(ение) к выписк(ам) из Карамзина / Русская правда / Эверс. К Карамзину / Лерберг. К Карамз(ину) / Разговоры о Новгороде. К нар. древности / выписки русские / несколько житий из Чет. Миней / Летописи до смерти Владимира / Песнь Игорю / Оскольд и т. д.» Появление в этом списке имен дерптских историков Иоганна Филиппа Густава Эверса (1781—1830) и Аарона Христиана Лерберга (1770—1813) обусловлено интересом поэта к методологическим проблемам русской истории. В библиотеке поэта появляются их труды: «Geschichte der Russen. Versuch eines Handbuchs von Johann Philipp Gustav Ewers». Th. 1. Dorpat, 1816 (Описание. № 1006; о чтении этого сочинения Жуковским см.: БЖ. Ч. 1. С. 427—436) и «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. Von A. C. Lehrberg» Spb., 1816 (Описание. № 1515), которые Жуковский рассматривает как своеобразное до-

полнение к «Истории» Карамзина. Об этом см.: *Салупере М. Г., Лептик Л. М.* Г. Эверс и Н. М. Карамзин // НЛО. 1997. № 27. С. 82—98. Встречи и общение Жуковского с Густавом Эверсом, слушание его лекций в Дерпте, его помощь при переложении «Слова о полку Игореве» определили новый поворот сюжета о Владимире.

В связи с этим возникает самый широкий круг авторов историко-культурных традиций, что характерно для предромантического эклектичного художественного мышления: от классической эпопеи, национальных эпосов, рыцарских романов до новейших эпоев Виланда, Вольтера, баллад и поэм Саути, Вальтер-Скотта и др. В многочисленных списках источников появляются имена Ариосто, Оссиана, Матиссона (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 10), «Поэмы. Илиада. Энеида. Одиссея. Ариосто. Тасс. Оберон. Идрис. Клелия. Артур. Ричардет. Вальтер Скотт. Байрон. Эдда. Nibelungenlied» (Там же. Л. 23, 24). В середине 1810-х гг. наблюдается ориентация Жуковского на средневековые северные эпосы: «Эдду», «Песнь о Нибелунгах»; в этом же ряду следует отметить «Слово о полку Игореве». Более того, возникает попытка осмысления религиозно-мифологического субстрата разных культур. «Мифы. Боги. Северная мифология. Эдда. Эльфы. Фен. Гномы. Кобольды. Браhm. Ариман. Дервиши. Далай-лама. Фегишизм. Коран. Элевзинск(?)» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 18; в подлиннике по-немецки).

Пристальный интерес к различным национальным культурам сопровождается постепенным изменением отношения к ним: от простого заимствования мотивов и образов к изучению памятников, результатом чего станет перевод «Слова о полку Игореве» в начале 1817 г.

На этапе 1814-го года Жуковский практикует смешение источников и традиций, используя приемы сравнения и аналогии. Об этом дает представление архивная заметка «Выписки и замечания мест и идей, достойных подражания» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 10): «В *Амадисе* болезнь Гилаора и лечение ее невинною пленницею Урганды. Ссора Лизвара с рыцарями и их ополчение на него. В *Гомере* каталог войск, сравненный с Тассом и Виргилием. Можно выдумать очень хорошие описания: для этого надобно заглянуть в древнюю географию, но где ее взять. Летописи — единственный источник. Как познакомиться с древними народами. Сравнение войска с лебедями и пчелами — песнь II. Минерва посреди войска с ее щитом. Песнь II. Низ и Эвриал. В *Виргилиевой Энеиде*. Единоборствие Париса и Менелая — Приготовление к нему — III книга. Ст. 150. Еленино описание греческих героев. III кн. Ст. 220. Изображение войска, вступ. в сражение Греции и Трои. IV кн. 478. Смерть Эхепола. IV книга 526 Симоиса 541, IV. Диомед в начале 5 песни. Сравнение Диомеда со львом. V 205. Смерть Пандара V. 350 с. Гектор и помогающий ему Марс с Беллоною V 725. Сарпедон, раненный под вязом у древка V. Кн. 852. Сравнение человеческого рода с листьями».

Поэма «Владимир» написана не была. Можно лишь предполагать причины неосуществления столь долго волновавшего поэта замысла. Вероятно, Жуковскому не хватало определенного жанрового образца (в силу его переводческой направленности), он не мог синтезировать столь разнородный материал, основываясь только на сумме сюжетов и мотивов. Неясным оказался в результате сам замысел. Жуковского не могла удовлетворить традиция волшебного-богатырских поэм и опер (ср. его: «Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины», 1805—1808 гг.) или прямолинейно-аллюзионный историзм русской эпопеи классицизма; не воплотилась сложившаяся научная историография, фольклористика, этнография.

Замысел «Владимира» растворился в привычных Жуковскому жанрах — баллады и поэмы на балладной основе, что проявилось в переплетении тем и мотивов в черновиках и планах «Владимира» и «Вадима», второй части «Двенадцати спящих дев» (1814—1817); это проявилось и в переводе «Слова о полку Игореве», предназначавшемся для арзамасского журнала.

Конспектом «Владимира» считается послание Жуковского «К Воейкову (Добро пожаловать, певец...)» (1814), созданное в ответ на его стихотворную просьбу 1813 г.: «Напиши поэму славную, // В русском вкусе повесть древнюю, — // Будь наш Виланд, Ариост, Баян!» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 278). А. Н. Веселовский и А. Н. Соколов считают, что ответ Жуковского дает представление о стилистике неосуществленной поэмы (Веселовский. С. 491—493; Соколов. С. 398—399). Воейков едва ли не активнее всех требует от Жуковского заполнения символической белой книги текстом «Владимира». Сохранилась его «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы “Владимир”»:

Не книга это — поле Славы!
 В ней не бумажные — лавровые листы
 И не каракульки — Альбановы черты.
 Развеян прах царей, повержены державы.
 Не устоял Гомер.
 Певца Владимира стихи славнее будут,
 Их станут приводить изящности в пример,
 Когда и самого Гомера позабудут.
 Гомер был Музою парнасской научен,
 Жуковский Ангелом небесным вдохновен.

(РА. 1912. № 3. С. 414—415).

Отчасти этот пробел восполняет послание к Воейкову 1814 г., широко известное в 1810-е гг. и получившее высокую оценку В. К. Кюхельбекера: «Печатью народности ознаменованы какие-нибудь восемьдесят стихов в *Светлане* и в *Послании к Воейкову* Жуковского (...)» («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» // Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 37).

Выход в свет старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев» в 1817 г. вызвал рецензию Д. Н. Блудова, в которой он, с одной стороны, отмечает: «Г. Жуковский первым попытался ввести в русскую литературу этот род *народной эпопеи*» (близкой замыслу Владимира), а с другой — выражает надежду на его полное осуществление: «Бесполезно здесь повторять то, что всегда говорят по этому поводу, что Карл Великий у этих поэтов персонаж сказок, а не историческое лицо. Наш Владимир Великий так же, как Карл Великий, имеет привилегию быть, так сказать, двойным персонажем, и если когда-нибудь Россия произведет нового Ариоста, он сможет воспользоваться и слишком коротким рассказом Нестора и всеми народными вымыслами, относящимися к имени Владимира» (*Les douze Vierges dormantes. Poëme de M. Joukofski // Le Conservateur impartial. St. P., 1817, № 63. P. 325—326; в подлиннике по-французски*).

Творцом романтической эпопеи в понимании арзамасцев становится А. С. Пушкин, о чем свидетельствует надпись Жуковского на портрете: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, когда он окончил свою поэму “Руслан и Людмила” 1820 г. марта 26 Великая пятница».

Являясь энциклопедией поэзных опытов Жуковского и арзамасцев, поэма создает совершенно иное качество повествования за счет динамичного образа автора, радостного приятия мира и построения в слове различных историко-культурных поэзных традиций, вписанности повествования в более широкий авторский мир. Дальнейшая эволюция Жуковского будет связана с жанром романтической переводной поэмы и с переводами стихотворного эпоса.

I

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 17) — черновой, с нумерацией частей; бумага с водяным знаком 1814 г.

Впервые: ПЖТ. С. 66. Публикация И. А. Бычкова в составе «Заметки о поэме «Владимир»» (Там же. С. 65—68) — с датировкой 1809—1810 г.

Датируется: ноябрь 1814 г.

План, введенный в научный оборот И. А. Бычковым, традиционно считается основным среди материалов «Владимира» за счет своего объема и структуры (разделение на песни, связные конструкции). Исследователи склонны относить его к 1809—1810 гг. Действительно, 1810 г. обозначен интересом Жуковского к эпохе князя Владимира и замыслу поэмы, что демонстрирует его переписка с А. И. Тургеневым. В письме от 12 сентября 1810 г., говоря о плане «Владимира», Жуковский замечает: «Что же касается до моего *плана*, то он только что посеян в моем воображении, а созреет тогда только, когда семена будут напитаны теми материалами, которых я от тебя теперь требую» (ПЖТ. С. 58. Курсив Жуковского). Контекст последующих писем с просьбами о присылке «материалов» — свидетельство того, что план к 1810 г. еще не «созрел».

Сохранившийся в архиве план написан на бумаге с водяным знаком «1814» и не мог быть написан ранее. На л. 25, 25 об. этой же единицы хранения содержится роспись задуманных сочинений, относящихся к «долбинской осени» 1814 г., в их числе упоминается и «Владимир», причем с уточнением: «План Владимира» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 25 об.). Ср.: Там же. № 77. Л. 25.; РГАЛИ. Оп. 1. № 13. Л. 1; РГАЛИ. Оп. 3. № 8. Л. 1, а также комментарий О. Б. Лебедевой «Долбинских стихотворений» в ПСС 2. Т. 1. С. 678—680. Можно сделать предположение, что речь идет именно об этом плане. Из всех он является более ранним, тяготея к модели волшебного-богатырской поэмы. План состоит из двух частей, первая из которых зачеркнута, а вторая состоит из 10 частей, соответствующих предполагаемым 10-ти песням поэмы. Характерной его особенностью является многособытийность и многогеройность повествования, в числе действующих лиц исторические, былинные, сказочные персонажи: Владимир, Ярослав, Еруслан, Чурило, Громобой, Илья, Полкан, Невредимый, Баян, Святой Антоний, Добрада, Черномор. В историческую канву — противоборство Руси и печенегов, осада Киева — включено несколько «романических» эпизодов: «История волшебницы Добрады», «Избавление и история Радегаста и Заиды», «Брак и ночь Добрыни с Ксенией» и т. п.

План в основном служит сюжетно-композиционной разработке, в нем преобладает событийная динамика: «Добрыня послан... Алеша прежде отправился на подвиги... Добрыня едет... Он въезжает...» и т. п. Вместе с тем странствия и под-

виги богатырей происходят на фоне «картин»: «Владимир и его двор. Осада Киева Полканом Невредимым. Процессия вокруг Киева. Богатырские игры».

Писать четырехстопными, times redoubles — Показательно, что уже в самом начале своей работы над «Владимиром» Жуковский не просто дает установку на стихотворную реализацию замысла, но и четко определяет стихотворный размер: четырехстопный ямб и характер рифмы: *times redoubles* (парная, смежная рифма — фр.). Эта установка была новаторской и пролагала дорогу к пушкинской поэме, прежде всего к «Руслану и Людмиле».

Чурила, Алеша — Богатыри русских былин. Ср. «Алеша Попович и Чурила Пленкович» Н. А. Радищева (1801).

Еруслан, Илья — Богатыри, действующие лица комической оперы Жуковского «Алеша Попович, или Страшные развалины» (1805—1808). Там же: Милолика, Громобой, Тороп, Чурила Пленкович, Еруслан Лазаревич, волшебница Добрада (из сказки Чулкова). См.: *Гозентуд А. А.* Театральные интересы В. А. Жуковского и его опера «Богатырь Алеша Попович» // Театр и драматургия. Л., 1976. С. 171—187.

Полкан, Змиулан, Зилант, Кафачун — Ср.: «Громя Зилантов и Полканов...» из «Послания к Воейкову («Добро пожаловать, певец...»; 1814)». Та же сказочно-былинная образность, близкая тексту плана и говорящая в пользу его датировки 1814-м г. Имена героев восходят к «Русским сказкам» В. А. Левшина.

Рогдай — Один из богатырей русских, упоминаемый в Никоновой летописи. Встречается у М. М. Хераскова в поэме «Владимир возрожденный» (1785), в перечне Владимирowych богатырей Н. А. Львова; в повести Жуковского «Марьяна роща» (1803), в «Славенских вечерах» В. Нарезного (1809), в балладе В. К. Кюхельбекера «Рогдаевы псы». Наконец, он появляется в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Радегаст — Имя бога западных славян из мифологий Н. Львова, А. Кайсарова, Г. Глинки.

Царь девица, За мечом самосеком, Златокопытом — См. разработку сказочных мотивов в «Послании к Воейкову» (1814), восходящих к «Русским сказкам» В. А. Левшина (см., например: «Повесть о коне Златокопыте и о мече Самосеке»).

История волшебницы Добрады и Черномора — Ср.: в «Добрыне» Н. М. Карамзина. Фигура Черномора важна для сюжета пушкинской поэмы «Руслан и Людмила».

II

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 17 — черновой.

Датируется: ноябрь 1814 г.

Боян. См. далее: *1. Из Бояна. Приятность поэзии и вымысла*. — Появление в планах образа легендарного певца связано с интересом Жуковского к «Слову о полку Игореве».

Приступы... — 10 сюжетов, предназначенных для «приступов», непосредственно не связанных с сюжетом поэмы, — свидетельство введения Жуковским в текст будущего произведения «лирических отступлений», усиления лирического начала.

Из Тасса... — Ориентация на мотивы и образы поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Дубыня, Горыня, Горлаи — Богатыри-великаны русских сказок, восходящие к «Русским сказкам» Левшина.

В Ришардетте. (...) Эпизод *Леона и его жены*. — Имеется в виду проиколическая поэма «Ришардетто» (1738) итальянского поэта Николо Фортегверри (1674—1735), пародирующая сюжеты рыцарских поэм.

Синибальд в келье Клеши. — Обращение к сюжету романа немецкого писателя К.-М. Виланда «Клеши».

Амадис Гальский. — Герой рыцарской поэзии, называемый Рыцарем Льва, ставший персонажем многочисленных романов, посвященных ему. По всей вероятности, Жуковский имел в виду переложение средневекового романа об Амадисе, принадлежащее французскому писателю, графу Луи-Элизабет де Трессану (1705—1783) и входившее в его собрание рыцарских романов: «Corps d'extraits de romans de chevalerie» (1782). В пользу этого предположения свидетельствует упоминание Трессана в списках источников для «Владимира» (см. план № 6: «Романы Трессановы»).

Вражда Чернобога с Световидом — Чернобог и Световид (Свентовит) — боги западнославянской мифологии.

В описании чьей-нибудь смерти под(ажание) Гомеру VI песни... — Имеется в виду песнь VI «Илиады», изображающая смерть Патрокла.

Велледа — пророчица, мифологическая героиня.

III

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 30) — черновой.

Впервые: ПЖТ. С. 67. Публикация И. А. Бычковым фрагментов плана; в более полном виде напечатан Н. Б. Реморовой: БЖ. Ч. 2. С. 353.

Печатается впервые полностью по автографу.

Датируется: декабрь 1814 г.

План расположен в тетради между планом «Певца в Кремле» (л. 28—29) и черновыми автографами этого же стихотворения (л. 29 об., л. 31 об.). На л. 29 об. дата рукой Жуковского «22 декабря». Можно отнести его к двадцатым числам декабря 1814 г. План содержит контаминацию с волшебной поэмой Виланда «Оберон», в нем наблюдается эклектическое соединение разнородных топосов и персонажей — Киев, Константинополь, Багдад, Крым, а наряду с Обероном и Титанией действуют Добрыня, Рогдай и проч.

Константинополь, Багдад, Киев, Крым — свидетельство интереса, с одной стороны, к художественной топографии поэмы Виланда, а с другой — к географическим источникам, связанным с историей Киевской Руси и Тавриды. Как явствует из письма к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г., Жуковский собирался совершить путешествие в Киев и Крым, ибо «Это нужно для «Владимира»» (ПЖТ. С. 151).

IV

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 18).

Впервые: ПЖТ. С. 67. Публикация И. А. Бычкова (отдельные фрагменты).

Печатается впервые полностью по автографу.

Датируется: осень (сентябрь) 1815 г.

План расположен на отдельном сдвоенном листе в $1/8$ долю листа. Бумага с водяным знаком 1814 г. На л. 19 об. содержится запись визитов и адресатов писем. Визиты к Нелединскому-Мелецкому, к Кипренскому, намеченное посещение театра (пятница) дают основание предположить, что план относится к сентябрю 1815 г. по приезде в Петербург. Знакомство с Нелединским (представившим его Императрице), начало работы О. М. Кипренского над портретом Жуковского свидетельствуют в пользу этого довода. «В театр» невольно ориентирует на сакраментальную премьеру «Липецких вод» (23 сентября 1815 г).

Фрагменты, напечатанные И. А. Бычковым (ПЖТ. С. 67—68), выделены курсивом.

Владимир — Владимир I (?—1015) — младший сын Святослава, князь новгородский, великий князь киевский с 980 г., объединитель русских земель, креститель Руси, герой былин.

Еще в предарзамасский период Жуковский пытается сформулировать значение образа главного героя для поэмы, определить жанровый канон. Он использует метод культурно-исторической типологии и аналогии, что проявляется в подготовительных материалах. «Владимир есть наш Карл Великий, а богатыри его те рыцари, которые были при дворе Карла; сказки и предания приучили нас окружать Владимира каким-то баснословным блеском, который может заменить самое историческое вероятие» (ПЖТ. С. 61). В соответствии с западноевропейской моделью поэмы и рыцарского стихотворного романа Владимир видится Жуковскому преимущественно номинальным героем (подобно Карлу Великому, Артуру). «(...) к тому же главным действующим лицом будет не он, а я его сделаю точкою соединения всех посторонних действий, для сохранения единства. Поэма же будет не героическая, а то, что называют немцы *romantisches Heldengedicht*; следовательно, я позволю себе смесь всякого рода вымыслов, но наряду с баснею постараюсь ввести истину историческую, а с вымыслами постараюсь соединить и верное изображение нравов, характера времени, мнений...» (Там же).

Добрыня — Добрыня Никитич, герой былин «Добрыня и змей», «Добрыня-сват», «Добрыня в скоре с Владимиром» и др., востребованный предромантической поэмой традицией (Державин, Львов).

Война с печенегами — То, что Пушкин потом включит в «Руслан и Людмилу» для создания реального исторического колорита, не характерного для волшебнo-исторических поэм, в которых фигурировали либо условные сказочные противники, заимствованные из компиляций Попова и Левшина (здесь Чурило, Земит, Синибальд), либо былинный анахронизм (татары при Владимире).

Zauberring — Рыцарский роман автора «Ундины» Ф. де Ла Мотт Фуке («Волшебное кольцо», 1813), что, кстати, свидетельствует в пользу датировки плана в пользу 1814, а не 1810 г., как это делал И. А. Бычков (ПЖТ. С. 65). В библиотеке Жуковского сохранились сочинения Фуке, в том числе «*Der Zauberring. Ein Ritterroman. Nürnberg, 1816*» (Описание, № 1048).

Святослав — Святослав I (?—972) — князь киевский, сын князя Игоря; походы против хазар, Византии; убит печенегами. Встречается в «Певце во стане русских

воинов», в повести «Три пояса». В архиве Жуковского упоминается имя Святослава в списке замыслов 1820-х гг. (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 43).

Для Игоря — Одно из первых свидетельств серьезного интереса Жуковского к «Слову о полку Игореве».

Нис (Низ) и Эвриал — В планах «Владимира» 1814 г. (I—II) вычленяется эпизод-подражание сюжету о двух друзьях — Нисе и Эвриале («Энеида», IX песнь), погибших в битве с рутулами и ставших символом жертвенной дружбы.

Чурило, Земит, Синибальд — Чурило Пленкович, быллинный богатырь, «заезжий щеголь», своеобразный быллинный Дон Жуан.

В комнате Клелли — См. примечание к плану № 2.

Эпизод Леона и его жены — См. примечание к плану № 2.

Болеслав — Болеслав Храбрый (967—1025), польский князь из династии Пястов, объединивший польские земли.

Предслава — Предслава, дочь Владимира. Ср. «Предслава и Добрыня» (1810) Батюшкова. Здесь не исключается чисто колористическое использование имени.

План представляет собой характерную контаминацию исторического и вымышленного, эстетически декларирующую в предромантический период концепцию «романтической эпопеи» (см.: *Соколов*. С. 253—462). Жуковский был эпицентром арзамасских дискуссий о жанре «русской поэмы» как форме национального самосознания и основным кандидатом на роль ее творца (см.: *Ветшева Н. Ж.* Концепция национально-исторической эпопеи в планах поэмы В. А. Жуковского «Владимир» // *От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой*. Томск, 1992. С. 67—76). Наиболее полно авторефлексия по поводу замысла поэмы «Владимир», занимавшего Жуковского на протяжении почти двух десятилетий, отразилась в переписке с Александром Ивановичем Тургеневым (см., например, ПЖТ. С. 57—68 и след.).

В этом плане намечена характерная для всех последующих подготовительных материалов опора на универсальную традицию западноевропейской поэмы (античная эпопея, средневековый стихотворный эпос, волшебная поэма, рыцарский роман и др.), дополняющую «русский исторический текст», о чем свидетельствуют многочисленные перечисления источников в рукописях поэта. Например, «ропись» 1814 г. (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 9 об.; записи в столбец): «Jerusalem delivréé / Roland / Amadis / Русские сказки / Славянские сказки / Песнь полку Игореву / История России / Славянская мифология / Чтение миней / Idris / Oberon / Clelia / Iliade / Русские песни / Eneide / Ovidius (...) Эдда / Кайсарова мифология». На л. 10: «История Карамзина. Болтина. Щербатова. / Эдда / Мифология Кайсарова / Попова досуги / Абевега / Известия о народах / Бергман / Nordische Geschichte / Gibbon / Вивлиофика / Нестор Шлецеров / Полибий / Eichorn / География Российская / Разговоры о Новгороде».

Прокомментируем некоторые источники:

Amadis — «Амадис Галльский» рыцарский роман начала XIV в., вызвавший многочисленные подражания.

Русские сказки — Сборник Кирши Данилова.

Idris (...) *Clelia* — Романы К.-М. Виланда.

Oberon — «Оберон» («Oberon. Ein romantisches Heldengedicht», 1780) К.-М. Виланда. О творческих взаимоотношениях Жуковского и Виланда и фрагменте пере-

вода из «Оберона» в 1811 г. см.: Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. С. 55—68.

История Болтина — Болтин Иван Никитич (1735—1792). Критические примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1. СПб., 1770.

История Щербатова — Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790). История российская от древнейших времен / Сочинена кн. Михайлом Щербатовым. Т. 1. СПб., 1770.

Кайсарова мифология — Кайсаров Андрей Сергеевич (1782—1813). Мифология славянская и российская. СПб., 1807. См. также: Versuch einer slavischen Mythologie. Göttingen, 1804.

Попова досуги — Речь идет о сочинении Михаила Ивановича Попова (1742—ок. 1790) «Досуги...» Ч. 1. М., 1772.

Абевега — Имеется в виду сочинение Михаила Дмитриевича Чулкова (1743—1792) «Абевега русских суеверий, идолоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства. Шаманства и проч. / Сочиненная М. Ч. — М., 1786».

Бергман — В библиотеке Жуковского имеется сочинение исторического писателя, уроженца Лифляндии, пастора Вениамина Густава Бергмана (1772—1856) «Benjamin Bergmann's Nomadische Streiferien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Th. 1—4. Riga, 1804» с многочисленными пометами и записями владельца в первой части (Описание. № 644).

Nordische Geschichte — Имеется в виду сочинение известного историка Августа Людвиг Шлецера (1735—1809) «Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771». Ср. примечание в письме к А. И. Тургеневу от августа 1810 г.: «NB. Schlözers Nordische Geschichte у меня есть» (ПЖТ. С. 57). В библиотеке поэта имеется это издание произведения Шлецера с многочисленными его маргиналиями (Описание. № 2058). О чтении Жуковским сочинений Шлецера см.: Капунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. 400—427.

Gibbon — Английский историк Эдуард Гиббон (1737—1794). Имеется в виду его сочинение «The history of the decline and fall of the Roman Empire. By Edward Gibbon. Vol. 1—12. London, 1815» (Описание. № 1110).

Вивлиофика — Имеется в виду «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений...», издаваемая Н. И. Новиковым в 1773—1775 гг.

Нестор Шлецеров — Имеется в виду следующее издание: «Нестор: Russische Annalen in ihrer Slavischen Grundsprache... Th. 1—5. Göttingen, 1802—1809», автором которого был А. Л. Шлецер.

Полибий — Римский историк (между 212—215 — между 130—123 до н. э.), автор знаменитой «Истории»

Eichorn — По всей вероятности речь идет о следующем сочинении немецкого историка Иоганна Готфрида Эйхгорна (1752—1827), сохранившемся в библиотеке поэта: «Allgemeine Geschichte der Cultur und Literatur des neuern Europa. Bde 1—2. Göttingen, 1796—1799» (Описание. № 972).

Разговоры о Новгороде — Митрополит Евгений (Болховитинов Евфимий Алексеевич; 1767—1837). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. В библиотеке Жуковского имеется экземпляр этого сочинения (Описание. № 126).

V

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 20).

Впервые:

Датируется: осень (сентябрь) 1817 г.

Основание для датировки то же, что и предыдущего плана: двойной листок в $\frac{1}{8}$ д. л., той же бумаги 1814 г., развивающий один из сюжетных мотивов — история двух друзей (подражание «Энеиде» Вергилия).

Рогнеда. — Рогнеда (Горислава) Рогволодовна (?—1000), жена в. кн. Владимира.

VI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 13).

Датируется: 1817 г.

Основанием для датировки служат прежде всего сходные списки источников, характерные для работы над «Словом о полку Игореве» 1817 г. (№ 77, № 78, № 79). Особенно л. 23, 24 (№ 77), точно датированные Р. В. Иезуитовой январем 1817 г. (Иезуитова. С. 126—128).

VII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 16).

Датируется: 29 июля 1819 г.

29 июля 1819 г. Жуковский предваряет один из фрагментов павловского послания («Государыне Императрице Марии Федоровне») небольшим наброском. Здесь образ Владимира носит вполне декоративный характер и вытесняется иным сюжетом: княжества Герсики и судьбы двух влюбленных (см.: ПСС 2. Т. 2. С. 156—173; 564—568). Жуковский по существу этим планом завершает работу над нереализованным замыслом поэмы «Владимир»

Лодомиф и Милороза. — Условные имена героев, история любви которых соотносится с сюжетом поэмы о Родрике и Изоре (см. ниже планы к неосуществленной поэме «Родрик и Изора»).

Н. Ветшева

Дева озера
Walter Scott
Lady of the laque*
(С. 370)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 12) — черновой, с заглавием: «Walter Scott. Lady of the laque», подчеркиваниями в тексте.

* *Lady of the laque*. — Вероятно, описка Жуковского, так как во всех других случаях слово написано по-английски: «lake».

Впервые: БЖ. Ч. 3. С. 303—305. Публикация Э. Жиляковой.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: приблизительно 1815 г. на основании записи, предшествующей конспекту: «Материалы 1815. Поэты и замечания на них» (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 12).

Конспект «Lady of the lake» восходит к поэме Вальтера Скотта «Дева озера» («The lady of the lake», 1810). Впервые на существование этого конспекта указал Д. П. Якубович в связи с исследованием традиции поэзии В. Скотта в русской литературе (см.: Якубович Д. П. Лермонтов и В. Скотт // Известия АН СССР. 1935. № 3. Серия 7. Отделение общественных наук. С. 243—272). Конспект поэмы «Дева озера» создан Жуковским в соответствии с планом сбора материалов для исторической поэмы «Владимир». Именно конспектом этой поэмы открывается рубрика, озаглавленная: «Материалы 1815. Поэты и замечания на них» (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 12). Следом за конспектом «Девы озера» должен был следовать план-конспект поэмы В. Скотта «Песнь последнего менестреля»: в верхней части л. 12 об. Жуковский пишет заглавие: «The lay of the last Minstrel», оставляя весь лист чистым для предполагаемого, но не написанного конспекта.

Созданный Жуковским план поэмы «Дева озера» представляет собой практическое освоение обширных списков литературы как для написания поэмы «Владимир», так и для переложения «Слова о полку Игореве» (см. указание: «Для Игоря»). В программе подготовительной работы к реализации этих замыслов имя Вальтера Скотта, его баллад и поэм занимает важное место. В многочисленных записях «Для Владимира» именем В. Скотта открывается список «Поэтов», среди которых далее следуют Байрон, Тассо, Ариост, Мур. В списках произведений для чтения и выписок упоминается «Ballade de Scott» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 23). Под рубрикой: «Планы. Замечания, выписки из поэтов (...); выписки исторические, словесные (...), мысли при чтении...» находятся наброски, в которых угадываются имена героев и сюжетные ситуации поэм В. Скотта:

М(армион)
Его таинственная любовь
Старик
Ужин в замке
Сражение
Свадьба
М(армион) едет в замок
Ужин в замке
(1 нрзб.)
Старик
 (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 23).

На обороте л. 23 рубрика «Историческое чтение» открывается записью: «Lady of the lake». Многократное упоминание имени В. Скотта и его произведений в конспектах, а также в письмах 1813—1814 гг. к С. С. Уварову, А. И. Тургеневу в связи с получением английских книг свидетельствует об огромном интересе Жуковского к творчеству В. Скотта как поэта, обратившегося непосредственно к истории и народному творчеству и давшего образцы лироэпических произведений, сочетав-

ших в своей романтической структуре традиции Оссиана и шотландской народной поэзии.

Конспект «Lady of the laque» написан черными чернилами на одном листе большого формата в тетради из голубой плотной бумаги. В плане сделаны подчеркивания, которые в публикации выделены курсивом. Конспект Жуковского представляет точное изложение поэмы В. Скотта, полностью соответствующее строфам и нумерации оригинала. В процессе конспектирования первой песни Жуковский не проставлял номера строф, однако после этой части плана под рубрикой «NB», замененной словами: «Лучшие места» и «Погрешности», поэт отметил все номера выделенных строф. В дальнейшем изложении конспекта Жуковский точно обозначает римскими цифрами номера строф.

Замечания Жуковского о достоинствах и погрешностях поэмы, а также подчеркивания в тексте плана отдельных строф позволяют составить представление о характере его интереса к поэтическому творчеству В. Скотта в середине 1810-х гг. Достоинства поэмы Жуковский видит в поэтическом изображении природы («описание озера при заходящем солнце», «изображение утра», «прекрасной тихой ночи», «тишины»), в художественном воплощении образа певца — менестреля: он подчеркивает обращения к лире, «унылые звуки арфы»; выделяет во вставных песнях и балладах сведения об обычаях и нравах шотландского народа.

При очевидном интересе Жуковского к эпической и лирической сторонам поэмы в конспекте 1815 г. чувствуется позиция «балладника». Это проявилось во внимании поэта к эпизоду с кольцом и остро драматической развязке поэмы. Еще более о балладном интересе Жуковского свидетельствует замечание о недостатках поэмы. «Погрешности» он усматривает не только в неуместности «эстетического рассуждения Фиц-Жеймса о садах», но и в эпической неторопливости художественной манеры В. Скотта, в детализации при описании оленя и охоты на него: «Описание ловли слишком длинно. В описании пути слишком много подробностей».

Знакомство с поэмой и конспектирование ее нашло отражение в творчестве Жуковского, в частности в создании «Эоловой арфы» (см.: БЖ. Ч. 3. С. 305—317).

В библиотеке поэта сохранился экземпляр поэмы «Дева озера» в немецком переводе: «Das Fräulein vom See. Ein Gedicht in 6 Gesängen von Walter Scott. Aus dem Englischen und mit einer historischen Einleitung und Anmerkungen vom Adam Storck. Essen, 1819» (Описание. № 2102) с пометами Жуковского в первой песне. В полном соответствии с оригиналом сделана нумерация всех строф (отсутствующая в немецком издании) и на полях вертикальной чертой вдоль текста отчеркнуты I—III, VII—X, XIII—XIV, XVI—XXVIII строфы. Выделенный Жуковским текст включает в себя обращение к арфе (I) и описание охоты на оленя (II, III, VII—X), а также картины, связанные с изображением встречи охотника и девы — их портреты, поведение, разговоры (XIII—XIV, XVI—XXVIII). Датировать время сделанных поэтом помет в этой книге проблематично. Возможно, они отражают очередную попытку Жуковского перевести поэму, но на этот раз с четко выраженным интересом к эпической структуре повествования В. Скотта.

Документальное свидетельство нового обращения Жуковского к «Деве озера» относится к 1832 г. В тетради с зеленым сафьянным переплетом, на первом листе которой рукою поэта выставлен год: «1832», оборот обложки заполнен списком имен авторов и заглавий произведений, предназначенных к переводу, среди которых находятся «Дева озера» и «Мармион» (РНБ. Оп. 1. № 37, обложка об.).

Из этого списка переведена была вторая песня «Мармиона» («Суд в подземелье»). Следы чтения «Девы озера» явно присутствуют в развернутом поэтическом пейзаже, которым открывается повесть «Суд в подземелье» (см: БЖ. Ч. 3. С. 350—351). Перевод «Девы озера» в 1832 г. не состоялся, но неизменный интерес к поэме на протяжении долгого времени свидетельствует о значимости поэтической традиции В. Скотта при решении Жуковским проблем художественного воссоздания эпической картины мира и судьбы человека, в ее деталях, живописности и исторической полноте.

Э. Жилькова

Родрик и Изора (С. 373)

I

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 26. Л. 22 об.) — черновой, наброски плана, без заглавия.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 44.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь-декабрь 1814 г.

II

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 26. Л. 22 об.) — черновой, наброски плана, без заглавия.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 45.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь-декабрь 1814 г.

III

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 33) — черновой, план.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 46.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь — 1814 г.

IV

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 33 об.) — план-конспект.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 47—48.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь-декабрь 1814 г.

V

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 33 об.) — план-конспект.

Впервые: Ветшева, Костин. С. 48—49.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: ноябрь-декабрь 1814 г.

VI

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 34) — план-конспект.
Впервые: Ветшева, Костин. С. 48—50.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: ноябрь-декабрь 1814 г.

VII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 16) — план.
Впервые: Ветшева, Костин. С. 55—56.
Публикуется по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 29 июля 1819 г.

VIII

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 21) — план.
Впервые: Ветшева, Костин. С. 56.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 1819 г.

Замысел поэмы «Родрик и Изора», типологически близкий балладам «Эолова арфа», «Вадим», относится к 1814—1819 годам. В 1814 г. Жуковский создает три плана и три пространных конспекта поэмы, в 1819 г. — два плана и стихотворную разработку в рамках послания «Государыне Императрице Марии Федоровне». Сюжет вызвал лишь частные замечания исследователей (Бумаги Жуковского. С. 156; Веселовский. С. 498—500), материалы опубликованы: *Ветшева Н. Ж., Костин В. М.* Неосуществленный замысел В. А. Жуковского «Родрик и Изора» // ПМиЖ. Вып. 9. С. 42—63; ПСС 2. Т. 2. С. 156—173. В настоящем издании печатается уточненный вариант текста.

Два первых плана (I—II) находятся в папке, озаглавленной Жуковским: «Сочинения» (РНБ. Оп. 1. № 26), среди преимущественно черновых редакций произведений 1813—1852 гг. На л. 20—21 об. находятся черновики «Певца в Кремле», относящиеся к декабрю 1814 г. (См. комм.: ПСС 2. Т. 2. С. 458—459). Сразу за планами на л. 23 идет текст 1816 г., написанный на другой бумаге («На первое отречение от престола Бонапарте»).

Третий план и три конспекта (III—VI) находятся в отдельной тетради (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 33—34), располагаясь без перерыва один за другим. Возле плана III справа рисунок Жуковского: одномачтовое судно, напоминающее ладью, и морская скала (иллюстрация к сюжету поэмы). Здесь же список предполагаемых источников замысла. Датировка производится на основании расположения планов в рукописи: на л. 29 дата рукою Жуковского: «22 декабря», на л. 35 об. содержится первоначальный вариант баллады «Узник», относящийся к октябрю 1814 г., на л. 36 об. дата рукою Жуковского: «10 ноября». В этой же папке (л. 27 об. — 28) находятся

планы «Искупления» («Вадима») и «Эоловой арфы», относящиеся к ноябрю 1814 г. (9—13 ноября) и типологически близкие замыслу «Родрика и Изоры». Таким образом, планы и конспекты можно отнести к долбинской осени (предположительно к ноябрю-декабрю 1814 г.). Точнее датировать не представляется возможным, поскольку тексты в рукописи располагаются не строго в хронологическом порядке. В то же время на л. 29 об. дата рукою Жуковского: «22 декабря».

В отличие от обобщенного «местного колорита» «Эоловой арфы» Жуковский в планах и конспектах намечает определенную культурно-историческую локализацию происходящих событий. Действие происходит у берегов Балтийского моря, в Лифляндии, упоминается Ревель и цистерцианский монастырь; Гатред является одним из рыцарей епископа Альберта. Появление Альберта Великого позволяет с известной точностью определить время действия. Епископ умер в 1229 г., а «отделяться» рыцари могли начать с 1207 г. (См. об этом: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938. С. 95—96), таким образом, события поэмы происходили предположительно между 1207 и 1229 гг.

Фигура епископа, завоевателя Прибалтики, создававшего угрозу независимости русских и литовских князей, получила известность после публикации третьего тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и актуализировалась в новом эстетическом качестве в замысле поэмы 1819 г. См. об этом далее.

Цистерцианский монастырь (план VI) действительно находился в Ревеле, но не мужской, а «предназначенный для благородных девиц» (Путеводитель по Ревелю и его окрестностям. СПб., 1839. С. 60), мужской цистерцианский монастырь находился в Динамюнде (Генрих Латвийский. Указ. соч. С. 76). В архиве Жуковского (РНБ. Оп. 1. № 87. Л. 5—15, 17, 23, 24, 31—35; датируется И. А. Бычковым по характеру почерка 1817—1819 гг. — см.: Бумаги Жуковского. С. 164) содержится конспект книги Августа Вильгельма Гупеля (1737—1819) «Ehstnische Sprachlehre für beide Haupt dialekte den revalschen und den dörrtschen: Nebst einem vollständigen Wörterbuch... Riga, 1780», содержащей сведения о географии и истории Эстляндии и Лифляндии и, по всей вероятности, послужившей одним из источников сюжета в исторической его части. В это же время Жуковский интересуется историей и мифологией северных народов.

«Ливонская» тема, прозвучавшая в переводе бюргеровой «Леноры», станет актуальной в практике русских романтиков 1820-х годов, а в раннем творчестве А. А. Бестужева-Марлинского будет играть исключительную роль. М. А. Бестужев, рассказывая о своих юношеских литературных занятиях, не без иронии упоминает «ливонскую» тему как «общее место»: «Когда появление поэм Байрона вскружило всем головы, я много написал пьес в подражание ему: тут были и замки, и ливонские рыцари, и девы, и новгородцы» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 207).

Первые три плана прорисовывают сюжет: традиционный романтический треугольник, с демоническим героем и юными влюбленными, борьбой чувства и долга. Жуковский вводит легендарно-ретроспективное обрамление («Теперь (...) там в старину» — план II), намечает источник конфликта: противостояние гармонии любящих душ и эгоистических страстей (подозрительность, ревность, отчаяние и т. п.). На уровне сюжета существуют определенные переключки с «Эоловой арфой» (но не отец, а брат является антагонистом героев), с «Двенадцатью спящими девами» («Часто по берегам девы. Часто в замке девы» — план II).

Можно отметить влияние «готического» сюжета: «Ужасный гнев Божий постигнул»; подземелье, буря, отверженность героя, преступление, Изора, сошедшая с ума, и т. п. Об этом подробнее см.: Вацуфо В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 274—300.

План IV и два конспекта свидетельствуют о том, что это замысел большого стихотворного произведения. Начиная набрасывать первый план, Жуковский дает схему ритмического рисунка (зачеркнуто); т. е. замысел был именно стихотворный:

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

В плане IV он дает указание на жанр, для него это не баллада, а поэма: «Поэма начинается тем, что Адольф и Изора сидят на берегу озера».

В планах и конспектах типично балладная ситуация: вторжение фатальной силы в жизнь влюбленных, но «сила судьбы» здесь активно действует в рамках произведения, в планах нет указаний на идею высокого духовного воссоединения там (ср.: «Эолова арфа»), акцент делается на земном аспекте бытия.

Намеченная в первых трех планах типология героев значительно конкретизируется и, что важно, подвергается глубокой психологической разработке в конспектах. Нужно отметить, что до последнего плана существует вариативность имен (Родрик / Родриг, Свенд, Танкмир, Родерик, Адольф, Рудольф, Волкуин; Изора — Русла; Гатред — Гаддер, Гаддир, Гатдир).

Главные герои-любовники обозначены эскизно. О Родрике говорится лишь, что он был прекрасен, храбр и любим. Облик идеальной героини («Изора — глубокая, меланхолическая чувствительность»), пассивной жертвы обстоятельств, намечен схематично. Главное внимание уделяется новому демоническому герою, чуждому авторскому миропониманию, что нарушает лирическую камерность текста и создает почву для более объективного повествования. Характер Гатреда мотивирован культурно-генеалогически («питомец Юга»), характеристики построены на контрастах («ревнивец мстительный, но великий»). Многочисленные эпитеты, сопровождающие его поведение и состояние: «свирепый и ревнивый», «подозрительный», «ужасный», «молчаливость, самовластие, непоколебимость, храбрость», «душа в нем великая, но она ужасна и непреклонна», определяют интерес Жуковского именно к этому герою.

В конспектах большую роль играет диалог персонажей, не случайно эпизод назван «первой сценой»: автохарактеристики сочетаются с прогнозированием поведения персонажей (план VI), психологизм проявляется в фиксации деталей поведения и их анализе. Предчувствие, подтекст, воспоминания — все это придает повествованию дополнительные оттенки. Можно говорить о нарастании событийности в планах. Первый, второй и третий планы рассказывают о морском набеге, встрече влюбленных на берегу озера и затем в подземелье, о подслушанном разговоре и неравной схватке при свете факелов и т. д. Причем Жуковский намечает эволюцию, психологическое движение самого носителя зла Гатреда: «отчаяние

Гатреда — он едет. Буря». Герой не в силах пережить свое преступление; зло, им содеянное, оборачивается против него самого.

Объективирующая тенденция коснулась и самого сюжета поэмы. В первом и втором планах Жуковский предполагает обрамить повествование вступлением и заключением в оссианическом духе: автор меланхолически обозревает развалины и «вызывает тени прошлого». Начало первого плана: «Вступление. — Камни. Этот замок теперь». Концовка его: «С тех пор замок исчез. Одно подземелье. В нем слышится голос. Огонек». И сбоку вписан еще один вариант начала: «Здесь замок при озере. Роща и храм».

Второй план не закончен, но начало аналогично: «Теперь, где пышный царский дом над озером. Где часто раздаются голоса, где мы приходим... удивляться (нрзб), там в старину было иное». В третьем плане, наоборот, акцентирована характерная концовка: «Замок его разруш(ил)ся. Одно подземелье. Свечка. Голос». Однако уже в четвертом плане Жуковский отказывается от такого «элегического» обрамления: «Поэма начинается тем, что Адольф и Изора сидят на берегу озера», затем так начинаются оба плана-конспекта. Таким образом, даже история набега оказывается вне непосредственного хода фабулы, включается в рассказ Родрика. Это придало бы повествованию новую эмоциональную окрашенность.

В «Родрике и Изоре» намечалось движение к укрупнению жанра, созданию поэмы на балладной основе за счет детальной психологизации, объективизации повествования и событийной насыщенности.

Замысел «Родрика и Изоры» не оставлял Жуковского до 1819 г., так как следы его обнаруживаются в послании «Государыне Императрице Марии Федоровне». Послание осталось незавершенным, разрослось в лирические отступления и носит отчетливо выраженный экспериментальный характер. Датируется работа по авторским пометам в рукописи, иногда с точностью до одного дня. Подробнее см.: ПСС 2. Т. 2. С. 567—568.)

Жуковский набрасывает общую схему-план, повторяющую намеченное пять лет назад, но вводит дополнительную тему Герсики, маленького русского княжества, сведения о котором он почерпнул (на что укажет прямо) из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (Т. III. Гл. III). Ср.: «Государыне Императрице Марии Федоровне» (ст. 500—504): «*Вот все, что верный Клии сын, // Наш вдохновенный Карамзин // О разорении Герсики // И о судьбе ее владыки // Нашел в преданьях для меня!..*» Судьбы вымышленных героев каким-то образом оказываются связанными с реально существовавшими князьями Всеволодом и Радославом. В планах VII—VIII он объединяет сюжетную тему Герсики с мотивом противопоставления истории и вымысла.

Работа над поэтическим текстом начинается 3 августа и продолжается до 13 сентября (ПСС 2. Т. 2. С. 168—171). В тексте реализуются два первых пункта плана: «Посвящение Герсике. Образ монаха и рассказ». Таким образом, в рамках послания создается «поэма», о чем сам Жуковский замечает: «⟨...⟩ отчет // Из описания в поэму превратился...» (Там же. С. 161); возникает «чудесная» и одновременно «правдивая повесть» (Там же. С. 171).

Реализация первых двух пунктов плана заняла 150 стихов, и можно только предполагать значительный объем неосуществленного замысла. По сравнению с предыдущим этапом работы сюжет обогащается новыми героями и событиями. Не только частные психологические реакции, но исторические события, стоящие над

людьми, начинают играть значительную роль (пограничные интересы Литвы, Ордена меченосцев, русских князей в бурное время начала XIII века воплощаются в образах Альберта Великого, Гатреда и Родрика и русских князей Всеволода и Радослава. При всем внимании Жуковского к историческому материалу он использует его достаточно произвольно в интересах повествования. У Жуковского Всеволод — гроза окрестных народов, славный и мощный князь, в действительности он вынужден был лавировать между интересами Литвы и Ордена меченосцев, за что в конце концов жестоко поплатился. Очевидно, характеристика «героя славянской породы» нужна была для создания должного контраста Альберту Великому в системе образов поэмы. В замысле 1819 г. повышается роль эпического начала, что связано с насыщением сюжета историческим материалом. В то же время стихотворная разработка поэмого сюжета оказывается атрибутом жанра послания.

Н. Ветшева

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 198 (В. А. Жуковский).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), ф. 104 (В. А. Жуковский).

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), ф. 286 (В. А. Жуковский).

Печатные источники

АБТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911—1921. Вып. I—VI.

Арзамас — Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Арзамас-2 — «Арзамас»: Сборник в 2 книгах. М.: Худ. лит., 1994.

Афанасьев — *Афанасьев В. Жуковский*. М.: Мол. гвардия, 1986. Сер. «Жизнь замечательных людей».

Барсуков — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.

Батюшков — *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.

БЗ — Библиографические записки.

БиП — Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского: В 2 ч. СПб., 1831.

БП — Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского. СПб., 1831.

Бумаги Жуковского — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

ВЕ — Вестник Европы.

Веселовский — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

Ветшева — *Ветшева Н. Ж.* В творческой лаборатории В. А. Жуковского: Замысел поэмы «Весна» // В. А. Жуковский и русская культура его времени. СПб., 2005. С. 18—31.

Ветшева, Костин — *Ветшева Н. Ж., Костин В. М.* Неосуществленный замысел В. А. Жуковского «Родрик и Изора» // ПМИЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 42—63.

ВЛ — Вопросы литературы.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.

Галюн — *Галюн И. П.* К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев, 1916.

Гиллельсон — *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34—75.

Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 1—14. М.; Л., 1937—1952.

Гофман — *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hoffmann Modeste. Le Musée Pouchkine d' Alexandre Onéguine a Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits.* Paris, 1926).

Дневники — Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Загарин — *Загарин П.* (Поливанов Л. И.). В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зарубежная поэзия — Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: В 2 т. / Сост. А. А. Гугнин. М.: Радуга, 1985.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

ИВ — Исторический вестник.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

ИПБ — Императорская Публичная библиотека (Санкт-Петербург; 1795—1917).

Канунова — *Канунова Ф. З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.

Кульман — *Кульман Н. К.* Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских // Известия 2-го Отделения Императорской АН. Т. 5. Кн. 4. СПб., 1900. С. 1076—1145.

Лебедева — *Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992.

Левин — *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1970. С. 195—297.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—1989. Т. 1—97.

ЛЭ — Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.

Матяш — *Матяш С. А.* Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского: К вопросу о жанровой системе поэта // Русская литература. 1974. № 2. С. 150—154.

МВ — Московский вестник.

МТ — Московский телеграф.

НЛО — Новое литературное обозрение.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. I—IV / Под ред. и с примеч. В. И. Сaitова; 1909—1913. Т. V. Вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

ОЗ — Отечественные записки.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

- Переписка** — Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1—3. СПб., 1885.
- Петухов** — *Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 45—101.
- ПЖТ** — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
- ПЗ** — Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. СПб., 1823—1825.
- Письма Андрея Тургенева** — *Вацуфо В. Э., Виролоайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.
- Письма-дневники** — Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов (числом пять), приготовленные к печати П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907. С. 145—213.
- ПМиЖ** — Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979—1997. Вып. 6—19.
- Пономарев** — Странствующий жид. Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта. Изд. С. И. Пономарева. СПб., 1885 (Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 38. № 2).
- ПСС** — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биографическим очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.
- ПСС 2** — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки слав. культуры, 1999—2004. Т. 1—2 (Стихотворения); Т. 13—14 (Дневники).
- Пушкин** — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1—16. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949.
- РА** — Русский архив.
- РБ** — Русский библиофил.
- РВ** — Русский вестник.
- Резанов** — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб. / Пг., 1906—1916. Вып. 1—2.
- Реморова** — *Реморова Н. Б.* Жуковский и немецкие просветители. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.
- РЛ** — Русская литература.
- РС** — Русская старина.
- Русские писатели** — Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. А—Г (М., 1989); Т. 2. Г—К (М., 1992); Т. 3. К—М (М., 1994); Т. 4. М—П (М., 1999).
- С 1** — Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [Изд. 1-е]. СПб., 1815—1816.
- С 2** — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 ч. 2-е изд. СПб., 1818. Ч 4: Опыты в прозе. М., 1818.
- С 3** — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.
- С 4** — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.
- С 5** — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I—IX. СПб., 1849; Т. X—XIII. СПб., 1857.

С 6 — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд., СПб., 1869. Ч. 1—6.

С 7 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.

С 8 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.

С 9 — Стихотворения В. А. Жуковского / Под ред. П. А. Ефремова. 9-е изд., испр. и доп. Т. 4. СПб., 1894.

С 10 — Сочинения в стихах и прозе В. А. Жуковского: В 1 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 10-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.

Семенко — Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худ. лит., 1975.

Семинарий — Янушкевич А. С. В. А. Жуковский: Семинарий. М.: Просвещение, 1988.

СиН — Старина и новизна.

Смирнова-Россет — Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989 (Сер. «Лит. памятники»).

СО — Сын Отечества.

Совр. — Современник.

Соколов — Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой трети XIX века. М., 1955

Соловьев — Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 1—2.

СС 1 — Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. / Вст. статья И. М. Семенко. М.; Л., ГИХЛ, 1959—1960.

СС 2 — Жуковский В. А. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вст. статья и коммент. И. М. Семенко. М., 1980.

Стихотворения — Жуковский В. А. Стихотворения: В 2 т. / Вст. статья, ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л.: Сов. писатель, 1939—1940 (Библиотека поэта. Большая серия).

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Ц. р. — Цензурное разрешение.

Эстетика и критика — Жуковский В. А. Эстетика и критика / Вст. статья Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича / Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985.

Янушкевич — Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.

Eichstädt — Eichstädt H. Žukovskij als Uebersetzer. München, 1970 (Forum slavicum. Bd. 29).

FWДН — Für wenige. Для немногих. М., 1818. № 1—6. Январь—июнь.

Gerhardt — Gerhardt Dietrich. Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 245—313.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ И СКАЗКИ

Аббадона	9
Красный карбункул. <i>Сказка</i>	14
Пери и Ангел. <i>Повесть</i>	19
Шильонский узник. <i>Повесть</i>	36
Перчатка. <i>Повесть</i>	48
Неожиданное свидание. <i>Быль</i>	50
Две были и еще одна	52
Сражение с змеем. <i>Повесть</i>	61
Суд Божий. <i>Повесть</i>	65
Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери	68
Война мышей и лягушек. <i>Сказка (Отрывок)</i>	79
Спящая царевна. <i>Сказка</i>	87
Суд в подземелье. <i>Повесть (Отрывок)</i>	97
Ундина. <i>Старинная повесть</i>	113
Маттео Фальконе. <i>Корсиканская повесть</i>	179
Капитан Бопп. <i>Повесть</i>	185
Две повести. Подарок на Новый год издателю «Москвитянина»	193
Выбор креста. <i>Повесть</i>	205
Тюльпанное дерево. <i>Сказка</i>	206
Кот в сапогах. <i>Сказка</i>	216
Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке	222
Повесть об Иосифе Прекрасном	254
Египетская тма (Опыт подражания Библейской поэзии)	264
Странствующий жид	266

Из черновых рукописей и незавершенных текстов

Бальзора	310
Весна	310
Сокол. <i>Сказка</i>	311
Оберон	312
Родриг	315
Элена и Гунтрам	316
Белокурый Экберт	318
〈Военный суд на Мальте〉	319
〈Фридрих и Гела〉	320
«Карл Великий дал однажды...»	321

Чаша слёз	323
Альфы	324
Проданное имя	325
«Часто в прогулках моих одиноких мне попадался...»	329
⟨Первое переложение Апокалипсиса⟩	330
⟨Второе переложение Апокалипсиса⟩	351

Конспекты и планы

Весна	355
Владимир	365
Дева озера	370
Родрик и Изора	373

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Повести и сказки Жуковского	383
Примечания к текстам произведений	391
Условные сокращения	630

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В двадцати томах

Том 4
Стихотворные повести и сказки

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректоры З. Полосухина, А. Полякова
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 05.10.2011 Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитуры: Елизаветинская, Баскервилл.
Усл. п. л. 51,6. Тираж 400. Заказ № 5161.

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Тел.: 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnoxis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

